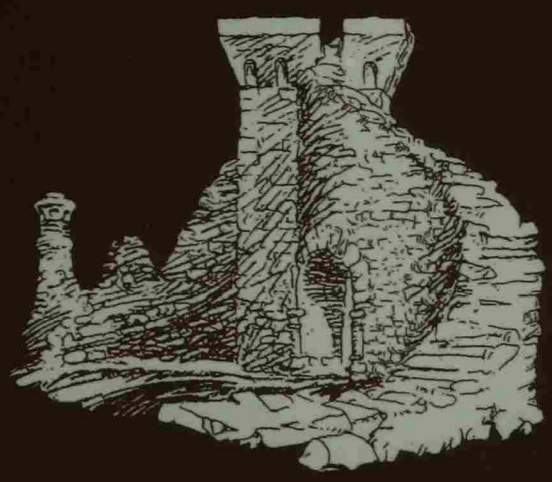
АРХЕОЛОГИЯ

ПАРКА

ЦАРИЦЫНО

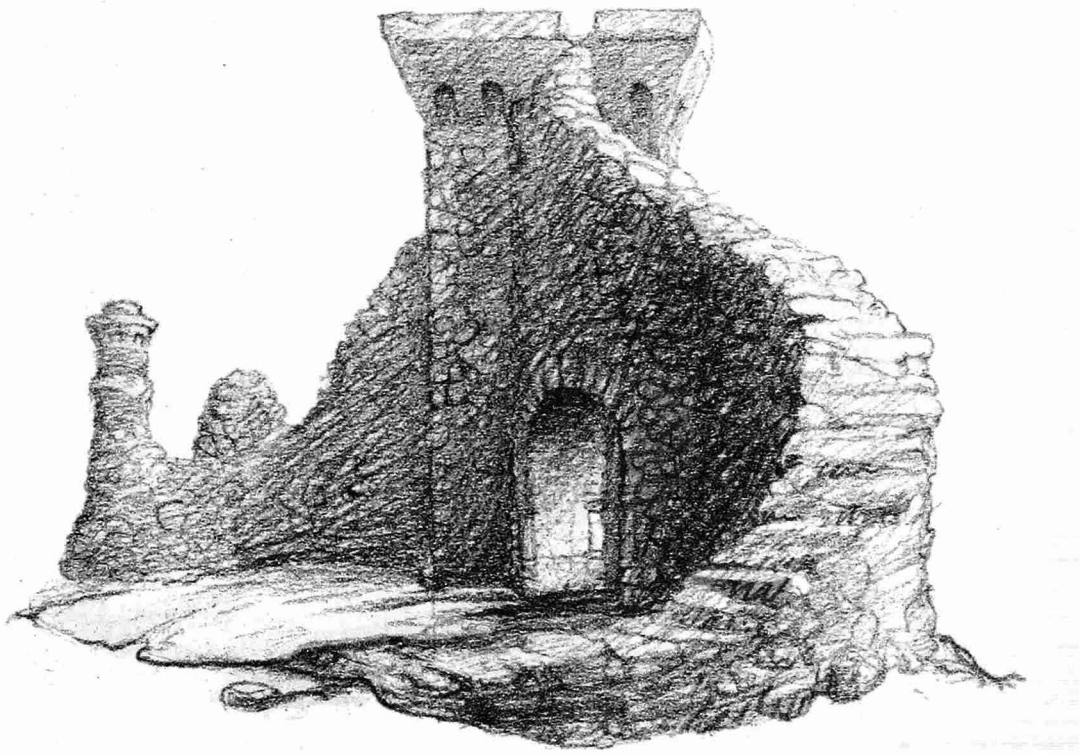
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ,
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК«ЦАРИЦЫНО»

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

THE STATE HISTORICAL, ARCHITECTURAL, ART AND LANDSCAPE
MUSEUM-RESERVE TSARITSYNO

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

PARK TSARITSYNO: ARCHAEOLOGY

Based on the results of excavations conducted by the expedition
of Institute of archaeology
in 2002—2008

Collector
N.A. KRENKE

MOSCOW 2008

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Археология парка «Царицыно»

По материалам исследований экспедиции
Института археологии РАН
2002–2008 гг.

Автор-составитель
Н. А. Кренке

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

Москва 2008

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/903
ББК 63.4
А87

Исследование осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН
«Русская культура в мировой истории»

Ответственный редактор
д.и.н. Л. А. Беляев
Рецензенты:
член-корр. РАН Н. А. Макаров
к.и.н. А. В. Энговатова

Рисунок и оформление обложки архитектора Л. Б. Ланцмана.
На форзаце — фрагмент карты 1775 г. «План села Черной Грязи с принадлежащими к оному деревнями и землями». РГВИА. Фонд 846. Оп. 16. Д. 19682.

Археология парка Царицыно: По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. / Автор-составитель Н. А. Кренке. — М. : ИА РАН, 2008. — 364 с.: ил. —
ISBN 978-5-94375-073-1 (в пер.).

В коллективной монографии представлены археологические источники по истории культур, развивавшихся на территории Московской земли в широком хронологическом диапазоне от эпохи бронзы до XVIII–XIX вв. в их генетической связи с памятниками цивилизаций Европы. Среди рассмотренных памятников – значительное количество вновь открытых или ранее современными методами не изучавшихся.

Для археологов, историков, культурологов, ландшафтоведов, палеогеографов.

ISBN 978-5-94375-073-1

© ИА РАН, 2008 г.
© Государственный историко-архитектурный, художественный и ландшафтный музей-заповедник «Царицыно», 2008 г.
© Коллектив авторов, 2008 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Содержание

Введение (*Н.А. Кренке*) 7
Археология дворцов и парков: вклад в цивилизационное самоопределение (*Л.А. Беляев*) 12

Часть первая

Исторический ландшафт заповедника Царицыно

Формирование культурного ландшафта на территории Царицынского парка (по палинологическим данным) (*Е.А. Спиридонова, А.С. Алешинская, М.Д. Кочанова*) 19
История почв и ландшафтов заповедника «Царицыно» (*А.Л. Александровский*) 27

Часть вторая

Древности Царицына от бронзового века до Средневековья

Поселение Царицыно-1 («Церера») (*Н.А. Кренке, К.Е. Агеева, С.Б. Григорян, И.Н. Ершов, А.Е. Кравцов, Е.В. Леонова*) 49
Приложение 1. Результаты археоботанического анализа образцов с селища «Церера» (*Е.Ю. Лебедева*) 72
Приложение 2. Заключение об остеологических находках на поселении бронзового и железного веков у ротонды «Храм Цереры» (*Н.В. Сердюк*) 76
Приложение 3. Геофизические исследования на поселении Царицыно-1 (*И.Н. Модин*) 77
Древнерусские поселения на Верхне-Царицынском, Шипиловском и Борисовском прудах (*Н.А. Кренке, Т.Н. Бакунова, В.С. Нефёдов, П.Е. Русаков*) 81
Древнерусское селище Царицыно-3 (*В.С. Нефёдов, Н.А. Кренке*) 93
Исследование курганной группы Царицыно-2 (*А.В. Козлова, Н.А. Кренке, И.Н. Модин, С.Г. Шуляев*) 101
Эрмитажная коллекция из раскопок курганов в Царицыне (О.*И. Александрова*) 107

Часть третья

Археология парка и усадьбы

Царицыно и его окрестности в XVI–XX вв. (*Б.В. Кудрявцев*) 119
Этапы планировочного развития центрального ядра усадьбы Царицыно и история его археологического изучения (*С.А. Смирнов*) 136
Регулярный парк возле «земляной пирамиды» в Царицыне (*О.Г. Ким*) 156
Раскопки «земляной пирамиды» (*Н.А. Кренке, В.С. Нефёдов*) 161
Сооружения и культурный слой конца XVII–XVIII вв. у южного фасада Большого дворца (*В.С. Нефёдов*) 168

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Исследование погребов на усадьбе Кантемиров (*П.В. Медведев*, *И.Н. Ершов*, *Н.А. Кренке*, *А.А. Полюлях*, *Н.Н. Потапов*, *П.Е. Русаков*) 175
Приложение. Лента, выполненная из серебряных нитей (*И.И. Ёлкина*) 180
Фундаменты построек В.И. Баженова («Дворец внуков», «Хлебный дом», «Дом управителя») (*И.Н. Ершов*, *Н.А. Кренке*, *П.Е. Русаков*) 181
Приложение. Применение площадной георадарной съемки на объекте «Дом управителя» в Царицыне (*В.В. Капустин*) 187
Водоотводные сооружения XVIII–XIX вв. в постройках и парке Царицыно (*Н.А. Кренке*, *В.С. Нефёдов*, *П.Е. Русаков*) 189
Царицынские пруды в свете археологических исследований (*Н.А. Кренке, Е.В. Леонова, В.С. Нефёдов, О.И. Александрова*) 193
Заключение 203
Иллюстрации 207
Источники и литература 348
Принятые сокращения 354
Сведения об авторах 355
Summary 356

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Введение

Настоящая публикация подводит итоги работы Царицынской экспедиции Института археологии РАН в 2002–2008 гг. Проведенные археологические исследования продолжили начатое ранее изучение территории заповедника «Царицыно» (*Арциховский*, 1947; *Воскресенский*, 1976; *Иващенко*, 1989; 1990; 1993; *Кренке*, 2004; *Равдина*, 1963). Работа археологов велась в содружестве с историками и географами. Комплексные исследования позволили понять, каков был природный фон, как он менялся под воздействием человека. Участие в исследованиях историков обеспечило надежную атрибуцию раскопанных дворцово-парковых объектов. Хронологический охват книги — от рубежа III–II тыс. до н.э. (бронзовый век) по XVIII–XIX вв., которому посвящен раздел «Археология парка и усадьбы». Материал, относящийся к XX в., планируется издать отдельной монографией «Царицыно: археология современности».

Начиная с 2005 г. масштабы археологических работ в Царицыне резко возросли, изменился их характер. После передачи территории заповедника из федерального подчинения в ведение администрации г. Москвы началась реконструкция парка и системы прудов, достройка руинированного дворца XVIII в. Строительные работы предварялись и сопровождались охранными археологическими разведками и раскопками, которые были организованы и проводились под общим руководством зам. начальника Москомнаследия главного археолога г. Москвы А.Г. Векслера; основную часть этих сопроводительных работ осуществляло ОАО «Столичное археологическое бюро». Институт археологии также выполнил часть связанных с этими строительными работами археологических подрядов, в ходе чего смог продолжить собственные плановые комплексные археолого-палеогеографические, палеоботанические, геофизические исследования наиболее ценных в научном отношении памятников. В первую очередь поселения бронзового и железного веков возле беседки «Храм Цереры» в южной части парка.

Строительный проект охватил территорию, которая уже была неплохо исследована и рассматривалась как эталонная при изучении структуры расселения и землепользования XII в. Привлечение дополнительных средств позволило существенно расширить полевые работы, получить качественно новую информацию. Обследование кромки берегов Шипиловского и Борисовского прудов на р. Городёнке явилось продолжением изучения древнего расселения в верховьях р. Язвенки. В результате было завершено обследование единого в географическом отношении региона (карта-схема изученных в 2002–2008 гг. археологических и архитектурно-археологических памятников представлена на рис. 1–3).

Территория заповедника «Царицыно» стала восприниматься как эталонный археологический микрорегион уже в конце XIX в. Источниковедческая основа для этого была заложена еще столетием ранее.

На плане села Черная Грязь, составленном в 1775 г. в связи с покупкой владения императрицей Екатериной II, изображены с максимальной подробностью археологические памятники — курганы[1], в масштабе даны планы курганных групп (фрагменты плана представлены на форзаце книги).

В период подготовки к Антропологической выставке, прошедшей в Москве в 1879 г., на заседании организационного комитета 17 августа 1878 г. обсуждался план экскурсии с иностранными антропологами, в присутствии которых намечалось провести показательные раскопки курганов. В.Н. Берзингер высказал мнение, что «такую раскопку... следует начать с курганов, лежащих в удельном имении при селе Орехове» (Антропологическая выставка, 1878. С. 202).

Выбор места, очевидно, обусловливался наличием большого количества курганных групп в окрестностях Царицына и их легкой доступностью благодаря близости к Москве и расположением в знаменитой дачной местности. В конце XIX в. раскопки царицынских курганов были предприняты двумя ведущими московскими археологами того времени — И.Е. Забелиным, основателем Исторического музея, и В.И. Сизовым, ученым секретарем того же музея[2]. Начи-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ная с 1920-х годов раскопки и описание состояния царицынских курганов, съемка их планов (т.е. «мониторинг») проводились практически каждое десятилетие.

Эпохальным и символичным событием в московской археологии явились раскопки царицынских курганов, проведенные в 1944 г. пятью профессорами МГУ: А.В. Арциховским, В.Д. Блаватским, Б.Н. Граковым, Г.Ф. Дебецом и С.В. Киселевым. Через три года А.В. Арциховский, признанный лидер в изучении подмосковных курганных древностей, опубликовал результаты этих раскопок (*Арциховский*, 1947).

1970–1980-е годы внесли новые приоритеты в изучение древностей Подмосковья, относящихся к эпохе железного века и Средневековья. На передний план выдвинулось описание системы расселения, моделирование палеодемографической ситуации, комплексное изучение исторического ландшафта (с применением методов палеогеографии). Это стало возможным после завершения работ, посвященных хронологии памятников, погребальной обрядности (*Недошивина*, 1974; *Равдина*, 1975; *Розенфельдт*, 1974; *Смирнов*, 1974).

В 1989 г. южная часть территории заповедника «Царицыно», долина р. Язвенки, в силу того, что здесь сохранились многочисленные курганные группы и практически непотревоженный рельеф придолинных склонов, была выбрана для проведения сплошной археологической разведки. Задача, стоявшая перед археологами, сводилась к выявлению поселений, связанных с курганными могильниками, а также описанию форм рельефа и профилей почв, измененных в результате длительной распашки. Итогом проведенных исследований стало создание двух моделей — пространственной и палеодемографической, описывающих взаиморасположение основных структурных элементов антропогенного ландшафта (поселений, хозяйственных угодий, могильников) и динамику численности популяции, проживавшей в долине р. Язвенки (*Кренке*, 2004д).

Данные модели были спроецированы на другие сходные микрорегионы Москвы и ближайшего Подмосковья (*Кренке*, 2004а; б). При сопоставлении царицынских материалов с находками в долине р. Неглинной выявились некоторые вариации во взаиморасположении упомянутых выше структурных элементов антропогенного ландшафта.

Наиболее сенсационным открытием последних лет работы в Царицыне стало обнаружение на мысу возле беседки «Храм Цереры» поселения с керамикой бронзового века фатьяновско-балановского типа, сопровождавшейся кремневым инвентарем.

До недавнего времени в академических изданиях отмечалось, что «вопрос о поселениях фатьяновской культуры до сих пор окончательно не решен для ее значительной территории» (*Крайнов*, 1987. С. 59). Д.А. Крайнов полагал, что следы таких поселений следует искать в верхних слоях неолитических стоянок.

Результаты работ в Царицыне предлагают иное решение. Мысовое поселение на высоком берегу (нетипичное для неолитических стоянок), получившее название селище Царицыно-1 (Церера), содержало материалы как минимум четырех основных периодов. Этот памятник можно отнести к ключевым для изучения формирования культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки в эпоху становления и развития производящего хозяйства (*Кренке*, 2007). Имеющийся в настоящее время материал позволяет лишь очень пунктирно проследить этот процесс. После изучения поселения Царицыно-1 стало ясно, что преемственность в освоении одних и тех же участков прослеживается, начиная со среднего бронзового века, в переходный период от бронзового века к железному, в первые века новой эры. Нельзя также исключать, что наличие староосвоенных пахотных земель повлияло на славянскую колонизацию микрорегиона в эпоху Средневековья.

Выявленный на поселении Царицыно-1 ров, датирующийся временем не позднее VIII–VI вв. до н.э. (2500 лет радиоуглеродного возраста), является одним из древнейших оборонительных укреплений в москворецком регионе. Подобные памятники можно рассматривать как предшествовавшие городищам дьякова типа. Материалов для характеристики этого хронологического горизонта еще очень мало, и их культурная атрибуция проблематична. Важнейшее значение имеет радиоуглеродная датировка, полученная по нагару на одном из фрагментов текстильной керамики с поселения Царицыно-1. Эта дата (2615±30 лет радиоуглеродного возраста) указывает на рубеж IX–VIII вв. до н.э. Помимо поселения Царицыно-1 комплексы схожей керамики с текстильными отпечатками на поверхности и характерными типами тычкового орнамента (наклонные ямки) были зафиксированы на ряде памятников, в том числе на поселении Дунино-3 на Москве-реке возле Звенигорода[3], в основании культурного слоя Дьякова городища. На Дьяковом городище в стратифицированном контексте совместно с вышеупомянутой кера-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

микой были обнаружены литейные формы для гладких браслетов и булавки с двуспиральным навершием. Аналогии подобным булавкам есть в древностях конца II тыс. до н.э — VII в. до н.э. Восточной Европы и Северного Кавказа (*Кренке*, *Тавлинцева*, 2002; *Смирнова*, 2006, рис. 5; *Патрушев*, 1984. Рис. 25; *Козенкова*, 1977; 1998. С. 64).

В свете работ последних лет в Царицыно иначе решается прежде неясный вопрос о зонах хозяйственного освоения и дальней округе Дьякова городища в период его максимального развития в первых веках новой эры. До недавнего времени считалось, что в эпоху железного века поселения и хозяйственные угодья располагались в долине Москвы-реки и ее крупных притоков, не распространяясь или едва затрагивая мелкие притоки, сельскохозяйственное освоение которых началось лишь в Средневековье. Судя по карте археологических памятников, можно было предполагать, что «внутренние районы» правобережья Москвы-реки в железном веке эксплуатировались как «лесные ресурсы», охотничьи угодья.

Разведки, проведенные в долине р. Городёнки (селище Шипилово-1), раскопки на поселении Царицыно-1 опровергли эти предположения. Выяснилось, что в железном веке на так называемых малых реках москворецкого правобережья уже существовали поселенческие структуры. Более того, палеоботанические исследования образцов из стратифицированных отложений (ямы, заполнение рва) на поселении Царицыно-1 доказывают, что оно имело земледельческую направленность, было окружено пашнями. Всего в 5,5 км по прямой от Царицыно-1 находился такой крупный центр, как Дьяково городище. Принимая во внимание это обстоятельство, можно предполагать, что поселок на р. Язвенке составлял с Дьяковым городищем и окружающими его селищами единую поселенческую структуру, имевшую сложную пространственную, функциональную и иерархическую организацию. Более детальное изучение особенностей этой структуры — задача будущих исследований.

В ходе работ 1989 г. не удалось обнаружить древнерусских поселений на территории самого парка, так как использовавшаяся методика работ, сводившаяся к сбору подъемного материала и небольшим зондажам, была «максимально недеструктивной». В парке, где в XVIII–XIX вв. поверх древних напластований отложился слой, связанный с парковым строительством, такая методика оказалась малоэффективной.

В 2003 г. были возобновлены разведки в пределах центральной части парка. На участках предполагаемых поселений были заложены метровые шурфы по довольно густой сетке (с интервалом 20–30 м). Такими участками считались выположенные поверхности склонов долины, находившиеся ниже по рельефу от курганных групп. По сходной методике велся поиск по берегам Нижне-Царицынского и Борисовского прудов. В результате было найдено шесть новых поселений XII–XIII вв. (селища Царицыно-2, 3, 4, 5, Шипилово-1, Борисово-1). Лишь одна курганная группа (Царицыно-1) осталась «без поселения». Таким образом, разработанная ранее пространственная модель древнерусского расселения получила новое подтверждение, так как вновь обнаруженные поселения были найдены в предсказанных ею местах. Внесены были и некоторые уточнения: так, при наличии высокого крутого берега приоритет отдавался пахотным угодьям на высоком берегу, а не их близости к воде. Соответственно, поселения располагались в прибровочной части высоких террас.

Качественно новую информацию о древнерусских памятниках дали раскопки широкой площадью, проведенные в 2006 г. на селищах Царицыно-3 и Борисово-1. Материалы селища Царицыно-3 интересны, прежде всего, тем, что на нем были зафиксированы следы железоделательного производства. На поселении Борисово-1 почти целиком была раскопана усадьба, включавшая ямы от построек, одна из которых, по всей видимости, жилая, имела печь. Также были выявлены «естественные» границы поселения — в нескольких метрах от домов выше по склону начиналась пашня. Керамические коллекции обоих памятников синхронизируются по наличию горшков с редким типом орнамента — многорядным штампом-зигзагом, покрывающим все тулово. По всей видимости, эта посуда была сделана местным гончаром.

В Подмосковье сотни древнерусских курганов были подвергнуты научным раскопкам в XX в., тысячи курганов раскопаны в XIX в. и позже дилетантами и грабителями. Несмотря на это, курганы как объекты исторического ландшафта остаются изученными недостаточно. Межкурганное пространство, ровики курганов обычно не подвергались раскопкам. Кроме того, курганные насыпи, погребенные под ними почвы и заполнение ровиков, которое формировалось с момента их создания по настоящее время, являются уникальными датированными отложениями, содержащими палеоботанические материалы, характеризующие изменения растительности и характер хозяйственной де-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ятельности в районе расположения курганов. Именно с подобными задачами были начаты исследования курганов в Царицыне в 2006 г. Исследовалась курганная группа Царицыно-2 в центре парка. Заложенные археологические траншеи и полигон геофизической съемки позволили выявить древние контуры ровиков в плане, детально проследить этапы их заполнения. Анализ спорово-пыльцевых образцов дал возможность качественно оценить изменения в соотношении основных компонентов средневекового сельского ландшафта — леса и открытых пространств (полей, лугов и т.п.). Эти результаты приобретают особую ценность при сравнении с материалами спорово-пыльцевых колонок, отобранных в разрезах на местах поселений, синхронных с курганами.

В рамках реализации строительно-реставрационного проекта в Царицыне приоритетное значение имела усадебно-парковая археология. Современные работы по реконструкции зданий дворцов и парка требовали получения достоверных натурных данных о фундаментах построек, малых архитектурных формах, дорожках, пристанях, клумбах и т.п. Часть этих работ была выполнена Институтом археологии, часть — ОАО «Столичное археологическое бюро». В настоящем издании представлены лишь материалы раскопок Царицынской экспедиции ИА РАН.

Конец XVII в. («эпоха Голицыных») представлен в наших материалах лишь единичными находками керамики, изразцов и несколькими маловыразительными объектами (ямами), исследованными с южной стороны Большого дворца.

От «эпохи Кантемиров» (1711–1775 гг.) в существующем царицынском архитектурном ансамбле сохранилось лишь здание церкви. Археологические раскопы, заложенные вокруг Большого дворца перед его южным и северным фасадами, между Хлебным домом и дворцом, выявили остатки хозяйственных построек усадьбы Кантемиров — обширные погреба и каменные фундаменты наземной деревянной постройки, граничившей с парком.

Одним из наиболее интересных участков Царицынского парка является террасированный склон между Фигурным мостом и Оперным домом с «земляной пирамидой» в центре, на которой стоит Малый дворец. Для Москвы это очень редкий пример сохранившейся ландшафтно-парковой архитектуры первой половины XVIII в. Траншея, заложенная вниз по склону под Малым дворцом, дала возможность изучить строение «земляной пирамиды», подтвердить ее датировку. В ходе работ были выявлены почвы естественного склона и даже пни от деревьев, срубленных при устройстве искусственных террас.

«Баженовский» этап строительства (1775–1785 гг.) отражен в материалах работ экспедиции ИА РАН тремя важными памятниками: фундаментами «дворца внуков», «дома управителя» и Хлебным домом. В раскопе перед северным фасадом Большого дворца был обнаружен наиболее «узнаваемый» элемент корпуса, предназначенного для внуков Екатерины II, — фундамент полукруглого выступа. Он позволил с надежностью локализовать на местности всю постройку императорского дворца. В 2006 г. было завершено начатое еще в 1980-х годах исследование белокаменного водостока, сооруженного для обслуживания оранжереи между двумя дворцами, строительство которой так и не было реализовано.

Фундаменты управительского дома, построенного в 1782–1784 гг. (снесен в 1803 г.), первоначально были выявлены методом георадарной съемки, после чего их сохранившуюся часть полностью раскопали. В результате был уточнен фиксационный план ансамбля, снятый при М.Ф. Казакове, получена дополнительная информация о технических приемах строительства В.И. Баженова и плане этого конкретного здания.

Шурфы по периметру внешних стен и во дворе Хлебного дома дали ценную информацию о строении фундаментов, уровнях дневной поверхности конца XVIII в. Был обнаружен также водосток, сделанный из деревянных досок, который отводил техническую воду из кухонных помещений.

Вероятно, именно с «баженовским» этапом строительства в Царицыне связан кирпичный водосток, прослеженный на склоне между Оперным домом и Верхне-Царицынским прудом.

«Казаковский» период строительства в Царицыне (1785–1796 гг.) представлен несколькими объектами. Раскоп перед южным фасадом Большого дворца включил фундамент центрального портала этого здания, а также вскрыл остатки опор для строительных лесов, возведенных М.Ф. Казаковым.

Исследования в парке, в том числе по берегам пруда, позволили сделать ряд важных выводов. Стратиграфические разрезы в прибрежной части прудов возле 3-го кавалерского корпуса, у подножия берега под башней-руиной, кромки берега на «русалочьем острове» отразили колебания уровня зеркала воды, зафиксировали береговую дорожку XVIII–XIX вв., мощеную кирпичом.

В партере парка был исследован объект, ра-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нее описанный как распаханный курган XII в. В результате раскопок выяснилось, что на самом деле это цветочная клумба начала XIX в.

В составе Царицынской экспедиции в разные годы работали археологи К.Е. Агеева, О.И. Александрова, Т.Н. Бакунова, П. Волков, А.Н. Глазунова, О.Н. Глазунова, С.Б. Григорян, М.Г. Гусаков, И.И. Ёлкина, И.Н. Ершов, А.В. Козлова, А.Е. Кравцов, В.С. Курмановский, А.В. Лазукин, Е.В. Леонова, П.В. Медведев, А.А. Мирясова, Л. Михайлик, М.А. Молошникова, В.С. Нефёдов, Г.К. Патрик, Н.Н. Потапов, П.Е. Русаков, Д.Б. Соловьев, С.Г. Шуляев. Руководил работами Н.А. Кренке.

Иллюстрации для книги подготовлены О.И. Александровой, В.А. Раевой, Н.А. Кренке, использованы рисунки, чертежи и фотографии, выполненные В.П. Гайдуковой, С.Б. Григорян, П.В. Медведевым, А.Б. Нефёдовой и Е.А. Ручкиной.

Работы в Москве, как правило, сопряжены с огромными организационными сложностями, которые удалось преодолеть только благодаря доброй воле и поддержке многих официальных лиц, среди которых зам. начальника Москомнаследия главный археолог г. Москвы А.Г. Векслер, зам. генерального директора Мосводостока Р.Р. Зильберман, гл. инженер ДЕЗ Н.П. Липатов, начальник СУ-19 М.Л. Тонконогий, начальник отдела милиции по обслуживанию музея-заповедника подполковник Н.Н. Антипов, директора музея «Царицыно» В.В. Егорычев и А.С. Безруков.

Успех проекта обусловила научная и организационная поддержка, оказанная директором ИА РАН Н.А. Макаровым, зам. директора П.Г. Гайдуковым, зав. сектором археологии Москвы Л.А. Беляевым, зав. Отделом охранных раскопок А.В. Энговатовой, зам. директора музея «Царицыно» О.В. Докучаевой.

Примечания

[1] РГВИА. Фонд ВУА. Д. 19682.

[2] Документация, связанная с этими работами, не сохранилась или не найдена, коллекции хранятся в ГИМ.

[3] Обнаружено С.З. Черновым, раскопки А.В. Энговатовой, А.В. Алексеева, А.Е. Кравцова, 2007 г. (приношу благодарность коллегам за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованным материалом).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Археология дворцов и парков: вклад в цивилизационное самоопределение

Там, где мало следов и памятников... прошедшее не составляет народных воспоминаний... старина наша... должна приобретаться неусыпным изучением целой жизни.

В.А. Соллогуб. «Тарантас», глава «Губернский город»

Есть культуры, где следы цивилизации растут как бы сами собой из почвы, выпирают из нее. Таковы османская Турция с ее хеттскими, античными, византийскими памятниками, арабская Месопотамия с вавилонскими зиккуратами и особенно арабский же Египет с пирамидами и храмами. Там культуры Средневековья и Нового времени не могли избежать соприкосновения с укорененным в почве наследием — часто сперва ненужным и непонятным, полученным неожиданно, при завоевании. Оно, сначала неосознанно, давило на них: «Вот Я, ты произошел от Меня, ты — Мой наследник, хочешь того или нет». Действительно, хотела того новая культурная среда, нет ли, — она вынуждена была в конце концов начать отсчет от чуждого корня, как бы привиться, прирасти к нему, начать воспринимать памятники чужой древности как свой культурно-генетический фонд и громогласно объявить об этом.

Несколько по-иному складывались отношения с Античностью в средневековой и ренессансной Европе: ее усвоение новыми народами шло сначала «под присмотром» позднейших носителей той же цивилизации, а потом — сознательно и намеренно, под присмотром гуманистов и их рациональных преемников. Тем не менее здесь есть и общее с Востоком: в Галлии, Испании, Паннонии, даже Британии пространство для встреч с «монументальным прошлым» в Средневековье было широким, чтобы не сказать неограниченным, а в эпоху Ренессанса не приходилось далеко ходить, чтобы найти доказательства восхождения европейской культуры к античным корням — поиск и выбор был, но памятники, легко доступные изучению *de visu*, их существенно определяли, а значит — и ограничивали.

В Восточной Европе по-другому. Здесь пришельцы при заселении не сталкивались со следами древней жизни, необъяснимыми из их собственной жизненной практики. Именно так обстояло дело при освоении славянами коренной России, Волго-Окско-Днепровского треугольника и прилегающих к нему зон северо-запада и северо-востока. Ясно выраженные и экзотические, яркие памятники прошлого не бросались здесь в глаза. Конечно, эти памятники были, и даже очень многочисленные, от палеолита до конца раннего железного века. Но они оставили очень мало монументальных следов, а их артефакты были скрыты от глаз почвой, лесом и травой. Главным недвижимым наследием, которое пришельцы получали здесь из рук предшественников, была сама земля, окультуренный ландшафт, на который человек активно воздействовал по крайней мере с начала оседлого земледелия в Восточной Европе и порядочно трансформировал к рубежу I–II тыс. н.э. Но такое наследие, понятно, воспринималось крайне прагматично, а если и рассматривалось в бинарной оппозиции «свое-чужое», так только с точки зрения права использования, владения.

Незаметные, не сразу бросающиеся в глаза древности Центральной России оставались в тени практически до начала XIX в., и потребовалось немало целенаправленных, отрефлексированных усилий для того, чтобы осознать важность связи с «локальным» прошлым и тем поставить свою культуру в контекст мировых цивилизаций. Для этого необходимо было осуществить сознательный выбор; сформулировать соответствующие цели и сформировать конкретные программы. Как хорошо известно, Русь/Россия проработала несколько таких «проектов», следы которых мы находим в источниках. Среди них — и «выбор князя Владимира», соотнесший Русь с кругом христианской цивилизации. И несколько попыток предъявить претензии на западное (= античное) наследие, принять участие в «общеевропейском проекте “Ренессансс”» (возведение генеалогии Рюриковичей к императору Августу; концепция «третий Рим» и т.п.), завершившиеся реальным прорывом петровских преобразований.

Все эти попытки в той или иной степени от-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ражались в материальной культуре. Сначала в примитивном «коронационном археологизме», поиске и конструировании «древних» инсигний, предопределявших права на власть[1]. Позже, в XVIII в., — в поисках связи с древнейшей историей человечества и самой Земли, которые предпринимались в ходе освоения пространства от Скифии до Сибири. В том же XVIII в. стремление «привить» свою «будущую историю» к одной из ветвей, генетически связанных с классическим прошлым, постепенно приобретает изощренные формы. Изначальные попытки толкований находок в свете античных источников («слоны Александра Македонского») и скупка греко-римского антиквариата сменяются в конце столетия, после обретения насыщенных памятниками и артефактами периферийных, но процветавших областей эллинско-римской культуры в Северном Причерноморье, совершенно европейской, по сути уже просвещенческой моделью «притягивания» к своей территории кусочков культурно-исторического мифа[2]. Поиски могилы Овидия имели прямые аналоги в английских и французских «антикварных» предприятиях, а также в поиске не менее важных «литературных гробниц» — например, Вергилия[3].

Прививание классического прошлого к стволу русской национальной культуры и истории, под знаком которого прошел весь XVIII век, принимало подчас странные, интровертные формы. Требовалось уже не только владение памятниками, но и демонстрация процесса их изучения — ведь к концу XVIII в. «антикварные» раскопки в Греции и Италии открыли возможности присвоения классического прошлого через археологию. Но на коренных землях Российской империи и в ее новом государственном центре, Ингерманландии, памятников классической археологии, «антиков», никогда не было. Оставалось их конструировать, разительные примеры чего находим в области паркового строительства.

Еще Петр I, привезя прославленную статую Венеры, пытался держать ее в публичном парке. Но его наследники к концу XVIII в. оказались перед необходимостью не просто покупать и выставлять «мраморы», но насыщать ими пески и болота побережья Финского залива. Это было что-то совсем задом наперед: «греков и римов» буквально закапывали обратно в раскопки, чтобы потом найти. И действительно, при раскопках под руководством известного историка античного искусства О.Ф. Вальдгауэра в Павловском парке в 1910-х годах были обнаружены *зарытые еще в XVIII в. подлинные античные статуи*, причем отличной работы (одна из реплик «Афродиты в садах» и «Гигиейя»). Они должны были указывать на таящиеся под почвой несметные античные сокровища, играть роль «подземных древностей», а возможно, и «обнаруживаться» при раскопках (*Передольская*, 1933. С. 41, прим. 41. Рис. I–III).

Параллельно этим образцам изощренно-варварской работы в области культурной самоидентификации шло и открытие подлинных древностей на землях России (тоже зачастую на усадебной земле: феномен «усадебной археологии» не раз обозначался в историографии, но никогда не был по-настоящему полно освещен; но многие «подмосковные» — хотя бы то же Суханово (*Якименко*, 2008. С. 217–222) — хранят следы «выкапывания прошлого» (пусть не статуй, а человеческих скелетов), связанные с именами известных археологов и антропологов А.А. Гатцука, А.П. Богданова, В.А. Городцова и др.). Однако для осознания возможности использовать их в том же направлении, в направлении включения русской культуры в мировую, нужно было гораздо больше времени и гораздо больше целенаправленных усилий. На приведение в известность и научную разработку этих древностей уйдут целиком XIX и XX вв. Причем, несмотря на массу открытий, совершенных в отечественной археологии, до сих пор не достигнута важная для любой области истории ступень: не создана современная модель для толкования отношений «доисторического» и раннеисторического прошлого Русской равнины с историей возникновения и развития Древнерусского, а затем Московского государства. Эту ступень не одолели ни ранние, допетровского и петровского времени, «колумбы российских древностей»; ни историографы XVIII в. с их фантастическими гипотезами; ни посткарамзинская историография XIX столетия, до конца которого доживают гипотезы прямого восхождения Руси к Скифии (потребность выстроить не хронологическую только последовательность, но отыскать в ней культурно-генетическую составляющую перейдет в советскую науку и заметна у многих историков-археологов, например в работах Б.А. Рыбакова о Геродотовой Скифии и язычестве[4]). В наши дни можно иногда встретить попытку начертить схему в стиле гео-этнографического детерминизма, «объясняющую», например, развитие раннемосковской государственности и самого города Москвы через природные факторы, опосредованные локальным культурным развитием на протяжении многих тысячелетий[5].

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Представляется, что разработка археологической версии концепции «Прошлое Восточноевропейской равнины, его роль в сложении России и их соотношение с мировой культурой» все еще впереди. Однако мы начали движение к ней — во-первых, тем, что осознали саму проблему, а во-вторых, тем, что начали создавать рабочие подходы и инструменты для ее решения.

В ряду этих инструментов определенное место занимает археология парково-дворцовых комплексов и культурно-ландшафтных зон — что, собственно, и заставляет предпослать это вступление к сборнику материалов о парке Царицыно. Эти зоны интересны нам в двух отношениях, о которых нужно сказать несколько слов.

Первое уже затронуто выше. Именно во дворцах и парках (зонах не одной только рекреации, но рафинированной, намеренной демонстрации своей культурной идентичности) в самой яркой степени проявляются векторы осознанного включения нации в ткань мировой цивилизации. Черты этого не всегда выступают на первый план — но внимательному взгляду именно археология открывает в них иногда широчайшие перспективы.

Возьмем простой «царицынский» пример — «золоченую» черепицу дворца В.И. Баженова, изготовленную по специальному заказу и часто находимую при раскопках. Перед нами — вполне знаковый, чуть не символический предмет. Характерную для средиземноморской и отчасти северной Европы керамическую черепицу неоднократно «импортировали» в Россию, упорно пытаясь включить ее изготовление и применение в ассортимент строительных технологий. Не уходя вглубь византийской традиции, почти не нашедшей применения в домонгольской Руси, напомним о принципиально важном месте черепичных покрытий в комплексе приемов, полученных Москвой от итальянских архитекторов в конце XV–XVI вв.[6]; о довольно быстром распространении ее в церковном и дворцовом зодчестве XVI–XVII вв., о требовании Петра I крыть жилые и административные здания именно черепицей и о введении в связи с этим ее новых типов. Однако все время сохраняется выборочное применение черепицы, ее постоянно приходится реинвентировать, подчеркивать ее, так сказать, положительные качества и преимущества[7]. Ее история на русской почве имеет явный западный привкус, и в руках того же Баженова она оказывается приемом сознательного акцентирования экзотичности и «европейской медиевальности» проекта.

Бесконечно многообразные аллюзии на темы искусства и истории древности, запрятанные в садах и дворцах XVIII в. и рассчитанные на вполне определенную культурно-идентификационную трактовку, — не только предмет изучения историков аллегорий, символов и «эмблематов», но и поле работы археологов, роль которых никак не преуменьшить в открытии, например, первоначальных форм земляных сооружений («пирамида» в том же Царицыне); в выяснении глубины осознанности включения элементов древнерусского ландшафта и памятников «славянской старины» в ансамбли Нового времени (курганные группы в парке Царицыно и у Дернового театра в усадьбе Кусково); в трактовке проблемы взаимоотношения русской и европейской культуры в архитектуре (архитектурно-археологические исследования ансамбля XVI–XVII вв. в Коломенском[8], планируемые работы в царской усадьбе в Измайлове[9] и мн. др.).

Итак, дворцово-парковая археология имеет существенный потенциал уже в силу получения более точного и разнообразного знания об архитектуре и символике самих дворцов, об их парках и о включенности всего ансамбля в предуготованный и, как правило, сознательно выбранный ландшафт[10]. Однако это, конечно, не единственная составляющая среди новых подходов. Сами дворцовые парки в городских условиях — своего рода резервации памятников археологии в сочетании с некоторыми природными объектами, сохраняемых здесь издревле по вполне житейским причинам принадлежности их земель сначала к Дворцовому ведомству, а позже — ко всякого рода учреждениям культуры (*Дутлова*, *Никонов*, 2007). Они сравнительно рано выпадают из процесса урбанизации (*Беляев*, 2004. С. 3–10) и избегают судьбы парков и садов в черте будущего города, от которых в лучшем случае остается устойчивый топоним (например, церкви «в Садех», «на всполье» и т.п.) или изображение на планах XVII в., как случилось со многими государевыми садами (например, против Кремля в Замоскворечье) и лугами, а также всем городским выгоном.

На этих «счастливых» участках и может сегодня базироваться исследование, имеющее целью не выявить отдельные памятники и не «спасти» слой путем его разрушения, но обрисовать наслоение контекстов, которые, взятые вместе, позволят представить «исторический подмалевок» от заданных природой условий через отдельные местонахождения каменного и раннего бронзового века к первым поселениям оседлых скотоводов-земледельцев, а от них — к цветущим культурам раннего железного века и,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

наконец, к Средневековью. Только такие картины позволят нам в конце концов перейти к сопоставлению более-менее реконструируемых природно-культурных контекстов между собой, а также получить материал для суждений о том, как эти контексты воспринимали пришельцы, что из них заимствовали для использования, а что отвергали.

Планирование работ в заповедниках должно предполагать медленные, долгосрочные раскопки, на которых не нужно торопиться, и возможность вести длительные разведки, возвращаясь, если потребуется, к одному и тому же месту снова и снова для проверки сделанных выводов. Именно этот процесс позволит, как мы надеемся, постепенно заполнить белые пятна на карте Центральной России. Так было когда-то с Коломенским, где вокруг Дьякова городища и выше него по реке удалось открыть целые цепи памятников; это сделано и в Царицыне: из-под, казалось бы, много раз изученной поверхности выступают новые и новые памятники. Благодаря этому на территории России постепенно образуется не менее густая сеть хорошо изученных памятников археологии, чем в Центральной и Западной Европе. В будущем именно разработка таких ограниченных по площади, но сравнительно мало поврежденных временем и, кажется, не вполне случайно сохранившихся территорий окажется опорой для археологии Москвы. Она обеспечит возможность суждений о взаимосвязи поселенческих структур средневековой Московии с предшествующими культурами; будет заполнено пресловутое «зияние» последней четверти I тыс. н.э.; удастся отчетливо представить, что и в какой степени служило культурным медиатором (население? территория с ее преобразованным ландшафтом?)[11]. Кроме того, будет обеспечена возможность сопоставления, сравнительного анализа с синхронными или просто близкими по времени культурами того мира, который окружал «Русский треугольник».

Примечания

[1] Так, известный золотой убор, бармы, держава и посох царя Алексея Михайловича с камнями и эмалями, был сделан в 1660-х годах в Стамбуле в мастерской «грека Ивана Юрьева» по особому заказу Приказа Золотой палаты. Оговаривалось сделать вещи «против образца благочестивого царя Костянтина». До этого, в 1628 г., «корону золоту с камением дорогим с прежних греческих царей... великого царя Константинова образа» уже заказывали для царя Михаила Федоровича. См. последние публикации этих инсигний, с библиографией, в каталоге: Царь Алексей Михайлович... С. 127–128, 192–193; № 157–159.

[2] Этот процесс достаточно подробно освещен А.А. Формозовым в ряде статей и книг.

[3] *Calaresu*, 1999. P. 138–161. Конечно, для обретения такой гробницы вовсе не обязательно было плыть к ней — ее можно было перевезти к себе. Русский флот иногда доставлял, подобно английским и французским кораблям, образцы античного искусства: античный саркофаг с острова Хиос, купленный в 1768–1774 гг. в Ливорно, достиг Петербурга и долго стоял в саду графа Строганова под именем «гроба Гомера».

[4] В наши дни это доходит до поиска биогенетической преемственности. См. сочинения типа: *Соловей*, 2005.

[5] Например, *Седых*, 1998. С. 209–218.

[6] Коробчатая, или лотковая черноореная (реже красноореная) с лощением, в плане трапецевидная, с выступающими бортиками и дополнительным уступом-«носиком» с узкого конца, восходящая к позднеримскому времени, известна в Крыму и Причерноморье (Болгария, XIV в.), в обилии встречается на памятниках Москвы XVI–XVII вв., от Архангельского собора 1505–1508 гг. в Кремле и (*in situ*) на церкви Петра Митрополита 1519 г. в Высоко-Петровском монастыре до церкви в с. Комягино (1678 г.). Для воспроизведения такой черепицы нужен образец или чертеж. Ее обмер обнаружен в набросках (ок. 1529 г.) к трактату итальянского зодчего и теоретика Бальдассаре Перуцци (Wien, Österreichische Nationalbibliothek, Cod. 10873, 8r; Cod. 10 935, 7r). Перуцци много работал как исследователь; изучал римские древности и сочинения Витрувия, делая к ним иллюстрации; его разработками пользовались многие авторы, прежде всего Себастиано Серлио. Сопоставление рисунков к трактату и имеющихся образцов московской лотковой черепицы ясно показывает их близость, позволяя быть абсолютно уверенным в «итальянском следе». В других городах Руси известны близкие по типу, но упрощенные варианты (Новгород и Псков, XVI в.).

[7] Об этом немного сказано пока, см.: *Beliaev*, 2007. P. 269–302, и сводку по черепице: *Хворостова*, 2002.

[8] Предварительные публикации их итогов см.: *Беляев, Кренке*, 2005. С. 176–188; *Беляев*, 2005. С. 185–197; 2008. С. 40–56.

[9] О его перспективах: *Чернов*, 2008. С. 53–80.

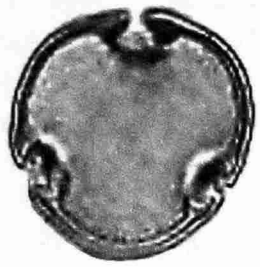
[10] Здесь все время говорится о московских памятниках, так как тема издаваемого сборника — парк и дворец в Царицыне, но есть много аналогичных и убедительных примеров в других городах, прежде всего в Санкт-Петербурге и его окрестностях. См. серию статей о принципах археологических исследований в городе (Archaeologia Petropolitana. СПб., 1996. № 1), сборник «Реконструкция Константиновского дворца». СПб., 2003, и др. Существенное развитие имеет дворцово-парковая археология и на Западе.

[11] Именно такие работы со временем позволят разрешить «проклятый вопрос» возраста Москвы: без прочного базиса представлений о развитии ее территории и окружающей местности, всего Москворечья за тысячелетие, предшествующее упоминанию города в летописи, ответить на него невозможно. Таким образом, археология здесь сможет внести вклад и в «актуальную культурную политику».

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Часть первая

Исторический ландшафт заповедника Царицыно

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Формирование культурного ландшафта на территории Царицынского парка (по палинологическим данным)

Изучение природных и историко-культурных ландшафтов в пределах Царицынского парка с использованием палинологического анализа впервые было проведено в 1989 г. В погребенной почве под курганом XII в., расположенном в урочище «Дубки» на левом берегу р. Язвенки, В.С. Гуновой по нескольким образцам были получены палинологические спектры, свидетельствовавшие о полуоткрытых ландшафтах (*Бойцов и др.*, 1993. С. 63). Помимо лугов и пашенных угодий здесь произрастал лес. В его состав входили такие хвойные породы, как сосна и ель, но основными эдификаторами леса были береза и липа с примесью других широколиственных пород — дуба и лещины. Более влажные условия местообитания занимали ольха и ива. В спорово-пыльцевых спектрах пахотного слоя почвы, помимо культурных злаков, в заметных количествах присутствовали сорняки, связанные с жизнью и хозяйственной деятельностью человека. Природные условия были теплее современных, более широко представлены растения неморального ряда.

Палинологическое изучение погребенных почв, а также различных археологических объектов в пределах ландшафтного парка «Царицыно» было продолжено в Лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН. В ходе исследований было проанализировано 50 образцов, отобранных из шести разрезов. Профили всех разрезов с указанием мест отбора образцов представлены в археологических разделах настоящего сборника (см. рис. 27, 31, 35, 89, 136, цв. вклейка, рис. 13). В результате корреляции полученных данных была составлена таблица, в которой выделено 12 палинологических зон, характеризующих растительный покров изученной территории различных этапов железного века и Средневековья (табл. 1).

Первые три палинологические зоны относятся к железному веку. Самые ранние слои (радиоуглеродные датировки в интервале от 2500 до 1940 лет) были вскрыты при изучении заполнения оборонительного рва на поселении Царицыно-1 (рис. 5), где по спорово-пыльцевым комплексам I–III выделяется **палинологическая зона 1 (широколиственные породы с участием сосны)**.

В общем составе данной палинозоны преобладает пыльца древесных пород (58–68%). Содержание пыльцы травянистых растений составляет от 4 до 13%, споры — от 23 до 75%.

Среди древесных пород господствует пыльца широколиственных пород, которые представлены только липой (*Tilia*) — 46–67% (в том числе встречены плоские и иногда недоразвитые формы с двумя порами). Второе место принадлежит пыльце сосны (*Pinus*) — 25–36%. В небольших количествах присутствует пыльца березы (*Betula*) — 5–11% и ели (*Picea*) — 4–9%. Единично встречена пыльца ольхи (*Alnus*) и лещины (*Corylus*).

В группе травянистых растений чаще всего встречается пыльца разнотравья, злаков (*Poaceae*) и полыней (*Artemisia*). Среди злаков обнаружено несколько крупных пыльцевых зерен, возможно, культурных видов.

Споровые представлены преимущественно папоротниками семейства *Polypodiaceae* — 64–80%, довольно много спор плаунов (*Lycopodium*) — 6–1%. Единично присутствуют споры хвощей (*Equesetum*). Зеленые (*Bryales*) и сфагновые (*Sphagnum*) мхи также встречены в небольшом количестве.

Судя по составу спорово-пыльцевых спектров, основным зональным типом леса в это время были липняки папоротниковые, а на некоторых участках рельефа сохранялись липово-сосновые леса, в состав которых входила береза и реже ель. Открытые пространства на изучаемой территории не занимали больших площадей и в основном были образованы лугами различного состава, хотя вблизи поселения и особенно вдоль земляных выработок было много сорняков. Чаще других встречались полыни и маревые. В климатическом отношении это было теплое и достаточно влажное время. Подобный характер растительных сообществ для железного века известен на городище дьякова типа Настасьино (левый берег р. Северки, раскопки

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 1. Корреляция разрезов на археологических памятниках в районе Царицыно по палинологическим данным

Возраст	Палинологическая зона		Почвы «земляной пирамиды»	Курганная группа Царицыно 2	Ореховская плотина	Поселение Царицыно 1		
						Ров	Яма 1 (железный век)	Яма 2 (XV–XVI вв.)
XIX–XX вв.	береза с участием широколиственных пород и сосны	12	VII					
	сосна, береза с участием широколиственных пород	11	VI					
XVIII в.	сосна с незначительным участием березы	10	IV–V					
	сосна с участием ели	9		V		VI		
	сосна с участием березы и ели	8	I–III				IV	II
XV–XVI вв.	береза с участием сосны и широколиственных пород	7			II			I
XIV–XV вв.	сосна с участием березы и незначительным участием ели	6		IV		V		
XII в.	береза с незначительным участием сосны и широколиственных пород	5		III				
	широколиственные породы с участием сосны и березы	4			I			
железный век	сосна с участием широколиственных пород и березы	3					III	
	сосна с участием березы и незначительным участием широколиственных пород	2		I, II		IV	I, II	
	широколиственные породы с участием сосны	1				I–III		

А.В. Энговатовой) с датировками абсолютного возраста около 2000 лет назад. Данный интервал также выделяется в верхнем слое Дьякова городища по образцам, отобранным Н.А. Кренке на северной и западной периферии городища (*Гунова и др.*, 1996).

Палинологическая зона 2 (сосна с участием березы и незначительным участием широколиственных пород) характеризует растительность следующего этапа железного века и описана по раскопам заполнения рва на поселении Царицыно-1 (IV спорово-пыльцевой комплекс) (рис. 5), ямы 1 на том же памятнике (I, II спорово-пыльцевые комплексы) (рис. 6), разрезу ровика кургана № 15 в курганной группе Царицыно-2 (I, II спорово-пыльцевые комплексы) (рис. 4).

В общем составе также преобладают древесные породы — 59–79%, на долю травянистых растений приходится от 12 до 26%, на споры — от 3 до 20%.

Однако в группе древесных пород преобладает пыльца сосны (*Pinus*) — около 60%, довольно много пыльцы березы (*Betula*) — 11–24%. Широколиственные породы составляют всего около 12% и представлены липой (*Tilia*) — 8–9% и дубом (*Quercus*) — 3%. Единично и в небольших количествах встречается пыльца ольхи (*Alnus*) и лещины (*Corylus*).

Травянистые растения представлены преимущественно пыльцой злаков (*Poaceae*) — 36–56%, среди которой встречаются крупные формы, возможно, культурных видов (рис. 10). Разнотравье состоит в основном из представителей семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) и астровых (*Asteraceae*) Помимо этого, встречено довольно много пыльцы полыни (*Artemisia*) — 13–24%.

Среди споровых растений преобладают зеленые мхи (*Bryales*) — 52–80% и папоротники семейства *Polypodiaceae* — от 10 до 40%.

Исходя из состава спектров изученных разрезов, этот этап железного века связан с более прохладными условиями. Его формирование могло происходить только после значительного перерыва во времени. По сравнению с предыдущим этапом наблюдалось незначительное увеличение общей облесенности территории.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Господствующим типом растительного покрова являлись сложные боры, образованные липово-дубово-сосновыми сообществами с небольшим участием березы. Возможно, чистые березняки были приурочены к более влажным местообитаниям или являлись вторичными лесами, замещающими вырубленные сосняки. Второй вариант более вероятен, так как в спектрах этой палинозоны постоянно присутствуют сорняки, связанные с деятельностью человека. Наряду с лесом в ландшафте территории существовали и открытые пространства, занятые лугами и частично пашнями. Судя по наличию сорной растительности, обедненному составу лугового разнотравья, а также по присутствию пыльцы культурных злаков, можно предположить, что уже на этом этапе человек создавал пахотные угодья под зерновые культуры.

Палинологическая зона 3 (сосна с участием широколиственных пород и березы) отвечает следующему более позднему этапу железного века и прослеживается только по раскопу с постройкой железного века (яма 1) на поселении Царицыно-1 (III спорово-пыльцевой комплекс).

Как и в предыдущей палинозоне, в общем составе господствует пыльца древесных пород — 50–62%, на долю пыльцы травянистых растений приходится — 29–38%, на споры — 11–13%.

Среди древесных пород по-прежнему доминирует пыльца сосны (*Pinus*) — 53%; помимо пыльцы березы (*Betula*) — 12–15%, также часто встречается пыльца широколиственных пород, составляя в сумме 15–20%. Главным образом они представлены липой (*Tilia*), реже дубом (*Quercus*) и вязом (*Ulmus*). На долю пыльцы ели (*Picea*) приходится 9%.

Состав травянистых растений очень близок к предыдущей палинозоне.

То же самое можно сказать и о составе споровых растений.

Исходя из особенностей данной палинозоны, можно отметить, что преобразование окружающей среды продолжалось и в это время. Все закономерности изменения в характере растительного покрова, связанные с антропогенной деятельностью, отмечаются и здесь. Наиболее отчетливо это проявилось в высокой роли споровых растений, таких как *Anthoceros* и *Lycopodium*, имеющих близкие экологические особенности и произрастающих в местах с нарушенным почвенным покровом. По-видимому, площади, отвоеванные человеком у леса, некоторое время оставались «под паром» и только потом засевались.

По шурфу возле Ореховской плотины (I спорово-пыльцевой комплекс) выделяется **палинологическая зона 4 (широколиственные породы с участием сосны и березы)**, характеризующая растительный покров средневекового времени и соответствующая наиболее теплому этапу XII в. (рис. 8). Зоны 3 и 4 разделены перерывом.

В общем составе в спектрах этой палинозоны преобладает пыльца травянистых растений — 41–60%, очень много спор — от 34 до 44% и совсем низкое содержание пыльцы древесных пород — от 6 до 15%.

В группе древесных пород больше всего пыльцы липы (*Tilia*) — 40–55% (рис. 8). В процентном соотношении довольно часто встречается пыльца сосны (*Pinus sylvestris*) — 16–27% и березы (*Betula*) — 9–27%. Кроме этого, в низах комплекса отмечена пыльца ольхи (*Alnus*) — до 14% и ивы (*Salix*) — 5%.

Для травянистых растений характерно преобладание пыльцы разнотравья, главным образом семейства цикориевых (*Cichoriceae*) — от 28 до 47% и злаков (*Poaceae*) — около 40%. Довольно значительно количество осок (*Cyperaceae*), особенно в низах комплекса, — до 16%. Разнотравье представлено встреченной в небольших количествах или единично пыльцой семейства маревых (*Chenopodiaceae*), полыней (*Artemisia*), астровых (*Asteraceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), гречишных (*Polygonaceae*) и гвоздичных (*Caryophyllaceae*). Единично определены такие формы, как подорожник (*Plantago*), василистник (*Thalictrum)*, горец (*Polygonum*) и бодяк (*Cirsium*).

Споровые растения играют значительную роль в спектрах этой палинозоны. Доминируют споры папоротников семейства *Polypodiaceae* — около 64%. Примерно равную роль играют зеленые (*Bryales*) и сфагновые (*Sphagnum*) мхи — 14–18 и 14% соответственно. Плаунов (*Lycopodium*) немного — 5–7%. Единично встречены споры папоротника *Ophioglossum*.

В это время отмечается значительное сокращение площадей, занятых лесом, и расширение посевных угодий, о чем свидетельствует присутствие пыльцы культурных злаков. Большое количество пыльцы различных сорных растений, особенно из семейства цикориевых, фиксирует существование открытых пространств с нарушенным естественным покровом, связанных с хозяйственной деятельностью человека.

Палинологическая зона 5 (береза с незначительным участием сосны и широколиственных пород) охарактеризована по разрезу на курганной

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

группе Царицыно-2 (III спорово-пыльцевой комплекс). Формирование данной зоны происходило в конце XII в.

В общем составе данной палинозоны содержание пыльцы древесных пород доходит до 49%. Пыльца травянистых растений составляет 10–15%, споры около 40%.

В группе древесных пород постоянно доминирует пыльца березы — около 70%. На пыльцу сосны (*Pinus*) приходится 11–13%, около 10% — на пыльцу липы (*Tilia*). Единично встречается пыльца ели (*Picea*), ольхи (*Alnus*), лещины (*Corylus*).

Среди травянистых растений преобладает пыльца злаков (*Poaceae*) — 40–45% и разнотравья — 27–35%, которое представлено в основном пыльцой семейства цикориевых (*Cychoriaceae*). Также довольно часто встречается пыльца семейства маревых (*Chenopodiaceae*) и полыней (*Artemisia*).

В составе споровых по-прежнему преобладают споры папоротников семейства *Polypodiaceae* и зеленые мхи (*Bryales*). Присутствуют споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) и плаунов (*Lycopodium*).

На данном этапе отмечается постепенное увеличение облесенности территории, главным образом за счет зарастания ранее вырубленных площадей, а возможно, и заброшенных пашенных угодий вторичными березняками. Так, в очень небольших количествах здесь присутствует пыльца культурных злаков и пасквального сорняка василька синего (*Centaurea cyanus*). Постоянно участие полыней и маревых — сорняков, имеющих более широкое распространение. Следует также отметить большой процент участия плаунов, высокое значение которых в спектрах также указывает на нарушенность состава естественных биоценозов. Принимая во внимание основной состав спектров, где помимо пыльцы березы довольно часто встречается липа (около 10%), данную палинозону также можно отнести к XII в., но к более прохладному и влажному интервалу, приходящемуся на его конец.

Далее, после перерыва почти в два столетия следует **палинологическая зона 6 (сосна с участием березы и незначительным участием ели)**, которая характеризует растительность, существовавшую на изученной территории в XIV–XV вв. Эта зона выделяется по разрезу рва на поселении Царицыно-1 (V спорово-пыльцевой комплекс) и раскопу на курганной группе Царицыно-2 (IV спорово-пыльцевой комплекс).

Как и в предыдущей палинозоне, в общем составе преобладает пыльца древесных пород, содержание которой в разрезе курганной группы Царицыно-2 доходит до 70%.

Состав древесных пород существенно меняется по сравнению с предыдущей палинозоной. Чаще всего встречается пыльца сосны (*Pinus*) — 50–60% и березы (*Betula*) — до 30%. Кроме этого, отмечена пыльца ели (*Picea*), содержание которой в отдельных образцах доходит до 24%. Широколиственные породы представлены липой (*Tilia*) и дубом (*Quercus*). В небольших количествах отмечена пыльца лещины (*Corylus*) и ольхи (*Alnus*).

Среди травянистых растений преобладает пыльца злаков (*Poaceae*) — 16–68% (присутствуют культурные формы) и разнотравья. Оно состоит в целом только из представителей семейства астровых (*Asteraceae*) и цикориевых (*Cichoriaceae*), при незначительном участии гречишных (*Polygonaceae*). В небольших количествах и единично отмечена пыльца осок (*Cyperaceae*), маревых (*Chenopodiaceae*) и полыней (*Artemisia*).

Споровые растения представлены зелеными мхами (*Bryales*), сфагновыми мхами (*Sphagnum),* папоротниками семейства *Polypodiaceae* и плаунами (*Lycopodium*).

По сравнению с предыдущим этапом здесь прослеживается незначительное увеличение роли споровых растений в общем составе спектров за счет увеличения содержания плаунов. Как показали последние исследования, такая высокая роль плаунов в сообществе чаще всего связана с нарушенностью естественных биоценозов отдельных типов растительности, в том числе и лесных сообществ.

Основные массивы леса на изучаемой территории на этом этапе были образованы смешанными лесами, в состав которых входили сосна и береза при невысокой роли ели и широколиственных пород.

Палинологическая зона 7 (береза с участием сосны и широколиственных пород) описана по шурфу у Ореховской плотины (II спорово-пыльцевой комплекс) и шурфу 1 (яма 2) на поселении Царицыно-1 (I спорово-пыльцевой комплекс) (рис. 7). Эта палинозона, судя по археологическим данным, формировалась в XV–XVI вв.

По сравнению с предыдущей палинозоной общий состав резко изменился. В зоне 7 начинает доминировать пыльца травянистых растений, на долю которой приходится 60–80%, значение пыльцы древесных пород снижается до 6–23%. Споры составляют от 8 до 34%.

Состав древесных пород также меняется. На

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

первое место выходит пыльца березы (*Betula*) — 43–68%, по-прежнему довольно много пыльцы липы (*Tilia*) — 13–27%, отмечена пыльца дуба (*Quercus*) и вяза (*Ulmus*). Пыльца сосны (*Pinus*) составляет от 13 до 40%.

Среди травянистых растений чаще всего встречается пыльца семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) — 30–50% и злаков (*Poaceae*) — от 23 до 75%, среди которых имелись крупные формы с выраженными околоспоровыми валиками, возможно, принадлежавшие культурным злакам (рис. 10, *7*). Помимо этого, в составе разнотравья присутствует пыльца семейства астровых (*Asteraceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), гречишных (*Polygonaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), зонтичных (*Apiaceae*).

В группе споровых растений отмечены споры папоротников семейства *Polypodiaceae,* зеленых (*Bryales*) и сфагновых (*Sphagnum*) мхов, плаунов (*Lycopodium*).

Полученный состав спектров характеризует открытый тип ландшафта с небольшими березовыми или сосново-березовыми перелесками с участием широколиственных пород. Возможно, отдельные деревья дуба и липы произрастали около поселения. Большая часть территории была занята посевами зерновых. Скорее всего, возле лесных массивов и ближе к водоему сохранялись луга, что видно по палинологическим спектрам, полученным по разрезу у «Ореховской плотины». Судя по составу мезофильного разнотравья, эти угодья чаще включали влаголюбивые растения из семейств гвоздичных, зонтичных, крестоцветных. Появление спор сфагновых мхов и хвощей может свидетельствовать о некоторой заболоченности отдельных участков у реки.

Далее, после большого перерыва вновь выделяются три палинозоны, характеризующие природную среду XVIII в. в пределах Царицыно.

Палинологическая зона 8 (сосна с участием березы и ели) выделяется по образцам из погребенной почвы склона под насыпью «земляной пирамиды» у Малого дворца (I–III спорово-пыльцевые комплексы) (рис. 9), в верхних слоях разрезов ям 1 (IV спорово-пыльцевой комплекс) и 2 (II спорово-пыльцевой комплекс) на поселении Царицыно-1.

В общем составе данной палинозоны отмечается увеличение содержания пыльцы древесных пород, которая встречается примерно в тех же количествах, что и пыльца травянистых растений (примерно по 45%). Более высокий процент пыльцы древесных пород (до 60%) отмечается только в разрезе погребенных почв. Споры составляют около 10%.

Также меняется и состав древесных пород. Содержание пыльцы березы (*Betula*) снижается до 20–30%. В то же время количество пыльцы сосны (*Pinus*) возрастает до 50–80%. Увеличивается и содержание пыльцы ели (*Picea*), которой особенно много в шурфе 1 (средневековая яма 2) возле беседки «Храм Цереры» (около 20%). Здесь же помимо пыльцы сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*) в небольшом количестве встречается пыльца кедра (*Pinus sibirica*), который в этом регионе мог существовать только в декоративных посадках. На создание парковых насаждений указывает также наличие пыльцы лиственницы (*Larix*). Пыльца широколиственных пород встречается нечасто и представлена липой (*Tilia*) и дубом (*Quercus*).

Состав травянистых растений мало отличается от предыдущего комплекса. Хотелось бы только отметить большое количество (примерно половина) пыльцы культурных форм среди злаков (*Poaceae*), которые по-прежнему господствуют среди травянистых растений. Часто встречается пыльца сорных растений семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) — 15%, астровых (*Asteraceae*) — 12%, гречишных (*Polygonaceae*) — 5%. Характерно и наличие пыльцы сорняков — спутников культурных посевов (мелкие формы семейства *Brassicaceae*, *Polygonum persicaria*).

Споровые представлены зелеными мхами (*Bryales*), плаунами (*Lycopodium*), сфагновыми мхами (*Sphagnum*) и папоротниками семейства *Polypodiaceae*.

Появление в палинологических спектрах в разрезе ямы 2^1 у беседки «Храм Цереры» чуждых для естественной флоры видов, таких как сибирский кедр и лиственница, а также изменение состава леса указывают на создание парковых насаждений. Открытых пространств стало меньше, чем на предыдущем этапе, хотя угодья под пашни сохранялись, о чем свидетельствуют постоянные находки пыльцы культурных злаков среди травянистых растений. Высокий процент участия пыльцы семейства цикориевых, а также присутствие спор растения *Anthoceros* из класса антоцеротовых скорее всего указывают на нарушенность почвенного покрова некоторых участков территории, связанную или с созданием парка, или с существованием перелогов при проведении сельскохозяйственных работ.

Палинологическая зона 9 (сосна с участием ели) описана по образцам из заполнения рва на поселении Царицыно-1 (VI спорово-пыльцевой комплекс) и раскопу на курганной группе Царицыно-2 (V спорово-пыльцевой комплекс).

В общем составе отмечается дальнейшее

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

увеличение количества пыльцы древесных пород, содержание которой по сравнению с предыдущим комплексом возрастает до 66–74%, на пыльцу травянистых растений приходится 10–19%, а спор становится меньше, и их участие составляет только 10–15%.

Среди древесных пород, как и в предыдущем комплексе, доминирует пыльца сосны (*Pinus*) — 51–71%. В то же время здесь отмечается более высокий процент пыльцы ели (*Picea*) — 13–17%, а содержание пыльцы березы (*Betula*) снижается до 5–10%. Реже встречается пыльца широколиственных пород, представленных главным образом липой (*Tilia*) и единично дубом (*Quercus*).

В группе травянистых растений больше всего пыльцы злаков (*Poaceae*) – 34–44%, в том числе культурных, и разнотравья — 35%. Среди разнотравья присутствует пыльца семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) — 23%, также встречается пыльца астровых (*Asteraceae*) и горца (*Polygonum*). Помимо этого, в незначительных количествах отмечена пыльца осок (*Cyperaceae)*, маревых (*Chenopodiaceae*) и полыней (*Artemisia*).

Состав споровых довольно разнообразен. Чаще всего встречаются споры сфагновых мхов (*Sphagnum*), папоротников семейства *Polypodiaceae* и зеленых мхов (*Bryales*). В небольшом количестве отмечены споры плаунов (*Lycopodium*), единично — споры хвощей (*Equisetum*) и гроздовника (*Botrychium*).

Этот комплекс отражает более прохладные и более влажные климатические условия, выразившиеся в уменьшении роли широколиственных пород в составе леса и в увеличении содержания ели. По особенностям состава основных компонентов спектры данной палинозоны наиболее близки зональному типу естественной растительности. Массивы леса были образованы сосной и елью при небольшом участии липы и дуба. Площади открытых ландшафтов сократились, по-видимому, за счет пахотных угодий, на что может указывать присутствие значительного количества пыльцы цикориевых, среди которых много сорняков.

Палинологическая зона 10 (сосна с участием березы) выделена по разрезу погребенной почвы на откосе «земляной пирамиды» XVIII в. под Малым дворцом (IV, V спорово-пыльцевые комплексы).

В общем составе по-прежнему преобладает пыльца древесных пород (56–68%). Пыльца травянистых растений составляет 22–36%, споры — 10%.

По сравнению с предыдущей палинозоной состав древесных пород отличается однообразием. Основной фон составляет пыльца сосны, достигая 73–86%, 7–16% приходится на пыльцу березы. Очень редко встречается пыльца ели и липы (3–5%).

Среди травянистых растений отмечается значительное увеличение содержания пыльцы семейства *Cichoriaceae* (50–67%). В то же время количество пыльцы злаков сокращается до 20–27%.

Для данной палинозоны характерно очень высокое (до 82%) содержание спор плаунов (*Lycopodium*), что свидетельствует о нарушенности почвенного покрова.

Формирование данного комплекса происходило в самом начале формирования второй погребенной почвы. По-видимому, в это время усилились денудационные процессы, и поэтому состав этого комплекса во многом повторяет характер спектров верхов первой погребенной почвы. Это предположение подтверждается не только нарушенностью почвенного покрова около места отбора проб, но и высокой ролью сорняков семейства цикориевых. Леса по-прежнему играют заметную роль в ландшафте территории, но состоят они часто только из одной сосны.

Возможно из-за усиления процессов сноса, некоторые пахотные угодья расположенные по склонам сокращаются.

Палинологическая зона 11 (сосна, береза с участием широколиственных пород) описана также по разрезу «земляной пирамиды» и характеризует низ современной почвы, сформировавшейся на подсыпке XIX в. (VI спорово-пыльцевой комплекс).

По сравнению с предыдущей палинозоной здесь в общем составе уменьшилась до 30% роль пыльцы древесных пород, а количество пыльцы травянистых растений возросло до 48%. Также больше стало и спор — 22%.

Среди древесных пород по-прежнему доминирует пыльца сосны, но в то же время возрастает до 33% содержание пыльцы березы, довольно часто встречается пыльца липы (8%) и дуба (8%). Пыльца ели и ольхи составляет всего по 3%.

Травянистые растения представлены в основном пыльцой семейства *Cichoriaceae* (81%). Еще меньше — 7% — стало пыльцы злаков.

Среди споровых много зеленых мхов, присутствуют сфагновые мхи, плауны и папоротники.

Состав этой палинозоны существенно отличается от зонального палинологического спектра. Площади, занятые сосновым лесом, сократились, и возросла роль вторичных березняков.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

По-видимому, в это время культурно-природный парк Царицыно существенно пострадал от хозяйственной деятельности человека, включая вырубку заповедного леса. В то же время площади, занятые пашнями, заметно уменьшились, а открытые пространства, в прошлом бывшие пахотными угодьями, заросли различной сорной растительностью, главным образом из семейства цикориевых.

Палинологическая зона 12 (береза с участием широколиственных пород и сосны) охарактеризована по образцу из верхней части современной почвы на поверхности «земляной пирамиды» (VII спорово-пыльцевой комплекс).

По сравнению с предыдущей палинозоной здесь в общем составе резко увеличилась роль пыльцы древесных пород (с 30 до 70%) и сократилось до 23% значение пыльцы травянистых растений. Споры составляют 7%.

Среди древесных пород на первое место выходит пыльца березы (44%), также велико участие пыльцы широколиственных пород, особенно липы (18%), хотя встречаются вяз, клен и лещина.

Изменился состав травянистых растений. Увеличилось до 25% количество пыльцы злаков, но признаки земледелия по палинологическим спектрам практически не прослеживаются. Луговое разнотравье по составу достаточно разнообразно. Реже, чем в предыдущей палинозоне, встречается пыльца семейства цикориевых (25% против 81%).

Состав лесных группировок свидетельствует о высокой роли березы и широколиственных пород, что указывает на более теплые климатические условия по сравнению с предыдущим этапом.

Вопрос о роли березы в составе палинологических спектров данной палинозоны должен быть рассмотрен особо, так как появление березы имеет двойное объяснение. Возможно, она была высажена в парке исключительно из декоративных соображений, или это вторичные березняки, появившиеся после вырубки паркового леса, может быть, даже во время Великой Отечественной войны. Признаки сельскохозяйственного использования данной территории в это время отсутствуют.

Как показали палинологические исследования археологических памятников и естественного разреза погребенных почв, на протяжении существования археологических объектов происходила неоднократная смена природных ландшафтов. По существу, данные палинологического анализа являются «прямыми свидетелями» той природной обстановки, в которой жил человек в изученные периоды.

В железном веке удалось выделить три небольших временных отрезка, заметно отличавшихся друг от друга, особенно это касается отличий первого отрезка от двух последующих. Анализируя состав палинологических спектров первого этапа и сравнивая полученные данные с другими палинологическими материалами указанного времени, следует признать, что это был самый теплый и влажный период железного века. По существу, в это время произошло изменение ландшафта на уровне подзоны, когда на смену смешанным лесам пришли широколиственные. В этот период население только начинало заниматься земледелием.

После продолжительного перерыва получил отражение отрезок времени, для которого были характерны более холодные климатические условия, когда на данной территории стали преобладать хвойные и отчасти березовые леса с небольшим участием широколиственных пород (палинологические зоны 2 и 3). Здесь влияние человека на природную среду проявляется гораздо ярче. Прослеживая изменения в составе палинологических спектров, можно увидеть, как постепенно происходило уничтожение лесов, как появлялись посевные площади, пройдя этап перелогов с большим количеством сорных растений.

Следующий этап относится к разным отрезкам XII в. Он исследован по двум памятникам, различным как по своим функциям, так и по геоморфологическому положению. Разрез у «Ореховской плотины» расположен на низких абсолютных отметках, почти у самого русла р. Язвенки, тогда как курганная группа Царицыно-2 находится на высокой террасе (рис. 2). На разрезе у «Ореховской плотины» в нижнем горизонте (I спорово-пыльцевой комплекс) сохранились отложения самого теплого интервала XII в. Условия внешней среды в районе Царицына стали иными. Лес уже не являлся доминирующим типом растительности, заметно расширились площади сельскохозяйственных угодий и лугов. Участки леса снова были образованы широколиственными породами, чаще липой. Эти лесные сообщества по составу были близки лесам железного века, но занимали очень небольшие площади.

Второй этап XII в., изученный по разрезу курганной группы Царицыно-2 (III спорово-пыльцевой комплекс), дает представление о растительном покрове конца века. Это время характеризовалось более холодными и достаточно

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

влажными условиями, которые были менее благоприятны для сельскохозяйственной деятельности. Это проявилось в уменьшении посевных площадей и в увеличении роли вторичных березняков, возможно, на месте заброшенных пашен.

XIV и XV вв. характеризовались на Руси сложными историческими событиями. Эти процессы отразились и на особенностях развития природной среды. Произошло у меньшение площадей под пахотным клином. Некоторые сельскохозяйственные угодья стали зарастать лесом. Судя по данным палинологического анализа, облесенность территории в долине р. Язвенки составляла около 70%.

В конце XV–XVI в. население вновь начало активно обживать изученный район. Увеличилась вырубка леса, возрождались пахотные угодья.

В XVIII в. в пределах Царицына отмечаются заметные изменения в растительном покрове территории и в структуре хозяйственного использования в связи со строительством дворцового комплекса. По-видимому, в это время происходило не только уменьшение количества небольших поселений, но и некоторое сокращение пахотных угодий, о чем свидетельствует не только увеличение облесенности территории, но и большое количество сорняков из семейства цикориевых. Эти растения чаще всего являются пионерами при зарастании пашен. Помимо этих изменений начинаются мероприятия по созданию природного парка вокруг дворцового комплекса. Происходившие процессы отчетливо прослеживаются благодаря появлению в палинологических спектрах пыльцы древесных пород, чуждых естественной флоре данного региона. В образцах была встречена пыльца сибирского кедра (*Pinus sibirica*) и лиственницы (*Larix*).

В XIX в. по всем изученным материалам отмечается процесс уменьшения сельскохозяйственного использования земель. Лес наступал на освободившиеся территории. Происходило постепенное восстановление естественного растительного покрова, близкого к зональному типу.

Материалы по XX в. получены только по почве на поверхности «земляной пирамиды» под Малым дворцом. В это время вновь происходит нарушение в естественном соотношении древесных пород. Резко возрастает роль вторичных березовых лесов, что, скорее всего, связано с неоднократными вырубками леса.

Примечания

[1] Образцы, по которым получены данные спектры, были отобраны из прослоя, непосредственно подстилавшего горизонт строительства беседки 1805 г., и прослоя, перекрывавшего слой строительства (рис. 35).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

История почв и ландшафтов заповедника «Царицыно»

Комплексные исследования культурных слоев, палеопочв и отложений голоцена, вскрытых в процессе проведения археологических работ, проводились с целью реконструкции истории ландшафтов парка Царицыно и территории в районе Борисовских прудов.

Ранее в южной части Москвы подобные исследования почв (палеопочвенные и почвенно-геоморфологические) проводились совместно с археологами в парках Коломенское и Царицыно (*Александровский, Гласко*, 1987; *Александровский, Кренке*, 1993; *Александровский*, 2004; 2005). В районе древних поселений были выявлены следы изменения почв и ландшафта под воздействием человека от раннего железного века до Нового времени. К ним относились нарушения почв на месте построек и окружающих их участков, а также следы ранней распашки, агрогенной (пашенной) эрозии, различных земляных работ и других трансформаций рельефа и почв. Кроме того, изучались горизонты, относящиеся к этапам развития природы, предшествующим этим поселениям, а именно — голоценовая подзолистая почва и плейстоценовые отложения перигляциальной зоны.

Почвенно-археологические исследования 2006 г. показали следы освоения территории и трансформации почв и рельефа в еще более раннее время (слой бронзового века на многослойном поселении Царицыно-1). Также были выявлены разнообразные почвенные реликты среднего и раннего голоцена, представленные вторыми гумусовыми горизонтами, клиновидными структурами, палеокротовинами и другими образованиями (Борисово).

Объекты и методы исследования

Объектами исследования были почвы и отложения голоцена и позднего плейстоцена. Кроме собственно почв археологических объектов, включавших культурные слои, изучались полные колонки отложений на самих памятниках и в ближайшем окружении, характеризующие историю природы всего голоцена, а в некоторых случаях и позднего плейстоцена.

В ряде случаев стратиграфия почвенных профилей и структура почвенного покрова оказались очень сложными, содержащими реликты различных стадий образования темноцветных гумусовых горизонтов, палеокротовины, клиновидные структуры, имеющие в плане полигональное строение. К последним этапам развития почв относятся следы ранней пашенной эрозии, погребенные пахотные горизонты, агроделювиальные и техногенные отложения.

Определение возраста изученных объектов базировалось на большом числе радиоуглеродных датировок (табл. 2). Для выяснения хронологии событий использовались также археологические данные.

Методы исследования включают палеопочвенный, седиментологический, палеогеографический, геоморфологический, палеоботанический, геохимический, микроморфологический, радиоуглеродный.

Район исследования относится к северо-восточной части Теплостанской возвышенности. Поверхность слабо наклонена к долине Москвы-реки, расчленена долинами малых рек (Городня, Язвенка), а также балок и их отвершков.

Рельеф Теплостанской возвышенности имеет ступенчатый характер. Нижние ступени, в пределах которых располагается район исследования, перекрыты флювиогляциальными и озерно-ледниковыми отложениями, местами с прослоями морены. Они представляют собой флювиогляциальную равнину. Более низкие уровни сложены аллювием трех надпойменных террас и поймы. Более высокие уровни возвышенности, находящиеся уже за пределами района работ, сложены мореной московского и более ранних оледенений.

Наиболее распространенными почвообразующими породами возвышенности являются покровные лессовидные суглинки. Местами, на эродируемых склонах, на поверхность выходят слоистые песчано-суглинистые флювио-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 2. Радиоуглеродный возраст гумуса разновозрастных почвенных горизонтов на поселениях Шипилово-1 и Борисово-1

№ п.п.	Горизонт, глубина в см	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C	
			BP (некалиброванный)	BC/AD* (калиброванный)
Шипилово-1, ш-8				
1	Апах, 30–45	Ki-13377	104,2% pMC (возраст не более 100 лет)	
2	Апах (низ), 50–53	Ki-13375	1250±80	1σ 680–880AD 2σ 650–980AD
3	КС 50–55	Ki-13374	2030±60	1σ 110BC–60AD 2σ 200BC–90AD
4	Ah, 60–70	Ki-13376	5790±130	1σ 4780–4490BC 2σ 4950–4350BC
5	A1E, 55–60	Ki-13385	4820±120	1σ 3720–3490BC 2σ 3950–3350BC
6	60–100, клин правый	Ki-13378	4880±120	1σ 3800–3520BC 2σ 3950–3350BC
7	Клин-3	Ki-13379	5370±120	1σ 4340–4040BC 2σ 4460–3960BC
8	A1hBt (плечо левого клина), 70–90	Ki-13381	8800±160	1σ 8200–7650BC 2σ 8300–7550BC
8а	Левый клин	Ki-13888	6160±120	1σ 5260–4940BC 2σ 5400–4750BC
9	Bt, трещина (A1)	Ki-13382	9520±140	1σ 9150–8720BC 2σ 9250–8450BC
Борисово-1				
10	A1кс, 80–90	Ki-13380	1370±70	1σ 600–720AD 2σ 530–820AD
11	AEh, 90–100	Ki-13384	4090±120	1σ 2790–2490BC 2σ 2950–2300BC
12	Bt пятно, низ, 130–140	Ki-13383	10100±210	1σ 10150–9300BC 2σ 10900–9200BC

* BP — before present (до наших дней); BC — before Christmas (до нашей эры); AD — anno Domini (нашей эры).

гляциальные (водно-ледниковые) породы и, еще реже, озерно-ледниковые отложения. Для флювиогляциальных отложений характерны прослои гравия и гальки. Покровные суглинки, преимущественно средние и тяжелые, обычно бедны песком и не содержат гравийно-галечного материала. Однако при малой мощности суглинков под действием мерзлотных турбаций позднего плейстоцена песок и гравий из подстилающих пород местами внедряются в нижнюю, а иногда и в верхнюю часть покровных отложений.

Относительно небольшую площадь в днище речных долин занимают современные аллювиальные отложения песчаного и песчано-суглинистого состава. Выделяются первая и вторая надпойменные террасы. Во многих случаях аллювий низких террас перекрыт чехлом покровных суглинков, в образовании которого большую роль сыграли делювиальные процессы поздневалдайского времени.

Современные отложения выполняют днища долин (пойменный аллювий), балок (балочный коллювий) и встречаются у подножия склонов (делювий). Состав отложений пестрый — суглинки, супеси и пески, иногда гравелистые. Активизация процессов формирования этих отложений, относящаяся к последним векам, связана с деятельностью человека, прежде всего с распашкой склонов.

Почвы района исследований в основном принадлежат к дерново-подзолистым текстурно-дифференцированным. Большую роль в развитии их профиля играли процессы выноса вещества из верхнего горизонта (эллювиального E) и его накопление в иллювиальном (текстурном Bt). Эти почвы сформировались в голоцене на плейстоценовых отложениях под лесной растительностью. В результате распашки появились их пахотные варианты: агро-дерново-подзолистые, на склонах местами смытые и намытые.

Пойменные почвы в долине рек Городни и Язвенки молодые аллювиальные. На внепойменных пространствах почвы формировались в течение голоцена преимущественно под широ-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

колиственными и елово-широколиственными лесами. На протяжении последнего тысячелетия в результате похолодания климата (малый ледниковый период) и в большой степени под воздействием человека распространились хвойные и вторичные мелколиственные леса с большим участием березы, реже осины. В переувлажненных местообитаниях, часто занятых ольхой и ивой, почвы переувлажнены и оглеены.

В результате изменений климата и растительности почвы прошли ряд стадий эволюции. В среднем голоцене под широколиственными лесами на месте современных дерново-подзолистых почв формировались серые лесные. Их профиль отличался большей мощностью гумусового горизонта (до 30–40 см). Не исключено эпизодическое проникновение лесостепных ландшафтов, особенно в засушливые фазы бореального и раннеатлантического периодов голоцена. В подобных условиях формируется устойчивый темноокрашенный гумус, характерный для серых лесных и лесостепных почв более южных регионов. В позднем голоцене в результате похолодания и увлажнения климата характер почвенных процессов изменился. В составе лесов снизилась роль широколиственных пород. Усилились процессы выщелачивания и оподзоливания, вместо темноцветного гумуса преимущественно гуматного состава, формируется светлый гумус фульватного состава, характерный для подзолистых почв. Под воздействием подзолообразования темноцветный гумусовый горизонт стадии формирования серых лесных почв был полностью или почти полностью разрушен. Однако во многих случаях в профиле современных дерново-подзолистых почв сохранилась нижняя часть данного горизонта — это так называемый второй гумусовый горизонт. Он отличается от современного, серо-бурого, пепельно-серыми тонами окраски, гуматным составом гумуса. Имеются, особенно в понижениях микрорельефа, вторые гумусовые горизонты хорошей сохранности, темные и достаточно мощные. На более высоких элементах рельефа они сильно деградированы под воздействием подзолистого процесса и сохранились в виде отдельных сероватых пятен, обычно в белесом материале элювиального (подзолистого) горизонта дерново-подзолистых почв.

В результате сведения лесов человеком и замены их травянистыми ассоциациями на значительных территориях заметно усилился дерновый процесс, гумусовые горизонты стали темнее и мощнее. На месте древних поселений почвы трансформированы в разной степени, в зависимости от давности и длительности проживания и интенсивности воздействий человека. Имеются мощные темноокрашенные культурные слои, сильно нарушающие почвенный профиль, особенно на месте древних ям. Однако часто культурный слой представлен лишь находками археологического материала (керамика и др.), тогда как почвенный профиль под воздействием естественных процессов почти полностью восстановился и мало отличается от такового типичных дерново-подзолистых почв.

Почвы поселений Борисово-1 и Шипилово-1

Поселения Шипилово-1 и Борисово-1 и исследованные рядом с ними шурфы располагаются в правобережье р. Городни (Городёнки), на участке ее субширотного течения, сразу после места впадения р. Чертановки. Рельеф правобережья представляет собой пологий склон северной экспозиции. Террасы в рельефе выражены плохо. Аллювий террас перекрыт чехлом делювиальных пылеватых лессовидных суглинков поздневалдайского времени и, кроме того, агроделювиальными отложениями последних веков.

Высота поймы и надпойменных террас в общем соответствует таковым Москвы-реки, в долине которой пойма имеет высоту 3–5 м, первая надпойменная терраса — 8–10 м (абсолютные отметки 126–130 м), вторая терраса — 12–18 м у бровки и 20–22 м в тыловой части (абсолютные отметки 130–140 м), третья терраса — 30–35 м, абсолютные отметки 135–160 м (*Лихачева*, 1997). Выше располагается флювиогляциальная терраса (или равнина); ее высота в разных частях Москвы от 140 до 180 м и более. В пределах изучаемой территории выделяются те же террасы. Высокие террасы сходны по абсолютным отметкам с таковыми Москвы-реки, пойма Городни ниже, чем Москвы-реки. Высота поймы над урезом — 2–4 м, высота первой надпойменной террасы — 8–10 м, второй надпойменной — 15–20 м; третьей террасы — около 30 м. Однако пойма и отчасти нижние террасы закрыты прудами.

В правобережье р. Городни наиболее четко прослеживается поверхность и уступ третьей террасы, (абсолютные отметки 145–150 м). Она смыкается с флювиогляциальным уровнем, абсолютная высота которого 150–160 м и выше. Поверхность террас наклонена к реке, их при-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

бровочная часть на несколько метров ниже тыловой части.

Два геоморфологических профиля, построенные по карте масштаба 1:2000 (1930 г.), показали, что в районе поселения Борисово-1 имеются поверхности высотой 30–35 и 8–15 м. В районе поселения Шипилово-1 — три поверхности: на уровне 10–15, 22–25 и 35–40 (?) м (рис. 11). Как мы видим, уровни данных поверхностей во многих случаях не вполне соответствуют высотам типичных террас долины Москвы-реки и ее притоков. Правобережье р. Городни и р. Язвенки в районе Царицыно характеризуется развитием оползневых процессов. Возможно, с оползневой деятельностью связана трансформация поверхности правобережного борта речной долины, нарушение террасовых поверхностей и образование террасовидных форм неаллювиального генезиса.

Пойма и часть первой надпойменной террасы на значительной площади оказались под водой Борисовского пруда. В результате этого поселение Борисово-1 частично затоплено. Поселение Шипилово-1 расположено существенно выше уровня пруда.

Основные работы в районе Борисовского пруда проходили в раскопе на средневековом поселении Борисово-1, в серии шурфов на поселении раннего железного века Шипилово-1, а также на территории, окружающей указанные поселения (рис. 11).

В настоящей работе даны первые результаты радиоуглеродного и палеопочвенного исследования реликтовых темноцветных гумусированных горизонтов и клиновидных структур, а также древних (средневековых) пахотных горизонтов и агроделювиальных отложений. Приведены результаты реконструкции этапов развития почв и ландшафтов в голоцене.

Работа на больших горизонтальных поверхностях в шурфах и археологических раскопах позволила выявить полигональную сеть трех или даже четырех порядков, сформированную трещинами и клиньями, что в обычных почвенных разрезах обычно проследить не удается.

Борисово-1. Поселение расположено на первой надпойменной террасе р. Городни. Имеются основания предполагать, что оно частично находится под уровнем пруда. Сохранившаяся южная часть поселения расположена, как следует из высотных отметок, в тыловой части первой надпойменной террасы. Поверхность рельефа здесь слабо наклонена и без видимых уступов от берега пруда постепенно поднимается до высоты 15 м, которая уже соответствует уровню второй террасы. Однако здесь может быть обнаружен лишь самый нижний уровень данной террасы. Выше начинается уступ третьей террасы. Уступ существенно сглажен склоновыми процессами, как ледникового периода, так и современными, связанными с распашкой.

Культурный слой XII–XIII вв. погребен на глубине 80–90 см под агроделювиальными отложениями последних веков. На поверхности лежит слой техногенных отложений.

Стратиграфия почв и отложений на территории поселения следующая (раскоп 1, участок 2/8, южный борт, цв. вклейка, рис. 7, *5*).

A1 0–10 см. Темно-серая с серой супесь, много, особенно в основании, обломков известняка (дорожка) и подсыпки газонной земли. Вскипают в HCl и супесь, и фрагменты подсыпки. Густо переплетен корнями в верхней части (дернина). Переход четкий.

I del 10–20 (25) см. Делювий. Песок слоистый, желтый и со светло-серыми суглинистыми прослойками, не вскипает, имеются серые пятнышки (копролиты червей). Переход четкий, граница ровная.

II del 20 (25)–50 (60) см.

III del 50 (60)–80 см. Агроделювиальный нанос. Серо-бурый суглинок, несколько темнее вышележащего, комковатый, слоистость прослеживается слабо в нижней половине; в нижней части имеется слабо заметная расслоенность типа псевдофибр. Угольки, мелкие обломки кирпича. В верхней части более гомогенный, несколько темнее. Возможно, это результат почвообразования или распашки. Имеются вертикальные ходы червей, встречаются копролиты, ходы корней, под действием которых нижняя граница слоя «размытая». Переход неконтрастный, но местами резкий (возможно, плужная подошва).

A1кс 80–90 см. Гумусовый горизонт погребенной почвы и одновременно культурный слой XII–XIII вв. Серо-бурый суглинок, темнее вышележащего, комковатый, слабо уплотненный. Единичные угольки, обломки керамики. Переход заметный, граница волнистая.

A1E(h) 90–100 см. Элювиальный (подзолистый) горизонт. Белесо-серый (пепельная неоднородная окраска реликтового гумуса) суглинок, рыхлый, комковато-плитчатый. Местами по нижней границе белесые пятна. Переход постепенный, граница неровная с карманами и клиньями с серо-белесым заполнением.

EBt 100–110 см. Переходный горизонт. Бурый суглинок, буровато-белесые зоны, а также клинья, заполненные белесым материалом, не-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

редко с пепельной серой прокраской. Переход постепенный.

Bt 100–110 см. Иллювиальный горизонт. Бурый суглинок, ореховатый, сильно уплотнен, пятна темно-бурого цвета с серым оттенком. Глинистые натеки на поверхности ореховатых структурных отдельностей. Верхние части магистральных трещин с клиновидными расширениями, в которые проникает белесая масса элювиального (подзолистого) горизонта и серый реликтовый гумус.

На участках 1, 2 и 4 раскопа 1 в южной и западной стенках четко прослеживаются три пачки делювия (пролювия), залегающие на дерново-подзолистой почве. Общая мощность делювия около 80 см.

Нижняя пачка (30 см) сложена гумусированными отложениями, сходными с гумусовым горизонтом нижележащей почвы, но несколько более светлыми. Предположительно этот делювий сложен из материала гумусового горизонта смытых почв средней и верхней части пологого склона. Развитию делювиального смыва, вероятно, способствовала распашка протяженного склона. В нижней части данной пачки имеются следы слоистости, в виде фрагментов сохранившихся светлоокрашенных опесчаненных прослоек. В верхней части пачки слоистость исчезает, отмечается небольшое потемнение окраски. Это отчасти результат почвообразования, но также и результат замедления седиментации (последнее обычно вызывает утяжеление гранулометрического состава). Длительность замедления или даже остановки седиментации была значительной, более 100 лет. Не исключено, что начавшая формироваться почва распахивалась. Хотя подошвы пахотного горизонта не видно, но гомогенное сложение верхней части и исчезновение слоистости на глубину около 15 см позволяют предполагать здесь неоднократное перепахивание. Вместе с тем данный слой имеет пластинчатую структуру, которая характерна не только для слоистых водных отложений, но и для почв лесной зоны, где она имеет мерзлотное (шлировое) происхождение. Так, в пахотных горизонтах подзолистых суглинистых почв она восстанавливается быстро, за несколько лет.

Вышележащая пачка делювиальных отложений, той же мощности 30 см, характеризуется тонкой делювиальной слоистостью, особенно яркой, с преобладанием светлоокрашенных супесчано-песчаных прослоев в нижней части. Хорошо сохранилась слоистость и в верхней части слоя (пачки) делювия. После отложения данной пачки длительного перерыва в седиментации не было, следы почвенных процессов выражены слабо.

Верхняя пачка делювия маломощная — 10–15 см, представлена желто-палевыми прослойками песчаного и супесчаного состава.

Сверху делювиальные отложения перекрыты газонной землей и подсыпкой под дорожку, с включениями известнякового щебня, гравия и крупного песка. В связи с присутствием известняка весь этот слой вскипает от действия HCl.

На дне раскопа видна полигональная сеть, представляющая собой белесое заполнение клиньев на фоне бурого суглинка горизонта Bt. Диаметр ячеек этой сети около 20–30 см. Кроме того, на дне прослеживаются пятна более древнего реликтового гумуса темно-серого цвета.

На участке 3 в шурфе, заложенном на дне раскопа, было обнаружено, что реликтовый гумус в виде карманов и затеков глубоко проникает в толщу бурого плейстоценового суглинка. Здесь, в зоне влияния пруда и размыва берега, под делювием верхняя часть профиля погребенной почвы сохранилась плохо. Профиль имел следующее строение.

0–28 см. Нижняя часть делювия.

E 28–53 см. Белесый суглинок, местами со слабой сероватой прокраской, переход постепенный.

Bt 53–145 см. Темно-серо-бурый суглинок с белесой присыпкой по горизонтальным (шлировым) порам-трещинам и по вертикальным трещинам. Уплотненный, ореховато-призматический. В пределах данного горизонта, на глубине 53–100 см лежит гумусированный карман (фрагментарный горизонт A1/Bt), в котором сочетаются свойства бурого суглинка позднего плейстоцена и внедрившегося гумусированного материала (позднеледникового времени), переработанных впоследствии голоценовым почвообразованием. Гумусовая окраска в его пределах неоднородная, с более темными и светлыми зонами. От него на глубину идут затеки (трещины) до 140 см. Трещины неровные, наклоненные, изгибающиеся (не исключено, что они нарушены более поздними турбациями). В нижней части глубокой трещины имеются очень темные пятна, вплоть до черного цвета. Возможно, данные пятна представляют собой ходы животных, которые смыкаются с зоной трещины. В этих ходах имеются зоны, обогащенные обугленными растительными остатками.

По гумусу этих пятен получена радиоуглеродная дата: 10100±210 лет назад (табл. 2). Гумус залегает на глубине, достаточной для проникновения молодого органического вещества

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

(корни, гумусо-глинистые суспензии). Поэтому дата может быть несколько омоложена. По нашей оценке, такое омоложение, учитывая условия нахождения пятен (глубина залегания, тип почвы, зональная позиция разреза), составляет не более 5–10% (*Чичагова и др.*, 2001). На участке 10 (северная стенка) был исследован профиль со сложно построенным слоем делювия общей мощностью 70 см. Он включал пахотный горизонт на глубине 45–58 см, перекрытый слоистым агрогенным делювием. В основании колонки залегал гумусо-подзолистый горизонт A1E погребенной почвы. Из колонки отобрано восемь образцов на спорово-пыльцевой анализ.

На южной периферии раскопа (участки 9 и 11) были исследованы почвы, в которых средневековый культурный слой отсутствовал. Почва была перекрыта тем же 80–90-сантиметровым слоем агрогенного делювия.

Исследования погребенной почвы данных участков показали, что реликтовые гумусовые горизонты голоцена и позднеледникового времени сохранились здесь значительно лучше, чем на участках 1–8 и 10, изученных ранее.

Здесь, на дне раскопа (участки 9–11), на площади 12×4 м на глубине около 100 см хорошо прослеживались широкие полосы гумусированного суглинка, протягивающиеся в двух направлениях (рис. 12). В пределах этих полос, приуроченных к понижениям (межблочным) древнего микрорельефа, сохранность и выраженность реликтовых горизонтов была значительно выше, чем на повышениях (блоках).

Подобный рельеф, состоящий из повышений — блоков и разделяющих их понижений, расположенных на месте вытаявших ледяных жил, получил название реликтового криогенного блочного. Его развитие по А.А. Величко (1973; *Величко и др.*, 1996; 1997) следующее (рис. 12).

Полигоны, сформированные во время наиболее холодного этапа поздневалдайского времени в центре Русской равнины, обычно имеют значительные размеры с длиной сторон блоков около 40–50 м. Вторая, более молодая генерация полигонального рельефа характеризуется длиной сторон блоков 10–20 м (*Величко и др.*, 1996). Сформированный микрорельеф создает условия для формирования неоднородного почвенного покрова. В межблочных понижениях влажнее, поэтому гумуса накапливается больше, и на последующих стадиях развития почв этот гумус значительно лучше сохраняется в виде реликтовых гумусовых горизонтов. При распашке испытывает процессы погребения, тогда как на повышениях (блоках) реликтовый гумус сохраняется плохо, преобладают процессы спахивания и смыва.

Исследования на участках 9–11 раскопа на поселении Борисово-1 позволили выявить несколько генераций полигональной сети. Их характеристика будет дана ниже. Здесь отметим, что генераций этих четыре, от позднеплейстоценовой, формирующей криогенный микрорельеф (диаметр блоков около 50 м), до позднеголоценовой, представленной решеткой тонких трещин (диаметр решетки около 20 см). Особый интерес представляют выявленные на дне раскопа гумусированные полосы и трещины, которым соответствуют имеющиеся в стенках раскопа гумусированные клинья. Приведем описание профилей раскопа на участках 9–11.

Раскоп 1 поселения Борисово-1, участки 9 и 11. Общая схема строения отложений, вскрывающихся в южной стенке, следующая. Верхние 80–90 см составляют делювиальные отложения, образовавшиеся в результате распашки последних веков. Под ними залегает дерново-подзолистая почва, сформировавшаяся на покровных суглинках. Почва имеет темноцветный реликтовый гумусовый горизонт, который хорошо сохранился в понижении микрорельефа, особенно в средней его части на расстоянии 3–6 м от юго-восточного угла раскопа (рис. 12).

Профиль 1. Участок 9. Южная стенка, в 4,5 м от юго-восточного угла раскопа, расположен по центру микропонижения.

A1 0–10 см. Гумусовый горизонт. Темно-серо-бурый суглинок опесчаненый, комковатый, густо переплетен корнями трав. Переход постепенный.

BCca 10–30 см. Серовато-светло-бурый суглинок опесчаненный с прослоями супеси, плохо оструктурен, слабо уплотненный, имеются обломки кирпича, стекла, гравий и щебень, в том числе из известняка. Единичные корни, вертикальные ходы червей. Вскипает от HCl. Переход четкий.

A1 (del) 30–55 (60) см. Серо-бурый суглинок, комковатый, слабо уплотненный, вертикальные ходы червей, при высыхании растрескивается вертикальными трещинами. Переход постепенный.

BC1 (del) 55 (60)–75 см. Серовато-бурый суглинок, непрочно-комковатый, слабо уплотненный, вертикальные ходы и трещины. В нижней части темнеет. Переход постепенный.

A1 75–90 см. Серо-бурый к темно-серо-бурому суглинок, комковатый, слабо уплотненный, вертикальные трещины и ходы червей. Переход резкий (плужная подошва), граница местами неровная (турбации).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

A1Eh 90–100 (105) см. Реликтовый второй гумусовый горизонт. Темно-серо-бурый суглинок комковатый с плитчатостью, уплотненный, переход постепенный, граница волнистая.

EBth 100 (105)–130 см. Нижняя часть реликтового гумусового горизонта. Книзу светлеет. Серый к темно-серому суглинок, уплотненный, ореховато-призматический. Имеются многочисленные клиновидные трещины темно-серого цвета. Переход постепенный.

Bt 130–150 см. Бурый суглинок ореховато-призматический, уплотненный. Имеются зоны глубокой прогумусированности. Вероятно, это образования позднеледникового времени.

Ярко выделяется темной гумусовой окраской реликтовый второй гумусовый горизонт A1Eh на глубине 90–100 (105) см. Реликтовая прокраска продолжается и ниже (горизонт EBth) до 130 см. Общая мощность прогумусированной толщи (вместе с горизонтом A1) составляет 55 см. Современные дерново-подзолистые почвы имеют маломощные гумусовые горизонты. Подобные же мощные темноокрашенные гумусовые горизонты характерны для современных почв лесостепи и луговой степи.

По поселению Борисово-1 имеются три радиоуглеродные датировки (табл. 2). Они характеризуют участок повышения микрорельефа. Получены даты по гумусовому горизонту, содержащему культурный слой домонгольского времени — 1370±70 лет назад (Ki-13380), по элювиальному горизонту с остатками деградированного реликтового гумуса — 4090±120 лет назад (Ki-13384). Возраст второго гумусового горизонта хорошей сохранности будет охарактеризован ниже, в разделе о работах на поселении Шипилово-1.

На поселении Борисово-1 также была получена уже упоминавшаяся дата по раннеголоценовому (позднеледниковому) гумусовому затеку — 10100±210 (Ki-13383) из разреза на участке 3 (цв. вклейка, рис. 7, *б*).

Кроме полигонов реликтового криогенного микрорельефа позднего плейстоцена, была выявлена сеть гумусированных полос, представленных темно-серо-бурым тяжелым неэлювиированным суглинком. Эта сеть образует полигоны диаметром 0,5–1 м и предположительно относится к рубежу между плейстоценом и голоценом. Ширина полос 10–20 см, их края диффузные. Имеется сеть более узких трещин (2–4 см), заполненных уже элювиированным материалом, видимо, средне-позднеголоценового возраста (с резко очерченными краями). Наконец, обнаруживаются тонкие трещины (менее 1 см), заполненные вмытым глинистым материалом, по цвету сходные с трещинами предыдущей генерации. Тонкие трещины, очевидно, являются самыми молодыми, в том числе времени накопления агроделювия, и образовались уже после функционирования поселения в XII–XIII вв. н.э.

Врезки на берегу пруда. Рядом с раскопом, к западу от него, в современном уступе берега, подмываемого прудом, сделаны две врезки (рис. 11).

Врезка 1, первая от раскопа, характеризуется большой мощностью балласта (около 70 см), перекрывающего погребенную почву.

A пах 70–110 (115) см. Гумусовый горизонт почвы (намытый, вероятно напаханный). Серо-бурый суглинок, гомогенный, рыхлый, при высыхании белесый оттенок, комковатый. Переход резкий, граница неровная.

E 110 (115)–120 см. Белесый суглинок, рыхлый плитчатый, бурые и серые пята. Переход постепенный.

EBt 120–135 см. Белесо-бурый суглинок, уплотненный, ореховато-комковатый. Единичные серые пятна, червеходы. Переход постепенный, граница волнистая, осложненная клиньями, заполненными белесым более легким и рыхлым материалом. Переход постепенный, граница волнистая.

B1t 135–180 см. Бурый суглинок, плотный, ореховато-призматический. Встречаются гумусированные глинистые пятна серо-бурого цвета, предположительно древние позднеледникового времени. Они рассечены вертикальными трещинами, заполненными белесым материалом более легкого гранулометрического состава (элювиированным). Переход очень постепенный.

B2t 180–220 см (дно). Тот же суглинок с единичными трещинами, призматический, плотный.

Вниз по склону поверхность погребенной почвы понижается, при приближении к пруду появляется оглеение, под действием склоновых процессов горизонт приобрел слоистое сложение, появилась сизая окраска. Следы перемыва указывают на то, что уровень пруда в прошлом мог подниматься на 1 м выше современного уровня.

Врезка 2. Берег, подмываемый прудом, становится выше и круче. Мощность балласта, перекрывающего почву, несколько меньше (50 см).

Балласт мешаный, внизу преимущественно состоит из бурого ореховатого суглинка,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

сверху — из разнозернистого песка с гравием. Единичные обломки стекла и кирпича. На поверхности сформировался серый гумусовый горизонт мощностью 5–10 см.

Гумусовый горизонт погребенной почвы менее мощный по сравнению с почвой врезки 1. Строение профиля следующее.

A1(AE) пах 45 (50)–70 см. Серый, при высыхании с белесым оттенком, суглинок. В верхней части прослеживается комковато-зернистая структура (вероятно, это дернина, появившаяся после прекращения распашки). Переход резкий, граница ровная (плужная подошва).

Bt 70–170 см. Бурый суглинок ореховато-призматический, плотный. На глубине 110–130 см зона оподзоленности и гумусированности (переотложенный почвенный материал, причем оподзоленный материал лежит над гумусированным). На поверхности структурных отдельностей глинистые натеки.

Погребенная почва во врезке 2 имеет яркие признаки смытости — пахотный горизонт лежит сразу на горизонте Bt. Сначала был смыв, в результате чего был удален подзолистый горизонт, а пашня легла на иллювиальный горизонт Bt. Величина смыва не менее 20–30 см. Затем произошел намыв, в результате чего поверхность пашни поднялась на 10 см.

Шипилово-1. Поселение относится к раннему железному веку и Средневековью. Оно расположено также на пологом склоне северной экспозиции, но на более высоком уровне по сравнению с поселением Борисово-1 (рис. 11). В течение голоцена на лессовидных суглинках сформировались дерново-подзолистые почвы, со столь же сильной текстурной дифференциацией, как и в районе поселения Борисово-1. Местами, видимо, также в понижениях микрорельефа, обнаруживается второй гумусовый горизонт и связанные с ним гумусированные клиновидные образования. Также имеются следы ранней распашки, встречается и агроделювий.

Изучен шурф 8, в котором второй гумусовый горизонт имел темную окраску и повышенную мощность. Клиновидные гумусированные образования различались по глубине и морфологии. В плане они образуют полигональную сеть, с диаметром ячеек 20–40 см (цв. вклейка, рис. 7, *4*).

Приведем описание профиля в южной стенке шурфа 8.

A1 0–5 (10) см. Серо-бурый суглинок, густо переплетен корнями, комковатый. Переход постепенный.

U1 5 (10)–23 см. Техноген. Пятнистый мешаный песчано-суглинистый. Фрагменты карбонатного материала (цемент). Вскипает от HCl. По нижней границе линзы газонной земли. Переход резкий, граница неровная.

A пах намытый 23–50 (54) см. Серо-бурый суглинок гомогенный, местами неясная шлировая слоистость, уплотненный, комковатый. Ходы червей, корешки. Переход резкий.

КС фрагмент, 52–57 см. Культурный слой (залегает фрагментарно). Темно-серый суглинок. Верхняя и нижняя границы резкие, неровные.

A1E 50 (57)–60 (63) см. Серо-белесый суглинок плитчатый, слабо уплотненный. Переход постепенный.

A1h 55 (63)–70 (90) см. Темно-серо-бурый суглинок ореховато-комковатый, белесые пятнышки. Переход постепенный, граница волнистая.

Bt 70 (90)–150 см. Бурый суглинок плотный, ореховато-призматический. Клинья серо-бурого и темно-серого цвета разной глубины, до 140 см, шириной в верхней части до 30 см. Имеются кротовины и турбированные гумусированные прослойки (древние почвы).

В южной стенке шурфа 8 исследованы гумусовые клинья нескольких генераций (рис. 13).

Из описания видно, что в изученном профиле под слоем современных техногенных отложений (25 см) и пахотным намытым слоем (25–20 см) находится культурный слой РЖВ темно-серого цвета. Он залегает в виде отдельных линз. Ниже лежит подзолистая почва. Под ее гумусо-элювиальным горизонтом A1E (10 см) белесо-серого цвета располагается темно-серо-бурый реликтовый (второй) гумусовый горизонт A1h (15 см). Еще ниже в светло-буром иллювиальном горизонте Bt выделяются два клина. Левый глубиной до 140 см, более глинистый серо-бурый, плотный. Второй, до 110 см, заполнен элювиированным белесо-серым материалом. Имеются и не столь крупные гумусированные клинья, как отмечалось, образующие на дне раскопа полигональную трещинную сеть с диаметром ячеек 20–40 см (рис. 12). Встречаются клинья еще меньшего размера, заполненные белесым слабогумусированным материалом. Имеются палеокротовины и турбированные гумусированные прослойки (остатки древних почв). По гумусу почвенных горизонтов, клиньев и культурного слоя получена серия радиоуглеродных дат (табл. 2, рис. 13).

Большой интерес представляет дата по гумусу культурного слоя РЖВ (2030±60 лет назад). Она соответствует археологическому возрасту

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

слоя. Видимо, линзы культурного слоя представляют собой нижнюю часть ям, заполнение которых содержит гумифицированные остатки органического вещества, принесенного человеком. Накопление такого органического вещества, служащего основой для формирования «археологического гумуса», происходит быстро. Отметим, что исследованный нами культурный слой залегает в ямах ниже гумусового горизонта почвы, и поэтому его существенного омоложения не происходит. Это показывает, что «археологический гумус» значительно точнее отражает возраст исторических событий, чем гумус почвенный. Последний накапливается долго, испытывает воздействие процессов омоложения и характеризует усредненный возраст гумуса за длительное время почвообразования.

Полученные даты позволяют выделить в развитии профиля почвы следующие стадии (рис. 13). В начале голоцена формируются хорошо развитые гумусовые горизонты почв. Наследуются позднеледниковые турбированные гумусовые горизонты. Предположительно, во время похолодания на рубеже бореального и атлантического периодов (8000 лет назад) образуются глубокие клинья, заполненные гумусом раннеголоценовых почв (рис. 13, *2*). Эти ранние клинья заполнены еще не элювиированным материалом. В течение атлантического периода формируется текстурно-дифференцированный профиль, представленный гумусо-элювиальным осветленным горизонтом в верхней части профиля и иллювиальным — в нижней. Почву того времени, видимо, можно отнести к типу серых лесных. На рубеже атлантического и суббореального периодов формируется новая генерация клиньев (рис. 13, *3*). Сходные клинья (грунтовые жилы слоя сезонного промерзания) отмечаются и в более южных районах (*Величко и др.*, 1997). В шурфе 8 эти клинья заполнены темноцветным, но уже элювиированным материалом. Это подтверждается почти полной идентичностью дат из подобного клина — правого (4880±120) и гумусо-элювиального горизонта (4820±120 лет, рис. 14, *6*).

В дальнейшем текстурная дифференциация профиля усиливается. Около 2000 лет назад появляется культурный слой РЖВ, от которого ко времени средневекового заселения сохраняются только нижние части ям (рис. 13, *4*). В последние века почва распахивается, от ям РЖВ сохраняются только самые нижние части, пахотный горизонт постепенно растет вверх за счет намытого материала по склону, а в последние десятилетия появляется слой техногенных отложений (рис. 13, *5, 6*).

Стадии формирования ландшафта. На основе сопоставления данных изучения почв и отложений поселения Шипилово-1 (шурф 8) и поселения Борисово-1 (участки 9 и 11) историю формирования почв и ландшафтов исследуемой территории можно представить следующим образом (рис. 14).

В позднеледниковье (11–10 тыс. лет назад) под тундро-степной растительностью формировались дерновые мерзлотные почвы с криогенными деформациями, в том числе с клиньями. В раннем голоцене — начале среднего голоцена (7–9 тыс. лет назад) в условиях лесных, периодически лесостепных ландшафтов почвы трансформируются в серые лесные с темноцветным горизонтом A1, имевшим гумус гуматного состава. Первый этап образования голоценовых клиньев (грунтовые жилы слоя сезонного промерзания) был, видимо, около 8 тыс. лет назад. В среднем голоцене на Теплостанской возвышенности преобладают широколиственные леса на серых лесных почвах. Постепенно усиливается оподзоленность верхней части профиля и текстурная дифференциация профиля почв в целом. Периодически, вероятно, под лугово-степными биомами, формируется устойчивый темноцветный гумусовый горизонт гуматно-Ca типа. На рубеже атлантического и суббореального периодов или в начале субореала (5–4,5 тыс. лет назад) в условиях резкого похолодания образуются новые мерзлотные клинья. В середине субореала, возможно, имел место период потепления и значительного иссушения климата с формированием трещин усыхания. В дальнейшем, в результате похолодания и увлажнения климата (вторая половина субореала, начало субатлантики), под смешанными лесами происходит оподзоливание почв, темноцветные горизонты сохраняются преимущественно в понижениях микрорельефа. В итоге ко времени РЖВ формируется сложный почвенный профиль с хорошо выраженным вторым гумусовым горизонтом и гумусированными клиньями (три первых профиля на рис. 13).

Затем, во время существования поселения РЖВ (около 2 тыс. лет назад), появились различные ямы и гумусированные слои. В районе поселения возникают участки, свободные от леса, на которых, вероятно, начинается эрозия почв. Но после прекращения функционирования поселения почвообразование возобновляется, и следы культурного слоя постепенно трансформируются. Ко времени средневекового заселения профиль почвы был существенно

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

оподзолен, но нижние части ям РЖВ сохранялись (рис. 13, *4*).

В результате распашки средневекового периода верхняя часть профиля, и в том числе остатков слоя РЖВ, была изменена (рис. 13, *5*). Территория осваивалась под пашню, на водораздельных пространствах сохранялись смешанные леса (рис. 15, *2*).

В последние века у подножия склона мощность агроделювия увеличилась, местами появились техногенные отложения (рис. 13, *6*). Возникли пруды и современная застройка.

Царицыно

На территории парка Царицыно работы проходили в разные годы на большом ряде объектов. Изучались почвы курганов нескольких курганных групп, а также почвы, погребенные под остатками строительства около Большого дворца (*Александровский*, *Кренке*, 1993). Затем исследования проводились на поселениях Царицыно-3, Царицыно-4 и Царицыно-1, около Малого дворца на искусственных террасах, на берегах Царицынских прудов. В 2005 г. большие работы велись около стен Большого Царицынского дворца, а также на месте дома управляющего, у стен Хлебного (Кухонного) корпуса и внутри него. В парке изучены остатки «кломбы» начала XIX в. Продолжались работы на берегах Царицынских прудов, на острове Верхнего пруда и у Ореховской плотины.

В 2006 г. было проведено изучение почв на курганном могильнике, выполнены работы на больших участках, раскопанных на поселении Царицыно-1 и в глубоком большом шурфе, вскрывшем строение плейстоценовых отложений на поселении Царицыно-3. Также работы проходили у Шипиловской плотины и на поселении Черная Грязь.

Ландшафты и почвы Царицыно в целом сходны с таковыми в районе Борисово-1, охарактеризованными выше. Современные ландшафты сильно трансформированы человеком. Максимально изменен растительный покров, на значительных участках трансформированы почвы, рельеф изменен в деталях. Местами сохранились исходные темнохвойно-широколиственные леса. В их составе встречаются вторичные породы, в основном береза. Основной фон почвенного покрова составляют дерново-подзолистые почвы на покровных лессовидных суглинках, подстилаемых зандровыми (флювиогляциальными) отложениями, слоистыми, песчаного и суглинистого состава.

Вместе с тем в районе Верхне-Царицынского пруда имеются участки с дерново-подзолистыми почвами на слоистых флювиогляциальных отложениях, которые имеют заметные литогенные отличия от почв на покровных суглинках.

Появление данных почв связано с тем, что в районе пруда река врезана в толщу флювиогляциальных отложений сильнее, чем в районе Борисово. Долинный зандр Московского оледенения здесь, на р. Язвенке, более узкий, чем на р. Городне. В последний этап врезания, относящийся к поздневалдайскому времени, сформировалась асимметрично построенная долина — левый борт более пологий, с чехлом покровных суглинков, переработанных делювиальными процессами. Правый борт — крутой, с четко выраженным уступом высокой террасы. В прибровочной части террасы покровные суглинки эродированы, на крутом склоне уступа они перекрывают тонким делювиальным чехлом пески и супеси либо переслаиваются с ними.

Почвы в левобережье р. Язвенки дерново-подзолистые на покровных суглинках. Обычно они имеют остаточно-пахотный горизонт, а в нижней части склона намытые. В правобережье на поверхности террасы почвы также дерново-подзолистые на покровных суглинках. Гумусовый горизонт часто имеет признаки распашки, мощность элювиальной части профиля (сумма мощностей горизонтов A1 и E) без существенных колебаний и составляет 30–40 см. В прибровочной части террасы почвы часто смытые и опесчаненные. Флювиогляциальные отложения характеризуются слоистостью, местами преобладают песчаные прослои и линзы, местами увеличивается доля суглинистого материала. В связи с этим и почвы характеризуются неоднородностью. Подзолистые горизонты выглядят более мощными и ярко выраженными там, где верхняя часть почвенного профиля содержит песчаные прослои и линзы. Наоборот, на участках с преобладанием суглинистого материала верхняя элювиальная часть профиля уменьшается и становится близкой к таковой у почв на покровных суглинках. В случае если верхняя часть профиля формируется в условиях четко выраженной слоистости исходных пород, почвенные процессы в еще большей степени подчеркивают эту слоистость. Песчаные прослои становятся белесыми, бурая прокраска суглинистых прослоев усиливается.

В районе верхней части пруда склон расчле-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нен системой разветвленных оврагов (балок). На гребнях и мысах, разделяющих овраги, покровные суглинки смыты в максимальной степени, почвы в наибольшей степени опесчанены. Примером участка с подобными почвами может служить мыс, на котором находятся беседка «храм Цереры» и поселение Царицыно-1.

Поселение Царицыно-1. Расположено на ярко выраженном мысу между оврагами и р. Язвенкой. Почвы на мысу подзолистые супесчано-суглинистые, местами с мощным осветленным горизонтом. Лес широколиственный с большим участием березы. Площадка на поверхности мыса неширокая, полого наклоненная в сторону реки. Склоны уступов в сторону реки и особенно в сторону оврага крутые.

Приведем описание почвенных разрезов, сделанных в 2004 г. в разных стенках раскопа 1. В верхней части профиля почвы до глубины 30 см содержится материал РЖВ. Пологий склон восточной экспозиции. Лес широколиственный (дуб, липа), а также береза, на удалении — ясень.

Состав почвообразующих пород определяется геоморфологическими особенностями данного места: узкий мыс, образованный в результате интенсивного действия эрозионных процессов. В связи с этим чехол покровных суглинков здесь смыт полностью или почти полностью (вся поверхность мыса пока не исследована). В раскопе на поверхность выходят песчано-супесчаные слоистые отложения. Процессы перемешивания почвенной массы (биотурбации) в верхней части профиля формируют относительно однородный супесчаный состав поверхностной толщи около 40 см. Ниже сохраняются прослои более легкого, песчаного, и тяжелого, суглинистого, состава.

Верхний гумусовый горизонт представлен опесчаненным легким суглинком. Нижележащие горизонты в слое до 40–50 см сформировались в пределах слоя опесчаненной супеси, местами легкого суглинка. Ниже лежит неоднородный слой, представленный линзами и пятнами песка, суглинка и супеси.

Приведем описание почвенного профиля в северной стенке *раскопа 1* (рис. 21). В левой части северной стенки четко выделяются следующие горизонты.

A1 0–10 (15) см. Темно-серый легкий суглинок, местами супесь. Комковатый, рыхлый. Граница неровная, местами затеки в нижний слой, переход постепенный.

A1E 10–20 см. Серовато-палевый песок к супеси с включениями серой супеси из верхнего горизонта. Рыхлый, комковатый (структура непрочная). Переход постепенный.

B1EA 20–35 (45) см. Серовато-буроватая супесь, местами песок. Бесструктурный, рыхлый. Пятна серого цвета (ходы корней). Переход местами резкий, граница местами ровная.

B2f 35 (45)–50 см. Буровато-желтый песок с белесыми песчаными зонами. Рыхлый, бесструктурный. Железистые псевдофибры в пределах белесых зон. Переход постепенный, граница неровная.

Bt 43–50 см. Бурый суглинок уплотненный, ореховатой структуры (горизонт выделяется фрагментарно).

В правой части северной стенки верхняя часть профиля та же, нижняя часть отличается: горизонт B1EA имеет затеки и карманы, достигающие глубины 60 см.

B2f 40 (60)–75 см. Буровато-желтый песок с розовато-палевыми зонами. Пятна серого цвета (кротовины, ходы корней и червей).

BC 75–90 см. Желтый песок с линзами бурого суглинка.

В западной стенке строение профиля следующее.

A1 0–15 см. Темно-серый легкий суглинок.

A1EB 15–35 (40) см. Серо-бурая супесь с бурыми суглинистыми и белесыми песчаными пятнами.

EBt 35 (40)–50 см. Представлен чередованием белесых песчаных и бурых суглинистых зон. В последних материал уплотнен, имеет ореховатую структуру.

Почвенный профиль в разных стенках различается. В восточной стенке толща песка более мощная, в западной — достаточно высоко залегает суглинистый слой.

В восточной, северной (длинной) и западной стенках выделяется горизонт мощностью 35 (40) см с относительно резкой нижней границей. Для этого слоя характерна слабая серая (серовато-буроватая) прокраска гумусом. Местами он имеет относительно ровную нижнюю границу с резким переходом к нижележащему горизонту. Данный уровень может быть связан с деятельностью человека, протекавшей в прошлом, во время формирования культурного слоя. Также не исключено, что это образование представляет собой мощный пахотный горизонт с относительно резкой нижней границей. Горизонты такой же мощности имеются в парке Останкино. В западной части раскопа данный 40-сантиметровый горизонт достигает суглинистого слоя (бурый суглинок, горизонт Bt), и в нем видны перемещенные фрагменты этого суглинка (при-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

пахан?). В северной и особенно восточной стенке суглинок залегает глубже этого 40 см слоя.

В пределах верхнего слоя 35 (40) см располагается элювиальная толща подзолистой почвы, сформированной под лесной растительностью. Ее верхний гумусовый горизонт А1, опесчаненный серый легкосуглинистый, имеет неровную нижнюю границу, мощность меняется от 5 до 10 см и более. Ниже располагается собственно элювиальный горизонт А1Е1 (по старой индексации — А2). Белесоватый, супесчаный, местами песчаный. Степень оподзоленности этого горизонта невелика. Он вполне мог образоваться (возобновиться) после глубокой (плантажной) распашки за 200 и даже за 150 лет. В нижней его части успели сформироваться псевдофибры — тонкие волнистые ожелезненные прослойки — признаки полосчатого иллювиального горизонта. Выраженность иллювиальной толщи (располагается ниже сероватого слоя 40 см) подзолистого профиля также невелика, что связано с преимущественно супесчаным ее составом. Только в западной стенке горизонт Bt выражен ярко (уплотненный суглинок, ореховатая структура, глинистые натеки). В восточной и отчасти южной стенках преобладает буроватая песчано-супесчаная масса, плохо оструктуренная, местами с осветленными пятнами (результат временного оглеения). В нижней части вскрытой толщи прослеживается чередование слоев песчаного и супесчано-суглинистого состава. Местами, в пределах песчаных и супесчано-песчаных зон, особенно имеющих белесый цвет, встречаются псевдофибры. Почва может быть классифицирована как дерново-подзолистая глубокооподзоленная слабо дифференцированная.

Траншея 1. Пересекает ров, входивший в систему укреплений поселения. Поверхность в настоящее время ровная. Вал не сохранился.

Приведем описание профиля (рис. 15, *3*).

А1 0–10 см. Темно-серый опесчаненный суглинок, комковатый, рыхлый. Переход постепенный.

А1кс 10–25 (30) см. Серо-бурая супесь, рыхлая, фрагменты кирпича, извести, керамики. Единичные угольки, переход постепенный.

КС 25 (30)–110 см. Темно-серый к черному (во влажном состоянии) песок связанный, рыхлый, бесструктурный. Днище рва относительно круто поднимается в сторону площадки и «поля». В краевой части заполнение белесо-темно-серое. Керамика, угольки. Переход постепенный.

Е (А2) — элювиальный горизонт, залегающий на склонах погребенного рва. Его мощность в среднем составляет 10–15 см. Вниз по склону рва мощность горизонта увеличивается. В пределах этого горизонта наблюдается переход от супесчано-песчаного заполнения рва к слоистым флювиогляциальным отложениям. Прослеживается горизонтальная слоистость на переходе от горизонта Е к флювиогляциалу.

Bt 110–130 см. Бурый суглинок с супесчаными прослоями уплотненный, ореховато-призматический.

Происхождение осветленной окраски горизонта на дне рва может быть связано как с оподзоливанием до его заполнения, но также и с последующими процессами контактного оглеения и обезжелезения. Последний процесс происходит на глубине, обычно на границе между слоями разного гранулометрического состава. В связи с разрывом капилляров на этом уровне обычно создаются условия переувлажнения, перехода железа из малоподвижных окисных форм (Fe_2O_3) в подвижные — закисные (FeO). В результате происходит очищение песчаных зерен от пленок окисного железа ржавого и охристого цвета и изменение их цвета на белый, свойственный кварцу. Сходный процесс отбеливания песчаных зерен идет и при оподзоливании.

В результате рассмотренных почвообразовательных процессов, протекавших на поверхности или на глубине, слоистость флювиогляциальных отложений, вскрывающихся в бортах рва, стала более яркой — песчаные прослои стали ярко-белесыми, бурые и красновато-бурые суглинистые прослои сохранили свой цвет. Процесс отбеливания захватил не только песчаные прослойки, но в некоторой степени и бурые суглинистые. Их срезанные рвом окончания «разъедаются» процессами выноса железа и глины. При удалении ото рва слоистость становится мало заметной, так как песчаные прослойки превращаются в супесчаные, примерно того же бурого цвета, что и суглинистые. Все это показывает, что в результате почвообразования изменяются в основном супесчаные прослойки, которые превращены в песчаные. Суглинистые изменены слабо.

Кроме отбеленного материала, лежащего in situ (на месте) и составляющего основную массу горизонта на склонах погребенного рва, имеется также белесый песчаный материал, лежащий поверх «инситного», в основном в нижней части склона, и образующий белесые песчаные зоны на дне рва. Вероятно, это связано с процессами смыва песчаного отбеленного материала, а также с повышенной увлажненностью нижней части заполнения рва, вызывающей явления отбеливания.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Длительность формирования подзолистой почвы на дне рва может быть определена в широких пределах. На ровной поверхности подобные горизонты суглинистых подзолистых почв образуются за 1000–2000 лет, песчаных — быстрее, за 800–1000 лет. В понижении процессы оподзоливания могут идти несколько быстрее. Однако вряд ли такие хорошо развитые горизонты могли образоваться менее чем за 300 лет. Наиболее вероятной представляется продолжительность формирования почвы на открытой поверхности рва — около 500–800 лет, но с большей вероятностью срок составляет 300–1500 лет.

Заполнение рва имеет песчаный состав. Цвет в его нижней части почти черный, что, видимо, связано с высоким содержанием дисперсного угля и гумифицированных (углефицированных) остатков органического вещества.

Раскоп 2 (2005 г). В северо-западном углу раскопа обнаружена яма № 1 железного века (рис. 24, 27). В северной стенке вскрывается следующее строение отложений ямы и почв.

A1 0–15 (20) см. Темно-серый легкий суглинок к супеси. Переход постепенный.

A1E 15 (20)–40 см. Серовато-бурый с белесым супесчаный. Переход постепенный.

Вкс 40–105 см. Темно-серо-бурый песок к супеси, максимально темный на глубине 60–70 см. Много дисперсного угля, встречаются белые комочки до 4 мм (вскипают от HCl). Имеются темно-серо-бурые псевдофибры темнее фона. В нижней части постепенно светлеет, но переход от ямы к нижележащему песку относительно резкий.

$BC_{псевдофибр}$ 105–130 см. Светло-бурый песок с псевдофибрами.

Справа от рассматриваемой ямы темно-серый песок сменяется светло-бурым песком с ярко-бурыми псевдофибрами и красновато-бурыми суглинистыми зонами.

Шурф 1 с подпечной ямой XVI в. (рис. 35). В верхней части колонки лежат отложения XVIII–XIX вв. В северо-восточной части шурфа обнаружена подпечная яма.

A1кс 0–25 см. Темно-серо-бурый опесчаненный суглинок.

KC1 25–60 см. Серо-бурый опесчаненный суглинок.

KC2 60–120 см. Темно-серо-бурый суглинок опесчаненный с плотными зонами, характеризующимися карбонатной пропиткой. Бурно вскипают от действия HCl. Имеются очажные камни. Внизу светлый пятнистый. К яме прилегает красновато-бурый суглинок опесчаненный (горизонт Bt).

Наличие карбонатов в подпечной яме может быть связано с поступлением золы, которая содержит кальцит (карбонат кальция).

Поселение Царицыно-3 также расположено на мысу, но по сравнению с гребневидным мысом поселения Царицыно-1 здесь склоны более пологие, поверхность мыса широкая. В связи с этим покровные суглинки не эродированы. Почвы дерново-подзолистые суглинистые, часто смытые.

Поселение расположено на пологом склоне. Характерной особенностью почв поселения является малая мощность верхней части профиля (около 15 см), которая включает гумусовый и подзолистый горизонты.

Подобное строение профиля почвы объясняется смытостью и явлениями восстановления подзолистого и гумусового горизонтов. Причем если гумусовый горизонт уже восстановился, то подзолистый развит еще слабо. История участка была следующей. В течение голоцена здесь сформировалась полнопрофильная дерново-подзолистая почва. Затем, в течение XII–XIII вв., функционировало поселение, а несколько позже производилась распашка, вызвавшая сплошную эрозию почв. После окончания распашки, с середины II тыс. н.э., на территории поселения происходит восстановление лесов. Начинается развитие подзолистого профиля, и примерно за период в 500 лет образуется неполно развитая почва, охарактеризованная выше.

На территории поселения (раскоп 1) был заложен глубокий почвенный разрез (рис. 15, *4*).

A1 0–15 см. Серо-бурый суглинок комковатый с большим количеством копрогенных агрегатов, рыхлый. По нижней границе фрагменты кирпича и угольки. Переход постепенный.

BAEкс 15–25 (30) см. Серовато-светло-бурый с белесыми зонами (восстанавливающийся подзолистый горизонт) суглинок, комковато-ореховатый. Керамика XII — начала XIII в. Переход постепенный.

$B1_1t$ (BE) 25 (30)–45 см. Бурый к светло-бурому суглинок ореховатый, вертикальные трещины с серовато-белесым заполнением. Переход очень постепенный.

$B1_2t$ 45–90 см. Бурый, темнее вышележащего суглинок (в нижней половине прослеживается сероватый оттенок), плотный, ореховато-призматический, на поверхности структурных отдельностей яркие гумусо-глинистые натеки, вертикальные белесые трещины, червеходы с гумусированным заполнением. В нижней части горизонта встречаются камни. Переход четкий.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

IIB2t 90–180 см. Желто-бурый с красноватым оттенком суглинок с примесью песка, плотный, призматический, уплотненный, вертикальные белесые полосы оглеения вдоль трещин и червеходы с темно-серым и черным заполнением. Признаки слоистости. Встречаются камни. Переход постепенный.

B3tg 180–220 см. Тот же суглинок с сизоватым оттенком, единичные трещины и червеходы с гумусированным заполнением. Неясная слоистость.

IIIBCg 220–300 см. Светло-палевый с сизым оттенком опесчаненный суглинок. Прослои красновато-бурого более опесчаненного материала.

В отличие от верхней части профиля, где суглинистые горизонты имеют бурую окраску, а более легкие — белесую, в нижней его части более глинистые прослои — оглеены и осветлены, а более легкие, опесчаненные, имеют красновато-бурый цвет.

В разрезе четко выделяются два слоя — покровный суглинок и, ниже 90 см, флювиогляциальные отложения.

В верхней части профиля выделяется слаборазвитый элювиальный (подзолистый) горизонт, осветление неравномерное, в основном в пределах отдельных зон. Признаки былой распашки (XV–XVI вв.) не видны. Они стерты в связи с большой давностью периода распашки. Кроме того, на данном участке имела место строительная активность в начале XIX в., от которой сохранился слой единичных обломков кирпича на глубине 10–15 см. Вероятно она привела к плохой сохранности пахотного горизонта.

Поселение Царицыно-4. На противоположном — левом — берегу Язвенки история формирования почв отличалась. Почвы дерново-подзолистые на покровных суглинках с остаточно-пахотным горизонтом. В целом более пологий склон и, главное, отсутствие характерного для правого берега высокого уступа флювиогляциальной террасы обусловливают слабое проявление процессов смыва почв.

На поселении среди ям встречаются участки с ненарушенным профилем: A1 0–8 см, темно-серый; $E_{фрагм}$ 8–12 см, серовато-белесый; $A1_{пахотн}$ 12–20 см, серовато-палевый, переход резкий; EBt 20–35 см, белесый с бурым; Bt 35–70 см (дно).

Распашка была достаточно глубокой (20 см), что характерно для относительно недавних пашен. На месте верхней части исходного пахотного горизонта под лесной растительностью сформировались гумусовый горизонт A1 и местами слаборазвитый осветленный горизонт E.

Поселение Царицыно-2 XII–XIII вв. расположено на пологом склоне левого берега р. Язвенки, эрозия почв здесь проявилась сильнее.

Строение профиля почв следующее (среднее по пяти разрезам): A1 0–12 (15) см, темно-серый; EBt 12 (15)–20 (25) см, бурый с белесым; Bt 20 (25)–50 см (дно).

Гумусовый горизонт A1 полно развитый. Нижележащий горизонт EBt во всех разрезах имеет слабые признаки оподзоленности. Горизонт Bt развит хорошо. Такое сочетание признаков (как в почвах поселения Царицыно-3) объясняется восстановлением смытого почвенного профиля. Зрелые дерново-подзолистые почвы, сформировавшиеся в течение голоцена, местами были нарушены в XII–XIII вв., во время существования поселения Царицыно-2. Позже в результате распашки почвы были смыты до горизонта Bt. Восстановление профиля продолжается под лесной (ныне лесопарковой) растительностью в течение около 500 лет. Горизонт Bt унаследованный — голоценовый. Горизонты A1 и E формируются заново, причем с разной скоростью. Характерное время формирования гумусового горизонта подзолистых почв невелико. Поэтому новообразованный горизонт A1 не отличается от такового фоновых почв. Для формирования зрелого элювиального (подзолистого) горизонта E необходимо 2000 лет. За 500 лет процесс осветления и выноса ила проявился еще слабо (переходный горизонт EBt).

Малый Дворец. Во время строительства Малого дворца, расположенного у края флювиогляциальной террасы, на крутом склоне (уступе) террасы в середине XVIII в. были созданы большие ступени (террасы Кантемира высотой около 2 м). Позже в центральной части террасированного участка склона был сооружен пандус, и ступени были засыпаны слоем до 1 м.

В траншее, прорезавшей две ступени, видно, что в выступающей средней части террасированного участка они являются преимущественно насыпными (цв. вклейка, рис. 8). Об этом свидетельствует исходная дерново-подзолистая почва, обнаруженная под мешаным почвенным материалом ступеней, состоящим из бурого материала горизонта B, серого A1, белесого E. Лишь в тыловой части ступеней 2 и 3 их поверхность относительно неглубоко врезается в погребенную почву.

Дерново-подзолистая почва была сформирована на уступе флювиоглициальной террасы,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

на слоистых песчано-суглинистых отложениях. Профиль ее следующий.

A1 0–5 (10) см. Серый суглинок с белесым оттенком, слабо уплотненный, непрочно-комковатый, переход постепенный.

E 5 (10)–15 (20) см. Белесый суглинок рыхлый, слабо уплотненный, переход постепенный.

EB 15 (20)–22 (30) см. Переходный горизонт.

Bt 22 (30)–80 см. Бурый слоистый суглинок. В суглинистых прослоях мощностью до 15 см ярко-бурый, ореховатой структуры, уплотненный до плотного, на поверхности структурных отдельностей глинистые кутаны. В песчаных прослоях светло-бурый, местами существенно осветленный в результате сезонного оглеения. В песке нижней части имеются слаборазвитые железистые прослойки — псевдофибры.

На поверхности ступеней за время, прошедшее с момента их строительства до погребения под пандусом, сформировалась почва, представленная слаборазвитым горизонтом A1 мощностью 5 см. В тыловой части ступени в условиях большей влажности почва мощнее и более гумусирована. По степени развития почвы можно предположить, что она формировалась несколько десятков лет. Ступени перекрыты местами почвенным материалом из смеси горизонтов A1, E и Bt, местами строительным мусором, с существенным содержанием извести. На этих отложениях под парковой растительностью сформировалась современная почва. Гумусовый горизонт почвы, мощностью 5–10 см, на карбонатных отложениях (строительный мусор) очень темный, почти черный. На буром бескарбонатном материале данная почва более светлая, близкая по цвету к гумусовым горизонтам подзолистых почв. В целом эта почва более развита, чем почва на ступенях. По степени развития профиля исходная дерново-подзолистая почва, сформированная на склоне крутизной около 15–20°, несколько уступает обычным почвам этого типа в районе Царицына. В результате влияния эрозионных процессов, не сильных, но характерных для подобных склонов, верхняя часть профиля почвы несколько укорочена. При этом степень развития профиля достаточно высокая, горизонты E и Bt выражены четко. Для развития подобного профиля необходимо не менее 1500–2000 лет. Две вышележащие почвы слаборазвитые. Судя по степени развития профиля, современная почва формировалась в 3–5 раз дольше — около 150–200 лет, чем почвы на поверхности ступеней — 50±20 лет.

В поперечной траншее, пересекающей одну из ступеней Кантемира, под отложениями ступени 1,8 м, профиль погребенной подзолистой почвы следующий: A1E 0–20 см; Bt 20–50 см. Слоистость горизонта Bt определяется исходным слоистым строением флювиогляциальных (озеро-ледниковых) отложений территории. В результате длительного воздействия на эти отложения процессов почвообразования в верхней части толщи этих отложений сформировались элювиальный (подзолистый) и иллювиальный горизонты. Верхний, элювиальный, часто прокрашен светлым гумусом, характерным для подзолистых почв лесного генезиса. Иллювиальный горизонт находится под воздействием процессов промывания атмосферными осадками, проникающими глубоко, до 1,5 и даже 2 м. Как и в почвах на склоне рва (рис. 5, *3*), слоистость становится контрастнее. В песчаных слоях, в результате восстановления оксидов железа и их вымывания, проявляются белые отмытые зерна кварца. В суглинистых прослоях осаждается железо и тонкие илистые частицы. Цвет становится более ярким — из тускло-бурого он превращается в ярко-бурый.

На одном из участков (кв. 4) профиль почвы трансформирован под воздействием вывала дерева: верхняя часть профиля, представленная серо-белесым горизонтом A1E, становится мощнее (до 35–40 см) и приобретает вид неглубокой ямы, нижняя граница относительно ровная, переход резкий. Выделяется элювиальный горизонт почвы, сформированный на материале вывала. В квадрате 1 в почве обнаружен пень (ель), корни которого в основном располагаются в горизонте A1E. Местами почва перекрыта палевым слоем 5–10 см, который представляет собой делювий, накопившийся непосредственно перед сооружением террас.

Почвы и отложения на берегах Царицынских прудов. В течение XVIII–XIX вв. высота уреза воды в прудах несколько раз менялась, возводились и перестраивались сооружения на берегах: постройки, пристани, дорожки.

В результате сформировались многослойные отложения с погребенными почвами. Они изучены в правобережье Язвенки в раскопе, который находится у подножия высокой флювиогляциальной террасы на низкой террасовидной поверхности, полого наклоненной к пруду.

Раскоп под башней-руиной, участок выше по склону от современной дорожки. В стенке раско-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

па, обращенной к пруду, вскрывается погребенная почва, перекрытая отложениями мощностью 45 см. В средней части этой толщи на глубине 20–30 см видны остатки старой кирпичной дорожки. На поверхности молодая слаборазвитая почва, имеющая признаки гидроморфизма.

A1 (AO) 0–10 см. Серо-коричневый суглинок опесчаненный, оторфованный. Переход постепенный.

A1g 10–20 (25) см. Серый суглинок опесчаненный, комковатый, слабо уплотненный. Переход четкий.

КС (дорожка) 20 (25)–30 см. Кирпич с серым мелкоземом.

АВ 30–45 см. Серо-бурый суглинок опесчаненный, комковатый, уплотненный. Переход резкий.

IIA1g 45–60 см. Сизовато-темно-серый суглинок, комковатый, уплотненный. Переход постепенный.

Eg 60–75 см. Сизоватый пятнистый суглинок, плохо оструктуренный. Имеются пятна оглеения белесоватого и буроватого цвета, железистые конкреции. Переход постепенный.

ЕВ 75–82 см (вода). Над водой вскрывается верхняя часть иллювиальной толщи, представленная бурым с сизоватым оттенком опесчаненным суглинком, уплотненным с включениями камней.

Погребенная почва II, сформированная на древних делювиальных слоистых отложениях, может быть классифицирована как дерново-подзолистая. После того как почва была погребена и подтоплена в результате устройства пруда, в почвенном профиле возникли диагенетические признаки оглеения и переувлажнения (сизые тона, пятна оглеения). Исходно, до сооружения прудов, почва была нормальной дерново-подзолистой почвой лесного генезиса, возможно, с небольшими признаками оглеения. Сейчас такие слабо оглеенные почвы расположены вне зоны подтопления выше по склону.

Участок ниже дорожки. Здесь, ниже по склону и ближе к пруду, современные отложения мощнее. В стенке, обращенной к пруду, стратиграфия следующая.

A1 0–5 (10) см. Гумусовый горизонт почвы.

КС 5 (10)–75 см. Слоистый, с пятнами оглеения по комкам более тяжелого состава. Признаки водной и склоновой (делювиальной) слоистости не прослеживаются. Насыпан человеком в процессе обустройства прудов. В нижней части над поверхностью нижележащей почвы пятна и прослойки ожелезнения ржавого цвета.

A1 75–85 см. Серо-бурый к темно-серо-бурому суглинок опесчаненный.

Bg 85–140 см. Сизовато-голубой суглинок на воздухе становится серовато-палевым.

Почва, поверхность которой лежит на глубине 75 см, сформировалась на мощном слое отложений, связанных со строительством пруда. Поверхность исходной почвы в данном разрезе не видна. Она лежит под уровнем воды или нарушена в процессе строительных работ.

Ореховская плотина. Левый берег р. Язвенки у плотины напротив поселения Царицыно-1. Пологий склон представляет собой делювиальный шлейф или широкий конус выноса.

В разрезе (шурф 1) видны четыре погребенные почвы (рис. 136).

A1 0–5 см. Серый комковатый опесчаненный суглинок, рыхлый, много корней.

ВС 5–10 см. Песок палевый с серыми пятнами. Неясная слоистость. Переход резкий.

II A1 10–17 см. Серо-бурый супесчаный, рыхлый, комковатый.

ВС 17–30 см. Серовато-буроватый супесчано-суглинистый с неясной слоистостью.

III A1 30–40 см. Серая супесь к легкому суглинку, комковатая, слабо уплотненная.

КС 40–75 см. Мешаный, представлен комками опесчаненного суглинка и песка. В средней части, на глубине 50–65 см, слой с большим количеством обломков кирпича.

IV A1 75–80 см. Серо-бурый суглинок неясно комковатый, слабо уплотненный.

ВС 80–88 см. Серовато-бурый суглинок. Вертикальные ходы червей с серым и темно-серым заполнением. Признаки горизонтальной слоистости не прослеживаются.

V A1 (A1p?) 88–103 см. Темно-серый суглинок, комковатый, слабо уплотненный; нижняя часть горизонта более темная. Вертикальные ходы червей с темно-серым заполнением. Переход резкий, но осложнен наклоненными полосами серо-бурого цвета.

ElB 103–130 см. Белесый суглинок, комковато-ореховатый, внизу уплотненный.

Нижняя погребенная почва имеет хорошо развитые горизонты, гумусовый и элювиальный (переходный к иллювиальному). Вскрыта только верхняя часть ее профиля, но вместе с тем почву можно уверенно классифицировать как дерново-подзолистую на голоценовых или позднеплейстоценовых делювиальных суглинках. Гумусовый горизонт данной почвы трансформирован вследствие деятельности человека, скорее всего в результате распашки. Этот горизонт

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

имеет гомогенное сложение и резкий переход к нижележащему, что свойственно пахотным горизонтам. На горизонтальной зачистке вскрыты полосы темного цвета, формирующие полигональную сеть. Видимо, этим полосам соответствуют вскрытые на вертикальной стенке серые полосы-трещины, уходящие вниз, правда, под большим наклоном. Полигоны нарушают нижнюю границу горизонта, и, вероятно, поэтому борозды не обнаружены.

Гумусовые горизонты трех вышележащих погребенных почв и современный развиты значительно слабее. На формирование каждого из них уходило по несколько десятков лет. Длительность формирования почвы III с гумусовым горизонтом, лежащим на глубине 30–40 см (над слоем кирпичей), была, вероятно, несколько большей, до 100 лет.

Слои отложений, разделяющих почвы, различаются. Наиболее мощный слой, между почвами III и IV, включает кирпичи и имеет комковатое сложение. Этот слой связан со строительством, которое велось около пруда. Остальные слои, вероятно, делювиального происхождения, но в результате малой скорости делювиального намыва слоистость внутри них выражена плохо.

Разрез на острове с аркой расположен в юго-западной части острова.

A1 0–15 см. Серо-бурый к светло-серому супесчаный, комковатый, рыхлый. Переход постепенный.

C 15–97 см. Серовато-буроватый светлый песок, рыхлый, слоистый, имеются белесые песчаные и бурые легкосуглинистые зоны. Вертикальные ходы червей с темным заполнением. Переход резкий.

A1 97–102 см. Серо-бурый к темно-серому суглинок, неясная размытая (в результате диагенеза) слоистость, рыхлый, комковатый. Вертикальные ходы червей с темным заполнением. Переход резкий.

BCg 102–155 см. Серо-бурый суглинок с ржавыми пятнышками, в нижней части прослеживаются песчаные прослои. На глубине 150 см известняковая щебенка и обломки кирпича.

Отложения в разрезе молодые, насыпанные в два этапа, и разделены перерывом не более 100 лет, в течение которого сформировалась слаборазвитая почва. Современная почва развита в той же степени.

Царицыно-2. Курганная группа 2. Изучено строение курганов и прилегающего к ним межевого вала. Также в глубоком разрезе, как и на поселении Царицыно-3, выявлены те же два основных слоя четвертичных отложений — покровный суглинок и подстилающие флювиогляциальные отложения. В связи с тем, что здесь, на плоской поверхности террасы, эрозия отсутствует, мощность покровных отложений значительно выше, чем у реки, и достигает 170 см. Ниже лежит опесчаненный суглинок с камнями, еще более светлой окраски.

В траншее 2 (рис. 15, *2*) была вскрыта краевая северо-восточная часть одного из курганов. Общая мощность насыпи в разрезе более 0,5 м, верхняя ее часть с обломками кирпича появилась в XVIII в., собственно насыпь кургана — 30 см. На этой исходной насыпи сформировалась почва, представленная гумусовым горизонтом A1. Выше на слое XVIII в. сформировался современный гумусовый горизонт.

A1 0–15 (20) см. Темно-серо-бурый суглинок.

BC 15–30 (40) см. Серо-бурый суглинок пятнистый (мешаный).

A1 30 (40)–50 (60) см. Темно-серо-бурый суглинок. Поверхность наклонена.

$B_{\text{фрагментарный}}$ 50–60 см. Серовато-бурый суглинок. Переход резкий.

$A1_{\text{пах}}$ 60–70 см. Пахотный горизонт. Серо-бурый с белесым суглинок гомогенный. Переход резкий.

E 70–75 (80) см. Белесый легкий суглинок в виде отдельных карманов и клиньев между буро-белесым материалом нижележащего горизонта.

BtE 75 (80)–85 см. Буро-белесый суглинок.

Bt 85–100 см. Бурый суглинок.

Под насыпью выявлена дерново-подзолистая почва с пахотным горизонтом. Мощность пашни невелика, около 10 см. От подзолистого горизонта сохранилась нижняя часть в виде ярко-белесых карманов, разделенных белесо-бурым материалом горизонта BtE. Общая мощность пахотного и подзолистого горизонтов невелика и составляет менее 15 см. Это объясняется смывом почвы в результате распашки (смыто около 15 см). Отметим, что в условиях плоской поверхности террасы имел место не смыв по макросклону, а перераспределение (спахивание) материала с повышений микрорельефа в понижения. Вместе с тем такие почвы с укороченной верхней частью профиля в почвоведении принято называть смытыми.

В траншее 2 вскрыт также кольцевой курганный ровик, погребенный и в современном рельефе не читающийся. Строение почвы ровика сложное, с тремя гумусовыми горизонтами.

A1 0–10 см. Серо-бурый суглинок.

BC 10–20 см. Серовато-бурый суглинок. Переход постепенный.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

A1 20–35 см. Серо-бурый суглинок. Переход постепенный.

AE 35–65 см. Буровато-белесый с серым суглинок. Переход резкий.

A1 65–70 см. Буровато-сероватый суглинок. Кротовины. Переход постепенный.

E 70–75 (78) см. Белесый пятнистый суглинок. По нижней границе белесые клинья, внедряющиеся в нижележащую часть профиля.

Bt 75 (78)–100 см. Бурый суглинок ореховатый уплотненный.

Выделяются: нижняя подзолистая почва, формировавшаяся на дне рва примерно 400 лет. Затем, видимо, с XVI в. (время активизации освоения микрорегиона), начинается погребение почвы белесым материалом, смытым с насыпи. В этом материале встречаются кротовины, хорошо заметные на белесом фоне горизонта. Они относятся уже ко времени формирования почвы, представленной гумусовым горизонтом, залегающим на глубине около 30 см. Данный гумусовый горизонт имеет постепенные переходы к ниже- и вышележащим отложениям. Он сформировался в период замедления или почти полного прекращения седиментации в ровике. Время его образования, видимо, относится к XVII–XVIII вв. Затем, в XVIII в., во время строительной активности, на среднюю погребенную почву был насыпан более светлый мешаный материал. К нашему времени на нем сформировался гумусовый горизонт.

Нижняя погребенная почва наиболее четко выражена в центральной части ровика. В верхней части склонов ровика горизонты уменьшаются по мощности и даже выклиниваются. Например, горизонт E. Это связано с развитием эрозии на поверхности склонов ровика до начала его погребения.

В траншее № 5 (рис. 15, *1*), прорезающей западную (северо-западную) полу кургана, курганный ровик, межевой вал XVIII в. и ровик вала, строение почв более простое.

Под курганом залегает подзолистая погребенная почва. Хорошо прослеживается нижняя граница пахотного горизонта $A_{пах}$ этой почвы — ровная, с резким переходом к нижележащему белесому горизонту E. Верхняя граница $A_{пах}$ видна хуже, так как нижняя часть насыпи кургана по цвету от него отличается слабо.

Заполнение курганного ровика серо-бурого цвета перекрывает горизонт осветленной подзолистой почвы, сформировавшейся на его дне до начала седиментации.

Межевой вал перекрывает заполнение курганного ровика и подзолистую голоценовую почву за пределами ровика. Гумусовый горизонт этой почвы светло-серый, признаки распашки в нем не сохранились, так как после периода распашки в XII–XIII вв. до погребения почвы под валом прошло около 500 лет.

Курган № 12, раскопанный Т.В. Равдиной в 1960 г. В центральной части курганной группы исследована почва на месте доисследованного в 2006 г. кургана. На горизонтальной поверхности, зачищенной на уровне верхней части профиля подкурганной почвы, выявлена сеть трещин с серым заполнением. Трещины хорошо видны на светло-буром фоне. Они принадлежат почве, формировавшейся на кургане и представляют собой элементы структурной организации иллювиального горизонта. Заполнение в трещинах усыхания формируется в результате вымывания тонких частиц и гумуса из верхней части профиля и характерно для почв лесного генезиса на суглинистых отложениях. Все это показывает, что почвообразование на курганах идет по типу текстурно-дифференцированных (дерново-подзолистых) почв. Однако собственно подзолистый горизонт обычно выражен слабо, в связи с молодостью почв и менее благоприятными условиями для промывания почвы на кургане, имеющем выпуклую форму, по сравнению с почвой на окружающей поверхности. Трещины формируются на некоторой глубине, поэтому на вскрытой горизонтальной поверхности они отсутствуют на месте краевой части курганной насыпи и располагаются в ее центральной части, там, где высота насыпи была больше 30–40 см.

«Кломба» имеет вид расплывшегося кургана небольшой высоты (рис. 131, 132).

A1 0–20 (25) см. Почва на кломбе. Серый суглинок с керамикой (цветочные горшки).

B1 20 (25)–45 (50) см. Насыпь кломбы. Серовато-светло-бурый суглинок.

A1p 45 (50)–60 см. Пахотный горизонт. Светло-серый суглинок, гомогенный, комковатый. Граница ровная, на значительных участках «размытая».

E 60–65 (70) см. Белесый суглинок, нижняя граница осложнена карманами и клиньями, местами полностью вовлечен в пахотный. Переход постепенный.

Bt 65–85 см. Бурый суглинок с белесыми трещинами, плотный, ореховатый.

Предположительно погребенная почва смытая, но в слабой степени. Пахотный горизонт до погребения под клумбой испытывал длительное воздействие лесного почвообразования. Поэтому его нижняя граница «размыта».

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Заключение

Изучение истории человека, процессов расселения и развития материальной культуры, по нашему мнению, не может ограничиваться лишь археологией. Большое значение в понимании этих процессов имеет исследование истории природной среды.

До недавнего времени сведения об археологии исследуемого региона (северная часть Теплостанской возвышенности, прилегающая к долине Москвы-реки) ограничивались перечнем таких памятников, как курганные могильники XII–XIII вв., Дьяково городище и некоторые другие. В настоящее время обнаружены многие поселения Средневековья, РЖВ и первое поселение эпохи бронзы. Не исключено, что в скором времени будут обнаружены памятники других эпох, вплоть до мезолита. Единичные находки подобного рода на территории Москвы уже встречались.

Поэтому те важные для понимания истории природы факты, которые выявляются при работах на археологических объектах, не должны быть упущены. Они должны быть всесторонне исследованы с помощью комплекса методов естественных наук, используемых в палеопочвоведении и геоархеологии.

Исследования, проведенные в районе Царицына и Борисовских прудов, позволяют охарактеризовать историю формирования ландшафта в течение всего голоцена, т.е. по археологической периодизации от мезолита до современности. Установлено, что в раннем и среднем голоцене (мезолит — бронза) на данной территории периодически возникали ландшафты лесостепи, сменившиеся широколиственно-лесными, а в позднем голоцене — подтаежными ландшафтами (смешанные темнохвойно-широколиственные леса).

Интересные результаты получены в результате изучения темноцветных реликтовых вторых гумусовых горизонтов и связанных с ними гумусированных клиньев. Данные образования широко известны. Часто на основе морфологического сходства клиньев с мерзлотными формами период образования и клиньев, и упомянутого горизонта автоматически относится к позднеледниковью. После того как появилась возможность датировать вторые гумусовые горизонты, их голоценовый возраст стал очевидным. Особое место занимают случаи, когда указанные горизонты встречаются вместе с клиньями, заполненными сходным темноцветным материалом и имеющими сходный — голоценовый ^{14}C возраст. В последнее время появились предположения о возможности образования клиньев (грунтовых жил слоя сезонного промерзания) в голоцене.

Морфологические и радиоуглеродные исследования в Борисове показали, что со вторым гумусовым горизонтом в изученных разрезах связаны две генерации мерзлотных клиньев. Древний клин, заполненный темноцветным неэлювиированым материалом, имеет возраст гумуса 6160±160–8800±160 BP. Второй клин образовался после того, как верхняя часть реликтового горизонта была элювиирована (^{14}C возраст горизонта — 4820±120 лет назад). Возраст клина с элювиированным заполнением сходный — 4880±120 лет назад. Следовательно, установлены, по крайней мере, два периода формирования клиньев (грунтовые жилы), разделенные периодом существенных эволюционных изменений гумусового горизонта почвы, из которого они образовались. Точное время периодов резкого похолодания и появления клиньев еще предстоит установить. Скорее всего, они относятся ко времени около 8 (cal 8,8) и 4,5–4,8 (cal 5,2–5,6) тыс. лет назад и соответствуют двум наиболее существенным похолоданиям на кривой палеотемператур В.А. Климанова (1994; 1996). Не исключено формирование в те же или в иные периоды трещин усыхания.

В позднем голоцене происходит постепенное колебательное увлажнение и похолодание климата. Усиливается оподзоленность почв. В верхней оподзоленной части почвенного профиля залегают культурные слои раннего железного века (РЖВ) и Средних веков. Гумус слоя РЖВ имеет возраст (2030±60 BP), четко соответствующий археологической дате, так как содержит исключительно «археологический гумус», залегающий в ямах и не загрязненный почвенным гумусом. Гумус слоя, содержащего артефакты Средних веков на поселении Борисово-1, значительно древнее археологической даты, так как представлен в основном почвенным гумусом, сформировавшимся в течение длительного периода среднего и позднего голоцена.

Поселения РЖВ и Средневековья существовали относительно недолго и были разделены периодом полного восстановления лесного растительного покрова. Причем облесены были не только водоразделы и террасы, но также и поймы. При этом накануне появления поселения

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

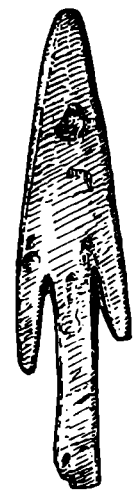
РЖВ, очевидно, основными были широколиственные леса. Ко времени средневекового расселения леса сменились на темнохвойно-широколиственные (смешанные). В периоды раннего освоения (РЖВ и XII–XIII вв.) леса сводились только в районах относительно редких поселений, расположенных обычно в долинах рек. Остальная территория была занята практически сплошными лесами. Современное безлесье ландшафтов города и внегородских территорий, существенно отличающее их от ландшафтов исторического прошлого, целиком связано с деятельностью человека последних веков.

В последние века развитие ландшафтов в пределах Царицына и Борисова различалась. В Борисове под воздействием распашки сформировались большие по площади ареалы смытых и смыто-намытых почв. Мощность намытого материала достигает 1 м. В Царицыне распашка продолжалась недолго, и в XVI или XVII в. под восстановившейся лесной растительностью верхняя часть профиля смытых почв начинает восстанавливаться. На месте пахотного и верхней части иллювиального горизонтов формируются горизонты гумусовый и подзолистый. Под лесной (парковой) растительностью подзолистые почвы формируются также в курганных ровиках и на курганах.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Часть вторая

Древности Царицына от бронзового века до Средневековья

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Поселение Царицыно-1 («Церера»)

Описание памятника

Поселение Царицыно-1 («Церера»), исследование которого было начато в 2002 г., находится на высоком мысу правого берега Верхне-Царицынского пруда, в самом его верховье, над мостиком через р. Язвенку (цв. вклейка, рис. 3).

Мыс узкий, шириной около 30 м, вытянут в направлении с северо-востока на юго-запад на 90 м. Бровка имеет высоту 151,5 м (16 м над уровнем пруда). Высотная отметка поверхности мыса в его верхней тыловой части — 156 м (19 м над уровнем пруда). От юго-западной бровки мыса до берега Верхне-Царицынского пруда 60 м. Площадка мыса экспонирована на юго-запад и хорошо прогревается уже ранней весной. Поверхность площадки (ближе к бровке) на протяжении примерно 30–40 м сложена из супесчаного грунта, что обеспечивает эффективный дренаж и отличает это место от соседних мысов по берегам р. Язвенки, сложенных сверху покровными суглинками. Под обрывом на берегу пруда бьют ключи. Некоторые из таких родников до сих пор служат в качестве источников питьевой воды для местного населения (например, родник на противоположном берегу Язвенки, в близлежащем овраге). Перечисленные условия являются весьма благоприятными для обитания, и поэтому площадка мыса заселялась в древности неоднократно, начиная с бронзового века и заканчивая поздним Средневековьем.

Мыс покрыт довольно редким парковым лесом, в котором преобладают широколиственные породы (преимущественно липа), но встречаются береза и сосна. В подросте — клен, кусты бересклета, малины.

В верхней части мыса стоит каменная беседка-ротонда «Храм Цереры» (Золотой сноп), сооруженная по проекту И.В. Еготова в 1805 г. (рис. 16). Беседка неоднократно реставрировалась в XX в. В 1920–1930-е годы, когда существовал краеведческий музей в Царицыне, внутри ротонды на постаменте стояла статуя богини Цереры. Обломки этой скульптуры, по словам местных старожилов, затем видели в русле р. Язвенки. На северо-западном склоне мыса имеется довольно глубокая яма, которая, возможно, является остатками грота XVIII в. (археологические исследования здесь не проводились). Рельеф и растительность на мысу мало изменились за последние сто лет.

К беседке с напольной стороны подходит широкая парковая дорожка, которая, огибая беседку, раздваивается и петлей охватывает площадку мыса (рис. 16). Дорожка идет по самому краю площадки возле бровки перегиба склона. Узкие дорожки спускаются по склонам мыса — одна в овраг под северным бортом, другая — под южным бортом к недавно отреставрированному мостику через речку. На плане 1932 г. (первый план масштаба 1:2000 для данной территории) контуры парковой дорожки вокруг беседки близки к тем, которые есть и сейчас (рис. 17). Современная дорожка стала несколько шире, более «растоптана». По дорожке в день проходят сотни людей, возле садовых скамеек много мусора. На оконечности мыса устроен турник и брусья — здесь занимаются спортсмены. На дорожках до 2007 г. были видны следы поперечных траншей археологических работ 2000 г., проводившихся музеем. Места раскрытий мощения парковой дорожки, сделанных в 1985 г. В.В. Мильковым (рис. 18), уже практически нельзя было заметить. В 2007 г. парковые дорожки были реконструированы. Поверх старого кирпичного мощения, а порою вместо него отсыпан гравий, установлены столбы электроосвещения.

В центре беседки находится постамент из твердой породы камня серого цвета. На нем есть глубоко вырезанная надпись «W. Winter 1923/ V09»[1].

Среди современных посетителей мыса есть участники различных экологических движений, секций восточных единоборств, поклонники эзотерических культов, в том числе «славяне-язычники», и др. На вышеупомянутом постаменте в период проведения раскопок появилась надпись, выполненная красной губной помадой: «Именем Перуна бога нашего», а рядом — изображения двух свастик и молний.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Можно предполагать, что в результате строительных мероприятий в парке, начиная с XVIII в., площадка мыса существенно пострадала от перекопов и планировок поверхности.

Первые сведения о существовании древнего поселения на мысу возле беседки «Храм Цереры» были получены в 2000 г. Археолог Л.Л. Галкин нашел фрагмент керамики с текстильными отпечатками в 38 м к юго-западу от беседки в одной из траншей, заложенных для изучения парковой дорожки, огибающей мыс с южной стороны.

С 2002 г. началось планомерное исследование памятника, сначала шурфами, а затем — раскопами. В 2002–2006 гг. было заложено 4 раскопа (два на площадке и два на склоне) общей площадью 166 м² (рис. 19).

Средняя мощность культурного слоя на площадке составила 50 см. В верхней части северо-западного склона толщина культурного слоя достигает 80 см, плавно убывая вниз по рельефу. Культурный слой подстилает плотный бурый покровный суглинок, в верхней части которого имеются линзы песка. Там, где культурный слой подстилается песком, его нижняя граница нечеткая. Культурный слой на площадке очень сильно перемешан средневековой распашкой и действием природных факторов. Было проведено исследование распределения по глубине залегания (в раскопах на площадке) фрагментов керамики бронзового, железного веков и средневековой. Оказалось, что состав керамического комплекса мало зависит от глубины: поздняя средневековая керамика встречалась в основании культурного слоя, а древняя — в его верхней части. Максимум керамики всех групп приходится на глубину 30–40 см. Кирпичная крошка XIX в. (шлейф строительства парковых дорожек) залегает преимущественно в верхних 30 см отложений. Современный мусор, включая многочисленные монеты XX в., залегает на глубине до 10 см. Небольшое количество керамики в верхнем пласте, вероятно, можно объяснить явлением зоотурбации, когда керамика постепенно «тонет» в земле, выброшенной червями и другими животными на поверхность (*Atkinson*, 1957; *Barker*, 1997. P. 117). В раскопе 4 на западном склоне статистические различия в стратиграфическом распределении керамики более отчетливы: керамика бронзового века залегает в основании слоя, керамика первых веков нашей эры — в верхней части напластований.

В пределах раскопов было зафиксировано несколько древних ям разных эпох и оборонительный ров, следы которого были совершенно не видны на поверхности. Эти углубленные объекты (рис. 23) дали наиболее ценные комплексы находок. Из объектов, углубленных в материковые отложения, отобраны образцы для палеоботанических исследований. Угли отбирались на радиоуглеродное датирование, которое проводилось в двух лабораториях — Геологическом институте РАН и Институте геохимии природной среды Академии наук Украины.

Методика работ была следующей. В качестве нулевого высотного репера была принята отметка поверхности каменного пола беседки «Храм Цереры» возле основания колонны, обращенной в сторону раскопов. В балтийской системе высот отметка репера составила 157,61 м.

Разборка культурного слоя велась пластами по 10 см с учетом уклона современной дневной поверхности. Весь грунт просеивался через металлические сетки с размером ячеек 10 и 6 мм (рис. 20). Раскопы были ориентированы на магнитный север и разбиты на квадраты 1×1 м со сплошной порядковой нумерацией. Раскоп № 1 был заложен в юго-западной части площадки мыса. Общая площадь раскопа № 1 равнялась 31 м². Раскоп № 2 располагался в середине площадки и имел форму прямоугольника размером 8×10 м, длинная сторона которого была ориентирована по линии З–В. В пределах раскопа не копались останцы, где росли деревья (рис. 25). Шурф № 1 в 2005 г. был заложен к юго-западу от ротонды. Минимальное расстояние от северо-восточного угла шурфа до беседки — 2,48 м. Все раскопы и шурфы закладывались таким образом, чтобы в будущем имелась возможность соединить их в единый раскоп. Траншея 2006 г. соединила раскоп № 2 с шурфом у беседки. На месте рва к траншее с севера была сделана прирезка, позволившая проследить ров на протяжении почти 6 м. Полигоны геофизической съемки, выполненной методами электро- и магниторазведки (см. приложение 3)[2], «накрыли» продолжение рва в обе стороны. Для проверки данных геофизики были заложены ряды скважин, пройденных ручным буром. Бурение подтвердило наличие рва, выявленного по геофизическим аномалиям.

В совокупности на поселении Царицыно-1 (Церера) была собрана коллекция, насчитывающая более 6 тыс. фрагментов керамики, полтора десятка кремневых отщепов, вещевые находки, включая изделия из камня. Эта коллекция распределяется по шести хронологическим группам, а именно: 1) фатьяновско-балановская культура эпохи среднего бронзового века;

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

2) культура текстильной керамики финальной бронзы — рубежа железного века; 3) позднедьяковская культура первых веков н.э.; 4) древнерусский период XII–XIII вв.; 5) средневековая русская деревня конца XIV — начала XVI в.; 6) время существования усадьбы и парка в конце XVII–XIX вв. Кроме этого, в значительном количестве встречались предметы XX–XXI вв. К этой группе относятся осколок зенитного снаряда 1941 г., более 50 монет 1928–2003 гг., удостоверение «ветеран труда», обломки лыжных палок, санок и пр.

Описание раскопа № 1 (2002–2005 гг.)

Раскоп состоял из траншеи, вытянутой по линии З–В, размером 2×8 м (один квадрат не копался), которая примыкала своим восточным концом к шурфу размером 4×4 м, включившему в себя зондаж 2002 г. (рис. 21, 22). Поверхность раскопа № 1 плавно понижалась с северо-востока на юго-запад в сторону бровки склона. Максимальный перепад высот составил 60 см. В центре раскопа 2005 г. была утоптанная площадка для занятий спортсменов по восточным единоборствам, по краям — редкий дерн. В квадратах 25, 26 была оставлена поперечная бровка, ориентированная по линии С–Ю.

Пласт 1. Слой в пласте был представлен серой супесью с линзами более светлого песка палевого цвета. В зачистке по основанию пласта серая супесь занимала южную часть раскопа, а линзы песка палевого цвета слились в единый массив и занимали северную часть раскопа. Среди находок преобладали фрагменты гладкостенных лепных горшков железного века, на втором месте находилась средневековая керамика XIV–XVI вв. (преобладающий тип — красноглиняная гладкая), единично встречались фрагменты керамики бронзового века (табл. 3).

Пласт 2. Культурный слой в пласте 2 почти на всей поверхности раскопа представлен песком (супесью), пылеватым светло-бурым, местами с сероватым оттенком. У южного борта раскопа на склоне, где мощность современного гумусового горизонта была наибольшей, в зачистке по основанию пласта прослеживались пятна серого гумусированного песка (супеси). Яма овальной формы с темно-серым заполнением, размером 40×50 см, прослежена в квадрате 13. Кремневые отщепы и пластина с ретушью, а также обломок сланцевой плитки со следами сработанности были обнаружены в квадратах 19, 23, 27, 28. Наиболее выразительные фрагменты керамики бронзового века, орнаментированные «балановским зигзагом», были найдены в квадрате 28 на глубине –365 (рис. 38, № 1-05) и в квадрате 18. Вероятно, они происходят от одного и того же сосуда. Один из фрагментов с орнаментом (№ 2 по описи), найденный в раскопе № 1, подклеился к фрагменту из раскопа № 2 2005 г. (рис. 38).

Пласт 3 в восточной половине раскопа был представлен светло-бурым однородным песком (супесью). Лишь в южной части раскопа прослеживались более темные пятна гумусированной супеси. В западной части раскопа в северной линии квадратов проступил бурый суглинок с пятнами подзола — горизонт погребенной почвы. Суглинок содержал крупные гальки. Соотношение основных типов керамики примерно то же, что и в пластах 1–2 (табл. 3). На первом месте по численности — фрагменты лепных гладкостенных горшков первых веков нашей эры. Общее количество керамики в этом пласте максимальное. Каменных изделий и отходов производства в пласте 3 было также больше всего — среди них обломки орудий и галек с ретушью по краям. Целое орудие из плоского куска сланца с перехватом в средней части, имеющее хорошо выраженный заполированный от сработанности рабочий край, найдено в квадрате 20 (рис. 37, *11*). В квадрате 27 при переборке (на сетке) был найден фрагмент полированного изделия — возможно, осколок обуха топора (рис. 39, *4*).

Пласт 4. Толща пласта была сложена бурым песком. В основании пласта стали проявляться линзы светло-желтого песка, бурого суглинка, белесого подзола. Культурный слой в западной части раскопа был полностью выбран, в восточной половине пятнами начала проступать погребенная почва (подзол), но в южных квадратах в основании пласта залегала еще серо-бурая пылеватая супесь. В западной части раскопа были зафиксированы мелкие ложбинки природного происхождения (водно-эрозионные), заполненные мешаной супесью и песком. Находок в пласте 4 было существенно меньше, чем в вышележащих пластах. Набор типов керамики остался без изменения: преобладали гладкие лепные позднедьяковские горшки; было найдено примерно одинаковое количество керамики бронзового века и средневековой.

Пласт 5. Были пройдены верхние горизонты погребенной почвы, в том числе белесый подзол, который сохранился пятнами в северо-западной части раскопа 2004 г. С литологической точки

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 3. Статистика керамики из раскопа 1

Пласт	Фатьяновская (бронзового века)	Железного века			Средневековая						Неопределимая керамика (мелкие фрагменты)
					красноглиняная				мореная чернолощеная	белоглиняная	
		текстильная	гладкая	подлощенная	грубая	гладкая	лощеная полосами	ангобированная (белый)		грубая +гладкая + шероховатая	
1	5	1	39		2	16	1		1	6	25
2	16	4	63	2		34				5	46
3	13	16	106	5	1	47		1		4	66
4	17	10	88		3	24				3	37
Зачистка материка	2		5			2					
Ямы	1		5								
Всего: 722	54	31	306	7	6	123	1	1	1	18	174

зрения, грунт пласта 5 можно охарактеризовать как бурую пылеватую супесь в верхней части, в нижней части — желтый материковый песок и бурый суглинок. В западной и северо-западной части раскопа была зачищена поверхность бурого материкового суглинка. В юго-восточной части раскопа ситуация была не столь ясной. Здесь в основании пласта прослеживался бурый песок, местами желтый песок. Уверенности, что желтый песок являлся материком, не было. В квадрате 13 выявлена округлая яма № 2а диаметром 35–40 см (рис. 21), выделявшаяся как темно-серо-бурое пятно на фоне желтого песка. В этой яме обнаружено несколько фрагментов керамики железного века, в том числе обломки плоского днища горшка. Возможно, эта яма аналогична яме № 3 раскопа № 2 в квадрате 60 (см. ниже), где также у дна ямы был расчищен небольшой развал позднедьяковского сосуда. В северо-восточном углу квадрата 7 на глубине 50 см от поверхности было обнаружено скопление небольших бесформенных кусков обожженной глины, возможно, обмазки. Кусок хорошо обожженной глины размером 4×2,5×1,5 см был найден в квадрате 13. Возможно, это обломок литейной формы.

Зачистка материка была произведена после выборки пластов 5–7. Поверхность его неровная, представлена бурой супесью, переходящей в суглинок с пятнами подзола. Выявились ложбинки глубиной 10–15 см с неровными краями (рис. 22). Ложбинки ориентированы сверху вниз по склону. Вероятно, плоскостной смыв на этом участке был не особенно интенсивным, но все же сформировался характерный водно-эрозионный микрорельеф. Поверхность его плавно понижалась с севера на юг. Яма № 2а в квадрате 13 оказалась неглубокой — не более 25 см. Заполнена она была серо-бурым, бурым песком. Границы стенок (песчаные) неясные, нарушены корнями. Заполнение ямы было темнее слоя пласта 4. Однородность материала, фрагменты днища от одного горшка свидетельствуют в пользу того, что яму можно отнести к позднедьяковскому периоду.

Наиболее характерным для раскопа 1 является профиль северного борта (рис. 22). Дневная поверхность почти горизонтальна, лишь в восточной части наблюдается некоторый подъем. Гумусовый горизонт представлен серой супесью толщиной 5–10 см, нижняя граница неровная. По всей длине профиля гумусовый горизонт подстилает светло-бурая супесь с сероватым оттенком мощностью 20–40 см. Нижняя граница ее довольно отчетлива, но неровная. Желтый мешаный песок залегает линзами в западинах (заполнение ложбинок эрозионного происхождения). Максимальная мощность таких линз — до 15 см. Бурый суглинок, плавно переходящий в супесь, в верхней части содержит белесые линзы подзола. Поверхность неровная, хорошо видны углубления эрозионных ложбинок, залегающих перпендикулярно линии профиля. Поверхность этого слоя, являющегося археологическим материком, залегает на глубине 25–48 см от современной дневной поверхности.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Описание раскопа № 2 (2005–2006 гг.)

Пласт 1 на всей поверхности раскопа состоял из темно-серой супеси с задернованной поверхностью, лишь по северному краю и в углу северо-западного сектора поверхность была лишена дерна, так как здесь проходил край пешеходной дорожки, основа которой состоит из мелкого кирпичного боя и камешков.

Пласт 2 на большей части раскопа № 2 представлял собой переходный горизонт от гумусированной темно-серой супеси к светло-бурому желтоватому песку и был пронизан кротовинами. Квадраты № 113–116, прилегающие к восточной стенке раскопа, были насыщены современным мусором. Здесь было зафиксировано пятно темно-серой супеси, оказавшееся верхом заполнения поздней мусорной ямы № 4, датированной юбилейной монетой (20 копеек) 1967 г., которая была найдена в ее заполнении. Яма № 4 была подпрямоугольной формы, размерами примерно 1,5×0,8 м, вытянута с северо-востока на юго-запад; максимальная глубина 45–50 см, стенки ее были почти отвесными. Восточный угол ямы уходил в стенку раскопа.

В верхних двух пластах преобладает средневековая керамика XV–XVI вв., на первом месте — красноглиняная гладкая. Найдено также довольно много лепной фатьяновской и гладкостенной позднедьяковской керамики и немного фрагментов текстильной керамики (табл. 3). В пласте встречены отщепы и обломки изделий из камня, которыми наиболее насыщен был район пятна ямы № 1, проявившегося ниже. Наиболее выразительной находкой верхнего пласта явился обломок двустороннеобработанного плоской ретушью кремневого наконечника стрелы подтреугольного типа с выделенным черешком и двумя шипами (рис. 39, *б*; цв. вклейка, рис. 4, *8*).

Пласт 3 на большей части раскопа (за исключением заполнений ям) представлял собой горизонт светло-бурого желтоватого песка с небольшими пятнами вышележащей темно-серой супеси (кротовины и неровности рельефа). В северо-западном секторе этот песок был практически однородным, причем в основании пласта уже начал проявляться пятнами нижележащий слой опесчаненного материкового суглинка с небольшими скоплениями камней. В северном секторе картина была несколько иной. Здесь, в его северо-восточном углу, песок поначалу перемежался, а затем был сменен на слой плотной темно-желтой супеси, в которой было обнаружено несколько крупных орнаментированных фрагментов фатьяновской керамики. В плотной супеси встречались и довольно большие камни — от 5 до 15 см в поперечнике; один валунчик достиг 30 см. Отсутствие в толще этой супеси иной керамики, кроме фатьяновской, является важным показателем. Под данным слоем в этом районе раскопа шел уже материковый мешаный рыжевато-бурый суглинок с камнями.

Для характеристики культурного слоя раскопа важна также картина распределения фрагментов грубого красноглиняного горшка XIV–XV вв., обнаруженного в 2005 г. (рис. 49, № 549–572). Большая их часть происходит из северо-западного угла раскопа (кв. 33, 34, 36) на уровне пласта 3, но часть фрагментов была найдена выше, на уровне пластов 1 и 2, часть — ниже, на уровне пласта 5. То есть в культурном слое происходили довольно значительные вертикальные и горизонтальные перемещения керамики уже после ее первичного отложения.

Пласт 4 (рис. 25) на большей части раскопа характеризовался тем, что стал выявляться верх материкового рыжевато-бурого суглинка. В северо-западном секторе этот суглинок проявился повсюду, за исключением углов, где еще оставались тонкие линзы песка или пятна темно-серой супеси, служившей заполнением ям № 1, 3 и 7. В северо-западном углу этого сектора проявилась линза подзолистой супеси — это, видимо, низ частично разрушенного почвенного горизонта, который был в свое время перекрыт толщей кирпичного боя при сооружении здесь прогулочной дорожки. В северном секторе картина более сложная — здесь материковый суглинок проявился четко лишь в северо-западном углу сектора, в юго-восточном углу заменой ему явился материковый светло-желто-бурый песок. В центре же сектора вокруг пятна ямы № 1 узкой полосой шел еще слой светло-желтого песка с линзами серой супеси, который ближе к краям западины ямы № 1 становился темнее. Пятна ям № 1 и 3 четко обозначились, и было хорошо видно, что они в юго-западном секторе врезаны в толщу материкового рыжевато-бурого суглинка. На площади раскопа 2005 г. границы пятна ямы № 1 были более расплывчатыми, слой постепенно светлел от серого к светло-бурому. За пределами пятна — песок разных оттенков. В восточной части раскопа 2005 г. на уровне основания пласта начало чувствоваться приближение к «материку» — поверхности погребенной почвы. Появились белесые линзы песка — остатки подзолистого горизонта. Это

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 4. Радиоуглеродные датировки образцов из ямы № 1

Возраст ^{14}C	Лабораторный номер	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца
1880±50	Ki-12844	AD* 74 (128) 217	Уголь	Кв. 33–34, пласт 7
1850±50	Ki-12845	AD 85 (133) 238	Уголь	Кв. 33–34
1840±140	ГИН-13570	AD 25 (134, 159, 170, 196, 209) 379	Уголь	Кв. 33, 34, угли из образцов № 1–5, отобранных на промывку зерен

* Anno Domini — после Рождества Христова.

же наблюдалось и в юго-восточной части северного сектора раскопа 2006 г., примыкающей к этой части раскопа 2005 г. с севера. Находки в этом пласте, за исключением заполнения ям, на площади раскопа были весьма малочисленны.

Пласты 5 и 6 (рис. 26) на большей части площади раскопа № 2 были сняты до полного проявления горизонта материкового суглинка или песка, не содержащих никаких находок. После зачистки и фиксации эти площади более не раскапывались (за исключением заполнений ям, которые выбирались отдельно, также по пластам, вплоть до пласта 14 в районе рва).

Описание ям. В пределах раскопа № 2 было проведено исследование жилищной (?) впадины — ямы № 1 (рис. 24) начала нашей эры (позднедьяковский период). Расплывчатые контуры западины стали проявляться с уровня пласта 3. При зачистке основания пласта 4 контуры западины в толще окружающего рыжевато-бурого суглинка (материка) и светло-бурого песка четко обозначились. Осталась неисследованной лишь, вероятно, ее небольшая часть, уходящая в северном секторе под стенку квадратов 39 и 96.

Западина ямы № 1 в плане была близка к прямоугольнику размерами 2,5 х 4,5 м. Глубина ямы, выкопанной в материковом суглинке и песке, достигает 55 см, заполнение — темно-серая гумусированная супесь.

На уровне **пласта 6** был достигнут уровень «жилой поверхности» ямы № 1. Культурный слой заполнения ямы на этом уровне был темно-серого цвета с многочисленными светлыми пятнами заполнения кротовин. На отметке –250 в квадрате 33 был найден развал профилированного гладкостенного лепного сосуда (рис. 24; 46, № 257-05) в окружении обожженных камней, мелких углей, единичных кальцинированных костей, плохо сохранившихся зубов лошади. Судя по плохой сохранности этих зубов, можно утверждать, что малочисленность находок костей на памятнике обусловлена химическими особенностями грунта. Под развалом сосуда грунт был плотным, темно-серого цвета с сизым оттенком и напоминал спекшуюся золу. Из слоя вокруг развала были отобраны образцы грунта объемом 10 литров для промывки с целью поиска обугленных зерен. В промывке были найдены зерна культурных злаков, типичные для верхнего культурного слоя Дьякова городища, — ячмень и пшеница, а также сопутствующие сорняки — плевел, щавель (см. приложение 1). Горшок с дугообразно отогнутым наружу венчиком с ногтевыми отпечатками по торцу, гладкой поверхностью и примесью дресвы в тесте типичен для горизонтов I–III вв. н.э. Дьякова городища. В заполнении ямы была найдена петелька из бронзовой проволоки, вероятно, обломок шумящего (?) украшения (рис. 55, *3*).

По угольками из ямы № 1, отобранным с уровня пластов 5–7, были получены три радиоуглеродные датировки (табл. 4).

В заполнении дна ямы прослеживались тонкие железистые прожилки ортзандов буро-ржавого цвета. Для их образования требовался длительный период, т.е. можно предполагать, что в течение многих веков над заброшенной ямой рос лес. Границы ямы на этом уровне несколько уменьшились и стали четкими. Заполнение, по мере приближения ко дну ямы, становилось более светлым за счет примеси подстилающего песка. Среди находок единичные фрагменты керамики. Причем кроме керамики железного века было встречено довольно много фатьяновской.

Дно ямы № 1 было почти плоским. Заполнение (золистая серая супесь) в придонной части квадратов 33, 36, 85 было насыщено камнями, некоторые из них были обожжены. Пятно, особенно насыщенное золой, размерами примерно 50×40 см, отмечено в юго-восточном углу квадрата 33. При окончательной выборке заполнения ямы выяснилось, что ее дно ближе к центру несколько повышается, а вдоль юго-восточной границы у стенки наблюдалась неглубокая западина, заполненная серой супесью. Отметки

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

юго-западного угла ямы в квадрате 86 находились еще ниже на 7–10 см. После завершения разборки заполнения ямы № 1 ее дно было «начисто» зачищено. При этом были выбраны все темные локальные пятна — как оказалось, кротовины. Достоверных столбовых ямок обнаружено не было.

В части ямы № 1, исследованной в 2006 г., не было столь явных следов использования ее в качестве жилого объекта, каковые наблюдались в раскопе 2005 г. (угольно-золистые прослойки вместе со скоплениями обожженных камней, развал сосуда). Тем не менее, следует отметить некоторые детали, которые подкрепляют наши предположения о том, что яма оставлена постройкой. К таковым следует причислить, прежде всего, особенность формы ямы. Основной объем — прямоугольник (со скругленными углами) размерами 4,5×2 м, к которому в юго-западной части примыкает приямок шириной около 1 м, нечто наподобие входа. Один из габаритов ямы — 4,5 м — хорошо соотносится с размерами построек на Дьяковом городище.

Видно, что западина срезала на данном участке верх материкового суглинка. В заполнении ямы № 1 в квадрате 33 на уровне пласта 5 был найден железный двушипный наконечник стрелы (рис. 55, *2*), характерный для слоев городищ дьякова типа, датирующихся первыми веками нашей эры. Весьма важной, но не датирующей время создания ямы № 1 является находка в пределах западины скола лезвия полированного каменного топора (рис. 37, *1*; цв. вклейка, рис. 4, *13*). На разной глубине встречено также по нескольку фрагментов фатьяновской, текстильной и позднедьяковской керамики, а также три листовидных острия-перфоратора (рис. 37, *9, 10, 12*). Первые два перфоратора найдены практически рядом в соседних квадратах № 86–85, в 60 см друг от друга по горизонтали (–252 и –264 соответственно). Третье изделие найдено значительно дальше, в восточной стенке квадрата 96 на глубине –257. Эти кремневые орудия, однако, не связаны с этапом бытования ямы № 1, а попали туда позднее, когда впадина стала заплывать.

В ближайшей округе ямы № 1 было исследовано еще два небольших объекта — ямы № 3 и 7 (рис. 27). Первая из них была обнаружена в северной половине квадрата 60 на уровне пласта 4 и поначалу представляла собой расплывчатое пятно темно-серого цвета в толще светло-бурого песка, уходящее в стенку юго-западного сектора раскопа в северном и западном направлении. На уровне пласта 5 контуры объекта стали четкими, в виде овала. Размер ямки на уровне фиксации составил 40×80 см, глубина — около 23–25 см от верха фиксации. В разрезе ямка выглядела корытообразно; заполнение ее — темно-серая равномерно окрашенная супесь, аналогичная заполнению ямы № 1. На самом дне ямки был встречен развал стенки позднедьяковского гладкостенного сосуда, а также мелкие угольки. Эта яма, как уже отмечалось, весьма схожа с ямой в квадрате 13 (2004 г.).

Примерно на таком же расстоянии от границ ямы № 1, что и ямка № 3, в квадратах 92 и 97 северного сектора раскопа № 2 был обнаружен похожий объект, получивший наименование яма № 7. Контуры ямы № 7 проявились на уровне пласта 3 в виде пятна диаметром около 85–90 см, но отчетливо фиксировались лишь на уровне пласта 5 в виде полуовала, уходящего в северную стенку раскопа, диаметром около 65 см в направлении С–Ю и около 45 см в направлении З–В. В разрезе яма представляет собой корытообразное углубление глубиной 24 см (от уровня фиксации) с бугорчато-ямчатым дном из слегка прокаленного плотного материкового рыжевато-оранжевого пятнистого суглинка. Заполнение ямки — темно-серая гумусированная супесь, мелкие обожженные камешки, угольки и фрагмент позднедьяковского гладкостенного сосуда.

С целью дополнительного изучения стратиграфии отложений мыса в юго-западном секторе раскопа был выкопан стратиграфический шурф глубиной около 1,5 м (рис. 23). Установлено, что подстилающие культурный слой отложения являются покровными суглинками, верхняя часть которых существенно потревожена различными природными (мерзлотными, эрозионными и др.) процессами.

Материк (рис. 26) на площади раскопа № 2 проявился в основном на уровне зачистки пластов 4 и 5, т.е. на глубине –40–50 см от современной поверхности. На большей части раскопа он представлял собой рыжевато-бурый суглинок с редкими небольшими камнями или без них, поверхность его достаточно ровная, слегка волнистая в северо-западном секторе и северной половине северного сектора. На стыке северо-западного и северного секторов в квадратах 79 и 87 материковый суглинок замещался обширной толщей светло-бурого желтоватого материкового песка; то же самое отмечалось в квадратах 59–62 северо-западного и юго-западного секторов. Это же было характерно и для материкового грунта вокруг западины ямы № 1 в северном секторе (кв. 110–111, 115–116), и для большей части раскопа 2005 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Профиль северного борта квадратов 60–48 имеет длину 10 м (рис. 27). Поверхность плавно понижается с востока на запад от отметки –157 до отметки –207. Сверху идет гумусовый горизонт современной почвы серого цвета (супесь) толщиной до 18 см, нижняя граница неровная, с затеками по трещинам и ходам корней. Гумусовый горизонт подстилает светло-серая (белесоватая) супесь (песок) со следами вторичного оподзоливания, которая прослеживается по профилю в виде отдельных линз толщиной до 16–18 см и протяженностью 1 м и более. Нижняя граница постепенная, неровная, нарушена кротовинами. Ниже располагается основной горизонт находок — серо-бурый песок (супесь), залегающий почти горизонтально, мощность колеблется в пределах 20–35 см. Нижняя граница его над заполнением ямы № 1 читалась достаточно отчетливо, в восточной части профиля переход к нижележащему слою постепенный и неясный. На участке квадратов 33, 36, 39 ниже идет темно-серая золистая супесь (заполнение ямы № 1), она включает обожженные (очажные) камни, угольки, светлые линзы заполнения многочисленных кротовин. Выделяется наиболее темная часть на глубине 55–70 см в квадрате 36. В нижней части горизонта в профиле того же квадрата цвет серо-сизый из-за большого содержания золы. Общая мощность до 52 см. В слое прослеживаются залегающие волнисто-горизонтально прожилки буро-железистого цвета толщиной около 0,5 см — ортзанды. Нижняя граница неровная, нарушена многочисленными ходами землероек и корнями. Максимальная глубина от поверхности подошвы горизонта — 106 см. Светло-бурый мешаный песок прослеживается в восточной половине профиля вне пределов ямы № 1 под серо-бурой супесью; он содержит единичные находки, в том числе кирпичную крошку. Мощность в пределах 20–30 см, нижняя граница неясная. Светло-бурый желтоватый песок с горизонтальной микрослоистостью, образованной прожилками железистых ортзандов, идет по всей длине профиля — материковый горизонт. Из этого борта в квадрате 36 были отобраны образцы для палинологического анализа. Места отбора показаны на чертеже профиля.

Таблица 5. Статистика керамики из раскопа 2 (2005 и 2006 гг.)

Пласт	Фатьяновская (бронзового века)	Железного века			Средневековая						Неопределимая керамика (мелкие фрагменты)
					красноглиняная				моренная/чернолощеная	белоглиняная	
		текстильная	гладкая	подлощенная	грубая	гладкая	лощенная полосами полосами	ангобированная (белый)		грубая + гладкая + шероховатая	
1	26	3	23		6	7				8	2
2	90	8	73		17	161	5			43	79
3	144	29	118		46	230	2			67	125
4	117	42	116	6	20	113	1	1		31	260
5	56	6	50		8	43		2		12	104
6	33	4	18			7				1	39
Яма № 1	59	7	66		1				1	4	201
Яма № 3	9		28								
Яма № 7					1						
Зачистка бортов	4										5
Всего: 2775	538	91	492	6	99	561	8	3	1	166	810

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

В западной половине профиля поверхность плавно и слегка волнообразно падает с востока на запад с отметки –199 в крайней восточной точке до отметки –207 в крайней западной точке. Под поверхностным слоем серой супеси толщиной до 18–20 см залегает серо-бурая супесь. Толщина этого прослоя волнисто меняется по профилю в пределах 15–25 см. В правой части профиля ниже залегала линза заполнения ямы 1 — темно-серая супесь. Яма была вырыта в буром суглинке. Дно ямы неровное, с затеками. В левой части профиля прослеживалась яма № 3, заполнение которой было темнее вышележавшего слоя серо-бурой супеси. Дно ямы 3 имело неясную линию, плавно переходило в песчаное заполнение «клина», или линзы, внедрившейся в подстилающий слой бурого покровного суглинка. Профиль был прокопан до «чистого суглинка» на 1,5 м от современной поверхности.

Состав керамического комплекса из раскопа 2 представлен в табл. 5. В нем четыре основных компонента: средневековый, фатьяновский, позднедьяковский, текстильный (перечислены в соответствии с численностью фрагментов в порядке убывания). Вероятно, хозяйственная деятельность в районе раскопа 2 происходила во все периоды обживания площадки мыса.

Траншея № 1

Траншея № 1 размерами 16×1 м плавно поднималась от раскопа № 2 к беседке, соединяясь там с шурфом № 1 2005 г. Общий перепад высот незначительный, около 50 см. Траншея № 1 в своей восточной половине, примыкающей к шурфу № 1, содержала лишь современный дерн и толщу плотного мешаного суглинка мощностью в 15–25 см, с многочисленными вкраплениями кирпичной крошки и битого белого камня, под которой шел горизонт материкового рыжевато-бурого суглинка с ненарушенной структурой. Данная картина несколько схожа со стратиграфией шурфа № 1, но здесь, в траншее, нет культурного горизонта средневековой деревни, так как, вероятно, он был полностью уничтожен при планировании грунта в период реставрации беседки 1970–1980-х годов или еще раньше. В западной половине траншеи № 1, примыкающей к раскопу № 2, была выявлена более сложная стратиграфия: дерн мощностью от 3 до 10 см, затем плотная серая супесь мощностью 15–20 см, содержавшая немногочисленный материал (3 обломка железных ножей средневекового времени в пластах

Таблица 6. Статистика керамики из траншеи № 1 (без учета квадратов 119–122)

Пласт	Фатьяновская (бронзового века)	Железного века			Средневековая						Неопределимая керамика (мелкие фрагменты)
					красноглиняная					белоглиняная	
		текстильная	гладкая	подлощенная	грубая	гладкая	лощенная полосами полосами	ангобированная (белый)	мореная/чернолощеная	грубая + гладкая + шероховатая	
1			1			8				29	
2					1	20				33	
3	4		1			29				8	
4	4		1			4	1	1		40	
5										1	
Всего: 186	8		3		1	61	1	1		111	

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

2, 3 и 5 в квадратах 117, 122, 123 и др. поздние предметы; рис. 55); ниже шел слоистый рыхлый рыжевато-бурый суглинок без находок, с поверхности которого в квадратах 121 и 123 западали вниз прослойки белесоватого подзола. Между этими прослойками (по горизонтали) под плотной серой («цементовидной») супесью в квадратах 121–123 на уровне пласта 4 фиксировался горизонт темно-серой супеси, проявившийся при зачистке четкой полосой шириной 1,2 м, шедшей диагонально в направлении с юго-востока к северо-западу. Было высказано предположение, что это — верх заполнения древнего рва. Впоследствии так оно и оказалось. Для исследования рва была сделана прирезка к раскопу. Описание этого важнейшего объекта дано ниже.

В составе комплекса траншеи 1 (табл. 6) преобладает средневековая керамика, причем белоглиняной больше, чем красноглиняной, что, скорее всего, является хронологическим показателем. Такая пропорция характерна для первой половины XVI в. (Московская керамика, 1991. Рис. 2).

Шурф № 1

Размеры шурфа — 2×2 м, ориентирован по странам света, западной стенкой (кв. 51) смыкается с квадратом 132 траншеи № 1 (рис. 23; 35). Поверхность утоптана, дерна нет. Уклон поверхности от северо-восточного угла к южному борту — до 30 см. Пласт 1 представлен серой супесью с включением обломков известняка. Находки в верхнем пласте — исключительно современный мусор. Пласт 2 представлен серо-бурой супесью с включением многочисленных обломков мелкого кирпичного боя и известняковых отесков, связанных со строительством беседки 1805 г. В составе находок резко убывает количество современного мусора. Керамики почти нет — менее 10 фрагментов. Пласт 3 в северной части шурфа представлен бурой супесью, плавно переходящей в центральной и южной части в серо-бурую супесь. Включает много кирпичной крошки и белокаменных отесков, нарушен корнями. Предметы XX в. на этой глубине уже не встречались. Максимума достигает количество мелких кусочков кирпичей — 888. Есть также оконное стекло. Возрастает количество керамики — белоглиняной гладкой и красноглиняной гладкой. Пласт 4. Большую часть площади шурфа занимала серо-бурая супесь, в квадрате 54 (юго-восточный угол) слой становился темнее. В находках из пласта 4 резко убывает «субсовременный» мусор (стекла нет совсем). Количество фрагментов кирпичей, сравнительно с пластом 3, меньше в два с лишним раза. Численность керамики возрастает. Наибольшее количество — красноглиняной гладкой. Пласт 5 представлен однородной серо-бурой супесью с редкими угольками и кирпичными обломками. В пласте почти не было и керамики — всего 12 фрагментов. Пласт 6, материк. В западной половине шурфа на глубине пласта 6 вышли на уровень погребенной почвы — зачищено пятно подзола и подстилающего его бурого суглинка.

В северо-восточном углу проявились контуры ямы № 2, заполненной углистой серой супесью с включениями угольков и красноглиняной гладкой керамики (122 фрагмента), почти вся она происходит из верхней части заполнения ямы. Границы ямы № 2 прослеживались очень четко. Ее заполнение темно-серого цвета выделялось на фоне белесо-бурого материкового суглинка. В верхней части ямы залегали линзы спекшейся золы. На этом же уровне была найдена половинка пряслица, сделанного из донца белоглиняного горшка (рис. 55, *11*). Глубина ямы от поверхности материка около 50 см. В заполнении ямы доминировала красноглиняная гладкая керамика и лощенная полосами, белоглиняной было совсем немного (табл. 7).

По углям из ямы № 2 была получена радиоуглеродная датировка (табл. 8), соответствующая возрасту, установленному по керамическому материалу (см. ниже). Можно думать, что датировке ямы точнее соответствует верхняя часть хронологического интервала радиоуглеродной даты, так как дерево, попавшее в образец, имело какой-то собственный возраст.

В заполнении ямы № 2 было найдено также несколько кусков глиняной обмазки. В качестве интерпретации ямы № 2 может быть выдвинуто предположение, что это — подпечное сооружение в деревянной избе.

Описание профиля восточного борта шурфа (рис. 35). Длина 2 м, уклон поверхности с востока на запад с –50 до –79. Ниже приведено описание слоев, цифрами обозначенных на чертеже: 1) глубина 0–3 см, серая супесь с гравием (современная дорожка); 2) глубина 0–10 см, темно-серая супесь с мелкими корнями, современный дерн; 3) глубина 10–15 см, горизонт отесков известняка (слой строительства беседки 1805 г.); 3а) глубина 10–20 см, темно-серая супесь, нижняя граница неявная, пере-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 7. Статистика керамики из шурфа 1 (2005 г.)

Пласт	Фатьяновская (бронзового века)	Железного века			Средневековая						Неопределимая керамика (мелкие фрагменты)
					красноглиняная				моренная/чернолощеная	белоглиняная	
		текстильная	гладкая	подлощенная	грубая	гладкая	лощенная полосами	ангобированная (белый)		грубая + гладкая + шероховатая	
1						1					1
2					1	5				3	
3						19	1		1	31	1
4					5	63	7	1	1	43	2
5						8	1			3	
6					3	122	6			14	
Яма № 2	1				1 (сероглиняная)	259	23	3		13	
Всего: 643	1				10	477	38	4	2	107	4

Таблица 8. Радиоуглеродный возраст образца из шурфа 1

Возраст ^{14}C	Лабораторный номер	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
450±70	ГИН-13570а	AD 1415 (1441)1482	Уголь	Селище Царицыно-1, шурф, яма № 2

ход постепенный (низ горизонта А1 погребенной почвы); 4) глубина 20–60 см, серо-бурая (к бурому) супесь (суглинок) с включениями белокаменной и кирпичной крошки; 5) глубина 60–120 см, заполнение ямы 2, темно-серая углисто-золистая супесь с дисперсными угольками, спекшимися кусками золы, включающими фрагменты керамики, угольки, пронизана корнями. Вне ямы горизонт 4 подстилает слой подзола. Дно ямы врезано в бурый суглинок. Заполнение ямы (серая супесь) «затекает» на подзол.

Северная прирезка к траншее № 1

Для исследования рва с севера от траншеи прирезали площадь 4×3 м (кв. 133–144), а затем еще далее к северу дополнительный квадрат 2×2 м — квадраты 145–148 (рис. 28). Это позволило изучить ров на протяжении около 6 м в направлении северо-запад–юго-восток.

Площадка северной прирезки имела горизонтальную поверхность, слегка покатую с севера на юг на 18–20 см. Поверхность была практически лишена дерна — она интенсивно вытаптывается посетителями парка, так как рядом, с северной стороны прирезки, проходит пешеходная дорожка. Верхний горизонт, **пласт 1**, был чрезвычайно уплотнен и насыщен современным мусором, особенно в квадратах 134–135, 137–138, 140 вокруг садовой скамейки, остатки фундамента которой в виде бетонных монолитов были зафиксированы здесь же.

В **пласте 2** также были зафиксированы остатки, связанные со строительством парковых дорожек. Обломки кирпичей и блоков белого камня лежали узкой полосой шириной в 30–40 см в направлении с северо-запада на юго-восток на глубине 15–20 см от современной поверхности. Эта полоса кирпичей, как выяснилось впоследствии, шла почти через всю прирезку по оси нижележащего рва. Вероятно, в период строительства парковых дорожек небольшое углубление

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

на месте рва (на 10–15 см) еще прослеживалось, и в нем скопился строительный мусор.

После зачистки **пласта 3** выявились нечеткие контуры верхней части заполнения рва в виде полосы темно-серой супеси, ограниченной с двух сторон по юго-западному и северо-восточному углам прирезки рыжевато-бурым опесчаненным суглинком. Полоса заполнения рва (шириной в 2,5–3 м) начиналась в северо-западном углу квадратов 145–146 и шла по диагонали прирезки через квадраты 141, 144, 122, 121. В квадрате 148 из-под серой супеси стал проступать нижележащий слой темно-серой углистой супеси с очажными камнями — горизонт Средневековья, насыщенный керамикой XV–XVI вв.

На уровне зачистки **пласта 4** полоса заполнения рва (темно-серая плотная супесь) проявилась более четко. Ширина полосы сузилась до 2 м в квадратах 145, 147 и до 2,5 м в квадратах 138, 141, 144, 122–123. По ее краям проявились линзы и полоски подзолистой белесовато-серой супеси, уходящие вниз под этот слой заполнения рва по направлению от края к центру. В середине полосы заполнения рва проявилась и была зачищена полностью более узкая полоса темно-серой рыхловатой углистой супеси, сохранившая большое количество очажных камней и средневековой керамики XV в. Особенно заметной была концентрация камней, лежавших в несколько слоев в квадратах 146, 148, 139–140. На этом же уровне в квадрате 136 был найден типичный позднедьяковский железный плоский двушипный черешковый наконечник стрелы (рис. 55, *1*), аналогичный наконечнику, найденному в 2005 г. в заполнении ямы № 1 в квадрате 33 рядом с развалом позднедьяковского сосуда. Датировка этих изделий в пределах первых веков нашей эры достаточно твердая. Этот наконечник, очевидно, находился в переотложенном состоянии.

При зачистке поверхности у края рва в квадрате 119 на глубине –170 в толще рыжевато-бурого материкового суглинка было выявлено округлое пятно ямки диаметром 20 см, заполненное светлой серо-бурой супесью. Глубина этой ямы № 11 оказалась незначительной (около 20 см), дно имело отметку –181. Так как она частично уходила в стенку раскопа, то хорошо читался и профиль ее верха — яма начиналась с горизонта серой супеси, как и все подобные ямки в раскопе № 2. Поэтому, по всей видимости, она также относится к позднедьяковскому периоду, но ее назначение не совсем ясное (возможно, это столбовая ямка).

На уровне **пласта 5** продолжалась расчистка слоя очажных камней и керамики Средневековья (рис. 33, *4*). Борта рва были зачищены до появления рыжевато-бурого материкового суглинка и далее уже не снимались; выбиралось лишь заполнение рва. Особенно плотно камни и средневековая керамика залегали в квадратах 145–146, 148 и 140 по оси рва. Несомненно, этот слой камней и керамики в двух соседних пластах является единым по характеру своего формирования. Он накопился, вероятно, в качестве мусора, возможно, сброшенного сюда обитателями жилища, которое существовало в этот период в районе беседки и шурфа № 1, где были зафиксированы следы подпечной ямы (см. выше).

Находки древнерусского времени были представлены единичными, но неординарными изделиями. Они были обнаружены на уровне пласта 5 и чуть ниже, в пласте 6. Мыс с заплывшим рвом, несомненно, посещался жителями расположенных по соседству древнерусских поселений, например Царицыно-2 и Царицыно-3. С этими посещениями могут быть связаны находки фрагмента курганной керамики и бронзового крестопрорезного бубенчика XII в. (рис. 55, *4*) в пластах 5–6 в квадрате 143. В основании слоя серой плотной супеси в пласте 7 (кв. 136, 140) были найдены фрагменты редкого изделия — лепного светильника (?), похожего на сковороду с чуть поднятыми бортиками и шишковидным выступом в центре. Поверх вокруг выступа нанесен концентрический орнамент — четыре кольца трехрядной «древнерусской» волны (рис. 48). Диаметр этой находки — около 20 см, толщина дна — до 2,5 см, бортики высотой до 2 см расширяются от дна под острым углом, края закруглены. В тесте довольно крупные зерна дресвы и пустоты от выгоревшей органики. Судя по наличию орнамента, характерного для гончарных горшков курганного типа, этот лепной предмет нужно датировать концом XI–XII в.

На уровне **пласта 6** средневековые находки вместе со скоплением камней исчезли, появились первые единичные фрагменты керамики позднедьяковского времени. Сам характер заполнения опять стал достаточно однородным, по всей ширине полосы шла темно-серая плотная супесь. В основании пласта начал проявляться нижележащий слой несколько иного характера — темно-серая рыхловатая супесь с углисто-сажистыми включениями и с многочисленными фрагментами позднедьяковской керамики. Немного глубже количество керамики увеличилось, и были выявлены развалы горшков in situ.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Например, в квадрате 146 непосредственно на склоне борта рва на уровне низа пласта 6 был зачищен большой развал гладкостенного профилированного сосуда в сопровождении камней мелкого и среднего размера (рис. 47, № 413-06). Данный развал продолжался на уровне пласта 7 и частично в начале пласта 8. Ширина полосы заполнения рва на уровне пласта 6 снова уменьшилась и составила почти на всем протяжении прирезки около 1,4–1,6 м.

Пласт 7 не дал практически ничего нового по сравнению с пластом 6; ширина полосы заполнения почти не изменилась, характер его остался прежним. Находки дьяковской керамики были малочисленными; встречались камни мелких и средних размеров.

Зачистка **пласта 8** позволила проявить интересные детали заполнения рва, в частности, в квадратах 148, 136, 140–141 обнажился верх следующего слоя заполнения рва, представлявшего собой темно-серую рыхловатую супесь. Этот слой не тянулся ровной полосой по тальвегу рва, а поначалу представлял собой цепочку пятен овальной формы. Подобная картина проявления слоя означает, что верх этого горизонта не совсем ровный, а бугристый. Выше всего и раньше он проявился в квадратах 136 и 140, на отметке –170–175. Как выяснилось впоследствии, именно в квадрате 136 находилась точка перегиба дна рва: отсюда в разные стороны его уровень понижался, причем понижение в юго-восточном направлении было более существенным, нежели в северо-западном. В квадратах 141, 121 и 122 проявилось пятно углистой темно-серой супеси, насыщенной фрагментами позднедьяковской керамики, камешками и несколькими зубами лошади (рис. 33, *1, 5*).

На уровне **пласта 9** описанный выше слой плотной темно-серой супеси еще продолжался, но был гораздо интенсивнее насыщен фрагментами дьяковской керамики и достаточно крупными камнями, как бы оконтуривавшими края заполнения рва. Это были, как выяснилось впоследствии, крайние и верхние камни нижележащего горизонта камней (в основном 5–7 см в поперечнике), большей частью обожженных, лежавших вдоль тальвега рва. Поверхность полосы камней была не плоской, а прогнутой посередине, как бы выстилая корытообразное дно. Скорее всего, эти камни являются мусорным заполнением рва наряду с дьяковской керамикой. Было отмечено, что особо насыщенным керамикой оказался район квадратов 141, 144, 122 и 123, где были развалы сосудов.

Пласт 10 и частично пласт 11 содержали скопления очажных камней (большинство из них обожжены в различной степени). В этом скоплении камней встречено много фрагментов позднедьяковской керамики и несколько зубов лошади (см. приложение 2). Особенно много керамики было в квадратах 141, 121 и 122. Пласты 10 и 11 (уровень 1), таким образом, представляют собой единое целое в виде скопления камней в толще темно-серой супеси с угольками, переходящей в слой слоистого серого и серо-бурого суглинка с углями. Угольная прослойка в виде остатков горелой плашки появилась в квадратах 136, 137, 140 на отметке –196–198, уже под камнями. Из этой и соседней плашки были собраны образцы древесного угля № 4 (ГИН-13704)

Таблица 9. Радиоуглеродные датировки образцов из заполнения рва

Возраст ^{14}C	Лабораторный номер ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
1940±40	13704	AD 20–90 (51,5%) AD 100–130 (16,7%)	Уголь	Раскоп 2, квадраты 139, 140, пласт 11, глубина –200, образец № 4
1940±30	13705	AD 25–45 (15,7%) AD 50–85 (39,1%) AD 100–125 (13,4%)	Уголь	Раскоп 2, квадраты 140, пласты 11–12, глубина –205–210, образец № 5 над развалом сосуда
2380±70	13706	BC 760–690 (15,7%) BC 550–380 (52,5%)	Уголь	Раскоп 2, квадраты 133, 136, 145, 146–148. Глубина –200–220. Образец № 8
2490±40	13703	BC 770–740 (3,0%) BC 730–520 (65,2%)	Уголь	Раскоп 2, квадраты 121, 141, уголь со дна рва, глубина –220–254. Образец № 6
2500±40	13701	BC 790–750 (5,7%) BC 710–520 (62,5%)	Уголь	Раскоп 2, квадраты 140, 141, глубина –220–240, со дна рва. Образец № 7
2510±60	13702	BC790–750 (10,4%) BC 720–520 (57,8%)	Уголь	Раскоп 2, квадрат 146, яма № 10, угольки из заполнения

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и № 5 (ГИН-13705) для радиоуглеродного датирования (табл. 9).

Эти даты согласуются с результатами датирования образцов древесного угля из заполнения ямы № 1 в раскопе 2 (см. табл. 4).

При зачистке **пласта 11** (уровень 2) слои позднедьяковского времени были практически выбраны; темно-серая супесь сменилась серым, серо-бурым суглинком, идущим по самому дну рва, а также отдельными пятнами ярко-бурого суглинка и пятнистого серо-бурого суглинка. Все эти структуры содержали в себе отдельные угли, камни, единичные фрагменты позднедьяковской керамики, зубы лошади (фрагменты челюсти), а также прослойки, пятна и небольшие углистые линзы. Борта рва были сложены сверху бурым опесчаненным суглинком с камнями, а ниже — светло-бурым суглинком, пронизанным кротовинами. Кое-где по краям борта рва еще прослеживались небольшие пятна подзола.

На дне рва в северной части прирезки на отметках −203, −212, в толще светлого суглинка был обнаружен развал гладкостенного слабопрофилированного сосуда с красновато-кирпичной пятнистой поверхностью, украшенный защипным орнаментом (рис. 45, № 406–06). Аналогичные по форме похожие на ведро горшки имеются в основании верхнего слоя Дьякова городища. Также была обнаружена яма в пределах перекрестия стыка квадратов 137, 138, 140 и 141. На глубине −205, −208 проявилось круглое в плане пятно темного серо-бурого суглинка диаметром в 20–21 см, которое оказалось ямкой (№ 8) с вертикальными стенками и глубиной около 60 см; дно ее было коническим. В заполнении ямы, кроме отдельных угольков и камней, не было ничего. Сбоку и ниже ямы, ближе к самому дну рва, в квадрате 141 на поверхности ясно читалось пятно выброса из нее в виде линзы бурого опесчаненного суглинка размером около 30×20 см и мощностью до 10 см. Очевидно, ямка была выкопана до того, как в позднедьяковский период ров стали забрасывать мусором.

Пласт 12 (рис. 29) является фактически зачисткой самого дна рва и его бортов на момент его строительства, за исключением ямы № 9 (см. ниже) и неглубоких западин дна в квадратах 145, 146, 140, 141 и 122–123, которые были доисследованы в пластах 13–14. На дне рва залегала прослойка темного буро-серого сажисто-золистого суглинка в виде полосы шириной 60–80 см и мощностью 2–3 см, с неровными извилистыми краями. Отметки дна с северо-запада на юго-восток по тальвегу — в квадрате 145 −220, в квадрате 148 −210, в квадрате 140 −220, в квадрате 121 −228 и даже −240 у восточной стенки квадрата. Выше по борту рва указанная суглинистая прослойка сменялась с северо-восточной стороны узкой полосой (шириной до 45 см) серо-бурого рыхловатого суглинка с мелким углем, а с юго-западной стороны — бурым суглинком, пронизанным многочисленными кротовинами. Ближе к верху борта и на северо-восточной стороне появлялся тот же бурый суглинок с кротовинами. Край борта (особенно это было хорошо видно в квадрате 147) был отмечен слоем белесоватого подзола, плавно спускавшимся вниз, что свидетельствует о том, что ров был долгое время не засыпан и на его поверхности шел длительный процесс почвообразования (до начала засыпания рва в позднедьяковское время). Кое-где на дне и по бортам рва были зафиксированы камни (максимум до 25 см в поперечнике). Встречено несколько незначительных фрагментов фатьяновской керамики, в понижении дна рва в квадратах 141 и 121 — единичные фрагменты позднедьяковских сосудов.

При дальнейшей тонкой зачистке поверхности дна и бортов рва была зафиксирована картина, представленная на чертеже **пласта 13** (рис. 30). В крайних квадратах рва (кв. 146, 146 и 141, 121) была выявлена область тонкого углистого суглинистого прослоя, идущего по дну рва и поднимающегося на юго-западный борт. С поверхности этого пятна был собран древесный уголь — образец № 8 (лаб. № 13706). Судя по стратиграфическому положению образца и полученной датировке (2380±70), этот прослой угля фиксирует время сразу после строительства рва — примерно середина — начало второй половины I тыс. до н.э.

Чуть западнее в тальвеге рва были зачищены углистые тонкие прослои, которые залегали полосой длиной 1,2 м и шириной 40 см. В вертикальном разрезе эти углистые прослои выглядели как тонкие «стенки» угля высотой до 5–7 см. Создавалось впечатление, что это остатки «оболочки» целого крупного ствола дерева, сгоревшего непосредственно здесь, на дне. Внутри углистой прослойки были прослежены линзочки прокаленного суглинка. Все это оконтуривалось бурой глиной с линзами подзола. Далее вниз по дну рва в квадратах 121–122 этот уровень был представлен в виде равномерно-углистого бурого суглинка.

Окончательная зачистка самых нижних частей западин на дне рва представлена на плане **пласта 14** (рис. 30). Под углистыми прослойками в квадратах 140, 141, о которых шла речь в описании пласта 13, была зачищена поверхность

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

довольно большой головешки длиной до 40 см и шириной 15 см, лежавшей также вдоль по дну рва и являвшейся, очевидно, самой нижней частью сгоревшего ствола дерева (рис. 34, *3*). По краям плашки наблюдались линзы прокаленного суглинка и глины. Угли залегали в прослойке серо-бурого суглинка, имевшей форму вытянуто-овального пятна длиной 2 м и шириной до 40 см, начинавшейся в квадрате 140 на отметке –236 и заканчивавшейся в квадрате 122 на отметке примерно –248. С площади плашки был собран образец древесного угля № 7, показавший радиоуглеродный возраст 2500 лет (см. табл. 9).

В квадрате 122 у восточной стенки на отметках –250, –260 была зачищена прослойка прокаленной глины толщиной 1–2 см и диаметром пятна около 20 см, над которой были довольно крупные угли в виде пятна поперечником в 35 см. Чуть ближе от этой прослойки к восточной стенке раскопа и под самой стенкой была зачищена уходящая в нее прослойка серо-бурой супеси, также с углями, которые были собраны в образец № 6. В этом же пятне супеси с углями были найдены фрагменты стенки и венчика текстильного сосуда (рис. 40, № 111-06). Возраст образца 6 (2490 лет) оказался практически идентичным возрасту образца 7. Таким образом, все три даты по ^{14}C, полученные по образцам древесного угля со дна рва, достаточно близки друг к другу и, вероятно, фиксируют самое начало периода заполнения рва после его строительства. Следовательно, сооружение рва необходимо отнести ко времени, предшествующему этим датам.

После зачистки пласта 14 вся поверхность рва, его бортов и остальных участков прирезки и части траншеи № 1 (в кв. 119–123) была еще раз зачищена и зафиксирована на плане и фотографиях в качестве поверхности материка (рис. 34, *2*). В кв. 138 в 50 см к юго-западу от ямы № 8, немного ниже ее верха, на отметке –225 проявился овал ямы № 9, близкий к кругу диаметром 35 см. После выборки заполнения ямы по секторам выяснилась ее глубина — 43 см от уровня фиксации. Дно ямы плоское, ровное, стенки чуть наклонные к центру, так что диаметр дна около 30 см. Заполнение ямы — слоистая светлая серо-бурая супесь с включением угольков и бурого суглинка. Слои косо западали в яму от верха борта рва вниз ко дну рва — следовательно, яма была заполнена в результате смыва или сползания грунта с борта рва. Заполнение ямы сходно с заполнением дна рва на самом его дне (светлая серо-бурая супесь). Яма расположена на крутом склоне борта рва, поэтому ее верхний край на 25 см выше нижнего, однако дно горизонтальное. Возможно, это столбовая яма.

В квадрате 146, вплотную к западной стенке прирезки и большей частью уходящая в стенку, была обнаружена яма № 10 (рис. 34, *4*; цв. вклейка, рис. 5). Она проявилась на отметке примерно –240 при прокапывании материка вдоль стенки. Заполнение ямы — бурый комковатый суглинок с прожилками подзола, кварцевыми присыпками по трещинам структур и с угольками, распределенными достаточно равномерно по всей толще заполнения, которое удалось проследить до глубины –290. В профиле западной стенки прирезки (рис. 32) было видно, что яма 10 выкопана примерно с уровня толщи мешаного бурого суглинка, включавшего линзы подзола и марганцевые примазки. Этот суглинок, по всей видимости, является выбросом из рва, отложившийся при его строительстве (нельзя утверждать категорично, что это насыпь вала, хотя такое предположение возможно). Соответственно, появление ямы № 10 необходимо связывать именно с моментом строительства рва, хотя ее назначение при этом остается неясным. Уголь из заполнения ямы показал возраст (2510±60), идентичный возрасту угля на дне рва, что вполне согласуется с высказанными выше соображениями стратиграфического характера.

Для исследования поверхности, с уровня которой выкопана яма № 10, была прокопана траншея вдоль западного борта прирезки, а к ней поперечные дополнительные траншейки. Ясной картины установить не удалось. Верхний слой суглинка борта оказался немного рыхловатым по сравнению с настоящим материковым слоем; в его толще примерно на уровне –180 (в кв. 134–135) проходила прослойка мелких и средних камней. Однако подошвы этого переотложенного горизонта проследить не удалось ввиду большой схожести этого суглинка с нижележащим материковым.

Остальная поверхность зачищенного материка представляла собой рыжевато-бурый суглинок с редкими камнями. В итоге уровень верха бортов рва (около –170) оказался приблизительно одинаков с обеих сторон.

Ширина рва после окончательной выборки его заполнения составила около 2,5 м, а глубина — 1 м.

Распределение керамики в заполнении рва (табл. 10) позволяет сделать некоторые заключения о времени его создания и этапах заполнения.

Фатьяновская керамика бронзового века распределяется по пластам заполнения рва таким

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 10. Статистика керамики из прирезки над рвом (2006 г.)

Пласт	Фатьяновская (бронзового века)	Железного века			Средневековая						Неопределимая керамика (мелкие фрагменты)
					красноглиняная				мореная/чернолощеная	белоглиняная	
		текстильная	гладкая	подлощенная	грубая	гладкая	лощенная полосами	ангобированная		грубая + гладкая + шероховатая	
1	2					13		2		36	
2	4		4		3	54	1			43	3
3	5		4		4	129	2			42	2
4	13		35		2	140	2			19	1
5	15		94		4	151	1	2		29	2
6	11	1	82		5	15				5	1
7	12		85		2	7					1
8	10	2	136		1	4					
9	15	3	188		1	1					
10	6	2	125			1					2
11		3	166								
12		11	81								1
13	1	18	37								
14	4	2									
Зачистка бортов		2	5								
Всего: 1918	98	44	1042		22	515	6	4		174	13

образом, что ее больше там, где вообще больше керамики (пласты 4–9). Можно предположить, что фатьяновская керамика была перемешана относительно равномерно в позднейшем культурном слое и попадала в ров вместе с ним.

Текстильная керамика имеет ясно выраженное «тяготение» к основанию заполнения рва. Ее пик приходится на пласт 13. То есть можно предполагать, что начало заплывания рва происходило именно в период бытования текстильной керамики. Поскольку заплывание рва, видимо, началось сразу после его сооружения, то, следовательно, ров сооружен в период бытования текстильной керамики.

Гладкостенная керамика имеет хорошо выраженный пик на уровне пластов 8–11, где она абсолютно доминирует и где встречены развалы гладкостенных горшков. Не вызывает сомнений, что эти уровни заполнения рва формировались в период бытования этого типа керамики, т.е. в первые века нашей эры.

Средневековая керамика массово залегает в верхних пяти пластах. Пик приходится на пласты 3–5, где она преобладает. Начиная с шестого пласта, численность гончарной керамики резко снижается, глубже встречены лишь единичные фрагменты. На основании такого распределения можно думать, что пласты 3–5 отложились в XV — начале XVI в. В самых верхних пластах (1–2) в массе средневековой керамики на первое место выдвигается белоглиняная, ее доля достигает 50%. Такой состав комплекса характерен для середины – второй половины XVI в.

Как отмечалось выше, небольшой прогиб на месте рва, видимо, ощущался еще в конце XVIII — начале XIX в., и в нем аккумулировались кирпичи от строительства парковой дорожки.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Раскопы № 3 и 4

$Для выяснения вопроса о том, имелись ли на склонах мыса какие-либо следы дополнительных укреплений, было принято решение заложить на северо-западном склоне, недалеко от края площадки мыса, по линии, продолжающей линию рва на северо-западе, **раскоп № 3** (рис. 19). Раскоп № 3, однако, не дал никаких находок, несмотря на то, что были полностью сняты три пласта до материкового светло-желтого песка.

В 20 м западнее от раскопа № 3, на склоне мыса, был заложен **раскоп № 4** (рис. 36) в виде траншеи длиной 12 м и шириной 1–2 м. Квадрат 176 практически достиг горизонтальной площадки мыса. Верхняя точка раскопа в восточном углу квадрата 176 имела отметку –361, самая нижняя точка в западном углу квадрата 157 имела отметку –762. Раскоп 4, так же как и раскоп № 3, был ориентирован вниз по склону мыса, с отклонением 31º к западу от направления С–Ю.

Раскоп № 4 оказался насыщен находками: здесь в целом было собрано более 900 достаточно крупных фрагментов керамики эпохи бронзы и раннего железного века и один развал текстильного сосуда.

Пласт 1 на всей площади раскопа № 4 был задернован, песок сильно гумусирован, пронизан корневищами трав и небольших деревьев, которых рядом с раскопом было довольно много. Находки керамики шли с самой поверхности достаточно равномерно по всей площади; изредка встречались довольно крупные камни. То же самое было отмечено и ниже, в **пласте 2**, где гумусированный песок сменился светло-серым песком. Здесь камни образовывали два скопления полосами в квадратах 161, 163 и 169–172. В **пласте 3** вместо серо-бурого крупнозернистого песка проявился такой же, но более пылеватый песок. Камни так же часто встречались в толще пласта, как и прежде. В самом верхнем квадрате появилось достаточно много мелкого битого кирпича. В **пласте 4** кирпича стало еще больше, он встречался и в квадратах 169–175. **Пласт 5** копался лишь в верхней части раскопа, в квадратах 169–176, так как внизу раскопа проявился материковый песок с разводами ортзандов. **Пласты 6–8** копались еще на меньшем пространстве — лишь в квадратах 173–176. Содержимое пластов 6–8 в верхней части раскопа составлял серый пылеватый песок, насыщенный битым кирпичом, отесками белого камня и прочими находками дворцового периода. Изредка попадались фрагменты керамики ранних периодов — бронзы и раннего железного века. Этот горизонт закончился лишь в пласте 8, таким образом, мощность поздних напластований составила здесь около 60–65 см.

После выборки культурных напластований по поверхности раскопа была сделана зачистка верха материка. При этом в квадрате 172 у юго-восточной стенки раскопа была отмечена небольшая круглая неглубокая ямка (№ 12) диаметром 25 см и такой же глубины. Верх ямы на уровне ее фиксации имел отметку –530 (от современной поверхности 60 см), а дно –555. Заполнение ее было слегка темнее окружающего светло-желтого материкового песка. Поверхность материка на всей площади раскопа параллельна современной поверхности, ровная, без западин. Лишь наверху, в квадратах 175–176, уклон материка более пологий, нежели у современной поверхности.

Профиль юго-западного борта раскопа № 4 длиной 12 м (рис. 36). На этом протяжении поверхность плавно понижается от отметки –372 в квадрате 176 до –762 в квадрате 157. Дерновый слой и подстилающий его гумусированный темно-серый песок (супесь в верхней части) незаметно сливаются с нижележащим слоем светло-серо-бурого пылеватого песка, заметно светлеющего книзу на глубине 60–70 см от поверхности. Наверху профиля, в квадратах 173–176, материковый светло-желтый песок появляется на глубине 75–80 см от поверхности. В квадрате 165 материковый песок начинается уже на глубине 45 см.

Материал весь перемешан, поэтому целесообразно дать суммарный анализ керамической группы в целом по раскопу № 4 (табл. 11). Отчетливо в нем выделяются следующие группы: фатьяновская орнаментированная и неорнаментированная (около 51%), текстильная (около 17%), гладкостенная позднедьяковская (около 29%). Таким образом, раскоп 4 резко выделяется из всех остальных раскопов преобладанием керамики бронзового века. Исходя из этого, можно предполагать, что поселение фатьяновской культуры локализовалось именно в районе северо-западной бровки мыса.

Гончарной керамики практически нет (менее 0,5% — 4 фрагмента), что говорит о том, что на площадке мыса в этом районе в средневековый период не было активной жизнедеятельности. Лишь в верхнем квадрате отмечено очень большое количество битого кирпича, отёсков

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 11. Статистика керамики из раскопа 4 (2006 г.)

Пласт	Фатьяновская (бронзового века)	Железного века			Средневековая						Неопределимая керамика (мелкие фрагменты)
					красноглиняная				моренная/ чернолощеная	белоглиняная	
		текстильная	гладкая	подлощенная	грубая	гладкая	лощенная полосами олосами	ангобированная		грубая + гладкая + шероховатая	
1	57	24	49								7
2	73	28	67			1					4
3	62	44	75								2
4	122	49	49								7
5	91	18	29			3					1
6	71	3	8								
7	19	2	4								
8	2		1								
Всего: 972	497	168	282			4					21

белого камня, мелких обломков керамики и изразцов XVIII–XIX вв., кованых гвоздей. Это типичный набор строительного мусора, вероятно, вывезенного сюда из пределов дворцового комплекса для обустройства подсыпки под кирпичную прогулочную дорожку начала XIX в.

Комплексы находок

Находки бронзового века (фатьяновской культуры). Керамика, которая может быть определена как фатьяновская, в раскопах 2002–2006 гг. представлена 1196 фрагментами. Большая часть этой керамики не имеет орнамента (стенки от нижних частей сосудов). От керамики железного века ее отличает слегка заглаженная внешняя поверхность, характерные бороздки на внутренней стороне черепков и состав теста, в котором нет крупных включений дресвы (последний признак относится к орнаментированной посуде). Судя по числу неорнаментированных венчиков (рис. 39), примерно половина сосудов вообще не имела орнаментации. Морфологически орнаментированные и неорнаментированные сосуды мало отличаются друг от друга, но наблюдаются различия в составе теста. Неорнаментированная керамика имеет гораздо более грубые включения в тесте — дресву и крупнозернистый песок. Форма венчиков не отличается разнообразием. Можно выделить две основные разновидности. Первая, более многочисленная, включает венчики, ориентированные вертикально, их край слегка закруглен, либо приострен. Характерный признак — отгиб (загиб) чернового края наружу, в результате чего образуется либо «наплыв» на внешней стороне (рис. 38, № 1-05), либо «карниз» (рис. 38, № 16-2-06). Орнаментация выполнена мелкозубчатым штампом либо штампом, дававшим оттиск в виде коротких прямых линий. Композиции орнаментов представлены зигзагами, перекрещивающимися линиями, вертикальной или горизонтальной «елочкой», группами прямых вертикальных линий (рис. 40). Эти композиции характерны для посуды из фатьяновских могильников московской (*Крайнов*, 1963. Табл. VIII) и ивановско-горьковской групп (*Гадзяцкая*, 1976. Табл. 18). Встречен также типичный «балановский зигзаг» (рис. 38, № 1-05, 2-05). Однако предположение о том, что керамика, орнаментированная подобным зигзагом, в Подмосковье является привозной из региона балановской культуры (*Бадер*, 1963. С. 240), яв-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ляется лишь гипотезой, которая пока не имеет достаточных доказательств.

Вторая разновидность венчиков — «воротнички», слегка отогнутые наружу, без загиба чернового края. Торец ровно обрезан и орнаментирован вдавлениями или насечками, другая орнаментация отсутствует (рис. 38, № 3-06). Аналогии имеются в Протасовском могильнике московской группы (*Крайнов*, 1963. Табл. VII, 1).

В коллекции имеются два фрагмента от круглых днищ горшков (рис. 38, № 404-06, 39-06).

Коллекция каменного инвентаря памятника немногочисленна, состоит из 28 артефактов. С большой долей условности в ее состав могут быть включены еще 6 предметов. Сложность вычленения каменных артефактов связана с тем, что в культурный слой попало значительное количество небольших галек и окатанных осколков кремня из подстилающих отложений. Большая часть орудий выполнена из кремня довольно высокого качества сиреневато-серых оттенков, на правильных заготовках без следов окатанности. Кремня такого качества на площади памятника и ближайших обнажениях нет. Однако нельзя полностью исключить возможность того, что, кроме принесенных на памятник орудий (или их заготовок), население использовало и местный кремень. Коллекция несколько раз пересматривалась коллективом авторов, и в описание были включены наиболее достоверные и несомненные артефакты.

Отщепы, осколки и чешуйки (15) — желтый, сиреневатый и бело-серый кремень (последний — низкокачественный).

Морфологически невыраженное орудие (1) — осколок темно-коричневого кремня с мелкой ретушью утилизации по краю спинки (рис. 37, *7*).

Морфологически выраженные орудия — всего 9.

Наиболее многочисленную группу представляют перфораторы.

Три предмета, происходящие из ямы № 1 (рис. 37, *9, 10, 12*; цв. вклейка, рис. 4, *5–7*), изготовлены из пластинчатых отщепов или широких пластин темно-желтого (*1*) и сиреневато-серого (*2*) кремня, у которых по спинке по периметру заготовки нанесена ретушь. Первая треть орудия (проксимальная часть заготовки) оформлена уплощающей ретушью, переходящей в центральной части в полукрутую, рабочий конец двух орудий выделен крутой ретушью, у третьего жало обломано. У одного из целых экземпляров края заготовки суживаются и плавно переходят в острие, у другого жало подчеркнуто небольшими плечиками, а на брюшке нанесена плоская ретушь.

Еще два предмета также могут быть отнесены к перфораторам. Первый — небольшой отщеп сиреневато-желтого кремня подтреугольных очертаний, у которого на остром конце видны следы утилизации в виде мелкой крутой противолежащей ретуши. Второй — отщеп желтовато-сиреневого цвета, у которого крутой ретушью по спинке на углу заготовки выделено небольшое треугольное острие, подчеркнутое с одной стороны выемкой. На краях этого орудия также нанесена крутая ретушь, формирующая с одной стороны неглубокую выемку, в другой — слабо выпуклый край (скребок?). Последнее орудие может быть отнесено к комбинированным (рис. 37, *3*).

Аналогии перфораторам имеются в материалах Васильсурского поселения (*Халиков*, *Халикова*, 1963. Рис. 14, *7*), Чуркинском (*Гадзяцкая*, 1976. Табл. 30, *10*), Трусовском, Детчинском могильниках (*Крайнов*, 1963. Табл. XXI, *23–26*).

Концевой дублированный скребок изготовлен из пластинчатого отщепа сиреневатого цвета (рис. 37, *8*). Лезвия оформлены полукрутой ретушью по спинке на дистальном конце и крутой по брюшку — на проксимальном.

Обломок наконечника стрелы (рис. 37, *6*). Оформлен двусторонней отжимной ретушью. Обломок представлен нижней частью пера и началом черешка (концы пера и черешка и одного из шипов пера утрачены). Реконструируется перо вытянутых треугольных очертаний, в основании которого двумя выемками выделен узкий черешок и небольшие шипы. Несет следы пребывания в огне. Имеет многочисленные аналоги в московском регионе — Буньковский, Истринский могильники (*Крайнов*, 1963. Табл. III, IV).

Орудие из пластинчатого скола (?) сланца или сланцевой плитки (рис. 37, *11*) подпрямоугольных очертаний в плане, подтреугольное в сечении. В верхней трети орудия с двух сторон сделаны неглубокие выемки (ретушь по «брюшку»). Рабочая часть слабовыпуклая — пришлифована на одну треть длины с обеих сторон.

Орудие из пластины с крутой ретушью по спинке, формирующей слабо выпуклые края (рис. 37, *5*), найдено в яме № 8. Один конец заготовки обломан, на другом плоскими сколами по спинке и по брюшку (подтеской) сформировано лезвие (стамесочка?).

Обломки орудий — 3: обломок неопределимого орудия с частичной двусторонней полукрутой ретушью, обожжен (рис. 37, *2*); и два скола со шлифованных орудий — мелкий осколок

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лезвия топора или тесла и осколок обушковой части другого рубящего орудия (рис. 37, *1, 4*; цв. вклейка, рис. 4, *13*).

Несколько предметов могут быть отнесены к артефактам, но с некоторой долей сомнения. Это предметы из естественных заготовок. Четыре находки предположительно могут быть интерпретированы как скребки — небольшие окатанные гальки с крутой ретушью по «спинке», формирующей слабо выпуклые лезвия. Еще один предмет — массивный осколок кремня, прямоугольный в сечении, на одном из концов которого нанесена (?) крутая ретушь, формирующая прямой край. Плоская конкреция коричневато-серого кремня со следами оббивки по периметру и широкой выемкой на одном из краев (рис. 37, *13*).

Своеобразие рассматриваемой коллекции каменного инвентаря заключается, прежде всего, в полном отсутствии ядрищ и технологических сколов с них, малочисленности отщепов. Видимо, первичное расщепление, а возможно, и изготовление орудий велись за пределами площади поселения или были удалены от места, вскрытого раскопами. Орудийный состав крайне обеднен. Полностью отсутствуют резцы и краевые отщепы резцов, единичны скребки. Среди орудий преобладают перфораторы (орудия с выделенным жальцем). Нужно отметить, что эта группа орудий встречается в могильниках, но особенно характерна для поселений среднего бронзового века Волго-Окского бассейна (*Гурина*, 1963. Рис. 25; *Кренке*, *Лазукин*, 2006).

Находки текстильной керамики эпохи финальной бронзы — начального периода железного века. В раскопах 2002–2006 гг. было найдено 334 фрагмента текстильной керамики. На этом основании можно предполагать, что площадка мыса была заселена в эпоху бытования текстильной керамики. Важным открытием является обнаружение рва, сооружение которого, вероятно, относится к этому же периоду.

Текстильные горшки имели плоское дно (рис. 40–44) и отогнутый наружу S-видный короткий венчик. По пропорциям и общей форме выделяются две группы горшков. Первая — округлобокие горшки невысоких пропорций, дно без закраины (рис. 41, № 305-06); вторая — горшки более высоких пропорций, нижняя часть в виде усеченного конуса, дно имеет закраину (рис. 41, № 120-06). Тесто у всех текстильных горшков плотное, включает дресву. Отпечатки текстиля есть лишь на внешней поверхности горшков, они рельефные. Иногда создается впечатление, что отпечатки оставлены отдельными нитями или каким-то штампом, однако при изменении направления источника косого света становится ясно, что отпечаток на керамике имеет сетчатую структуру (рис. 42, А, Б). На поверхности черепков иногда видны следы вторичного сглаживания, что убеждает в технологической природе текстильных отпечатков. Иногда видно, что текстильный отпечаток более рельефный на участках углублений на внешней поверхности (рис. 43, № 312-06). Это означает, что отпечаток оставлен эластичной тканью, давление на которую осуществлялось снаружи горшка. В случае хорошей сохранности отпечатков можно различить, что нити имеют волокнистое строение (рис. 44, № 320-06, 324-06). Имеются экземпляры, которые при изменении угла освещения ясно показывают, что отпечаток оставлен именно тканью с регулярным расположением переплетенных нитей, образующих ячейки в форме параллелограмма (рис. 44, № 315-06).

Керамика имеет «узнаваемую» орнаментацию, отличающую ее от текстильной керамики раннего железного века (вторая половина I тыс. до н.э.). Чаще всего встречаются ямки-вдавления (тычки) прямоугольной формы, нанесенные на плечики горшка с помощью палочки (?), приложенной под острым углом к стенке горшка (рис. 40). Также характерен орнамент в виде круглых ямок с плоским дном (рис. 42), нанесенных инструментом, поставленным перпендикулярно стенке. Ямки расположены рядами в верхней части сосуда, начиная с «шейки» (перегиб от венчика к плечикам). Оттиски гребенчатого штампа также встречаются, но реже, чем тычки (рис. 41).

На одном из фрагментов из раскопа 4 с тычковым орнаментом (№ 253 по описи, рис. 40) на внутренней стороне был отмечен нагар. По этому нагару получена радиоуглеродная датировка методом AMS — 2615±30 (Hela-1815)[3]. Калибровка этой даты указывает на календарный интервал 817–790 гг. до н.э. (вероятность 68,2%).

Тождественная керамика обнаружена в погребенной почве, подстилающей культурный слой Дьякова городища (раскопки Н.А. Кренке 1981–1984 гг.). В комплексе Дьякова городища кроме керамики были найдены глиняные литейные формы для гладких браслетов и булавки с двуспиральным навершием (*Кренке*, *Тавлинцева*, 2002). Булавки этого типа имеют аналоги в древностях конца II тыс. до н.э — VII в. до н.э. Восточной Европы (*Патрушев*, 1984. Рис. 25; *Смирнова*, 2006. С. 79, 80) и Северного Кавказа (*Козенкова*, 1977; 1998. С. 64).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Сходный комплекс керамики был обнаружен на селище Чертов Городок возле Дьякова городища (*Кренке*, 1995), для которого по костным остаткам получена радиоуглеродная датировка 2590±70 (ГИН-7569) лет. Близкое совпадение этой датировки с вышеприведенной датой для текстильной керамики с поселения Царицыно-1 и датами со дна рва вряд ли случайно.

Вышеописанная керамика соответствует «развитой текстильной керамике», выделенной Б.А. Фоломеевым по материалам Верхней Оки и Мещеры. Б.А. Фоломеев акцентировал внимание на сходстве этой керамики с материалами памятников эпохи финальной бронзы на верхнем Дону (*Фоломеев*, *Сулержицкий*, 1993. С. 28), бондарихинской культурой. Эталонным памятником с текстильной керамикой (группа 2 по Б.А. Фоломееву), подобной найденной на поселении Церера, является Климентовская стоянка на р. Оке (*Фоломеев и др.*, 1988). Особый интерес представляют аналогии с Шишкинским городищем (р. Итья в Рязанской области), на котором был обнаружен культурный слой с текстильной керамикой вышеописанного типа и синхронный этому слою ров. По углям со дна рва Шишкинского городища была получена датировка 2920±60 (ГИН-5767) лет (*Фоломеев*, 1994).

На основании серии радиоуглеродных датировок и данных о стратиграфии пойменных отложений Б.А. Фоломеевым предложена датировка для данного типа керамики: конец II тыс. до н.э. — первая половина I тыс. н.э. (*Фоломеев и др.*, 1988. С. 183).

Сравнение текстильной керамики поселения Церера с материалами древнейших слоев москворецких городищ дьякова типа позволяют сделать предварительное наблюдение: для керамики городищ более характерна орнаментация, выполненная гребенчатым (зубчатым) штампом, а не наклонные тычки. Ранние радиоуглеродные датировки для этих древнейших слоев городищ приходятся на интервал 2300–2500 лет (*Кренке*, *Сулержицкий*, 2006), что дает terminus ante quem для текстильной керамики с поселения Церера.

Находки позднедьяковского периода первых веков нашей эры представлены значительной коллекцией керамики (2130 фрагментов) и несколькими характерными вещами. Отличительными чертами керамики являются гладкая поверхность, плотное тесто с примесью дресвы, орнаментация защипами и штампами. Редка орнаментация прочерченными параллельными линиями (рис. 46, № 365-06).

Найдено несколько фрагментов подлощенной керамики (рис. 46, № 364-06). Эта «столовая» посуда является характерным диагностическим признаком позднедьяковских керамических комплексов первых веков нашей эры.

Форма горшков в нижней части заполнения рва — слабопрофилированная (рис. 45, № 406-06), в средней части заполнения — профилированная с дугообразно отогнутым венчиком с нарезками-вдавлениями по краю (рис. 46, № 414-06). Аналогии представлены в средней части верхнего слоя Дьякова городища, датированного I–II вв. н.э.

На памятнике найдены две почти идентичные железные стрелы (рис. 55, *1, 2*). Тождественные аналогии также происходят из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища, а также со многих других памятников дьякова типа, где их учтено более 60 (*Смирнов*, 1974. С. 33, 34). Железный стержень (рис. 55, *8*) с заостренным одним концом (шило?) — также характерная находка для верхнего слоя Дьякова городища. Они массово представлены в горизонте, который датируется рубежом эр и первыми веками нашей эры.

Важно отметить отсутствие в составе находок бронзовых украшений и глиняных изделий, типичных для культурных слоев городищ дьякова типа: грузиков, пряслиц, бус, шариков. Вероятно, это связано с какой-то функциональной спецификой поселения Церера, составом и занятиями его обитателей.

Находки средневекового времени. Всего на памятнике найдено более 2500 фрагментов средневековой керамики и серия вещей. Центр поселенческой активности в Средневековье сместился в северо-восточном направлении к напольной части мыса.

Поселения дьякова типа в бассейне Москвы-реки запустели задолго до начала славянской колонизации края. Хиатус имеет протяженность в несколько столетий. Славянские колонисты, пришедшие на эту территорию в X в., вероятно, прекрасно видели следы предшествовавшей им жизни. Городища железного века в подавляющем числе случаев нашли отражение в славянской микротопонимике. Типичное название этих урочищ — «городки», «чертов городок». Очень часто именно в этих урочищах проводились языческие ритуалы вплоть до XIX — начала XX в. (*Забелин*, 1873. С. 235; *Нефёдова*, 1993). Вероятно, такой же была роль места запустевшего поселения первых веков нашей эры Царицыно-1 в системе организации хозяйственных урочищ и «сакрального пространства» у древне-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

русского населения, освоившего долину р. Язвенки. Три селища XII в. обнаружены в радиусе 500 м от поселения Царицыно-1. На самом поселении Царицыно-1 найдены лишь единичные фрагменты керамики XII–XIII вв., медный бубенчик с крестовидной прорезью XI–XII вв. и лепной светильник (?), украшенный волнистым орнаментом, подражающим орнаменту на гончарных горшках XII в. (рис. 48). Такие находки могут отражать эпизодические посещения.

В XIV в. ситуация изменилась. На мысу возникла деревня, существование которой продолжалось до начала (середины?) XVI в., возможно, с перерывом, приходившимся на первую половину XV в.[4]. Начальный возраст этого поселения определяется по находкам красноглиняной грубой керамики, датируемой в Москве XIV — началом XV в. Короткие отогнутые венчики с кососрезанным торцом (рис. 49, № 549–572, 442-06, 579-05) имеют аналогии в комплексах селищ Лешково-2 (Московская керамика, 1991. Табл. 65), Дубинкин лес I (*Кренке*, 2005. Рис. 36). С.З. Чернов ограничивает возраст селища Лешково-2 серединой XIV в. (Московская керамика, 1991. С. 58). Красноглиняный грубый горшок из раскопок поселения Царицыно-1 (рис. 49, № 549-572) имеет некоторые особенности формы и орнаментации, которые указывают на его сравнительно молодой возраст — это «приподнятое» плечико с крутым перегибом и линейная орнаментация, «собранная» на нем, а не растянутая по тулову. Такие признаки характерны для красноглиняной гладкой керамики XV в. Таким образом, «ранний компонент» средневекового комплекса селища Царицыно-1, вероятно, можно датировать XIV — началом XV в. Материалы второй — третьей четверти XV в. в коллекции не представлены (поздние формы красноглиняной грубой керамики с прямостоящим венчиком, красноглиняная гладкая ранняя керамика с линейной орнаментацией по тулову).

Среди находок средневековой керамики доминируют фрагменты красноглиняных гладких горшков московского производства (рис. 51) сравнительно поздней разновидности с приподнятым плечиком, двумя-тремя линиями орнамента на нем. Этот тип керамики датируется концом XV — началом XVI в. (*Бойцов*, 1991. С. 37). В состав керамического комплекса входят также обломки красноглиняных кувшинов, лощенных полосами, немногочисленные белоглиняные грубые горшки, фрагмент сосуда, украшенного круглыми пятнами белого ангоба (рис. 52). Именно такой набор типов керамики характерен для московских керамических комплексов конца XV в.

Возле самой беседки была обнаружена яма № 2, в заполнении которой найдены печные камни, зола и керамика. Эта яма может быть интерпретирована как подпечная в срубной постройке (имеются многочисленные археологические и этнографические аналогии). Она содержала комплекс, в котором преобладала красноглиняная гладкая керамика и в меньшем количестве встречена белоглиняная керамика. Формы красноглиняных горшков с прямостоящими венчиками и приподнятыми плечиками, на которых сгруппирован линейный орнамент, типичны для конца XV в. (рис. 54). Структура керамического комплекса (соотношение типов керамики) из ямы № 2 (табл. 7) на поселении Царицыно-1 идентична (совпадение до мелких деталей!) со структурой комплекса ямы № 1 возле церкви Вознесения в Коломенском (*Беляев*, 1991).

Л.А. Беляев датировал комплекс из Коломенского серединой XV — рубежом XV–XVI вв. Возможно, что возраст комплекса из Коломенского не выходит за пределы XV в. В пользу такого предположения свидетельствует сравнение с комплексом ямы 2 раскопа в Историческом проезде, верхняя дата которого — 1493 г. Комплекс из Исторического проезда, вероятно, моложе, чем комплекс из Коломенского. Сравнение двух таблиц (Московская керамика, 1991. Табл. 86, 104) показывает, что коломенский комплекс содержит красноглиняные гладкие горшки более ранней типологической группы (линейный орнамент «растянут» по тулову, покатое плечико), чем комплекс из Исторического проезда. То есть для эталонного комплекса Коломенского вероятна датировка второй половиной XV в., может быть, третьей четвертью. Соответственно, можно предполагать, что датировка ямы № 2 поселения Царицыно-1 также не моложе конца XV в.

Состав комплекса из ямы № 2 на поселении «Церера» типично московский. Характерно наличие единичных фрагментов ангобированной керамики (одна стенка с росписью охристой краской поверх ангоба, другая — горошины белого ангоба на красном фоне черепка). Типично наличие так называемой остаточной более ранней керамики: в обоих комплексах (в Царицыно и Коломенском) — по одному сероглиняному (красноглиняному грубому?) черепку.

Как уже отмечалось выше, в траншее 1, соединявшей раскоп 2 и шурф 1, доля белоглиняной керамики была выше, чем в целом по памятнику. Белоглиняная керамика на этом участке даже преобладала над красноглиняной.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Среди белоглиняной керамики из траншеи 1 имеются несколько гладких венчиков, характерных (*Коваль*, 2001. Рис. 3) для второй половины XVI — первой половины XVII в. (№ 848, 850, 851, рис. 53), и отдельные экземпляры, типичные для конца XVII–XVIII в. (рис. 53, № 846). Наличие серии ножей с уступом при переходе от черешка к лезвию (рис. 55, *5, 9, 10*) типично для средневекового поселения, но датировки они не уточняют.

Вероятно, деревенька на мысу существовала до эпохи царствования Ивана Грозного.

Упомянутые единичные белоглиняные венчики позднейшей группы относятся уже к «голицынскому» периоду истории Царицына. К этой хронологической группе относится и небольшой обломок рельефного полихромного печного изразца из раскопа 1. Попадание этих находок на мыс «Цереры» может быть связано со случайными посещениями привлекательного места, а также с «размазыванием» культурного слоя и находок центрального ядра усадьбы по всему парку в ходе строительно-хозяйственной активности XVIII–XIX вв.

Выводы

Обилие разнородной керамики и характер каменного инвентаря позволяют предполагать, что памятник являлся местом неоднократного поселения, начиная с периода среднего бронзового века.

Концентрация фатьяновской керамики в раскопе 4 на склоне указывает на то, что хозяйственная активность локализовалась именно в западной части мыса.

Комплекс находок, соотносимых с фатьяновской культурой, имеет несомненное сходство с материалами могильников московской группы. В то же время высокая доля неорнаментированной посуды достаточно резко отличает поселение Царицыно-1 от культурного комплекса могильников.

Грубая неорнаментированная фатьяновская керамика с поселения «Церера» имеет аналогии на поселении РАНИС, расположенном в пойме Москвы-реки возле г. Звенигорода (*Кренке*, *Лазукин и др.*, 2008). На поселении РАНИС по углям из слоя, вмещавшего керамику, получены радиоуглеродные датировки 3950±250 (ГИН-13776), 3690±100 (Ki-13226) и 3590±70 (Ki-13227).

Учитывая калиброванные значения вышеприведенных датировок, можно предполагать, что первое поселение на мысу возле беседки «Храм Цереры» возникло не позднее рубежа III–II тыс. до н.э.

Фатьяновские мысовые поселения хорошо известны в Среднем Поволжье (*Степанов*, 1958), но в московском регионе подобный памятник обнаружен впервые. Ландшафтная приуроченность поселения Царицыно-1 подтвердила гипотезу О.Н. Бадера о том, что фатьяновские поселения располагались «в глубине лесных участков» и были ориентированы на подсечное земледелие (*Бадер*, 1970. С. 45).

Суммирование всех данных о находках памятников фатьяновской культуры в бассейне Москвы-реки позволяет предполагать, что регион был относительно плотно заселен и именно в это время положено начало формированию культурного ландшафта, определившее дальнейшее хозяйственное освоение территории (*Кренке*, 2007).

Комплекс керамики с текстильными отпечатками и характерным тычковым орнаментом относится к «преддьяковскому» периоду. Подобные материалы, заполняющие «темные века» от рубежа II–I тыс. до н.э. до VII–VI вв. до н.э., постепенно начинают обнаруживаться в Подмосковье все в большем числе. Особое значение имеет радиоуглеродная дата, полученная по нагару на текстильной керамике с поселения Царицыно-1. Это прямое указание на возраст археологического объекта. Полученные результаты датирования — рубеж IX–VIII вв. до н.э. — существенно усиливают вышеприведенные соображения относительно возраста «горизонта преддьяковской текстильной керамики».

Важнейший итог раскопок поселения Царицыно-1 — это выявленный оборонительный ров и серия радиоуглеродных датировок, которые определяют его возраст. «Кучность» радиоуглеродных датировок из основания заполнения рва (все они указывают на радиоуглеродный возраст около 2400–2500 лет) — важнейший критерий их надежности и соответствия возрасту археологического объекта. Совершенно неслучайным представляется совпадение радиоуглеродных датировок из основания рва поселения Царицыно-1, селища Чертов Городок и столбовых конструкций, зафиксированных под валом Дьякова городища (*Кренке*, 1986). Эти объекты содержали сходный археологический материал.

Ров долго сохранялся без существенных изменений, за это время на его склонах сформировалась дерново-подзолистая почва. Дли-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тельность этого состояния рва почвовед А.Л. Александровский оценивает в несколько сотен лет (см. его статью в настоящем сборнике). В начале I тыс. н.э. ров был очень быстро заполнен бытовым мусором.

Результаты геофизических исследований (см. приложение 3) допускают, что на поселении Царицыно-1 был еще один внешний более мелкий ров. Проверить эту информацию можно лишь с помощью раскопок.

Тестирование бурением выявленных геофизиками аномалий показало, что некоторые из них имеют, несомненно, «археологическое происхождение». Более рыхлый и более опесчаненный грунт заполнения рва четко проявился на карте кажущегося сопротивления. Скважины подтвердили наличие гумусированного темного заполнения рва на месте геофизической аномалии. В то же время аномалия высокого сопротивления (цв. вклейка, рис. 6) на пересечении пикетов 15, 16 по оси Y (север–юг) и 11, 12 по оси X (запад–восток) оказалась не археологической ямой, а природной линзой песка.

Находки первых веков нашей эры («позднедьяковские») на поселении Царицыно-1 имеют принципиальное значение для изучения древностей этого времени в московском регионе. Фактически это первое изученное поселение, находившееся на «дальней орбите» (радиус 5–6 км) от центрального поселения — Дьякова городища (цв. вклейка, рис. 18). Набор находок на поселении Царицыно-1 отличает его от Дьякова городища, что, возможно, указывает на какую-то функциональную специфику памятника. В то же время в поселении Царицыно-1 нельзя видеть «охотничью заимку» или что-то подобное. Это стационарное поселение, вокруг которого был сведен лес, существовали поля. Осторожность в интерпретации, проявленная археоботаником Е.Ю. Лебедевой (см. приложение 1), оправдана. Однако решающее значение имеет сочетание карпологических находок и спорово-пыльцевых индикаторов развития агроландшафтов. Таким образом, раскопки поселения Царицыно-1 позволили по-новому взглянуть на степень развития поселенческой структуры и культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки в первых веках нашей эры. Выясняется, что сельскохозяйственное освоение долин малых рек, правых притоков Москвы-реки было начато задолго до славянской колонизации региона в XI–XII вв.

Находки XIV–XVI вв. имеют непосредственное отношение к предыстории Царицына. Документы, описывающие этот микрорегион начиная с конца XVI в., фиксируют многочисленные пустоши, что является косвенным указанием на предшествующее плотное заселение. Находки на поселении Царицыно-1 подтверждают это предположение.

Деревня, стоявшая вблизи от одной из основных дорог в Орду, появилась в XIV в., существовала в начале XV в., затем запустела и вновь возродилась в конце столетия. Такие метаморфозы были типичны для поселений (например, поселения «Коробовской земли»), расположенных возле этой дороги. Здесь в XV в., по данным письменных источников, царили «разбой и татьба» (*Юшко*, 2002. С. 124). В конце XV — начале XVI в. жизнь на селище Царицыно-1 шла особенно интенсивно. Какое именно из событий XVI в. привело к гибели поселения, остается неясным. По археологическим материалам трудно сказать, дожило ли поселение Царицыно-1 до периода социальных катастроф (опричнина, татарские нашествия) и пандемий, пришедших на вторую половину царствования Ивана IV. С большой вероятностью можно утверждать, что в конце XVI–XVII в. место деревни стало пустошью и после этого поселения на данном месте уже не существовало.

Приложение 1
Результаты археоботанического анализа образцов с селища «Храм Цереры»

В кабинет истории земледелия лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН для археоботанического анализа поступила серия из 74 образцов, собранных при раскопках селища дьяковской культуры «Храм Цереры» в Царицыне в 2005 г. (5 образцов) и 2006 г. (69 образцов). Все пробы были получены методом флотации и происходят из заполнения двух ям на раскопе 2 (табл. 12). Объем почвенных образцов, подвергшихся промывке, был стандартным и равнялся 10 л.

Результативность флотации культурного слоя селища составляет 53% по отношению ко всем категориям археоботанических макроостатков (они обнаружены в 39 из 74 образцов), а для культурных растений — всего 41% (они встречены только в 30 пробах). Последний показатель наиболее важен для изучения земледе-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лия, равно как и насыщенность слоя памятника остатками культурных растений. Индекс насыщенности культурного слоя на поселении «Храм Цереры» крайне низкий — 0,8 единиц на 10 л. Распределение образцов по шкале насыщенности (рис. 56) демонстрирует группировку образцов в первых трех классах — от нулевого (пустые пробы) до I и II (1–10 макроостатков).

В целом полученная коллекция археоботанических макроостатков едва превышает сто единиц (см. табл. 12). Их сохранность по пятибалльной шкале можно оценить в 2–2,5 балла, что существенно ограничивает возможности достоверной идентификации. В общей структуре коллекции доля культурных растений составляет 59%. Это определимые зерна злаков, их неопределимые до родового уровня фрагменты и колосовые остатки. Семена сорных и дикорастущих трав представлены 18 экземплярами (18%). Достаточно велика на этом фоне доля макроостатков, отнесенных к категории «прочие», — 23%. Сюда вошли неопределимые карбонизированные фрагменты явно органического происхождения. Среди них могут быть как деформированные карбонизацией обломки зерен или семян, так и остатки каши, хлеба, орехов или другой пищи, а также и неопределимые органогенные остатки растений.

Определимые зерна и семена культурных растений зафиксированы только в 19 образцах в количестве 31 экземпляра (табл. 13). Именно на их основе реконструируется археоботанический спектр (АБС) селища. Мы обнаруживаем в нем типичные для дьяковцев сельскохозяйственные культуры: многорядный ячмень *Hordeum vulgare* (58,1%), просо обыкновенное *Panicum miliaceum* (29%) и пленчатую пшеницу двузернянку *Triticum dicoccum* (9,7%). Кроме того, в одном из образцов 2006 г. (№ 2073, яма № 3) зафиксировано единственное семя льна *Linum usitatissimum* (3,2%). Достоверно определимых остатков бобовых растений не встречено; лишь один фрагмент был отнесен к этому семейству (*Fabaceae*, без родового определения — анализ № 2077). При столь незначительном объеме коллекции определимых растений долевое участие культур в спектре может претерпеть в дальнейшем заметные изменения. С большой вероятностью можно прогнозировать лишь стабильность высокой доли ячменя в АБС селища. К сожалению, из-за плохой сохранности не удалось достоверно определить, к пленчатым или голозерным формам относятся найденные здесь зерновки. По крайней мере одну из них можно отнести к числу голозерных (*Hordeum vulgare, nudum*), еще одна-две зерновки по пропорциям больше тяготеют к пленчатым формам (*Hordeum vulgare, vulgare*); подавляющее большинство других являются фрагментами.

Колосовые остатки злаков представлены единственным фрагментом — основанием колосковой чешуи пшеницы двузернянки (в заполнении ямы № 1, раскоп 2005 г.).

Семена сорных трав также немногочисленны в нашей коллекции: всего 18 экземпляров, представляющих 8 таксонов различного уровня (табл. 14).

Сравнение археоботанического спектра селища «Храм Цереры» со спектрами других дьяковских памятников вряд ли будет корректным из-за малочисленности выборки, лежащей в его основе. Можно лишь заметить, что к началу I тыс. н.э. в составе урожая дьяковцев, населявших бассейн Москвы-реки (по материалам Дьякова городища), наблюдаются изменения, связанные с заменой проса как ведущей культуры на ячмень (*Гунова и др.*, 1996; *Лебедева*, 2005). Спектр исследованного селища вполне соответствует этой картине.

При обсуждении полученных результатов исследования основное внимание, на мой взгляд, следует обратить на другие археоботанические характеристики. Речь идет в первую очередь о крайне низких показателях результативности флотации (41%) и насыщенности культурного слоя селища «Храм Цереры» остатками культурных растений (0,8). Значения этих параметров здесь существенно ниже, чем на других поселениях дьяковской культуры, где археоботанические сборы и исследования проводились по сходной методике (*Лебедева*, 2005; *Антипина*, *Лебедева*, 2005)[5]. Заметны также и различия в распределении образцов по шкале насыщенности (рис. 58). Более того, в процессе разборки образцов бросались в глаза отсутствие или слабая представленность в них не только зерен и семян, но даже и фрагментов древесного угля. Это наблюдение привело к необходимости параллельно учитывать также и угольные остатки. Проведенные подсчеты показали, что в среднем насыщенность углем культурного слоя составляет 8 фрагментов на 10 л (от 0 до 45 на пробу), при том что в семи образцах уголь не был зафиксирован вовсе. Следует подчеркнуть, что речь идет о крайне мелких фрагментах (от 0,3 до 3 мм), заметных порой только при микроскопическом наблюдении. Замечу, что подобная картина крайне редко встречалась в моей практике, особенно когда речь идет о материалах железного века.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 12. Структура археоботанических макроостатков в образцах с поселения Царицыно-1

№ образца	Места отбора проб и количество образцов (в том числе результативных)	Культурные растения			Сорные	Прочие макроостатки	Всего
		зерна и семена	неопределимые фрагменты	фрагменты колоса			
1712–1715, 2079–2107	Яма 1–62 (33)	25	25	1	17	23	91
2073–2078	Яма 3–12 (6)	6	4	–	1	1	12
	Всего	31 (30,1%)	29 (28,1%)	1 (1%)	18 (17,5%)	24 (23,3%)	103 (100%)

Таблица 13. Видовой состав культурных растений в образцах с поселения Царицыно-1

Археологический комплекс Таксон	Яма № 1 15 образцов	Яма № 3 4 образца	Всего 15 образцов	%
Triticum dicoccum	3	–	3	9,7
Hordeum vulgare	15	3	18	58,1
Panicum miliaceum	7	2	9	29
Linum usitatissimum	–	1	1	3,2
Всего	25	6	31	100

Таблица 14. Видовой состав сорных растений с поселения Царицыно-1

Археологический комплекс Таксон	Яма № 1	Яма № 3	Всего
Chenopodium album	2	–	2
Galium sp.	4	–	4
Lolium type	2	1	3
Poaceae	2	–	2
Poaceae мелкозерн.	3	–	3
Rumex sp.	1	–	1
Silene sp.	1	–	1
Urtica diotica	2	–	2
Всего	17	1	18

Если с технической точки зрения флотация проводилась правильно, то слабую насыщенность культурного слоя обугленными растительными остатками различного происхождения можно объяснить лишь тем, что жизнедеятельность на поселении не была активной или хоть сколько-нибудь продолжительной. Возможно, оно использовалось как сезонное. Достаточно представительная серия исследованных образцов с селища делает такие выводы вполне обоснованными. В этой ситуации закономерной становится постановка вопроса и о наличии здесь земледелия как хозяйственной отрасли. Нельзя исключать, что вся земледельческая продукция, остатки которой нами обнаружены, была принесена на поселение извне. Впрочем, для достоверной палеоэкономической реконструкции только лишь археоботанических данных и наблюдений явно недостаточно; необходимо включение в комплексный анализ результатов археозоологических и, конечно же, археологических исследований.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Видовой состав археоботанических макроостатков в образцах с селища «Церера» (2005, 2006 гг.)

Анализ № 1712 — раскоп 2, яма № 1, квадрат 33, под развалом
Зерна и семена культурных растений — 7:
Triticum dicoccum – 1 фрагментированная зерновка
cf. *Triticum dicoccum* – 1 фрагментированная зерновка
Hordeum vulgare – 5 (2 целые, 2 фрагментированные зерновки + 2 фрагмента[6], возможно, от одной зерновки)
Примечание: в пробе зафиксированы следы жизнедеятельности насекомых (в виде капсул от личинок) и некарбонизированные семена мари белой.

Анализ № 1713 — раскоп 2, квадрат 33, на дне ямы № 1
Зерна и семена культурных растений — 1:
Cerealia — 1 маленький фрагмент

Анализ № 1714 — раскоп 2, яма № 1, квадрат 33, северо-западный угол, горизонт 60–70
Зерна и семена культурных растений — 1:
Hordeum vulgare – 1 фрагментированная зерновка
Сорные и дикорастущие травы: – 1 зерновка злака типа мятлика cf. *Poa sp.*
Прочие макроостатки: – 1 неопределимый карбонизирован фрагмент (зерновка, семя ?)
Примечание: в пробе зафиксированы остатки хитинового покрова и капсулы личинок насекомых, мышиные (?) экскременты и некарбонизированные семена мари белой.

Анализ № 1715 — раскоп 2, яма № 1, северная стенка углового квадрата 33
Зерна и семена культурных растений — 2:
Panicum miliaceum – 2 зерновки
Cerealia – 1 фрагмент с оплавленными краями
Колосовые остатки — 1:
Triticum dicoccum – 1 основание колосковой чешуи
Сорные и дикорастущие травы — 4 семени:
Chenopodium album – 2
Lolium sp. – 1
Rumex sp. – 1
Прочие макроостатки: – 4 неопределимых пористых карбонизированных фрагмента + 3 фрагмента, возможно, остатки *Cerealia* + 1 фрагмент (зерновка, семя?)
Примечание: в пробе зафиксированы остатки хитинового покрова и капсулы личинок насекомых, мышиные (?) экскременты и некарбонизированные семена мари белой.

Анализ № 2073 — раскоп 2, квадрат 60, пласт 6, яма № 3
Linum usitatissimum – 1 семя

Анализ № 2074 — раскоп 2, квадрат 60, пласт 6, яма № 3
Hordeum vulgare – 1 слегка фрагментированная зерновка

Анализ № 2075 — раскоп 2, квадрат 60, пласт 6, яма № 3
Hordeum vulgare – 1 фрагментированная зерновка
Poaceae – 1 зерновка сорного злака типа *Lolium* (плевел)

Анализ № 2076 — раскоп 2, квадрат 60, пласт 6, яма № 3
Cerealia – 1 фрагмент зерновки культурного злака

Анализ № 2077 — раскоп 2, квадрат 60, пласт 6, яма № 3
Fabaceae – 1 фрагмент семени бобового растения (судя по размерам — культурного)

Анализ № 2078 — раскоп 2, квадрат 60, пласт 6, яма № 3
Зерна и семена культурных растений — 5:
Hordeum vulgare – 1 фрагмент верхушки зерновки
Panicum miliaceum – 2 зерновки
Cerealia – 1 фрагмент
Прочие макроостатки: – 1 неопределимый карбонизированный фрагмент

Анализ № 2079 — раскоп 2, квадрат 84, пласт 6, яма № 1
Panicum miliaceum – 1 зерновка

Анализ № 2080 — раскоп 2, квадрат 84, пласт 6–7, яма № 1
Utrica diotica – 1 семя крапивы
Прочие макроостатки: – 1 неопределимый карбонизированный объект (семя?)

Анализ № 2081 — раскоп 2, квадрат 84, пласт 6–7, яма № 1
Hordeum vulgare – 1 фрагментированная зерновка

Анализ № 2082 — раскоп 2, квадрат 84, пласт 6–7, яма № 1
Panicum miliaceum – 1 зерновка
Прочие макроостатки: – 1 неопределимый карбонизированный фрагмент

Анализ № 2083 — раскоп 2, квадрат 84, пласт 6–7, яма № 1
Hordeum vulgare – 1 сильно деформированная зерновка

Анализ № 2084 — раскоп 2, квадрат 84, пласт 6–7, яма № 1
Poaceae – 1 фрагмент зерновки сорного злака типа *Lolium*
Прочие макроостатки: – 1 неопределимый карбонизированный фрагмент (возможно, *Cerealia*?)

Анализ № 2085 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6, яма № 1
Silene sp. – 1 семя смолевки

Анализ № 2086 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6, яма № 1
Utrica diotica – 1 семя крапивы
Прочие макроостатки: – 1 неопределимый карбонизированный фрагмент

Анализ № 2087 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6, яма № 1
Galium sp. – 1 семя подмаренника

Анализ № 2088 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6, яма № 1
Cerealia – 1 фрагмент
Poaceae – 1 фрагмент

Анализ № 2089 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6, яма № 1
Hordeum vulgare – 1 фрагмент верхушки зерновки
Cerealia – 1 фрагментированная зерновка (центральная часть)

Анализ № 2090 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6, яма № 1
Poaceae, м/з – 1 мелкая зерновка злака типа мятлика (*cf. Poa sp.*)
Прочие макроостатки: – 1 неопределимый карбонизированный фрагмент

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Анализ № 2091 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6, яма № 1
Panicum miliaceum – 1 зерновка
Cerealia – 2 очень мелких фрагмента
Прочие макроостатки: – 1 неопределимый карбонизированный фрагмент

Анализ № раскоп 2, квадрат 85, плст 6–7, яма № 1
Cerealia – 1 фрагмент

Анализ № 2093 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6–7, яма № 1
Hordeum vulgare – 1 фрагмент центральной части зерновки

Анализ № 2094 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6–7, яма № 1
Hordeum vulgare – 3 (2 + 1 фрагмент верхушки зерновки)
Cerealia – 4 (1 деформированная зерновка + 3 фрагмента)

Анализ № 2095 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6–7, яма № 1
Cerealia – 1 маленький фрагмент

Анализ № 2096 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6–7, яма № 1
Galium sp. – 1 семя подмаренника

Анализ № 2097 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6–7, яма № 1
Panicum miliaceum – 1 зерновка
Cerealia – 4 фрагмента
Galium sp. – 1 семя подмаренника
Прочие макроостатки: – 3 неопределимых карбонизированных фрагмента

Анализ № 2098 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6–7, яма № 1
Cerealia – 1 фрагмент
Galium sp. – 1 семя подмаренника

Анализ № 2099 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6–7, яма № 1
Hordeum vulgare – 1 фрагмент верхушки зерновки

Анализ № 2100 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 6–7, яма № 1
Cerealia – 3 фрагмента
Прочие макроостатки: – 1 неопределимый карбонизированный объект (семя?)

Анализ № 2101 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 7–8, яма № 1
Cerealia – 2 фрагмента
Poaceae – 1 фрагментированная зерновка

Анализ № 2102 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 7–8, яма № 1
Hordeum vulgare, nudum – 1 фрагментированная зерновка
Triticum dicoccum – 1 фрагментированная зерновка

Анализ № 2103 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 7–8, яма № 1
Cerealia – 2 фрагмента

Анализ № 2104 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 8–9, яма № 1
Cerealia – 1 фрагментированная зерновка
Прочие макроостатки: – 3 неопределимых карбонизированных фрагмента

Анализ № 2105 — раскоп 2, квадрат 85, пласт 8–9, яма № 1
Прочие макроостатки: – 1 неопределимый карбонизированный фрагмент (*Cerealia*?)

Анализ № 2106 — раскоп 2, квадрат 91, пласт 6–7, яма № 1
Poaceae, м/з – 1 мелкая зерновка злака типа мятлика или тимофеевки

Анализ № 2107 — раскоп 2, квадрат 91, пласт 6–7, яма № 1
Panicum miliaceum – 1 зерновка

Приложение 2
Заключение об остеологических находках на поселении бронзового и железного веков у ротонды «Храм Цереры»[7]

Полученный в ходе раскопок поселения Царицыно-1 костный материал представлен разрозненными зубами и в незначительной степени мелкими осколками костей. В основном зубы принадлежат домашней лошади *Eguus caballus*. Преимущественно это нижние зубы или фрагменты эмали нижних зубов. Всего определено 26 зубов, из них 4 — молочные, 1 — сильно стертый зуб. Остальные зубы принадлежат животным, возраст которых определяется в интервале от 2 до 6–7 лет. Размеры зубов относительно мелкие, что говорит о небольших размерах лошадей поселения Царицыно. Исключение составляют 3 зуба из квадрата 121 (пласт 5, яма № 8, глубина –158, № 34 — серое заполнение). Эти зубы принадлежали крупной особи.

Кроме зубов лошади были определены зуб свиньи, предположительно домашней, и зуб крупного представителя *Bovidae — Bos sp.*

Учитывая возраст животных и сильную фрагментарность материала, можно предварительно предположить, что мы имеем дело с кухонными остатками. Более точные и уверенные гипотезы можно строить только при наличии большей выборки материала.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Приложение 3
Геофизические исследования на поселении Царицыно1

В 2006 г. геофизическим отрядом лаборатории малоглубинной электроразведки кафедры геофизики геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова были выполнены комплексные геофизические исследования на территории парка Царицыно в районе беседки «Золотой Сноп» («Храм Цереры»). Территория, на которой были проведены исследования, приблизительно соответствует западной части площадки, прилегающей к беседке, и расположена на территории древнего городища (рис. 19). Участок ограничен с южной стороны пешеходной дорожкой, с севера — крутым склоном оврага, а на востоке — самой беседкой. Необходимо отметить, что в центре участка геофизических работ выполнены раскопки, которые позволили привязать результаты геофизических наблюдений к конкретным объектам. Цель исследований состояла в том, чтобы пространственно проследить остатки древних оборонительных сооружений, выявленных в результате археологических исследований.

В комплекс геофизических методов входили площадные измерения методом срединного градиента, вертикальные электрические зондирования в модификации сплошных электрических зондирований (СЭЗ) и магниторазведка. Данный геофизический комплекс хорошо себя зарекомендовал при первичном обследовании археологических объектов (*M. Kats et al.*, 2005; *Кац*, *Пелевин*, *Модин*, 2005).

Методика геофизических исследований. Электроразведочные работы выполнялись на площади около 424 м^2 методом срединного градиента (СГ) и ВЭЗ (вертикальные электрические зондирования) в модификации СЭЗ и магнитометрии в режиме градиентной съемки с вертикальным расположением датчиков на базе 1 м.

Работы методом срединного градиента проводились с использованием электроразведочной аппаратуры низкой частоты «ЭРА», а также генератора «Астра». Питающие и приемные линии монтировались из геофизического провода марки ГСП сечением 0,5 мм^2. Для заземления питающих и приемных линий использовались стальные электроды-«штыки» длиной 1,2 м и диаметром 12 мм, а также стальные электроды-«шпильки» длиной 300 мм и диаметром 12 мм.

Съемка методом срединного градиента производилась планшетами 20×20 метров. Питающие электроды (A, B) разносились на 50 м, так чтобы измеряемый планшет располагался практически в средней трети AB. Провод питающей линии выкладывался в форме петли, проходящей за пределами планшета на удалении 15–20 м. Измерения проводились при одной поляризации поля, поперечной к предполагаемому направлению оборонительных сооружений. Таким образом, профили ориентировались в широтном направлении. Профили наблюдений были проложены параллельно питающей линии и располагались через 1 м. Шаг по профилю составлял 1 м. Таким образом, всего было выполнено 450 рядовых и контрольных измерений. При этом длина приемной линии MN составляла 1 м.

Измерения проводились на частоте 4,88 Гц при токе в питающей линии 50 мА. Уровень измеряемых сигналов в приемных линиях составлял более 1 мВ. Измерения проводились одной бригадой.

Погрешность измерений составила 3,5%, что удовлетворяет требованиям нормативных геофизических документов (Инструкция ..., 1984).

Сплошные электрические зондирования были выполнены с шагом 1 м трехэлектродной установкой (второй питающий электрод удалялся на расстояние не менее 70 м от линии профиля). Длина приемной линии (MN) составляла 0,5м, максимальный разнос питающих электродов — 10 м, что обеспечивало глубинность не менее 4–5 м. Учитывая, что материковый слой представлен глинами, 10-метровые разносы являются достаточными для обеспечения глубинности зондирований на данной территории (гарантированная глубина исследования на данном участке составляла не менее 4 м). Стабилизированный ток в питающей линии AB устанавливался на уровне 10 мА. Всего было выполнено 18 физических точек СЭЗ (двойные измерения Amn+mnB на 15 разносах: всего 540 измерений электрического поля).

Полевые магниторазведочные работы на участке выполнены с помощью канадского магнитометра G-858. Цель работ — выявление мест изменений почвенного состава и выявление археологических объектов, контрастных по магнитным свойствам к вмещающей среде. Съемка проводилась по тем же профилям и пикетам, что и съемка срединного градиента. Однако регистрация поля с помощью магнитометра G-858 производится в автоматическом режиме. При

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

средней скорости движения оператора частота записи отсчетов составляет не реже чем каждые 5–10 см на местности.

Для учета сильных вариаций магнитного поля использовалась методика градиентной съемки — единственно возможная технология в условиях очень сильных магнитных полей, которые вызываются электрифицированным транспортом. Качество наблюдений оценивалось по контрольным измерениям, доля которых составила 30% от общего числа точек (необходимо было убедиться в том, что зафиксированные нами аномалии магнитного поля являются долговременными пространственными аномалиями). Точность измерений составила ± 3 нТл, что в наших условиях является вполне хорошим результатом. По результатам измерений построены карты аномалий магнитного поля с сечением изолиний 10 нТл.

Результаты геофизических исследований

Описание магнитного поля. Магнитное поле на исследуемом участке не является однородным. В результате съемки установлено, что территория участка сильно замусорена металлическими, железными предметами. Наиболее интенсивные аномалии такого рода отмечаются в районе каменной дорожки (эта дорожка буквально картируется разбросанными металлическими объектами), которая расположена на северо-западе участка и на южном квадрате участка. В этом плане южный квадрат от (x=10, y=0) до (x=27, y=17) приходится считать полностью потерянным для магнитной съемки археологических объектов. Здесь концентрация мусора крайне велика. Однако наш опыт показывает, что 50% предметов-помех лежит на поверхности земли, а 99% металлического мусора расположено в верхних 5–10 см почвенного слоя. Поэтому, если впоследствии будет разрешение на очистку территории, то это можно достаточно легко сделать с помощью тех же результатов магнитной съемки и металлоискателей.

Единственная аномалия, которая, по нашему мнению, имеет археологическое происхождение, расположена на севере участка и продолжается за раскопом в меридиональном направлении. Аномалия имеет положительный знак и располагается на месте продолжения рва (x=11–12, y =25).

Результаты метода срединного градиента (СГ) и магниторазведки. Основной особенностью поля кажущегося сопротивления является серия субмеридиональных аномалий шириной около 2 м (цв. вклейка, рис. 6). Положение рва древнего городища в раскопе указывает на то, что аномалии СГ и вызываются остатками материала оборонительных рвов. Расстояние между центрами осей аномалий составляет от 5 до 8 м. На Знаменском городище (*Бобачев и др.*, 2006) в Одинцовском районе расстояние между валами составляет около 12–15 м, что практически в два раза больше нашего случая. В Калужской области мы встречали небольшие городища синхронного возраста, расстояние между валами у которых не превышало 10 м (правый берег р. Угры, напротив д. Бельдягино в Юхновском районе). По-видимому, расстояние между валами городища определялось первоначальным замыслом древних строителей: проектной высотой валов и глубиной рвов, которые должны соответствовать устойчивым углам откоса оборонительных конструкций. И южные, и северные аномалии упираются в археологический раскоп. Поэтому вопрос, как их соединять в плане, можно решить, анализируя трехмерную картину распределения древнего строительного материала в самом раскопе. Мы, как геофизики, не рискнули сами делать такого рода реконструкцию. На севере мы отчетливо видим фрагменты двух положительных аномалий в районе точки (x=7,5, y=25) и точки (x=13, y=26). На южном участке также отчетливо видны две аномалии, одна из которых прослеживается от точки (x=15, y=17) до (x=20, y=0), а вторая — от (x=20, y=17) до точки (x=27, y=5). Первая аномалия имеет достаточно сильную амплитуду (на фоне около 300 Омм ее значение достигает 550 Омм, что практически в два раза выше среднего). На юге в районе малых значений y-координаты аномалии заметно уменьшаются (на фоне 200 Омм аномалии не превышают значения кажущегося сопротивления 250 Омм). У второй аномалии (более восточной) аномалия на юге также мала (фон 150–160 Омм, а аномалия не более 200 Омм). На наш взгляд, картину сильно портит современная дорожка, которая пересекает в этом месте площадку городища. Вероятно, механическое выравнивание полотна дорожки уменьшило мощность культурного слоя и, соответственно, аномалию кажущегося сопротивления.

Несколько осложняет ситуацию меняющееся расстояние между аномалиями, что можно объяснить, с одной стороны, серьезными реконструкциями данного участка за последние несколько сотен лет, а с другой стороны, небольшими размерами сохранившихся фрагмен-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тов аномалий, по которым зачастую трудно судить о геометрии объектов.

Можно отметить еще одну аномалию, расположенную в центральной части участка в районе пикета (x=12, y=16). Аномалия также имеет линейный вид в плане и ширину около 3 м. Весьма вероятно, что это результат влияния раскопа, который здесь был выполнен раньше[8]. Площадь старого раскопа занимает всю юго-западную часть участка. Однако в районе пк (x=7–8, y=19) мы видим аномалию низких значений кажущегося сопротивления, хотя на этом месте раскопа не было. Так что, возможно, небольшая линейная аномалия на этом месте все же существует.

Перпендикулярно аномалиям выделяются несколько небольших диагональных аномалий. Все выделенные линеаменты практически параллельны друг другу и расположены на расстоянии от 3 до 5 м. При этом все аномалии расположены внутри городища, а за восточную субмеридиональную аномалию не выходят.

Результаты метода вертикального электрического зондирования

Послойная интерпретация. В результате полевых измерений были получены значения разности потенциалов на приемных электродах dUmn при различных положениях центра установки и на всех разносах, а также электрический ток, который подается в питающую линию AB. В результате предварительной обработки были рассчитаны значения кажущегося сопротивления и построены кривые ВЭЗ. При этом, учитывая, что на каждом разносе производилось два измерения (для трехэлектродной установки Amn и трехэлектродной установки mnB), впоследствии для послойной интерпретации две кривые кажущегося сопротивления были объединены в одну по известной формуле $\rho_к^{AmnB} = (\rho_к^{Amn} + \rho_к^{Bmn}) / 2$. В результате такой процедуры удается осуществить послойную интерпретацию данных ВЭЗ с помощью программы IPI (Электроразведка, 2005). Модель среды, которая принимается при интерпретации, соответствует горизонтально-слоистому разрезу с бесконечными параллельными границами и выдержанными свойствами. Разумеется, на соседних точках принимается уже другая модель с другими мощностями и сопротивлениями, но интерпретатор старается сделать так, чтобы в горизонтальном направлении модель сильно не менялась, по двум причинам. Во-первых, чтобы можно было использовать информацию с соседних точек, а во-вторых, чтобы сильно не искажать горизонтально-слоистую модель, которая используется в данном случае. Суть интерпретации заключается в том, что для каждой полевой кривой ВЭЗ с учетом всей информации и шума, который искажает кривые зондирования, составляется такая математическая модель, которая создает теоретическую кривую, наилучшим образом подходящую к экспериментальной, полевой кривой ВЭЗ. Таким образом решается так называемая обратная задача, которая по характеру и формальным математическим признакам является частью любой работы, связанной с диагностикой состояния объектов (медицина, криминальное расследование, техническая диагностика, история, археология, геофизика и т.п.).

В результате интерпретации данных ВЭЗ был построен разрез. Разрез имеет четырехслойное строение. В верхней части с мощностью не более 0,5 м располагается почвенный гумусовый слой, который до пк 18 в основном содержит высокоомные фракции терригенного материала (т.е. песка), а в конце профиля — наоборот. В его составе в основном отмечаются суглинок и супесь. Второй слой — пески (сопротивление 100–160 Омм). Их мощность практически не меняется и составляет около 0,5 м. В слое песков и частично в почвенном слое расположены три высокоомных объекта (1-й — пк 11–12. 2-й — пк 17–18. 3-й — пк 22–23), имеющие размеры около 2–3 м. Учитывая хорошую корреляцию этих неоднородностей с плановыми аномалиями кажущегося сопротивления данных срединного градиента и результатами археологических раскопок, можно утверждать, что указанные неоднородности геоэлектрического разреза соответствуют основаниям рвов древнего городища. Ниже расположен материковый слой глин, подошва которого в данном месте находится на отметках около –151,5–152 м. Еще ниже, на глубине около 3 м, расположены пески.

Так как послойная интерпретация ведется в рамках горизонтально-слоистой модели, то при моделировании не учитываются различные эффекты, связанные с ограниченностью горизонтальных размеров неоднородностей. Вследствие этого от аномальных объектов остается вертикальный (в данном случае высокоомный) след, который отмечается не только на малых разносах и, соответственно, глубинах, но и в нижних частях разреза. На самом деле никаких изменений свойств в нижней части разреза

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нет, а мы наблюдаем действие так называемого Р-эффекта, который искажает результаты интерпретации.

В результате комплексных геофизических исследований, выполненных на участке «Храм Цереры», можно сделать следующие выводы.

1. По геофизическим данным выявлены линейные аномалии шириной около 2–3 м, которые протягиваются практически через весь участок в субмеридиональном направлении.

2. Выявленные линейные аномалии кажущегося сопротивления подтверждаются результатами вертикальных электрических зондирований. Одна из наиболее вероятных версий происхождения линейных аномалий — наличие остатков рвов оборонительных сооружений, которые расположены на цоколях уступов второго слоя песков.

3. В центральной части участка во внутренней части городища выявлена серия слабых линейных аномалий, которые имеют направление с северо-востока на юго-запад.

Примечания

[1] По предположению И.Н. Сергеева, надпись оставлена электротехником Вильгельмом Вильгельмовичем Винтером, совершившим месяц спустя (27.06.1909) убийство и самоубийство на дачах в Царицыне (*Сергеев*, 1995. С. 160).

[2] Работы велись под руководством доцента кафедры геофизики геологического факультета МГУ И.Н. Модина.

[3] Лаборатория Хельсинского университета.

[4] Авторы благодарны за консультации по датировке средневековой керамики С.З. Чернову, выдвинувшему предположение об отсутствии в коллекции материалов первой половины XV в.

[5] Замечу, что наши показатели демонстрируют наибольшую близость с данными по городищу Настасьино (результативность — 46%, индекс насыщенности — 2), но здесь они, возможно, искусственно занижены, так как большая часть коллекции исследовалась не специалистом-археоботаником, а карпологом.

[6] Оба фрагмента с заглаженными краями (как бы «окатаны» или оплавлены), что является свидетельством их раздробления еще до карбонизации.

[7] Все костные остатки происходят из слоев заполнения рва, которые относятся к железному веку (Н. Кренке).

[8] Это предположение получило подтверждение при проверке бурением, в ходе которого было установлено, что археологических объектов на данном участке нет (Н. Кренке).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Древнерусские поселения на Верхне-Царицынском, Шипиловском и Борисовском прудах

В результате полевых работ 1989 г. была выявлена система поселений XII–XIII вв. в верховьях р. Язвенки. В 2004–2006 гг. обнаружены и изучены поселения по нижнему течению р. Язвенки и по правому берегу р. Городёнки ниже устья Язвенки. Это селища Царицыно-2, 3, 4, 5, Шипилово-1, Борисово-1.

Цель настоящей главы — дать характеристику этих памятников (селищу Царицыно-3 посвящена отдельная глава) и рассмотреть всю систему древнерусского расселения в бассейне р. Городёнки в свете новых данных.

Важно отметить, что шурфовкой были не только выявлены места поселений XII–XIII вв., но и доказано отсутствие этих поселений на некоторых, на первый взгляд, удобных местах. В качестве примера приведем описание *шурфа 7* (цв. вклейка, рис. 20), который был заложен в 6 м к западу от западной стены «Чертовой башни», или Руины. Размер шурфа — 3×1 м, ориентирован перпендикулярно склону. Уклон поверхности в пределах шурфа 52 см. В шурфе прослежены следующие слои. Верхние 14–16 см — серый суглинок. Под ним — слой строительства Руины мощностью до 8 см. Он состоит из прослоя извести с включениями обломков кирпичей и известняка. Под слоем строительства залегает гумусовый горизонт погребенной почвы. Этот слой представлен серым суглинком толщиной 10–15 см с неровной нижней границей. Ниже залегает хорошо выраженный подзолистый горизонт толщиной 6–12 см. Ниже идет переходный слой светло-бурого суглинка, и еще ниже — бурый суглинок. Глубина прокопа шурфа составила 80 см. В шурфе был найден фрагмент румпы изразца и 2 фрагмента 6-гранной половой плитки. Почвенный профиль в этом шурфе не укорочен, вероятно, распашки и смыва в раннем Средневековье здесь не было.

Селище Царицыно-2 было выявлено в 2002 г. на склоне левого берега р. Язвенки, в 80 м югу от мостика через эту речку, при впадении ее в Верхне-Царицынский пруд (рис. 57). Ориентиром при поиске селища являлась курганная группа Царицыно-4. Зондаж 2002 г., в котором была обнаружена древнерусская керамика, находился в 75 м ниже по склону от крайнего северного кургана в группе. Работы 2002 г. производились поздней осенью, и количество собранного материала было недостаточно для уверенного суждения о том, что мы действительно нашли место поселения. Эта неуверенность в интерпретации находок 2002 г. отражена в публикации, где место селища обозначено под знаком вопроса (*Кренке*, 2004д, цв. вклейка, рис. 5).

В 2004 г. стояла задача более точно выявить границы селища и получить представительную коллекцию находок, чтобы можно было судить о возрасте поселения, месте расположения основной селитебной зоны. В 2008 г. шурф 3 был расширен до размера раскопа площадью 32 м².

Методика работ. Для решения поставленных задач было решено расширить зондаж 2002 г. и заложить дополнительные шурфы. При определении мест закладки шурфов учитывались особенности микрорельефа берегового склона. Примерно на середине спуска от курганов к кромке пруда прослеживалась «ступень» на абсолютных отметках 148–150 м (12–14 м над уровнем воды в пруду), которая была хорошо видна на местности и на карте масштаба 1:2000. Ширина ступени 20–25 м, она расположена в 60 м южнее берега р. Язвенки.

Ряд из четырех шурфов (шурфы 1, 2, 3, 5) был заложен вдоль этой ступени (базовая линия 1) с интервалом 19 м, 20-й метр являлся шурфом (при таком шаге шурфов нельзя пропустить селище, размеры которого в поперечнике вряд ли могут быть меньше 20 м). Разметка была выполнена так, чтобы один из шурфов совместился с зондажом 2002 г. Размеры шурфов стандартные: 1×1 м. Шурф, который дал наибольшее число находок (номер 3), затем был расширен до размеров 2×2 м. Еще два шурфа были заложены вдоль базовой линии 2, ориентированной С–Ю. Базовая линия 2 была перпендикулярна базовой линии 1. Закладка шурфов 4 и 6 вдоль базовой линии 2 была необходима для того, чтобы проследить распространение находок вверх и вниз по склону. Шурф 4 был заложен на расстоянии 19 м к югу от юго-восточного угла шурфа 3 (выше по рельефу), шурф 6 — на расстоянии 9 м

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

к северу от той же точки (ниже по рельефу). Без такого количества шурфов определить границы селища было невозможно, так как поверхность имела довольно плотный дерновый покров.

Помимо закладки шурфов, был предпринят сбор подъемного материала на доступных открытых поверхностях. Особенное внимание при этом уделялось фиксации мест обнаружения комочков обожженной глины — печины. Именно находки печины являются индикаторами мест, где стояли постройки. После окончания работ в юго-западном углу шурфа 3 был установлен железный репер — пруток диаметром 2 см. Отметка его верха –221 в условной системе высот.

Описание ландшафта склона левого берега р. Язвенки, где расположено селище Царицыно-2. Участок порос редким парковым, преимущественно липовым лесом, встречаются и дубы, в подросте — клены и лещина. Травяной покров — густой (сныть, крапива). Много мест пикников, в особенности возле поваленных деревьев. Вдоль кромки берега пруда поверхность почти плоская (пойма реки) шириной до 30 м. Здесь пролегают две дорожки, одна из которых поднимается по склону вверх — к курганам. Эта тропа пересекает селище. На ее обочине найдены фрагменты керамики. Другая дорога идет через плотину и поднимается по склону западнее территории селища. В пределах выположенной террасоподобной ступени имеются несколько больших старых ям глубиной 1–1,7 м с оплывшими плотно задернованными краями (к северу и юго-западу от шурфа 1). Свежих нарушений грунта почти нет, если не считать небольших ямок для кострищ возле мест пикников.

Курганная группа занимает бровку перегиба склона на высоте 158–160 м. В курганах старые ямы от грабительских раскопок. К юго-западу от курганов в 20–30 м расположено современное языческое святилище общины «Коляды вятичей». В борте оврага, впадающего слева в р. Язвенку, имеется обустроенный родник, куда ходят за водой местные жители. Над родником стоит старое дерево, на котором выжжен крест и надпись «Россия — родник».

Таким образом, в ближайших окрестностях селища в настоящее время происходит разнообразная человеческая деятельность, место довольно часто посещается.

Описание шурфов. Все шурфы, за исключением шурфа 1, дали археологический материал. Наиболее насыщенным находками оказался шурф 3, расположенный в центре исследованной площади. Стратиграфия отложений во всех шурфах была сходной. В качестве примера приводится описание шурфа 3.

Шурф 3 был заложен на пересечении базовых линий 1 и 2. С восточной стороны к шурфу примыкает едва заметная западина округлой формы диаметром 3 м и глубиной 0,1 м. Как показали дальнейшие раскопки, вероятно, эта западина образовалась над древней ямой.

Первоначально был выкопан шурф размером 1×1 м, который частично перекрыл зондаж 2002 г. Затем было принято решение расширить шурф до размеров 2×2 м, чтобы получить более представительную коллекцию находок (рис. 58). В поверхностном слое были найдены четыре фрагмента кирпича, одно бутылочное стекло, пуля калибром 7,62. В подстилающем пахотном слое (бурый суглинок) встречена керамика, печинки, угольки. Распределение керамики в пределах шурфа неравномерное. Самым бедным оказался северо-западный сектор, там было найдено два фрагмента, а всего в шурфе обнаружено 80 фрагментов керамики, статистическое распределение которой по типам представлено в табл. 15. Материк в шурфе был прокопан на 10–15 см до бурого оструктуренного суглинка. Подзолистый горизонт имел небольшую мощность, так как его верх был включен в позднесредневековый пахотный горизонт. Восточная стенка шурфа задела край древней ямы. В плане граница была почти неразличима, так как именно здесь было скопление корней. Однако в профиле восточной стенки шурфа яма была видна достаточно отчетливо, ее заполнение имело чуть более темный цвет, чем пахотный горизонт. В заполнении попадались печинки и угольки, обнаружено несколько крупных фрагментов стенок горшка, покрытых линейным орнаментом. Для характеристики этой керамики важно, что толщина стенок всего около 3 мм, на них линейный орнамент, узкие (1 мм) линии которого покрывают поверхность стенки равномерно с интервалом 1–1,5 см. В тесте включения мелкозернистого песка, обжиг трехслойный. Поверхность сильно эродирована. При отсутствии венчика керамику из ямы трудно точно типологически определить. Это либо сероглиняная, либо красноглиняная грубая керамика, ее предположительная датировка — XIII–XIV вв. Аналоги известны на селище Дубинкин лес-1 (*Кренке*, 2005а). Из заполнения ямы в профиле восточной стенки с глубины 42 см от поверхности был взят уголек на радиоуглеродное датирование. Получена датировка 790±80 лет (Ki-11703), что при калибровке указывает с вероятностью в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 15. Статистика керамики, найденной на селище Царицыно-2 (без учета данных 2008 г.)

Тип керамики	Подъемный материал	Шурф 2	Шурф 3	Шурф 4	Шурф 5	Шурф 6	Всего
Фаянс		2					2
Белоглиняная грубая	2	3	1			2	8
Красноглиняная грубая	10	1	14	2	1	4	34
Древнерусская (курганная + сероглиняная)	4	2	49		2	7	43
Неопределимая			16			1	17
Всего	16	8	80	2	3	14	123

1σ на календарный интервал 1165–1287 гг. (наиболее вероятное значение — 1259 г.).

В шурфе в слое древней пахоты встречена и более древняя типичная курганная керамика с толщиной стенок до 6 мм, включениями дресвы размером до 2 мм и характерными формами венчиков с упором для крышки (рис. 59, *1, 9*). При расширении шурфа в 2008 г. было выявлено две ямы от построек, где была собрана значительная коллекция керамики, в том числе несколько целых форм (рис. 59а). Наряду с типичной орнаментацией (линейной, волнистой) встречены уникальные орнаментальные композиции. Редкостью для древнерусской курганной посуды является миска (рис. 59б). В целом комплекс является переходным от древнерусской керамики к раннемосковской красноглиняной грубой. Вероятно, что он датируется XIII в., то есть соответствует радиоуглеродной датировке.

Стратиграфия восточной стенки (рис. 58)

0–6 (12) см. Серо-бурый суглинок (гумусовый горизонт), нижняя граница неровная с затеками по трещинам и ходам корней (слой 1).

10–14 см. Светло-бурый (белесоватый) суглинок — результат вторичного оподзоливания. Прослеживается лишь в северной части профиля, нижняя граница неясная, переход постепенный (слой 2).

14–26 (32) см. Бурый однородный суглинок, нижняя граница неясная, переход к нижележащему слою постепенный (слой 3).

32–47 см. Серо-бурый суглинок (ближе к бурому) с включениями печины, керамики, угольков — заполнение ямы (слой 4). Нижняя граница неровная.

26–32 (47–48 — в основании ямы) см (слой 5). Белесый суглинок (подзол) — основание горизонта A2 и затеки по трещинам (A2B).

48–53 см. Бурый оструктуренный суглинок с включениями белесого материала (в трещинах) — переходный горизонт A2B (слой 6).

Подъемный материал на территории селища

Печинки встречались в основном в зоне 8×5 м к северо-востоку от шурфа 3. Керамика попадалась на участке к северу (ниже по склону на 10–15 м) от шурфов 3–5, в том числе вдоль тропы.

Выводы по исследованию селища Царицыно-2. Обследованный участок можно надежно интерпретировать как место поселения (обилие печины и керамики), культурный слой которого полностью переработан при последовавшей распашке. Сохранились лишь ямы. Ориентировочно размеры селища могут быть определены как 60×40 м.

Судя по статистике типов керамики, можно думать, что поселение существовало длительное время с XII–XIII по XIV–XV вв., либо было два эпизода заселения в пределах этого интервала.

Курганная керамика представлена типичными формами венчиков XII–XIII вв., в том числе с упором для крышки (рис. 59, *1, 9*), и орнаментированных стенок (рис. 59, *6-8*). Линейный орнамент нанесен гребенчатым (многозубым) инструментом. Есть один фрагмент с многорядной волной, нанесенной тем же инструментом. Некоторые фрагменты изготовлены из беложгущейся глины, что типично для южного Подмосковья. Примеси в тесте — песок разной зернистости и дресва размером до 2 мм. Среди набора венчиков имеются два от мисок (рис. 59, *13, 14*), которые встречаются редко.

Сероглиняные фрагменты (рис. 59, *10, 16, 17*) отличаются от курганной керамики тонкостью стенок, формой венчика. Датировка красноглиняного и сероглиняного компонента комплекса может быть предварительно определена в пределах XIII–XIV вв. Примеси в тесте — песок размером до 1–1,5 мм.

Красноглиняная керамика представлена экземплярами с типичным орнаментом — «косая волна» (рис. 59, *18–20*). Вероятно, они также датируются в пределах конца XIII–XIV в.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Единичные фрагменты стенок белоглиняной грубой керамики указывают на то, что территория заброшенного поселения распахивалась в XVI в. В XVIII в., судя по плану Генерального межевания 1766 г. пустоши Пожарной (цв. вклейка, рис. 1)[1], нижняя часть склона, включая территорию селища, была свободна от леса, здесь находились сенокосные угодья.

Шлейф находок, связанных с селищем Царицыно-2, тянется вниз по склону практически до самой кромки берега. В шурфе, вырытом в 2005 г. на берегу р. Язвенки в теле Ореховской плотины (70 м к северу от селища Царицыно-2), на глубине 88–103 см (см. раздел о почвенных исследованиях) под наслоениями XVIII–XIX вв. была зафиксирована погребенная почва, возможно, со следами древней распашки, содержавшая единичные фрагменты древнерусской керамики.

Селище Царицыно-4 расположено на западном берегу Верхне-Царицынского пруда на узком мысе в 100 м к северу от курганной группы Царицыно-3. Расстояние между селищами Царицыно-2 и Царицыно-4 всего 450 м (Царицыно-4 находится ниже по течению р. Язвенки). В XVIII в. этот мыс входил в пустошь Черепиху, принадлежавшую графине Е.И. Головкиной. На плане 1766 г. участок показан под лесом (цв. вклейка, рис. 1). Современная ситуация такая: заросшая редким липовым лесом поверхность мыса плавно понижается в сторону пруда. Северный склон ниже бровки перегиба несет следы молодой эрозии. Он проточен несколькими ложбинами временных водотоков. Таких ложбин как минимум четыре. По днищу одного из них пролегает тропа (рис. 60). На бровке северного склона находится межевая яма. В плане ее форма почти круглая (диаметр около 4 м), стенки покатые. Глубина дна 60–70 см. В двух метрах к югу от ямы стоит межевой бетонный столбик, выступающий из земли на 60 см. На нем отлита цифра 1909. Вероятно, это год установки столба. Над цифрой круглое углубление, в котором был какой-то знак, ныне утраченный. Сама межевая яма, вероятно, XVIII в. (если не древнее). Она изображена на планах Генерального межевания 1766 и 1775 гг. Здесь сходились границы трех земельных дач — пустошей Пожарной, Черепихи и земли д. Котляковой (цв. вклейка, рис. 1).

Методика работ на селище Царицыно-4. Судя по сделанным ранее наблюдениям относительно ландшафтной приуроченности и взаиморасположению курганных групп и селищ, можно было заранее предполагать, что наиболее перспективным участком для поиска поселения является северный край мыса.

В 1989 г. именно на этом участке и были предприняты поиски, в ходе которых зафиксирован мешаный гумусированный слой (темнее обычной лесной почвы), но керамика не найдена.

В 2004 г. были заложены шурфы 1–3 вдоль северной бровки мыса. Один из них (номер 3) — в верхней части склона, где можно было ожидать материал, смытый с более высоких поверхностей.

Нивелировка шурфов производилась от репера, которым являлся бетонный межевой столбик (его вершина).

После того как в шурфах 1–3 был обнаружена керамика древнерусского времени и кусочки печины, что однозначно указывало на наличие поселения, необходимо было определить его границы. Для этого были заложены шурфы 4–7. Интервалы между шурфами были небольшими — около 10 м. Это было сделано для того, чтобы точнее зафиксировать границу памятника (понять, где кончается зона распространения находок). Параллельно с целью сбора подъемного материала еще раз была тщательно осмотрена поверхность. На этот раз его удалось обнаружить. В основном находки были сделаны вокруг шурфа 6, примерно в радиусе 5 м от него, и на бровке берега оврага к западу от шурфа 6. Несколько фрагментов было найдено на западном склоне «молодого» оврага восточнее шурфа 2 и в межевой яме.

Описание шурфов. Стратиграфия отложений во всех шурфах на площадке была сходной. Шурф на склоне отличался большей мощностью отложений (до 40 см), содержавших культурные остатки.

Шурф 6 (рис. 61) размерами 1×1 м был заложен в месте концентрации подъемного материала, в 10 м к югу от бетонного межевого столбика, ориентирован по странам света. В пахотном горизонте найдено 12 фрагментов керамики (один фрагмент из шурфа склеился с фрагментом из подъемного материала; рис. 61, *2*), пара колотых мелких камней и ни одной печинки. Нижняя граница пахотного горизонта размытая.

Описание слоев. 1) Серо-бурый суглинок (гумусовый горизонт современной почвы) — 0–10 см; 2) бурый суглинок, мешаный, с сероватым оттенком — пахотный горизонт, в нем отдельные мелкие угольки — 11–23 см; 3) белесый подзол, выражен очень слабо, сохранился лишь как затеки по трещинам, в основном разрушен

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 16. Статистика керамики с селища Царицыно-4

Тип керамики		Шурф 1	Шурф 2	Шурф 3	Шурф 4	Шурф 6	Шурф 7	Подъемный материал
Курганная / сероглиняная	Венчики	1				3		2
	Стенки с линейным орнаментом	1	1	2	4	1	1	3
	Стенки с волнистым орнаментом	1						
	Стенки со штампованным орнаментом, зубчатым колесиком			1	1			
	Стенки с гребенчатым орнаментом	1						
	Стенки без орнамента	9	7	5	6	6	2	11
	Донца				1	1		1
Всего: 72		13	8	8	12	11	3	17

распашкой — 24–30 см; 4) бурый покровный суглинок — 31–50 см.

Характеристика керамики (табл. 16). Почти вся найденная на селище керамика относится к типу «курганной», некоторые фрагменты предположительно могут быть соотнесены с типом «сероглиняной» керамики.

Важной чертой комплекса является наличие фрагментов, украшенных гребенчатым орнаментом (рис. 61, *6*), зубчатым колесиком (рис. 61, *12*), штампованным (может быть, тоже зубчатое колесико, но особой формы) орнаментом (рис. 61, *8*), волной по плечику и ямками на шейке (рис. 61, *7*). Все эти типы орнаментов практически не известны в комплексах второй половины XII–XIII в., для которых характерен линейный и редко — волнистый орнамент. Орнаментация, выполненная гребенчатым штампом и зубчатым колесиком, характерна для начала «курганного времени» в Подмосковье, т.е. для конца XI — первой половины XII в. (*Кренке*, 2004а).

Горшкам с такой орнаментацией соответствует грубый венчик с короткой шейкой, отогнутым наружу краем округлым в сечении и упором под крышку (рис. 61, *2*). Толщина его стенки 6 мм, включения песка и дресвы размером до 2 мм. Стенки с линейным многорядным орнаментом, нанесенным гребенчатым орудием, не типичны для сероглиняной керамики. Это также керамика «курганного типа» (рис. 61, *10, 11*).

В комплексе присутствует керамика более позднего облика. Примеси в тесте представлены исключительно песком. Форма краев венчиков сходна с сероглиняными (рис. 61, *1, 3–5*). Два венчика изготовлены из белой глины.

Выводы по результатам исследования селища Царицыно-4. Южная граница селища проходит между шурфами 4 (где довольно много находок) и 5 (где находок нет совсем). Западная граница — по оврагу, северная — по бровке северного склона (находки и подъемный материал возле них есть в шурфах 1–3). Восточная граница проходит по молодому оврагу. Возможно, этот овраг частично уничтожил край древнего поселения. Однако далеко на восток территория селища не простиралась. Тщательное обследование восточного борта молодого оврага не дало никаких находок. Таким образом, селище имеет размеры 30×25 м. Концентрация находок керамики и печины отмечена в западной части ареала (шурфы 1, 3, 4, 6). Площадь селища мала — всего 700 м^2. Здесь, видимо, стоял один двор.

На основании керамики, обнаруженной на селище, можно сделать заключение, что начало жизни на поселении относится к первой половине XII в. Поздняя группа керамики может предположительно датироваться второй половиной XII — началом XIII в. Аналогичный набор керамики был обнаружен на селище Царицыно-3, расположенном напротив селища Царицыно-4 на другом берегу р. Язвенки (*Кренке*, 2004б. Рис. 14). Результаты раскопок курганов в группе Царицыно-3, соответствующей селищу Царицыно-4, позволили сделать Т.В. Равдиной такие же выводы (*Равдина*, 1963).

Культурный слой памятника полностью переработан распашкой, время которой определяется гипотетически по палеопочвенным и

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

археологическим данным. Нужно отметить три признака. Во-первых, нижняя граница пахотного горизонта, хотя и видна, но достаточно сильно размыта. Во-вторых, в верхней части пахотного горизонта прослеживаются следы вторичной почвенной дифференциации (формирование подзолистого горизонта). То есть с момента прекращения распашки и зарастания участка лесом должно было пройти несколько сотен лет. В-третьих, толщина пахотного горизонта около 15–20 см. Значит, это «постдревнерусская» распашка, так как в XII–XIII вв. толщина пахотных горизонтов была меньше — 10–12 см. Период распашки, скорее всего, относится к периоду позднего Средневековья — XV–XVII вв.

Селище Царицыно-5 расположено на южном берегу Нижне-Царицынского (Шипиловского) пруда, к востоку (через овраг) от застройки села Царицыно (бывшее Черная Грязь). Расстояние до кромки берега пруда — 50–120 м (до русла запруженной реки Городёнки — 200–270 м), высота над урезом воды — 14–15 м (рис. 62). Между Новоцарицынским шоссе и Шипиловской плотиной южный берег Нижне-Царицынского пруда на р. Городёнке обрывистый и высокий. В результате береговой абразии склон террасы стал еще более крутым, чем был до устройства прудов. Бровка перегиба террасы находится примерно на отметке 145 м в балтийской системе. Берег расчленен балками, оврагами и совсем молодыми эрозионными формами. Возле старой трассы Каширского шоссе (проходило через Шипиловскую плотину) велись масштабные работы по вертикальной планировке и благоустройству территории в 1960–1970-е гг. Сравнение старой геоподосновы (1930 г.) и современной фиксирует различия в высотных отметках. В верхней части склонов грунт срезан, а в прибровочной зоне, наоборот, отложен перемещенный материал, содержащий значительное количество техногенного мусора (фрагменты железобетонных блоков и пр.). Особенно много мусора и современных отложений накопилось на склонах оврагов. Этот процесс можно было наблюдать и в 2006 г., когда овраг, примыкающий с востока к застройке с. Царицыно, был наполовину засыпан привезенной землей.

К моменту начала археологических работ 2006 г. усадебная застройка бывшего с. Царицыно была почти полностью снесена (осталось два-три дома), но вертикальной планировки участка еще не проводилось. Участок к востоку от села представлял собой луг с плотной дерниной и редкими древесными посадками — результат работ по озеленению, проводившихся в последнее десятилетие. Ранее здесь располагались поля, показанные на старых картах. Сбор подъемного материала был возможен здесь лишь по трассам грунтовых дорожек.

Методика работ. Учитывая, что сбор подъемного материала на исследуемой территории был затруднен, основным методом разведки были закладка шурфов и бурение скважин ручным буром. Первоочередной задачей являлся поиск древнерусского поселения, связанного с курганной группой Царицыно-5. В настоящее время курганы утрачены, они располагались примерно в 500 м от берега пруда (цв. вклейка, рис. 2).

Зона поиска, определенная исходя из местоположения курганной группы Царицыно-5, охватывала берег оврага, примыкающего с востока к постройкам с. Царицыно. С особой тщательностью обследовалась площадка мыса между двумя оврагами (местные названия Большой и Малый). Всего было заложено семь шурфов. Археологические находки были обнаружены лишь в шурфах, располагавшихся на самой бровке, где происходила аккумуляция делювия. Уже в 10 м выше по рельефу от бровки почвы были сильно смыты, под современной пашней залегал бурый суглинок горизонта Bt. Во всех шурфах, располагавшихся по кромке бровки, были найдены печинки. Древнерусская керамика в небольшом количестве была встречена лишь в шурфах по западной кромке мыса. Найдены стенки с многорядной линейной орнаментацией, дугообразно отогнутые наружу венчики со сглаженным профилем и упором под крышку (рис. 63). Примерно половина керамики изготовлена из беложгущейся глины.

Наиболее показательной является стратиграфия шурфа 5, давшего и максимальное количество находок.

Описание шурфа 5 (рис. 63). Размеры 2×2 м. Ориентирован по странам света. Расположен на бровке берега оврага. Откопан на глубину 75 см. Распределение находок представлено в табл. 17.

Описание слоев: 0–8 см — дерн; 8–18 см — бурый суглинок с тонким прослоем белесой пылеватой супеси на глубине 12–14 см от поверхности; 18–36 см — темно-бурый суглинок, напоминающий почвенный горизонт; 36–56 см — бурый мешаный суглинок; 56–66 см — темно-бурый, пепельно-серый суглинок (гумусовый горизонт погребенной почвы); 66–72 см — подзолистый горизонт; 72–80 см — бурый оструктуренный покровный суглинок.

Выводы по результатам исследования селища Царицыно-5. Полученные данные позволяют ут-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 17. Керамика из шурфа 5 на селище Царицыно-5

Тип керамики	Пласт 1–2 (0–36 см)	Пласт 3 (36–56 см)	Пласт 4 (56–66 см)	Пласт 5 (66–80 см)
Курганная XII–XIII вв.	1	7 (в том числе 3 из белой глины)	4 (в том числе 3 из белой глины)	
Красная грубая		3		
Белоглиняная грубая XVI в.	1			
Белоглиняная гладкая XVII в.	21	3		
Белоглиняная XVIII в.	2			
Мореная	5			
Чернолощеная	1			
Кремовая XVIII–XIX вв.	4	1		
Кухонная с валиком, XIX в.	1			
Фаянс	1			
Изразец «золотой»	1			
Поливная желто-зеленая	1			
Печина			+	

верждать, что где-то на территории обследованного мыса располагалось, вероятно, небольшое поселение XII–XIII вв. Даже приблизительные размеры селища определить не удалось, так как шурфами был уловлен лишь «шлейф» культурного слоя на периферии памятника. Концентрация находок керамики на склоне оврага западной экспозиции указывает на то, что поселение было где-то на этом склоне. Вероятно, оно находилось относительно высоко от бровки перегиба, близко к межсетьевому гребню. Это предположение исходит из того, что иначе трудно объяснить широкий разнос печинок, встреченных как на северном, так и на восточном склонах.

В шурфе 5 прослежена слаборазвитая погребенная почва в верхней части толщи делювия с находками XVIII в. Аналогичная картина прослеживалась на селище Борисово-1. По-видимому, на южном берегу Нижне-Царицынского и Борисовского прудов этапы эрозии/аккумуляции и почвообразования чередовались в едином ритме.

Селище Шипилово-1 расположено на пологом склоне южного берега Борисовского пруда в 200 м от кромки воды, в парковой зоне, где открытые газоны чередуются с посадками деревьев. С западной стороны селище ограничено частично засыпанным оврагом. Высотные отметки памятника 136–141 м (8–13 м над водой). Ближайшее капитальное строение — дом 6, корп. 2 по ул. Маршала Захарова — находится в 200 м к югу от селища.

На картах XVIII — первой половины XX в. на месте селища показано поле, которое, судя по карте 1867 г.[2], имело название «Государево поле».

В 230–250 м к югу от селища, на том же берегу оврага выше по склону находилась группа курганов Шипилово-2 из восьми насыпей. Ее обследование проводили в 1937 г. О.Н. Бадер (*Бадер*, 1947), а затем в 1950 г. Б.Е. Макаренков (*Кренке*, 2004д. С. 363). Сохранился план этой группы (рис. 64).

Первые находки на селище были сделаны в 1980-е гг. М. Крыловичем, собравшим на поверхности лепную и древнерусскую керамику и два фрагмента от одного глиняного грузика дьякова типа.

Памятник исследован систематически в 2006 г.

Методика и результаты работ. На селище заложено восемь шурфов общей площадью 24 м^2 и пройдено несколько скважин ручным буром (рис. 64). Мощность техногенных отложений (1980-х годов?) на склоне оврага превысила 4 м (материк не был достигнут). Древние находки залегали на поверхности среди современного мусора в ложбине, а также в толще многометровых отложений перемещенного грунта. В шурфах, расположенных восточнее асфальтовой пешеходной дорожки, ситуация была иной. В этих шурфах прослежен ненарушенный пахотный горизонт XVIII–XX вв., перекрытый сверху незначительным чехлом техногенных отложений конца XX в. Под пахотным горизонтом выявлены линзы культурного слоя и погребенная почва (цв. вклейка, рис. 3).

Описание стратиграфии шурфа 8. Сверху вниз: 0–6 см — плотный дерн и гумусовый гори-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

зонт современной почвы (газон); 6–23 (26) см — светло-бурый суглинок с включениями кирпичных обломков, камней; 23–54 см — однородный серо-бурый суглинок с ровной резкой нижней границей (пашня); 54–57 см — линзы темно-серого суглинка (культурный слой); 57–150 см — горизонты погребенной почвы (см. главу о почвенных исследованиях).

Керамика, найденная на селище, относится к трем периодам: 1) железному веку; 2) древнерусскому времени; 3) позднему Средневековью — Новому времени. Последняя группа керамики, самая малочисленная (табл. 18), вероятно, не связана с функционированием поселения, а это так называемая навозная керамика, попавшая на поле вместе с удобрениями.

Площадь, на которой распространены находки первых двух групп керамики, составляет около 50×100 м.

Выводы по результатам исследования селища Шипилово 1. Керамика железного века — лепная гладкостенная грубая, есть несколько орнаментированных защипами фрагментов (рис. 65, *10, 11*). Из подъемного материала происходит небольшой фрагмент типичного позднедьяковского венчика с нарезками по торцу. Характерны фрагменты плоских донец с закраинами (рис. 65, *12*).

Из культурного слоя шурфа 8 получена радиоуглеродная дата: 2030±60 (Ki-13374). Калиброванное значение с вероятностью в 1 σ (68,2%) — 110 г. до н.э. — 60 г. н.э.

Судя по керамике, поселение железного века можно отнести к первым векам нашей эры.

Древнерусская керамика курганного типа ориентировочно может быть датирована XII в. по наличию фрагментов, орнаментированных гребенчатым штампом и многорядной волной (рис. 65, *3, 5–7*). На этот же возраст указывает и форма венчиков — относительно коротких и слабо отогнутых (рис. 65, *1, 2*). Малочисленность древнерусской керамики, вероятно, обусловлена тем, что шурфами была охвачена периферия поселения этого времени.

Селище Борисово-1 расположено на кромке южного берега Борисовского пруда, в 340 м к северу от дома 9, корп. 3 по ул. Борисовский проезд. Местное название урочища — «Овражки». Северная часть селища, по-видимому, была размыта прудом. Исследования проведены в 2006 г. Памятник был выявлен при сборе подъемного материала вдоль береговой кромки.

Для проведения исследований в непосредственной близости от водоема был заложен раскоп общей площадью 272 м² (рис. 66). На участке раскопа верхние напластования мощностью 0,5–1 м были сложены делювием. В толще делювия выделялось два основных горизонта, они содержали немногочисленные находки XIV–XX вв., а также материалы XII–XIII вв. (в нижней части). В южной части раскопа на глубине 20–40 см от поверхности в толще делювия прослеживался прослой более темного (темно-бурого) суглинка, который можно интерпретировать как почву. Культурный слой селища (переработанный гумусовый горизонт погребенной почвы), залегавший под делювием, представлен серо-бурым ожелезненным суглинком с включениями печины и угля, имел мощность до 10 см и содержал керамику и вещи XII–XIII вв.

В нижележащих горизонтах погребенной почвы (подзолистый, второй гумусовый) никаких материалов, связанных с жизнедеятельностью человека, не обнаружено.

В пределах раскопа было зафиксировано более сорока ям. Большая их часть — это небольшие округлые ямы диаметром не более 30 см и глубиной до 30 см. Вероятно, их можно интерпретировать как столбовые. Несколько ям (№ 3, 5, 20) имели расплывчатые границы и, возможно, являлись естественными западинами. Три ямы (№ 4, 6, 7) отличались от других размерами, формой, четкостью контуров, характером заполнения (табл. 19) и, скорее всего, были связа-

Таблица 18. Статистика керамики, найденной на селище Шипилово-1

Тип керамики	Число фрагментов	Орнамент
Лепная гладкостенная железного века 1-я половина I тыс. н.э.	72	Защипной (4), штамп (1), нарезной (1)
Древнерусская (курганная) XII в.	25	Линейный (16), многорядная волна (2), гребенчатый (1)
Красноглиняная гладкая XV–XVI вв.	1	
Белоглиняная гладкая XVI–XVII вв.	3	
Поливная XIX в.	2	

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ны с постройками. Эти три ямы располагались компактной группой в пределах участка 8×8 м. В 10 м к югу от этой группы ям (выше по рельефу) в основании профиля южного борта раскопа был прослежен пахотный горизонт, вероятно, синхронный ямам (рис. 69).

Можно предполагать, что ямы, обнаруженные в раскопе на селище Борисово-1, относятся к одной усадьбе. Обращает на себя внимание «сходство» ям № 4 и 7. Обе эти ямы приблизительно одинаковых размеров, небольшой глубины и окружены по периметру столбовыми ямками. Можно выдвинуть предположение, что обе ямы (№ 4 и № 7) подпечные. Сходный комплекс ям был обнаружен при раскопке древнерусской постройки на селище Дьяково-пойма в Коломенском (*Кренке*, 1992; *Шишков*, 1992). Если это предположение правильно, то тогда следует думать, что они относятся к разновременным постройкам, так как расположены слишком близко друг от друга.

Характеристика находок. Самыми древними объектами, обнаруженными в раскопе, являются два кремневых предмета — фрагмент нуклеуса с негативами пластинчатых сколов и пластина, у которой ретушью выделено острие (рис. 70, *1, 2*). Обе находки обнаружены в основании слоя делювия на контакте с погребенной почвой. Датировка, согласно заключению Е.В. Леоновой, может быть определена лишь в широком хронологическом диапазоне: неолит — бронзовый век. Исходя из косвенных соображений (наличие поселения бронзового века Царицыно-1 на расстоянии 3 км от Борисово-1), можно предположить, что датировка бронзовым веком предпочтительнее. Обнаружение кремневых предметов свидетельствует о какой-то эпизодической активности в районе памятника уже в бронзовом (?) веке.

Древнерусская вещевая и керамическая коллекция очень выразительны, содержат предметы, имеющие датированные аналоги. На поселении обнаружена серия из шести фрагментов височных семилопастных колец. Три из них типологически определимы (два происходят из ямы № 6). Это кольца без боковых колечек с орнаментом первого типа по Т.В. Равдиной (1968) — «городки», спускающиеся на лопасти не заштрихованы (рис. 70, *7–8*). При этом лопасти колец — не самого раннего облика, их форма является переходной от каплевидной к секировидной (рис. 70, *7, 10*). Исходя из предложенных Т.В. Равдиной датировок семилопастных колец, можно предполагать, что подобные экземпляры относятся ко второй четверти — середине XII в. Ближайшие аналоги керамики известны из курганного могильника Беседы, расположенного в 5,5 км к юго-востоку (рис. 75, № 232–234) от селища Борисово-1 (*Енуков*, 1987).

Бронзовый амулет-ключик (найден в яме № 6) является редкой вещью (рис. 70, *18*). Всего известно 12 пунктов типологически сходных находок, из них в бассейне Москвы-реки лишь один (*Недошивина*, 1997). По мнению Н.Г. Недошивиной, верхний хронологический рубеж бытования древнерусских амулетов в виде предметов быта (в том числе и ключей) ограничивается серединой XII в. (*Недошивина*, 1997. С. 94). В Суздале амулет-ключик был найден в слое первой половины XII в. (*Седова*, 1997).

Фрагмент «звериноголового» браслета (рис. 70, *18*) имеет аналог в новгородских находках конца XI в. (*Седова*, 1981. Рис. 42, *20*), но не исключена и более поздняя датировка, вплоть до XIII в. (*Седова*, 1981. С. 112). Гладкий, рубчатый и пластинчатый перстни (рис. 70, *15, 16*) бытовали в широком хронологическом диапазоне XI–XIV вв.

Уникальным является бронзовый нательный крест с чуть расширяющимися (почти прямыми) концами, выемками для инкрустации (?) и пятью круглыми точками-углублениями в средокрестье (рис. 70, *14*). Точные аналоги нам не известны. Относительно близок по форме крест из кургана в Матвеевском (*Латышева*, 1954. С. 52, рис. 7), который датируется второй половиной XII в. (*Беленькая*, 1976. С. 93). Серия из трех шиферных биконических пряслиц (рис. 70, *4–6*) указывает на XI–XIII вв.

В яме № 7 была обнаружена половинка глиняного миниатюрного сосуда, возможно тигля (рис. 70, *3*).

Таблица 19. Характеристика ям от построек на селище Борисово 1

Номер ямы	Размеры в плане (см), форма	Глубина (см)	Состав заполнения
4	140×180, прямоугольная	25	Серый суглинок, камни, керамика (203 фрагмента)
6	240×480, подпрямоугольная	78	Серый суглинок, камни, печина, угли, керамика (782 фрагмента)
7	110 x150, овальная	33	Серый суглинок, обожженные камни, керамика (222 фрагмента)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Нож небольшого размера (рис. 70, *19*) типичен для древнерусских памятников.

Весь керамический комплекс насчитывает более двух тысяч фрагментов. Большая их часть относится к древнерусскому времени, но есть также несколько фрагментов красноглиняной и белоглиняной грубой керамики.

Рассмотрим его наиболее информативную часть — комплексы ям № 4, 6 и 7.

Яма № 4 содержала 203 фрагмента керамики (рис. 71), в том числе 117 (58%) из беложгущейся глины и 86 (42%) — из красножгущейся. В комплексе отсутствуют формы, которые можно было бы отнести к раннегончарным. Все венчики характерны для поздней фазы развития древнерусской керамики. Характерны следующие признаки: 1) прямая или почти прямая высокая шейка-воротничок; 2) отогнутый наружу под прямым углом край венчика, образующий «карниз»; 3) общая сглаженность формы венчика, редуцированный упор под крышку. Наиболее вероятная датировка — начало XIII в.

Яма 6 содержала 782 фрагмента керамики (рис. 72), подавляющее большинство которых относится к типу древнерусской курганной, но есть несколько фрагментов, которые, вероятно, можно определить как сероглиняную (красноглиняную?) керамику (рис. 72, *20, 22, 23*). Комплекс делится на керамику из белой глины — 375 фрагментов (48%) и ожелезненную из красножгущейся глины — 407 фрагментов (52%). Из орнаментов представлены: линейный (147 фрагментов), зигзагообразный (14), многорядная волна (3), гребенчатый (3), штамп «зубчатое колесико» (1 фрагмент). В яме № 6 было найдено несколько фрагментов, которые по форме можно отнести к раннегончарным. Их характерный признак — короткий венчик, отогнутый под углом. Один из этих венчиков украшен гребенчатым орнаментом (рис. 72, *2*), типичным для керамики XI — начала XII в. (*Кренке*, 2004а. С. 206). Подавляющее число венчиков комплекса имеет другие формы, типичные для развитой курганной керамики XII–XIII вв., а именно: 1) «т-образные», граненые (рис. 72, *7–10*); 2) дугообразно отогнутые с завершением в виде округлого валика (рис. 72, *11–14*); 3) треугольно-вытянутые с упором под крышку (рис. 72, *15–17*); 4) прямо или слегка косо поставленные венчики-«воротнички» (рис. 72, *18, 19, 21*). Кроме того, в комплексе имеются венчики, которые можно определить как сероглиняные. Один из их имеет «карнизик» (рис. 72, *20*). Другой отличается сглаженными формами, тонкостью примесей в тесте (рис. 72, *23*). Такой состав комплекса позволяет предполагать, что заполнение ямы формировалось в течение длительного времени, вероятно, начиная с первой половины (середины?) XII в. до второй половины XIII в. Основная масса керамики относится ко второй половине XII — началу XIII в. Именно в этот хронологический интервал, вероятно, функционировала постройка, к которой относилась данная яма.

Яма № 7 содержала 222 фрагмента керамики, в том числе три развала горшков (рис. 73). Фрагменты из беложгущейся и красножгущейся глины распределяются поровну. В составе комплекса имеется незначительный по количеству фрагментов «ранний компонент» (рис. 73, *1–3*), включающий венчики раннегончарных сосудов и фрагмент стенки с гребенчатым штампом. Они вряд ли моложе середины XII в. Два развала горшков из белой глины (рис. 73, *6, 11*), видимо, характеризуют время функционирования постройки. Один сосуд орнаментирован сплошным рифлением, другой — группами линий, между которыми оставлены промежутки. Видимо, гончар использовал инструмент наподобие узкого гребня. Профилировка венчиков этих горшков и характер орнаментации имеют очень близкие аналоги в яме № 8 раскопа 7 на Романовом дворе (*Кренке*, 2004в. Рис. 85, 86). Радиоуглеродная датировка ямы № 8 с Романова двора с наибольшей вероятностью указывает на вторую половину XII в. — рубеж XII–XIII вв. Кроме того, в комплексе имеются два венчика, относящиеся, скорее всего, к типу красноглиняной керамики XIV–XV вв. (рис. 73, *9, 10*). Их присутствие, вероятно, объясняется проникновением отдельных фрагментов керамики из вышележащего горизонта делювия. Особый интерес представляет развал горшка, тулово которого покрыто почти сплошь зигзагообразными оттисками штампа (рис. 73, *12*). Это редкий тип орнаментации является дериватом орнамента, выполненного зубчатым штампом-колесиком, и характеризует локальную традицию. Изучение оттисков показало (рис. 74), что орнамент нанесен прокаткой по стенке горшка цилиндра диаметром около 2,4 см, на двух краях которого был вырезан зигзаг. Таким образом, инструмент оставлял сразу две орнаментальные линии, расстояние между которыми равнялось 7–8 мм. Сглаженные формы венчика горшка из ямы № 7 позволяют предположительно отнести его ко второй половине XII — началу XIII в. Раннегончарный горшок из ямы № 6 селища Борисово-1 орнаментирован похожим, но другим инструментом. Аналогичный орнамент встречен на се-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лище Царицыно-3. То есть локальная традиция орнаментации существовала довольно долго, может быть, всю вторую половину XII в. В курганах у села Беседы встречена сходная, но все-таки другая орнаментация, нанесенная обычным зубчатым штампом-колесиком (рис. 75)[3].

Выводы по результатам исследования селища Борисово-1. Раскопками вскрыты остатки небольшого, скорее всего, однодворного поселения XII–XIII вв. Среди находок вещей и керамики отчетливо присутствует «ранний компонент» первой половины XII в. Однако доля находок этого времени в комплексах мала. Поэтому можно думать, что остатки построек ранней фазы поселения не попали в раскоп, были уничтожены Борисовским прудом. Раскопанные ямы от построек, вероятно, являются остатками одной усадьбы, функционировавшей в конце XII — начале XIII в. Возможно, в раскоп вошли две постройки с печками, сменившие одна другую (более ранняя — яма № 7, более поздняя — яма № 4).

В комплексе керамики ярко проявились некоторые общие черты, свойственные домонгольским памятникам московского региона. Посуда, представленная на этих памятниках, выполнена в разных технологических традициях, на что указывают различия в примесях (песок, дресва, органика) и исходном сырье. Керамический комплекс распадается на две примерно равные части — горшки из ожелезненных красножгущихся и неожелезненных беложгущихся глин. Идентичная ситуация была зафиксирована при раскопках поселения Мякинино-1, расположенного выше по течению Москвы-реки[4]. Весьма важно, что полученная коллекция фиксирует наличие локальной гончарной традиции, выразившейся в изготовлении горшков, орнаментированных с помощью прокатки штампа, оставлявшего зигзагообразные следы. Эти штампы восходят к обычным древнерусским зубчатым штампам-колесикам, но отличаются от них в деталях. Судя по тому, что на селище Борисово-1 специфический зигзагообразный штамп встречен и на ранних формах горшков, и на формах «развитого» облика, следует предполагать, что локальная традиция была довольно устойчивой и существовала не менее 50 лет, т.е. у нескольких поколений гончаров.

После запустения поселения в XIV–XVI вв. на этом месте велась довольно интенсивная хозяйственная деятельность, в ходе которой в землю попало несколько десятков фрагментов керамики. Возможно, что здесь находился полевой стан или место полдней, где днем доили. Не исключено, что часть этих находок была транспортирована с более высоких уровней склона вместе с делювием.

Селище Борисово-2. При исследовании в 2007 г. каменного фундамента Борисовской плотины на дне заполнения фундаментного рва в одном из шурфов у оконечности северного «плеча» сооружения было встречено скопление фрагментов древнерусской керамики. Характер примесей в тесте, орнаментация рифлением и форма единственного в коллекции венчика позволяют датировать керамику второй половиной XII — началом XIII в. Земля, попавшая в заполнение фундаментного рва, вероятно, была взята где-то поблизости. Шурфы, заложенные рядом с плотиной, дали лишь перекопанный слой, не содержавший древнерусского материала. Вероятно, селище XII–XIII вв. было полностью разрушено еще при строительных работах XVII–XVIII вв.

Система древнерусского расселения в бассейне р. Городёнки. В результате проведенных работ на участке ниже по течению от впадения р. Чертановки в р. Городёнку заполнилась существовавшая на археологической карте «цезура» в системе памятников XII–XIII вв. Древнерусские поселения идут сплошной цепочкой по берегам р. Городёнки, начиная от участка, где ее русло прорезает третью террасу Москвы-реки, и далее вверх по течению, смыкаясь с поселениями по р. Язвенке в единую систему. Количество поселений, входивших в группу, было не менее 12. Расстояние между ними часто менее 1 км по прямой. Материальная культура этих памятников была очень близка, показательно, что их жители использовали продукцию одной гончарной мастерской. Полоса хозяйственного освоения, видимо расширялась вниз по течению. В долине р. Язвенки курганы отстоят от русла не более чем на 300 м, а на Городёнке — уже на 500 м и более. Спорово-пыльцевые данные (см. главу о палеоботанических исследованиях) согласуются с этим, фиксируя по разрезам в Борисово-1 и Шипилово-1 растительность открытого ландшафта, где был сведен лес. Время формирования системы поселений, видимо, относится к началу (первой половине) XII в. Существует она до XIII в. включительно. В XIV–XVI вв. территория не обезлюдела, но топография поселений изменилась. Места заброшенных более ранних поселений становятся хозяйственными угодьями, где с меньшей интенсивностью, чем на поселениях, также откладывался археологический материал.

Показательна гораздо большая плотность

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

древнерусских поселений по течению р. Язвенки, чем по долине р. Городёнки, выше ее слияния с р. Язвенкой, и по нижнему течению р. Чертановки (рис. 76). Возможно, вдоль правого берега р. Язвенки существовала какая-то сухопутная дорога, предшественница каширского тракта, известного с XIV в., и этим обусловлена особая густота поселений здесь.

Примечания

[1] Авторы благодарят В.В. Курмановского за помощь в работе с архивными материалами.

[2] План участков земли, поступивших в надел крестьян д. Шипиловой // ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 21. Д. 579.

[3] Авторы благодарят О.И. Александрову за предоставленную фотографию.

[4] Авторы благодарят В.Ю. Коваля за предоставление статистических данных по этому памятнику.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Древнерусское селище Царицыно-3

На территории музея-заповедника «Царицыно» известно несколько древнерусских археологических памятников — селищ и курганных могильников. Одним из них является селище Царицыно-3. Оно находится в Царицынском парке, на расстоянии около 90 м к востоку-юго-востоку от паркового сооружения «Башня-руина» и около 100 м к юго-юго-западу от курганного могильника Царицыно-2. Селище расположено на мысу северо-восточного коренного берега Верхнего Царицынского пруда (правый берег запруженной р. Язвенка), на расстоянии около 70 м и на высоте 19–21 м от современного уреза воды в пруду. До запруживания р. Язвенки в XVIII в. высота селища от уреза воды составляла 21–23 м, расстояние от реки — 80–100 м. От склона коренного берега территорию селища отделяет 20–30 м. Размеры памятника около 60×40 м. Площадка селища имеет пологий наклон к юго-западу, в сторону пруда (реки). На территории памятника растут парковые деревья возрастом до 60 лет, проходят парковые дорожки (рис. 2, 77). По-видимому, могильник Царицыно-2 следует считать некрополем этого поселения.

Селище Царицыно-3 открыто Царицынской экспедицией ИА РАН в 2003 г. Тогда на памятнике было заложено 5 шурфов общей площадью 18 м^2. В одном из них (шурф 2 площадью 13 м^2) были выявлены, по-видимому, остатки древнерусского сооружения (см. ниже: яма № 3), а также вскрыта часть позднесредневековой межевой (?) ямы (см. ниже: яма № 1). Керамика и другие находки позволили датировать поселение XII — началом XIII в. К этому же периоду относятся многочисленные железные шлаки. Кроме того, были найдены единичные материалы позднего Средневековья и Нового времени, не связанные с селищем (*Кренке*, 2003; 2004д). В 2006 г. в восточной части селища был разбит раскоп площадью 144 м^2, в пределы которого вошел шурф 2003 г. (рис. 78).

Мощность культурного слоя на исследованном участке селища (без учета глубины ям в материке) составляла в основном 20–25 см. Культурный слой делится на два стратиграфических горизонта: слой 1 (верхний) и слой 2 (нижний) толщиной соответственно около 10 см и около 10–15 см (рис. 78). Слой 1 представляет собой однородный серовато-темно-бурый легкий суглинок и является гумусовым горизонтом современной парковой почвы. На нечеткой границе между ним и слоем 2 залегали скопления мелких обломков и крошки кирпича и белого камня, а также речной гальки. Очевидно, они связаны с мощением дорожек в Царицынском парке в начале XIX в. Две такие дорожки проходят в нескольких метрах к северу и востоку от раскопа[1] (рис. 77). Следовательно, слой 1 формировался в XIX–XX вв., в период существования Царицынского парка. Этот процесс был непрерывным и стабильным, на что указывают однородный состав и ненарушенность слоя (в том числе наличие в нем развалов фаянсовой и стеклянной посуды XIX — начала XX в., табл. 20). Слой 2 — пестрый, преимущественно серовато-светло-бурый легкий суглинок — является собственно культурным слоем древнерусского селища. Вместе с тем его формирование в какой-то мере продолжалось и позднее, до начала XIX в. Незначительная толщина слоя 2, его перемешанность и присутствие в нем материала из горизонтов первоначальной почвы (до горизонта АВ включительно) указывают на то, что он формировался в условиях интенсивной эрозии. Вероятно, в позднем Средневековье культурный слой селища подвергался распашке (см. ниже), что способствовало эрозии этого участка на мысу коренного берега р. Язвенка. Не исключено, что эрозия началась уже в период функционирования селища, когда древнерусский культурный слой не только накапливался, но и постепенно перемещался вниз по склону. Под культурным слоем залегает светло-бурый легкий суглинок (материк), его граница со слоем 2 прослеживается с трудом. На его поверхности в некоторых местах читались мелкие пятна белесого подзола (остатки горизонта A_2B или АВ древней почвы), т.е. материк представляет собой почвенный горизонт В (Bt).

Остатки сооружений древнерусского периода представлены материковыми ямами, выяв-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ленными преимущественно в северо-западной части раскопа. Наибольшего внимания заслуживают две похожие ямы, вскрытые при раскопках почти полностью, — ямы № 4 и 9.

Ямы № 4 и 9 (рис. 78, 79) имеют сложную Т-образную форму, ориентированы перпендикулярно друг другу. Каждая из них состоит из двух частей. Основная часть подовальная или подпрямоугольная в плане, с уплощенным дном, размерами более 180×130 см (яма № 4) и более 200×150 см (яма № 9), глубиной от поверхности материка 20–25 см. К длинной стороне основной части примыкает подпрямоугольное в плане расширение с плоским дном, размерами 80×более 40 см (яма № 4) и 120 — 70–90 см (яма № 9), глубиной 5–10 см. Заполнение более обширных и глубоких частей обеих ям углистое, содержало множество (соответственно более 50 и более 30) железных шлаков поперечником до 10–15 см, а также единичные обожженные камни. Заполнение примыкающих расширений в основном мало отличалось от вышележащего культурного слоя.

К югу и востоку от ямы № 4 в материке прослежено неглубокое аморфное понижение с нечеткими границами, площадью около 10 м^2 — яма № 3, исследованная в 2003 и 2006 гг. (рис. 79). По-видимому, оно не имело самостоятельного назначения, а является искусственным углублением вокруг ямы № 4 (утоптанный или подрезанный участок склона?). В его заполнении также найдено много (около 50) железных шлаков и несколько крупных обожженных камней.

Почти полное сходство формы, размеров и заполнения ям № 4 и 9 указывает на их одинаковое назначение. Их сложная форма и небольшая глубина не позволяют интерпретировать эти ямы как подпечные. Против этой версии свидетельствует и незначительное количество обожженных «печных» камней, находившихся в их заполнении[2]. В то же время наличие в этих ямах большого числа крупных железных шлаков заставляет предполагать их связь с металлургическим производством. Вероятно, ямы № 4 и 9 являются остатками металлургических сыродутных горнов. При этом «основные», более обширные и глубокие части этих ям служили так называемыми шлакосборниками, что подтверждается концентрацией шлаков именно в них. Примыкающие к ним подпрямоугольные расширения незначительной глубины с плоским дном могли быть специально оформленными площадками, на которых находились основания самих горнов.

Вместе с тем в этих расширениях не выявлено никаких следов прокала или фундаментов горнов. Вообще тот материал, который мог являться остатками разобранных горнов (обожженные камни и глина; куски глины, ошлакованные до состояния стекловидной массы), хотя и найден в ямах № 4 и 9, а также в слое 2, но лишь в незначительном количестве. В частности, силикатные шлаки — важный признак металлургического производства — в ямах полностью отсутствовали, а в слое 2 представлены единицами (железных шлаков в культурном слое найдено более 40). Обломков глиняных сопел не найдено вовсе. Поэтому интерпретацию этих ям как остатков сыродутных горнов можно принять только с некоторыми уточнениями: во-первых, горны были одноразовыми и находились на каких-то (каменных?) фундаментах, поэтому не оставили прокала на материке; во-вторых, после разборки горнов (шлакосборные ямы к тому времени уже заполнились) их остатки были тщательно убраны с производственной площадки. Таким образом, представляется наиболее вероятной интерпретация ям № 4 и 9 как наземных одноразовых сыродутных горнов без шлаковыпуска. Довольно примитивные горны этого типа были широко распространены в Восточной Европе с раннего железного века до древнерусского периода (Древняя Русь, 1985. С. 245; *Вознесенська*, 1996. С. 15, 33).

Такое же назначение, возможно, имела яма № 10, в которой найдено около 50 железных шлаков, а также много относительно крупных кусков обожженной глины (почти не встреченных в ямах № 4 и 9), но отсутствовали крупные обожженные камни. Однако из-за того, что удалось исследовать только небольшую ее часть, определенные выводы в данном случае сделать затруднительно.

Остальные ямы древнерусского времени (ямы № 2, 5–7, 11, 12), скорее всего, являются столбовыми. В связи с этим примечательно, что относительно крупные ямы № 2, 11 и 12 образуют прямоугольный треугольник с катетами одинаковой длины: 8,6–8,7 м (рис. 78). Возможно, они обозначают углы квадратной в плане наземной постройки, ориентированной по линии северо-северо-запад–юго-юго-восток, внутри которой находились ямы № 3 и 4. Если предложенная интерпретация верна, то юго-восточный угол этого сооружения должен находиться восточнее раскопа. В пользу этой гипотезы свидетельствует то, что в шурфе 2 2003 г. было найдено значительное количество кусков печной обмазки и скопление керамики (*Кренке*, 2004д. С. 89, 90). Вне пределов шурфа глиняная обмазка почти не встречалась.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Коллекция индивидуальных находок древнерусского периода, обнаруженных при раскопках селища, немногочисленна. Среди них следует отметить обломок серебряного семилопастного височного кольца (рис. 80, *1*); железные предметы: 11 обломков ножей (рис. 80, *4*, *5*), обломок подпружной пряжки (?) (рис. 80, *2*), рыболовный крючок (рис. 80, *3*), 2 гвоздя (рис. 80, *7*), заготовка (рис. 80, *6*); пряслице из розового шифера (рис. 80, *8*). Примечательны также фрагменты нескольких миниатюрных лепных сосудов, возможно, солонок (рис. 80, *10–14*).

Два железных ножа из раскопок селища, сохранившихся почти полностью, принадлежат к различным, асинхронным культурным традициям. Первый из них, найденный в слое 2 (рис. 80, *4*), относится к группе I по классификации Р.С. Минасяна. Такие ножи характерны для древностей второй-третьей четверти I тыс. н.э. на юге лесной зоны Восточной Европы, в том числе для позднего этапа дьяковской культуры, и чрезвычайно редко встречаются уже в IX–XI вв. (*Минасян*, 1980. С. 69). Другие находки ножей этой разновидности на древнерусских памятниках XII–XIII вв. нам не известны. Второй нож, из ямы № 3 (рис. 80, *5*), типичен для культуры древнерусского города, причем такая форма появилась именно в XII в. (*Минасян*, 1980. С. 73; *Колчин*, 1959. С. 48). Возможно, на поселении (в разные периоды?) бытовали различные культурные традиции кузнечного производства. Вместе с тем «древнерусский» нож может быть привозным, например из Москвы.

Древнерусская круговая керамика представлена 1686 фрагментами, 530 из которых найдено в шурфе 2 (2003 г.), 1156 — в раскопе 2006 г.[3] Анализ керамического материала позволяет более или менее точно установить хронологию селища. Статистические данные о соотношении типов орнаментов и глин, из которых были изготовлены горшки, представлены на табл. 21–32. Преобладает керамика, изготовленная из красножгущейся ожелезненной глины. Доля керамики, изготовленной из белой глины, довольно высока, достигает 44% в целом по слою 2.

Материалы раскопок 2006 г. подтверждают выводы, сделанные в результате шурфовки 2003 г. (*Кренке*, 2004д. С. 90). Ранняя группа керамики (первая половина — середина XII в.) представлена фрагментами сосудов с косо срезанным коротким отогнутым наружу венчиком (рис. 86, А), а также сосудов с «вычурной» сложной профилировкой края венчика, иногда имеющего «т-образную» форму (рис. 86, № 47, 103, 210). Орнаментация является важным признаком ранней группы керамики. Это оттиски различных штампов, в том числе гребенчатого (рис. 86, № 83, 154, 285) и зубчатого колесика нескольких разновидностей (рис. 86, № 290, 159, 182, 243). Встречена также многорядная волна, наносившаяся, вероятно, тем же «вилкообразным» инструментом, что и гребенчатый штамп. Такая керамика в наибольшем количестве встречена в культурном слое и в ямах № 3, 5 и 11 (рис. 82, 84).

Яма № 9 по составу комплекса занимает промежуточное положение по наличию в ней как ранней, так и поздней керамики. Важно отметить, что в этой яме преобладал линейный орнамент.

В ямах № 4, 7, 10 преобладала более поздняя группа керамики, датируемая второй половиной XII — первой половиной XIII в. (рис. 83–85). Венчики этой поздней группы, как правило, двух разновидностей: 1) отогнутые наружу с закругленным и загнутым внутрь черновым краем, являющимся упором для крышки; 2) прямостоящие «воротнички» с выступом-карнизиком, редуцированным упором под крышку. Формы венчиков имеют заглаженные обтекаемые очертания.

Обращает на себя внимание, что в ямах № 4, 9 и 10 найдены фрагменты одних и тех же горшков: «сосуда 1» (ямы № 4, 9, 10; рис. 81, *2*, *3*) и «сосуда 2» (ямы № 9, 10; рис. 81, *1*). Кроме того, в этих ямах (а также в яме № 3) найдены такие специфические формы керамики, как фрагменты миниатюрных лепных сосудов, возможно, солонок. Очевидно, эти ямы являются синхронными.

«Сосуд 1» примечателен тем, что орнаментирован зигзагообразным орнаментом, характеризующим местную гончарную традицию середины — второй половины XII в. Аналогичные горшки были найдены на расположенном ниже по течению селище Борисово-1 (см. главу о древнерусских поселениях).

«Сосуд 2» — это горшок, волнистый орнамент которого напоминает «косую волну» на красноглиняных грубых горшках второй половины XIII — начала XIV в. (*Кренке*, 2005д. Рис. 37). Однако форма венчика в данном случае все же несколько отличается от типично красноглиняной грубой керамики. Вероятно, горшок с селища Царицыно-3 нужно датировать XIII в.

Можно предположить, что сооружения (мы интерпретируем их как металлургические горны), соответствовавшие ямам № 4, 9, 10, функционировали практически одновременно. Может быть, яма № 9 возникла несколько ранее,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

чем яма № 4. Скорее всего, эти сооружения датируются не самым ранним периодом существования поселения, а второй половиной XII — началом XIII в., поскольку фрагменты «ранней» керамики представлены в них единичными находками, в то время как в культурном слое такой керамики больше.

Прекращение жизни на поселении можно датировать XIII в., скорее всего, не позже середины столетия, поскольку типов керамики, появляющихся во второй половине XIII в., при раскопках не обнаружено (отмеченный выше «сосуд 2» отнести к типу красноглиняной грубой керамики все же нельзя).

При раскопках селища были выявлены не только древнерусские, но и позднесредневековые материалы. К ним, вероятно, относятся две ямы (№ 1 и 8), на месте которых на современной дневной поверхности читались западины глубиной до 20 см. Яма № 1 частично не вошла в пределы раскопа. Ее форма в плане овальная или подпрямоугольная, дно уплощенное, размеры более 200×160 см, глубина более 70 см (рис. 78). Яма № 8 подпрямоугольная в плане, с почти плоским дном, размерами 230×130–190 см, глубиной до 40 см (рис. 79). Заполнение обеих ям представляет собой заплывший в них культурный слой, как древнерусский (слой 2), так и периода существования Царицынского парка (слой 1). На дне ямы № 1 лежал крупный фрагмент бракованного пережженного кирпича. Можно заключить, что после того, как эти ямы были выкопаны, они оставались открытыми. Их заполнение происходило естественным путем, в результате эрозии и постепенного накопления мусора. Очевидно, они сооружены после прекращения жизни на древнерусском селище, но ранее XIX в. Предположительно их можно интерпретировать как межевые.

По-видимому, хронологически с ямами № 1 и 8 связаны медный нательный крестик XVII в. (рис. 80, *9*) и около 20 фрагментов позднесредневековой белоглиняной керамики (рис. 86, В), среди которой преобладает белоглиняная «грубая» XVI — начала XVII в., а единичные обломки относятся к сравнительно ранней белоглиняной «гладкой» (конец XVI–XVII в.). Вероятно, позднесредневековый материал связан с сельскохозяйственным использованием территории селища, в том числе с ее распашкой. Для датировки межевых (?) ям № 1 и 8 важно, что в нижней части заполнения ямы № 1 найдено два фрагмента белоглиняной «грубой» керамики.

Отсутствие в коллекции из раскопок селища московской красноглиняной керамики XIV–XVI вв. не позволяет отнести начало интенсивного сельскохозяйственного использования этого участка в позднем Средневековье ко времени ранее второй половины XVI в. С другой стороны, по письменным и картографическим источникам известно, что как минимум с 1680-х годов. это место было частью «заповедной рощи», а с середины XVIII в. — парка и входило в состав единого владения, принадлежавшего сначала кн. А.В. Голицыну (1683–1689), затем кн. Д.К. Кантемиру и его сыновьям (1712–1775). Иными словами, с конца XVII в. (если не раньше) здесь не могло быть сельскохозяйственных угодий и межевых границ. Поэтому период сельскохозяйственного использования площадки селища следует датировать второй половиной XVI — серединой XVII в.

Таким образом, раскопки селища Царицыно-3 показали, что оно существовало с первой половины XII в. по начало или первую половину XIII в. По-видимому, во второй половине XII — начале XIII в. на исследованном участке располагалась металлургическая площадка с несколькими сыродутными горнами примитивной конструкции, которые функционировали практически одновременно. Можно предположить, что, по крайней мере, один из них (ямы № 3 и 4) находился внутри наземного сооружения размерами около 8,5×8,5 м, с которым связаны также столбовые ямы № 2, 11 и 12. Возможна и другая интерпретация: постройка существовала ранее горна, который был построен на месте разрушенного жилища. Помимо древнерусских комплексов, исследованы две позднесредневековые, вероятно, межевые ямы. Найденный керамический материал позволяет связать их с периодом распашки этого участка во второй половине XVI — середине XVII в. Очевидно, распашка привела к усилению эрозии, которая началась еще в древнерусский период и практически прекратилась только в начале XIX в., после создания Царицынского парка.

Примечания

[1] Дорожки в Царицынском парке прокладывались и мостились в 1804–1813 годов. под руководством садовника К.-С. Унгебауэра. Для их мощения использовался строительный мусор, образовавшийся после разборки в 1803–1804 годов. нескольких царицынских построек, возведенных В.И. Баженовым в 1770–1780-х годах.

[2] В культурном слое обожженные камни поперечником более 3 см также практически отсутствовали.

[3] При подсчетах керамики из шурфа 2003 г. учитывались все найденные фрагменты, из раскопа 2006 г. — только те, которые были найдены на площади более 3 см^2.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 20. Статистика массового материала

Яма, слой	Керамика древнерусская	Керамика белоглиняная грубая/гладкая	Обожженная глина	Шлаки железные	Шлаки силикатные	Кости	Обломки железных предметов	Стекло/Керамика XIX – начала XX в.
1	9	2	2					
2	18		5					
3	158		10	36 (400 г)	1	1		
4	106		4	54	2	1	1	
5	8		1					
7	16							
8	15		5					7
9	67			32				
10	80		46	49				
11	3		6					
Слой 1	77	2	5	8		4	3	11/38
Слой 2	599	13/4	71	32	2		5	
Всего	1156	21	155	211	5	6	9	56

Таблица 21. Слой 1. Статистика древнерусской керамики

Группа. Состав теста	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Венчики	6	7	В том числе «ранних» слабопрофилированных 4
Стенки без орнамента	18	20	
Стенки с линейным орнаментом	9	10	
Стенки с волнистым орнаментом		4 (в том числе 3 многорядных)	
Стенки с орнаментом волна+линии	1		
Донца	1	1	
Всего	35	42	77

Таблица 22. Слой 2. Статистика древнерусской керамики

Группа	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Венчики	48	40	В том числе «ранних» слабопрофилированных 13
Стенки без орнамента	149	128	
Стенки с линейным орнаментом	60	106	
Стенки с волнистым орнаментом		12 (в том числе 7 многорядных)	
Стенки с гребенчатым орнаментом		3	
Стенки с орнаментом гребенка + «волна»		1	
Стенки с орнаментом гребенка + линейный	1		
Стенки с орнаментом «волна» + линейный	1	2	
Стенки с орнаментом «зубчатый штамп-колесико»		4	

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Группа	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Стенки с орнаментом «зубчатый штамп-колесико» + линейный		3	
Стенки с орнаментом «зигзаг»	1	3	
Донца	4	12	
Всего	264	335	599

Таблица 23. Яма № 1. Статистика древнерусской керамики

Группа	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Венчики		3	
Стенки с линейным орнаментом	2	1	
Стенки с волнистым орнаментом		3 (в том числе многорядных 2)	
Всего	2	7	9

Таблица 24. Яма № 2. Статистика древнерусской керамики

Группа	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Венчики	2	2	
Стенки без орнамента	2	3	
Стенки с линейным орнаментом	2	5	
Стенки с орнаментом «зигзаг»		1	
Донца		1	
Всего	6	12	18

Таблица 25. Яма № 3. Статистика древнерусской керамики

Группа	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Венчики	6	17	В том числе «ранних» слабопрофилированных 5
Стенки без орнамента	16	43	
Стенки с линейным орнаментом	14	52	
Стенки с волнистым орнаментом		3 (в том числе многорядных 3)	
Стенки с гребенчатым орнаментом		1	
Стенки с орнаментом гребенка + линейный		1	
Стенки с орнаментом волна + линейный		1	
Стенки с орнаментом «зубчатый штамп-колесико»		1	
Донца	2	1	
Всего	38	120	158

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 26. Яма № 4. Статистика древнерусской керамики

Группа	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Венчики	4	15	
Стенки без орнамента	5	33	
Стенки с линейным орнаментом	6	39	
Донца	1	3	
Всего	16	90	106

Таблица 27. Яма № 5. Статистика древнерусской керамики

Группа	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Венчики		1	
Стенки без орнамента		1	
Стенки с линейным орнаментом		4	
Стенки с волнистым орнаментом		1 многорядная	
Стенки с гребенчатым орнаментом		2	
Всего		8	8

Таблица 28. Яма № 7. Статистика древнерусской керамики

Группа	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Венчики		3	
Стенки без орнамента	2	3	
Стенки с линейным орнаментом	3	4	
Стенки с орнаментом «зигзаг»		1	
Всего	5	11	16

Таблица 29. Яма № 8. Статистика древнерусской керамики

Группа	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Венчики		2	
Стенки без орнамента	5	6	
Стенки с линейным орнаментом	1		
Донца		1	
Всего	6	9	15

Таблица 30. Яма № 9. Статистика древнерусской керамики

Группа	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Венчики	3	2	
Стенки без орнамента	7	7	
Стенки с линейным орнаментом	13	34	

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Группа	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Стенки с орнаментом «зигзаг»		1	
Всего	23	44	67

Таблица 31. Яма № 10. Статистика древнерусского материала

Группа	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Венчики	2	22	В том числе «ранних» слабопрофилированных 4
Стенки без орнамента	4	24	
Стенки с линейным орнаментом		24	
Стенки с волнистым орнаментом		4 многорядных	
Донца		10	
Всего	6	74	80

Таблица 32. Яма № 11. Статистика древнерусской керамики

Группа	Белая глина	Красная, серая (ожелезненная) глина	Дополнительная информация
Венчики		1	В том числе «ранних» слабопрофилированных 1
Стенки с линейным орнаментом		1	
Стенки с орнаментом гребенка + волна		1	
Всего		3	3

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Исследование курганной группы Царицыно-2

Курганная группа Царицыно-2 расположена в центре парка, в 400 м к юго-юго-востоку от Большого дворца, в 10–100 м к северу от аллеи «Большой проспект», ведущей к башне-руине, на восточном берегу Верхне-Царицынского пруда, в 270 м от берега, на высоте 25–26 м над водой, абсолютные отметки — 164–165,5 м. Группа насчитывала 22 кургана в двух подгруппах (в одной — три, в другой — 19 насыпей), из которых в настоящее время сохранилось 19 (рис. 88).

Высота насыпей варьирует в пределах 0,45–1,75 м, диаметр 6–12 м[1]. Большинство насыпей высотой около 1 м (табл. 33). Вершины курганов подверглись существенному разрушению. Они все, за исключением насыпи 19, имеют ямы в центре (рис. 88). Эти ямы могут быть результатом проведения археологических работ в конце XIX — начале XX в. или грабительскими колодцами XIX–XX вв. Некоторые из них (в курганах 4, 16, 15) были расширены совсем недавно, два-три года назад. По всей видимости, городская молодежь обустраивала на насыпях землянки, о чем говорят следы жердевых конструкций в стенках углублений. На насыпях курганов растут крупные старые деревья, подлесок и трава. На двух курганах (3 и 15) травяного покрова нет.

Между насыпями травянистая растительность практически отсутствует из-за большого количества разнонаправленных грунтовых дорожек и площадок с импровизированными местами проведения досуга горожан: остатков кострищ, бревен и пней, приспособленных под столы и скамейки. С деятельностью отдыхающих связано большое количество различного мусора на всей территории памятника: битого стекла, пробок, пластиковых бутылок, одноразовой посуды, обрывков полиэтилена и упаковок пищевых продуктов.

Из травянистых растений преобладает многолетний пролесник Паикси (*Mercurialis paixii Graebn*).

Верхний ярус парковой растительности представлен в основном липой и кленом. Встречаются также отдельные деревья сосны. Примерный возраст деревьев составляет 45–60 лет.

Курганы изображены на известной карте 1775 г., зафиксировавшей планировку усадьбы Кантемиров перед покупкой ее Екатериной II («План села Черной Грязи с принадлежащими к оному деревнями и землею» // РГВИА. Ф. ВУА. Д. № 19682). Тогда курганы находились в роще, к которой с севера примыкал регулярный сад, с юга шла широкая аллея, а с запада роща и сад граничили с полем. Граница сада и поля была обозначена межевым рвом.

Можно предполагать, что архитекторы и садовники, занимавшиеся обустройством царицынского парка в конце XVIII — начале XIX в. (англичанин Ф. Рид, прусский мастер К. Унгебауер и др.), специально сохранили древние курганы, придававшие особенную достоверность теме «исторического романтизма» — лейтмотиву всей парковой композиции. Однако насыпи курганов если и были видоизменены, то лишь «косметически». Масштабные досыпки курганов, как это было сделано, например, в усадьбе Горки (Горки-Ленинские) на р. Туровке, в Царицыне не производились.

Искусственный курган был создан в парке «Царицыно», вероятно, в начале XIX в., но не в пределах существовавшей курганной группы, а рядом с ней, на берегу пруда: «По береговой дорожке между Миловидовой и деревянной беседкой при вороте на *гротесковый существующий курган* (курсив наш. — *Авт.*) при входе и выходе онаго полуцыркульная из дикаго камня тумба и в средине онаго грот... обложенный внутри гротесковым и диким камнем» («Опись строениям в селе Царицыне», 1859 г. // ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 13462. Л. 57–61 об).

При создании Английского сада возле курганов были проведены дорожки, изменен микрорельеф. Для создания определенного настроения посетителей в районе курганов была установлена статуя (неясно, в какой именно из двух курганных групп): «В курганах статуя белаго камня одна и против белаго ж камня точеная урна одна» («Опись состоящему в селе Царицыне Аглинскому саду, в нем строениям и разным к ним принадлежностям», 1825 г. // *Забелин*, 1873а. С. 345–350). По предположению

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

О.В. Докучаевой, создатели парка сознательно провоцировали ассоциации «кладбищенской поэтики» (*Докучаева*, 1993. С. 207).

Таким образом, можно наметить три основных подхода в исследовании курганной группы Царицыно-2.

1. Изучение погребений и погребальных сооружений XII–XIII вв. традиционными археологическими и геофизическими методами. 2. Рассмотрение насыпей, погребенных под ними почв, заполнения ровиков как объектов для получения информации об эволюции исторического ландшафта методами естественных наук: почвоведения, палеоботаники. 3. Культурологическое и ландшафтно-архитектурное описание курганов в структуре парка XVIII–XIX вв. и, более широко, как «фокусной точки» исторического ландшафта XIV–XXI вв.

До сих пор преобладало первое направление. В 1938 г. Д.В. Айзиков составил первое описание курганной группы Царицыно-2 (*Бадер*, 1947. С. 149). В 1944 г. под руководством А.В. Арциховского было раскопано два кургана в северной подгруппе. В одном было мужское погребение на горизонте без вещей, в другом — два женских погребения на горизонте, при которых было семь семилопастных и три перстнеобразных височных кольца, хрустальных, сердоликовые и стеклянные бусы, два бубенчика с щелевидными разрезами, два горшка (*Арциховский*, 1947. С. 78). В 1960 г. под руководством Б.Г. Петерса был снят глазомерный план курганной группы, а Т.В. Равдина раскопала четыре кургана в южной подгруппе (*Равдина*, 1963). В двух курганах, 10 и 12, были обнаружены мужские безынвентарные погребения на горизонте, в кургане 7 костяк без вещей лежал в яме; в кургане 8 погребение не было обнаружено, возможно, по той причине, что курган не был докопан (рис. 88).

Раскопки 1944 и 1960 годов были нацелены

Таблица 33. Характеристика курганных насыпей в группе Царицыно-2

Номер курганной насыпи	Высота (м)	Диаметр	Ровики	Ямы, раскопы (глубина в м)
Курган 1	1	9	Не прослеживаются	–0,3
Курган 2	0,75	10	Не прослеживаются	–0,9
Курган 3	1	12	Не прослеживаются	–0,8
Курган 4	1,2	12	Не прослеживаются	–0,6
Курган 5	0,5	10	Не прослеживаются	–0,4
Курган 6	0,8	6	Не прослеживаются	–0,3
Курган 7	0,6	6,5	Не прослеживаются	Раскопан на снос в 1960 г.
Курган 8	1	12	Не прослеживаются	Раскоп 1960 г. глубиной 1 м
Курган 9	1	8	Не прослеживаются	–0,7
Курган 10	0,8	7	Не прослеживаются	Раскопан на снос в 1960 г.
Курган 11	1,6	9	Не прослеживаются	-0,3
Курган 12	0,6	7	Не прослеживаются	Раскопан на снос в 1960 г.
Курган 13	0,8	10	Не прослеживаются	–0,5
Курган 14	0,8	8	Не прослеживаются	–0,7
Курган 15	1,75	10	Не прослеживаются	–0,8
Курган 16	1,3	11	Не прослеживаются	–0,7
Курган 17	1,2	10	Не прослеживаются	–0,5
Курган 18	1,1	12	Не прослеживаются	–1
Курган 19	0,45	8	Не прослеживаются	
Курган 20	0,9	8	Не прослеживаются	–0,4
Курган 21	0,8	8	Не прослеживаются	Раскоп 1944 г.
Курган 22	0,9	14×8	Не прослеживаются	Раскоп 1944 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

на изучение собственно погребений. Периферия насыпей и ровики не раскапывались.

В рамках второго направления исследований в 1989 г. А.Л. Александровским и Н.А. Кренке были зачищены борта раскопов А.В. Арциховского, при этом удалось установить, что насыпи курганов сооружены на поверхности пахотного горизонта (*Александровский, Кренке*, 1993. С. 28).

При исследованиях 2006 г. были поставлены следующие задачи.

1. Изучение ровиков курганов (в настоящее время на поверхности не прослеживаются) археологическими, почвенными, палеоботаническими и геофизическими методами.

2. Исследование межкурганного пространства.

3. Описание элементов паркового благоустройства в районе курганной группы (межевой ров, дорожки), в том числе выяснение вопроса о том, являлась ли насыпь 19 древнерусским курганом или клумбой XIX в.

Методика работ. Раскопки велись траншеями шириной 1–3 м, заложенными таким образом, чтобы увидеть стратиграфическое соотношение объектов. Всего было заложено шесть траншей общей площадью 74 м². Полигон геофизической съемки представлял собой квадрат со стороной 28 м, который «накрыл» полностью два кургана (15 и 17), а также свободное пространство в центре курганной группы. Геофизические работы вынужденно проводились после археологических раскопок, поэтому засыпанные археологические раскопы на геофизической съемке выглядят как аномалии (цв. вклейка, рис. 8).

После начала работ стали очевидны особенности слоя на памятнике:

– тяжелые, плотные или опесчаненные суглинистые почвы;

– небольшая толщина культурных напластований;

– высокая степень размытости горизонтов, некоторые из которых отмечались только в профиле бортов разрезов;

– большое количество строительного мусора, мелких и крупных корней в слое.

Исходя из этих условий, в качестве методики разбора культурных напластований выбрана тонкая горизонтальная зачистка. Срезаемая толщина — 0,5–1 см. Производился поверхностный просмотр при самой зачистке и частично (при выборке заполнения ровиков и горизонтов курганной насыпи) тщательный просмотр с ручной переборкой отвалов.

Нивелировка проводилась от условного репера, значение которого было определено в балтийской системе высот — 166,1 м.

Образцы для палинологических исследований отбирались из разреза наиболее глубокого из изученных ровиков, вскрытых траншеей 2.

Результаты раскопок. Траншеи разрезали ровики курганов 1, 11, 13, 15, 16, 18, 19. Ровики всех курганов имели сходные параметры: глубина 20–30 см, ширина 1,5–2 м. Исключением оказался ровик кургана 15, глубина которого около 1 м, ширина 3 м. На плоском дне ровиков прослеживалась слаборазвитая почва, представленная серовато-бурой прослойкой опесчаненного суглинка, иногда с включениями редких угольков. Достаточно четко прослеживался внутренний край ровиков и гораздо хуже — внешний. Лишь у кургана 15 контуры ровика имели четкие очертания. Заполнены ровики были мешаным бурым суглинком со следами оподзоленности. Профили разрезов ровиков курганов 11 (рис. 92), 15 и 16 (рис. 89) показывают, что в верхней части заполнения ровиков прослеживается еще одна гумусированная прослойка — слаборазвитая почва. Процесс заполнения ровиков можно представить следующим образом. После создания курганов ровики довольно долго не заплывали, возможно, несколько сотен лет. За это время у них на дне сформировалась почва. Затем начался процесс их быстрого заполнения. Вероятно, это было обусловлено хозяйственной деятельностью (распашкой) непосредственно вблизи курганов. Спустя какое-то время ситуация изменилась (?). В почти полностью заплывших ровиках опять формируется почва. Эта почва едва «проседает» над ровиками и «поднимается» на полы насыпей курганов (траншея 6, рис. 92). В основании заполнения ровиков в единичных случаях встречались находки XII–XIII вв. Так, в ровиках кургана 18 были найдены бронзовый бубенчик, фрагмент лезвия топора, неопределимые мелкие кости и развал горшка курганного типа (рис. 93).

В межкурганном пространстве не было обнаружено каких-либо следов погребений или сооружений. Более того, здесь не было обнаружено полного почвенного профиля. Верхняя часть почвы была утрачена или полностью переработана. Этой особенностью курганная группа Царицыно-2 резко отличалась от курганных групп, изученных вне границ парка. Например, в группе «Дубки», расположенной выше по течению р. Язвенки, почвенный профиль между курганами сохранил остаточный пахотный горизонт, предшествующий по времени насыпки

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

курганов XII–XIII вв. (*Александровский*, *Кренке*, 1993). В межкурганном пространстве в группе Царицыно-2 повсеместно под поверхностным слоем современной почвы прослеживался горизонт мешаного бурого суглинка, насыщенный обломками кирпичей, отёсками белого камня. Толщина этого горизонта составляла 20–30 см. Эти напластования условно были названы горизонтом паркового благоустройства XVIII–XIX вв.

Траншеи вскрыли стратиграфию периферийных частей насыпей, которая у всех оказалась очень сходной. Фиксировался горизонт погребенной почвы, иногда со следами пахотного горизонта, его перекрывала насыпь, сложенная из мешаного горизонта Bt (ярко-бурый суглинок), на поверхности которой прослеживалась слаборазвитая почва, в свою очередь, перекрытая мешаным бурым суглинком «горизонта паркового благоустройства». Важно отметить, что насыпь 19 была совершенно идентична остальным, каких-либо поздних предметов (фрагментов цветочных горшков и т.п.) в ней не было найдено. Первоначальные сомнения относительно того, курган ли это XII в. или клумба XIX в., разрешились в пользу кургана.

К сожалению, не удалось найти остатки парковых сооружений, которые ожидались на исследуемом участке, предварительное зондирование тонкими прутами площади между курганами показало несколько скоплений кирпича и камня. Они были приняты за некие фундаменты, но оказались заполнением углублений, так и не был найден композиционный центр — постамент статуи или скамьи. В ровике кургана 18 (траншея 4, рис. 90, *2*; 91) залегало компактное скопление довольно крупных обломков белого камня, архитектурных деталей (рис. 90, *1*). Можно предполагать, что это скопление могло быть фундаментом небольшого сооружения («точеной урны»?), стоявшего возле парковой дорожки.

Была исследована конструкция мощения парковой дорожки. В результате проведенной расчистки и зондажа было установлено, что для прокладки аллеи в горизонте паркового благоустройства была вырыта траншея сегментовидного сечения, глубиной до 0,36 м и шириной примерно 2,2 м. Образовавшееся углубление было плотно забутовано разновеликим боем кирпича, керамической плитки и белого камня, местами пролитым известняковым раствором. Системы кладки выявлено не было, отмечена лишь большая плотность мощения, что может говорить о том, что его дополнительно утрамбовывали вручную или с помощью механических приспособлений. По всей видимости, покрытием этой периферийной аллеи служила мелкая кирпичная и каменная крошка. Почвенные процессы за последние 200 лет сильно разрыхлили поверхностный слой мощения (рис. 90, *4*). Скорее всего, эта дорожка была создана в 1806–1809 годов в «валуевский» период обустройства парка, когда здесь работал садовый мастер К.С. Унгебауер (*Баранова*, 1997. С. 165). По документам известно, что именно он использовал при сооружении дорожек специальную «трамбу» весом в 150 пудов[2].

Межевой ров, имевший глубину около 1,1 м, был прорезан в двух местах. Оба разреза показали сходную стратиграфию. Поперечный профиль рва имел U-образную форму. Ров прорезал верхнюю почву заполнения ровика. Дно межевого рва сразу же стало быстро заплывать, почва на его днище не успела образоваться. «Горизонт паркового благоустройства» перекрывает заполнение рва, но нет прослойки почвы, разделявшей эти горизонты. Это может говорить о том, что временной промежуток между ними был совсем небольшой. Судя по всему, ров был выкопан при Кантемирах. Пока он являлся границей между полем и рощей, заплывание рва шло быстро, затем, в конце XVIII в., когда на месте поля был насажен парк, процесс замедлился. В это время в заполнении рва сформировался почвенный горизонт. Верхняя часть заполнения рва отложилась в XIX–XX вв. Очевидно, в этот период было время, когда эрозия и плоскостной смыв активизировались.

Важные результаты были получены при геофизической съемке. Получены данные, свидетельствующие о том, что геофизическими методами можно точно картировать ровики курганов, и таким образом определять границы погребального сооружения.

В комплекс геофизических методов входили площадные измерения методом срединного градиента и вертикальные электрические зондирования в модификации сплошных электрических зондирований (СЭЗ). Общее число точек измерения, включая нулевые пикеты, составило 841 в одном направлении, или 1682 точки в двух направлениях поляризации поля. Такая технология применяется нами[3] с середины 90-х годов и хорошо зарекомендовала себя при картировании археологических объектов, имеющих разные направления стен (*Kats et al.*, 2005; *Бобачев и др.*, 2006). Питающие электроды (А, В) разносились на 70 м так, чтобы измеряемый планшет располагался практически в средней трети АВ.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Провод питающей линии выкладывался в форме петли, проходящей за пределами планшета на удалении 15–20 м. Измерения проводились при двух поляризациях полях для выделения объектов, расположенных в разных направлениях. Кроме этого, наш опыт показывает, что сложение полей при двойной поляризации улучшает геометрическую визуализацию результатов и для изометричных в плане объектов. Таким образом, весь планшет был отработан в двух взаимно перпендикулярных направлениях AB, которые прокладывались через середину участка. Профили наблюдений были проложены параллельно питающей линии и располагались через один метр. Шаг по профилю составлял один метр. Всего выполнено 1736 рядовых и контрольных измерений (работы производились двумя бригадами, и средний профиль, общий для двух бригад, снимался дважды, т.е. с перекрытием). Длина приемной линии MN составляла 1 м.

Измерения проводились на частоте 4,88 Гц при токе в питающей линии 20 мА. Уровень измеряемых сигналов в приемных линиях составлял от 0,5 до 1,5 мВ.

Погрешность измерений составила 3,3%, что удовлетворяет требованиям нормативных геофизических документов (Инструкция, 1984).

Методика сплошных электрических зондирований. Сплошные электрические зондирования были выполнены с шагом 1 м. Использовалась комбинированная трехэлектродная установка (две трехэлектродные установки Шлюмберже Amn и mnB). При этом третий питающий электрод (так называемая бесконечность) удалялся на расстояние не менее 70 м от линии профиля). Длина приемной линии (MN) составляла 0,5 м, максимальный разнос питающих электродов — 10 м. Учитывая, что материковый слой представлен глинами, 10-метровые разносы являются достаточными для обеспечения глубинности зондирований на данной территории (гарантированная глубина исследования на данном участке составляла не менее 4 м). Стабилизированный ток в питающей линии AB устанавливался на уровне 10 мА. Всего было выполнено 37 физических точек СЭЗ на 15 разносах. Таким образом, произведено всего 1100 измерений электрического поля.

Результаты метода срединного градиента (СГ) для двух поляризаций поля по оси X и Y показаны на цветной вклейке, рис. 9, А. На карте суммарного поля ($\rho_к^X + \rho_к^Y$) низкими значениями кажущегося сопротивления отчетливо выделяются курганы в виде изометричных (практически круглых) в плане аномалий диаметром 6–7 м (цв. вклейка, рис. 9, *Б*). Вокруг курганов наблюдается серия изогнутых аномалий повышенных значений кажущегося сопротивления. В плане эти аномалии представляют собой некое незамкнутое окаймление, расположенное на расстоянии 5–6 м от центров курганов. Предположительно эти аномалии соответствуют ровикам, из которых брался материал для строительства курганов. Наиболее яркая, не сглаженная картина отмечается для центрального кургана 15. Получается, что между ровиками с четырех сторон были оставлены проходы к кургану. В плане, судя по карте кажущегося сопротивления с внешней стороны, ровики образуют фигуру, близкую к квадрату со стороной около 14 м.

Между курганами четко выделяются линейные зоны, соответствующие дорожкам. Ширина этих аномальных зон пониженных значений кажущегося сопротивления равна около 3 м. При этом в восточной части участка четко выделяется линейный, слегка изогнутый объект, имеющий выдержанные размеры по ширине и примерно одну и ту же контрастность по отношению к фоновым значениям поля. Интересно, что современная дорожка не совпадает в плане с нашей линейной аномалией. В западной части мы наблюдаем такой же сходный по геометрии и свойствам объект, но менее контрастный и выдержанный в горизонтальном направлении.

Результаты сплошного электрического зондирования были обработаны по программе Res2DInv. Двумерная инверсия (цв. вклейка, рис. 9, *В*) показывает, что курганы сложены в основном высокоомным терригенным материалом, основная часть которого выполняет основание кургана в виде внешней оторочки. Таким образом, получается, что результаты СГ только качественно, в плане показывают объекты, а реально их свойства могут иметь обратный знак. Объяснить эту ситуацию можно двояко. 1. Курганы являются положительной формой рельефа, над центром которой возникают пониженные значения электрического тока (на перегибах склона, когда мы выходим на горизонтальную поверхность, возникает обратный эффект увеличения плотности тока и, соответственно, электрического поля). 2. На больших разносах срабатывает так называемый эффект концентрации тока, который может развиваться не только на двухмерных, но и на трехмерных объектах.

Выводы. В результате комплексных исследований получены ответы на ряд частных вопросов: каков был изначальный рельеф ровиков

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

курганов, была ли насыпь 19 курганом (ответ «да»), имелись ли захоронения между курганами (ответ «нет»); были ли курганы насыпаны на месте предшествовавшей им пашни (ответ «да»), как было проведено обустройство курганов в XIX в. и др.

Более существенными представляются методические вопросы: сопоставление данных почвоведения, палинологии и археологии, применение геофизической съемки. При наличии некоторых нестыковок в хронологической интерпретации отложений, заполнивших ровики, важно отметить, что выявленные почвенно-археологическими методами субгоризонты (почвы и толщи быстрого накопления) имели различия в пыльцевых спектрах. По пыльцевым спектрам удалось реконструировать «пульсировавшую» динамику хозяйственного освоения прилегавшей к курганам территории и изменения в составе лесов. То есть, безусловно, можно сказать, что ровики являются ценным объектом не только для изучения особенностей архитектуры кургана, погребальных ритуалов, но и информативным объектом археолого-палеогеографических исследований.

«Пробные» геофизические исследования курганного могильника, проведенные не с целью поиска могильных ям, а для реконструкции исходной планировки памятника, оказались очень обнадеживающими. Выявленная геофизической съемкой «геометричность» формы ровиков и кургана в целом, возможно, соответствует действительности. Для выяснения этого вопроса необходимо провести более широкие раскопки. Также необходимо проведение геофизической съемки на большей площади.

Примечания

[1] Описание выполнено в 2006 г., до проведения «реставрации» курганов в 2007 г., когда насыпи были досыпаны до правильной полусферической формы.

2 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5574. Л. 184. 1807 год, октябрь 2 — рапорт К. Унгебауера о покупке новой трамбы для укатывания в аглинском саду дорог весом 150 пудов. (Авторы глубоко признательны О.Г. Ким за предоставление архивной информации.)

[3] Геофизическая съемка проводилась под руководством И.Н. Модина.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Эрмитажная коллекция из раскопок курганов в Царицыно

В фонд отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа из Ленинградского историко-лингвистического института по акту от 18.02.1932 г. поступила коллекция с инвентарным номером № 633. По данным описи, вещевой комплекс происходит из раскопок курганов в 1881 г. в Московской губернии, близ села Царицыно, членами и слушателями Археологического института. Где точно производились раскопки, неизвестно. В связи с этим встает вопрос об атрибуции коллекции и ее датировке. В инвентарном списке (см. приложение 1) не обозначено количество раскопанных погребений, поэтому основанием для подобных предположений является только анализ вещевого материала. Единственное краткое упоминание о коллекции из раскопок конца XIX в. существует в картотеке Т.В. Равдиной (карточка № 85) вместе с анализом материала из раскопок И.Е. Забелина и В.И. Сизова (коллекции хранятся в ГИМ. Оп. 23. Кол. Р9/42б). Данный вещевой комплекс она датирует второй половиной XII в. (*Кренке*, 2004д. С. 84).

По инвентарной описи коллекция составляет 37 предметов различного характера и степени сохранности и их фрагментов. Среди них выделяются украшения, детали костюма, предметы быта и немногочисленная категория вещей неопределенного назначения. Один предмет — обломок дужки семилопастного бронзового височного кольца — в описи не был указан. Разберем подробно каждый раздел.

Украшения составляют около 60% от всего количества вещей и представлены различными категориями: височные кольца, браслеты, перстни, привески, бусы. Все украшения из цветного металла — бронзовые (протокол определения металла № 3 от 22.03.1949 г.).

Височные кольца. В коллекции пять височных семилопастных колец, среди которых нет ни одного целого экземпляра. Все кольца бронзовые, со следами лужения. В четырех случаях у кольца отсутствует дужка с колечками и часть лопастей. Одно безынвентарное кольцо представляет собой практически целую дужку с боковым колечком. Судя по расстоянию между концами дужки (5 см), височное кольцо было довольно крупным. Учитывая наличие колечка, можно предполагать его принадлежность к развитой форме, однако датирующим оно не может быть. Все височные кольца относятся к типу простых семилопастных (по классификации А.В. Арциховского). Височное кольцо № 1 имеет лопасти секировидной, поздней формы (по классификации Т.В. Равдиной). Дужка кольца утрачена, наличие боковых колечек невозможно установить. Само кольцо очень грубое, с плохо проработанным орнаментом: щиток украшен заштрихованной «лентой», но она не заходит на лопасти острыми городками, как у орнамента типа II (здесь и далее по Т.В. Равдиной). Вместо этого на них лишь намечаются контуры будущей орнаментации (цв. вклейка, рис. 10, *4*). Нечеткость проработки орнамента, несомненно, во многом обусловливается плохим качеством отливки украшения. Однако отнести кольцо № 1 к позднему типу можно лишь на основании секировидных лопастей. Орнамент на щитке развитым не является. Кольцо № 2 с боковыми колечками в основании дужки имеет более архаичную, каплевидную форму центральной лопасти, но на боковых уже отмечаются следы заострения краев. Орнамент на щитке относится ко II типу с одним небольшим дополнением в виде шариков на площадке верхних зубцов (цв. вклейка, рис. 10, *2*). Кольцо № 4 сходно с предыдущим, но без дополнительной орнаментации зубцов и также относится к развитым со вторым орнаментом на щитке. Кольцо № 3, самое крупное из всех, представленных в коллекции, также обладает боковыми колечками, лопасти его секировидной формы. Щиток имеет орнамент I типа в виде городков, заходящих на лопасть. Пространство между верхним краем щитка с семью зубцами и центральным орнаментом в виде полумесяца оформлено двойной, местами плохо просматривающейся, зигзагообразной линией, вершинами заходящей на площадки зубцов. Данный вариант орнаментации, несомненно, является предшествующим непосредственно II развитому типу. В процессе трансформации декора предшествующая основ-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ная форма сольется с новым элементом, образуя устоявшийся ленточный орнамент. Об этом свидетельствуют и локальные «штрихи» внутри городков, зачатки будущей сплошной заштрихованной ленты. Таким образом, на данных семилопастных кольцах присутствуют как признаки ранних форм в рамках развитого типа (орнамент городками, закругленные лопасти), так и, несомненно, признаки, свидетельствующие об их принадлежности к более позднему этапу развития: секировидная форма лопастей в трех случаях из четырех, орнамент II типа. На ранней форме кольца наблюдается более поздний орнамент, равно как и ранний орнамент на более развитых формах височного кольца нельзя охарактеризовать как «чистый», он несет на себе следы перехода ко второму типу. Подобные изделия датируются в рамках конца XII — начала XIII в.

Перстни. Перстни представлены тремя морфологическими группами: ложновитые, рубчатые и пластинчатые, и все выполнены из бронзы. В коллекции находится три экземпляра ложновитых простых перстней (№ 17–19). Один из них сохранился фрагментарно, другие два полностью (цв. вклейка, рис. 10, *12*, *13*, *15*). Имитация витья перстней № 17 и 19 расположена только на лицевой части и достаточно отчетливо проработана. На третьем ложновитом перстне имитация витья расположена на протяжении всего изделия и очень грубо проработана (№ 18). В новгородском материале ложновитые перстни отмечены на протяжении длительного исторического периода с начала XI в. вплоть до первых десятилетий XV в. (*Седова*, 1981. С. 125). Рубчатый простой перстень № 6 (цв. вклейка, рис. 10, *14*) имеет разомкнутые, сужающиеся окончания, нарезка находится только в центральной части перстня. Судя по инвентарной описи, в коллекции был второй подобный перстень, № 5, ныне утраченный. М. В Седова считала рубчатые перстни этнически определяющим признаком всех славян, очерчивая время их бытования (на основе археологического материала из раскопок Великого Новгорода) концом XI — концом XIV в. (*Седова*, 1981. С. 122).

Третья разновидность этой категории представлена пластинчатым разомкнутым широкосрединным литым перстнем первого варианта (по типологии Н.Г Недошивиной) (цв. вклейка, рис. 10, *17*). Перстень сохранился в двух фрагментах, все поле щитка покрыто орнаментом, заключенным в повторяющую контур пластины линию. Вследствие плохой сохранности предмета установить точный облик орнамента удается с трудом. Судя по всему, это растительный орнамент «арабского типа» в виде двух расходящихся в разные стороны ветвей. Интересная аналогия этому перстню имеется в новгородском материале. Литой биллоновый широкосрединный незамкнутый перстень с узором из «растительных завитков» был найден в слоях 70–90-х годов XI в. (*Седова*, 1981. С. 129). Таким образом, ложновитые и рубчатые перстни имеют широкий ареал распространения, тогда как описанный пластинчатый перстень является характерным украшением именно «вятического региона», имеет раннюю дату начала бытования, но наряду с этим встречается и в слоях XII–XIII вв. (*Недошивина*, 1967. С. 261). Вследствие обширной территории распространения и длительности бытования ложновитых перстней дать узкую датировку по ним невозможно, хронологические рамки существования этих украшений: конец X — начало XIII в. (а порой и вплоть до XV в.).

Браслеты. В коллекции насчитывается четыре бронзовых браслета, которые подразделяются на два типа: дротовые ложнозавязанные и витые проволочные. Три из них целые, один представлен обломком. К первой категории относятся два схожих дротовых четырехгранных литых браслета типа ложнозавязанных (№ 30, 34), имитирующие подтип «а» завязанных дротовых (классификация В.П. Левашевой) (цв. вклейка, рис. 10, *22*, *23*). Аналоги их представлены несколькими экземплярами из различных регионов. А.В. Арциховский выделил четыре таких браслета из 167 рассмотренных им комплексов. Два комплекса он отнес к XII в., третий — к XIII; один комплекс остался без определенной датировки (*Арциховский*, 1930. С. 167, 168, 198). Найден такой браслет в могильнике Никольское III, исследованном Н.А. Макаровым в восточном Прионежье. На основе вещевого комплекса и хорошего нумизматического материала могильник в целом датируется XI в. Основное погребение (2) в кургане 33, где непосредственно был найден браслет, по нумизматическому материалу может быть датировано временем после 1046 г. (*Макаров*, 1990. С. 156). В новгородском материале аналогичные браслеты представлены находкой с Неревского раскопа ниже яруса 28, в слое середины X в. в материковой яме (*Седова*, 1981. С. 94). Подобные браслеты характерны для погребений и кладов X–XI вв. у восточных славян и встречены также на территории Прибалтики, Финляндии и Скандинавии. Хорошо известны они во Владимирских курганах, могильниках верхнего и среднего Поволжья (*Седова*, 1997. С. 74). На этом основании наиболее

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

достоверная датировка браслетов из царицынского комплекса лежит в пределах конца X — начала XII в.

Второй блок составляют два витых браслета (№ 35, 36). Простой витой тройной браслет имеет плохую сохранность и находится в обломках (цв. вклейка, рис. 10, *20*). Второй браслет относится к типу 6 (4×3) в отделе «витые», по А.В. Арциховскому. Окончания браслета имеют петлевидную форму с двумя простыми проволочными петлями внутри с одной стороны и четырьмя простыми обрубленными концами — с другой (цв. вклейка, рис. 10, *24*). По способу витья он относится к сложным витым и датируется А.В. Арциховским XIII–XIV вв. как поздний вариант развития линии браслетов данного типа. Аналогичной среди новгородских находок является серия браслетов (13 шт.), витых из четырех и более проволок, нижней датой нахождения которых считается 1197 г. (*Лесман*, 1990. С. 41). Наряду с этим простой тройной браслет имеет широкие рамки для датировки, поскольку может быть ранним, на что указывают находки таких браслетов в Новгороде в слоях XI–XII вв. на разных раскопах. Это позволяет датировать браслет первой четвертью XI — концом XIV в. (*Седова*, 1981. С. 94). Таким образом, надежной опоры в датировке комплекса браслеты сами по себе дать не могут.

Привески. Данная категория украшений в коллекции представлена исключительно монетовидными гладкими бронзовыми привесками в количестве семи экземпляров (№ 7–13). На поверхности привесок наблюдаются следы лужения, ушко приклепано к самой привеске гвоздиком (цв. вклейка, рис. 10, *5–11*). Монетовидные привески данного типа являются одной из характерных черт вятического костюма и датируются обширным периодом, появившись в XI в. и достигнув наибольшего распространения в интервале XII–XIII вв. (*Седова*, 1997. С. 67). В данном случае набор из семи однотипных привесок говорит о наличии ожерелья в погребальном инвентаре. К ожерелью относятся и сердоликовые бипирамидальные бусы (4 шт.), две золотостеклянные бочонковидные бусины и одна кольцевидная из желтого стекла (цв. вклейка, рис. 10, *21*). Таким набором представлены *бусы* (инв. № 16). По инвентарному списку одна из бусин неверно атрибутирована как золотостеклянная бочонковидная, тогда как она имеет все признаки обычной кольцевидной из желтого стекла и с бочонковидными не имеет ничего общего. Немаловажен факт присутствия в коллекции такой категории вещей, как золотостеклянные бусы. Этот тип бус имеет более раннюю датировку сравнительно с остальными вещами и датируется небольшим периодом времени с XI по начало XII в. (*Равдина*, 1968. С. 138). Сердоликовые бипирамидальные бусы, характерные для вятичей, редко встречаются в конце X–XI в., имеют наиболее широкое распространение на протяжении всего XII в. и постепенно исчезают в XIII в. Кольцевидная желтая бусина не характерна для какого-либо обособленного региона.

К разряду привесок можно отнести и *бубенчики*. В коллекции они представлены двумя находками (№ 14, 15). Оба бубенчика относятся к типу шаровидных с щелевидной прорезью (цв. вклейка, рис.10, *18*, *19*). Бубенчик № 15 значительно крупнее второго, с шариком внутри. Его тулово орнаментировано пояском, состоящим из четырех концентрических линий. Второй бубенчик плохой сохранности, орнамент в виде трех линий едва читается, а шарик отсутствует. В археологической литературе данный тип бубенчиков датируется в основном XII–XIV вв. Однако существуют находки этого типа в новгородских комплексах конца XI в. (*Лесман*, 1990. С. 61). Подобные бубенчики могут встречаться вместе с золото- и серебростеклянными бусами и другими ранними вещами (*Мальм*, *Фехнер*, 1967. С. 136).

Вторым блоком находок являются детали одежды, представленные обломком язычка поясной пряжки (№ 29, не сохранился), поясным кольцом (№ 18) и тремя фрагментами ткани (№ 31), представляющими собой ленту (не сохранилась). Бронзовое поясное кольцо (разделитель ремня), по классификации Т.В. Равдиной, относится к типу 3 с плоским сечением и датируется XII–XIII вв. Орнамента на кольце не наблюдалось, однако по плоской поверхности проходит окаймляющая кольцо линия (цв. вклейка, рис. 10, *16*).

К предметам бытового назначения условно можно отнести два фрагмента лезвия железных ножей (№ 25, 28), а также многочисленные обломки цепочки, составленной из крупных овальных звеньев, соединенных последовательно (№ 26, 27). Среди железных предметов можно также отметить три костылевидных четырехгранных гвоздя от гроба (№ 22–24).

В последний блок включены вещи, назначение и атрибуция которых непонятны. К ним относится каменный предмет «шарик» из известняка, округлой формы (№ 33), колечко проволочное бронзовое с прикипевшим кусочком железного предмета (№ 32) и аналогичное при-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

кипевшее колечко с заходящими друг на друга концами (№ 37).

Таким образом, в коллекции четко проявляются границы возможной датировки комплекса, без сомнения, являющегося «вятичским». К нижней границе относятся вещи, появившиеся в конце X–XI вв. и использовавшиеся вплоть до начала XII в.: дротовый ложнозавязанный браслет, золотостеклянные бочонковидные бусы (см. приложение 2). К вещам, так или иначе встречающимся вместе с ними, относятся шарообразные бубенчики с щелевидной прорезью, ложновитые и дротовые перстни, сердоликовые бусы. Среди находок, относящихся к позднейшей границе датирования, выделяется витой браслет сложного плетения, который найден преимущественно в комплексах XIII–XIV вв. Однако следует заметить, что в единичных случаях они встречены намного ранее. В.В. Седов отмечает, что курганы второй стадии (по А.В. Арциховскому), содержавшие в том числе браслеты сложного витья, относятся в основном к XII в. (*Седов*, 1982. С. 151). Одним из ключевых аспектов данной проблемы является соотнесение ранних бус с развитым типом височных семилопастных колец. В археологической литературе отмечено, что случаи подобной встречаемости довольно редки и височные кольца в таких комплексах преимущественно архаического типа. Любые другие случаи нахождения этих категорий предметов вместе Т.В. Равдина объясняла сохранением уже переставших производиться золоченых бус как эпигонов, которые не могут свидетельствовать о ранней датировке комплекса (*Равдина*, 1968. С. 139). Примечательно и отсутствие среди находок хрустальных шарообразных бус, характерных для более позднего времени, чем время преобладания одних сердоликовых, что указывает на возможное время формирования этого бусинного комплекса — не позднее конца XII в. (*Седова*, 1997. С. 82). Единичные золоченые бусы (2 шт.) плохого качества в коллекции из Эрмитажа могут быть анахронизмом и весь комплекс не датировать. В этой связи возникает вопрос о том, сколько вещевых комплексов было раскопано.

Как уже упоминалось, украшения составляют подавляющее число вещей коллекции. Все они, несомненно, относятся к женскому погребению. Всего в сумме получается 5 височных колец, одно ожерелье из бус с семью монетовидными привесками, 5 перстней и 4 браслета. Кроме того, к «нейтральным» предметам, присутствующим как в мужских, так и в женских захоронениях, относятся два шарообразных бубенчика, обломок ножа (цв. вклейка, рис. 10, *25*) и поясное неорнаментированное кольцо. В наборе женских украшений выделяются три группы, одна из которых тяготеет к ранней датировке (конец XI — середина XII в.). К ней относятся золотостеклянные бусы и ложновитые четырехгранные браслеты. Вторая группа, напротив, дает позднюю дату (конец XII–XIII в.). Это витой (3×4) браслет, развитые височные кольца с орнаментом II типа. В третью группу входят вещи, которые могут встречаться как в первой, так и во второй группе. Как отмечает Т.В. Равдина, сложные витые браслеты и золоченые бусы встречаются вместе крайне редко (*Равдина*, 1968. С. 139). Исследовательницей было выделено 17 погребений, где семилопастные кольца встречены вместе с золочеными бусами. Сложный витой браслет (3×4) среди них был найден только один раз в погребении I курганной группы Матвеевская-1. Этот комплекс Т.В. Равдина рассматривает как поздний, а присутствие ранних вещей объясняется ею как сохранение пережитков.

В данном случае отсутствие информации не позволяет с достоверностью выявить, происходит ли вещевой материал из одного погребения, или представленная коллекция — результат раскопок нескольких курганов. Большое значение имеет утраченный (№ 29) язычок от ременной пряжки, встречаемой преимущественно в мужских погребениях. В коллекции также присутствуют обломки массивной цепи. Назначение ее не совсем ясно, но подобные вещи с наибольшей вероятностью могут быть встречены в мужском, а не в женском погребении. Принимая во внимание традиционную скудность погребального инвентаря в мужских захоронениях, наиболее вероятно предположение о том, что комплекс разделяется на мужское и женское погребения. Рассматривая женский погребальный инвентарь, как уже отмечалось выше, можно отметить присутствие в нем вещей, время бытования которых разделяется промежутком в 80–100 лет. Учитывая тот факт, что длительность «курганного периода» в долине Язвенки составляла 100–150 лет (*Кренке*, 2004д. С. 115), подобный разрыв в датировке вещей весьма существенен. С одной стороны, если рассматривать женский погребальный инвентарь происходящим из одного комплекса, то следует поместить его в хронологический интервал между наиболее поздней возможной датой ранних вещей и наиболее ранней возможной датой поздних. Таким единственно возможным периодом является вторая половина XII в., что согласуется с мнением

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Т.В. Равдиной, но при условии, что присутствие золоченых бус в комплексе — следы сохранения пережитков («бабушкины украшения»). С другой стороны, присутствие редко встречающихся между собой вещей может говорить о наличии двух женских погребений, одно из которых хронологически предшествует второму, более позднему. В этом случае основным принципом для датирования комплексов является выявление периода наибольшего распространения каждой из групп вещей. Более раннее погребение может быть отнесено к периоду не позднее 40-х годов XII в., второе — к началу XIII в. как наиболее надежной дате. Усложняет задачу присутствие в комплексе основной массы вещей, соотносимых как с ранним, так и с более поздним погребениями. Склониться к тому или иному варианту, рассматривая имеющиеся сведения объективно, не представляется возможным. Не противоречит обоим предположениям и количество вещей, которые могут составлять либо одно богатое погребение, либо два стандартных по набору вещей. Окончательный вывод, таким образом, сложно сделать, не ознакомившись с особенностями места, откуда предположительно происходит коллекция.

Одним из наиболее трудных вопросов является определение курганной группы, в которой производились раскопки в 1881 г. Рядом с селом Царицыно находится серия курганных групп, располагающихся в долине реки Язвенки. Неоднозначно можно расценивать и фразу «близ с. Царицына», поскольку с тех пор на данной территории произошло немало изменений, и каким-либо образом сузить сферу поиска памятника не представляется возможным. К памятникам, приуроченным непосредственно к д. Царицыно, относятся пять курганных групп: Царицыно-1–5. Рассмотрим могильники подробнее.

Курганная группа Царицыно-1, расположенная на правом (восточном) берегу Верхне-Царицынского пруда, в 80 м от беседки «Миловида», состоит из пяти курганов средней высотой 1,1–1,5 м. Известно, что на момент 1950 г. следы разрытия содержал один курган, а впоследствии, в 1970-х гг., все курганы подверглись разграблению (*Кренке*, 2004д. С. 362). В 1998 г. один курган был раскопан Л.Л. Галкиным, однако в нарушенном погребении вещей, имеющих твердую датировку, обнаружено не было. Таким образом, предположение о том, что в 1881 г. раскопки велись здесь, несостоятельно.

Курганная группа Царицыно-2 расположена в 100 м к юго-востоку от первой. На данный момент группа состоит из 15 насыпей, первоначальное количество курганов достигало 23 (21). Курганный могильник Царицыно-2 — самый большой из могильников, находящихся близ д. Царицыно. В описании, составленном О.Н. Бадером на основе исследований Д.В. Айзикова в 1938 г., существует упоминание о четырех изрытых курганах, один из которых был раскопан «под снос», один имел небольшое углубление сбоку, а два других имели посередине «обширные ямы — следы давних раскопок» (*Бадер*, 1947. С. 149). Из этого можно заключить, что на момент 30-х годов XX в. курганная группа Царицыно-2 имела четыре так или иначе раскопанных кургана. Чуть позже, в 1944 г., А.В. Арциховским было раскопано два кургана этой группы, а затем четыре кургана — Т.В. Равдиной в 1960 г. Вещевой комплекс этих раскопок может датировать курганную группу широкими рамками XII — начала XIII в. Примечательно, что в женских погребениях везде присутствуют хрустальные шарообразные бусы. Вероятность принадлежности вещевого комплекса из Эрмитажа к данному могильнику велика в связи с упоминавшимися ранее раскопками, его датировкой, вписывающейся во временные рамки бытования вещей, а также значительными размерами курганной группы, допускающими относительно продолжительный период существование могильника.

Могильник Царицыно-3 расположен на противоположном, западном, берегу Верхне-Царицынского пруда, на бровке правого берега оврага, впадающего в пруд. Первоначально могильник насчитывал 13 курганов, на данный момент сохранилось всего восемь. Во время обследования группы Д.В. Айзиковым раскопанными оказались три кургана, причем яма одного, судя по всему, была результатом проведенных здесь в 1937 г. дилетантских раскопок (*Бадер*, 1947. С. 150). В 1961 г. раскопки курганной группы произвела Т.В. Равдина, исследовав пять насыпей, которые она датирует в пределах XII в., отмечая тяготение некоторых комплексов к началу века (*Равдина*, 1963. С. 217). Данная курганная группа также может рассматриваться как возможное место раскопок ввиду наличия неизвестных разрытий в насыпях и соответствия хронологического периода бытования могильника датировкам коллекции.

Четвертый царицынский курганный могильник находится в 300 м к юго-востоку от курганного могильника Царицыно-3, на западном берегу пруда. Группа состоит из восьми (семи) курганов, которые на момент обследований

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1938 г. были все изрыты грабительскими ямами. Ввиду отсутствия более подробной информации и находок этот курганный могильник не рассматривается в числе искомых. Схожая ситуация наблюдается в курганном могильнике Царицыно-5, располагавшемся на правом берегу Нижне-Царицынского пруда, в 0,4 км к востоку от села Царицыно. Могильник состоял из 12 насыпей как полусферической, так и встреченной в Царицыне впервые удлиненной формы и был разрушен не позднее 1960 г. (*Кренке*, 2004. С. 363). В результате рассмотрения перечисленных выше курганных групп можно заключить, что наиболее вероятными могильниками, на которых проводились раскопки конца XIX в., являются группы Царицыно-2 и Царицыно-3.

Непосредственно вблизи д. Царицыно (Черная Грязь) располагается д. Орехово, к которой также приурочена серия памятников из восьми курганных групп Орехово-1–8. Среди них выделяется группа памятников, которые невозможно соотнести с раскопками 1881 г. К этой группе относятся могильники Орехово-3–8. Два из них (Орехово-7, 8) не сохранились, остальные изучались лишь визуально и имели следы грабительских ям. Среди данной группы, таким образом, осталось два наиболее изученных могильника. Курганная группа Орехово-1 располагалась на правом берегу р. Язвенки и состояла из 12 (11) насыпей. В 1928 г. Л.А. Евтюховой было раскопано два кургана, а в 1944 г. А.В. Арциховским — пять курганов из этой группы. По набору вещей комплекс можно датировать, как и Царицыно-2, в границах XII в. По описанию О.Н. Бадера, на момент обследования группы лишь три кургана имели хорошую сохранность, в то время как остальные были в разной степени повреждены. На данный момент могильник не сохранился. Второй комплекс Орехово-2 располагается на бровке левого коренного берега р. Язвенки и состоял из 14 насыпей. Можно отметить неплохую сохранность группы на момент обследований 1938 г. (два кургана имеют небольшие ямы, один сильно изрыт). В курганной группе в 1944 г. А.В. Арциховским было раскопано пять насыпей, которые можно отнести к XII–XIII вв. (*Кренке*, 2004д С. 357). Ввиду хорошей сохранности группы предполагать, что раскопки производились здесь, невозможно.

На основе рассмотрения всего комплекса погребений, территориально охватывающего земли двух деревень — Царицыно и Орехово, выделяется три могильника, из которых с наибольшей вероятностью может происходить рассматриваемый комплекс вещей: Царицыно-2, Царицыно-3 и Орехово-1. Среди них сомнительным представляется соотнесение коллекции с группой Орехово-1, поскольку, несмотря на сравнительную территориальную близость памятников, этот могильник приурочен все же к деревне Орехово.

Группа Царицыно-2 значительно больше по количеству насыпей, чем Царицыно-3. Ввиду этого хронологические рамки существования у могильника Царицыно-2 шире. Принимая во внимание наличие в рассматриваемом комплексе разновременных вещей, с наибольшей достоверностью коллекцию № 633 из Государственного Эрмитажа можно связать с курганной группой Царицыно-2. Косвенное подтверждение этому можно найти в архивных материалах. В работе Б.В. Кудрявцева, посвященной Царицыну (см. соответствующую главу настоящей книги), приводится любопытный факт — разрешение на произведение раскопок курганов, лежащих «по берегу оврага между Царицынским парком и деревнею Орешково... в дворцовой Царицынской лесной даче Покровская сторона и в пустоши Черепишка» в августе 1883 г. Раскопки производились Императорским Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Данное разрешение интересно как само по себе, поскольку является одним из первых свидетельств ограничения произвольных раскопок на территории Москвы, так и косвенно, в связи с попытками определить, откуда происходит коллекция № 633. Исходя из описания, для исследований была выбрана курганная группа Орехово-1. Как уже говорилось выше, группа насчитывала всего 12 насыпей, тогда как их численность в группе Царицыно-2 достигала 23. Возникает вопрос, с чем связан подобный выбор места раскопок, когда предпочтение отдается сравнительно небольшой группе, а довольно крупный могильник игнорируется. Если предположить, что раскопки 1881 г. производились на курганном могильнике Царицыно-2, то отсутствие интереса к нему спустя два года, в 1883 г., вполне объяснимо. В непосредственной близости располагалась группа Орехово-1, не подвергавшаяся до этого раскопкам, которая и представляла больший интерес. Приведенные выше факты носят косвенный характер, но игнорировать их нельзя.

В связи с соотнесением вещевого материала с могильником обращает на себя внимание ряд фактов, значимых для всего царицынского комплекса. В погребальном материале описанных выше могильников во всех случаях присутствуют хрустальные бусы, тогда как в рассматриваемом

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

комплексе их нет. Также среди курганных групп Царицыно и Орехово нет ни одной находки таких вещей, как золотостеклянные бусы и дротовые ложнозавязанные браслеты. Сходный набор вещей, включающий височные семилопастные кольца, золоченые бусы, дротовые ложнозавязанные браслеты и витые браслеты сложного витья, уникален не только для территории Царицына. Подобные случаи чрезвычайно редки на всей территории распространения «вятичских» древностей. В этой связи следует отметить, что золоченые бусы характерны для территории «кривичей», а в «вятичских» погребениях встречаются практически всегда в зоне пограничья двух ареалов (*Арциховский*, 1930. С. 32). Тип четырехгранных дротовых ложновитых браслетов известен и на «кривичской» территории, где был найден в контексте с золочеными бусами (*Арциховский*, 1930. С. 19). Из этих фактов можно заключить, что в коллекции присутствует не только ранний элемент, но и своей принадлежностью относящийся к другому региону.

Определив курганную группу Царицыно-2 как наиболее вероятное место проведения раскопок в конце XIX в., необходимо вернуться к вопросу о хронологии коллекции. Если придерживаться предположения о существовании нескольких женских разновременных погребений, то возникает вопрос, не противоречит ли ему время существования самой курганной группы. Как не раз отмечалось исследователями, количество захоронений в курганной группе зависит от длительности функционирования кладбища и численности популяции (*Кренке*, 2004. С. 114). Взяв за достоверный относительный коэффициент числа захоронений в кургане — 1,3 погребения на курган, можно рассчитать количество погребенных в группе Царицыно-2 человек: 23×1,3 = 29,9 человек. То есть в курганной группе было похоронено около 30 человек. Чтобы узнать время существования могильника, необходимо также рассмотреть характер поселения, приуроченного к нему. В непосредственной близости от курганной группы Царицыно-2 располагается селище Царицыно-3. Размеры селища составляют 2400 м^2, что теоретически соответствует трем усадьбам. Таким образом, учитывая коэффициент смертности, длительность существования поселения, оставившего курганный могильник в среднем с 30 погребениями, составляет около 100 лет (*Кренке*, 2004д. С. 115, табл. 7). Это не противоречит предположению о наличии в рамках одной курганной группы Царицыно-2 разновременных погребений, разделенных промежутком около 80 лет, что, в свою очередь, косвенно подтверждает версию нескольких женских захоронений. Однако против этой версии выступает факт немногочисленности ранних вещей: правомерно ли по двум бусам и браслетам выделять отдельный вещевой комплекс, не совсем понятно. Не могли ли эти вещи быть хранимыми по тем или иным причинам в течение длительного времени и положенными усопшей в силу определенных соображений, нам неизвестных? На данный вопрос однозначного ответа дать невозможно, как и склониться к одной из двух версий без оговорок о ее гипотетичности.

Выводы. Рассмотрение хронологии, атрибуции и принадлежности коллекции № 633, из раскопок 1881 г., хранящейся в Государственном Эрмитаже, выявило, что она, вероятнее всего, происходит из курганного могильника Царицыно-2, где были раскопаны как минимум два погребения — мужское (малоинвентарное) и женское (с богатым погребальным инвентарем). Наиболее вероятным периодом, в рамках которого можно датировать женское погребение, является вторая половина XII в. В основной массе погребение можно считать «вятичским», однако в вещевом инвентаре присутствуют и «кривичские», не характерные для данного региона вещи: золоченые бусы, ложновитые дротовые браслеты, что может свидетельствовать о пришлом элементе в среде древнерусского населения бассейна р. Язвенки.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Приложение

Таблица 34. Коллекция № 633/1–37. Московская губерния, близ села Царицына, 1881 г.

Инв. №	Описание предмета	Материал	Размеры, м	Степень сохранности	№ по старому инвентарю	Примечания
1	Подвеска-кольцо височное, в виде пластины с семью лопастями по нижнему краю	Бронза	Дл. 0,075 Дл. обл. 0,019 Дл. 0,047	3 обломка, 4 лопасти утрачены.	Каталог ЛИЛИ-154. Шифр 138. № 138/1	См. протокол определения металла № 3 от 22.03.1949 г. Очищено 31.05.1961 г.
2	То же (один обломок)	Бронза	Дл. 0,069 Ш. 0,056	Обе лопасти утрачены, кольцо сломано. См. акт 433 от 28.07.1976 г.	№ 138/2	См. протокол определения металла № 3 от 22.03.1949 г. Очищено 31.05.1961 г.
3	То же (один обломок)	Бронза	Дл. 0,052 Ш. 0,021	Проволочное кольцо частично утрачено. Лопасть утрачена. См. акт 433 от 28.07.1976 г.	№ 138/3	См. протокол определения металла № 3 от 22.03.1949 г. Очищено 31.05.1961 г.
4	То же (в трех обломках)	Бронза	Дл. 0,048	Три обломка	№ 138/4	См. протокол определения металла № 3 от 22.03.1949 г. Очищено 31.05.1961 г.
5	Кольцо проволочное, с несомкнутыми утончающимися концами	Бронза	Диаметр 0,022	Покрыто зеленой патиной	№ 138/5	Очищено 31.05.1961 г.
6	Кольцо проволочное, с сомкнутыми концами	Бронза	Диаметр 0,025	Покрыто зеленой патиной	№ 138/6	Очищено 31.05.1961 г.
7	Подвеска круглая, в виде гладкой пластинки с ушком для подвешивания (к ожерелью)	Бронза	Наибольший диаметр 0,025	Обратная сторона покрыта зеленой патиной	№ 138/7	Очищена 31.05.1961 г.
8	То же	Бронза	Наибольший диаметр 0,025	–	№ 138/8	Очищена 31.05.1961 г.
9	То же	Бронза	Наибольший диаметр 0,025	Покрыта зеленой патиной	№ 138/9	Очищена 31.05.1961 г.
10	То же	Бронза	Наибольший диаметр 0,025	–	№138/10	Очищена 31.05.1961 г.
11	То же	Бронза	Наибольший диаметр 0,025	–	№138/11	Очищена 31.05.1961 г.
12	То же	Бронза	Наибольший диаметр 0,025	Покрыта зеленой патиной	№138/12	Очищена 31.05.1961 г.
13	То же	Бронза	Наибольший диаметр 0,025	Покрыта зеленой патиной	№138/13	Очищена 31.05.1961 г.
14	Бубенчик шарообразный, полый внутри	Бронза	Дл. 0,019	Петелька для подвешивания обломана	№ 138/15	Очищен 31.05.1961 г.
15	Бубенчик шарообразный, полый, с шариком внутри. В средней части три параллельные линии	Бронза	Дл. 0,028	Частично покрыт зеленой патиной	№ 138/14	Очищен 31.05.1961 г.
16	Низка бус из 4 сердоликовых ребристых, 2 стеклянные позолоченные и одна позолоченная в двух обломках	Сердолик и стекло	–	–	№ 138/16–22	–
17	Кольцо проволочное со жгутообразной нарезкой	Бронза	Диаметр 0,025	Покрыто зеленой патиной	№ 138/26	Очищено 31.05.1961 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Инв. №	Описание предмета	Материал	Размеры, м	Степень сохранности	№ по старому инвентарю	Примечания
18	Кольцо проволочное со сплошной жгутообразной нарезкой	Бронза	Диаметр 0,025	Покрыто зеленой патиной	№ 138/24	Очищено 31.05.1961 г.
19	Фрагмент такого же кольца	Бронза	Наибольший диаметр 0,024	Частично покрыто зеленой патиной	№ 138/25	–
20	Фрагменты пластинчатого кольца — два	Бронза	Наибольший диаметр 0,020	Покрыты зеленой патиной	№ 138/27	–
21	Кольцо плоское, замкнутое (застежка)	Бронза	Наибольший диаметр 0,032	Покрыто зеленой патиной	№ 138/23	Очищено 31.05.1961 г.
22	Крючок массивный (может быть, скоба?)	Железо	Дл. 0,085	Покрыт ржавчиной	№ 138/37	–
23	То же	Железо	Дл. 0,058	Покрыт ржавчиной	№ 138/38	Очищен 31.05.1961 г.
24	То же	Железо	Дл. 0,085	Покрыт ржавчиной	№ 138/36	Очищен 31.05.1961 г.
25	Обломок железного предмета (ножа?)	Железо	Дл. 0,046	Обломок	№ 138/39	Очищен 31.051961 г.
26	Обломок неопределенного предмета (звено цепочки)	Железо	Дл. 0,025	–	№ 138/28	–
27	Семь обломков цепочки	Железо	–	Отдельные звенья — 7 обломков	№ 138/29–31; 33–35	–
28	Обломок ножа	Железо	Дл. 0,042	Обломок	№ 138/32	–
29	Обломок стержня (язычок пряжки)	Железо	Дл. 0,03	Обломок	№ 138/40	–
30	Браслета гладкого из толстого прута с нарезками — 3 фрагмента	Бронза	Дл. от 0,04 до 0,066	3 обломка	№ 138/48	Очищен 31.05.1961 г. Склеен
31	3 фрагмента ткани (лента)	Ткань	Наибольшая дл. 0,047	3 фрагмента	№ 138/41-43	Реставрация 31.05.1961 г.
32	Колечко проволочное с прикипевшим кусочком железного предмета	Бронза	Дл. 0,034	–	№ 138/44	Очищено 31.05.1961 г.
33	Обломок небольшого куска камня	Камень	Дл. 0,026	Обломок	№ 138/45	–
34	Браслет из ребристого прута с сомкнутыми концами, имитирующими перевязку на месте их соединения	Бронза	Наибольший диаметр 0,07	Покрыт зеленой патиной	№ 138/46	Очищен 31.05.1961 г.
35	Браслет, плетенный из четырех витых же жгутов с несколько уплощенными петлеобразными концами	Бронза	Диаметр 0,072	–	№ 138/47	–
36	Обломок плетеного браслета — два	Бронза	Дл. 0,012	2 обломка	№ 138/49	–
37	Колечко проволочное с заходящими концами и с прикипевшими остатками железного предмета	Бронза	Дл. 0,01	–	Без №	–

Место и год находки коллекции № 633: Московская губерния, близ села Царицына. Раскопки членов и слушателей Археологического института в 1881 г.

Время и способ поступления: Поступление в фонд отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа из Ленинградского историко-лингвистического института по акту от 8.02.1932 г.

Инв. ЛИЛИ. Том II. Кол. 153 и 154 (138). Шифр на предметах — 138.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Часть третья

Археология парка и усадьбы

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Царицыно и его окрестности в XVI–XX вв.

Царицыно (Черная Грязь, Богородское) в XVI–XVII вв.

Первые упоминания рассматриваемой территории относятся к 1589 г. Тогда центральное ядро и окружающие земли современного архитектурно-паркового комплекса находились в ведении Приказа Большого дворца и входили в состав обширных владений Дворцового села Коломенского. Здесь, в районе слияния двух рек, Язвенки и Городёнки, находились: «пустошь Черногряское» и соседствовавшие с ней «пустошь Бобынино, а дворы снесены в Шипиловскую деревню... пустошь, что была деревня Орехово, Алмазниково тож, пустошь Каржавинская, что была деревня...»[1]. Очевидно, что ранее эти местности были заселены, а затем опустели, и к концу XVI в. здесь находились только припущенные в пашню и отхожие пустоши, сенные покосы и лесные угодья.

Следующие известные нам записи в архивных документах относятся уже к первой четверти XVII в. В это время, как записано в книгах «Писма и меры» Федора Пушкина да дьяка Андрея Строева, в расположенных к югу от земель дворцового села Коломенского Ратуеве и Черневе станах, на землях, впоследствии вошедших в Черногрязскую усадьбу, уже значатся владельцы: «В стане Ратуеве за помещиками... За Иваном Степановым сыном Кисилевым что было перед того за Иваном Васильевым сыном Козловым пустошь Бабенково, а Бабкино тож, на речке на Черной грязи пашни наездом пахано... сена по речке по Черной грязи и по речке по Черепихи...»[2] Другая часть земель находилась на западе, в соседнем Черневе стане: «...за боярином за князем Алексеем Юрьевичем Сицким что было преж того в поместьях за головой стрелецких за Федором Челостиным пустошь Степановское другое, Дубинкино тож... пустошь Гридино по обе стороны врага... другое Гридино»[3]. Основная же часть современной территории дворцово-паркового комплекса в то время была в ведении Приказа Большого дворца и входила в состав земель Дворцового села Коломенского.

Что касается версии о принадлежности Черной Грязи роду Годуновых на рубеже XVI–XVII вв. и о наличии каких-либо построек на рассматриваемой территории в то время, никаких архивных подтверждений этому нет. Эти сведения исходят главным образом от ряда авторов XIX в. и использовались в качестве основного источника в ряде публикаций почти до настоящего времени (*Иванчин-Писарев*, 1843. С. 7; *Семенов-Тяньшанский*, 1863. С. 299; *Згура*, 1925. С. 7–36; *Стоянов*, 1936. С. 5–6; *Шемшурина*, 1957. С. 98; *Веселовский*, 1962. С. 203–204; *Минеева*, 1988. С. 22; *Романюк*, 1999. С. 350–351). Не до конца ясным остается вопрос о существовании и датировке пандусного схода-лестницы к пруду, появление которого некоторые исследователи также условно относят ко времени Годуновых (Проект реставрации..., 1990. С. 10; *Минеева*, 1988. С. 22).

В 1633 г. «по имянному Великого Государя указу продано в вотчину околничему Лукьяну Степановичу Стрешневу в Московском уезде села Коломенского из дворцовых земель пустошь Черная грязь, пустошь Арехово, Алмазниково тож, пустошь Каржавино, Казариново тож, пустошь Бобынино...»[4] Вотчина получила название одной из пустошей — Черная Грязь. Тесть царя Михаила Федоровича и новый владелец Черной Грязи Л.С. Стрешнев существенно расширил свои владения за счет приобретения соседних пустошей. Так, в 1635 г. им была приобретена пустошь Ивана Кисилева «Бабенково, а Бабкино тож»[5].

К 1646 г. на территории Черногрязской вотчины на землях, ранее бывших пустошами, появляются новые населенные пункты — «деревня Казариново да деревня что была пустошь Бабенково, а Бабкино тож», последняя известна как деревня Кисилева XVII в. (*Рождественский*, 1913. С. 15–17)[6]. Как записано в Переписной книге Московского уезда переписи И.С. Урусова и подьячего С. Несветаева 1646/7 г., сохранившейся в позднейшем списке 1687 г., «всего за боярином за Лукьяном Степановичем Стрешневым в Ратуеве стану две деревни, а в них двор боярской, двор деловой да три двора крестьянских...

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

да двор псарский...»[7]. В составленных немного позднее «Перечнях вотчин и поместий московских бояр, окольничих, стольников...», один 1647 г. и другой середины 50-х годов XVII в., боярский и псарский дворы Л.С. Стрешнева уже не упоминаются, зато отмечается увеличение количества крестьянских и деловых дворов[8] (см. документ 2).

Точное месторасположение сельца и деревень Л.С. Стрешнева установить сложно не только из-за отсутствия планов того времени, но и из-за недостатка архивных материалов. Интересным фактом является указание в архивных документах более позднего времени, что пустоши Казаринова, Стеблевская и «пустошь, что наперед была селцо Черная грязь» располагались рядом, так как «...селца Черной грязи выборные крестьяне... порознь межи не знают...»[9] В свою очередь, на пустоши Стеблевской, т.е. в центральной части современного архитектурно-паркового комплекса Царицыно, в 1680-е годы находилось принадлежащее князю А.В. Голицыну село Богородское[10]. Рядом же располагались и другие вышеуказанные пустоши, следовательно, на их месте, судя по названиям, ранее находились сельцо и деревня Казариново Л.С. Стрешнева.

После смерти Л.С. Стрешнева в 1650 г. Черногрязской усадьбой владел его сын Семен Лукьянович. Новый владелец Черной Грязи не предпринимал каких-либо действий по расширению границ своей вотчины, но некоторое упорядочивание границ происходило. Так, взамен отошедших к дворцовому селу Коломенскому пустошей «Садки, а Кречетово тож» и «Мещериново» боярину С.Л. Стрешневу были отказаны земли на «пустоши Острединове»[11]. Дальнейшему освоению и развитию некогда опустевшей Черногрязской вотчины способствовало ее заселение «людьми литовского полону»[12] благодаря стараниям С.Л. Стрешнева, активного участника боевых действий во время русско-польской войны 1650-х годов. (*Забелин*, 1995. С. 396–398).

Родной дядя царя Алексея Михайловича, боярин Семен Лукьянович Стрешнев скончался 3 июля 1666 г. Черногрязские владения достались его жене боярыне вдове Марье Алексеевне, урожденной Лыковой. Как следует из составленной в 1666 г. Отказной книги подьячего Андрея Березина, пустошь Черная Грязь к этому времени уже стала сельцом: «Отказано боярыне вдове Марье Алексеевне после мужа ее ...вотчина в Московском уезде села Коломенского, что была пустошь Черная грязь, тож на речке на Городёнке, а на ней двор боярской, а живут на нем деловые люди...»[13] Впервые в этой же Отказной книге зафиксировано было и наличие мельницы на территории вотчины: «...да к тому же селцу Черная грязи на речке на Городёнке мелница мелет в двои жернова...»[14]

К 1666 г. снова стала пустошью просуществовавшая, по всей вероятности, недолгий срок деревня Казариново[15]. В целом же ранее опустевшие земли Черногрязской вотчины к этому времени вновь были заселены, например, долгое время бывшая пустошью деревня Орехово — «деревня, что была пустошь Орехова, на речке на Язве...»[16]. По-прежнему значилась в вотчине деревня Кисилева — «деревня, что была пустошь Кисилева, на речке на Городёнке», или ранее — «деревня, что была пустошь Бабенково, а Бабкино тож...»[17]. Появились к этому времени и новые населенные пункты: «деревня Шубино на речке на Черной грязи» (позже деревня Петровка, Хохловка)[18], «деревня Шандорово, а Борзецово тож...» на «речке на Городёнке»[19].

Вблизи сельца и деревень находились тяготевшие к речкам припущенные в пашню и отхожие пустоши, поделенные между крестьянами разных населенных пунктов. К сельцу Черной Грязи относились: «...пустошь Казариново на речке на Язве, пустошь Дягилева на речке на Язве, пустошь Бобынина на речке на Язве»[20]. В ведении крестьян деревни Орехово находились: «...пустошь Ларкина, а Кондырева тож, по обе стороны речки Язви(е), пустошь Подлипичье на речке на Язве, пустошь Высокая на речке на Язве, пустошь Пожарная на речке на Язве»[21]. Вблизи деревни Шандорово были: «...пустошь Полянка на вражке, пустошь Высокуша на речке на Городёнке, пустошь Гришкина на речке на Городёнке, пустошь Тарас, а Сума тож, а во вражке пустошь Гривенки, а на вражке пустошь Чаусова на речке на Городёнке»[22].

Спустя 7 лет после смерти С.Л. Стрешнева, в 1673 г., скончалась его жена Марья Алексеевна. За отсутствием прямых наследников Черногрязские владения Стрешневых были отписаны на государя и вошли в состав земель дворцового села Коломенского. Благодаря составленной в том же году описи Черногрязской вотчины Стрешневых довольно хорошо можно представить ее состояние. Это была типичная богатая боярская усадьба XVII столетия. Заслуживающим внимание фактом в описи являются сведения о существовании в это время в Черной Грязи огорода, сада, конюшни, воловенного (скотного) двора, а также пруда, появившегося благодаря построенной на речке Городёнке плотине (см. документ 3).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Проблем с установлением расположения деревень Хохловки (Петровка, Шубино), Орехово и Шандорово нет, так как они существовали до 60-х годов XX в. и обозначены на многих планах и картах. А вот на вопрос о расположении сельца и деревни Кисилева однозначного ответа нет. Сельцо С.Л. Стрешнева и его жены, как можно полагать, возникло уже на новом месте, а не там, где находилось ранее сельцо его отца. Известно также, что сельцо и деревня Кисилева располагались на речке Городёнке, но не в районе, где сейчас находится центральное ядро архитектурно-паркового комплекса, а в другом месте. Более точно установить их месторасположение по архивным документам на настоящий момент сложно. Нельзя дать и однозначного ответа, в каком месте на речке Городёнке располагались плотина и мельница Стрешневых, какие были размеры и очертания пруда в то время, где проходили границы Черногрязской вотчины.

Следующие по времени упоминания о Черногрязской вотчине относятся к 1676–1678 гг., когда она снова оказалась в ведении Приказа Большого дворца и входила в состав земель дворцового села Коломенского: «Московского уезду селцо Черная грязь что прежде того была пустошь Кисилева на речке на Городёнке а в селце Государево дворовое место, что прежде сего был вотчинников двор»[23].

В этих же, составленных в 1676–1678 гг. писцовых книгах впервые были зафиксированы заповедные рощи и животинные выпуски (выгоны для скота): «...В селце ж Государев сад да в том же саду роща березовая... к селцу ж рощи повыше Государева двора роща березовая... да к речке Язве по косогору березовой рощи... да за речкой за Черногряскою промежь деревень Петровки и Хохловки по обе стороны Каширской дороги пять рощей... пониже березовой рощи, что у речки у Язвы у косогору подле тои речки запруда Черногряского животинного выпуску... да пониже того села по речке по Черной грязи по обе стороны до Острединовские пустоши животинного выпуску... животинного выпуску по обе стороны Коломенские дороги подле пруда»[24].

В 1682 г. владельцем Черной Грязи становится Иван Федорович (Большой) Стрешнев, которому в то время принадлежали земли соседнего села Булатникова. 25 ноября 1682 г. подьячим Петром Семеновым отказано было боярину И.Ф. Стрешневу: «...по родству... чем владел наперед брат ево Семен Лукьянович Стрешнев... селцо что была пустошь Черногрязное, а в нем двор вотчинников, хоромы ветхи да сад... да две житницы... двор воловий, а на нем изба ветха, два сарая»[25]. В эти владения входили деревни Кисилева и Шандурова, припущенные в пашню, и отхожие пустоши, где среди прочих значилась «пустошь Стеблевская», на которой и было «поселено» в скором времени село Богородское[26]. Немного позднее в состав Черногрязской вотчины вновь вошли деревня Петровка (Хохловка) и еще несколько пустошей. Из этой же описи отказываемых И.Ф. Стрешневу владений становится известно о произошедших к этому времени изменениях в вотчине. Деревня Орехово к этому времени сгорела и стала «пустошью что была деревня Орехова», а ее крестьяне вынуждены были переселиться в сельцо Черная Грязь и соседние деревни Кисилева и Шандурова[27]. Нет больше к этому времени никаких сведений о мельнице и пруде, когда-то обслуживавших хозяйство С.Л. Стрешнева. Спущеными оказались к 1682 г. и запруды животинных выпусков на речках Язвенке и Черной Грязи[28].

В 1683 г. боярин И.Ф. Стрешнев «свою подмосковную вотчину селцо Черная гряз з деревнями и пустошами и со всеми угодьи поступился внуку своему князю Алексею княж Василеву сыну Голицыну»[29], сыну знаменитого князя В.В. Голицына. Новые владения были закреплены за князем 4 мая 1686 г. Благодаря поставленной к этому времени в сельце церкви оно стало селом и получило новое название Богородское: «Отказано князь Алексею Голицыну в вотчину боярина Ивана Федоровича Стрешнева в Московском уезде в Ратуеве и Черневе станах село Богороцкое, что поселено на пустоши Стеблевской, а в нем двор вотчинников со всяким вотчинным строением да сад да двор скотен поселен на земле пустоши Черной грязи за речкой за Городёнкой»[30]. Вновь, как следует из той же Отказной книги, возродилась к этому времени «деревня что была пустошь Орехова Олмазникова тож...»[31]. В результате в Черногрязской вотчине снова числилось четыре деревни: Орехова, Кисилева, Петровка (Хохловка) и Шандурова.

В том же 1686 г., 7 марта «по указу великих государей» князю А.В. Голицыну была отказана в поместье Шипиловская плотина «с прудом и со всеми угодьи...»[32]. Следует заметить, что это первые известные нам сведения о Шипиловской плотине именно с тем названием, с каким она просуществовала до настоящего времени. Размах начинаний князя А.В. Голицына был грандиозен. При нем вотчина переживала расцвет, превратившись всего за 6 лет в роскошную усадьбу.

В 1689 г. все имения князей Голицыных

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

были отписаны на великих государей «за их вины». Благодаря составленным в том же году описям усадьбы можно хорошо представить результаты деятельности Голицыных по развитию и обустройству Черной Грязи (см. документ 4). Ядром усадьбы князя А.В. Голицына являлся «поселенный» на «пустоши Стеблевской» вотчинников двор: «...в селе двор вотчинников в длину 56 сажень поперек 54 сажени... на дворе хоромного строения на правой стороне двойня против тех хором другая двойня... Против ворот хоромы большие» (*Холмогоровы*, 1892. С. 179–180). Рядом с хоромами располагались и другие необходимые для княжеского хозяйства постройки (*Холмогоровы*, 1982. С. 179–180; Розыскные дела..., 1896. Стб. 346–347, 432–433, 442). Двор А.В. Голицына располагался примерно там же, где находится современный дворцовый комплекс.

Недалеко от вотчинникова двора на пустоши Стеблевской была построена церковь Пресвятой Богородицы Живоносный Источник. Это была деревянная церковь «с трапезной и чуланами о пяти главах...». Перед церковью стояла колокольня, рядом на церковной земле находились богадельня и дворы священнослужителей. Помимо вотчинникова двора в усадьбе находились конюшенный и воловенный (скотный) дворы. Были в хозяйстве князя А.В. Голицына житница, гумно и амбар. Одним из главных богатств голицынской усадьбы был находящийся за вотчинниковым двором сад. Непременной принадлежностью усадьбы были также и рощи из однопородных деревьев: «в саду и позади саду 2 рощи да в лугу под Шепелевье заповедный лес да в полях пять рощей заповедных» (*Холмогоровы*, 1892. С. 181–182).

По-прежнему на территории Черногрязской усадьбы располагались деревни: Петровка, Хохловка, Орехово, Шандурово и Кисилева (последнее упоминание). К селу Богородскому и к деревням относились пустоши: «...Каржавино, Казариново тож ...Бобынино ...Бабенково, а Бабкино тож ...Степановское, Дубинкино тож ...Гридино ...Молявинская ...жребий пустоши Острединовской ...Поляны» (Розыскные дела..., 1896. Стб. 349).

Одновременно с описью государевых владений происходило межевание территории Черной Грязи и соседних земель, что дает нам возможность представить примерные границы усадьбы в XVII в. При этом следует заметить, что рассматриваемые ниже границы вотчины, по всей вероятности, были такими же, как и на «Плане села Черной Грязи с принадлежащими к оному деревнями и землями» 1775 г. Юго-восточная граница усадьбы располагалась высоко по течению р. Язвенки: «...у речки у Язвенки ниже Черногряской рощи, что на косогоре у болшой Флоровской дороги по обе стороны речки Язвы две ямы на праве земля Государева селца Черной грязи что наперед того была пустошь Стеблева...» По левобережью реки Язвенки начиналась западная граница: «...вниз речкою Язвою мимо речки Черепички до речки Городёнки, от той речки Городёнки вверх прудом Черногрясским до врага Пушника, из той речки водоточиною направо, а на берегу той речки две ямы...» На севере и востоке Черной Грязи проходила граница с землями дворцового села Коломенского: «...а яма у Каширской дороги что ездеют на Развиловой пруд на плотину... от тех ям через Развиловатой пруд, а переехав через пруд у пруда камень белой»[33].

Важной составляющей хозяйства усадьбы Голицыных были созданные благодаря мощным плотинам пруды. Одна плотина образовывала Верхний Черногрязский (Царицынский) пруд, наполняемый за счет рек Городенки, Язвенки и ее левого притока Черепички. Другая, Шипиловская плотина образовывала за счет рек Городёнки и Чертановки (Беляевки) нижний Шипиловский пруд. Воды Шипиловского пруда сливались в Цареборисовский пруд. В результате был образован каскад полноводных прудов. При плотинах находились мельницы и дворы. А на мельничном дворе при плотине Верхнего Черногрязского пруда находился хозяйственный «флот», рядом были людская мыльня и солодовня.

Есть все основания полагать, что уже в то время очертания Верхнего Черногрязского и Шипиловского прудов были близки к тем, что изображены на планах XVIII в. При углублении и расширении Верхнего Черногрязского пруда, как предположила Р.М. Байбурова, появился имевший тогда квадратную форму остров. К этому же времени она условно относит и появление монументальной лестницы-пандуса, спускавшейся к пруду с высокого правого берега Верхнего Черногрязского пруда (*Байбурова*, 2000. С. 16–26). Также условно относятся ко времени Голицыных, по мнению некоторых исследователей, впервые зафиксированные на плане 1775 г. планировка садов, террасированные откосы берега и насыпная земляная гора-пирамида (Проект реставрации. С. 14).

В 1689 г., после падения царевны Софьи, опалы и ссылки князей Голицыных были конфискованы и все их имения. Село Богородское вновь вернулось в Дворцовое ведомство и снова стало называться Черной Грязью.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Царицыно (Черная Грязь) в период владения князей Кантемиров, 1713–1775 гг.

Спустя двадцать с лишним лет, по разным данным, с 1711 по 1713 г., Черная Грязь была пожалована Петром I валашскому господарю князю Дмитрию Константиновичу Кантемиру (*Холмогоровы*, 1892. С. 182). В отказываемые князю черногрязские владения входили деревни: Петровка (Хохловка), Орехово, Шандурово, а также заповедные рощи, пустоши и другие угодья[34]. В 1715 г. в селе Черная Грязь состояло «под дворами и огороды усадные земли две десятины с третью», «животиннаго выпуску четыре десятины», «пашни паханные худые земли тритцать пять четвертей», «сенного покосу четыре десятины»[35]. Князь Д.К. Кантемир, как считает ряд исследователей истории Царицына, фактически не занимался перепланировкой и застройкой усадьбы. При нем голицынские хоромы не были разрушены, а были лишь частично реконструированы (*Минеева*, 1988; *Байбурова*, 2000). Несколько иная участь ждала церковь Пресвятой Богородицы Живоносный Источник. В 1722 г. на месте обветшавшей старой деревянной церкви князем Д.К. Кантемиром была построена новая церковь, имевшая, по всей вероятности, традиционную композицию — деревянный «осьмерик» на каменном четверике (*Галашевич*, 1993. С. 137–164).

После смерти князя Д.К. Кантемира в 1723 г. основной, центральной частью территории Черногрязской усадьбы последовательно владели: сначала второй сын Константин Дмитриевич (до 1747 г.), затем старший — Матвей Дмитриевич (до 1771 г.) и, наконец, последний — Сергей (Шербан) Дмитриевич (до 1775 г.). Первый из наследников, князь К.Д. Кантемир, активно занимался перестройкой Черногрязской усадьбы. Князь К.Д. Кантемир скоропостижно скончался в январе 1747 г. Однако окончательное высочайшее решение по вопросу наследования последовало не скоро. Только в середине 50-х годов XVIII в., после очередного раздела отцовских владений основная часть Черногрязской усадьбы стала собственностью князя Матвея Дмитриевича. Другая, меньшая часть территории усадьбы досталась его брату, князю Сергею Дмитриевичу, получившему также и земли соседнего села Булатникова. Вероятно, из-за этого тогда же рядом с прежним двором появился и другой, принадлежащий князю Сергею Дмитриевичу двор с главным домом.

В 1771 г. умер князь М.Д. Кантемир. Он похоронен вместе со своей женой Аграфеной Яковлевной, урожденной Лобановой-Ростовской (умершей в 1772 г.), при построенной им в усадьбе церкви Пресвятой Богородицы Живоносный Источник. Единственным наследником и владельцем Черной Грязи вплоть до 1775 г. оставался князь С.Д. Кантемир.

Царицыно последней четверти XVIII в., в период строительства дворцового комплекса Баженова–Казакова

17 мая 1775 г. императрица Екатерина II купила у князя С.Д. Кантемира село Черная Грязь и переименовала его в Царицыно. Летом того же года архитектор П. Плюсков рядом с домами Кантемиров построил временный «деревянный дворец для императрицы и службы»[36]. В истории Царицына начался новый период. Здесь Екатерина II задумывает построить себе летнюю увеселительную резиденцию, для строительства которой был приглашен известный архитектор В.И. Баженов. В феврале 1786 г., после отстранения от работ В.И. Баженова, проектирование и строительство было поручено не менее известному архитектору М.Ф. Казакову.

К югу от центрального ядра дворцового комплекса, на территории регулярных садов Кантемиров в 1784 г. начались работы по созданию в «аглинском вкусе сада», для чего из Англии специально был выписан садовник Френсис (Франциск) Рид[37]. Размах начатых работ был впечатляющ. Так, в следующем, 1785 г. на создание в «аглинском вкусе сада» было «отпущено 10 000 ... Садовая работа зачата пяти десяти человеками марта с 1 числа, а в апреле работало сто, в майе сто пятьдесят»[38].

Регулярный сад, расположенный на месте современной Большой поляны, в то время еще сохранялся. Сохранялась и взятая за основу трехлучевая система планировки «проспективных» дорог парка. Как полагает О.В. Докучаева, к этому времени «наибольшей обработке подверглись окраинные территории: правый берег пруда, изрезанный оврагами участок около будущего павильона «Нерастанкино», холм «Золотого снопа», а также восточная часть парка от Большого проспекта до «Хлебного дома» (*Доку-*

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

чаева, 1993). Так, в прибрежной части парка, как зафиксировано на плане Г. Наумова, были проложены Береговая и Утренняя дорожки. Целая сеть дорожек прокладывалась на южных и восточных участках формирующегося пейзажного парка. Далее за оврагом с южной и восточной стороны парка по-прежнему находились крестьянские пашни.

Как следует из записки управителя села Царицыно В.Я. Карачинского, в 1785 г. были вычищены и углублены Верхний Царицынский (Английский) и Шипиловский пруды[39]. В результате их конфигурация стала близка к современной. Находящийся недалеко от плотины Верхнего Царицынского пруда квадратный остров приобрел круглые очертания. По всей вероятности, за счет вынутой из Шипиловского пруда земли был создан остров «Подкова»[40]. А за счет вынутой в 1785 г. земли из Верхнего Царицынского пруда в одном из его заливов был сделан «для лебедей островок...»[41]. По проекту архитектора К. Бланка была реконструирована Шипиловская плотина, а по представленному 7 марта 1795 г. подполковником И.К. Герардом проекту — Царицынская плотина [42].

В 1785 г. состоялся ремонт церкви Божией Матери Живоносный Источник. Находящееся при церкви кладбище, по дозволению Архиепископа Платона от 17 февраля 1777 г., было размещено на новом, «...но не в зело отдаленном от церкви месте»[43]. Как видно на плане «Кладбище и погост в селе Царицыне» конца XVIII в., новый участок кладбища был расположен уже в заовражной части села Царицына, на берегу Шипиловского пруда[44].

14 ноября 1783 г. В.Я. Карачинскому отпущено было 37 323 рубля «на дело от того села к Москве прямой дороги, на исправление 13 мостов, канала и на посадку деревьев»[45]. Вместо сломанных в 1784 г. «солдатских казарм и прочих деревянных служб для каменного строения» на другом месте в 1785 г. строились новые деревянные «казармы на каменном фундаменте...»[46]. На левом берегу Язвенки, недалеко от места ее впадения в Верхний Царицынский пруд, планировалось реконструировать отмеченный на плане Г. Наумова «старой птишной двор»[47]. Строительство многочисленных построек как для придворных служб, так и хозяйственного назначения велось в так называемой заовражной части села Царицына, на оранжерейном участке и в районе плотин Верхнего Царицынского и Шипиловского прудов.

В ноябре 1796 г. императрица Екатерина II скончалась. По повелению восшедшего на престол императора Павла I от 8 июня 1797 г. все строительные работы в Царицыне были прекращены. Из-за возникших финансовых затруднений почти полностью были прекращены работы в Английском саду, а в 1799 г. умер и отвечавший за его благоустройство «садовой мастер» Френсис (Франциск) Рид. В результате Верхний Царицынский пруд в скором времени оказался спущен, парк постепенно приходил в запустение, а его аллеи превращались в проезжие дороги.

Царицыно в начале XIX в. «Валуевский период»

Новый этап в жизни Царицына в первой четверти XIX в. был связан с деятельностью Экспедиции Кремлевского строения (ЭКС) и ее нового, назначенного в 1801 г. императором Александром I главноначальствующего — Петра Степановича Валуева. Царицынское хозяйство в начале XIX в. находилось в плачевном состоянии: «...обширные там ранжереи были в великой неисправности по строительной части ...чрез Аглинской сад, толико природою украшенный, поелику разчищены заборы зделанные около онаго прежде бывшим там Аглинским Садовником, прогоняли разный скот, и проезжали телегами и верхами ... вместо так называемых газонов, доставляющих садам наилучшую красоту были сенокосы ... подсадки были в ощутительном запущении ... стены и крыши дворца и прочих строений сооруженных с большим иждивением покрыты были кустарниками и травою ...Царицыну принадлежащие леса и рощи опустошены на многие тысячи ... целыя селенья пользовались непозволительно продажею выстроенных ими из казенных лесов изб окрестным соседям». В результате разрушения плотины «при пруде Аглинского сада...» был спущен «Английский» (Верхний Царицынский) пруд, где впоследствии «несколько лет были сенокосы...» [48].

Работы по обустройству дворцово-паркового комплекса Царицыно начались в 1803 г. Результаты этих преобразований зафиксированы на планах, составленных в первой трети XIX в. Это «План Царицынскому саду со строениями при нем» (между 1813 и 1816 гг.), «План Царицынскому саду» (между 1813 и 1817 гг.), «План Царицынского дворца с садомъ...» (1816 г.), и более поздний — «Генеральный план усадьбы «Царицыно» с парком, прудом и прилегающими землями...» (первая треть XIX в.)[49].

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

В 1803 г. был начат ремонт и «полуциркульного домика» (Малого дворца), который был отделан, меблирован и в июле 1804 г. отдан в аренду московскому ресторатору Карлу Лекеню под устройство Кофейного дома, а в 1813 г. — греку Ивану Станатию[50]. Что касается других строений дворцового комплекса, как замечает А.А. Баранова, «...то забота о них ограничивалась периодическим латанием крыш и забиванием окон» (*Баранова*, 2000). Например, в 1813 г. крестьянину Андрею Шемякину было дано 85 рублей «за исправление имъ железных крыш на дворцах и большом корпусе дворцовой кухни...»[51].

В начале XIX в. по проекту И.В. Еготова для удобства сообщения с заовражной территорией, на которой располагалось оранжерейное хозяйство и обширные плодовые сады Царицына, на «церковном рву» был построен мост «Оранжерейная плотина» (*Баранова*, 1999). А для строительства неоконченного в 1784 г. «перапета» у сооруженного на Большом овраге «Готическаго мосту» (Большого моста через овраг) в октябре 1808 г. были подряжены каменщики[52].

Важнейшей задачей, стоящей перед П.С. Валуевым и его подчиненными в ЭКС, было превращение усадьбы Царицыно в высокорентабельное хозяйство и место отдыха москвичей. Первоочередными мерами, предпринятыми для возрождения усадьбы, были: ремонт плотин и восстановление зеркала «Английского» (Верхнего Царицынского) пруда, а также устройство удобных подъездных путей из Москвы. Уже в 1803 г. благодаря перестроенной заново «для приумножения вод Царицыно» плотине была восстановлена площадь зеркала «Английского» пруда, размер которого тогда составил «близ 5-ти верст в окружности»[53]. В 1804 г. «со всевозможною прочностию» были исправлены Цареборисовская и Шипиловская плотины. Позднее, на «Английском» (Верхнем Царицынском) пруду, в устьях рек Язвенки и Черепички были построены новые Ореховская (1804–1806 гг.) и Лазаревская (1806–1807 гг.) плотины, а на соседнем Шипиловском пруду сооружена Хохловская плотина[54]. Летом 1804 г. был восстановлен известный еще со времен императрицы Екатерины II Царицынский проспект, «сближающий Москву и Царицыно... на три версты с устроением на оной двух каменных и 13 деревянных мостов»[55].

Одновременно происходили работы по строительству и ремонту некоторых построек усадьбы Царицыно. Так, в 1803–1804 гг. был отремонтирован находящийся на левом берегу Шипиловского пруда «деревянный дворец» императрицы Екатерины II. А в 1805–1806 гг. приблизительно на том же месте, где в настоящее время находится Театр юного зрителя, был построен изначально планировавшийся как «флигель» садовника «из старого весьма прочного леса новый на фундаменте белого камня дом»[56]. Однако, как отмечает А.А. Баранова: «Вместо скромного «флигеля» садовника практически был построен небольшой усадебный комплекс, включавший господский двухэтажный деревянный дом с двумя десятками комнат и четыре надворные постройки: конюшню, скотный двор, кухню, каретный сарай» (*Баранова*, 1993а). В результате этот так называемый Валуевский дом со службами (или просто Валуевский дом) стал своеобразным усадебным центром Царицына в XIX в. и местом пребывания семейства П.С. Валуева и других именитых гостей.

Однако главными мерами, которые предприняли П.С. Валуев и его подчиненные из ЭКС для возрождения усадьбы Царицыно, были реконструкция обширного оранжерейного хозяйства и приведение в порядок Английского сада. В сентябре 1804 г. для царицынских оранжерей и «тамошнего Аглинского сада» был нанят «весма искусный иностранный Садовник» — прусский подданный Карл Сигизмунд Унгебауер, ранее служивший в Люблино у Дурасова. Уже в 1804 г. все оранжереи приведены были «в цветущее состояние и зделаны две новые для винограду и ананасов из белого камня»[57]. А в 1805 г. произошла и существенная реконструкция оранжерейного хозяйства. По сообщению П.С. Валуева в годовом отчете императору: «Ранжереям старым вместо неблагообразной старой фасады дана новая в лучшем виде... построена по надобности еще новая ранжерея из белого камня» (*Баранова*, 2000).

В том же 1805 г. садовый мастер Унгебауер в заовражной части к востоку от дворцового комплекса начал «разводку» нового «воздушного» сада. А в 1807 г., как следует из рапорта Унгебауера, были построены и «теплицы на дватцати саженях...». В 1804 г. был вычищен «с давняго времени заросший» находящийся «вблизи ранжерей» пруд. Позднее для обеспечения обширного оранжерейного хозяйства водой на прудах были сооружены и две новые плотины[58]. В результате проведенных преобразований оранжерейные пруды, «воздушные» сады, оранжереи с теплицами образовали в Царицынской усадьбе к концу первого десятилетия XIX в. хозяйственный комплекс, приносивший неплохой доход.

Не менее значимым для возрождения Царицына, которое, по словам П.С. Валуева, «...до-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

стойно быть одним из лучших парков в Европе», являлось приведение в порядок и архитектурное оформление Английского сада. Благодаря составленной в 1825 г. «Описи состоящему в селе Царицыне Аглинскому саду, в нем строениям и разным к ним принадлежностям» довольно хорошо можно представить результаты проведенных к этому времени работ (*Забелин*, 1873). Преобразования в Английском саду начались в 1802 г., когда «по представлению садового подмастерья Сергея Махова должно в разных местах вырубкою открыть виды приличествующие». Уже в 1803 г. в результате проведенных рубок деревьев на месте расположенных перед Большими дворцом со стороны парка партера и баскетов регулярного сада Кантемиров была создана Большая поляна. Одновременно рубками деревьев были открыты видовые перспективы и в других районах парка.

Периодически для работ в Английском саду из соседних деревень нанималось большое количество крестьян. Так, в апреле 1803 г. к работам в парке были привлечены 60 рабочих, где мужчины находились «при срубке пней и перекапывании некоторых кломб», а женщины — «при метении з дорожек и кломб листу и при выноске онаго на показанные места»[59]. В мае мужчины были «при срубке пней, окапывании кломб, подкашивании травы, при обделывании дорожек и усыпании их песком», а женщины «при очищении дорожек». А в октябре было заплачено 22 человекам «за рытье дерну, устилку оным подле дорожек, подсадку вместо засохших новых деревцов и за сметение навалившегося от деревьев листу».

Уже в 1803 г., как следует из Всеподданнейшего доклада П.С. Валуева, «в Аглинском саду возобновлено устроенное прежде и временем запущенное гулянье с приумножением новых. Для отдохновения посетителей построена на удобном месте галерея с кабинетами» (павильон «Нерастанкино»)[60]. В следующем, 1804 г. началось настоящее преображение «Аглинского сада». Для «засыпки» Большой поляны у московского купца Девича были куплены «семена, как то: клевер белой красной и рейграс»[61]. В Английском саду были устроены «по приличным местам» дорожки, газоны, «разные приятные для удовольствия гуляющих виды и клумбы, наполненные самыми лучшими произрастениями», а также «на одной из гор, гордящейся своею высотою, зделана рюина, и на одном из островов ...превысокая арка с башнею».

Для защиты «Аглинского сада» от «неприятностей и безпорядка» с 1804 г. началось строительство ограждений парка. В 1804 г. при входе в парк с северной стороны был «зделан из дикаго камня мост с железными между двух колон воротами», а сам Английский сад в некоторых местах окружен был «рвом и земляным валом». На следующий, 1805 г. по обе стороны Большого дворца были поставлены «в готическом вкусе каменные с железными решетками около сада заборы». В 1807 г. нанятыми для работ в парке крестьянами «позади лесу принадлежащего к Аглинскому саду вырыта канава с обделыванием валу дерном всего двести шестьдесят четыре сажени»[62]. Вскоре появились многочисленные калитки и ворота в парк, а также караульные избы. Так, в 1807 г. для охраны парка с западной стороны на левом берегу Английского пруда были построены три караульные избы: 1-я — «позади плотины (Лазаревской), что в заливе в лесу»; 2-я — «между Булатниковского лесу и Аглинским садом»; 3-я — «на Покровском мысу». Несколько позже, на участке от беседки «Храм Цереры» до Ореховского пруда был сделан «забор из стоячих бревен с дощатыми воротами на крючьях и петлях железных» (*Забелин*, 1873).

В последующие годы работы по благоустройству Английского сада продолжались. С 15 апреля 1805 г. «на наступающее весеннее время» для работ в «Аглинском саду» нанято было 70 человек[63]. По-прежнему проводились «подсадки» деревьев и кустов в Английском саду, разбивались новые «кломбы». К примеру, в ноябре 1805 г. для «подсадки» в парке были куплены ели. Осенью 1806 г. нанималось по 40 человек в день, бывших «при выкопании из лесу и посадке в Аглинском саду дерев». Весной 1808 г. перевозилась земля «для зделания в Аглинском саду на большом газоне кломб»[64]. А в 1809 г. было заплачено «за взятой для подсадки в разных местах Аглинского сада липняк толщиною в оглоблю сотню»[65].

Как следует из архивных документов, регулярно проводилась расчистка территории Английского сада. Приводились в порядок проспекты и многочисленные дорожки парка. Например, в октябре 1805 г. года были отпущены деньги за поставленный крестьянами «для насыпки... береговой дорожки хрящевитаго песку 10-ть сажен», и при этом предписано было заготовить еще «20 сажен» того же песку для насыпки дорожек в Английском саду «на будущее весеннее время»[66]. На следующий, 1806 г. крестьяне деревни Орехово привлекались «для чиски против стоящей в селе Царицыне на Аглинском пруде арке в лесу луга и срубки некоторых дерев». В том же 1806 г. в Английском саду было

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

срублено 50 «подстойных дерев», которые были распилены в доски и бруски для делания «в сад канапей и кресел», а из срубленного осинового леса были построены сенной и «для пожарных инструментов» сараи. На образовывавшихся в результате порубки деревьев и кустарника лугах по нескольку раз в год косилась трава, после чего по ним для удобрения за плату пускались прогонные гурты быков. Так, например, в августе 1808 г. «...по снятии со вновь расчищенных лугов травы в селе Царицыне против Летняго Дворца деревянного и против арки на пруде Аглинского саду» были пущены «для пасьбы прогонные гурты быков»[67].

Благоустраивалась Покровская сторона и другие окрестные территории Английского сада. В частности, в 1806 г. нанятыми крестьянами деревни Орехово был вычищен «луг, лежащий противу Царицынского Аглинского саду»[68]. Осенью 1807 г. «обделывалась» береговая дорожка Покровской стороны[69]. В июне 1808 г. подряженные крестьяне допущены были «к вычищению ...позади Ореховой плотины Оврага и выстилке его дерном»[70]. А весной 1809 г. вычищен был от «произрастающих кустов ивняка» берег Покровской стороны и убрана от оставшихся после порубки подстойного леса, пней и хвороста Марьина поляна[71]. Как видно из архивных источников, регулярно проводились работы и по поддержанию благоустройства Английского (Верхнего Царицынского) и Шипиловского прудов. Для укрепления плотин, островов и пристаней вместо сгнивших свай периодически набивались новые. Почти ежегодно вычищалось дно прудов и илистый наплыв у плотин, облагораживались берега[72].

В результате проведенных преобразований, как показано на планах первой трети XIX в., регулярная основа планировки парка оказалась сильно измененной. Парк стал пейзажным, с множеством открывающихся видовых перспектив и со сложной невзаимосвязанной системой дорог и тропинок. Перед дворцовым комплексом со стороны парка образовалась очерченная кольцевой дорогой Большая поляна с высаженными по ее периметру «кломбами» из древесных и кустарниковых групп. Вместо трех прямых лучей «проспективных» дорог, ранее составлявших основу регулярного парка, осталось два. Левый крайний луч превратился в извилистую дорожку, ведущую к выходу из парка по направлению к деревне Орехово. Два других луча — Центральный (Средний) и Глухой («Несторова аллея») проспекты — остались фактически нетронутыми. Без изменений оставался и являвшийся ранее южной границей регулярного сада Кантемиров Большой проспект. В прибрежной части Английского сада по-прежнему находились проложенные еще во времена императрицы Екатерины II Береговая и Утренняя дорожки. Целая сеть извилистых дорог и тропинок к этому времени была проложена между Центральным и Глухим проспектом, а также в южной и восточной частях парка. Одновременно сеть дорог и тропинок была проложена и на левом берегу Английского (Верхне-Царицынского) пруда. К востоку от Английского сада, за оврагом и оранжерейными прудами располагались оранжереи и «воздушные» сады. С южной и юго-восточной сторон находились луга и крестьянские пашни. Общая площадь прудов, как видно на планах первой четверти XIX в., несколько увеличилась и была даже больше современной за счет небольшого участка, расположенного за Ореховской плотиной. Тогда же появились ставшие украшением Английского пруда новые острова.

Однако основным в деятельности П.С. Валуева и его подчиненных по благоустройству Английского сада являлось его архитектурное оформление. Ведь именно в этот период (1803–1813 гг.) появилось большинство построек, ставших украшением Царицынского парка. Для большинства строений Царицынского парка не найдены проектные чертежи или какие-либо иные сведения о конкретном авторе проекта. Однако с уверенностью можно утверждать, что проекты всех перестроек и починок выполнялись в эти годы архитекторами, помощниками и учениками чертежной ЭКС под руководством ее директора И.В. Еготова (*Баранова*, 1997). Первой постройкой в Английском саду стал сооруженный в 1803 г. павильон «Нерастанкино» — «Каменная галерея с кабинетами». В 1804 г. появилась «Башня-руина» и Арка на острове («Русалкины ворота»). В следующем, 1805 г. южная часть Английского сада была украшена беседкой «Храм Цереры». В том же 1805 г. между павильоном «Нерастанкино» и беседкой «Храм Цереры» началось строительство (окончившееся к 1808 г.) трех гротесковых мостов через так называемый сухой овраг, два из которых в полуразрушенном состоянии сохранились и в настоящее время отреставрированы. По-видимому, в первом десятилетии XIX в. был построен впервые упомянутый в архивных документах в 1811 г. павильон «Миловида»[73].

В то же время были возведены и другие, переставшие существовать к настоящему времени постройки. Так, в 1807 г. между Глухим и Центральным проспектами была сооружена одна

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

из самых оригинальных построек Английского сада, «Хижина» (разобрана в 1877 г.)[74]. Неподалеку от Большого проспекта и «Башни-руины», как показано на ряде планов первой четверти XIX в., была расположена другая похожая постройка — «Изопка». Рядом с «Башней-руиной», по всей видимости, находилась построенная в 1809 г. «Кухня»[75]. Еще две кухни, как видно на «Генеральном плане усадьбы «Царицыно» первой трети XIX в., были расположены в районе павильона «Нерастанкино». На восточной окраине Английского сада находилась ранее перемещенная туда «Кантемирова беседка».

Вдоль береговой дорожки Английского (Верхне-Царицынского) пруда располагались построенные под руководством садового мастера Унгебауера в 1807 и 1809 гг. несколько пещер-гротов: 1) между павильоном «Миловида» и «Башней-руиной» (рис. 94); 2) под «Башней-руиной», на мысу; 3) в районе павильона «Нерастанкино», ближе к «сухому» оврагу [76]. Многочисленные мосты и мостики были сооружены в 1805–1808 гг. на Береговой дорожке, в оврагах, а также на Покровской стороне. По берегу и на островах Английского (Верхне-Царицынского) пруда в начале XIX в. были поставлены новые каменные пристани. На Покровской стороне находились впоследствии бесследно исчезнувшие: «каменная Галерея на мысу» («Палаты дружины»), «Турецкая палатка» и «Беседка из корней». Некоторое время продолжал существовать и находящийся на левом берегу Язвенки (недалеко от места ее впадения в Английский (Верхне-Царицынский) пруд) «Птичник»[77]. Кроме вышеупомянутого острова с Аркой-руиной, некоторые острова Английского пруда также имели располагающее к смене впечатлений композиционное оформление. Так, на одном, впоследствии «свезенном» в 1825 г. островке находилась скульптура Нептуна[78]. На другом острове, располагавшемся в заливе напротив павильона «Миловида», с 1807 г. находился птичник: «...Садок, что на острове Аглинского пруда птиц разных певчих»[79].

Все работы по благоустройству усадьбы Царицыно были временно прерваны в 1812 г. Осенью 1812 г. в Царицыне побывали французские солдаты, однако особого ущерба постройкам, парку и хозяйству их присутствие не нанесло. Уже на следующий, 1813 г. работы по благоустройству Царицына были возобновлены. На Покровской стороне строилась «Галерея на мысу» или «Палаты дружины», для которой происходила выломка кирпича «из Дворцовой кухни» («Хлебного дома»). Английский сад украсили установленные Кампиони алебастровые фигуры[80]. Для посадки в Английский сад в апреле 1813 г. было куплено «самбуку красного 100 кустов», а в июне — еще «10 кустов». В том же 1813 г. напротив большого круглого острова была построена новая «из дикарных плит пристань». Происходила «вычиска» Английского и Хохловского прудов, а также починка «Большой платины Царицынского пруда», прорванной до этого «полою водою» в 1812 г. В то же время произошла реконструкция и Лазаревской плотины[81].

В июне 1813 г. солдатами инвалидной команды был разобран «старой деревянной дворец с печами» императрицы Екатерины II. В следующем, 1814 г. продолжалось строительство «Галереи на мысу» («Палаты дружины»), а на Английском пруде ремонтировались 6 пристаней. Однако 4 июня 1814 г. Петр Степанович Валуев скончался. Многие начатые при нем работы так и остались незавершенными.

Царицыно с 1814 г. до начала XX в.

У нового главы ЭКС Н.Б. Юсупова была своя забота, его подмосковное Архангельское. С упразднением ЭКС в 1831 г. Царицыно поступило в ведомство Московской дворцовой конторы (МДК), подчиненной Министерству Императорского двора. Наконец, с 1860 по 1917 г. имение находилось в ведомстве Московской удельной конторы (МУК) Департамента уделов. Как замечает А.А. Баранова: «Беглый просмотр документов ЭКС за 1814–1831 гг. (так называемый юсуповский период) и документов МДК за 1831–1859 гг. позволяет утвердиться в распространенном среди исследователей мнении о постепенном «угасании» Царицына в этот период» (*Баранова*, 1993б). Однако, как следует заметить, и в последующий период, с 1860 по 1917 г., когда ставшее популярной дачной местностью Царицыно находилось в ведении МУК, никаких существенных изменений в сторону улучшения состояния дворцово-паркового комплекса не происходило.

В течение XIX в. каких-либо масштабных работ по обустройству садово-паркового комплекса больше не проводилось, а если и предпринимались какие-то меры, то главным образом они были направлены лишь на поддержание благоустройства усадьбы Царицыно. На протяжении XIX в. неоднократно чистилось дно прудов

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и происходила реконструкция Царицынской, Ореховской, Лазаревской, Хохловской, Шипиловской и Цареборисовской плотин[82]. Периодически ремонтировался Царицынский проспект и находящиеся на нем мосты. До второй половины XIX в. поддерживалось составляющее определенную статью дохода усадьбы Царицыно обширное оранжерейное хозяйство. Какое-то время в XIX в. приводился в порядок Английский сад, для которого, например, в 1824 г. были сделаны 40 новых скамеек и плотик для переезда на остров с тремя пристанями[83].

В 1826 г. были проведены ремонтные работы по исправлению «ветхостей» Валуевского дома и других, находящихся рядом с ним построек. В 1842 г. происходили «незначительные исправления» церкви Божией Матери Живоносный Источник.

В 1860 г. Царицыно было передано в ведение Московской удельной конторы (МУК) Департамента уделов. Составленная в 1859 г. «Опись строениям в селе Царицыне», а также и другие архивные документы этого переходного этапа дают нам вполне объективную информацию о состоянии дворцово-паркового комплекса в то время. Недостроенный в конце XVIII в. Большой дворец находился уже в полуразвалившемся состоянии: две внутренние «поперечные в один этаж стены» были разобраны, «в некоторых местах стропила крыши обвалились». Без сводов и крыш находились постепенно разрушающиеся «каменная полуциркульная галерея» (Малый дворец) и два расположенных «рядом с лечебницею» каменных домика (Первый и Второй Кавалерские корпуса). Разрушался Оперный дом, так и не востребованный для каких-либо нужд в течение XIX в.. В срочном ремонте нуждались бывший ранее на аренде «под трактирным заведением» Третий Кавалерский корпус и частично задействованный до 1859 г. «для сельской лечебницы и Богадельни» Кухонный корпус. Обветшали к этому времени Оранжерейные мосты и плотины. Постепенно разрушались Фигурный и Большой мост через овраг, а также «каменные переходы с проездными воротами» (Галерея с аркой).

В крайней ветхости в то время находились «Валуевский деревянный дворец с кухнею и холостыми при нем строениями», «деревянные казармы», «смотрительский дом со службами», «конный двор» и другие расположенные на территории усадьбы строения. Требовалась починка Царицынской, Ореховской и Лазаревской плотин. Английский сад находился в то время в запущенном состоянии, а расположенные в нем различные сооружения и постройки уже начали разрушаться. С 1849 г. была начата отдача в оброчное содержание участков земли в «воздушном» саду. К 1860 г. на территории Царицынской усадьбы было уже несколько сдаваемых в аренду участков. Кроме того, в 1859 г. господину Давидову были сданы в арендное содержание приносящие неплохой доход царицынские оранжереи и грунтовые сараи.

Передаваемые в ведение Московской удельной конторы строения и угодья планировалось сдать «по частям в оброчное содержание на более или менее продолжительные сроки». Поэтому одной из стоящих перед МУК задач было «извлечение доходов» за счет эксплуатации расположенных на территории усадьбы Царицыно строений. С 1 января 1872 г. на 14 лет были сданы в арендное содержание Первый и Второй Кавалерские корпуса. Первый Кавалерский корпус — «каменное кавалерское здание с землею к нему» (1365 саженей) «для отделки дачи» арендовал титулярный советник П.В. Домбровский. Третий Кавалерский корпус — «каменный круглый павильон с землею под ним» (1 десятина 500 саженей) «с целью отстроить оный для жилья в летнее время» был сдан в аренду коллежскому советнику И.Ю. Давидову. Арендатору отводился участок земли «между Нижним прудом и линией, соединяющей оба каменных моста, параллельно существующей дороге мимо церкви». При этом И.Ю. Давидову разрешалось «не доезжая моста» «открыть проезд на означенный участок земли со стороны дамбы с планированием существующего там косогора», а также «против павильона... разбить сад и цветник, а на пруд поставить купальню»[84].

С 1867 г. сдавался разным лицам «в арендное содержание для гостиницы» так называемый Валуевский дом, затем он в 1883 г. был сдан в аренду для устройства в нем ресторана саксонскому подданному Балтазару Диппману. В результате случившегося 23 марта 1885 г. пожара на месте «сгоревшего до основания» Валуевского дома было построено новое здание ресторана Диппмана. Неподалеку от ресторана находились основанные Диппманом в 1888–1889 гг. семейный сад и летний театр (*Баранова*, 1993а).

Естественно, поле деятельности Московской удельной конторы не ограничивалось только территорией дворцового комплекса. Одной из первых мер, предпринятых МУК, было приведение в порядок Английского сада и Покровской стороны. Так, уже в июне 1861 г. происходила вырубка «сухоподстойного леса» на Покровской стороне. Осенью-зимой 1862–1863 годов

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

на Покровской стороне было вырублено 152 «дровяных березовых дерева», а в Английском саду «близ Царицынского поля на стороне деревни Ореховой» были спилены 2 липы и «по близости к валу» еще 1 липа, 1 дуб и 3 березы. В 1880–1890-х годах неоднократно происходила очистка заросшего и обмелевшего к этому времени Верхне-Царицынского пруда[85].

С 60-х годов XIX в. началась и раздача дачных участков в Царицыне. Особенно быстрым темпом пошло заселение Царицына дачниками после проведения в конце XIX в. Курской железной дороги и вступления в управление Царицынскими имениями энергичного Н.А. Рохманова. В результате к началу XX в. на прилегающей к дворцово-парковому комплексу территории было образованно уже несколько дачных поселков. За Большим оврагом на месте потерявших уже к этому времени свою рентабельность царицынских оранжерей и садов был создан дачный поселок «Воздушные сады». К северу от него, недалеко от крестьянских дворов села Царицыно, был расположен дачный поселок Старое Царицыно. Отдана была под обустройство дач и часть территории Покровской стороны. В районе железной дороги был образован дачный поселок Новое Царицыно. На левом берегу Шипиловского пруда, недалеко от Царицынской плотины, на месте бывшей церковной земли находилась дачная местность под названием Поповка. Позднее была застроена расположенная между дачным поселком Новое Царицыно и деревней Хохловка дачная местность Воробьевка. За счет притока менее состоятельных дачников оживились в то время село Царицыно, деревня Хохловка и другие расположенные по соседству населенные пункты.

Для удобства дачников и приезжающих на отдых в Царицыно посетителей к началу XX в. была создана целая инфраструктура торговых, бытовых, лечебных и увеселительных заведений. С 1870–1880-х годов отдана была в аренду под устройство чайного домика ветшающая постройка павильона «Миловида». К 1884 г. на территории Царицына, помимо ресторана Диппмана, находились 1 питейный дом, 2 трактира и 2 буфета, один из которых был рядом с железнодорожной станцией, а другой при общественном саде (Описание Московского уезда..., 1884). Вскоре к услугам царицынских дачников в разных местностях Царицына появилась целая сеть мучных, мясных, бакалейных лавок и несколько булочных, а в центральной части находились аптека, аптекарский магазин, лавка с галантерейным товаром и две парикмахерских. На средства существовавшего при церкви Божией Матери Живоносный Источник Церковно-приходского попечительства в начале XX в. была открыта бесплатная амбулатория. В Новом Царицыне и на Покровской стороне для подвижных игр оборудованы были две детские площадки (Путеводитель по Царицыну..., 1913).

Рядом с плотиной Английского (Верхне-Царицынского) пруда в конце XIX — начале XX в. были устроены общественные купальни, право на эксплуатацию которых было арендовано у Удельного ведомства местным купцом Леоновым. В 1881 г. по просьбе правления Русского общества спасания на водах было дозволено «разрешить построить спасательную станцию ...на берегу Английского пруда на месте, именуемом пристанью близ Царицынской плотины и островка...», ему было предоставлено «бесплатно 25 кв. саженей береговой земли» на условии, чтобы «были заведены спасательные лодки и поставлены матросы, и Правление пользовалось участком, пока на нем будет существовать спасательная станция»[86]. Здесь же, на Верхне-Царицынском пруду находилась «пристань с целой флотилией прогулочных лодок всех размеров», которые отдавались «внаймы за сравнительно недорогую плату». На издавна славившихся своей рыбной ловлей Царицынских прудах прочно обосновалось в то время Отделение Московского общества любителей рыболовства, собственные станции которого находились «на среднем», Шипиловском пруду и «на нижнем, так называемом Борисовском пруду».

С середины XIX в. происходили археологические раскопки расположенных на территории Царицына курганов. Все известные сейчас Царицынские курганы в разное время в той или иной степени подверглись раскопкам. В Государственном историческом музее хранятся материалы раскопок сотрудника музея В.И. Сизова. Часть вещей из царицынских курганов поступила в Императорский Эрмитаж в Петербурге: в 1881 г. туда были переданы находки, полученные при проведении раскопок в Царицыне, осуществленных членами и слушателями Археологического института. В августе 1883 г. императорскому Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии было разрешено произвести раскопку курганов, лежащих «по берегу оврага между Царицынским парком и деревнею Орешково... в дворцовой Царицынской лесной даче Покровская сторона и в пустоши Черепишка». При этом Общество обязывалось, чтобы после раскопок «местность разрытых курганов была заровнена», а за испор-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ченный и срубленный лес была уплачена «стоимость его по оценке»[87]. Проводимые в конце XIX в. раскопки царицынских курганов связаны и с именем известного историка И.Е. Забелина. В 1893 г. И.Е. Забелин купил дачный домик в Царицыне. К нему на дачу приезжали друзья, коллеги, ученики, а во время одного из приездов В.И. Сизова был раскопан курган в окрестностях Царицына (*Иващенко*, 1993).

Как видно на планах Царицына начала XX в. («План Дачной местности Царицыно Московской губернии и уезда» 1913 г.; «План № II. Часть воздушного сада, парк, Царицынские пруды и оброчная статья № 216» 1915 г.), планировка дворцово-паркового комплекса в целом осталась без изменений. На луговине от павильона «Нерастанкино» к Арке-руине на острове, на Большой поляне, в районе Центрального проспекта, на склоне правого берега Верхне-Царицынского пруда и речки Язвенки находились покосы. Основные же изменения главным образом произошли на окраинной, прилегающей к дворцово-парковому комплексу территории, где было образовано несколько дачных поселков.

Приложение

Документ 1

Перечни владений Л.С. Стрешнева в Московском уезде, Ратуеве стану (1647 г., середина XVII в.)

Лукьян Степанович Стрешнев... Да за ним же вотчины в Московском уезде... по книгам переписи Ивана Урусова да подьячего Семена Несветаева 154 году в Ратуеве стану деревня Казариново да деревня, что была пустошь Бабенково, а Бабкино тож, а в них пять дворов крестьянских, четыре двора деловых людей скачались кабальные, а кабалы клали или нет, того в книгах не написано...

РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (р.-2 Боярские книги). Д. 12. Л. 34–35; Ф. 210 (Разрядный приказ, Московский стол). Ед. хр. (Д.) № 1063. Л. 51.

Документ 2

«Память ис Приказу Болшаго Дворца за приписью дьяка Семена Комсина» об отписке на «Великого Государя» вотчины Стрешневых — Черная грязь (конец XVII в.)

Лета 7181 года сентября в 15 день по Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича Всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца путной клюшник Петр Жадовской ездил в Московский уезд в село Черные грязи что было боярина ево Семена Лукьяновича Стрешнева жены ево боярыни вдовы Марьи Алексеевны и то село с деревнями отписал на Великого Государя и в том селе и в деревнях описал двор боярской и хоромное строение и посуду и хлеб немолоченой и всякую скотину и дворы крестьянские и во дворах крестьян и мелницу и со всем мелнишным заводом и пашни и сенные покосы и отхожие пустоши и то писано в сих книгах имянно порознь статьями в селе Черные грязи двор боярской на дворе хором двойня на жилых подклетах на них чердаки хоромы задние таковы ж на них хоромцы третие на дворе мылня сушило под сушилом два погреба поварня рубленая около двора заборы огород в огороде сад сто яблонь больших и малых пять слив У заднего двора у ворот где живет прикащик изба в двух житьяхъ поземная да изба поваренная боярская конюшня Деловых людей четыре двора пустые на них по избе да по клети в сушиле судов девятнадцать блюд оловянных болших и малых тринатцать тарелок Двор воловей на том две избы три сарая да животины пять коров две телицы стелны два быка дву лет теленок году теленок полугоду шестнадцать баранов старых и молодых двадцать девять гусей старых и молодых пятнадцать уток старых и молодых тринадцать кур индейских старых и молодых три коня два возника чалых старые семь меринов. Ужато ржи и на гумне складено скирда да девять копен а в них двести шездесят сотниц... Под селом Черные грязи пруд в нем рыба на том же пруду мелница анбар в анбаре двои жерновы со всем мелнишным заводом... Деревня Кисилева...Деревня Шандурова... Деревня Орехова...Деревня Петровка... К селу ж Черной грязи пустошей в поля припущены в пашню пустошь Казариново пустошь Дягилево пустошь Бобынино пустошь Шубино Да отхожие пустоши пустошь Высокое пустошь Пожарское пустошь Ларкино пустошь Высокуша пустошь Тарасова пустошь Сумино пустошь Гришкино пустошь Гривенки...

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 338–341.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Документ 3

«Книги Отписные», поданные подьячим Иваном Некрасовым «Князь Алексееву поместию и вотчине Голицына» — Богородское, Черная грязь (сентябрь, 1689 г.)

Отписано на Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцев в Московском уезде в Ратуевом стану князь Алексеево поместье и вотчина Голицына село Черная грязь А в селе церковь во имя Живоносного Источника Пресвятыя Богородицы деревянная крыта черепицею деревянною и с лица писана краски... Вкруг той церкви и в главах 93 окончин слюденых на колокольнице 7 колоколов у церкви на церковной земле богаделна а вней живут нищия у церкви ж двор попов двор дьяконов 2 двора пономаревых да двор просвирницын... В том же селе двор вотчинников а на нем хоромы брусенныя исподния и верхние и чердаки в круг огорожены перилами точеными и покрыты тесом... Да на дворе ж 2 избы меж ними сени на сенях и на избах сушилы да поварня да 2 избы поваренные да конюшенного двора изба с сенми... Да в том же селе сад а круг саду роща а двор и роща в круг огорожены забором ворота о четырех щитах крыты тесом шатром другия ворота в сад о дву щитах крыты тесом шатром же на том же дворе два погреба с напогребницами на дворе жь бутного белого камени вдоль десять сажень поперег сажень да двор конюшенный а на нем конюшня о двадцати о шти стойлах ... На конюшенном же дворе изба конюшенная два сарая да две клети конюховых ворота о дву щитах двор огорожен кругом забором... Да в гумне скирда ржи да...а кругом гумна огорожено плетнем В селе ж в струбах повалыша да анбар мерою четырех сажень да семь житниц Да под тем же селом на речке на Язвенке мелница мелют в одни жернова а на мелнишном дворе живет мелник Алешка Васильев да на дворе ж две лодки два карбуса две комяги да мелница Шипиловская плотина каменная мелют в двои жерновы а на мелнишном дворе мелник Васка Артемьев... а те мелницы со всяким мелнишным заводом Двор скотной... Деревня Петровка... деревня Шандурово... деревня Орехово... да к селу ж Черной грязи и к деревням пустошей пустошь Коржавино Казариново тож пустошь Бабынино пустошь Бабенково а Бабкино тож пустошь Степановская Дубинкино тож пустошь Гридино пустошь другое Гридино пустошь Малявинская жеребий пустоши Острединовской а в них пашни оприч церковной земли 302 чети с осминою в поле а в дву потомуж с лесы и сенными покосы и со всеми угодьи...

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9847. Л. 570–605 об (вотчина, село Черная грязь — л. 572–586 об).

Документ 4

«Опись строениям в селе Царицыне» (1859 г.)
(Фрагмент)

31. При входе в Сад от плотины, Мостик ветхой чрез канаву с решетками железными двумя тунбами дикаго камня, в калитке, у коей столбы таковаго ж камня и наверху их шары, дверь створчатыя решетчатыя, с засовом 1. Решетки находятся в анбаре.

32. По обе стороны Дворца заборы, состоящие из пяти звен, каменныя с решетками и воротами решетчатыми в готическом виде 2. По одной стороне между Голлерей и Дворцом каменных решетчатых забор с воротами, в коем цоколь из белаго камня: Заборных столбов 3. Воротных Железных решеток 1. Решетки хранятся в кладовой. Железных ворот 1.По другой стороне цоколь из белаго камня: Заборных столбов 10. Воротных 2. Железных решеток 10. Железных ворот 1

33. При входе на утреннюю дорожку чрез канаву Мостик к калитке у коей столбы из белаго камня 1

В Саду:

34. Оперный Дом...

35. Фигурныя Вороты каменныя из белаго камня и кирпича 1

36. Галлерея Миловидова

Каменная с цоколем из белаго камня, как внутри так и снаружи оштукатурена и окрашена желтою краскою, в средине у стен деревянныя колоны, со сводом внутри в верху с наделкою деревянной оштукатуреной и расписанной, крыша и жолоба железныя окрашены медянкой, желоб белою,на верху ея алебастровых статуй 5, которыя от времени обвалились, внутри ея колон деревянных больших 14. Не больших 8. Колонны оштукатурены и выбелены. Штукатурка во многих местах обвалилась. По бокам комнат 4, из них в одной наслан деревянный пол.

В них дверей створчатых простых, окрашенных под дуб на коленчатых петлях, при них ступени из белаго камня 4. Двери в местах, где должны быть замки, попорчены. Рам створчатых на петлях со стеклами 8. В средине тумбы белаго камня 4. Со стороны пруда в оной имеется в средине крыльцо о 3-х ступенях из белаго камня.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

37. Руина с башнею устроенной вверху из гротесковаго и белаго камню частию кирпича, при ней каменная наружная лестница; в средине руины арка для прохода, внутри беседка, коей стена и свод обиты скалою в средине дикаго камня на деревянном столбе 1. Против руины гротесковой пиедистал 1. В двух окнах две железныя решетки 2.

38. Гротесковой мостик 1

Неподалеку от руины

39. Деревянная кухня ветхая и обшитая тесом выкрашена краскою на масле, стены желтою и крыша красною полинялою с каменным крыльцом, дверь сосновая 1. Крыльцо обитое. Внутри ея Очаг 1. Окошек 2. Полурама без стекол 1 сломана.

Между березовым проспектом и Галлереею Миловидовы

40. Хижинка ветхая крыта тесом у коей дверей наружных дубовых с просветом 2. Окрашены желтою краскою на масле. Глухих дубовых же 3.Окошек с дубовыми рамами три и одно без рамы 4. Внутри ея три комнаты и четвертая кухня, в ней кирпичный очаг 1. Очень ветх. При входе в светелку жерновный круглый камень, служащий столом, 1. В светелку лестница деревянная 1. В оной дверей дубовых глухих 2. Ветхи. В курганах из белаго камня Статуя упавшая в поврежденном виде.... .1 Упавшая статуя стояла на земляном кургане.

42. Галлерея Нерастанкина каменная с деревянным оштукатуренным сводом, а стены с наружи не оштукатурены о 4-х калонах Франтанами, а под оными карниз с цоколем крыльцами и сандриками из белаго камня с двумя окошками без рам, крыша крыта тесом, а купол железом ветхая 1. Крыльцо развалилось. Тес полусгнил.

43.Чрез большой овраг Кирпичныя Мосты, частию в местах облицованы гротесковым и белым камнем с ветхой перекрышей 3. Некоторыя камни из облицовки вывалились.

44. Храм Цереры круглой формы о восьми колонах с перемычками белаго камня с деревянным купол крыт железом, на кумполе поставлен металический сноп 1.

Кругом онаго ступеней из белаго камня обвалились и разбились, по средине каменной пьедестал из дикаго камня.

45. На глухой дорожке Каменный Грот в виде ниши с гротесковыми и прочими каменьями 1.

46. Проходя глухой дорожкой чрез овраг Каменной Мост с перапетом из гротесковаго камня 1.

47. По береговой дорожке три Каменныя Мостика с перапетами из гротесковаго камня ветхия 3.

48. На острове Английскаго пруда против голлереи Нерастанкиной Арка Каменная с двумя столбами с наружными железными связями и гора убрата белым камнем и обнесено кругом острыми столбами 1. Сваи полусгнили. Некоторыя попорчены, а из некоторых доски снятыи хранятся в деревянной беседке.

49. По дорожкам для сиденья Скамеек досчатых на столбах окрашенных 50.

50. Вокруг берега Английскаго пруда и на островах Пристаней некоторыя из белаго однаго камня с каменными тумбами и деревянными перилами, из коих одна ветхая, 5. В других дерево подгнило.

Среди золотаго снопа против Ореховской плотины на границе к лесу Удельнаго ведомства чрез заросший пруд кирпичный мост ободной арке без перил и парапета, упавшия два столба из белаго камня. Упавшия столбы разбиты.

Идучи от Ореховской плотины на право по береговой дорожке на холму Голлерея Каменная к марьяной поляне с гротесковым камнем и двумя колонами с фронтоном белаго камня, который во многих местах вывалился, крытая железом, у коей крыша имеет течь, ветхая 1.

По береговой дорожке между Миловидовой и деревянной беседкой при вороте на гротесковый существующий курган при входе и выходе онаго полуцыркульная из дикаго камня тумба и в средине онаго грот ... обложенный внутри гротесковым и диким камнем.

На береговой дорожке против пристани Деревянная Беседка, обращенная в сторожку с досчатой посредине крышей и по бокам полуцыркульныя покрыты железом 1.

Будок Форменных ветхих 4.

Плотины:

Ореховская об одной арке со сводом из кирпича и по наруже стена гротескнаго камня. Шлюз внутри арки обшит досками в два яруса откосы и цоколь в арке обшиты досками и осмолены, доски частию ветхи, вверху по мосту выстелка кирпичем 1. Доски в слюзе полусгнили, некоторыя изломаны.

Лазарева с одною аркою из кирпича и наружною стеною с одной стороны из гротеснаго камня, по верх с обеих сторон по 4 ветхих тумбы кирпичных с белым камнем покрыты белою лещадью с деревянными в оных прогонами, по другую сторону плеча плотины обшитыя по редким сваям досками, шлюз и в арке низ обшиты досками и осмолены 1. Сваи подгнили, доски изломаны и полусгнили.

ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 13462. Л. 57–61 об.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 35. Основные владельцы территории усадьбы Черная Грязь — Богородское – Царицыно в XVI–XIX вв.

№ п/п	Владельцы	Период владения
1	В ведении Приказа Большого дворца и в составе земель дворцового села Коломенского	XVI в.
2	В ведении Приказа Большого дворца и в составе земель дворцового села Коломенского; Иван Васильев сын Козлов; Иван Степанов сын Кисилев (до 1633 г.); голова стрелецких Федор Челостин; боярин, князь Алексей Юрьевич Сицкий	Первая треть XVII в.
3	Боярин Лукьян Степанович Стрешнев; боярин, князь Алексей Юрьевич Сицкий (до 1644 г.)	1633–1650 гг.
4	Боярин Семен Лукьянович Стрешнев	1650 г. — 3 июля 1666 г.
5	Боярыня Марья Алексеевна Стрешнева (урожденная Лыкова, вдова С.Л. Стрешнева)	1666–1673 гг.
6	В ведении Приказа Большого дворца и в составе земель дворцового села Коломенского	1673–1682 гг.
7	Боярин Иван Федорович (Большой) Стрешнев (тесть князя Василия Васильевича Голицына)	1682–1683 гг.
8	Князь Алексей Васильевич Голицын (сын князя Василия Васильевича Голицына)	1683–1689 гг.
9	В ведении Приказа Большого дворца и в составе земель дворцового села Коломенского	1689–1712 (1713) гг.
10	Князь Дмитрий Константинович Кантемир	1712 (1713)–1723 гг.
11	Князь Константин Дмитриевич Кантемир (часть территории Черногрязской усадьбы принадлежала другим наследникам)	1723–1747 гг.
12	Князь Матвей Дмитриевич Кантемир (официально вступил в наследство в середине 50-х гг. XVIII в., при этом часть территории Черногрязской усадьбы принадлежала его брату князю Сергею Дмитриевичу Кантемиру и другим наследникам)	Середина 50-х годов XVII в. — 1771 г.
13	Князь Сергей (Шербан) Дмитриевич Кантемир (часть территории Черногрязской усадьбы принадлежала другим наследникам)	1771–1775 гг.
14	В ведении Кабинета Ея Императорского Величества	1775–1785 гг.
15	В ведении Экспедиции Кремлевского Строения (ЭКС) и Кабинета Ея Императорского Величества	1785 г. — конец XVIII в.
16	В ведении Экспедиции Кремлевского Строения (ЭКС)	1801–1831 гг.
17	В ведении Московской дворцовой конторы (МДК), подчиненной Министерству Императорского двора	1831–1860 гг.
18	В ведении Московской удельной конторы (МУК) Департамента уделов	1860–1917 гг.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Примечания

[1] РГАДА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 108. Л. 8.
[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 104; Ф. 1374. Оп. 1. Д. 108. Л. 2; Ф. 1209. Оп. 1, ч. 2. Д. 9807. Л. 21–22; Оп. 1, ч. 1. Д. 689 (Глава 2-я: В стане Ратуеве. Л. А, Б).
[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 304–304 об; Ф. 1374. Оп. 1. Д. 108. Л. 2; Ф. 1209. Оп. 1, ч. 2. Д. 9807; Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 689.
[4] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 304 об; Ф. 1374. Оп. 1. Д. 108. Л. 2 об.
[5] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 305; Ф. 1374. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.
[6] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Р.-2: Боярские книги). Д. 12. Л. 34–35; Ф. 210 (Разрядный приказ, Московский стол). Ед. хр. (Д.) № 1063. Л. 51; Ф. 1209. Оп. 1, ч. 2. Д. 9809. Л. 503–503 об.
[7] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 2. Д. 9809. Л. 503–503 об.
[8] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 2. Д. 9809. Л. 503–503 об.
[9] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 308; Ф. 1374. Оп. 1. Д. 108. Л. 313 об.
[10] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 308; Ф. 1374. Оп. 1. Д. 108. Л. 10 об.
[11] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 333; Ф. 1374. Оп. 1. Д. 108. Л. 30 об.
[12] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9838. Л. 493–500.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9838. Л. 493–500; Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 309 об; Ф. 1374. Оп. 1. Д. 108. Л. 7 об.
[18] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9838. Л. 493–500; Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 310; Ф. 1374. Оп. 1. Д. 108. Л. 8.
[19] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9838. Л. 493–500.
[20] Там же.
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 341.
[24] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 307 об–308. Л. 341–344.
[25] Там же. Л. 360–360 об.
[26] Там же. Л. 311 об, 361–361 об.
[27] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 311 об–312, 360–361 об.
[28] Там же.
[29] Там же. Л. 312–312 об.
[30] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 313 об–314; Ф. 1374. Оп. 1. Д. 108. Л. 10 об; Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9843.
[31] Там же.
[32] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9851. Л. 26–28.
[33] РГАДА. Ф. 374. Оп. 1. Д. 108. Л. 27, 32.
[34] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2, ч. 5. Д. 3574. Л. 44; Д. 3604. Л. 60–61.
[35] ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1, ед. хр. (Д.) 7915. Л. 22–24.
[36] РГАДА. Ф. 14. Д. 243.
[37] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 64991. Л. 122; Д. 62114. Л. 17; Ф. 14. Д. 51, ч. 6. Л. 53–53 об.
[38] РГАДА. Ф. 14. Д. 51, ч. 6. Л. 53–53 об.
[39] РГАДА. Ф. 14. Д. 51, ч. 5. Л. 498; ч. 6. Л. 53 об.
[40] РГИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 157.
[41] РГАДА. Ф. 14. Д. 51, ч. 5. Л. 498; ч. 6. Л. 53 об.
[42] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 57951. Л. 5–10.
[43] РГАДА. Ф. 14. Д. 51, ч. 6. Л. 53.
[44] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 57. Д. 87.
[45] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 62114. Л. 18.
[46] РГАДА. Ф. 14. Д. 51, ч. 5. Л. 497; ч. 6. Л. 53–53 об.
[47] Там же. Ч. 5. Л. 497.
[48] РГАДА.Ф. 1239. Д. 5563. Л. 55 об., 127; Д. 5557. Л. 156; Д. 5563. Л. 73.
[49] РГАДА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 19684. Л. 1 (?); ГНИМА. Фототека. № 5-22071; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18684. Л. 2; Ф. 846. Оп. 16. Д. 19684. Л. 19 об.; ГНИМА. Фототека. № 5-3257.
[50] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5615. Л. 100; Д. 5557. Л. 156, 168.
[51] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5616. Л. 174 об.
[52] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5586. Л. 196; Ф. 14. Д. 51, ч. 6. Л. 19–19 об.
[53] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5563. Л. 73 об.
[54] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5571. Л. 108–108 об, 170; Д. 5570. Л. 170; Д. 5575. Л. 7; ГНИМА. Фототека. № 5-3257.
[55] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5563. Л. 73 об.
[56] РГАДА. Д. 5557. Л. 334 об; Д. 5562. Л. 56, 109 об–110; Д. 5563. Л. 23; Д. 5571. Л. 27 об –28.
[57] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5563. Л. 60 об–61, 73.
[58] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 29488. Л. 1–5; Д. 5574. Л. 78; Д. 5563. Л. 57 об; Д. 5574. Л. 229–330 об; Д. 5563. Л. 73 об.
[59] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5557. Л. 71, 111.
[60] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5563. Л. 5.
[61] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 42217. Л. 14.
[62] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5574. Л. 205.
[63] Там же. Д. 5566. Л. 33.
[64] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5587. Л. 116.
[65] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5616. Л. 170.
[66] Там же. Д. 5571. Л. 101.
[67] Там же. Д. 5587. Л. 82 об.
[68] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5571. Л. 104 об.
[69] Там же. Д. 5574. Л. 205.
[70] Там же. Д. 5587. Л. 53.
[71] Там же. Д. 5594. Л. 11.
[72] Там же. Д. 5563; Д. 5570. Л. 170; Д. 5571. Л. 81, 108–108 об; Д. 5574. Л. 62.
[73] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5563. Л. 5, 73 об; Д. 5571. Л. 27 об; Д. 5575. Л. 7; Д. 5571. Л. 27 об; Д. 5607. Л. 137 об.
[74] ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 9300.
[75] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5594. Л. 187–189.
[76] Там же. Д. 5574. Л. 47; Д. 5594. Л. 55–55 об.
[77] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19684. Л. 1(?); ГНИМА. Фототека. № 5-22071; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18684. Л. 2); Ф. 846. Оп. 16. Д. 19684. Л. 19; ГНИМА. Фототека. № 5-3257.
[78] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 29594. Л. 1.
[79] Там же. Д. 5574. Л. 207.
[80] Там же. Д. 5616. Л. 172–172 об.
[81] Там же. Д. 5594. Л. 11, 83, 170–170 об.
[82] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 29926. Л. 1–4; Д. 5712; Д. 18673; Д. 18680; Д. 18702; д. 18724; Д. 20536; Д. 5712; Д. 5633.
[83] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5685. Л. 56 об–57; Д. 29939. Л. 1–4; Д. 29566.
[84] ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 9270. Л. 7.
[85] ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Ед. хр. (Д.) 13462. Л. 128, 311, 315; (Д.) 9493. Л. 2–3 об, 26–34 об.
[86] ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Ед. хр. (Д.) 12147.
[87] ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Ед. хр. (Д.) 12198. Л. 1–7.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Этапы планировочного развития центрального ядра усадьбы Царицыно и история его археологического изучения

Большой дворец и «Хлебный дом» — два наиболее крупных сооружения царицынского ансамбля конца XVIII в. Они занимают вершину широкого мыса, который образован крутым правым берегом Верхне-Царицынского пруда (р. Язвенки) и левым берегом оврага, впадающего в Нижне-Царицынский пруд (р. Городёнку) ниже Верхней плотины. Исключительная красота и удобство расположения определили особую значимость данной территории в окружающем ландшафте — что закономерно было использовано при создании существующего дворцового ансамбля, а также более ранних усадебных структур.

В настоящем исследовании мы будем иметь в виду территорию, не только находящуюся непосредственно под постройками, но и простирающуюся немного дальше, т.е. некое «планировочное пространство», поглощаемое указанными сооружениями. Протяженность участка (который, однако, не имеет форму прямоугольника) составляет около 300 м, ширина — 100 м. Это сопоставимо с размерами крупного городского квартала. Западная граница обозначенной территории проходит по линии обрыва к Верхне-Царицынскому пруду (или: по фасаду Малого дворца), восточная — по склону оврага, расположенного позади «Хлебного дома». Следует оговориться, что при историческом анализе указанной территории невозможно «оторвать» ее от более широкого окружающего ландшафта, объектов которого мы неизбежно будем касаться.

Благодаря преемственности, которая прослеживается между голицынской усадьбой и более поздней усадьбой Кантемиров, запечатленной на планах XVIII в., возникает возможность более содержательной реконструкции первой, чем это позволяют сделать одни приведенные тексты.

Деревянная церковь, выстроенная Голицыным (а возможно, еще И.Ф. Стрешневым), находилась там же, где и более поздняя каменная (*Холмогоровы*, 1892. С. 176). Ее местоположение было определено «Живоносным Источником», существующим и в настоящее время. Что касается «вотчинникова двора», то планировочно наиболее подходящим для него местом — относительно церкви и по рельефу территории — является то, которое занимала потом усадьба Кантемиров. Обращает на себя внимание и принципиальное соответствие известных размеров голицынского двора (56×54 сажени = 119,3×115 м) с западным (главным) из двух дворов, показанных на планах Черной Грязи XVIII в.

Как уже было правильно подмечено Р. Байбуровой (1993а. С. 424), в описании дома Кантемиров, сделанном Берхгольцем в 1721 г., мы, скорее всего, имеем дело со старыми голицынскими хоромами (возможно, поновленными), чем с барочным дворцом начала XVIII в.: «Дом в Черной Грязи... построен на китайский манер, с отлогими крышами на два ската, с галереями, по которым можно ходить перед окнами вокруг всего строения, и со многими маленькими башнями, со всех сторон открытыми и обтянутыми только парусиною для свежести воздуха и защиты от солнца. Он весь деревянный, но так как раскрашен и стоит *на высоком месте* (курсив наш. — *С.С.*), то издали кажется великолепным. Комнаты внутри его, кроме одной залы, очень не велики, низки и с низенькими окнами, исключая, впрочем, еще комнатки в правом павильоне и во втором этаже, которая довольно высока и служит князю спальнею, потому что находится близко от одной из галерей, откуда прекрасный вид» (Дневник..., 1857. С. 235). В этом описании сразу узнается обходная галерея 1689 г., а указание на «правый павильон» (в котором была спальня князя), согласуется с дробно-«павильонной» структурой голицынских хором, которые выглядели как «...двойня, против тех хором другая двойня». Очень важно указание на расположение дома «на высоком месте», что — если ориентироваться на наибольшую высоту — точно локализует его на месте Большого дворца М.Ф. Казакова. Не до конца выясненным может оставаться лишь вопрос о фактическом наложении плана данного комплекса на план кантемировского комплекса 1775 г., о котором мы будем говорить ниже.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Более сложным оказывается вопрос о местонахождении более ранних усадебных структур Стрешневых, которые не были связаны с объемом церкви. Сложность заключается в некоторой неопределенности территориального содержания упоминаемых в источниках пустошей и поселений.

Если отталкиваться от голицынской усадьбы, то получается, что *село Богородское, пустошь Стеблевская* (на которой оно было «поселено») и *Черная Грязь* («тож» — для села Богородское) — одно и то же пространство. По максимуму это пространство охватывает: 1) место «вотчинникова двора» с его хозяйственными структурами (территория Большого дворца и, возможно, «Хлебного дома»); 2) место церкви с кладбищем; 3) место крестьянской селитьбы на правом берегу оврага, впадающего в р. Городёнку (Нижне-Царицынский пруд). Однако по записи 1682 г. «сельцо, что была пустошь Черногрязское» (с ветхими хоромами и другими постройками Стрешневых), и «пустошь Стеблевская» перечислены как разные территории одной вотчины. Во всяком случае, очевидно, что хоромы стояли за пределами «пустоши Стеблевской» — возможно, на противоположной стороне оврага, рядом с крестьянскими дворами (к которым, напомним, в это время добавились дворы жителей сгоревшей деревни Ореховой). Создателем этого боярского двора, вероятно, был С.Л. Стрешнев, позже им владела его вдова, а потом, на короткое время, двор превратился в «Государево дворовое место». На пустоши Стеблевской, видимо, задолго до постройки церкви существовал почитаемый «Живоносный источник», а возвышенное место, где теперь находятся Большой дворец и «Хлебный дом», в XVII в., вероятно, еще было занято полями или лесом. При создании в данный период боярского двора предпочтение могло быть отдано не самому высокому месту, а близости к очагу крестьянского поселения Черная Грязь. Здесь уместно упомянуть об обнаружении в ходе раскопок 1989 г. перед северным фасадом Большого дворца позднесредневекового пахотного горизонта, примерно датированного почвоведом А.Л. Александровским XVI — началом XVII в. Строго говоря, эта датировка не противоречит существованию пашни на месте Большого дворца вообще до начала 1680-х годов, т.е. в доголицынский период.

В период существования боярского двора 1650 — начала 1680-х годов в вотчине среди прочих значилась *«пустошь Казаринова»*, припущенная в пашню. Данная пустошь, вероятно, непосредственно соседствовала с пустошью/сельцом Черная Грязь и пустошью Стеблевской (крестьяне их «порознь межи не знают»). При первом владельце, Л.С. Стрешневе, в вотчине было две деревни — *Казариново* и Бабенково, «а в них двор боярской...». Судя по всему, этот последний и боярский двор 1650 — начала 1680-х годов — разные по расположению объекты. Исходя из сказанного, можно сделать допущение, что Казариново находилось где-то между населенными пунктами Царицыно и Орехово (в их границах XIX в.) или на южном краю разросшегося в позднейший период Царицыно/Ленино.

Итак, на основании данных источников XVII в. можно условно выделить три существовавших последовательно усадебно-боярских центра: 1) при поселении Казариново (предположительно между населенными пунктами Царицыно и Орехово в их границах XIX в.); 2) собственно при сельце Черная Грязь (северная половина позднейшего населенного пункта Царицыно/Ленино); 3) усадьба Голицыных в центре существующего дворцового ансамбля (Большой дворец, «Хлебный дом» и прилегающая территория). В первые два периода на месте Большого дворца и «Хлебного» дома, вероятно, существовали поля, леса, возможно, какие-то дополнительные объекты боярского хозяйства.

Общее расположение усадебного центра Д. Кантемира, по-видимому, соответствует усадьбе его наследников, известной по изображениям второй половины XVIII в. Сама по себе усадьба Д. Кантемира (ее застроенное ядро), по-видимому, была не чем иным, как бывшей усадьбой Голицыных, которая за 23 года, как ее покинули прежние владельцы, просто не могла прийти в негодность. Надо учесть, что основные постройки были возведены, несомненно, из материалов хорошего качества (что как минимум вытекает из положения В.В. Голицына в государстве), а после конфискации усадьба не была брошена, а находилась под досмотром дворцового ведомства. Единственным достоверно фиксируемым изменением в усадьбе, произведенным при Д. Кантемире, является перестройка в 1722 г. церкви: вместо полностью деревянной (1680-х годов) была построена церковь на каменном четверике (*Холмогоровы*, 1892. С. 176–177). В результате перестройки 1765 г. церковь стала полностью каменной; в 1884 г. пристроены большие приделы; вместо старой колокольни выстроена новая[1].

В настоящее время известны три плана усадьбы, отражающие ее кантемировский период:

1) «Геометрический специальной план Московского уезду Ратуева стану с принадлежащими к оному деревнями...» 1766 г.[2];

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

2) «План селу Черной грязи и находящиеся при нем пруды» (с промерами прудов) 1775 г.[3];

3) «План села Черной грязи с принадлежащими к оному деревнями и землями» 1775 г.[4]

Планы дают хорошее представление о планировочной структуре имения в целом и интересующей нас территории в частности. Важно отметить при этом, что планировка центральной части предстает перед нами в том виде, какой она сложилась: 1) после постройки в 1745 г. нового главного дома; 2) после возникновения в 1750-х годах ситуации с двумя владельцами. Видимо, именно в связи с разделом имения усадебный центр стал выглядеть как два соседствующих господских двора, из которых более крупный должен был принадлежать Матвею, а поменьше — Сергею Дмитриевичу. При этом менее крупный восточный двор был не выделившимся из прежнего, но вновь добавившимся — что очевидно по расположению здания 1745 г. Черты усадьбы бывшего молдавского господаря (и, соответственно, его предшественников Голицыных) на планах 1766–1775 гг. выражены в основных планировочных параметрах крупнейшего двора (как расположен, размеры); в изображении церкви, подъездных путей; принципиальных особенностях садовой композиции.

На всех перечисленных планах застройка усадебного ядра показана одинаково (на мельчайших отличиях мы здесь останавливаться не будем). На месте существующего Большого дворца находились два поставленных вплотную прямоугольных двора; причем восточный был аналогичен западному по композиции, но был как бы его уменьшенной копией. Основной двор представлял собой контур, зафиксированный оградой (вероятно, на непрерывном каменном фундаменте) и поставленными по периметру строениями. Въезд на двор находился со стороны церкви и дороги из Москвы, пролегавшей по плотине Верхнего пруда. Господский дом располагался в центре южной границы контура, т.е. на максимальной глубине двора; главным фасадом он был обращен к церкви. Церковь, главный въезд (ворота) и господский дом образовывали главную планировочную ось двора (а ранее и всего усадебного ядра), которая южнее дома с близлежащими садовыми боскетами имела продолжение в виде длинной широкой аллеи, проложенной по высокому берегу пруда. На одной линии с главным домом, в юго-восточном углу дворового контура, находился второй, значительно меньший объем (флигель главного дома). Почти вплотную к нему, с юга (т.е. уже в пределах прилегающего партера), была поставлена еще одна небольшая постройка (очевидно, оранжерея). Углы двора в части, ближайшей к церкви, были зафиксированы двумя корпусами, вытянутыми по линии север–юг. Эти постройки-службы были оформлением главного въезда на двор; при этом от пространства непосредственно перед главным домом они были отрезаны дополнительной оградой поперек двора. Все то же самое, за исключением поперечной ограды, было в уменьшенном виде повторено в соседнем (восточном) господском дворе. (Раскопками 1989 г. на территории дворцового ансамбля были открыты остатки хозяйственного корпуса восточного двора и фундамент ограды, разделявшей две части усадьбы; шурфовками 1990–1992 гг. прослежена западная часть ограды кантемировской усадьбы.)

Немного по-разному изображен на планах 1766 и 1775 гг. регулярный сад, находившийся южнее господских дворов. Думается, однако, что различие проистекает от бóльшего схематизма изображения территории на плане 1766 г. Тем не менее отметим, что в 1775 г. впервые показано художественное террасирование берега пруда (в том числе знаменитая «земляная пирамида» с беседкой), а также пандусная лестница, спускавшаяся от пирамиды к пруду. Обращает на себя внимание на этом плане значительная конкретизация рисунка сада: читается не только взаимное расположение основных частей, но и детали разбивки на боскеты и даже отдельные клумбы и деревья.

Планы Черной Грязи 1775 г., несомненно, имеют отношение к купле имения Екатериной II (хотя прямо на них это не прописано). Косвенно это говорит о самом высоком качестве фиксации территории, какое было возможно в то время. Компьютерное совмещение плана 1775 г. с современной геоподосновой в целом подтверждает верность отображения сохранившихся до нашего времени элементов застройки и ландшафта (плотина, церковь, оплывшие террасы земляной пирамиды, овраги и т.д.). Это дает основание доверять деталям изображения несохранившихся построек усадьбы. Южная линия застройки двух кантемировских дворов проходила несколько южнее фасадной линии средней части Большого дворца, именно — в 9–10 м от нее. При этом в контур боковых (четырехбашенных) объемов дворца попадают, почти целиком, оба ранних господских дома. В контур восточного объема Большого дворца попадает также флигель восточного двора. Все остальные кантемировские постройки, за исключением небольших отрезков оград, оказываются вне пла-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

на Большого дворца. Что касается территории «Хлебного дома», а также пространства между ним и Большим дворцом, то в кантемировский период здесь был луг. Параллельно восточному фасаду Большого дворца, примерно в 12 м от него, пролегала дорога, пересекавшая усадьбу по линии: устье Большого оврага — юго-западный угол церкви — северо-восточный угол выгороженной центральной территории — далее на юг–юго-восток.

Остановимся теперь подробнее на основном господском доме, выделяющемся среди других построек на исторических планах территории. Лучшее по качеству изображение 1775 г. дает представление о линейных размерах здания и форме его плана, которая отличалась некоторой усложненностью. На лицевом (северном) фасаде здания имелось три ризалита (центральный и два боковых), а садовый фасад выдвигался вперед тремя уступами. По масштабу на плане длина дома по главному фасаду составляла примерно 16,5 сажени; по поперечной оси ширина составляла 8 саженей; по боковому фасаду — 6,3 сажени. Опираясь на этот абрис, а также на новые архивные данные, Р.М. Байбурова выполнила реконструкцию облика здания. Установленная дата постройки — 1745 г. (с учетом отделки — 1745–1746 гг.). Заказчиком был владелец усадьбы этого времени — Константин Кантемир.

Изложим кратко результат реконструкции. Дом был деревянный двухэтажный на каменном основании. «По лицевому фасаду были сделаны три ризалита. Центральный — на 5 осей — доминировал в композиции, боковые ризалиты имели по 3 оси. Все 3 ризалита были увенчаны резными фронтонами. Ленты полного карниза, включавшего фриз, карниз и архитрав, охватывали все сооружение, разделяя этажи и завершая стены. Окна верхнего этажа были больше окон нижнего. Фасады были украшены пилястрами, чередующимися с окнами или закреплявшими углы дома, а также наличниками, резными вазами, скульптурой над главным фронтоном. Входы в дом располагались в центре лицевого фасада, на боковых, дополнительные входы могли быть и на садовом. ...при покупке имения в 1775 г. дом был зеленого цвета. ...Можно было бы предположить, что дом был оштукатурен и покрашен по штукатурке». Опираясь на логику фасадной композиции и аналогии, Р.М. Байбурова предлагает также вариант реконструкции внутренней планировки дома, в структуре которой, по-видимому, доминировал большой парадный зал второго этажа, обращенный одновременно и в парадный двор, и в сад. Одним из возможных авторов этой, по-видимому, интереснейшей усадебной постройки в стиле барокко был И.С. Мергасов (*Байбурова*, 1993а).

По дате документов, легших в основу этой реконструкции, перестройка дома была датирована 1745 г. Причину перестройки Р.М. Байбурова видит в общей активности владельца в усадьбе в это время. В своей публикации начала 1990-х годов Байбурова не упоминает о результатах раскопок 1989 г. в Царицыне, в ходе которых на территории кантемировской усадьбы был зафиксирован большой пожар, датированный по монетам серединой 1740-х годов. Вероятно, новый главный дом был построен в 1745 г. вместо сгоревшего.

Ценным дополнением к рассмотренной выше реконструкции служит опись утвари в черногрязском доме, составленная после смерти очередного владельца Матвея Кантемира (опись 1772 г.)[5]. Из описи видно, что в усадьбе существовали «ранжерея» (один из корпусов, возможно, находился рядом с главным домом), ледник, винный склад, большая конюшня, скотный двор, птичник.

Дальнейшая судьба дома 1745 г. известна: при возведении баженовских дворцов он был разобран.

Представляет интерес также сохранившееся описание второго господского дома — Сергея Дмитриевича, — который был меньше по размеру, простой прямоугольный в плане и находился как бы в тени описанного выше объема (опись 1765 г.)[6]. Набор помещений говорит о том, что дом был одноэтажный, упоминание верхних и нижних сеней заставляет предполагать антресоли или мезонинчик, вероятно, на садовой стороне. На дворе перед домом существовали: каретный сарай, «сарай плетневой», погреб, поварня. Напомним, что сам дом и какая-то из его служебных построек располагались в границах плана восточной части Большого дворца.

В 1775 г. Черная Грязь была куплена у С.Д. Кантемира Екатериной II.

Временный дворец строился под руководством архитектора П.Я. Плюскова[7] (ранее участвовавшего в оформлении коронации Екатерины II) и располагался, вероятно, недалеко от основных кантемировских построек. В связи с этим дворцом приведем выдержку из «Памятной записки...» В.И. Баженова к докладу Екатерине II, датированной октябрем 1777 г.: «...два главные дома деревянные старых хозяев снять надлежит, ибо оне мешают брать линии по опробованному плану, а камень и бут ис под них в подспорье новым материалом употребится; также и *дере-*

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

вянной дворец и кавалерские вновь построены в присудствие всемилостивейшей государыни: куда заблагоразсудится снять и употребить?» В резолюции Екатерины II на это сказано: «Старое прежних помещиков строение, равно как и поставленное на случай моего присудствия, дабы оное не мешало новым снять позволяю...» (*Баженов*, 2001). Итак, хотя Баженов и интересуется здесь, что делать с деревянным дворцом, но не ставит его в один ряд с двумя домами «старых хозяев», которые действительно «мешают брать линии». О близком расположении дворца свидетельствует ответ Екатерины II, которая понимает, что дворец тоже может «мешать новым» постройкам. В феврале 1778 г. Баженов сообщал Екатерине II: «...в силу высочайшего В. И. В. повеления разобрать старое строение, а именно зеленой большой корпус деревянной разсудили мы с господином управителем Карачинским употребить из него, что годное в оранжерею в прибавок к тутошной, пока будет построена каменная вновь, но не на том только месте, где стоит старая, а где были в присудствие В. И. В. конюшни... что ж касается до *дворца*, в коем пребывать соизволили В. И. В., то оное мы перенесли к деревне Хохловке, или Черной Грязи, впредь для какой либо надобности, естли то будет угодно»[8]. Из документов, связанных со строительством Баженова, видно, что главной проблемой строительства была постоянная острая нехватка средств. Поэтому факт разборки и сборки на новом месте пусть небольшого, но все-таки «дворца» — дополнительно свидетельствует о его расположении в зоне строительства. Если принять, что дворец при остававшихся кантемировских домах стоял не на самых низких отметках плато, то находился он, видимо, не далее площади перед Большим дворцом Казакова.

Создание ансамбля императорской резиденции уже в год покупки имения было поручено архитектору В.И. Баженову, который и приступил к составлению проекта «по своеручным задачам» Екатерины II[9]. Вскоре Баженов представил два варианта проекта, один из которых и был утвержден. Утвержденный проект всего ансамбля известен сегодня в двух основных листах: это «Генеральный фасад» (Панорама) села Царицыно, с подписью В.И. Баженова и им же поставленной датой — «Декабря... дня 1776 года»[10], и предположительно относимый к тому же году «Генеральный план села Царицына»[11]. Еще один Генеральный план, выполненный Баженовым в карандаше в 1781 г., фиксирует изменения, возникшие в композиции ансамбля за пять лет строительства[12].

Кроме того, сохранились датируемые второй половиной 1770-х и частью началом 1780-х гг. специальные изображения планов и фасадов большинства построек В.И. Баженова[13]. Из интересующих нас построек в этой группе чертежей сохранились планы обоих дворцов, предполагавшейся между ними оранжереи, «Хлебного дома», но ни одного фасада. Не до конца выясненным остается, правда, местоположение одного из павильонов, фасад которого сохранился. Павильон двухэтажный, имеет выступ полуротонды и увенчан куполом. Как писал А.И. Михайлов: «По размерам и плану павильон не совпадает ни с одним из известных нам царицынских строений. В то же время нельзя не отметить того факта, что протяженность его фасада равна длине оранжереи, на месте которой строился дворец для семьи Павла (около 12 сажен). Не был ли это один из вариантов дворца для детей Павла?» (*Михайлов*, 1951. С. 128, 138). Михайлову остался неизвестным упомянутый выше чертеж ансамбля 1781 г., который является дополнительным аргументом в пользу его предположения. Что касается таких интересующих нас сооружений В.И. Баженова, как галерея-ограда с воротами и «дом управляющего» (к западу от «Хлебного дома»), то в XVIII в. они изображены только на общих планах ансамбля: сначала баженовских (галерея — только на плане 1781 г.), потом казаковских.

Спроектированный Баженовым ансамбль представлял собой живописную многоплановую композицию, образованную разновеликими зданиями-павильонами в стиле «нежной готики». Планировочное ядро составляла группа из трех главных «павильонов»: дворца Екатерины II, великого князя Павла Петровича и Большого кавалерского корпуса. При этом последний доминировал в объемно-пространственной композиции. Главные здания окружал внешний пояс построек, среди которых самой крупной был Кухонный корпус, известный также как «Хлебный дом». Этот объем закрепил восточный край ансамбля, естественным образом ограниченный оврагом. На «Генеральном фасаде» (панораме) В.И. Баженова видно, что при взгляде на ансамбль с противоположного берега пруда «Хлебный дом» должен был восприниматься как соединительное звено, «галерея» между главными объемами планировочного ядра. Значительные размеры здания были обусловлены также его функциональным назначением: в нем должны были разместиться «погреба, ледники, три кухни, кондитерския...» и некоторые другие службы.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Дворцы Екатерины II, великого князя Павла и его детей архитектора В.И. Баженова (1779–1785 гг.)

Баженовские дворцы Екатерины II и Павла представляли собой два идентичных объема (совпадающие и по внутренней планировке), поставленные почти точно на месте домов братьев Кантемиров. Интересно, что южные фасады обоих групп располагаются почти на одной линии, да и разрыв между объемами практически одинаков (все это очевидно при компьютерном совмещении исторических планов). Разница заключается лишь в том, что главные фасады кантемировских построек смотрели на север, а дворцов Баженова — скорее всего на юг.

Отдельно взятый баженовский корпус — двухэтажный и имеет форму плана, близкую к П-образной; боковые части сильно выступали, центральный объем — заглублен. Образованный таким образом небольшой дворик/курдонер был обращен на север. В средине дворика находилось парадное крыльцо, откуда посетитель должен был попадать в овальный вестибюль. Боковые выступы здания имели свои входы. Большинство помещений были небольших размеров, а в целом планировка дворца близко напоминала большой помещичий дом. Центром планировочной композиции дворца были полукруглые залы первого и второго этажей, открытые окнами в сад. «...Дворцы явно не предназначались для парадной жизни. Размеры их более чем скромны. По фронту каждый из них имеет 19 сажен, в глубину 14» (*Михайлов*, 1951. С. 131). Михайлов отмечает, что «...по замыслу Баженова, главными были фасады [дворцов], обращенные в сторону парка и не имевшие ни подъездов, ни входов... именно здесь [со стороны парка] Баженов стремился создать парадный центр всей композиции. В таком случае понятно, почему он отказался от создания большой свободной площади перед дворцами со стороны коломенской дороги и церкви, почему он помещает с этой стороны перед дворцами Кавалерский и Камер-юнфарский корпуса и вообще застраивает всю площадь перед дворцами. ...Человек, приехавший в Царицыно, видел не его главный, парадный фасад, а попадал сначала как бы в огромный усадебный двор, на котором располагались служебные корпуса, павильоны для свиты, кухни и подъезды в главные дворцы, и, только миновав эту служебно-хозяйственную зону и пройдя через дворцы, он оказывался в главной точке всего ансамбля...» (*Михайлов*, 1951. С. 132–133).

На дошедших до нас чертежах, показывающих планировку дворцов, осталась не зафиксированной важная деталь дворца Екатерины II, который находился на более низких отметках, чем дворец Павла, отчего, в отличие от последнего, имел дополнительный заглубленный ярус. На это прямо указывается в письме Баженова Безбородко 1780 г.: «...оной корпус [дворец Екатерины II] почесться может трехжилой, ибо в нем третьи своды производются: первые погребные, вторые первого жилья, третьи верхнева жилья. Внизу же быть могут покои для нижних служителей, кои вышли весьма сухие по местоположению, хотя и ниже горизонтом, как быть дворцу их императорским высочествам, которой на возвышенном месте уже выбучен в прошлом годе и в коем погребов не выдет за возвышением местоположения»[14].

Собственно, о фасадном решении дворцов в настоящее время можно судить только по изображению бокового (западного) фасада дворца Екатерины II на панораме Баженова 1776 г. Данный фасад имеет восемь осей стрельчатых окон, более узких и вытянутых, чем у соседнего Большого Кавалерского корпуса. Окна забраны в прямоугольные наличники, а членения фасада выполнены узкими пилястрами. Здание завершено ажурным парапетом с мелкими сердцевидными кокошниками и возвышающимися островерхими пирамидками. Средняя часть здания увенчана открытым бельведером со шпилем. Здание несколько скромнее по размерам, чем находящийся рядом Большой Кавалерский корпус, но, на наш взгляд, является более удачным произведением «нежной готики» Баженова.

По первоначальному проекту в пространстве между дворцами Баженов поместил небольшой вытянутый объем оранжереи, заключавший в себе круглое среднее и два боковых прямоугольных помещения. Однако в 1780–1781 гг., уже в процессе строительства дворцов, проект в части оранжереи был изменен: вместо нее было решено поставить третий дворец — для детей Павла Александра и Константина. Предложение выполнить такой дворец было сделано самим Баженовым, причем архитектор не исключал возможность сохранения в рамках его композиции и оранжереи: «...а оранжерею можно поместить тут же внизу или вверху галереею, или коридором, дабы через оное коммуникация была в два главные дворца». Идея третьего дворца, с встроенной оранжереей, и была утверждена в 1781 г.[15] Третий объем показан на карандашном

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Генплане В.И. Баженова 1781 г., а выше мы уже говорили, что, вероятно, и фасад его сохранился (опубликован А.И. Михайловым как «Проект неизвестного павильона в Царицыне»). С появлением третьего дворца, связанного с главными объемами переходами, четкая двухцентричная композиция дворцов была трансформирована. Теперь можно было говорить о едином здании — с более или менее акцентированной серединой или флангами. Сам Баженов позже определил комплекс как «Главный корпус дворца Ея Императорского Величества и всей Императорской Фамилии».

К возведению дворцов императрицы и великого князя Павла В.И. Баженов приступил только в 1779 г. (т.е. в четвертый строительный сезон), когда уже существовало большинство построек так называемой первой линии ансамбля вдоль «Березовой проспективы» над берегом пруда: Фигурный мост, «Шестиугольный», «Крестообразный», Камер-юнфарский корпуса, Малый и Средний дворцы и некоторые другие. Постройка главных дворцов не начиналась до разборки старых кантемировских строений и временного дворца Екатерины II, произведенной зимой 1778 г., но, возможно, дело было не только в этом.

Представляют интерес, в том числе и в археологическом аспекте, сведения об использовавшихся Баженовым материалах; они касаются всех построек ансамбля и исследуемых нами строений в частности. «Записка Баженова» и другие документы свидетельствуют о том, что все царицынские павильоны построены исключительно из подмосковных материалов, особенности которых зодчий хорошо изучил. На цоколи и лестницы шел *хорошевский* и *люберецкий* дикий камень, на карнизы и орнаменты — *мячковский* и *звенигородский* белый камень, на стены — кирпич, часть которого выделывалась по особым образцам. Баженов также просил разрешить использовать в царицынских постройках ту известь, которую он сам замаривал для кремлевского дворца. «Известь, кою замаривал в Кремле архитектор Баженов, не соблоговолено ль будет ее брать и употреблять в стены, а особливо к Готике нежному строению непременно нужно». Имеются сведения, что некоторую часть материалов из сделанных им в свое время в Кремле запасов Баженову удалось получить, но основная масса заготовлялась вновь подрядами и покупкой у промышленников и крестьян. Баженов строил Царицыно без каменных мастеров, с одними только каменщиками «нижегородами», причем из года в год на стройке работала одна артель, которая под руководством зодчего постигла в совершенстве тонкое искусство декоративной кладки и резьбы «нежных» орнаментов из белого камня» (*Михайлов*, 1951. С. 117).

О начальном этапе постройки дворцов сообщает В.И. Баженов в отчете о работах, выполненных в 1779 г.: «...Е.И.В. главной дворец... близ половины на цокуль дикого камня взведен белым камнем и кирпичем»; также говорится о начале постройки «другого корпуса для их императорских высочеств»[16].

В сезон 1780 г. строительство дворцов продолжилось. Зимой этого года перед началом работ Баженов писал Екатерине II, что будет заканчивать дворцы императрицы и Павла; в этом письме архитектор предлагает выполнить Средний дворец, о чем мы говорили выше. За лето 1780 г. в основном был достроен дворец Екатерины II «с карнизом и башенками»; «токмо, — сообщает Баженов, — перапет оставлен до будущего года и несколько третьих сводов», ибо «перапет... столько нежен, что должно его производить в самое лутчее летнее и сухое время»[17]. Известно, однако, что из-за лихорадки, поразившей каменщиков (некоторое время болел и сам Баженов), в этом году было сделано меньше намеченного.

1781 г.: продолжение строительства дворцов — двух первоначальных и третьего вновь утвержденного. В августе Баженов сообщал Екатерине, что ее дворец «окончен ныне еще в начале июня и совершен, и весьма выветрел и сух; окроме кровли и только малой части перапета от садовой стороны еще не зделано; а оставлено, дабы удобнее было втаскивать наверх материалы, для настоящей впредь кровли, а теперь временной покрывается, и крыльца приделываются»[18]. Дворцы Павла и его детей были возведены до окон второго этажа. «Все оные три корпуса, — писал Баженов, — по фасаду своему к московской стороне [северному] пространились на пятидесяти девяти саженях и на один аршин [126,38 м], высота первому строению [т.е. Екатерины] с перапетом и с куронеманом двенадцать сажен и два аршина [26,98 м]»[19]. В конце 1781 г. Баженов отправил в Петербург планы и фасад всех трех корпусов для «конфирмации». Позднее через Безбородко Баженову было сообщено, что чертежами «государыня, рассмотрев, была весма довольна».

1782 г.: все три дворца завершены (вчерне); следом Баженов приступает к другим строениям, в том числе Управительскому дому и вновь спроектированной галерее с воротами (оба сооружения — между дворцом Павла и не нача-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тыми еще Кухнями). К осени главные дворцы и Управительский дом были покрыты временными кровлями.

Только в 1784 г., в связи с предполагаемым приездом Екатерины II, Баженову было дано указание произвести внутреннюю отделку всех построенных в Царицыне зданий. В июне 1784 г. архитектор сообщал: «...главной корпус дворца ея императорскаго величества и всей императорской фамилии, штуком верхнее жилье почти совсем отделано; да и нижние жилья немного менее трети подштукатурены же... и во всех давно построенных зданиях делаются печи, переплеты окон, двери и в дворцах главных под плиту полы подготовлены, более половины»[20]. Вопрос о типе полов в царицынских постройках принципиально был выяснен Баженовым еще в 1776 г. На запрос — какие должны быть полы: «из кирпичной глины плитками, или сементом по-венециански? Или по-русски деревянные?» — последовал ответ: «полы делать из кирпичной глины плитками». Полы во дворцах, как и во всех других павильонах, были настланы из плиток (о «лещади полов в главном корпусе» упоминается в материалах о его разборке в 1786 г.).

21 июля 1784 г.: «все дворцы, корпусы, домики, что построено в прежних годех ныне штукатуркою все кончаны, кроме самых малостей, и к концу все оные приходют. Печи во всех почти отделаны, полы плитками устилаются, двери и переплеты окошкам готовятся»[21]. К концу 1784 г.: все ранее построенные корпуса были закончены внутренней отделкой; «остались только не кончаны некоторые полы»[22].

Уже в конце 1770-х годов В.И. Баженов по распоряжению Екатерины II покрыл первые выстроенные павильоны желтой черепицей. Однако он неоднократно высказывал мнение о непрактичности этого типа кровли в условиях местного климата и применительно к спроектированным для Царицына зданиям (с «отлогими» крышами). В одном из «представлений», в котором Баженов говорил о возможной порче сводов от течи из-под черепицы, он специально упомянул о главных дворцах: «...Хотя на построенных двух дворцах на некоторых сводах в предосторожность архитектор намазал лехкой семент весма толсто и как одел шубой, но со временем худая кровля и оное одолеет и так впредь будет ли повелено крыть черепицею, или железом и по нем раскрасить под черепицу»[23]. Кроме павильонов, покрытых черепицей еще в конце 1770-х годов, все остальные постройки в Царицыне, включая дворцы, стояли с временными кровлями. В 1784–1785 гг. к приезду Екатерины они также были покрыты черепицей.

Посетившей Царицыно летом 1785 г. Екатерине II дворцы Баженова «в реальности» не понравились. «...Своды ей показались слишком тяжелыми, комнаты слишком низкими, будуары слишком тесными, залы темными, лестницы слишком узкими» (письмо Екатерины II — Ф.М. Гримму от 4 июня 1785 г.; Екатерина пишет о себе в третьем лице). О дальнейших намерениях в отношении комплекса императрица говорит в письме к Павлу и его супруге от 8 июня 1785 г.: царицынский дворец «...внутри должен быть изменен ибо так в нем было бы невозможно жить» (*Баженов*, 2001. С. 163).

Строго говоря, приведенные претензии Екатерины к дворцу (а только о них пока и известно) касаются исключительно интерьера, при этом некоторые основания для подобных суждений о помещениях, видимо, действительно существовали. Например, по отзыву графа Я.А. Брюса, стоявшее рядом с дворцами здание — Большой Кавалерский корпус — «много теснит» первые, «в некоторых покоях отнимает свет».

В октябре 1785 г. В.И. Баженов значился уже отстраненным от руководства царицынским строением; это руководство перешло к М.М. Измайлову, возглавлявшему «Экспедицию кремлевских строений». Из источников видно, что по именному указу о «переправке строения, в селе Царицыне производимого» варианты изменений было поручено подготовить В.И. Баженову и М.Ф. Казакову. Собственно, проект Баженова остается неизвестным. В январе 1786 г. Баженов был уволен на год от должностей, а 6 февраля 1786 г. последовало распоряжение «О разборке в селе Царицыне построенного главного корпуса до основания и о производстве потом по вновь конфирмованному, сочиненному архитектором Казаковым плану»[24].

Большой дворец арх. М.Ф. Казакова (1786–1796 гг.)

В строительный сезон 1786 г. в Царицыне решались две основные задачи: разборка баженовского Главного корпуса «до основания» и переход к возведению более крупного дворца. В деле Дворцового отдела за май–июль этого года сосредствуют сведения о выплатах лицам, занятым на разборке дворца со сведениями о поставках новых материалов:

– «О выдаче купцу Дунину за разборку в селе Царицыне на главном корпусе дворца деревян-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ной крыши со стропилами и за разборку в оном корпусе печей, полов... денег 234 рубля;

– «...о поставке на цоколь дикого камня»;

– «...о разборке лещади полов в главном корпусе»;

– «О выдаче купцу Аверкину и крестьянину Лапину 2537 руб. денег за выбранные в с. Царицыне из главного корпуса разные материалы» и так далее.

В середине июля состоялась церемония закладки нового Главного корпуса дворца с «водоосвящением на месте закладки»[25].

В итоговых материалах о строительных работах 1786 г., предоставленных для ознакомления Екатерине II в декабре, сообщалось следующее: «...Отпущено было 50 000 рублей. Из оных в расход: ...за поставленные разные материалы, как то: круховую известь, песок, новой кирпич, белой коробочной и дикой камень, белой пахорский бут, полосное железо, свинец, лесной материал и разныя инструменты и припасы — 28 563 рубля 80 ¾ коп. За разборку главного корпуса дворца и за отвозку выбранных материалов, за вынутую из рвов и отвезенную землю, на каменщиков, столяров, плотников, за производимыя работы — 11 272 руб. 72 ½ коп.». «...В селе Царицыне главный корпус [архитектора В.И. Баженова] до основания разобран и по высочайше конфирмованным чертежам вновь начат и зделан цоколь из дикаго и белаго камня с возвышением кирпичных стен»[26]. (Последующие этапы строительного процесса будут рассмотрены несколько ниже.)

История постройки казаковского дворца четко делится на два этапа: 1) начальный период возведения дворца по утвержденному в 1785–1786 гг. проекту: 1786–1789/90 гг.; 2) завершение здания вчерне по значительно измененному, в сторону упрощения, проекту: 1793–1796 гг. Работы были полностью остановлены на начальной стадии внутренней отделки дворца.

Отличие между первоначальным и осуществленным вариантами дворца заключается в понижении его в процессе строительства на один этаж, заметном упрощении формы кровли и характера завершения в целом. Форма плана здания при этом осталась без изменений. Оба варианта сохранились в чертежах времени М.Ф. Казакова (фасады, планы дворца).

Характер нового архитектурного решения дворца, несомненно, отражал новые пожелания заказчицы (Екатерины II), которые, как об этом свидетельствует само сооружение, заключались в преодолении дробной павильонной структуры дворца, увеличении размеров и самого здания, и его помещений, создании соответствующей такому объему парадно-подъездной зоны (отвечающей, как мы сегодня видим, привычным схемам классицизма). Новое здание возводилось на месте прежних баженовских дворцов, с сохранением общей продольно-осевой композиции последних, но с увеличением примерно вдвое пространства занимаемой земли (главным образом с южной, восточной и западной сторон). Так как многие, в большинстве своем небольшие, постройки Баженова должны были остаться на своих местах, то перед М.Ф. Казаковым возникала также сложная задача планировочно-стилистической гармонизации перестраиваемого ансамбля (в результате до конца так и не решенная). Казаков предложил вариант дворца, казалось бы, в том же «готическом» стиле, что и постройки его предшественника (зависимость собственно стилистического выбора от сооружений Баженова очевидна). Но совершенно иные архитектурные массы, которыми должен был оперировать Казаков, заставили его обратиться к более крупному масштабу готических форм; при этом Казаков заметно меньше импровизировал с этими формами, прямо цитируя архитектуру европейских замков и аббатств. В результате огромный, выполненный в таком духе дворец Казакова вступил в определенное противоречие с небольшими «фантастическими» павильонами В.И. Баженова.

Дворец Казакова представлял собой два мощных квадратных в плане боковых объема, которые соединялись между собой центральной частью здания — повышенной, но в плане выглядевшей как узкая (в сравнении с боковыми объемами) галерея. На углах боковых объемов были поставлены массивные граненые башни с характерными для позднеготических и ренессансных замков высокими кровлями с множеством малых шпилей; эти кровли, по существу, несли главную эмоциональную нагрузку в силуэте дворца. В оформлении фасадов ведущим стал мотив крупной стрельчатой арки, который был многократно повторен в обрамлениях проемов (сами проемы по большей части были прямоугольные).

При всем различии, которое существовало между баженовским комплексом и Большим дворцом Казакова, в основе их планировки лежала сходная схема. Два боковых объема предназначались для жилых покоев — соответственно Екатерины II и других членов императорской фамилии. Но в казаковском дворце значительно возрастала роль середины композиции. Повышенная центральная «галерея» должна была за-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ключать в себе приемные залы, а на средней оси находился портик парадного входа, через который должны были попадать в дворцовый вестибюль с главной лестницей, ведущей в верхний ярус дворца. «Галерея» как бы стягивала массы здания к центру, делая композицию целого при всей ее растянутости — одноосевой. Значительным размерам и строго симметричной композиции дворца должна была отвечать и структура парадной площади, которую Казаков после сноса Большого Кавалерского корпуса раскрывал перед северным — теперь главным — фасадом дворца. Основу планировки площади должны были составить два широких подъездных пандуса полуциркульных очертаний, симметричных относительно главной оси дворца. Эта ось стала главной осью всего ансамбля, которая таким образом была перенесена с «березовой перспективы». (Поиск следов сооружения пандусов был одной из задач археологических разведок в Царицыно в 1985 г.)

Дальнейший ход строительства дворца прослеживается по следующим архивным записям (выдержкам из рапортов Экспедиции кремлевских строений Екатерине II).

Запись 1787 г.: «...В селе Царицыне из дикаго камня цоколь докончан, и нижний этаж с окнами зделан. Второй же етаж выведен под окна; и покрыто [здание дворца] времянною крышкою...»[27]

Запись от 7 января 1789 г.: «...В селе Царицыне строящегося главного корпуса дворца второй етаж зделан под карниз онаго, и на зимнее время покрыт временною крышкою...»[28]

Запись от 15 января 1790 г.: «...В селе Царицыно строющийся главный корпус дворца первой жилой етаж кончан и второго ж етажа зачаты делать перапеты, и на зимнее время покрыт времянною крышкою...»[29]

На этом этапе строительство дворца, которое стало заметно замедляться, было вовсе приостановлено — вероятно, в связи с русско-турецкой войной, которая шла с 1787 г.

До 1793 г. в Царицыне не производилось никаких работ, за исключением периодической «поправки на главном корпусе дворца... временной кровли» (записи от 1 января 1791 г., 14 января 1792 г.)[30]. В январе 1793 г. появилось «имянное повеление» Екатерины II: «...Главной корпус дворца в Царицыне каменным строением более не возвышать, а положа окончательный карниз, средину и башни возвысить и покрыть настоящею кровлею»[31]. О причинах решения «более не возвышать» дворец в настоящее время точных сведений нет. Простые объяснения — нехватка средств или просто нежелание Екатерины продолжать заниматься резиденцией, — на наш взгляд, недостаточны. Возможно, в процессе строительства стали очевидны преимущества меньшей этажности дворца, который, с одной стороны, уже выполненной массой стал заметно подавлять соседние сооружения, с другой — выглядел вполне законченным по пропорциям, хотя и несколько растянутым. В соответствии с приведенным распоряжением М.Ф. Казаков подготовил второй вариант проекта, по которому и решено было завершать постройку. Боковые объемы становились двухэтажными, средняя «галерея» — трехэтажной (ранее соответственно: три и четыре этажа, не считая яруса кровельных окон над «галереей»). Заметно упрощалась структура кровельного завершения дворца, который лишался множества мелких шпилей на башнях и не очень органичного для его объема легкого бельведера под пологим куполом (здесь тоже уместно говорить о новом видении образа постройки).

В сезон 1793 г. работы на дворце по этому «скорректированному» проекту приблизились к своему окончанию вчерне: «В селе Царицыне главный корпус по собрании зделанных перапетов, как высочайше повелено, каменною работою совсем окончан и покрывается заготовленным железом настоящею кровлею, которую в осеннее время в рассуждении дурной погоды, сделать совсем успеть было неможно» (запись от 11 января 1794 г.)[32].

В 1794–1795 гг., судя по архивным записям, продолжались работы в кровельной части дворца, которая даже в упрощенном виде представляла собой довольно сложное сооружение. Было начато создание парадного двора, для чего в 1794 г. был разобран Большой Кавалерский корпус Баженова («Окончание разборки кавалерского корпуса поручить крестьянину Дунякову»)[33].

План и смета собственно «внутренной Царицынскаго дворца отделки» были направлены Казаковым на утверждение в январе 1795 г. Но сами работы начались только в 1796 г., когда в семнадцати комнатах первого и второго этажей делались «плотничною работою под полы накаты и наборныя потолки»[34].

После смерти Екатерины II осенью 1796 г. всякие работы в Царицыне были прерваны специальным указом Павла I от 8 июня 1797 г. («...в селе Царицыне никаких строений не производить»[35]).

Хронологически отрывочные и неполные, сохранившиеся в архивах записи о постройке

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

дворца, все же дают возможность проследить в общих чертах «техническую» сторону дела. Приведем — в их оригинальной форме — упоминания документов об использовавшихся при строительстве материалах, по видам материалов:

Камень и кирпич: «...пехорского белого камня разных мер...»; «ломаного»; «мячковского белого камня разных мер...»; «камня белого дикого...»; «выломанного из прежнего строения...» «буту белого...»[36]; «...в строящемся главном корпусе дворца в Царицыне на верхнем этаже, кроме главного карниза и мезонина над галереею... из имеющихся налицо каменных материалов надлежит заготовить впрок кирпич для полного окончания при башнях колонн, белого камня в ¾ аршина...»; «кирпич белый пехорский...»[37]; «...о поденной работе для складирования при строении в с. Царицыне развалившегося, *выбранного из главного корпуса кирпича* целого и половинного и разбора кавалерского корпуса, также разбора дикого камня площадного»[38]; «О поставке для строительства дворца в Царицыно главного корпуса разных мер белого мячковского камня, лещади на 1500 рублей... на наружный ряд сверху, на капители, на углы»; «О поступлении на строительство главного корпуса ... разных мер мячковского камня на капители полуколонн, между верхних окон против галереи в башнях первой и второй, карнизы и на углы, для прогона карниза на башнях...»; «О расходе камня на строительство главного корпуса... камня белого на карнизы, столбы, башни, наличники мячковского, укрепления из пехорского крупного, обтесанного, в балконах полукруглый камень; на верхние окна и в малые колонны, выполненный *из прежнего строения шел*»[39]; «Кроме разного каменного и кирпичного, а также тесового материала употреблено камня белого на колонны и белого полукруглого на 1000 р.»[40].

Металл: «Чугунных изделий: [перечислены детали печей]»; «Медных, латунных дел: [то же]»; «гвоздей...»; «железа: листового нового и старого на временные крышки...»; «листового цветного»; «черного...»; «железа полосного...»[41]; «...оный [главный] корпус покрыть железом по окончании летних каменных работ...»; «Чугун...»; «Медь...»; «Медь латунная для печных дверей»; «Железо полосное 310 пудов...»[42]; «О договоре с цеховым мастером Степаном Даниловым на делание до окончания главного корпуса по задаваемым от господина архитектора шаблонам кузнечную мелочную работу»[43]; «...кузнец Григорий Гущин обязуется на строящемся в с. Царицыне главном корпусе по зделанным обрешеченным стропилам покрыть крышу казенным листовым черным железом и выкрашении тех листов снизу на масле вареною охрою»; «... Железные скобы на подколонны и к балконам выполнять Гущину»[44]; «...для строения главного корпуса разного сорта сибирского железа получено на сумму 4000 рублей...»; «...Железа для укрепления стропил, скоб, хомутов, болтов, подхватов и прочего от купца Григория Смирнова получено на сумму 200 р.»; «...Для строения... из отпущенного казенного железа на разную кузнечную работу договор иметь надобно... Мастером Гущиным уже изготовлено: хомуты к воротам, для подвески белого камня болты разной меры, шпренгеля к башням, провемы в окна, 12 шпилей к колоннам, клинья, связи на башни положены...»; «...получено каменщиками от господина архитектора... за вырубку на главном корпусе шпунтов около башни и кругом галерей для впуску листового железа на 100 р.»[45]; «О поставке черного листового железа квадратного аршинного для покрытия на главном корпусе крыши»[46].

С прекращением на стадии внутренней отделки процесса сооружения Большого дворца начался новый период существования постройки, связанный с ее постепенным ветшанием и разрушением. Уже по описанию первых лет XIX в. «...стены и крыши дворца... покрыты были кустарниками и травою»[47]. В середине 1810-х гг. были демонтированы парадные колонны (портики). В рассказе И.В. Киреевского 1827 г. «Царицынская ночь» о дворце говорится как о пустующей «развалине», оставшейся уже «...без окон и дверей» (*Киреевский*, 1984. С. 100–103).

В середине XIX в. в Большом дворце были отмечены следующие утраты: две внутренние «поперечные в один этаж стены» были разобраны; «в некоторых местах стропила крыши обвалились»[48].

В 1882 г. находившиеся под угрозой обрушения кровли дворца были полностью разобраны (Путеводитель..., 1913. С. 26)[49]. Эту утрату можно назвать одной из самых существенных и для визуального образа дворца, и с точки зрения перспективы его дальнейшего разрушения. Оставшись без кровли, постройка лишилась одновременно важнейшей части своего объемного решения (несшей большую эмоциональную нагрузку) и хоть какой-то защиты кладок.

«Хлебный дом» («Кухни»), «Управительский дом», Галерея-ограда с воротами архитектора В.И. Баженова (1782–1785 гг.)

Эта группа построек, располагавшихся в восточной части исследуемого участка, была возведена В.И. Баженовым уже после того, как были закончены вчерне трехсоставной «Глав-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ный корпус дворца...» и большинство других сооружений ансамбля. До нашего времени сохранились только *«Хлебный дом»* и *Галерея-ограда с воротами*, которую сам Баженов определял как «ворота с оградой» или «галерея и ворота».

Несохранившийся *«Управительский дом»* — называемый так по надписи на чертеже 1781 г. — появился несколько ранее других рассматриваемых элементов. Он был выстроен в сезон 1782 г. и к осени этого года (как и главные дворцы) покрыт временной кровлей. К приезду в Царицыно Екатерины II в 1785 г. здание, видимо, уже было отделано. Каменный «Управительский дом» заменил собой прежнее деревянное строение, имевшее то же назначение, которое стояло в пределах участка, занятого потом «Хлебным домом».

Об «Управительском доме» сохранилось мало сведений. На «Панораме» В.И. Баженова этот элемент не виден, так как находился позади царских дворцов; нет чертежей этого здания и среди тех баженовских материалов на строения, которые хранятся в Государственном Эрмитаже. По существу, мы располагаем только изображениями здания на планах всего ансамбля «баженовского» и «казаковского» периодов. При сравнении этих планов выясняется, что первоначальный проект постройки (отображенный на «Генеральном плане села Царицына», предположительно датируемом 1776 г.) позднее был несколько изменен Баженовым; предполагаемые вначале местоположение и габариты постройки были сохранены, но была несколько переработана собственно планировочная структура здания. В осуществленном виде «Управительский дом» показан на «Генеральном плане строению в селе Царицыне...» из седьмого альбома Казакова конца XVIII в.

В структуре царицынского ансамбля «Управительский дом» представлял собой тип малого павильона, близкого по размерам к сохранившемуся Первому Кавалерскому корпусу, а также несохранившимся Камер-юнфарскому, «Крестообразному» и «Шестиугольному» корпусам. «Павильон» находился между «Хлебным домом» и дворцом Павла (потом Большим дворцом архитектора Казакова), но так как был поставлен на линии, продолжающей южный фасад «Хлебного дома», то был отодвинут от существующей центральной площади.

«Управительский дом» представлял собой прямоугольную в плане постройку с сильно выступающим на северном фасаде трехгранным эркером (или ризалитом). Грани эркера были украшены парами круглых колонок, подобных тем, что мы видим сегодня на Первом Кавалерском корпусе, или «Восьмигранике». Небольшим ризалитом была выделена также середина южного фасада, обращенного в парк. Длина постройки, по масштабу на историческом плане, составляла около 17,5 м, ширина (без эркера) — около 12,5 м. В интерьере постройки эркеру соответствовал шестиугольный вестибюль, несколько вытянутый по главной оси строения. Кроме этого парадного помещения в здании было еще пять одинаковых квадратных комнат. Название постройки — «Управительский дом» — говорит о том, что здесь предполагалось пребывание главного администратора резиденции, которому не случайно было отведено место между дворцами и основным хозяйственным корпусом («Хлебным домом»). Интересно отметить, что «Управительскому дому» с другой стороны от главных дворцов по расположению отвечал Малый дворец Екатерины II.

По сохранившемуся изображению плана здания, равно как и по дошедшим до нас аналогичным постройкам Баженова, мы можем без особого труда представить фасады «Управительского дома»; однако о том, как точно они выглядели, сведений пока нет. Имевший отличное от других малых павильонов решение интерьера и экстерьера, «Управительский дом» был важной составляющей группы этих построек, дополнявших композицию основных сооружений ансамбля. Можно сказать, что «Управительский дом» «представлял» группу малых павильонов в юго-восточном углу ансамбля.

Судя по изображению «Управительского дома» на «Плане Аглинскому саду при селе Царицыне» 1795 г., на восточном фасаде постройки (со стороны «Хлебного дома») к этому времени было приделано небольшое прямоугольное крыльцо/тамбур. Согласно имеющимся сведениям, «Управительский дом» был разобран летом 1803 г. для получения материала на ремонт плотины[50].

В том же 1782 г. был подготовлен фундамент для *Галереи-ограды с воротами*. Данный элемент не был предусмотрен в первоначальном варианте проекта ансамбля (1776 г.) и принадлежит к числу таких изменений, которые (как, например, постройка третьего дворца для детей Павла) были привнесены уже в ходе строительства резиденции. Функционально галерея должна была служить «Переходом от Кухонного корпуса к Дворцу» (название на чертеже первой половины XIX в.), но совершенно очевидно, что целью Баженова было прежде всего усилить художественную выразительность данной части

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ансамбля; это достигалось путем контрастного сопоставления крупных объемов с более «хрупким» архитектурным элементом. По первоначальному проекту роль такого малого элемента между «Хлебным домом» и дворцами выполнял «Управительский дом»; теперь же последний загораживался Галереей-оградой, которая придала фасадной композиции дворцов и «Хлебного дома» некую непрерывность. Видимо, не является случайным, что впервые галерея показана на том же плане ансамбля 1781 г., на котором предусматривалось и возведение третьего дворца; с объединением дворцов в единую «строчку» возникала идея замкнуть и соседний отрезок фасадной композиции площади — между «Главным корпусом дворца...» и «Хлебным домом».

Приступая к постройке галереи, Баженов планировал закончить ее к лету 1783 г., однако это не удалось, и еще в июле 1784 г., в письме к Безбородко, он сообщал, что «...галерея от них [кухонь] к дворцам более половины поднята». Вероятно, вскоре она все же была закончена. В исследовательской литературе постройка Галереи-ограды датируется так: 1782–1784 гг.

Царицынская Галерея-ограда с воротами признается одним из самых выразительных и причудливых произведений «нежной готики» В.И. Баженова. Центр композиции образовывали ворота, через которые с площади к северу от дворцов должны были попадать во двор с «Управительским домом». Боковые части ворот были решены в виде двухъярусных башен со сквозными проемами и островерхими завершениями; между башен была перекинута легкая полуциркульная арка, унизанная белокаменными шипами. От ворот в направлении к «Хлебному дому» и дворцам тянулись отрезки галереи, по высоте равной нижнему ярусу воротных башен. Северный и южный фасады галереи были трактованы Баженовым различно. На северном фасаде проемы галереи имели прямоугольную форму и были украшены пучками круглых колонок; на южном — решены в виде стрельчатых готических арок, напоминавших оформление клуатров католических монастырей (собственно ворота с северной и южной стороны имели одинаковый вид). Завершалась галерея на всем своем протяжении ажурным парапетом в виде ряда «переплетенных сердец», который над опорами галереи прерывался остроконечными пинаклями.

Сразу после постройки галереи западное ее крыло было почти в два раза длиннее существующего в настоящее время, так как галерея примыкала к находившейся дальше стене баженовского дворца. Для сопряжения галереи с приблизившимся углом Большого дворца Казакова пришлось не только несколько укоротить ее, но и выполнить небольшое колено-поворот (интересно отметить, что именно в укороченном виде галерея получила симметричную структуру относительно ворот (два ее крыла стали одинаковой длины); причины асимметричного авторского решения остаются не вполне понятны).

Как о том свидетельствуют изображения галереи конца XIX в., к тому времени она сохранилась достаточно хорошо и не имела видимых на расстоянии повреждений; вместе с тем кустарник, появившийся на кладках постройки, свидетельствовал о ее заброшенности. На фотографиях 1950-х гг. постройка запечатлена уже без многих пинаклей и других деталей декора, с видимыми дефектами кладки.

К строительству *Кухонного корпуса* (за которым благодаря эмблеме, имеющейся на двух смежных фасадах, — каравай хлеба с солонкой — закрепилось название *«Хлебный дом»*) В.И. Баженов смог приступить только в 1784 г. Двумя годами раньше он указывал на значительный объем работ по постройке этого здания. «Такового более корпуса, — писал Баженов, — во всем строении царицынском нет, кроме только дворцов». В том же письме он сообщал, что «...погреба некоторые для льду производиться станут из Хорошевского камня, который не боится сырости всегдашней». Однако из-за отсутствия средств Баженову не удалось заготовить к началу строительного сезона 1782 г. достаточное количество камня для погребов, и потому закладка Кухонного корпуса была отложена до весны 1784 г., когда, получив известие о предполагавшемся приезде императрицы, Баженов в большом объеме развертывает строительство в Царицыне. В упоминавшемся выше письме к Безбородко в июле 1784 г. архитектор сообщал: «...кухни, кругом на ста саженях, на погребах и ледниках из Хорошевского камня, уже до половины первого жилья возведены». К концу сезона 1784 г. был вчерне построен первый этаж Кухонного корпуса, второй этаж строили весной 1785 г., но к приезду Екатерины II в Царицыно (в июне 1785 г.) «едва ли успели полностью его отделать» (отчеты за этот период остаются неизвестными). Оставшийся не завершенным в 1785 г., Кухонный корпус спустя год был покрыт временной лубяной кровлей, которая в 1787–1788 гг. была заменена постоянной железной, крашенной охрой «с белилами на масле». Внутренняя отделка помещений не производилась.

На проектных чертежах В.И. Баженова план Кухонного корпуса представляет собой квадрат

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

со стороной, равной 25 саженям (о том же архитектор сообщал в своих отчетах о строительстве); углы здания скруглены. В середине здания находится внутренний двор размером 9×9 саженей. В углах внутреннего двора были размещены лестницы и входы в здание. Все здание по ширине разделено внутри капитальной стеной на две неравные части: анфилада больших помещений обращена окнами наружу, малые помещения выходят окнами во внутренний двор. Все помещения имеют сводчатые перекрытия. В центре южного и восточного фасадов имелись проезды, обращенные к конюшням и фруктовому саду. В Кухонном корпусе, который Баженов почитал «большим и нужнейшим», должны были разместиться «все потребности и службы»: в цокольном этаже (на склоне к оврагу) — погреба и ледники, в двух верхних — кухни, кондитерские, «кафешенкские», помещения для других «надобностей» — «скатерная», «приспешная», «пекарная», «для угольев» и иные вспомогательные, а также комнаты для метрдотеля, дежурных, «гоффурьеров», камерлакеев и других придворных служителей, пустые запасные покои.

В ходе строительства В.И. Баженов несколько изменил первоначальную планировку и декоративное решение фасадов Кухонного корпуса. Это видно из сравнения проектных чертежей и изображения на «Панораме» 1776 г. с обмерными чертежами, составленными в XIX в. О характере использования здания в первой половине XIX в. сведений нет, но в 1848 г. его было решено приспособить под больницу и богадельню для крестьян дворцового ведомства[51]. Проект приспособления здания был выполнен архитектором Дрегаловым в 1849 г. В результате произведенной перестройки здание претерпело значительные изменения. В части внутренней планировки сделаны дополнительные перекрытия и поставлены внутренние перегородки; пробиты новые дверные проемы и заложены старые; печи устроены в других местах; внутренние лестницы были перенесены в другое место, в связи с чем были упразднены лестницы в углах внутреннего двора (находившиеся там дверные проемы были превращены в окна). Изменения, коснувшиеся наружного облика здания: заложены кирпичем люкарны и некоторые оконные проемы, растесаны старые и пробиты новые окна в цокольном этаже, заложены проездные арки на уровне первого этажа и др.

Больница просуществовала всего пять лет, а богадельня так и не была открыта. В конце 1870-х годов в отделанной части помещений располагалось земское училище. К началу 1880-х годов крыши постройки настолько обветшали, что «было решено снять их остатки во избежание какой-либо катастрофы»; в таком виде — без характерного объема крыши — «Хлебный дом» запечатлен на акварелях А.Н. Голицына 1890-х годов. Часть помещений, видимо, все-таки имела защиту от осадков, так как в конце XIX — начале XX в. здание частично сдавалось дачникам на летний период. После 1917 г. в «Хлебном доме» возникли коммунальные квартиры, существовавшие до 1970-х годов.

Ограды начала XIX в. по сторонам Большого дворца

В 1805 г., по данным Дворцового отдела РГАДА (Ф. 1239), с восточной и западной стороны от Большого дворца М.Ф. Казакова были поставлены две идентичные по формам ограды с воротами: железные решетки, заключенные между каменными столбами. Ограды должны были отделять северную часть дворцового ансамбля от Английского сада, простирающегося южнее дворца. Планировка пространства вокруг Большого дворца и устройство оград (с воротами в парк) были частью большой комплексной работы по обустройству Английского сада, которая была развернута в Царицыне в начале XIX в. под руководством нового главноначальствующего Экспедиции кремлевского строения П.С. Валуева (именно в этот период появилось большинство парковых павильонов, мостов, гротов и др.).

Точное авторство рассматриваемых оград в настоящее время не устанавливается, однако известно, что архитектурные работы в парке в данный период велись под наблюдением директора чертежной ЭКС архитектора И.В. Еготова. Ориентировочно составление проекта оград можно приписать «кругу И.В. Еготова»; однако, строго говоря, нельзя исключать и авторство самого М.Ф. Казакова, продолжавшего работать и в начале XIX в.

Судя по сохранившимся изображениям плана и наружного вида оград, они имели идентичное архитектурное решение в «готическом вкусе». Обе ограды располагались по дуге. Западная ограда соединяла юго-восточный угол Малого дворца с юго-западной башней Большого дворца, причем взаимное расположение соединяемых точек, можно сказать, «диктовало» дугообразную структуру забора. Что касается расположения «дугой» ограды с восточной стороны дворца, то там такой план, видимо, был

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

выбран для симметрии с западной оградой. Обе ограды представляли собой скомпонованные попарно кирпичные фигурные столбы, между которыми были заключены кованые решетки «готического» рисунка. Центром композиции оград были высокие воротные столбы, как бы представлявшие в миниатюре готические крепостные башенки. В нижней части кирпичные столбы были украшены вставками в виде широких белокаменных колец (придававших плану столбов форму октагона); выше располагались пояса накладных стрельчатых арочек.

В середине XIX в. ограды еще сохранялись в первоначальном виде; но к концу столетия уже пришли в руинированное состояние. Длительное время и в XX в. в полуразрушенном состоянии сохранялись два столба восточных ворот. Однако в настоящий момент на поверхности уцелел лишь небольшой фрагмент: нижняя часть восточного столба.

Этапы археологического изучения территории (до2005 г.)

Археологическое изучение собственно дворцово-паркового ансамбля, со своим особым кругом задач (выяснение нюансов строительной истории сооружений, этапов планировочного развития территории), фактически началось только в 1970-е годы, в связи с подготовкой к полномасштабной реставрации ансамбля (цв. вклейка, рис. 11). На первых порах раскопки велись самими реставрационно-проектными организациями, в оптимальном для них объеме и без строгого соблюдения научных методик, что несколько снизило общую результативность работ. Тем не менее, расширение самой сферы археологических исследований в Царицыне было положительным фактом.

В 1970-е годы раскопки на территории ансамбля проводила Мастерская № 7 института «Моспроект-3». Основным методом исследований была закладка шурфов. В 1975–1976 гг. с помощью шурфов был изучен ряд помещений Оперного дома, территории у Большого моста через овраг, Первого и Третьего Кавалерских корпусов, церкви; цокольные части многих построек изучались на предмет определения дневной поверхности XVIII в., что было необходимо для проектирования инженерных коммуникаций (*Иващенко*, 1990).

В 1976 г. в центральной части ансамбля, в 46,5 м от северного фасада Большого дворца был заложен раскоп с целью обнаружения остатков Большого Кавалерского корпуса архитектора В.И. Баженова, разобранного в 1794 г. Следы корпуса были выявлены, а их состояние позволило определить точное расположение и планировочную структуру постройки (в раскрытой части). Вместе с тем стало понятно, что «...не только стены, но и фундаменты дворца почти полностью разобраны М.Ф. Казаковым в период строительства Большого дворца». В том же раскопе были обнаружены фундаменты, не относящиеся к корпусу Баженова; они были идентифицированы как постройка усадьбы Кантемиров (аналогичная соседняя постройка будет открыта в 1989 г., о чем речь пойдет ниже). Один из выводов по стратиграфии участка, сделанных в результате раскопок 1976 г., имеет прямое отношение к нашему исследованию территории, прилегающей к Большому дворцу Казакова: «После окончания строительства Большого дворца на площади перед ним были проведены большие нивелировочные работы, и остатки Большого Кавалерского корпуса оказались под слоем грунта на глубине от 35–40 до 160–170 см» (*Воскресенский*, 1976).

В 1977 г. Мастерская № 7 института «Моспроект-3» приступила к шурфовкам внутри Большого дворца. Отчет о работе называется: «Археологические шурфы I очереди (в Большом дворце)». Целью работы, согласно отчету, было «выяснение отдельных деталей планировки дворца М.Ф. Казакова»; «Шурфами исследовались фундаменты печей, изображенных на проектном чертеже М.Ф. Казакова[52], фундаменты под колонны и лестницы дворца М.Ф. Казакова». Вместе с тем из отчета видно, что ряд шурфов был заложен специально на предмет обнаружения следов дворцов В.И. Баженова, а также с некоторыми другими дополнительными целями.

Всего в здании было заложено 68 шурфов. Из них на предмет обнаружения казаковских печей — 46; фундаментов под лестницу — 4; фундаментов колонн и поперечных стен — 8. В результате печи были открыты в 29 случаях (в 17 — нет); фундаменты под лестницы — в трех (в одном случае нет); фундаменты колонн и разобранных поперечных стен прослежены во всех случаях. В ходе исследований были получены сведения о кладках перечисленных элементов дворца и структуре фундаментов вообще. В некоторых случаях по следам примыкания к стенам здания было установлено, что печь была

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

сооружена. Изразцов, современных печам Казакова, в шурфах не обнаружено, что соответствует имеющимся сведениям о продаже изразцов в XIX в. (судя по отсутствию остатков, изразцы «из царского дворца» снимали осторожно). В одной группе помещений прослежены скопления (более или менее значительные) золотисто-желтой черепицы «античного типа», которой были покрыты постройки Баженова. В другой — скопления полихромной керамики конца XVII — первой половины XVIII в. Все скопления последней совпадают с узловыми частями планировки усадьбы Кантемиров (и, очевидно, более ранней Голицыных). Важнейшим результатом шурфовок было обнаружение в двух помещениях юго-восточной части Большого дворца фундаментных кладок, приблизительно датированных первой половиной XVIII в. По предположению авторов работ, остатки принадлежат небольшой постройке на каменном фундаменте, с кирпичным цоколем и деревянными стенами. Со своей стороны заметим, что при компьютерном совмещении плана усадьбы Кантемиров с современной подосновой — точно на это место попадает отрезок ограды (видимо, на непрерывном фундаменте), отделявшей восточный господский двор от территории сада; однако если остатки принадлежат все же строению, то есть основания считать его докантемировским либо существовавшим до реконструкции усадьбы после пожара середины 1740-х годов.

С целью обнаружения остатков построек Баженова было заложено четыре шурфа: три в крайних западных помещениях Большого дворца и один — в восточном «квадрате» плана здания. Ни в одном случае следов баженовских построек не прослежено. Зато в восточной части «галереи» дворца, в кладке выявленного основания поперечных стен (казаковских), было найдено множество белокаменных архитектурных деталей — видимо, из сооружений Баженова (Памятник архитектуры..., 1977).

К описанию шурфов в Большом дворце 1977 г. приложены фотографии раскрытий, но отсутствуют важнейшие графические схемы стратиграфии и даже общий план шурфов с привязками.

В 1984 г. в Царицыне было решено разместить Государственный музей декоративно-прикладного искусства народов СССР, который стал курировать дальнейшие археологические исследования на территории исторического ансамбля.

В 1985 г. в Госинспекции по охране памятников архитектуры и градостроительства г. Москвы был согласован подготовленный по инициативе музея специалистами «Моспроекта» графический «План расположения археологических раскопок» в Царицыно «I очереди»[53]. Чертеж охватывает территорию, ограниченную на севере церковью, а на юге — Фигурными (Виноградными) воротами в парке. Участки первоочередных раскопок выделены пунктиром:

– полоса шириной 20 м к северу и югу от середины Большого дворца, направленная перпендикулярно дворцу;

– участки, прилегающие к юго-восточной и юго-западной угловым башням дворца;

– вокруг Малого дворца;

– вокруг ворот галереи, соединяющей дворец и «Хлебный дом»;

– предполагаемое место «Управительского дома»;

– у северо-восточного угла «Хлебного дома»;

– несколько узких коридорообразных участков, видимо, с целью поиска исторических дорожек.

В том же 1985 г. в Царицыне были проведены большие археологические изыскания под руководством В.В. Милькова[54]. «В задачу исследований входило выявление исторической планировки царицынского ансамбля, с учетом которой должны вестись проектные работы по восстановлению и реставрации памятника. (Собственно в сфере проектирования в Царицыне по-прежнему был занят «Моспроект»; позднее работы были поручены польской фирме PKZ.) Исследования Милькова «преимущественно... носили разведывательный характер. Они были направлены на поиск и фиксацию несуществующих построек, дорог и дорожек... Производилась фиксация планировочных и стратиграфических особенностей исторической территории».

Большая часть работы была посвящена центральной площади и примыкавшим к ней участкам, в том числе территории между Большим дворцом и «Хлебным домом». Всего в зоне, связанной с центральной площадью, было заложено 19 шурфов-траншей и несколько десятков зондажей. Из числа траншей непосредственно в зоне нашего исследования были выполнены траншеи 1, 2, 10–12 (находились не далее 40 м к северу от линии башен дворца) и 13–19 (на участке между дворцом и «Хлебным домом»).

Наблюдения в перечисленных траншеях дали значительную часть информации, легшей в основу общего заключения по зоне центральной площади, включая пространство между дворцом

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и «Хлебным домом». В заключении говорится: «Раскопками устанавливается варварское уничтожение большей части исторической планировки перед дворцом и «Хлебным домом», осуществлявшееся на глазах реставраторов, а также по их прямой инициативе...» [речь идет о работах, выполненных до 1985 г., т.е. в основном, видимо, в 1970-е годы]. «Искажен исторический рельеф, в большей своей части стерта с лица земли существовавшая планировка, в ходе масштабных строительных работ разрушены ценные культурные остатки архитектурных объектов...» Выявленную археологически зону разрушения В.В. Мильков показал на особой схеме.

Тем не менее благодаря многочисленным стратиграфическим разрезам В.В. Мильков восстанавливает в общих чертах картину исторического рельефа: «На месте Камер-Юнфарского дворца и западного крыла казаковского дворца было естественное возвышение, господствующее над округой. Далее к востоку рельеф понижался и образовывал естественную западину, которая, кроме того, имела и общий уклон к северу. Затем рельеф постепенно повышался в сторону к «Хлебному дому», но все-таки не достигал той высоты, что пространство, примыкающее к Камер-Юнфарскому павильону. Эту разницу рельефа композиционно использовал Баженов, который два из трех дворцов и примыкающий к ним «Хлебный дом» поместил на самых высоких точках рельефа. Большой Кавалерский корпус был заложен им практически в низине...» Казаков боковые объемы своего дворца возвел на месте баженовских дворцов, «но уже центральная часть... возводилась на мощной глинистой подсыпке, за счет которой выравнивалась западина, делившая на две части возвышающееся пространство перед дворцом. После сноса Большого Кавалерского корпуса его остатки находились как бы в низине. Подсыпка [глинистая] перед центром Большого дворца... не перекрывала фундаменты баженовской постройки...». Проведя земляные работы, Казаков превратил эту западину в правильную «чашу» диаметром 70 м, а по ее краям устроил полукруглые пандусы, которые изображены на чертеже конца XVIII в. Судя по разрезам траншей в западной половине площади, пандусы имели покрытие в виде пролитого раствором песка и белого камня (монолита)».

На участке между Большим дворцом и «Хлебным домом» исследованиями В.В. Милькова были зафиксированы остатки дорожек, имевших «розовое» (из мелкодробленого кирпича) покрытие. «Одна дорожка шла от арки [ворот галереи] направо вдоль восточной стены Большого дворца и выходила к калитке [имеется в виду вход с фигурными столбами], смыкаясь здесь с дорожкой из больших форм кирпича. От калитки кирпичное покрытие вело прямо к Гауптвахте [разобранной баженовской постройке, больше известной как «Управительский дом»]. Пользуясь методом симметричной реконструкции, можно предположить вариант аналогичного прохождения дорожной сети и у «Хлебного дома». Что касается собственно Гауптвахты, то Мильковым были обнаружены «заглубленные в материк остатки фундамента» этого здания. По открытым небольшим фрагментам, разумеется, не удалось «составить представление о полных очертаниях постройки...».

Из интересных находок В.В. Милькова, сделанных в пределах исследуемой нами территории, следует упомянуть остатки сруба, который был прослежен на протяжении 8 м в восточной стенке траншеи 1 (заложена перпендикулярно средней части дворца; южный торец траншеи находился в 10 м от стены дворца); в пределах сруба обнаружены пищальное ядро и топор.

В 1987 г. при проведении коммуникаций к «Хлебному дому» найден водосток, идущий от восточного угла «Хлебного дома». Водосток сооружен из крупных, хорошо обработанных белокаменных блоков (*Иващенко*, 1990).

В 1988 г. при ГМДПИ народов СССР была организована собственная археологическая служба с действующей археологической экспедицией (под руководством Ю.Ф. Иващенко). В этом же году на территории центрального ядра ансамбля началась прокладка коллектора (I очереди), что поставило перед исследователями одну из самых неотложных задач — наблюдение над масштабными земляными работами (другой важной задачей были наблюдения в Оперном доме, где начинались земляные работы польской фирмы).

Коллектор I очереди прокладывался от «Хлебного дома» к Первому Кавалерскому корпусу и «Восьмиграннику», у которого раздваивался (*Иващенко*, 1989). Котлован под коллектор начинался у западного скругленного угла «Хлебного дома», от стены, обращенной к Первому Кавалерскому корпусу. На начальном отрезке он имел увеличенные размеры и неправильные очертания, затем превращался в ровную траншею шириной 4–5 м; глубина котлована составляла около 4 м. Здесь был обследован открывшийся фундамент «Хлебного дома», зафиксированы особенности его конструкции и высота (1,85 м). Грунт на данном участке

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

оказался сильно перемешанным. Так что даже не удалось установить наличие глиняного «замка», прослеживаемого в других частях здания. Размеры траншеи на участках, прилегающих к «Хлебному дому», дали картину большого перекопа с наличием в верхних слоях строительного мусора и подстилающего гумусированного суглинка. Лишь на расстоянии около 15 м (по прямой) от стен здания слой мусора сменился гумусом (при сохранении характера подстилания). Как видно из отчета о работах, наиболее интересная стратиграфия была получена на участках трассы, удаленных от «Хлебного дома» (возле «Восьмигранника»). Но индивидуальных находок не было отмечено по всей трассе коллектора.

В 1989 г. аналогичные задачи встали перед археологами в связи с прокладкой II очереди коллектора. Этот отрезок можно назвать даже более ответственным, так как он, начинаясь от того же распределительного колодца у «Хлебного дома», проходил далее вдоль галереи и северного фасада Большого дворца, т.е. через самый центр как дворцового ансамбля конца XVIII в., так и более ранней усадьбы. Длина II очереди трассы составила 176,5 м; а южная граница котлована отстояла всего на 20 м от фасада боковой части дворца.

Для исследования отдельных участков трассы была выбрана разная методика. *Ближайший к «Хлебному дому» отрезок, длиной 66,5 м*, был исследован так же, как и I очередь коллектора, — методом наблюдений в траншее, с фиксацией стратиграфических разрезов. Этот участок был сильно разрушен в результате реставрационных работ (сопряженных со значительными перемещениями грунта и расчистками). Вторым слоем на данном отрезке залегал серовато-коричневый суглинок с включением строительного мусора; слой был увязан со строительством ансамбля и датирован третьей четвертью XVIII в. Нижняя граница слоя, лежащая на материке (желтой плотной глине), видимо, соответствовала дневной поверхности XVIII в.

Более протяженный западный отрезок трассы исследовался в режиме стационарных раскопок. Здесь поочередно были заложены три раскопа.

Самым протяженным (60 м) был раскоп I, но в восточной его половине быстро выяснилось отсутствие культурного слоя, уничтоженного при реставрационных работах; на поверхность выходил материк. Основные работы были проведены в западной половине раскопа, где сохранились остатки культурного слоя. Этот участок находился точно напротив средней части Большого дворца и оказался насыщенным историческими объектами. Открытый здесь комплекс — остатки хозяйственной постройки (южной части), ее белокаменного крыльца, вымостки и ограды двора, отдельной подклети — был идентифицирован как фрагмент усадьбы, изображенной (с застройкой) на плане села Черная Грязь 1775 г. (кантемировской). Раскоп пришелся на то место, где проходила граница между двумя дворами братьев Кантемиров, зафиксированная оградой и надворными строениями; причем обнаруженная постройка принадлежала восточному двору. Раскопками удалось выяснить внешний вид постройки, установить ее хозяйственное назначение и зафиксировать *пожар*, который разделяет период существования постройки на два строительных этапа. По археологическим данным, постройка была такой: фундамент из блоков белого камня и в какой-то части «от цоколя» из кирпича — но недостаточно мощный, чтобы нести полностью кирпичное здание; верх, скорее всего, деревянный; пол земляной; вероятно, имелись застекленные окна и даже печи. Зафиксированный по многочисленным признакам пожар, датированный по монетам серединой 1740-х годов, разрушил постройку, после чего она была восстановлена, а двор в целом претерпел некоторые переделки. Известная по плану 1775 г. ограда была обследована на отрезке в 10 м. Ограда имела непрерывный белокаменный фундамент и выше — кирпичную кладку неизвестной высоты. Кроме объектов, связанных с доекатерининской усадьбой, в раскопе I прослежены остатки, связанные со строительством дворцового ансамбля: например, несколько крупных ям для приготовления известкового раствора (в западной части раскопа). Важную информацию дали собственно стратиграфические наблюдения. Так, в западной части раскопа I был прослежен слой пашни XVI — начала XVII в. (предшествующий строительству усадьбы). С другой стороны, специально проведенные наблюдения с целью проверить выводы В.В. Милькова о мощной глиняной подсыпке перед Большим дворцом (см. выше) в данном раскопе не дали результата в пользу подсыпки; следов такой подсыпки не было выявлено и вообще на участке исследований 1989 г.

Раскоп II был прямым продолжением (к западу) раскопа I, но имел меньшую длину. На площади раскопа также были отмечены многочисленные перекопы и планировки недавнего времени. В восточной части раскопа прослежен *фрагмент позднесредневековой пашни*, связанный

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с аналогичным горизонтом в соседнем раскопе. Важнейшим из обнаруженных объектов на рассматриваемом участке был *водосток* из блоков белого камня, пересекавший раскоп с юго-востока (верхняя отметка объекта) на северо-запад (нижняя отметка). Открытый фрагмент имел длину 8,5 м. По предположению исследователей объекта, водосток мог быть сооружен в баженовский период строительства (он направлен к центру композиции дворцов В.И. Баженова) и продолжал функционировать в период существования Большого дворца.

Раскоп III был продолжением на запад раскопа II, он располагался напротив западного крыла Большого дворца. Работы здесь велись в сжатые сроки и носили спасательный характер. После снятия первых пластов грунта в разных частях раскопа были заложены стратиграфические шурфы-траншеи, которые в целом прояснили ситуацию на участке исследований: верхние почвенные горизонты были срезаны до материка, после чего была произведена засыпка аналогичным грунтом, что выглядело как «засыпанный котлован». По набору находок «котлован» был датирован XVIII в. После изучения шурфов грунт в раскопе был выбран экскаватором; были зафиксированы стратиграфические разрезы (профили) раскопа.

Небольшим дополнительным разделом работ 1989 г. явились исследования ограды с воротами, существовавшей в XIX в. возле юго-восточной башни Большого дворца (отделяла двор «Управительского дома» от парка). Ко времени исследований от этого сооружения на поверхности оставались лишь столбики ворот, сложенные из фигурного кирпича и белого камня. После расчистки были выявлены прямоугольные в плане фундаменты столбиков, а также основание восточного прясла ограды длиною более 6 м. Фундамент был сложен в два фаса из блоков белого камня разной величины и от восточного столбика шел по дуге, изгибающейся к юго-востоку.

В 1989 г. определенный объем земляных работ на исследуемой нами территории провела польская фирма PKZ (Предприятия реставрации памятников старины). Приступив после ряда других объектов ансамбля к реставрации Большого дворца и «Хлебного дома», PKZ выполнила в них серию шурфовок с целью обследования технического состояния фундаментов. В отличие от аналогичных работ 1988 г. в Оперном доме, технические шурфовки в Большом дворце и «Хлебном доме» проходили без наблюдения археологов, и о них не упоминается в отчете об археологических исследованиях в Царицыне 1989 г. Кроме того, сама документация о «Конструкционно-строительных исследованиях» PKZ сохранилась в Архиве ГИАХ и ЛМЗ Царицыно только по «Хлебному дому», а по Большому дворцу, видимо, осталась у поляков, покинувших после 1991 г. нашу страну. Документация PKZ о шурфовках в «Хлебном доме» представляет значительный интерес, в том числе в археологическом аспекте: на графических схемах (планах, разрезах) видны места и размеры вскрытий, структура кладок, содержатся указания о том, что стенки шурфов представляли собой «слой твердой глины» (очевидно, материк); нанесены контуры ряда засыпанных фундаментов «Хлебного дома» (вероятно, при переделках здания 1849 г.). Польские шурфы (odkrywki) показаны нами на Опорном плане.

Судя по материалам, сохраняющимся в архивах ИА РАН и ГИАХ и ЛМЗ Царицыно, последние большие археологические исследования центральной части ансамбля прошли в 1990–1992 гг. (*Иващенко*, 1993). Основные усилия на данном этапе были сосредоточены на исследовании Оранжерейного участка (к северо-востоку от центра ансамбля), но определенный объем работ был проведен и в прежней зоне главных сооружений, где с задержками продолжалось строительство коллектора (планировался к сдаче в 1993 г.).

В 1990 и 1992 гг. по трассе III очереди коллектора — между Большим и Малым дворцами — были заложены соответственно две серии шурфов, по четыре шурфа. Исследования на данном участке преследовали две цели: 1) постараться обнаружить западную часть ограды усадьбы Кантемиров (надежда на что появилась, несомненно, после обнаружения частей этого сооружения перед северным фасадом дворца в 1989 г.); 2) локально исследовать низ стен Большого дворца на предмет наличия и состояния отмостки, а также определения конструкции основания отдельного «зубца» юго-западной башни.

Упомянутая отмостка была прослежена в шурфе 2 — в середине западного фасада Большого дворца. Нешироκая, выложенная из грубо обработанного белого камня отмостка была частично врезана в материк, что дало основание считать эту отметку дневной поверхностью конца XVIII в. Исследование фундамента «зубца» показало его незначительную мощность (кладка высотой 0,4 м), что говорит о том, что «зубец» рассматривался как декоративный, а не несущий элемент здания. Остатки кантемировской

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ограды в 1990 г. были прослежены в шурфе 4, заложенном между двумя западными «зубцами» юго-западной башни дворца. Выявленный фрагмент (длиной 1,05 м) представлял собой уступ-поворот ограды в восточном направлении (как это хорошо видно и на нашем Опорном плане), а конструкция фундамента оказалась очень близкой к той, которая была прослежена в 1989 г. в раскопе I.

На поиски основной части западной ограды были нацелены четыре шурфа 1992 г., которые были заложены через одинаковые промежутки по линии С–Ю, примерно на половине расстояния между Большим и Малым дворцами. Лучший и по сохранности и по величине фрагмент кантемировской ограды — из плотно уложенных грубо обработанных белых камней — был обнаружен в крайнем южном шурфе. В других шурфах остатки были либо сильно потревожены выборками, ямами (шурф 2), либо были незначительны по величине (шурфы 3, 4). Обнаруженные остатки дали подлинное расположение ограды, изображенной на плане села Черная Грязь 1775 г. На плане ограда кажется точно лежащей по линии север–юг, но реальный объект имеет небольшой уклон на юго-восток — что «подчинялось естественному ландшафту царицынского плато». В шурфе 1 остатки кантемировской ограды перерезались вторым фундаментом, из обломков большемерных кирпичей; сверху находился тонкий слой известкового раствора; фундамент имел направление восток–запад. Идентификация второго фундамента также не вызвала трудностей: на планах начала XIX в. в данном месте показана ограда, соединявшая угловые части Большого и Малого дворцов. К информации, отмеченной в отчете, добавим, что ограда в части, ближайшей к Большому дворцу, шла по дуге, а ближе к зданию Малого дворца находились ворота, ведущие в парк.

В 1993 г., когда между дворцами началась фактическая укладка коллектора, в траншее были произведены стратиграфические наблюдения. В ходе работ у северо-западной башни Большого дворца был обнаружен интересный объект — глиняный «замок», который практически не поддавался зубьям экскаватора. Предположительно «замок» был отнесен к периоду строительства В.И. Баженова; он был устроен для укрепления оползневой части плато. Как и в зоне центральной площади, между Большим и Малым дворцами было отмечено значительное разрушение культурного слоя в результате недавних реставрационных работ.

Примечания

[1] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 453. Д. 471.
[2] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 69342.
[3] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19682.
[4] Там же.
[5] РГАДА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 121.
[6] РГАДА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 110.
[7] РГАДА. Ф. 14. Д. 243.
[8] РГАДА. Госархив. Р. XIV. Д. 51, ч. V. Л. 326.
[9] РГАДА. Ф. 14. Д. 51, ч. 5. Л. 249.
[10] ГНИМА. Р-I. № 2535.
[11] РГВИА. Ф. ВУА (Ф. 418). Д. 61278.
[12] РГИА. Ф. 485. Оп. 1. № 196.
[13] Хранится в ГЭ, НИМ РАХ, РГИА.
[14] РГАДА. Госархив. Р. XIV. Д. 51, ч. V. Л. 375.
[15] РГАДА. Госархив. Р. XIV. Д. 51, ч. V. Л. 471, 376, 389.
[16] РГАДА. Госархив. Р. XIV. Д. 51, ч. V. Л. 337.
[17] Там же. Л. 339.
[18] РГАДА. Госархив. Р. XIV. Д. 51, ч. V. Л. 346.
[19] Там же.
[20] Там же. Л. 439.
[21] РГАДА. Госархив. Р. XIV. Д. 51, ч. V. Л. 444.
[22] Там же. Ч. VI. Л. 23.
[23] Там же. Ч. V. Л. 471–472.
[24] РГАДА. Госархив. Р. XIV. Д. 51, ч. VI. Л. 74.
[25] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 24/3, ч. 95. Д. 44929. Л. 2–3.
[26] РГАДА. Ф. 14 [Госархив. Р. XIV]. Д. 51, ч. VI. Л. 70, 73.
[27] РГАДА. Ф. 14 [Госархив. Р. XIV]. Д. 51, ч. VI. Л. 104.
[28] Там же. Ч. VII. Л. 10.
[29] Там же. Л. 61.
[30] Там же. Л. 108, 136 об.
[31] Там же. Л. 157.
[32] РГАДА. Ф. 14 [Госархив. Р. XIV]. Д. 51, ч. VII. Л. 167.
[33] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 24/3, ч. 95. № 44989 (1794 г.); Там же. № 44998 (1795 г.).
[34] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 58005. Л. 5.
[35] Там же. Л. 21.
[36] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 24/3, ч. 95. № 45032.
[37] Там же. Ч. 94. № 44959.
[38] Там же. Ч. 84. № 44961.
[39] Там же. Ч. 95. № 44982.
[40] Там же. № 44989.
[41] Там же. № 45032.
[42] Там же. Ч. 94. № 44959.
[43] Там же. Ч. 84. № 44961.
[44] Там же. Ч. 95. № 44982.
[45] Там же. № 44989.
[46] Там же. № 44998.
[47] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5563. Л. 55 об.
[48] ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 13462. Л. 40, 118 об.
[49] Там же.
[50] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5557. Л. 156, 168.
[51] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 57. Д. 156.
[52] Видимо, имеется в виду группа планов дворца казаковского времени (конца XVIII — начала XIX в.), немного отличающихся в деталях.
[53] Архив ГИАХ и ЛМЗ Царицыно.
[54] Там же.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Регулярный парк возле «земляной пирамиды» в Царицыно

Рассматриваемая территория расположена в западной части усадьбы Царицыно, в непосредственной близости от парадной дворцовой зоны. Она представляет собой берег Верхне-Царицынского пруда к западу от Малого дворца, между подъемом от плотины к Фигурным воротам (на севере) и Оперным домом (на юге).

В состав этой условно выделенной зоны входят береговой склон с остатками искусственного террасированного рельефа (так называемая земляная пирамида), пологий участок берега (мыс) напротив Круглого острова и место почти полностью утраченного ступенчатого спуска-пандуса к мысу от Оперного дома. Кроме этих ландшафтных элементов на описываемой территории в разное время находились малые архитектурные формы: ограда парка с воротами, пристань, различные парковые затеи, а также парковые дорожки. Здесь также был выявлен при археологических раскопках 2003, 2004 гг. кирпичный водосток в ложбине между Малым дворцом и Оперным домом.

Источники и история изучения

Планировка берегового склона Верхне-Царицынского пруда показана на первых подробных планах усадьбы Черная Грязь, составленных при покупке усадьбы Екатериной II в 1775 г.[1] Более раннее изображение владения Кантемиров — межевой план 1766 г. (цв. вклейка, рис. 1) — слишком схематично. Из объектов, определивших планировку рассматриваемой территории, на нем видны только квадратный остров напротив мыса и линия будущей «Березовой перспективы».

Текстовые документы конца XVII — середины XVIII в. также почти не содержат сведений о рассматриваемой зоне парка. В описании усадьбы Голицыных 1689 г. земляные уступы и какие-либо иные сооружения в парке не упоминаются (Розыскные дела, 1894. Стб. 413–438). Нет сведений о парке и в описании усадьбы Д. Кантемира у камер-юнкера Берхгольца. В документах раздела усадьбы 1757 г. описана часть парка: «из регулярного саду что против хором и полевую сторону до липовой дороги, где имеются каменные ступени и вдоль саду объявленною липовою дорогою прямо»[2]. Однако эти каменные ступени сложно связать с террасными сооружениями рассматриваемой части парка.

Таким образом, единственным источником изучения доекатерининского периода развития территории остаются планы 1770-х годов.

Баженовский этап истории парка представлен текстовыми документами, двумя генпланами и проектной панорамой усадьбы со стороны пруда. Деятельность М.Ф. Казакова и садовника Ф. Рида отражена в планах 1790-х годов, работы начала XIX в. — в нескольких генпланах. Текстовых документов 1800-х годов, относящихся к рассматриваемой части парка, практически не обнаружено, за исключением описаний находившихся здесь парковых сооружений.

Исследователь Царицына К.И. Минеева датировала террасирование берегового склона концом XVII в. — периодом Голицыных, возводя его к традициям древнерусского паркового строительства. Столь же раннюю датировку она предложила и для каменной лестницы, обнаруженной вблизи Оперного дома (*Минеева*, 1988).

В 1982 г. при археологических исследованиях царицынского парка, проведенных в/о Леспроект, были обнаружены остатки белокаменной лестницы (?) вблизи крыльца Оперного дома. Сооружение сохранилось под значительной насыпью земли, сделанной в 1770-х годов при возведении Оперного дома. По данным Леспроекта, от крыльца Оперного дома каменная лестница круто уходит в землю (*Минеева*, 1985).

В 1985 г. под руководством В.В. Милькова (по заказу ГМЗ «Царицыно») были проведены исследования террас под Малым дворцом. В результате выявлена мощенная кирпичом дорожка на средней террасе и отсутствие мощения на двух других террасах. Детальные чертежи этих раскопок оформлены не были, датировка до-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

рожки и террас не предложена (*Мильков*, 1985. С. 13).

В 1992 г. под руководством И.Ф. Иващенко было заложено несколько шурфов на дорожке пейзажного парка, существующей на месте ступенчатого спуска. Результаты исследований не были оформлены, за исключением плана раскопов, составленного геодезистом Ю. Ивинским.

История развития территории

Можно предполагать, что создание искусственного ступенчатого рельефа на берегу Верхне-Царицынского пруда соотносится со временем возведения в селе Черная Грязь нового деревянного дворца при князе Константине Дмитриевиче Кантемире[3]. Сведений о других крупных работах в усадьбе в период между 1745 и 1775 гг. не обнаружено. Поэтому вполне вероятно, что планы 1775 г., составленные при покупке имения Екатериной II, отражают ситуацию, сложившуюся в середине 1740-х годов.

Два плана, отличающиеся в деталях, в целом рисуют одну и ту же картину. Парадная часть усадьбы делилась на три основные части. Господский двор с вычурными в плане барочными палатами 1745 г. находился на высоком берегу Верхне-Царицынского пруда. К югу от него был разбит плоский партер, состоящий из упоминающихся в более поздних документах цветочных клумб и липовых посадок. Парадный двор и партер с запада имели общую границу — аллею, обсаженную березами (сохранившаяся до наших дней так называемая Березовая перспектива). Она проходила вдоль бровки берегового склона (рис. 95). Сам склон также имел регулярную планировку — три террасы и широкий ступенчатый спуск в сторону плоского мыса, напротив которого находился квадратный в плане остров. На мысу против острова располагалась пристань. Террасы имели регулярную обсадку деревьями. Наиболее эффектной частью композиции был полукруглый террасированный холм («обрезная гора», «земляная пирамида»), на вершине которого стояла зеленая деревянная беседка[4]. Назначение ступенчатого спуска не совсем ясно. На планах 1775 г. изображено семь таких ступеней. Ширина их составляла около 12 м. На этих ступенях можно было разместить достаточно сложное сооружение — например, каскад с двумя боковыми лестницами. Нужно отметить, что при раскопках внутри Оперного дома были обнаружены фрагменты белокаменной скульптуры, относящейся, скорее всего, к кантемировскому периоду. Она могла использоваться для оформления спуска к пристани и острову. Археологические исследования не выявили достаточных данных для реконструкции ступенчатого спуска.

Судя по документам баженовского периода, рассматриваемая часть парка при Кантемирах, несмотря на равнодушие к усадьбе последнего ее владельца кн. С.Д. Кантемира, поддерживалась в хорошем состоянии — во всяком случае, деревья регулярно подстригались (*Баженов*, 2001. С. 124–141).

Работы по созданию дворцового ансамбля по проекту В.И. Баженова (1776–1784 гг.) коснулись и рассматриваемой территории. В.И. Баженов не предполагал значительной перепланировки этой части парка — «обрезная гора» и ступенчатый спуск изображены на его проектной панораме Царицына. Правда, на земляных уступах зодчий не показал деревья, что можно объяснить условностью чертежа. Известно, что баженовский проект Царицына во многом был привязан к уже сложившейся планировке усадьбы. Главный корпус был спланирован на месте кантемировских палат, а Малый дворец на бровке берегового склона занял место деревянной беседки. Полукруглая форма плана Малого дворца повторила абрис верхней террасы «обрезной горы». Известно также, что в 1777 г. В.И. Баженов предполагал «*против циркуля оного дворца... зделать крыльцы*», которые еще не были готовы в 1778 г. (*Баженов*, 2001. № 165). Затем крыльца были устроены не в полукруглой части здания, а в его торцах с «Березовой перспективы».

В те же годы при строительстве Оперного дома была сделана обширная (до 25–27 м) насыпь в сторону берегового склона. В.И. Баженов фактически создал здесь новую искусственную террасу, что позволило ему разместить Оперный дом, подобно Малому дворцу, к западу от «Березовой перспективы». Таким образом, верх ступенчатого спуска (к северу от Оперного дома) оказался засыпанным толстым слоем земли.

В.И. Баженов предполагал сохранить не только сложившийся рельеф, но и общий регулярный характер парка в этой части усадьбы. Откос при въезде в усадьбу под Фигурным мостом он предполагал отделать каменным профилем, искусственно оформленным дерном. По «обрезной горе» он хотел сохранить регулярную обсадку деревьев «Березки молодые... хотя и не

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

стричь, но мелкие в них отростки вырезывать, дабы дать им способ ростить хотя в дикости, но порядочней, а редкость скрось их пестротою кирпича с белым камнем меж зеленью в глазах играли б приятностью больше» (*Баженов*, 2001. № 159). Однако у Екатерины II были свои взгляды на парковое строительство. «Над садовничеством моим владычествует английский вкус» — писала она. Поэтому на «умеренно регулярные» предложения Баженова 1777 г. императрица наложила резолюцию: «ни отделания берегов, ниже до обрезывания березок отнюдь не касаться, а оставить все так, как есть». В 1784 г. в Царицыно приехал английский садовник Ф. Рид, который, не посоветовавшись с В.И. Баженовым, «зделал прожект рубить сады и деревья некоторые» (*Баженов*, 2001. № 193), т.е. большую часть регулярного кантемировского парка. Протесты В.И. Баженова по этому поводу действия не возымели.

Таким образом, в 1784 г. начался новый этап в истории рассматриваемой части парка, связанный с устройством в Царицыне пейзажного английского парка. Деятельность Ф. Рида, работавшего с 1784 по 1799 г., плохо отражена в документах. Однако сохранилось два достаточно подробных и точных плана 1795 г., дающих представление о его работе (рис. 96). Судя по ним, Ф. Рид все-таки сохранил многие регулярные элементы парка — не только планировку, но и характер растительности. Так, в рассматриваемой зоне остались нетронутыми «Березовая перспектива» и верхняя терраса с регулярными посадками. Вторая (средняя) терраса также сохранилась, но уже со свободно расположенными деревьями. По ней была проложена парковая дорожка. Нижняя терраса к 1795 г. уже не читалась. Не показан на планах и ступенчатый спуск, верхняя часть которого перерезана насыпью Оперного дома. Однако расположение спуска еще угадывается по рисунку древесных групп и трассам вновь проложенных парковых дорожек. Таких дорожек в рассматриваемой зоне появилось довольно много. Во-первых, это береговая дорожка, шедшая непосредственно вдоль воды. Она начиналась у подъема с плотины к Фигурным воротам — главного въезда в усадьбу. По этой дорожке можно было попасть в парк, минуя парадную зону усадьбы. Во-вторых, вдоль парадного подъема по склону берега шла извилистая тропа, соединявшая береговую дорожку с «Березовой перспективой». От нее начиналась уже упоминавшаяся дорожка, проложенная по средней террасе. Она повторяла форму террасы, но у бывшего ступенчатого спуска резко поворачивала вниз, соединяясь с еще одной дорожкой, проложенной в нижней части склона. На месте утраченного спуска возникли небольшие поперечные проходы между парковыми дорожками, пересекающие бывшие ступени.

Таким образом, в облике рассматриваемой части парка начали доминировать пейзажные черты. Однако Ф. Рид достаточно тактично подошел к сложившемуся архитектурному ансамблю, сохранив вокруг дворцов В.И. Баженова и М.Ф. Казакова элементы регулярной планировки.

Видимо, в таком виде зона сохранялась и к моменту смерти Ф. Рида в 1799 г. Затем парк на несколько лет был заброшен и пришел в относительное запустение. Видимо, это его состояние фиксирует акварель О.И. Бове (около 1804 г.), изображающая берег пруда сплошь заросшим высокими деревьями, полностью закрывающими вид на Малый дворец.

Последний этап формирования территории пришелся на 1800-е годы, когда работами в парке руководил К. Унгебауер (с 1804 г.). Возможно, что какие-то работы велись и раньше, в 1802 г., под руководством садового подмастерья С. Махова. В этот период царицынский парк почти полностью утратил регулярные элементы. В частности, в рассматриваемой зоне была осуществлена нивелировка берегового склона. Искусственное террасирование значительно сгладили подсыпками. Засыпанной оказалась и парковая дорожка на средней террасе, устроенная Ф. Ридом в 1784–1795 годах. Она уже не показана на планах 1810-х годов. Судя по плану 1816 г., рельеф террас в это время лучше читался в южной части, со стороны Оперного дома, нежели под Малым дворцом.

Фактически в 1800-е годы. Малый дворец и Оперный дом начали рассматриваться как парковые павильоны, подобные возведенным в это время павильонам «Миловида» или «Нерастанкино». Были раскрыты ориентированные на эти постройки видовые перспективы. На оси перспектив вырубили деревья и устроили пологий склон. Остальную часть берега оформили живописными древесными группами.

Парковые дорожки Ф. Рида, за исключением дорожки на средней террасе, в 1800-е годы сохранились. Как и весь парк, рассматриваемая зона активно заполнялась элементами благоустройства. Была возведена металлическая ограда в каменных столбах со стороны въезда в усадьбу с плотины. При входе на береговую дорожку построили ворота с мостиком через протекавшую здесь канаву (открытый водосток).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

На мысу против острова была устроена парадная пристань из дикого камня со скульптурами. В 1813 г. пристань возведена заново из дикого камня, привезенного из усадьбы Коньково[5]. На плане 1816 г. беседка, располагавшаяся рядом с пристанью, названа «Пристань матросов». Пристань называлась также «большой», «дикарной», ее оформление отличалось особой репрезентативностью. К пристани были привязаны дополнительные элементы оформления парка — деревянная беседка на берегу и чуть выше — деревянный шатер.

В 1825 г. описана следующим образом: «пристань дикого камня с поручнями, при коей ваз две, львов два, и две деревянные скамьи под краскою» (*Забелин*, 1873. С. 340–350). Возможно, ее фасад зафиксирован на чертеже «Вид пристани из дикого камня...». В этом случае скульптуры могут рассматриваться как изображения мифических существ с женским торсом и туловищем льва. В 1859 г. пристань, видимо, еще существовала.

В середине XIX столетия начался постепенный упадок царицынского парка. К 1859 г. был утрачен деревянный шатер, в 1876 г. разобрали деревянную беседку. Ворота с мостиком и «*дикарная*» пристань последний раз упоминаются в 1886 г. Видовые перспективы на Малый дворец и Оперный дом заросли — к началу XX в. от них почти ничего не осталось.

В течение всего XX в. береговой склон оставался плотно заросшим деревьями. Тем не менее рельеф искусственных террас и ступенчатого спуска, хотя и сильно нивелированный, продолжает хорошо читаться.

Земляные террасы в садово-парковой архитектуре XVIII — начала XIX в.

Искусственный рельеф (террасы) — один из основных элементов регулярного парка, применявшийся еще в парках эпохи Ренессанса. В России эти формы получили распространение в первой половине XVIII в. уже как прием садового барокко.

Руководства по обустройству садов рубежа XVIII–XIX вв. следующим образом характеризовали подобные сооружения, именовавшиеся амфитеатрами:

«Под названием амфитеатры разумеются зрелища, располагаемые на скатах возвышений. Отлогие небольшие крутизны можно обделать уступами в несколько рядов полукружием выпуклым или впуклым, уступы эти укрепить сваями и после одеть дерном: оставится амфитеатр. Таковые амфитеатры украшают фигурными деревьями, статуями, вазами. Для всходу же на них в приметных местах делают лестницы из тесаных камней, деревянные или из ступенек, одетых дерном» (*Левшин*, 1805. С. 45).

Способы оформления террас были весьма разнообразны: применялись и каменные подпорные стенки (иногда целые подземные сооружения — гроты), и сплошная одерновка земляных склонов без посадок, и различные варианты регулярной обсадки деревьями.

Наиболее известные русские парки с земляными террасами — императорские Петергоф и Стрельна под Петербургом, созданные для Петра I в 1710–1720-е годы. Они на долгие годы стали образцом, на которые ориентировались создатели парков по всей стране. В создании ансамбля Стрельны принимал участие французский архитектор Ж.-Б.А. Леблон — один из наиболее авторитетных европейских специалистов того времени, несколько лет работавший в России. Для известного пособия по паркостроительству — книги А.Ж. Дезалье-Даржанвиля «Теория и практика садоводства», вышедшей в 1709 г., — Ж.-Б.А. Леблон составил образцовые проекты садов и отдельных парковых сооружений (*Горбатенко*, 2006. С. 49). Среди них есть и проект террасного сада — «*амфитеатра*» (рис. 97).

Для провинциальных русских парков первой половины XVIII в. характерна некоторая хаотичность планировки, отсутствие единой логики в построении всего ансамбля. Сходные наблюдения можно сделать, анализируя планы московских усадеб на р. Яузе (Памятники архитектуры Москвы, 1998. С. 345–351). Разобщенность отдельных частей усадьбы наглядно читается и в усадьбе Кантемиров Черная Грязь. Она продиктована особенностями рельефа местности, в которую был вписан усадебный парк.

Террасирование как форма «поправления» естественного рельефа применялось для организации спуска к обширным партерам и водоемам. Подобные террасы, как правило, были прямыми в плане. Террасированные полукруглые горки, иногда полностью насыпные, чаще использовались для оформления небольших парковых затей: беседок, фонтанов и т.п. (см.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

рис. 97). В Черной Грязи Кантемиров соединились оба два приема — на обработанном террасами естественном береговом склоне была поставлена беседка.

Русские регулярные парки, за исключением императорских резиденций под Петербургом, очень плохо сохранились. Поэтому любые дошедшие до нашего времени фрагменты барочных регулярных парков представляют огромный интерес.

Земляные террасы применялись и в пейзажных парках конца XVIII — начала XIX в. Прием постановки усадебного дома на высоком террасированном холме часто применял выдающийся архитектор русского классицизма И.Е. Старов (см. усадьбы в Богородицке, Никольском-Гагарине, дачу Демидова на Петергофской дороге, 1770-е годы). В.И. Баженов похожим образом разместил Малый дворец в Царицыне. Известны также примеры использования террасированных холмов и береговых склонов как постаментов под парковые павильоны пейзажных парков. Однако искусственное террасирование в эпоху пейзажных парков в целом утратило былую популярность. Как писал один из современников: «Сказал уже я, что прежде сего сие поставляли за великое украшение в садах, ныне же вкус научил оных отвергнуть, потому что самородные скатости гор доставляют глазам вид несравненно приятнейший, нежели искусственные амфитеатры, вырезываемые углами и выемками» (*Левшин*, 1795. С. 163).

Таким же образом в 1800-е гг. была «отвергнута» и «земляная пирамида» Царицынского парка, нивелированная для восстановления естественного рельефа берегового склона.

Примечания

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19682. Л. 1; д. 22812. Л. 1.
[2] РГАДА. Ф. 1374. Оп. 1. № 111. Л. 1–2.
[3] РГАДА. Ф. 1374. Оп. 1. № 770. Л. 1–1 об.
[4] Во время пребывания Екатерины II в Царицыне в 1775 г. в этой беседке «производился военной совет».
[5] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5616. Л. 170–174.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Раскопки «земляной пирамиды»

Террасированный склон под Малым дворцом — уникальный участок Царицынского парка, где сохранились элементы искусственного паркового рельефа, относящегося к трем основным периодам истории усадьбы и парка: кантемировскому, баженовско-казаковскому (екатерининскому); валуевскому. Этот участок занимает центральное место на знаменитом проектном чертеже («Панораме») В.И. Баженова (рис. 98).

При исследовании ставились задачи выяснить время создания искусственных террас, их конструкцию, выявить исходный естественный рельеф склона, а также исследовать мощенную кирпичами дорожку, пролегавшую по одной из террас, отобрать образцы для палеоботанических анализов из погребенных почв известного возраста.

Заложить на склоне одну прямую траншею было невозможно из-за деревьев, поэтому были заложены две траншеи (1 и 2), расположенные под небольшим углом друг к другу и примерно перпендикулярно склону (рис. 99). На уровне второй террасы (счет снизу) был заложен небольшой раскоп площадью около 12 м^2, соединивший обе траншеи (траншея $^1/_2$) и позволивший проследить мощение парковой дорожки. Ширина траншей на большей части их длины составляла 1 м, на некоторых участках — 2 м. Верхняя траншея 1 имела длину 18 м и начиналась на расстоянии 2,2 м от цоколя Малого дворца. Эта траншея специально была заложена таким образом, чтобы вскрыть выравнивающие засыпки XIX в., так как предполагалось, что под ними можно встретить лучше сохранившуюся поверхность более ранней террасы. Траншея 2 имела длину 14 м. Высотные отметки замерялись от условного нулевого репера на цоколе западной стены Малого дворца, высота которого был определена 155,33 м.

Согласно проектному рисунку В.И. Баженова, высота ступеней приблизительно одинакова, вторая (считая снизу) — самая широкая в плане, крутизна склонов ступеней от 55 до 68º. По бокам от ступенчатой «земляной пирамиды» показан «дикий» берег. Возможно, такой вид ландшафта отражает проектный замысел архитектора, реальный же рельеф, который существовал в 1775 г., был несколько иным. Судя по планам села Черной Грязи, снятым в 1775 г., берег имел искусственный террасированный рельеф на участке от дороги, поднимавшейся в усадьбу от плотины, до ступенчатого спуска (рис. 95).

Четыре террасы образовывали полуциркульный выступ, на котором стояла беседка, так понравившаяся царице Екатерине II. С обеих сторон (с юга и с севера) к выступу примыкали два «плеча», короткое с юга и длинное — с севера. Бровки террас украшали ряды деревьев. Время создания этого искусственного рельефа точно не известно. Вероятно, он связан с усадьбой Кантемиров (хотя есть и другие мнения). Наличие крупных деревьев, показанных на плане 1775 г. по бровкам террас, косвенно свидетельствует в пользу того, что террасы были созданы за несколько десятилетий до 1775 г., т.е. не позднее середины XVIII в. Имеются аргументы, также косвенные, в пользу более поздней датировки. Они следующие: 1) «земляная пирамида» не показана на плане 1766 г.; 2) судя по результатам раскопок построек двора усадьбы Кантемиров, в 1760-е гг. на усадьбе велась строительная деятельность; 3) В.И. Баженов писал о *молодых* березках. Исходя из этого, можно предположить, что террасирование склона было проведено между 1766 и 1775 гг.

Возможно, В.И. Баженов хотел преобразить этот рельеф, акцентировать роль ступенчатой пирамиды в центре и сгладить террасы на примыкающих отрезках берега, но этого сделано не было. Террасы, показанные на планах 1775 г., достаточно явно прослеживаются в современном рельефе (рис. 98, *2*). Отличие современной ситуации от изображений XVIII в. заключается в том, что полоса склона под Малым дворцом шириной около 15–20 м выровнена подсыпкой, скрывшей под собой уступы-террасы. По данным современной топосъемки, ширина уступов-террас 1–3 (считая снизу) примерно одинакова — 6 м. Лучше выражены в рельефе террасы 2 и 3. Крутизна склона на участке подсыпки — 18–19º, на склоне второго уступа 28–29º. Бров-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ки террас имеют сглаженные формы, в нижней части склона на первой террасе накопился современный делювиальный шлейф.

Траншеи 1 и 1/2. Перепад высот от восточного края к западному — 6,76 м. Угол уклона поверхности 18–25°. Под дерном залегал слой бурого, местами серо-бурого однородного суглинка (слой 1). Возле восточного борта траншеи его толщина достигала 20 см. Вниз по склону через несколько метров слой 1 выклинивался. В этом слое были обнаружены современные вещи (осколки бутылочного стекла), в том числе небольшие обрезки листовой меди, видимо, от современной кровли. Можно предположить, что слой 1 отложился в процессе реставрации Малого дворца в 1980–1990-е гг.

Под слоем 1 залегал слой 2. Слой 2 сложен серым (серо-бурым) однородным суглинком, который прослеживался по всей траншее. Его мощность на участке 1 составляла 15–20 см, ниже по склону убывала до 10 см. Это гумусовый горизонт почвы, сформировавшейся за XIX–XX вв.

В слоях 1 и 2 были найдены шестигранные керамические плитки пола, обломки «золотой» кровельной черепицы (и те и другие от разобранных баженовских построек), фрагмент розовоглиняной крышки (плошки?), железный каменотесный инструмент (рис. 101).

Слой 3, залегавший под слоем 2, сложен строительным мусором от разобранных баженовских построек XVIII в. В верхней части траншеи толщина этого слоя равнялась всего 20 см. Вниз по склону его мощность увеличивалась, достигая 1,2 м. Слой образовался в результате предпринятой в начале XIX в. (?) попытки изменить рельеф — сгладить террасы, создать «гладкий» склон от Малого дворца до зеркала пруда. Структура слоя 3 позволяет выделить три горизонта, которые прослеживались в южном борте траншеи (в северном борте прослеживались лишь верхний и нижний горизонты). Верхний горизонт состоял преимущественно из извести и кусков известняка (бутового камня) разной величины (редко более 10–15 см). Средний горизонт — это линза земли (серо-бурый суглинок). Нижний горизонт — слой кирпичного боя, лежавшего рыхло. В этом слое помимо кирпичей содержалось большое количество обломков кровельной черепицы и шестигранных керамических плиток пола.

Судя по наложению прослоек, можно предполагать, что сначала на склон уступа был высыпан строительный мусор, связанный с дворцовым строительством XVIII в. Затем поверх него была насыпана земля, взятая где-то на склоне (мешаный бурый суглинок). После этого опять был досыпан строительный мусор, состоявший преимущественно из извести и отесков известняка, частично перекрывший подсыпку из бурого суглинка.

В слое 3 найдены фрагменты белокаменного декора от разобранных дворцов — лучи, сделанные из белого камня, с пазами для крепления на штырях (цв. вклейка. рис. 14, *8*). Из этого же слоя происходит железное каменотесное зубило, или клин (рис. 101, *5, 6*). Кровельная черепица представлена четырьмя разновидностями: 1) лемеховая из белой глины с желтой поливой (цв. вклейка, рис. 14, *5*); 2) лемеховая из красной глины с поливой лимонного цвета (цв. вклейка, рис. 14, *7*); 3) лемеховая из белой глины с желто-коричневой поливой (цв. вклейка, рис. 14, *10*); 4) лотковая из красной глины с поливой лимонного цвета (цв. вклейка, рис. 14, *6*). Почти вся черепица была сильно фрагментирована. Целой была найдена лишь одна, сделанная из белой глины (цв. вклейка, рис. 14, *10*). Размеры этой черепицы 33×18 см. Один край закруглен, другой прямой. Три крепежных отверстия расположены в ряд, отступя на 3 см от прямого края. Толщина черепицы 2 см. Не очень понятно, как защищались стыки между черепицами, так как их форма не предполагает крепеж «внахлест». «В комплекте» с находками обломков черепицы в слое 3 было обнаружено много кованых железных гвоздей, крепивших ее (?). В слое мусора встречались и мелкие обломки изразцов, но в небольшом количестве. Все они однотипные — гладкие с голубой росписью (растительные мотивы) на белом фоне (цв. вклейка, рис. 14, *2–4*). Статистика массовых находок из слоя 3 приведена в табл. 36.

Больше всего было гвоздей размером до 10 см, но встречались и очень крупные, длиной до 22 см, предназначавшиеся, конечно, не для кровельных работ (табл. 37).

Как видно из табл. 36, подавляющее большинство находок было представлено красноглиняной кровельной черепицей с поливой желтого цвета (оттенки подразделялись на желтый, как яичный желток, и лимонный) и плитками пола. Среди последних было около десятка целых.

Кирпичи составляли значительную часть объема слоя 3. Все они были из разрушенных кладок, со следами извести на поверхности. Строительный мусор, видимо, прошел специальный отбор. Целые кирпичи были из него изъяты.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 36. Массовые находки из слоев 3 и 4 в траншее 1

Категория находок	Число фрагментов	
	Слой 3	Слой 4
Лемеховая кровельная черепица из красной глины с желтой поливой	1346	10
Лотковая кровельная черепица из красной глины с поливой лимонного цвета	170	–
Кровельная лотковая (?) черепица из белой глины со светло-желтой поливой	–	1
Лемеховая кровельная черепица из белой глины с желто-коричневой поливой	256	27
Плитка пола 6-гранная	381	–
Плитка пола прямоугольная, мореная	3	–
Изразцы полихромные рельефные	1	–
Изразцы гладкие с голубой росписью по белому фону	17	–
Керамика	53 белоглиняных поздних (XVIII–XIX вв.), 1 мореный, 1 — красноглиняный поздний (XVIII–XIX вв.)	2 (белоглиняная поздняя)
Гвозди кованые	82	2
Стекло оконное 1–2 мм толщиной	16	–
Кости	1	2 (в том числе фаланга коровы)

Таблица 37. Размеры гвоздей из слоя 3

Длина гвоздя	Число находок
6– 8 см	18
9,5–10 см	28
12 см	14
14–17 см	17
20–22 см	5
Всего	82

Таблица 38. Промеры кирпичей из слоя 3 траншеи 1

Ширина (см) № (число измерений) = 37		Высота (см) № (число измерений) = 37	
Среднее	Крайние значения	Среднее	Крайние значения
12,9	12–14	6,3	5–8

Размеры кирпичей были промерены. Результаты представлены в табл. 38.

Размеры прямоугольных рамок клейм 5×3 см. Всего встречено восемь клейм «ПМ» и «МП». На одном кирпиче два клейма нанесены рядом. Эти же клейма встречаются в большом количестве на постройках, возведенных В.И. Баженовым (Второй Кавалерский корпус и др.). И.Н. Сергеев в специальной работе о кирпичных клеймах архитектурных памятников Царицына предполагал, что кирпичи с клеймами «ПМ» и его зеркальным вариантом — «МП» поставлялись кирпичным заводом Экспедиции Кремлевского строения, директором которого был прапорщик Петр Микшич (*Сергеев*, 1997. С. 167–170). По мнению И.Н. Сергеева, клейма «ПМ» соответствуют исключительно «баженовскому» этапу строительства (*Сергеев*, 1997. С. 169). Хотя этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении, так как, согласно данным того же И.Н. Сергеева, клейма «ПМ» встречены и в западном крыле Большого дворца, построенного М.Ф. Казаковым. Что это за кирпичи — вторично использованные или новые, — требует уточнения.

После выемки слоя 3 в верхней части траншеи была зачищена наклонная поверхность между террасами 3 и 4, сложенная мешаным бурым суглинком (слой 4). На поверхности слоя 4 залегали крупные фрагменты белоглиняной кровельной черепицы. Они были как бы «втоптаны» в суглинок, а не рыхло навалены, как остальной материал слоя 3. Уклон слоя 4 был круче, чем у современной поверхности, — 30–35º.

В профиле северного борта траншеи наблюдался очень важный «стратиграфический узел» в том месте, где подошва наклонного залегавшего слоя 4 «упирается» в горизонтальную поверхность террасы (цв. вклейка, рис. 13). В профиле было хорошо видно, что под слой 4 «уходит» горизонтально залегавшая тонкая гумусированная прослойка (слой 7) — почва, сформировавшаяся на поверхности искусственной террасы XVIII в. Можно утверждать, что на поверхности слоя 4

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

не сформировался гумусовый горизонт. Процесс его развития находился в самой начальной стадии, когда гумусовый материал накопился лишь в самом удобном для этого месте — точке перегиба рельефа у подошвы уступа. Это означает, что поверхность слоя 4 очень недолго простояла «открытой», до того как была перекрыта строительным мусором слоя 3. Находки из слоя 4 учтены в табл. 36. В слое 4 были встречены кирпичи без следов извести (т.е. новые). Их размеры: 12,5×6,8 — клеймо «ПМ»; 13×6,5; ?×9,5. Вероятно, слой 4 связан с баженовским этапом строительства. Очень показательны находки обломков кирпичей без следов извести. Толщина слоя 4 колебалась в пределах 40–70 см, увеличиваясь в верхней части разреза.

В нижней части траншеи под выравнивающей подсыпкой (слой 3) хорошо прослеживается поверхность второй террасы и поверхность склона третьего уступа (террасы). Поверхность второй террасы имеет высотные отметки 148,5 (у бровки) и 148,85 (в тыловой части). Поверхность склона уступа маркирует гумусовый горизонт слаборазвитой почвы, сформировавшейся на поверхности насыпного тела террасы, сложенной из мешаного суглинка. Этот суглинистый горизонт имеет серо-бурый цвет (ближе к серому) и мощность 5–10 см. В основании склона уступа ближе к точке перегиба мощность почвенного горизонта увеличивается до 10–12 см. Эта почва получила наименование «почва 2». Угол наклона поверхности между второй и третьей террасами, на которой сформировалась почва 2, равен 40º. На поверхности второй террасы почва 2 сохранилась в виде прерывистых, вытянутых по горизонтали линз серого суглинка. Поверхность террасы имеет слабый уклон в сторону берега пруда.

В средней части траншеи между второй и третьей террасами под поверхностью почвы 2 залегала толща мешаного бурого суглинка с включениями серого гумусированного материала, слагавшая тело подсыпки, образовывавшей уступ третьей террасы. В данном слое встречены единичные печинки. Максимальная толщина этого прослоя достигала в профиле западного борта 60 см.

Подстилающим слоем являлся горизонт почвы исходного склона, получившей наименование «почва 1». Хорошо прослеживалась залегавшая наклонно прослойка серого суглинка (гумусовый горизонт почвы). Толщина этого прослоя составляла 1–6 см, вниз по склону он постепенно выклинивался. В верхней части прослеживался плавный перегиб этого слоя — бровка исходного склона на отметке около 151,7–151,8 м.

Под гумусовым горизонтом прослеживался белесый подзолистый горизонт, плавно переходивший в бурый суглинок. Именно эта последовательность слоев и обусловливала надежность интерпретации этих прослоек как погребенной почвы с дифференцированным профилем. Уклон исходного склона составлял 25º. В восточной части траншея 1 была заглублена в материк на 1 м. Материковые отложения были сложены бурым суглинком с горизонтальными прослоями светло-желтого песка.

На расстоянии 2,7 м от тылового шва второй террасы начинается вымостка дорожки, сложенная из обломков кирпичей.

Описание дорожки (рис. 100). Ширина кирпичной вымостки дорожки — 1,85–2,05 м. Мощение дорожки также имеет слабый уклон в сторону пруда. Вертикальные отметки внутреннего края дорожки — 148,59 и 148,6; отметки внешнего края — 148,52–148,54. Края дорожки более или менее прямые, но не очень ровные. Дорожка выложена кирпичами в один слой, лежащими плашмя. Целых кирпичей почти нет, но обломки в основном крупные (около $^1/_3$–$^2/_3$ кирпича). Среди них есть бракованные (пережженные) кирпичи. Следы раствора на них отсутствуют. Есть два обломка белого камня. По краям дорожки кирпичи уложены более или менее ровно, в один ряд. Чем ближе к середине, тем рядность соблюдается хуже. То есть дорожка укладывалась от краев к центру. Крайние ряды (особенно восточный, но и западный тоже) немного приподняты над остальными. Вероятно, это сделано намеренно, чтобы окружающий грунт не сыпался на дорожку. Сохранность кирпичей в целом довольно хорошая, в северной части траншеи, возможно, чуть лучше.

Прослойка извести, которая была на дорожке в северной части траншеи, — это, вероятно, результат ее подновления (т.е. изначально, видимо, вся дорожка была засыпана известью с кусочками кирпича, но эта насыпка сохранилась только под подсыпкой начала XIX в.). Следовательно, известь была насыпана незадолго до совершения выравнивающей подсыпки, так как эта прослойка под ней совершенно чистая, очень хорошей сохранности.

Судя по приведенным в табл. 39 размерам, кирпич мощения дорожки был чуть мельче кирпича, использовавшегося при строительстве дворцов В.И. Баженовым.

Можно отметить, что наиболее близкие значения в «Таблице усредненных величин разме-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 39. Размеры кирпичей мощения дорожки

Длина (см) № (число измерений) = 4		Ширина (см) № (число измерений) = 93		Высота (см) № (число измерений) = 42	
Среднее	Крайние значения	Среднее	Крайние значения	Среднее	Крайние значения
24,8	24–25,5	12,2	10,4–14,5	5,7	5–6,2

ров кирпича с середины XVII по начало XX в.» датируются 1780-ми годами. (*Киселев*, 1986. С. 14, табл. 2). Особенно показательна высота кирпичей. До 1760-х годов включительно высота кирпичей была 7 см и больше. У кирпичей первой половины XIX в. длина меньше 24 см. То есть, скорее всего, вымостка казаковского времени, но прямых доказательств этому нет.

Нужно отметить, что уровень кирпичного мощения дорожки был примерно на 10 см ниже уровня почвы 2. То есть дорожка была немного заглублена в поверхность второй искусственной террасы.

Непосредственно под дорожкой и по обе стороны от нее на участке траншеи $^1/_2$ залегал слой вторичной подсыпки террасы конца XVIII в. В квадрате 4 в нем найдены обломки шестигранной плитки пола конца XVIII в., маленький кованый гвоздь (все это на 3–5 см ниже основания дорожки) и обломки белоглиняного сосуда XVIII в.

Ниже залегал основной слой насыпки второй террасы XVIII в. Он пестрый, мешаный, от песка до суглинка, состоит из переотложенной, перемытой морены, линз подзола и почвы. В нем есть кротовины, заполненные темно-серой углистой легкой супесью (переотложенный культурный слой) с включениями кусочков печины. В этом слое встречаются отдельные мелкие обломки кирпича (очень мало).

Слой сооружения второй террасы прокопан полностью, его толщина увеличивается с востока на запад. В нем (в основном во включениях переотложенного культурного слоя) найдены 3 сравнительно крупных обломка печины, 6 обломков гвоздей, 13 фрагментов поздней белоглиняной керамики XVIII в. (в том числе один со следами зеленой поливы), 1 обломок красноглиняной керамики, 1 чернолощеный обломок, обломок румпы изразца, 9 осколков стекла (штофы, возможно, часть — оконное стекло), кость нежженая, 2 относительно крупных обломка кирпича (в нижней части слоя). Все это (или почти все) датируется XVIII в. Один фрагмент керамики — более раннего времени. Это небольшой фрагмент стенки красноглиняного горшка с линейным орнаментом. В тесте включения крупнозернистого песка размером до 1,5 мм. Вероятная дата этого фрагмента — конец XV — первая половина XVI в.

Под слоем насыпной террасы залегал прослой делювия толщиной не менее 20 см, образовавшийся, видимо, в XVII(?)–XVIII вв. Он однородный (в одном месте — с включением переотложенного подзола); в нем много мелких угольков, единичные мелкие кусочки обожженной глины (очень мало). В самой верхней части делювия (почти на поверхности) найдены железный гвоздь, венчик белоглиняного сосуда XVIII в. и обломок кирпича (размеров нет), осколок стеклянного штофа XVIII в.

При зачистке поверхности делювия западнее дорожки была обнаружены подпрямоугольная белокаменная плита размерами 18,5–20,5×25–26,5×2,5–6,5 см. Одна ее поверхность относительно плоская (на ней лежал камень), остальные — не очень. Вероятно, это отход, оставшийся после опиливания грубых белокаменных блоков, привезенных из каменоломни, при изготовлении блоков для фундамента либо дворца Кантемиров, либо церкви Богородицы (соответственно 1744–1746 или 1759–1765 гг.). Плита лежала точно на поверхности делювия. Рядом с ней в верхней части делювия было несколько мелких обломков кирпича. Все обломки кирпичей, как в слое сооружения террасы, так и слое делювия, не имеют следов раствора. Видимо, терраса была сооружена одновременно с барочным дворцом Кантемиров и беседкой на месте Малого дворца в 1740-е годы.

Поверхность исходного склона маркировал пень (рис. 100, *2*) хвойного дерева (определение А.Л. Александровского), росшего на склоне до насыпки террасы. Вероятно, дерево было срублено или спилено перед насыпкой террасы.

Пень почти сухой (чуть сырой, как и окружающий грунт), древесина сильно разложилась, но не до степени тлена. Радиоуглеродный возраст внешних слоев древесины пня оказался равным 180±40 (ГИН-13288). С наибольшей вероятностью (44,4%) эта датировка указывает на интервал календарного возраста с 1730 по 1810 г. (калибровка по программе Oxcal).

Слой 5 прослежен только в верхней час-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ти траншеи 1, он подстилал слой 4. Слой 5 — это «горизонт каменного строительства», его толщина не более 5–10 см. Это прослойка извести, смешанной с кирпичной крошкой. Слой залегал наклонно. У его подошвы в месте перегиба найдено несколько фрагментов кирпичей без следов извести («новых») и кусков бутового камня (известняка). Размеры кирпичей: 13,5×6,5; 13,5×6,5; ?×7×? см.

Под слоем 5 залегал слой мешаного бурого суглинка, мало отличавшийся по строению от слоя 4. Этот слой получил наименование «слой 6». Толщина слоя 6 составляла 40–50 см. В слое 6 найден кирпич того же формата, что и в слое 5, — новый, высотой 7 см. Кроме того, кость коровы (?) — небольшой обломок конечности (?). В слое 6 встречались камни, возможно, от забутовки фундаментов — окремнелая порода, более твердая, чем известняк.

Слои 4–6 отложились, вероятно, в ходе одного строительного этапа, предположительно определяемого как баженовский.

Слой 7 — это тонкая (7–8 см) прослойка серого суглинка, которая прослеживалась в южном и северном бортах траншеи. По всей вероятности, это гумусовый горизонт почвы (почва 2), сформировавшейся на поверхности третьей террасы и на подъеме к четвертой террасе. Угол наклона этой поверхности — 40º. Процесс почвообразования здесь фиксируются на начальной стадии, дифференциации почвенных горизонтов, подстилавших гумусовый, не наблюдается. На поверхности слоя 7 был найден лишь один маленький обломок стенки горшка из светло-палевой глины, покрытый снаружи белым ангобом (?). Изнутри поверхность мореная, примеси очень тонкие (мелкий песок). Фрагмент не может датироваться временем ранее конца XVII в., более вероятный возраст — XVIII в.

Траншея 2 размерами 10×1 м расположена в средней части склона коренного восточного берега Верхне-Царицынского пруда, в парке, под Малым дворцом.

Перепад дневной поверхности 3,64 м. В восточной части траншеи (склон между первой и второй террасами) под углом 25–30°, в западной части траншеи (нижняя терраса) под углом 10°.

Современная почва представляла собой серовато-темно-бурый сильно гумусированный суглинок с включениями отдельных мелких угольков и кирпичной крошки. Ее толщина составляла в основном 5–8 см у восточного края и увеличивалась до 25–32 см в нижней части траншеи. В этом слое, кроме предметов второй половины XX в. (в том числе железный кол от палатки, осколок граненого стакана, дно винной бутылки с клеймом 1971 г.), найдены обломки кирпича и белого камня периода строительства дворцового комплекса, прямоугольная керамическая плитка пола и обломок керамики XIX в., осколки стекла второй половины XIX — начала XX в. (в том числе бутылки из-под пива).

Под современной почвой залегал серовато-светло-бурый слабо гумусированный суглинок с включениями мелких комков желтовато-светло-бурого суглинка (особенно в нижней части) и небольшого количества кирпичной крошки. Его толщина составляла 17–53 см. В этом слое найдены обломки кирпича и белого камня периода строительства дворцового комплекса, а также фрагмент «золотой» черепицы и венчик поливного сосуда XVIII–XIX вв.

Под этим слоем залегали слои, связанные с сооружением средней и нижней террас. Общая мощность подсыпки составляла от 166–172 см у восточного края до 54–100 см в нижней части траншеи. В основном подсыпка состояла из более или менее пестрого, иногда слабо слоистого перемешанного суглинка, серовато-палевого слабо гумусированного делювия, подстилающего подсыпку, пятен и прослоек почвенного гумуса и подзола. Вероятно, грунт для подсыпки брался в основном на площадке, а частично на склоне коренного берега. В слоях подсыпки изредка встречались отдельные мелкие и крупные угли, а также кирпичная крошка и мелкие обломки кирпича. В нижнем слое подсыпки найден венчик белоглиняного сосуда XVIII в.

Под искусственной подсыпкой склона и террас XVIII в. залегала серовато-палевая, местами слабо гумусированная, местами оподзоленная тонкая супесь (ближе к суглинку). Ее поверхность понижалась с востока на запад, угол наклона 14°. На этой поверхности найдены мелкие обломки кирпича XVIII в. и железный кованый гвоздь. Мощность слоя — 30–67 см. В толще этих отложений залегали 2 слабо развитые погребенные почвы (палево-светло-серая слабо гумусированная супесь (ближе к суглинку) с включениями мелких угольков) толщиной около 5–8 см (верхняя) и около 8–23 см. Этот слой в целом представляет собой делювиальный шлейф, а именно перемешанные и сдвинутые вниз по склону почвенные горизонты A_1 и A_2. Он образовался в результате хозяйственной деятельности на склоне (выпас скота и др.) предположительно в XII–XVIII вв. Погребенные почвы фиксируют перерывы или периоды снижения интенсивности этой деятельности в данном месте.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Под делювиальным шлейфом залегал белесый подзол толщиной до 15–25 см (с затеками в нижележащий слой). Он относится не к находящимся в толще антропогенного делювия погребенным почвам, а к более ранней развитой почве, существовавшей на склоне до начала хозяйственного освоения этой территории, в результате которого ее гумусовый горизонт A_1 и, вероятно, верх горизонта A_2 были разрушены. Поверхность древнего подзола понижалась с востока на запад. Под ним залегал буровато-коричневый тяжелый суглинок.

Выводы. Итоговый разрез пересекает все четыре террасы и соответствующие им уступы (крутые склоны).

На основании полученных данных можно предполагать, что грунт для подсыпки брался с верхней части склона. Верхние (третья и четвертая) террасы были по преимуществу «вырезаны» в склоне. Вероятно, при этом были учтены особенности микрорельефа. Бровка исходного склона находилась примерно там же, где находится сейчас бровка склона, подсыпанного в конце XVIII — начале XIX в. (с западной стороны Малого дворца). Это можно установить, мысленно продлив линию выявленной исходной погребенной почвы с учетом угла ее уклона.

Достоверность реконструкции рельефа исходной почвы склона надежно документируется находкой пня дерева, росшего на этой поверхности.

Грунт был использован при подсыпке ступеней первой и второй нижних террас.

Важно подчеркнуть, что в районе подошвы склона к середине XVIII в. накопился шлейф делювия, связанного с активизацией эрозии в результате хозяйственной активности в районе кромки высокого берега.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что рельеф склона в районе Малого дворца был очень существенно трансформирован человеком, выделяются как минимум пять этапов воздействия.

1. Начальный (до середины XVIII в.) — непреднамеренное трансформирование, связанное с активизацией склоновых процессов из-за хозяйственной деятельности.

2. Устройство регулярных террас путем вырезки/подсыпки природных склонов в середине XVIII в. (может быть, в 1760-е гг.). Ширина террас равнялась примерно 7 м.

3. «Подправка» рельефа двух верхних террас в связи со строительством Малого дворца в 1776–1778 гг. и устройством дорожки с кирпичным мощением на третьей террасе. Время устройства последней точно не известно, но косвенные данные указывают на то, что она была сделана в постбаженовский период, но очень вскоре после строительства Малого дворца, вероятно в казаковский период.

4. Отсыпка строительного мусора с целью создания гладкого спуска, перспективы, начинавшейся от Малого дворца. Время создания этой подсыпки может быть определено как конец XVIII — начало XIX в.

5. Перемещение грунта в результате склоновых процессов за последние 200 лет, сгладившее «остроту» форм рельефа, искусственно созданных в середине – второй половине XVIII в.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Сооружения и культурный слой конца XVII–XVIII в. у южного фасада Большого дворца

В 2005 г. Царицынская экспедиция ИА РАН проводила охранные раскопки вокруг Большого дворца, предшествовавшие его реконструкции. Одним из исследованных участков была территория возле южного фасада дворца, на которой заложен раскоп 2 (*Кренке*, 2005а; *Кренке и др.*, 2007. С. 167–168). Раскоп площадью около 220 м^2 почти полностью занимал западную половину ровной задернованной площадки, ограниченной с севера центральной частью южного фасада, с запада и востока — двумя восьмиугольными башнями, с юга — дорожкой, идущей вдоль северного края Большой поляны Царицынского парка. Раскоп был расположен так, что его северная граница проходила параллельно южному фасаду Большого дворца, в 4 м от него (рис. 102).

Ранее эта территория не подвергалась археологическому изучению. По письменным и картографическим источникам конца XVII–XVIII вв. известно, что она полностью или частично входила в границы усадебных дворов кн. А.В. Голицына (1683–1689 гг.), кн. Д.К. Кантемира и его сыновей (1712/1721–1775 гг.), а в непосредственной близости от нее располагались три дворца, построенные В.И. Баженовым для Екатерины II, вел. кн. Павла Петровича и его сыновей (1779–1782 гг.), а затем разобранные М.Ф. Казаковым перед сооружением ныне существующего Большого дворца (1786–1796 гг.).

Поверхности современной почвы и поверхность материка на исследованном участке плавно понижались с востока-юго-востока на запад-северо-запад, в сторону Верхне-Царицынского пруда. Мощность культурного слоя (без учета глубины ям в материке) составляла около 0,5–0,8 м. Раскопки показали, что культурный слой XVII–XVIII вв. почти не нарушен позднейшими перекопами и хорошо стратифицирован (рис. 103). Он делится на шесть основных стратиграфических горизонтов (слои 2, 3, 4в, 4б, 4б/2, 4а). Самый ранний слой 4а датируется концом XVII — первой половиной XVIII в. (около 1683–1745 гг.), слои 4б/2, 4б, 4в — серединой — третьей четвертью XVIII в. (около 1745–1778 гг.), слой 3 — периодом строительства Царицынских дворцов, в основном ныне существующего Большого дворца (1786–1796 гг.), слой 2 отложился в XIX–XX вв. Материалов ранее конца XVII в. на раскопе не обнаружено. С определенными горизонтами культурного слоя связаны остатки нескольких сооружений, характеристике которых главным образом и посвящена настоящая публикация.

Сооружения конца XVII — первой половины XVIII в. Остатки наиболее ранних сооружений, исследованных на раскопе 2, представляют собой ямы, прослеженные с поверхности материка, — светло-бурого или коричневато-светло-бурого суглинка с обширными пятнами подзола (горизонт A_2–A_2B погребенной почвы, верхние горизонты которой разрушены в результате хозяйственной деятельности). К 1680-м годам, периоду существования усадьбы А.В. Голицына, с наибольшей вероятностью относятся две ямы, выявленные в северо-восточной части раскопа, — ямы № 9 и 36 (рис. 104).

Яма № 9 представляет собой траншею шириной около 1,9–2,2 м и глубиной около 0,6–0,8 м, с вертикальными стенками и плоским дном. Траншея вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток, в этом же направлении понижается ее дно и увеличивается глубина. Она сохранилась на протяжении около 2,3 м, с севера прорезана фундаментом южного крыльца Большого дворца, с юга — ямой № 10 первой половины XVIII в. Яма была заполнена почти чистым темно-желтым песком, в котором найдены мелкие обломки муравленых изразцов конца XVII в. Назначение ямы не вполне ясно. Возможно, это дренажная траншея.

Яма № 36 расположена рядом с предыдущей, к востоку от нее. С юга она прорезана ямами № 4 и 10. Сохранившаяся часть длиной около 1,6 м, шириной до 1,1 м в плане напоминает удлиненный полуовал, вытянута по линии северо-северо-запад–юго-юго-восток. Глубина ямы около 0,3 м, заполнение углистое, на дне залегала прослойка угля толщиной до 6 см. Нижняя часть стенок и дно прокалены. В северной части ямы ее стенки были выложены обломками большемерных кирпичей толщиной 10,5–11 см,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

испытавших вторичный обжиг. В заполнении найдены обломки муравленых и полихромных изразцов конца XVII в. По-видимому, яма является остатками открытого очага.

Обе ямы были перекрыты прослойкой углистого суглинка толщиной до 0,1 м, насыщенного кусочками обожженной глины, известью и кирпичной крошкой. Эта прослойка залегала непосредственно на материке и перекрывалась слоем 4б/2, отложившимся во время или вскоре после строительства дворца Кантемиров 1745 г. (см. ниже). В ней встречались обломки изразцов конца XVII в. Эту прослойку, присутствовавшую только в северо-восточной части раскопа, можно связать с пожаром дворца А.В. Голицына и последующей разборкой его остатков (в том числе печей) перед строительством дворца 1745 г. При этом очевидно, что более ранний культурный слой был по каким-то причинам удален с данной территории во второй четверти XVIII в.

С поверхности материка, кроме описанных выше, прослежено еще около 30 ям, расположенных главным образом в западной части раскопа. Все они являются столбовыми ямками или частокольными канавками, имеют небольшие размеры и глубину до 0,5 м. Заполнение этих ям почти не отличалось от перекрывавшего их слоя 4а, из которого они и были впущены. Соответственно, их датировка укладывается в хронологические рамки слоя 4а — 1680–1740-е годы. Многие из них вытянуты параллельными линиями в направлении север-северо-запад–юг-юго-восток, что указывает на наличие в этом месте не менее двух разновременных деревянных оград. Последние можно предположительно интерпретировать как следы восточной ограды усадебного двора 1683–1745 или 1712/1721–1745 годов.

Основой слоя 4а в западной половине раскопа являлась переработанная, антропогенно измененная древняя почва. При вертикальной зачистке этого слоя и подстилающих материковых отложений на небольшом участке вдоль северной стенки раскопа к западу от ямы 15 удалось проследить нижнюю границу пахотного горизонта (консультация А.Л. Александровского). По-видимому, до строительства усадьбы 1680-х годов исследованная территория распахивалась. В других местах нижняя граница пахотного горизонта под слоем 4а не читалась. Этот факт можно объяснить тем, что в последующие десятилетия слой не только накапливался, но и перемешивался в результате сельскохозяйственной или иной деятельности. Не исключено, что в конце XVII — первой половине XVIII в. на этом участке усадебного двора находился сад.

Стоит отметить наличие в слое 4а среди других находок единичных осколков оконного стекла при отсутствии оконной слюды. Вероятно, окна в хоромах 1680-х годов были застеклены.

Юго-восточную часть раскопа занимала огромная яма № 10, ориентированная сторонами примерно по странам света (цв. вклейка, рис. 15). В пределы раскопа вошла только ее северо-западная часть, размеры которой с севера на юг около 7,7 м, с запада на восток — свыше 11,1 м. Форма ямы, по-видимому, близка к прямоугольной, северо-западный угол закруглен. Стенки практически вертикальные, глубина превышает 2,3 м (к сожалению, достичь дна ямы не удалось по причине сжатых сроков проведения работ). Заполнение ямы стратифицировано, но прослеженные горизонты, судя по всему, являются результатом ее единовременной засыпки грунтом различного происхождения. В северо-западном углу ямы вдоль ее северной стенки зафиксирован затек буровато-темно-серого суглинка, который, очевидно, представляет собой остатки удаленного в этом месте первоначального культурного слоя, сползшего в яму, когда она еще не была засыпана. Среди находок из засыпки ямы следует отметить медную полушку 1722 г. и обломки белоглиняных «голландских» курительных трубок.

По всей видимости, яма № 10 представляет собой основу обширного хозяйственного сооружения типа погреба или ледника, аналогичного тому, который выявлен к северу от Большого дворца в раскопе 5. Она была выкопана позже 1680-х гг., поскольку прорезает ямы № 9 и 36, датируемые этим периодом, но ранее того времени, когда к северу от нее был удален первоначальный культурный слой (вторая четверть XVIII в.), на месте которого отложилась углистая прослойка с печным мусором от сгоревшего дворца А.В. Голицына (около 1745 г.). Важно также отметить, что яма № 10 не вписывается в планировку усадьбы М.Д. Кантемира, возникшую после строительства дворца 1745 г. и отраженную на плане Генерального межевания 1766 г. Вместе с тем обращает на себя внимание, что она расположена почти параллельно линиям деревянных оград, остатки которых рассмотрены выше, к востоку от последних. Возможно, данное сооружение примыкало с внешней стороны к ограде усадебного двора первой половины XVIII в. Следовательно, яма № 10 датируется «раннекантемировским» периодом — 1712/1721–1745 годов. Присутствие в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

заполнении ямы и особенно в перекрывающем ее слое 4б/2 мелких отесков и крошки белого камня можно связать со строительством дворца 1745 г., возведенного на белокаменном фундаменте и цоколе. Таким образом, засыпка ямы № 10 и практически одномоментное отложение над ней слоя 4б/2, скорее всего, произошли во время или сразу после строительства кантемировского дворца, во второй половине 1740-х годов.

Примечательно, что в слое 4б/2 (залегал над ямой № 10 и к северу от нее примерно на том же стратиграфическом уровне, что и находившийся в западной части раскопа в целом более ранний слой 4а) появляются обломки цветочных горшков, составлявших в более поздних слоях значительную долю керамической коллекции. В нем они представлены двумя разновидностями: из бледно-розовой глины, покрытые розовой краской, и из белой глины, покрытые зеленой поливой. Это обстоятельство заставляет предположить, что одновременно с постройкой дворца 1745 г. была сооружена оранжерея, местоположение которой, к сожалению, остается неизвестным. Вероятно, тогда же был разбит регулярный парк, фигурирующий на плане 1766 г. В оформлении парка в теплое время года использовались растения, переносимые в горшках из оранжереи и выставляемые на клумбах или боскетах. Согласно плану села Черная Грязь 1775 г., северная граница парка проходила немного севернее южного края раскопа (подробнее об этом см. ниже).

На поверхности слоя 4а в западной половине раскопа находилась тонкая прослойка и отдельные пятна специфического светло-желтого песка, явно имеющего не местное происхождение. Небольшие включения такого же песка содержались в слое 4б/2 (в восточной половине раскопа). По-видимому, этот привозной песок был использован для посыпки усадебного двора К.Д. и М.Д. Кантемиров, возникшего в результате реконструкции 1745–1746 гг. В дальнейшем такая посыпка проводилась еще раз (после отложения слоя 4б, см. ниже).

Сооружения третьей четверти XVIII в. Отложения конца XVII — первой половины XVIII в. почти на всей площади раскопа перекрыты слоем 4б, который представлял собой переотложенный материковый грунт, смешанный с культурным слоем. Фактически это был равномерно рассыпанный на большой территории грунт, вынутый при каких-то земляных работах, проводившихся на усадьбе кн. Кантемиров. Не вызывает сомнений, что он отложился единовременно, вероятно, в 1750-х годах. На поверхности слоя местами фиксировались пятна уже упоминавшегося привозного светло-желтого песка. По-видимому, после окончания неизвестных нам строительных работ усадебный двор был снова посыпан тем же самым песком в целях благоустройства.

Поскольку слой 4б практически полностью состоит из переотложенного грунта, в нем встречены предметы конца XVII — первой половины XVIII в. В их числе стоит упомянуть монеты Петра I и Анны Иоанновны: серебряную копейку 1711 г., чеканенную на Кадашевском монетном дворе (определение П.Г. Гайдукова), а также медные полушки 1719 и 1736 гг. Вместе с тем из этого слоя происходят некоторые типы изразцов, не встреченные в более ранних слоях (в последних найдены только изразцы конца XVII в. из хором А.В. Голицына). Это гладкие изразцы с «мраморовидной» и синей росписью по белому фону, а также так называемые геральдические, украшенные как рельефным полихромным декором, так и синей росписью. Они характерны для первой половины — середины XVIII в. (*Маслих*, 1983. С. 21–22). Вероятно, печи с такими изразцами находились во дворце 1745 г. Это подтверждается присутствием «геральдических» изразцов и в вышележащих слоях 3–4в, что может быть связано с разборкой кантемировского дворца в 1778 г.

Слой 4в, залегавший над предыдущим на всей вскрытой площади, формировался более продолжительное время, с конца 1750-х — начала 1760-х до конца 1770-х годов. Исторически это период ограничен с одной стороны разделом усадьбы между М.Д. и С.Д. Кантемирами (раскоп находился на территории двора Матвея Дмитриевича), с другой стороны — ликвидацией кантемировских усадебных построек В.И. Баженовым.

К самому началу формирования слоя 4в относится пятно обожженной глины, залегавшее в основании слоя на восточном краю раскопа. Оно было насыщено углем и кирпичной крошкой, имело размеры более 3,5×2 м, на его поверхности находилось скопление кирпичей без следов раствора. Размеры кирпичей 26,7–27,3×12–13,1×7–7,7 см, на одном из них клеймо «ПС». Возможно, этот объект связан с какими-то строительными или ремонтными работами, проводившимися к востоку от вскрытой площади.

Синхронным ему комплексом является яма № 8, часть которой выявлена в юго-восточном углу раскопа. Она впущена с поверхности слоя 4б или с уровня нижней части слоя 4в и, по-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

видимому, прорезана фундаментной траншей постройки 2 (см. ниже). Размеры вскрытой части ямы около 4,6 м по линии запад–восток и около 2 м по линии север–юг. Стенки вертикальные, дно почти плоское, глубина не более 0,2 м. В заполнении найдено большое количество железных и глиняных шлаков, а также железных предметов, главным образом заготовок и неопределимых обломков изделий, гвоздей, в том числе подковных. Очевидно, яма была засыпана отходами кузнечного производства. Ее назначение остается неясным.

В восточной половине раскопа в верхней части слоя 4в выявлены фундаменты двух построек (рис. 105, 107).

Постройка 1 имела прямоугольную в плане форму, ориентирована по сторонам света примерно так же, как раскоп, т.е. с небольшим отклонением к западу. Ее восточная часть (видимо, меньше половины) не вошла в пределы вскрытой площади. Ширина постройки по линии север–юг около 5,6–5,7 м, длина вскрытой части по линии запад–восток около 10,5 м. Фрагментарно сохранились белокаменные фундаменты внешних стен, внутренних перегородок и печей.

Фундамент внешних стен — ленточный, находился в траншее, впущенной с уровня верхней части слоя 4в. Ширина траншеи составляла около 0,6 м, глубина — не более 0,25 м, траншея нигде не достигала поверхности материка. Ее стенки почти вертикальные, дно плоское. Заполнение насыщено известью, а также кирпичной и белокаменной крошкой. Ширина белокаменных фундаментов — около 0,5–0,6 м. Белокаменные блоки разных размеров, наиболее крупные находились по углам постройки. Как правило, блоки уложены в два ряда, длинной стороной вытянуты вдоль линии стены. Обычно сохранился один (нижний) ярус блоков, очень редко — два. В фундаменте южной стены, помимо белокаменных блоков и плит, использованы небольшие валуны, а также обломки «рваного» белого камня и кирпичей.

Внутри постройки 1, параллельно ее западной стене, проходят остатки двух или трех фундаментов внутренних перегородок, соединяющих северную и южную стены. Они представляют собой фундаментные траншеи шириной 0,3 м, глубиной 0,2–0,3 м. Стенки траншей немного наклонные, дно плоское, заполнение насыщено известью. В заполнении траншеи первой (западной) перегородки сохранились отдельные обломки белокаменных блоков. Вторая перегородка выделена предположительно. Фундамент третьей (восточной) перегородки сохранился в ее южной части, севернее он разрушен более поздней ямой 4. Этот фундамент представляет собой полосу шириной около 0,3 м, состоящую из уложенных плашмя плоских белокаменных плит толщиной 7–9 см. Перегородки делят вскрытую часть постройки на три или четыре помещения, ширина которых (с запада на восток) составляет около 1,1 м, около 4,3 м, около 2,3 м, более 1,3 м (или: около 1,1 м, около 6,6 м, более 1,3 м).

Остатки частично разобранных белокаменных фундаментов, по-видимому, двух печей находились в трех помещениях. Они состояли из блоков, уложенных в один ярус. Остатки первого фундамента примыкали к северной стене постройки, его максимальные размеры около 3×2 м, блоки лежали на тонкой прослойке извести. Остатки второго фундамента частично не вошли в пределы раскопа. Печи располагались в разных помещениях.

Белокаменные блоки, использованные в фундаментах постройки 1, разноразмерные, среди них попадались резные декоративные детали (рис. 107, *5, 6*). По-видимому, эти фундаменты были сложены из белого камня вторичного использования, т.е. из привозного белокаменного «лома», купленного, скорее всего, в Москве.

Обращает на себя внимание концентрация в слоях 3 и 4в внутри и вокруг постройки 1 гладких изразцов с зеленой и коричневой росписью, датируемых третьей четвертью XVIII в. (*Маслих*, 1983. С. 24). В других слоях они не встречаются. Очевидно, именно этими изразцами были облицованы печи в постройке 1.

Постройка 2 расположена в 3 м к югу от постройки 1 и параллельно последней. В пределы раскопа вошел только край фундамента ее северной стены. Вероятно, постройка имеет прямоугольную в плане форму. Длина вскрытой части фундамента по линии запад–восток составляет около 5,6 м, ширина по линии север–юг — до 0,5 м.

Фундамент постройки 2 сохранился удовлетворительно. Он находился в траншее, впущенной с уровня верхней части слоя 4в. Глубина траншеи составляла около 0,3 м, она не достигала поверхности материка. Стенки траншеи вертикальные, дно плоское. Фундамент состоял из однотипных уплощенных белокаменных блоков, плотно уложенных плашмя в один ярус, длинной стороной вдоль линии стены. Их размеры 37–72×25–30×13–15 см. С северной и восточной сторон фундамента блоки обложены кирпичами и их обломками. Толщина кирпичей

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

7,5–8 см. Местами на этом нижнем ярусе сохранились обломки кирпичей следующего (верхнего) яруса.

Вблизи фундамента постройки 1, а также между постройками 1 и 2 в верхней части слоя 4в прослежены одна-две «нитевидные» прерывистые прослойки, состоящие из крошек кирпича, белого камня и извести. По-видимому, они маркируют горизонты строительства и разрушения построек 1 и 2. К фундаментной траншее постройки 2 с востока примыкает яма № 8, северо-западная часть которой вошла в пределы раскопа.

Обе постройки были второстепенными (т.е. не дворцовыми) сооружениями усадьбы Кантемиров. По археологическим данным, они просуществовали очень короткий период времени, за который накопилось не более 5 см культурного слоя. Это подтверждается картографическими источниками XVIII в.: постройки изображены на плане усадьбы 1775 г., но отсутствуют на довольно подробном плане Генерального межевания 1766 г. Их возведение вероятнее всего связать с деятельностью М.Д. Кантемира и датировать 1766–1771 гг., поскольку известно, что С.Д. Кантемир, унаследовавший имение целиком в 1772 г., им почти не занимался.

Следует отметить, что если контур постройки 1, по археологическим данным, соответствует изображению на плане 1775 г., то фундамент постройки 2 значительно короче по линии запад–восток, чем показано на этом весьма подробном и точном плане. Противоречие может быть разрешено, если предположить, что северный фасад постройки 2 имел по бокам прямоугольные ризалиты, фундамент одного из которых (западного) попал в границы раскопа.

Наземная часть построек 1 и 2, несомненно, была деревянной, окна в них были застеклены. Постройка 1, разделенная на несколько помещений с изразцовыми печами, могла являться флигелем дворца М.Д. Кантемира. Что касается постройки 2, то она, очевидно, была оранжереей, упомянутой в посмертной описи имущества М.Д. Кантемира 1772 г., поскольку, согласно плану 1775 г., была выдвинута вглубь парковых партеров, на юг от границы усадебного двора. Последняя проходила по линии запад–восток между постройками 1 и 2, южнее начинались цветочные клумбы. Примечательно, что никаких остатков южной усадебной ограды при раскопках не выявлено. Возможно, что ее в этом месте не существовало, или ее основание на данном участке практически не было углублено в грунт.

Постройка 1, вероятно, была разобрана В.И. Баженовым тогда же, когда и дворец 1745 г., т.е. весной 1778 г. Постройку 2 (оранжерею), скорее всего, разобрали позднее, поскольку архитектор планировал сохранить ее до сооружения новых каменных оранжерей Царицынского ансамбля (*Баженов*, 2001. С. 138. № 162).

В слоях 3 и 4в найдено большое количество обломков цветочных горшков, что неудивительно, учитывая близость оранжереи и парковых партеров. Причем последние поддерживались в первоначальном виде как минимум до середины 1780-х годов (*Докучаева*, *Баранова*, 2005. С. 47). Горшки принадлежат как к тем же разновидностям, что и находки из более ранних слоев, так и к другим: из бледно-розовой глины, покрытые ангобом и без покрытия; из белой глины с росписью красной краской. Из других находок, синхронных периоду формирования слоя 4в, отметим красноглиняную люльку «турецкой» курительной трубки. Такие трубки широко распространились в России немного позже, в конце XVIII — начале XIX в. (*Волков*, *Новикова*, 1996).

Сооружения периода строительства царицынских дворцов (1779–1796 гг.) и «стройплощадка» М.Ф. Казакова. Слой 3, связанный со строительной деятельностью «царицынского» периода, залегал повсеместно над слоем 4в приблизительно на глубине 0,2–0,3 м от современной дневной поверхности. Фактически он представлял собой тонкую прослойку строительного мусора, состоящую из мелких отесков, обломков и крошки белого камня (преобладали), мелких обломков и крошки кирпича, крупинок (местами обширных пятен) извести. Сравнительно часто в ней встречались более крупные обломки кирпича и белого камня, в том числе белокаменных блоков поперечником до 0,4 м. Кроме того, слой содержал обломки 6-гранных керамических плиток пола (две плитки найдены целыми) и «золотой» черепицы, применявшихся В.И. Баженовым в постройках Царицына, а также единичные мелкие отески гранита, идентичного тому, из блоков которого сложен цоколь существующего Большого дворца. Толщина прослойки составляла до 0,1 м, в основном не более 3–5 см. Попадавшиеся в ней кирпичи имели толщину 5,5–6,5 см, на некоторых были клейма «МП» и «ГД», что характерно для серий, использовавшихся при строительстве Царицына как В.И. Баженовым, так и М.Ф. Казаковым. Большинство кирпичей не имело следов раствора, некоторые из них были бракованными.

Среди находок из слоя 3, важных для его датировки и интерпретации, следует также отме-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тить медную монету 5 копеек 1792 г. (рис. 108, *16*), обломок гладкого изразца с синей росписью, стилистически близкого изразцам «баженовских» печей Царицына, обломки железных скоб и строительных стяжек. С поверхности слоя происходит несколько осколков смальты.

Наиболее ранними сооружениями, связанными со слоем 3, следует считать ямы № 1 и 2, выявленные на западном краю раскопа (рис. 106). Они были впущены с поверхности нижележащего слоя 4в и перекрыты слоем 3, который содержался также в верхней части их заполнения.

Яма № 1 вошла в пределы вскрытой площади только своим восточным краем, ориентирована по странам света так же, как раскоп. Ее форма в плане, вероятно, подпрямоугольная, углы скруглены, размер по линии север–юг около 8,6 м, размер вскрытой части по линии запад–восток около 1 м. Стенки вертикальные, дно плоское, не доходило до материка, глубина около 0,15 м. По периметру ямы проходила траншея с плоским дном, шириной около 0,3–0,4 м, углубленная относительно дна ямы на 0,2 м.

Яма 2 почти примыкает к первой с северо-востока, ориентирована длинной осью по линии северо-северо-запад–юго-юго-восток, ее северная часть прорезана перекопом конца XX в. Форма ямы в плане подпрямоугольная, ширина около 2,4–2,5 м, длина сохранившейся части 3,2 м. Стенки почти вертикальные, дно уплощенное, глубина около 0,4 м. Вдоль западного борта проходила траншея с плоским дном, шириной около 0,5 м, углубленная относительно дна ямы на 0,2 м.

Заполнение обеих ям состояло из двух горизонтов, нижний из которых представлял собой серо-бурый суглинок, смешанный с песком, верхний состоял из «царицынского» строительного мусора: обломков кирпичей без следов раствора, в том числе бракованных, толщиной 5,5–6,5 см, «рваного» и тесаного белого камня, гранита и т.д.

Назначение ям № 1 и 2 неясно, но обращает на себя внимание их конструктивное сходство и аналогичность заполнения. Синхронность этих ям подтверждается тем, что в них найдены обломки одного и того же глиняного грузила. По-видимому, они были выкопаны перед началом отложения слоя 3 и датируются баженовским строительным периодом.

Собственно слой 3 следует интерпретировать как археологическое отражение стройплощадки периода возведения Царицынского дворцового ансамбля. Поскольку слой производит впечатление одноэтапности и в нем присутствуют отески гранита, использованного для сооружения цоколя Большого дворца, представляется наиболее вероятным датировать его исключительно казаковским строительным периодом (1786–1796 гг.). Судя по составу слоя 3, можно заключить, что белый камень и гранит тесали и пилили прямо на стройплощадке, рядом с возводимым дворцом, т.е. блоки не привозились сюда в готовом виде, а изготавливались на месте. Баженовский строительный мусор (характерная «золотая» черепица, шестигранные плитки пола, кирпич со следами использования) присутствует в этом слое явно во вторичном залегании, т.е. как мусор, оставшийся после разборки дворцов Баженова в 1786 г., а не от их строительства. Отсутствие стратиграфического горизонта, непосредственно связанного со строительными работами Баженова в этом месте (1779–1782 гг.), можно объяснить в первую очередь тем, что оно было завершено в установленные сроки, а не прервано, как стройка Казакова. К приезду Екатерины II для осмотра Царицына летом 1785 г. В.И. Баженов планировал убрать весь строительный мусор вокруг возведенных зданий и засадить незастроенные пространства травой (*Баженов*, 2001. С. 157. № 194). Надо полагать, так и было сделано.

В северо-восточной части раскопа расчищен юго-западный край фундамента южного парадного крыльца Большого дворца (рис. 106). Само крыльцо, как и северное, было разобрано около 1815 г. по распоряжению кн. Н.Б. Юсупова.

Фундамент крыльца удалось проследить в длину (по линии запад–восток) на 9,4 м, в ширину (по линии север–юг) — до 0,3 м. Он сложен из подпрямоугольных грубо отесанных белокаменных блоков размерами около 55–65×30–35×15–20 см, уложенных ровными рядами на очень твердом известковом растворе. В каждом ряду чередуются блоки, лежащие вдоль и поперек края фундамента (по схеме «тычок–ложок»). Южный фас фундамента расчищен до пятого яруса блоков, ниже он не вскрывался.

Со строительством крыльца связаны три ямы, исследованные в северной части раскопа, — ямы № 3, 4 и 7. Они впущены с уровня слоя 3, имели округлую в плане форму, диаметр около 1,4–1,7 м. Стенки вертикальные или слегка наклонные, дно плоское, глубина около 1,2–1,6 м.

Заполнение этих ям практически полностью состояло из кирпичей, в основном из их обломков. Кирпичи, как со следами раствора, так и без него, иногда закопченные (печные),

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

некоторые бракованные. Все они имели толщину 5,5–6,5 см, на некоторых были клейма «МП», «ГД» и «ИК», что характерно для серий, использовавшихся при строительстве Царицына. Вдоль центральных осей ям зафиксированы цилиндрические полости от столбов диаметром около 0,25 м, частично или целиком заполненные серовато-темно-бурым суглинком. В нижней части полости на дне ямы № 7 сохранились остатки деревянного столба. В заполнении ямы № 3 найден развал мореного цветочного горшка. По-видимому, такие горшки появились в Царицыне около середины 1780-х годов, после приезда туда английского садовника Ф. Рида.

Центры ям № 3, 4 и 7 расположены по одной линии на расстоянии 2,7–3 м друг от друга и примерно параллельно краю фундамента южного крыльца Большого дворца (на расстоянии 2,6–2,7 м от него). Несомненно, они служили для крепления деревянных опор строительных лесов, предназначенных для возведения крыльца, точнее, стоявшей на нем колоннады с перекрытием — балконом второго этажа. Забутовкой для столбов послужили кирпичи от разобранных в 1786 г. дворцов Баженова, а также, вероятно, бракованные и битые кирпичи, не использованные при строительстве Казакова. Исходя из размеров южного крыльца, можно предположить, что к востоку от раскопа расположены еще две такие же ямы.

Таким образом, в ходе работ на раскопе 2 был изучен хорошо сохранившийся участок стратифицированного культурного слоя на территории дворцовых комплексов, последовательно сменявших друг друга в конце XVII–XVIII в. В результате удалось уточнить некоторые вопросы истории Богородского — Черной Грязи — Царицына, которые могут быть решены только на основе археологических данных.

Главным результатом исследований можно считать выделение не менее восьми строительных периодов, представленных непосредственно (в виде раскопанных сооружений) и/или косвенно (в виде строительного мусора). Эти периоды таковы.

1. Сооружения на усадебном дворе кн. А.В. Голицына (1683–1689 гг.) — ямы № 9 (дренажная канава?) и 36 (очаг), возможно, также некоторые столбовые ямки в западной части раскопа.

2. Сооружения на усадебном дворе кн. Д.К. и К.Д. Кантемиров (1712/1721–1745 гг.) — яма № 10 (погреб или ледник), вероятно, также ограда двора к западу от нее.

3. Строительство дворца кн. К.Д. Кантемира (1745–1746 гг.) — строительный мусор в засыпке ямы № 10 и перекрывающем ее слое 4б/2.

4. Земляные работы на усадьбе кн. Кантемиров (вероятно, 1750-е годы) — перемещенный грунт, составляющий слой 4.

5. Небольшие строительные (?) работы на усадебном дворе кн. М.Д. Кантемира (вероятно, конец 1750-х — начало 1760-х годов) — яма № 8.

6. Реконструкция усадьбы кн. М.Д. Кантемира (около 1766–1771 гг.) — постройки 1 (флигель) и 2 (оранжерея).

7. Строительство В.И. Баженовым Царицынских дворцов (1779–1782 гг.) – предположительно ямы № 1 и 2.

8. Строительство М.Ф. Казаковым Большого дворца (1786–1796 гг.) — фундамент южного крыльца Большого дворца, ямы № 3, 4 и 7 (фундаменты опор строительных лесов для сооружения колоннады и балкона над крыльцом), а также в целом слой 3 («стройплощадка» М.Ф. Казакова).

Обращает на себя внимание, что почти все сооружения, остатки которых исследовались на раскопе 2, ориентированы одинаково, т.е. примерно так же, как и ныне существующий Большой дворец. Это наблюдение подтверждает неоднократно высказывавшееся мнение о преемственности планировки усадебных и дворцовых комплексов, строившихся в Царицыне на протяжении 1680–1780-х годов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Исследование погребов усадьбы Кантемиров

В ходе раскопок Царицынской экспедиции ИА РАН в 2005 г. были обнаружены и изучены остатки нескольких погребов, относящихся к «кантемировскому» периоду усадебно-дворцового ансамбля: в раскопе 5 (яма № 2 — здесь и далее ямы называются по нумерации того или иного раскопа), раскопе 2 (яма № 10) и раскопе 1 (яма № 4). Описание погреба, обнаруженного в раскопе 2 приведена в предыдущей главе, характеристика двух других дана ниже.

Погреб в раскопе № 5 (яма № 2). Яма 2 была крупнейшей ямой раскопа № 5 (рис. 102, 109). Она представляла собой котлован размерами 12×9 м и глубиной до 3 м от уровня верха материка. Котлован имел крутые стенки и плоское дно. Его объем расширялся кверху (особенно в самой верхней части). Дно котлована по уровню совпадало с уровнем залегания материковых пластов желтого песка. Стенки котлована сформированы материковым суглинком. Погреб имел деревянную конструкцию, впущенную в больший по размерам котлован. Внутреннее помещение имело стены из досок, закрепленных в вертикальных столбах. Расстояние между столбами колебалось в пределах 1,2–2,7 м. В южной торцевой стенке столбы стояли чаще. Пол был также из досок. Ширина этого помещения равнялась 7,7 м, длина — около 9 м (рис. 109). Стенки котлована крепились столбами, поставленными с интервалом в 2 м. «Пазуха» котлована шириной около 1 м между внешними столбами и внутренним помещением была заполнена мешаным суглинком.

Деревянный пол сооружения располагался не на дне котлована, а на засыпке из серого суглинка мощностью до 50 см. Пол прослеживался в виде прослойки древесного тлена с большим количеством щепы и бересты. Стены почти везде сохранились в виде вертикальных прослоек тлена. Заполнение сооружения имело единовременный характер. Непосредственно над полом в заполнении не удалось выявить четко читающуюся прослойку, связанную с этапом функционирования помещения. Слой бурого суглинка, расположенный в верхних горизонтах ямы № 2, являлся последующим заполнением просевшей после засыпки западины ямы.

Юго-западный угол ямы № 2 прорезан фундаментным рвом «дворца внуков» постройки В.И. Баженова.

Находки из ямы 2 можно подразделить на три стратиграфических «блока»: 1) из слоя серого суглинка под деревянным полом; 2) из слоя мешаного бурого суглинка засыпки деревянного сооружения; 3) из верхней части заполнения ямы, в том числе из самого верхнего прослоя темного серо-бурого суглинка. Наиболее значимыми для определения возраста являются обломки изразцов (цв. вклейка, рис. 16). Под деревянным полом были найдены два целых рельефных полихромных «псевдогеральдических» изразца — поясковый и городок завершения печи (цв. вклейка, рис. 16, 24, 25). Изразцы этой группы обычно датируются первой третью XVIII в. (*Маслих*, 1983. № 169 по каталогу), первой четвертью XVIII в. (*Щербаков*, 2008. С. 290) либо более узко 1720–1730-ми годами (*Беляев*, 1995. С. 95). Эти находки дают основание предполагать, что погреб был построен при Кантемирах, а не при Голицыных.

Наборы изразцов из нижней части заполнения ямы (засыпка деревянной конструкции) и из ее средней и верхней части — практически идентичны, за исключением одной особенности, о которой будет сказано далее. Эти наборы включали изразцы второй половины XVII в. (муравленые и полихромные рельефные), рельефные изразцы с короной начала XVIII в., выполненные в разных техниках (муравленые, цв. вклейка, рис. 16, *8*, и с бело-синей росписью, цв. вклейка, рис. 16, *18*), но оттиснутые в сходных матрицах; гладкие, подражающие голландским, изразцы с бело-синей сюжетной росписью (цв. вклейка, рис. 16, *5*, *6*, *11–14*) второй четверти XVIII в. (*Маслих*, 1983. № 210, 211 по каталогу). Важным хронологическим маркером являются изразцы с мраморовидной росписью (цв. вклейка, рис. 16, *3*, *4*, *17*). Керамика и изразцы с мраморовидной росписью, восходящие к итальянским образцам, производились в Москве до середины XVIII в., затем этот стиль пошел на спад (*Коваль*, 1999. С. 228). Фактически это самая поздняя группа в обоих комплексах изразцов. В самой верхней части заполнения в слое темного серо-бурого суглинка встречены

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

изразцы, связанные уже с постройкой Большого дворца М.Ф. Казакова (цв. вклейка, рис. 16, *1*, *2*). Однако эти находки из самого верхнего слоя нельзя рассматривать как определяющие время засыпки ямы № 2. Данный мешаный слой сформировался в конце XVIII–XX в. над уже засыпанной ямой.

Засыпка ямы № 2, судя по встреченным в ней изразцам, произошла около середины XVIII в. Для засыпки использовался культурный слой, насыщенный изразцами, относившимися к Голицынской усадьбе и ранней поре Кантемировской. Помимо изразцов в заполнении ямы № 2 были встречены другие характерные находки XVIII в.: осколки бутылок, чернолощеная керамика, белоглиняная керамика и игрушка-конек с росписью охрой (рис. 110, *17*). В нижней части заполнения ямы, близко к уровню пола была встречена редкая находка — деревянная чаша (рис. 110, *16*). Здесь также были найдены две половинки железных пушечных ядер маленького калибра, аналогичных тем, что были обнаружены на берегу пруда. Важно отметить, что в верхней части заполнения ямы была найдена серия керамических рыболовных сетевых грузил, что однозначно указывает на роль рыболовства в царицынских прудах в XVIII в. В самом верхнем горизонте темного суглинка были обнаружены также цветочный горшок больших размеров и фаянсовая «фривольная» фигурка, вероятно, относящиеся к концу XVIII в. (рис. 110, *18*).

Таким образом, яма № 2 в раскопе 5 — это остатки хозяйственной постройки (погреба) усадьбы Кантемиров. Аналогии этой конструкции имеются в более ранних московских материалах, но датировка данной постройки началом XVIII в. определяется обнаруженными в ней находками. Вопрос о времени засыпки этого котлована — спорный. Можно предполагать, что погреб был засыпан непосредственно перед началом строительства В.И. Баженова. Однако тот факт, что земля в погребе не была плотно утрамбована и что фундамент дворца Баженова лишь «коснулся» котлована погреба, скорее всего, являются косвенным указанием на то, что погреб был уже засыпан к 1775 г. и В.И. Баженов про него не знал. Такая версия находит подтверждение в наборе находок из засыпки. Имеется еще одно косвенное доказательство. Рядом с раскопом 5, в раскопе 2, был выявлен другой засыпанный погреб первой половины XVIII в., перекрытый постройкой, относящейся к позднему периоду усадьбы Кантемиров. Видимо, в середине — второй половине XVIII в. в усадьбе Кантемиров была произведена перепланировка и засыпаны погреба.

Погреб в раскопе 1 (яма № 4). Раскоп 1 площадью 80 м² был заложен возле столба ворот парковой ограды 1805 г., примыкавшей с востока к Большому дворцу (рис. 102; 111). Современная поверхность ровная, плотно задернована, под дерном возле фундамента ограды — вымостка из отесков белого камня. В северо-восточном углу раскопа прослежена яма погреба середины XVIII в., вошедшая в площадь раскопа примерно наполовину.

Первые «проявления» ямы погреба были отмечены при зачистке на глубине 20 см от поверхности. Заполнение ямы представляло собой опесчаненную рыхлую темную серо-бурую супесь с примесью кирпичного боя. По внешним границам ямы были вскрыты участки разновременных строительных слоев, западающих к центру. Зачистка на глубине 35–40 см позволила практически полностью выявить границы ямы. По внешним границам ямы № 4 вскрыты участки слоев, западающих к центру ямы.

Значительная часть материка у краев (по верху стенок) ямы № 4 затронута оползневыми процессами. Участки грунта по краю ямы местами сползли в нее блоками. «Тыловые» трещины оползней были хорошо видны в профилях.

Яма № 4 (без учета оползней) имела отвесные стенки, плоское дно (за вычетом неглубокой западины у северного борта раскопа) и заглублена на 130–155 см от поверхности материка (рис. 112). Нами было исследовано, к сожалению, не более трех четвертей ямы, что, однако, не препятствует достаточно четкой интерпретации, датировке и выявлению конструктивных особенностей этого объекта. Заполнение ямы на исследованном участке было выбрано полностью до дна, находящегося на уровне –190–200 в условных отметках от нулевого репера на основании цоколя столба ограды.

В плане яма № 4 представляла собой четырехугольник размерами приблизительно 4×4 м, ориентированный углами по сторонам света. Установить размеры и ориентировку позволяет обнаружение южного и восточного углов сооружения (западный проследить не удалось). Общая площадь объекта составляла, видимо, 16 м². Заполнение ямы неоднородное, состоит из значительного числа различных по происхождению прослоек, которые достаточно уверенно объединяются в группы (далее именуемые пачками с соответствующим буквенным индексом), маркирующие фазы бытования ямы № 4.

Верх ямы № 4 — это слои, составляющие пачку «А» (глубина около –60, –110). При этом пачка «А» четко делится на две части горизонтом слаборазвитой почвы, залегающим на глубине

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 40. Массовый материал из нижних горизонтов заполнения ямы № 4

Группа находок	Пачка «Б»	Пачка «Г»	Темно-бурый суглинок	Придонный песок	Всего
Керамика белоглиняная (без «варильных» сосудов)	21	67	36	1	125
«Варильные» сосуды (всего)	13	70	32	3	118
Белоглиняные	13	69	2	3	110
Красноглиняные	–	–	1	–	1
Красноглиняные ангобированные	–	1	2	–	3
Розовоглиняные	–	–	4	–	4
Керамика крашеная (всего)	5	11	6	1	23
Белоглиняная	1	–	1	–	2
Красноглиняная	–	1	–	–	1
Розовоглиняная	4	10	5	1	20
Керамика чернолощеная	5	28	11	–	44
Изразцы из красной глины	7	41	14	1	63
в том числе:					
рельефные неполивные	1	5	–	–	6
рельефные поливные, сине-белые	–	7	–	1	8
рельефные поливные полихромные	5	21	3	–	29
гладкие с мраморовидным декором	–	3	–	1	3
гладкие поливные бихромные	–	4	–	–	4
Стекло	44	60	14	14	172
в том числе оконное	24	55	10	–	89
Гвозди кованые	118	41	2	2	161
Кости	24	45	2	2	73
Всего находок из слоя	247	421	126	23	817

приблизительно –70, –80 (мощность почвы 5–15 см). Напластования пачки «А» связываются с этапом запустения сооружения. Заплывание западины на месте ямы № 4 происходило двумя этапами, разделенными периодом «стабилизации» поверхности, отмеченным слабым почвенным горизонтом. В составе пачки имеются два компактных прослоя строительного мусора, также указывающих на дискретный характер формирования заполнения ямы. Ниже описанной пачки «А» залегает пачка «Б» (глубина около –110, –125), которая связывается с началом «постепенного» заполнения ямы после обрушения конструкции постройки. Пачка включает горизонт откола оползня, прослой серой однородной супеси и горизонт кирпичной крошки, указывающий на строительную деятельность поблизости.

Наиболее интересны и информативны (с точки зрения датировки и атрибуции ямы № 4) слои, составляющие пачки «В» и «Г» (общая глубина около –125, –180). Эти напластования, содержащие, помимо прочего, остатки конструкций, имевшихся в яме, связываются с этапом разрушения описываемого объекта. Сложены они рыхлым светлым и темным серо-бурым суглинком с включениями прослоек древесного тлена.

Наконец, под вышеописанными слоями находится придонный песок (мощность не менее 10–15 см), связанный с этапом строительства ямы № 4. Помимо описанного понижения (западины?) в северо-западной части ямы, в слое придонного песка имеется незначительная западина в южном углу и подквадратная ямка (5×8 см) в восточном углу (обе не заходят в материк), вероятно, связанные с конструкцией ямы № 4. Важно отметить, что напластования периода бытования ямы отсутствуют. Это вполне может быть объяснено ее назначением и конструкцией, не допускавшими накопления мусора в период функционирования объекта.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Массовый материал, собранный при разборке ямы, довольно многочислен (1445 единиц) и разнообразен по составу. Он позволяет решать вопросы интерпретации и датировки ямы. Уместно рассмотреть состав массовых находок из двух ключевых групп слоев, соответствующих важнейшим периодам истории ямы № 4: периоду строительства-разрушения (придонный песок — пачка «В») и периоду запустения (пачка «А»)[1]. При этом рассмотрим лишь основные категории массового материала. Кроме того, для находок первого периода целесообразно также рассмотрение их по отдельным слоям. Массовый материал из нижней группы слоев представлен в табл. 40.

Из представленной таблицы видно, что наибольшая часть находок происходит из слоя светлой серо-бурой супеси (пачка «Б») и слоя древесного тлена (пачка «Г»). Такая ситуация вполне закономерна, если учесть, что придонный песок относится к этапу строительства ямы (к тому же он «закрыт» остатками конструкций), а основные слои разрушения приходятся как раз на уровень древесного тлена и выше. Обращает на себя внимание то, что значительная доля находок приходится на кости, кованые гвозди, стекло (в том числе и оконное), обнаруженные прежде всего в слое древесного тлена и пачке «Б». Таким образом, вполне оправданно говорить о наличии в конструкции объекта, оставившего яму № 4, наземного сооружения, требовавшего значительного количества дерева, скрепленного гвоздями, и оконного стекла.

Находки же керамического и изразцового материала тяготеют прежде всего к слою древесного тлена. При этом доминирующими группами керамики представляются фрагменты «варильных» сосудов (преимущественно белоглиняных), корчаговидных, различных чернолощеных сосудов. Все это, как представляется, позволяет достаточно уверенно характеризовать комплекс ямы № 4 как хозяйственный (погреб, подпол). Об этом говорит и то, что изразцы, извлеченные из ямы, достаточно немногочисленны и сильно фрагментированы. Более всего представлены мелкие фрагменты рельефных полихромных изразцов. Остальные типы малочисленны, с незначительным преобладанием рельефных с синей росписью по белому фону. Преобладание полихромных изразцов предположительно можно объяснить более долгим их нахождением в культурном слое, приведшим к большей их фрагментации.

Значительный интерес представляет группа крашеной керамики, преимущественно белоглиняной. Она представлена фрагментами массивных грубых сосудов открытых форм с росписью горизонтальными, «диагональными» полосами и реже — пятнами с внешней стороны. К описанной группе, вероятнее всего, примыкают и фрагменты массивных грубых кольцевых поддонов с отверстиями по центру (рис. 113, *7*, *8*, *12*). Данная группа керамики, вероятно, продолжает более раннюю традицию массивных грубых крашеных белоглиняных сосудов (например, кувшинов).

Интересны (а некоторые и важны для датировки) следующие находки из слоя древесного тлена: стеклянный граненый стаканчик (рис. 113, *2*) с нарезным декором в верхней части (аналог ему имеется в раскопе 2 в слоях кантемировского времени), стеклянная зеленая каплевидная вставка перстня, фрагмент так называемого голландского плоского поливного сине-белого изразца («голова Пегаса», датируется второй четвертью XVIII в.), карнизный гладкий поливной бихромный изразец; из пачки «В» — лента, выполненная из серебряных нитей (рис. 113, *13*)[2]. Таким образом, комплекс из описываемых слоев в целом можно отнести к середине — третьей четверти XVIII в.

Иная картина получается при рассмотрении массового материала из верхних слоев, составляющих пачку «А» (табл. 41).

Смена характера массового материала представляется довольно отчетливой. Это проявляется в полном отсутствии крашеных сосудов, постепенном исчезновении сосудов «варильных» (особенно вверху, над погребенной почвой), уменьшении относительного количества долей белоглиняной, чернолощеной керамики. Состав изразцового материала, достаточно случайного на этом объекте, также беднеет: при сохранении относительного преобладания полихромных рельефных изразцов значительную долю составляют неопределимые фрагменты (в том числе и румп). Вообще следует отметить, что качественный характер находок в верхней части заполнения ямы № 4 сильно меняется: они становятся все мельче, фрагментарней.

Кроме того, появляются и увеличиваются в составе такие ранее не встречавшиеся группы находок, как мореные цветочные горшки, фаянс, белоглиняные сосуды с зеленой поливой. Резкое изменение состава и количества массового материала объяснимо временным разрывом его накопления в период относительной стабильности, маркированный началом формирования погребенной почвы.

Основанием для датировки пачки «А» служит не только массовый материал, но и стратиграфические соображения, и отдельные наход-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 41. Массовые находки из верха заполнения ямы № 4

Группа находок	Слои пачки «А» (под почвой)	Слои пачки «А» (над почвой)	Все слои пачки «А»
Керамика белоглиняная (без «варильных» сосудов)	71	23	94
«Варильные» сосуды (всех типов)	53	9	62
Чернолощеные сосуды	18	2	20
Мореные сосуды (цветочные горшки)	25	77	102
Изразцы из красной глины	8	19	27
в том числе: рельефные неполивные	1	1	2
рельефные поливные полихромные	5	3	8
Керамика белоглиняная с зеленой поливой	3	35	38
Стекло	52	44	96
в том числе оконное	35	16	51
Гвозди кованые	26	19	45
Фаянс	3	18	21
Кости	25	16	41
Всего находок	284	344	628

ки. Среди находок необходимо назвать медную монету (середина — вторая половина XVIII в., не ранее 1750 г.)[3] из слоя темно-серого суглинка (подошва пачки «А») и бутылочное клеймо 1805 г. из слоя светло-серой супеси под почвой. Кроме того, в слое строительных остатков, зажатом между двумя этими вышеуказанными слоями, присутствуют осколки гранита, употреблявшегося в постройках В.И. Баженова и М.Ф. Казакова (1775–1795). Все это позволяет отнести формирование низа пачки «А» (до почвы) ко второй половине XVIII — первому десятилетию XIX в. Таким образом, учитывая период стабилизации, представляется, что верх пачки «А» можно отнести ко второй половине XIX в.

Конструкция сооружения в яме № 4 в целом типична для заглубленных построек и представляется следующей. В предварительно подготовленный котлован были опущены деревянные стены опалубки. Об их наличии говорят вертикальные прослои древесного тлена, видные в северном борту раскопа, и остатки дерева по юго-восточной стенке ямы. Опалубка была заглублена на 20–30 см относительно общего уровня дна котлована (канавки прослежены по северному борту; в плане проследить их не удалось). Вероятно, к конструкции опалубки могут относиться и западина в южном углу, и ямка в восточном углу ямы (см. выше). После этого была выполнена песчаная подсыпка. Примечательно, что аналогичный песок характерного лимонного оттенка на всей территории Царицына, исследованной экспедицией в 2005 г., встречается только на раскопе 2, где он датируется 1740–1760-ми годами («средне- и позднекантемировское время»). На подсыпку были уложены некрупные валуны (размером 15–20 см; открыто 4 шт.) и подобного же размера куски белого камня, которые служили базами для несохранившихся деревянных лаг (рис. 111)[4]. На последние были положены доски пола. Доски (шириной 10–20 см) были настланы параллельно друг другу по оси северо-запад–юго-восток (рис. 112).

Очевидно, что деревянные конструкции постройки были скреплены значительным количеством гвоздей. Наличие белого камня и некоторого количества кирпича в слое древесного тлена также указывает на применение их в конструкции. В связи с большим количеством оконного стекла в массовом материале заполнения ямы № 4 представляется, что постройка вполне могла иметь застекленные окна в наземной части. В то же время необходимо отметить, что «внешних» конструкций для ямы № 4 не выявлено (это может объясняться, в частности, и небольшой площадью вскрытия). Также отсутствуют данные и о наличии печей в наземной части постройки.

Таким образом, яма № 4, вероятнее всего, была достаточно легким наземным сооружением

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с подклетом-погребом. Назначение постройки (судя по значительному количеству «варильных» горшков, корчаговидных сосудов, крышек, чернолощеных сосудов различных форм — при отсутствии сколько-нибудь значимой изразцовой серии) — хозяйственное, она может быть интерпретирована как легкая летняя поварня (?). Примечателен тот факт, что данное сооружение не отражено на плане генерального межевания 1766 г., что может быть объяснено гибелью постройки к данному времени.

В свете вышеизложенных данных датировка и этапы бытования ямы № 4 представляются следующими.

1. Строительство сооружения (придонный песок) — приблизительно 1740-е годы (возможно, 1730-е годы).

2. Период жизни сооружения (слоев фактически нет) — 1740–1750-е годов.

3. Период активного разрушения (пачки «Г» и «В») и период начала накопления мусора в яме разрушенной постройки (пачка «Б») — не ранее 1750-х и не позднее 1760-х годов.

4. Период запустения (начало) — накопление осадков нижней части пачки «А» — не ранее 1750–1760-х годов — начало XIX в.;

5. Период стабилизации (начало формирования почвы) — первая половина XIX в. (окончание — не ранее середины того же века).

6. Окончательное «зарастание» ямы № 4 — вторая половина XIX в.[5].

7. Формирование системы напластований, связанных с ямой № 4а, и собственно ямы № 4а — конец XIX — первая половина XX в.

Как отмечалось выше, в других раскопах возле Большого дворца (раскопы 2 и 5) также было зафиксировано, что обширные погреба первой половины XVIII в. (скорее всего, совершенно разного назначения) были заброшены и завалены культурным слоем и землей примерно в середине того же столетия, и на их месте возникли наземные постройки. Важно подчеркнуть, что это произошло еще задолго до начала строительства здесь дворцового комплекса Екатерины II. Видимо, в самом хозяйстве Кантемировской усадьбы шли процессы каких-то важных изменений. Существенно, что в заполнении ямы № 4 раскопа 1 преобладали изразцы той же серии, что и в погребе (яме № 2), вскрытом раскопом 5, — рельефные неполивные либо идентичные по рисунку с растительным мотивом и короной-луковкой с синей росписью по белому фону. Все это дает основание предполагать, что в середине века разрушение подвальных помещений усадьбы Кантемиров происходило приблизительно в одно и то же время и, скорее всего, в силу одних причин. Различия между погребами, изученными в раскопах 1 и 5, заключается в том, что погреб раскопа 1 не был специально завален. Заполнение ямы шло медленно естественным образом на протяжении полутора столетий. Погреб в раскопе 5 (а также погреб в раскопе 2) был специально завален в очень сжатые сроки приблизительно в середине XVIII в.

Приложение
Лента, выполненная из серебряных нитей

(Раскоп 1. Яма № 4. Бурый суглинок над слоем тлена. Инд. № 95 по Описи находок раскопа 1)

Сохранился фрагмент ленты шириной 11 мм (рис. 113, *13*). Длина фрагмента 70 мм. Лента выполнена в 12 концов в технике полутканья. Для каждого конца использованы 4 пряденые серебряные нити, не крученные между собой. Серебряная пряденая нить получена путем окручивания шелковой нити тонкими полосками серебра. Толщина нити 0,1 мм. Скорее всего, лента выполнена не позднее XVIII в., так как в начале XIX в. в вышивке, плетении и ткачестве широко используются пряденые металлические нити на хлопчатобумажной или льняной основе. Лента, вероятно, являлась элементом отделки одежды (военной?) или воинских регалий.

Примечания

[1] Массовый материал из пачки «Б» отсутствует.

[2] Определение И.И. Ёлкиной. См. приложение 1.

[3] По устному сообщению А.М. Колызина. Монета с изображением всадника вправо, сильно затерта, дополнительное уточнение датировки не представляется возможным.

[4] О возможности их существования говорят многочисленные линзы древесного тлена над песком.

[5] При этом верхний слой строительных остатков может быть связан с разрушением ограды.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Фундаменты построек В.И. Баженова («Дворец внуков», «Хлебный дом», «Дом управителя»)

В центре усадьбы Царицынская экспедиция в 2005 г. исследовала фундаменты трех построек В.И. Баженова: дворца, предназначенного для детей Павла — Александра и Константина («Дворец внуков»), «Хлебного дома» и «Дома управителя». Общий план раскопов, в которые вошли вышеперечисленные объекты, представлен на рис. 102.

Судьба этих трех построек была различной: одна сохранилась, две другие были снесены, но обстоятельства сноса не были похожи друг на друга, что определило особенности сохранности археологических остатков. «Дворец внуков» разобран по приказу Екатерины II, и на его месте было начато новое строительство. «Дом управителя» был разобран позже по причине ветхости и ради получения строительного материала. Никаких сооружений на данном месте больше не возводилось. «Хлебный дом» стоит и в настоящее время, он неоднократно ремонтировался и реставрировался.

I. «Дворец внуков» (построен в 1781–1782 годах, разобран в 1786 г.)

Фундаменты дворцового сооружения были зафиксированы в раскопе 5, заложенном перед северным фасадом Большого дворца постройки М.Ф. Казакова. Абсолютно надежно идентифицировать обнаруженные фундаменты стало возможно благодаря характерной детали — полукруглому выступу, который был очень хорошо виден на фоне зачищенного раскопа (рис. 121, 122). Выступ такого размера и формы изображен на генеральном плане усадьбы, составленном В.И. Баженовым (рис. 11 на цв. вклейке). Этот выступ относился к центральному вестибюлю дворца. Остатки фундаментов были прослежены на глубине 35–40 см от современной поверхности. Слой, перекрывавший фундаменты, являлся мешаным суглинком, включавшим объекты XX в. Фундаменты были довольно тщательно выбраны при строительстве Большого дворца М.Ф. Казакова. Поэтому их контуры прослеживались лишь по характерному заполнению фундаментных рвов, содержавших мелкие фрагменты кирпичей, включения извести и белокаменной крошки. Выбранные рвы были обратно засыпаны бурым суглинком. Между фундаментными рвами сохранилась нетронутая земля, на которой при горизонтальной зачистке выявлялось характерное полигональное почвенное растрескивание. Выполненное зондирование на нескольких участках показало, что в нижней части фундаментных рвов сохранилась первоначальная заливка — щебень, пролитый известью. Куски бутового известняка (четыре блока), слагавшие фундамент, лежавшие in situ, сохранились лишь в самой северной выступавшей части выступа, напоминавшего апсиду (рис. 120). Габариты этого выступа были следующими — ширина фундаментного рва равнялась 2,4–2,5 м. Выступ представлял собой сегмент окружности радиусом 9 м (по внешнему краю). Внутри выступа, в его восточной части, сохранилось скопление белокаменных блоков и кирпичей, пролитых известью. Скопление имело форму пятна со скругленными краями размером 1,5×2 м (рис. 120; 121, *2*). Высотный уровень этого скопления был несколько ниже (на 10–40 см) уровня, на котором фиксировались остатки фундаментного рва. Вполне вероятно, что это скопление являлось остатками подпечной конструкции.

С обеих сторон к основанию округлого выступа примыкали «плечи» — фундаментный ров от стены северного фасада дворца. Ширина фундаментного рва от внешней фасадной стены равнялась 2 м. Заполнение рва было таким же, как вышеописанное. Прослежены были также на коротком участке фундаментные рвы от четырех внутренних стен дворца, перпендикулярных внешней стене. Ширина рвов всех внутренних стен была примерно одинаковой — около 2,4 м. Внутренние перегородки были расположены попарно. Узкие промежутки внутри каждой пары перегородок шириной 2–2,7 м, види-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

мо, предназначались для обходных коридоров или лестниц.

Фундамент левого (западного) «плеча» фасадной стены перерезал более ранний белокаменный водосток, сложенный из продолговатых известняковых блоков.

Сравнение ситуации, выявленной в археологическом раскопе, с графической реконструкцией привязки «Дворца внуков» к топографической основе, сделанной по картам XVIII в., показывает их некоторое несовпадение. Реальное положение фундамента «Дворца внуков» оказалось на 4 м севернее того, которое предполагалось на основании совмещения карт. Это незначительное несовпадение, видимо, обусловлено, неточностью карт XVIII в. и погрешностью процедуры совмещения разновременных топографических планов.

II. «Хлебный дом»

Целью работ было исследование подземной части архитектуры «Хлебного дома» и галереи, примыкающей к его западной стене (раскоп 4 и шурфы 2–11).

Раскоп 4 (шурф 1) заложен в 6,25 м к югу от галереи, идущей от здания «Хлебного дома» к Большому дворцу и примыкающей к западной стене «Хлебного дома» (рис. 123). Площадка шурфа имела небольшой уклон к северо-западу. Первоначальная площадь шурфа — 8 м^2. В дальнейшем шурф был превращен в раскоп площадью 36 м^2. Северо-восточный профиль шурфа состоит из элементов архитектуры «Хлебного дома» (цоколь и фундамент). Нижняя часть стены «Хлебного дома» представлена современными облицовочными блоками, расположенными выше уровня современной дневной поверхности. Ниже облицовочных блоков расположен цоколь, сложенный из белокаменных блоков. Его уровень в южной части профиля выше, чем в северной. В профиле цоколь имеет ступенчатую структуру, чем и объясняется этот перепад. Цоколь подстилают белокаменные блоки со щебнем, залитые известковым раствором. Низ фундамента прослежен примерно на одном уровне на глубине около 160 см от уровня цоколя.

Основные высотные отметки в балтийской системе высот (отметки шурфов здесь и далее снимались по наивысшим точкам, кроме низа фундамента, который фиксировался на самой низкой точке). Уровень цоколя = 157,1 м. Уровень верха фундамента = 157,02 м. Уровень низа фундамента = 155,57 м. Уровень материка = 156,99 м.

Шурф 8 расположен во внутреннем дворе «Хлебного дома», между конструкциями южной и западной лестниц, вплотную к юго-западной стене «Хлебного дома» и к конструкциям западной лестницы (рис. 124, *4*). Габариты шурфа 2×2,5 м. Площадь шурфа 5 м^2.

Стратиграфия шурфа. Слой дерна отсутствовал. Верхний горизонт представлен слоем строительно-реставрационного мусора. На глубине 50 см от современной дневной поверхности в западной части шурфа был выявлен материковый бурый плотный суглинок. Следы древней почвы отсутствовали. На остальной части площади шурфа присутствовал современный перекоп, который был выбран до уровня фиксации элементов современной архитектуры и уровня низа фундамента. Оставшийся объем грунта в современном перекопе не выбирался, шурф был законсервирован. Материк был прослежен на большей части его площади.

Основные отметки в балтийской системе высот. Уровень цоколя = 156,30 м. Уровень верха фундамента = 156,59 м. Уровень низа фундамента = 154,97 м. Уровень материка = 155,46 м.

*Шурф 9 р*асположен во внутреннем дворе «Хлебного дома», вплотную к юго-восточной стене и в 0,5 м от арочного проема в этой стене. До ближайшего к востоку угла двора «Хлебного дома» 3,65 м. Габариты шурфа 2×2 м, площадь шурфа 4 м^2.

Стратиграфия шурфа. Слой дерна отсутствовал. Верхний горизонт представлен слоем строительно-реставрационного мусора. На глубине 50 см от современной поверхности в северо-западной части шурфа был выявлен материковый коричневый плотный суглинок. Следы древней почвы отсутствовали. На остальной части площади шурфа присутствовал современный перекоп, идущий вдоль стены «Хлебного дома», который был выбран до уровня низа фундамента. По краям этого перекопа прослежена деревянная опалубка. Материк был прослежен на большей части площади шурфа.

Основные отметки в балтийской системе высот. Уровень цоколя = 156,38 м. Уровень верха фундамента = 156,15 м. Уровень низа фундамента = 154,93 м. Уровень материка = 155,75 м.

Шурф 7 расположен с юго-восточной стороны от галереи, связующей здание «Хлебного дома» и Большого дворца, в месте, где в соору-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

жении галереи существует арочный проем, в 2,5 м к северо-востоку от него. Размеры шурфа составили 4×3,2 м. Общая площадь шурфа 13 м^2 (рис. 124, *1, 2*).

Стратиграфия шурфа. Верхний горизонт был представлен слоем дерна и вблизи конструкций галереи — кирпичами и плоскими плитами из современных материалов, которыми вдоль галереи была выложена отмостка. Местами под отмосткой встречались участки, залитые тонким слоем цементного раствора. Ниже располагался тонкий слой реставрационно-строительного мусора, состоящий из мешаного бурого рыхлого суглинка с включениями щебня, извести, кирпичной крошки. Этот слой подстилался материком — плотным бурым суглинком. В северном углу шурфа материк был прокопан еще на 20 см для более точного определения уровня низа фундамента.

Индивидуальные находки в шурфе. В слое реставрационно-строительного мусора были обнаружены 4 фигурные белокаменные детали. Одна из них обладает формой цилиндра диаметром 14,5 см и длиной 20,5 см. Торцевые части этого цилиндра были сколоты, и первоначальную длину этой детали установить не удалось. Три другие детали, видимо, являются фрагментами аналогичных друг другу элементов архитектуры. Это сегменты полуцилиндрических структур, трапециевидной в плане формы, скругленные. Длина полуцилиндров хорошо определима по всем трем обломкам — 24 м, у каждого из трех обломков одна из боковых сторон имеет плоскую шлифованную грань.

Северо-западный профиль. Профиль шурфа состоит из элементов архитектуры галереи (часть цоколя и фундамент). Нижняя часть стены галереи состоит из четырех рядов белокаменной кладки, расположенных в основном значительно выше уровня современной дневной поверхности (поэтому на чертеже не фиксировалась). Эта кладка воспринималась как цоколь. Его подстилает кладка из белого камня, залитого известковым раствором. Она расположена по всей длине галереи, а не только под ее столбами-опорами. В местах, где над фундаментом нет никакой архитектуры, они сверху залиты цементным раствором, слой которого имеет толщину не более 10 см. Прямо на этом слое была сделана упомянутая выше отмостка. Ниже фундамента расположен бурый материковый суглинок. Мощность фундамента меньше, чем у фундаментов «Хлебного дома». Низ фундамента расположен на глубине до 70 см от уровня цоколя.

Основные отметки в балтийской системе высот. Уровень верха фундамента = 157,92 м. Уровень низа фундамента = 157,3 м. Уровень материка = 157,73 м.

Выводы. Раскоп 4 и шурфы 2, 4, 6, 7, 8, 9, 11 не содержали древних культурных напластований. Археологическое исследование позволило зафиксировать уровень цоколя, верха и низа фундамента, поверхности материка на момент начала строительства «Хлебного дома». Структура материка и уровень низа цоколя позволяют предположить, что уровень древней почвы у юго-западной стены «Хлебного дома» был чуть выше современной поверхности материка. Очевидно, перед строительством «Хлебного дома» были проведены земляные работы, которые в зоне расположения раскопа 4 и шурфа 2 углубили уровень дневной поверхности, существовавший на момент начала строительства. Тем самым древняя почва в этом месте была уничтожена.

Возле северо-восточной стены «Хлебного дома» фрагментарно сохранилась древняя дневная поверхность и прослой строительного мусора, который ее перекрывал (шурф 11), т.е. при строительстве «Хлебного дома» исходный рельеф с этой стороны здания не был изменен. Сейчас эта дневная поверхность (до 1783 г.) оказалась погребена под 50–60-см напластованиями более позднего строительного мусора.

В шурфе 5 была прослежена траншея, содержавшая деревянную конструкцию водостока.

Во всех шурфах одна из стенок была сформирована элементами архитектуры — цоколем и фундаментом. Везде, где удалось это проследить, мощность фундамента «Хлебного дома» составила около 100–140 см. В шурфе 6, в отличие от всех остальных, встречено значительное расширение фундамента. Вероятно, оно вызвано предполагаемым увеличением его глубины в этой части «Хлебного дома». Во всяком случае, внутреннее помещение, расположенное напротив шурфа 6, уходило на большую глубину. Примечательно, что в месте расширения фундамента его верхняя часть сложена из белокаменных блоков, аналогичных блокам цоколя.

Элементы архитектуры (кроме конструкций фундаментов) были встречены в шурфе 2 (скоба для крепления белокаменных деталей), шурфе 5 (отдельные белокаменные блоки). Нетипичные по форме белокаменные детали, обнаруженные в шурфе 7, по-видимому, относятся к деталям оформления арки и конструкциям сводов галереи.

Кроме этого, в заполнении большинства

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

шурфов присутствовали фрагменты стекловидного вещества неопределенной формы (смальты?). Они были голубого цвета и размерами не превышали 10 см в длину. Вероятно, это куски смальты, использовавшейся либо при первоначальной отделке «Хлебного дома», либо при проведении реставрации. Такие же куски в большом количестве были обнаружены в раскопе 3.

III. «Дом управителя»

Раскоп 3 площадью 792 м² был заложен с целью исследования фундаментов «Дома управителя», построенного по проекту В.И. Баженова в 1782 г. и разобранного в 1803 г.

В начале XIX в. на месте разобранной постройки был разбит обширный цветник круговой формы. Построек на данном участке не было вплоть до второй половины XX в., когда здесь появились временные сооружения типа бытовок, показанные на планах 1980-х годов.

На чертеже из отчета В.В. Милькова 1985 г. (цв. вклейка, рис. 11) показаны четкие границы срезки грунта на этом участке, производившейся, видимо, в 1950-е и 1980-е годы. Очевидно, при этом был сильно поврежден сам фундамент. Разведочные траншеи В.В. Милькова позволили установить факт наличия остатков фундамента «Дома управителя», но не выявили его контуров.

В конце 1990-х годов была проложена трасса канализации, которая рассекла фундамент «Дома управителя» примерно посередине (цв. вклейка, рис. 11).

Общие данные о раскопе 3. Методика раскопок. Археологические работы предварила геофизическая съемка участка, проведенная с помощью георадара специалистами кафедры геофизики Геологического факультета МГУ (руководитель группы — В.В. Капустин).

Археологический раскоп был заложен с учетом данных георадарного зондирования, а также на основании планов конца XVIII в., на которых с некоторыми расхождениями показано место постройки «Дома управителя».

«Нулевая» отметка, от которой велись отсчеты глубин в раскопах, имела значение 161,32 м в балтийской системе высот.

Раскоп представлял собой прямоугольник 34×20 м с дополнительным выступом с южной стороны. Поверхность площадки раскопа имела плавное понижение в направлении с юга на север и с юго-востока на северо-запад. Вся площадь раскопа была разделена на участки (с буквенными обозначениями от «А» до «Т»). Раскоп был углублен в среднем на 30–40 см. Верхний слой, мощностью на отдельных участках до 25–30 см, представлял собой перемешанный грунт, образовавшийся в результате работы строительной техники в недавнее время (рис. 114).

Под слоем перемеса были расчищены фундаментные кладки, зачищена поверхность суглинистого материка между ними, зафиксированы контуры ям XX в., заполнение которых не выбиралось.

Фотофиксация велась с применением 17-метровой автовышки (рис. 116, *1*). В завершение работ в пяти местах были вкопаны небольшие зондажи, чтобы проследить глубину залегания подошвы фундамента.

Описание фундамента «Дома управителя». Реальный план фундамента «Дома управителя» в результате оказался достаточно близок к архивным планам архитекторов В.И. Баженова и М.Ф. Казакова, но не идентичен им. Под мешаным слоем строительного мусора на участке, не затронутом траншеей канализации (шириной около 2–3 м), сохранились остатки фундамента 1782 г. (рис. 115). Фундамент сложен из бутового камня с небольшим включением кирпичного боя (как правило, в середине ленты фундамента в качестве забутовки). Глубина заложения фундамента была невелика — от современной поверхности максимум 0,5 м. В средней части раскопа сохранился лишь нижний ряд камней (рис. 115, шурф 3). С учетом его разрушений первоначальную глубину фундамента можно оценить в 70 см, вряд ли более. В целом нужно отметить, что фундамент очень неглубокий, что могло обусловить недолговечность постройки, которая всего через 20 лет оказалась в «крайней ветхости»[1].

Лишь в единичных случаях отмечено соблюдение подобия рядности в укладке камней, по большей части они лежат хаотично. Сохранились участки фундамента лишь в центральной (частично), восточной и южной частях, северо-западная полностью утрачена. Хорошо просматривалась последовательность строительства его снизу вверх. Сначала на дно рва насыпался мелкий бой белого камня и кирпича, затем средние фракции, сверху укладывались крупные обломки белого камня по краям фундаментной ленты, а в середину ленты забутовывались обломки помельче. Все это заливалось до самого дна извес-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тковым раствором. Фундамент был заложен в траншее с плоским дном и вертикальными стенками. Все шурфы показали идентичную картину: нижние камни лежат горизонтально ровным слоем практически по всей ширине ленты фундамента (рис. 115). Фундамент повсюду лежит на слое бурого материкового суглинка.

Уровень верха сохранившейся части фундамента понижается с юга на север. В секторах «Б» и «Е», где поздняя срезка была максимальной, осталась лишь прослойка извести и кирпичной крошки толщиной в 1–2 см.

Уровень подошвы фундамента также различен по секторам. В северо-западных секторах «Б» и «Е» он колеблется от –250 до –235 от репера. В северном секторе «К» он также весьма низок (–240 от репера). В секторах «Г», «З» и южном участке секторов «Ж» и «Л» он еще выше, –150 и –170 от репера. Наибольшая высота низа фундамента наблюдалась в секторе «З» также в южном углу фундамента (–139 от репера). Таким образом, высота сохранившейся части фундамента колеблется от нескольких сантиметров в северо-западном секторе «Б» и до 35–45 см в секторе «З». Уровень низа имеет перепад высот примерно в 100 см от северо-западного угла до юго-восточного, видимо, повторяя древний рельеф участка.

К конструктивным особенностям ленты фундамента можно причислить еще и заметную разнохарактерность соседних участков. Например, резко различаются между собой участки фундамента в секторах «К» и «Е», идущие поперек друг друга. Один участок идет в направлении с северо-запада на юго-восток и сложен из мелкого каменно-кирпичного боя с известковым раствором (внешняя стена здания с севера). Другой участок идет перпендикулярно к первому — лента фундамента сложена по краям из обломков камня средней величины — от стены восьмигранной «гостиной» к выступу с северной стороны, образуя единое целое с ней. Судя по характеру этого участка, нельзя категорично утверждать, что северо-западная пристройка была возведена позже, чем сам фундамент дома.

К юго-восточному фасаду примыкала лента фундамента, отходящая от основного объема дома в перпендикулярном направлении от него на юго-восток на 2,5 м. Этот участок фундамента имеет сильное падение вовне как по своему верху, так и по низу. Создается ощущение провала этого участка в какую-то обрушившуюся в прошлом яму. Назначение этого участка фундамента осталось неясным. Архитектор О.Г. Ким высказала предположение, что это фундамент недостроенной стены, соответствовавшей первоначальному проекту В.И. Баженова, который был затем изменен.

Ширина ленты фундамента по участкам несколько различается. Основная лента (внешняя, по прямоугольному контуру сооружения) имеет стабильную ширину 130–140 см. Ширина ленты внутренних стен чуть меньше, 115–120 см. Ширина участка внешней ленты восьмиугольной гостиной в сохранившемся участке в секторе «В» достигает 190 см. Такую же примерно ширину имеет и внутренняя поперечная лента фундамента от южного до восточного угла восьмиугольной гостиной.

Фундаментные рвы практически не прослеживались. Во всяком случае, кое-где в месте примыкания фундамента к непотревоженному грунту отмечено, что верх почвы при выкапывании рва сильно не срезался и не планировалась поверхность. На участке «Н» зафиксированы характерные следы почвенного полигонального растрескивания, которое обычно видно на глубине около 20 см от поверхности (рис. 116, *3*). Характерно отсутствие каких-либо следов подвальных помещений в черте фундамента.

Описание культурного слоя раскопа. Культурный слой на исследованной площади залегал участками под тонким слоем дерна, от 1–3 до 5–7 см. В северных секторах под дерном сразу шел суглинистый материковый слой (горизонт ELB, по почвенной индексации, т.е. переходный горизонт от подзолистого к нижележащему бурому суглинку) практически без каких-либо нарушений, за исключением мелких и неширокихямок с мусором строителей 1980-х годов. К югу кое-где в секторах «Б», «Е», «К» и практически по всей поверхности секторов «М» и «П» под дерном отмечен почвенный горизонт EL мощностью от 5 до 10 см — подзол белесого (сероватого) цвета, переходящий плавно с затеками в слой бурого суглинка. Местами хорошо было видно растрескивание почвенного слоя полигональными структурами.

Далее к югу в секторах «М», «Н», «П», «Р» подзолистый горизонт лежал уже под слоем серой супеси мощностью 10–15 см с культурными остатками XVIII–XIX вв. — фрагментами керамики, смальты синего цвета, желтых шестиугольных половых плиток баженовского периода, костей животных, железных кованых гвоздей различного размера (от 4 до 12 см в длину). Керамика представлена фрагментами цветочных горшков и поддонов к ним (на этом месте была цветочная клумба), а также обломками чернолощеной, поливной, фаянсовой и фарфоровой по-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

суды; есть несколько фрагментов белоглиняной керамики начала XVIII в.

Все находки XVIII–XIX вв. в основном тяготели к юго-восточному углу раскопа, где культурный слой остался непотревоженным и включавшим в себя небольшой участок вымощенной битым кирпичом дорожки (?), идущей в направлении запад–восток. На остальной площади раскопа подобный культурный слой не прослежен; он был срезан, вероятно, еще при планировке участка в 1950-х годов. В этих секторах под дерном шли сначала прослойки карьерного песка, рубероида, стекловаты, обломки железных деталей от строительной техники, битое толстое стекло, битые и целые бутылки 1980-х годов. Строительный мусор иногда был сконцентрирован в ямах подпрямоугольной формы.

Вперемешку с мусором XX в. обнаруживались немногочисленные фрагменты чернолощеной и цветочно-оранжерейной керамики XVIII–XIX вв., полустертая монета номиналом в 3 коп. 1911 г., фрагмент какого-то прибора (бинокль?) XIX столетия с надписью в две строки «Е. Краус С.-Петербургъ». Встречено несколько фрагментов печных изразцов конца XVII — начала XIX в. Лишь в самом углу сектора «З» встречен участок непотревоженного культурного слоя XVIII–XIX вв., который представлен краем ямы, круто уходящей своим бортом вниз по направлению к юго-востоку за пределы раскопа.

Всего на раскопе собрано около 240 фрагментов керамики, подавляющее количество которой относится к XVIII–XIX вв., несколько фрагментов старых бутылок и старого оконного стекла конца XVIII–XIX в., 6 обломков черепицы, 3 фрагмента половой шестиугольной плитки, около 40 кованых гвоздей, 11 обломков печных изразцов XVII–XIX вв., 13 монет (самая ранняя — 2 копейки 1869 г., остальные относятся в основном к периоду 1945–1956 гг.).

Выводы

Исследованный археологической экспедицией ИА РАН в 2005 г. фундамент «Дома управителя» показал как общее сходство, так и существенные различия в деталях с планами этого сооружения на архивных чертежах, начиная с проекта В.И.Баженова и кончая чертежом 1795 г. В действительности дом имел прямоугольный в целом контур с выступами с заднего и северного фасадов и угловатым либо, скорее всего, закругленным выступом северного фасада. Это отличается от первоначального проекта В.И. Баженова, но схоже с чертежом его времени, где виден один выступ с заднего фасада и угловатый выступ спереди. Внутренняя планировка стен отличается от чертежа из альбома М.Ф. Казакова, где показана сплошная поперечная перегородка от юго-западной внешней стены к северо-восточной. В действительности эта поперечная стена не достигает южной внешней стены, а заканчивается у внутренней продольной перегородки, ограничивающей восьмиугольную «гостиную» с юго-запада. Наконец, ни на одном плане нет участка стены, фундамент под которую был заложен с южного фасада здания в юго-восточном направлении. Количество предполагаемых помещений первого этажа также иное, нежели на планах; их всего шесть, считая гостиную и пристройку с севера.

Проведенные работы позволили полностью изучить остатки сохранившейся части фундамента и точно привязать их к современной топографической ситуации. Восстановлена картина событий, происходивших на этом участке в период реставрационных работ 1950-х и 1980-х годов, в результате которых фундамент был достаточно сильно поврежден. Северо-западная часть и центр фундамента были уничтожены полностью, а остальная часть была срезана примерно на 10–40 см. Установлено, что с юга к раскопу примыкал участок с сохранившимся культурным слоем XVIII–XIX вв. В настоящее время на месте фундаментов «Дома управителя» выстроен вестибюль входа в новое здание музея.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Приложение
Применение площадной георадарной съемки на объекте «Дом управителя» в Царицыне

С целью уточнения границ фундамента и точной привязки раскопа к объекту исследований было проведено георадарное обследование участка между «Хлебным домом» и «Большим дворцом».

Сотрудничество геофизиков и археологов имеет давнюю и плодотворную историю. Начиная с 1960-х годов были получены результаты, существенно помогавшие при раскопках памятников, культурный слой которых содержит те или иные достаточно крупные объекты, отличающиеся по своему составу и структуре от остального содержимого (*Франтов*, *Пинкевич*, 1966; *Глазунов*, 1978; *Эпельбаум*, *Хесин*, *Иткис*, 2006). Это касается прежде всего участков стен или фундаментов и даже следов сооружений в виде выбранных фундаментных рвов, ям и т.д., т.е. в основном участков с высокой насыщенностью археологическими объектами, например, в городской среде, которые в последние годы достаточно интенсивно исследуются. Имеются положительные примеры и комплексного применения нескольких геофизических методов (вместе с иными естественнонаучными) на участках поселений бронзового века — без ярко выраженных строительных конструкций и сооружений (*Benes*, 1989). В распоряжении геофизиков имеются различные методики. Преимущества тех или иных из них для археологов выглядят убедительными в тех случаях, когда они удовлетворяют нескольким условиям, среди которых важны эффективность получаемого графического изображения, т.е. его достаточно ясная читаемость и легкость интерпретации, быстрота исполняемой работы и получения результата, а также относительная дешевизна работ. Этим предварительным условиям удовлетворял метод георадарного обследования, примененный на раскопе 3 в Царицыне.

Георадиолокационное обследование участка между Большим дворцом и «Хлебным домом» проводилось георадаром «ОКО» с экранированным антенным блоком АБ-400 с центральной частотой излучения зондирующих импульсов 400 МГц. Измерения проводились по системе параллельных профилей в двух взаимоперпендикулярных направлениях с расстоянием между профилями 1–1,8 м и выбранным шагом по профилю 0,1 м. Шаг по профилю выбирался таким образом, чтобы обеспечить горизонтальную разрешающую способность по профилю не менее 0,1 м и свести к минимуму вероятность пропуска объектов в грунте. Позиционирование трасс измерений по профилю производилось с помощью датчика перемещения ДП-32, закрепленного на корпусе антенного блока. В результате проведенных площадных измерений и дальнейшей обработки материала может быть построена трехмерная модель исследуемой среды, содержащей изучаемые археологические объекты. При обследовании площадки было получено 93 георадиолокационных профиля общей длиной 5121,4 м.

Обработка профилей при помощи программы GeoScan32 производилась по следующему алгоритму: 1) корректировка амплитуд и порогов отображения радарограммы; 2) корректировка шкалы глубин в соответствии со значением скорости волны, измеренной по годографам дифрагированных волн; 3) выделение огибающей сигнала (Гильберт-преобразование); 4) сведение результатов в модуле трехмерной визуализации программы GeoScan32.

На рис. 118 представлен один из горизонтальных срезов обследованной площадки на глубине около 50 см, нанесенный на план местности. Крупные подповерхностные объекты искусственного происхождения отображаются зачерненными областями. Светлые участки соответствуют грунту с отсутствием подповерхностных объектов. Стрелкой отмечена аномалия на месте предположительного расположения фундамента «Управительского дома». На рис. 119 приведен горизонтальный плоскостной срез участка с обработанными результатами измерений площадки с привязкой к плану реального расположения фундамента.

Результаты, полученные для других глубинных срезов, показывают, что на глубине 0,7 м следы фундамента еще заметны, но значительно сильнее «размыты», чем на глубине 0,5 м. Результаты зондирования, выполненного в диапазоне 10–120 МГц с центральной частотой 50 МГц для горизонтального среза на глубине 1 м, показывают, что фундаменты «Дома управителя» себя уже почти не проявляют (рис. 118, *2*).

Таким образом, анализ показаний георадиолокации позволяет не только определить на местности положение не вскрытых еще участков погребенного фундамента, но и его основные геометрические характеристики.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

После вскрытия первых участков фундамента и прослеживания общих тенденций направления стен сооружения сравнение плана георадарного обследования с реальным расположением фундамента показало весьма хорошее совпадение между ними. Особенно характерным оказался участок юго-западного угла фундамента, где наблюдалось практически полное совпадение контуров аномалий с участками выявленного фундамента. Достаточно сильное совпадение было и вдоль заднего фасада, и в середине дома, где пересекаются участки фундамента продольной внутренней стены и сохранившаяся часть фундамента восьмиугольного помещения (гостиной). В целом необходимо отметить, что при выбранной методике и аппаратурных режимах наблюдений были хорошо выявлены только наиболее сохранившиеся, достаточно мощные участки фундамента толщиной от 20 до 40 см. Там же, где фундамент был по существу практически весь срезан при строительно-реставрационных работах, такой четкости нет; контуры фундамента просматриваются весьма слабо и почти неотличимы от аномалий дороги, дорожек, траншеи и других включений и нарушений грунта.

Опыт, полученный в результате проведения геофизических работ на территории музея-заповедника «Царицыно», позволил оценить разрешающие возможности использовавшейся аппаратуры и доказал эффективность использования детальных трехмерных георадарных наблюдений для привязки объектов на местности, определения их пространственных характеристик и сохранности.

Совместное участие в интерпретации геофизических материалов археологов и геофизиков существенно улучшает эффективность конечного результата.

В заключение следует отметить, что применение современных геофизических технологий, в особенности с использованием методов наблюдений во внутренних точках среды, позволяющих получить томографическое (трехмерное) изображение объектов, дает возможность построить пространственную модель изучаемой среды. Анализ пространственной модели позволяет подготовить организацию проведения раскопок, особенно в тех случаях, когда требуется провести исследования в сжатые сроки (что, как правило, часто практикуется в Москве) или изучаемый объект в ходе раскопок может быть безвозвратно разрушен (что происходит в большинстве случаев).

Примечания

[1] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 5557. Л. 156. Из рапорта архитектора И. Еготова начальнику ЭКС П.С. Валуеву от 10 июня 1803 г. Благодарим О.Г. Ким за предоставление архивных выписок.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Водоотводные сооружения XVIII–XIX вв. в постройках и парке Царицыно

Царицынской экспедицией было исследовано два вида объектов «дворцово-парковой» археологии, которые, безусловно, заслуживают публикации, — это водостоки и клумбы XVIII в.

Водостоки. Название водостоки — условное, так как точное назначение выявленных сооружений пока не установлено. Ясно лишь, что они предназначались для слива самотеком воды или каких-то жидких отходов из дворцовых построек. Кроме того, в парке, при работах В.В. Милькова в 1985 г. были обнаружены конструктивно сходные сооружения, предназначенные для дренажа, типа ливневой канализации.

Обнаруженные водостоки различались по тому, из какого материала они были сделаны (блоки белого камня, кирпичи, доски), однако по размерам канала были близки друг другу.

Водосток, сложенный полностью из блоков белого камня, был впервые обнаружен Ю.Ф. Иващенко с северной стороны от Большого дворца в 1989 г. (цв. вклейка, рис. 11; рис. 128). В 2005 г. было исследовано продолжение этого водостока на участке, примыкающем к северному фасаду Большого дворца (рис. 121; 125).

В раскопе 5 в 2005 г. он был исследован на протяженности 14 м (рис. 130). Водосток был сложен из близких по размерам, хорошо обтесанных продолговатых белокаменных блоков. Длина блоков варьировала в пределах 70–80 см, ширина равнялась 30–40 см, а толщина — около 15 см. Конструкция была уложена в траншею шириной около 90 см и примерно такой же глубины. Свободные пазухи между бортами траншеи и кладкой были заполнены известью и мелким известняковым бутом. Кровлю водостока перекрывал слой земли толщиной около 20 см. Пол и кровля были сложены из блоков, положенных поперек. Стены были высотой в два ряда блоков, лежавших вдоль линии водостока. Размер канала составлял 26×34 см. Внутри короба водостока был воздух, известковая пыль и никакой грязи. То есть водосток никогда не использовался и был практически герметичен. Изнутри блоки сияли «первозданной белизной», на их поверхности остались следы чистого известкового раствора. Сооружение имело слабый уклон к северу. Перепад составлял от –146 до –180 см, т.е. 34 см на протяжении 14 м. Его северная часть уходила в стенку раскопа, а южная была прорезана конструкциями фундамента «Дворца внуков».

То есть водосток не был связан с последним вариантом императорского дворца, построенного В.И. Баженовым. Вероятнее всего, водосток был подведен к оранжерее, которая была построена В.И. Баженовым согласно первому варианту проекта на этом месте, а затем заменена жилым корпусом цесаревичей. Видимо, водосток предназначался для отвода отработанной воды из оранжереи, но никогда не использовался, так как оранжерея никогда не функционировала. М.Ф. Казаков не разобрал водосток на камень, как остальные фундаменты баженовского дворца, так как не подозревал о его существовании.

Каменные водоводы известны в Москве по крайней мере с XVII в. В 1979 г. в Коломенском Л.А. Беляевым был исследован водовод, сложенный из блоков белого камня, ведший от Фряжского погреба к берегу Москвы-реки. Коломенский водовод являлся гораздо более монументальной конструкцией с большим сечением канала, имел колодцы, позволявшие его чистить (*Беляев*, *Фролов*, 1984).

Водосток в Царицыне, как представляется, был очень ненадежной конструкцией: при малом угле наклона он мог легко засориться, а возможности доступа к каналу не было.

Именно такой, полностью засорившийся водосток, заполненный песком и грязью, был исследован на склоне ложбины между Малым дворцом и Оперным домом (рис. 125, *2, 3*; 129).

Камни кровли этого водостока выступали на поверхности. В 2003 г. была сделана их предварительная расчистка, а в 2004 г. заложена траншея 5 размером 8×1 м. Квадрат размером 2×2 м был прирезан с запада к траншее, чтобы можно было прокопать отложения делювия на большую глубину. Перепад высот между северным и южным краями траншеи 5 составил 2 м (абсолютные отметки 141,74 и 143,73 м).

Кирпичная кладка залегала на глубине

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 42. Промеры кирпичей из сооружения коллектора в траншее 5

Длина Число измерений = 44		Ширина Число измерений = 44		Высота Число измерений = 44	
Крайние значения (см)	Среднее значение (см)	Крайние значения (см)	Среднее значение (см)	Крайние значения (см)	Среднее значение (см)
23,5–29	26,3	12–14,5	13,3	5–7	6

5–20 см от современной поверхности. Линия кладки проходила почти точно по оси траншеи. Границы рва, в который кладка была впущена, не прослеживались. Верхний пласт над кладкой и по обеим сторонам от нее был представлен супесью темно-серой в верхней части (хорошо развитый гумусовый горизонт современной почвы) и переходящей в бурый и темно-бурый книзу. Была зафиксирована поверхность с разливом извести и обломками кирпичей на глубине 8–10 см от современной дневной поверхности. То есть лет 150 назад дневная поверхность была ниже, и кладка фактически должна была выступать над землей. Зафиксированный строительный горизонт не мог быть непосредственно связан с расположенной рядом кирпичной кладкой, так как в последней известь не использовалась.

Кладка водостока сложена без раствора из бывших ранее в употреблении кирпичей со следами извести. В том числе встречены кирпичи с клеймами «ИК», «ПМ» и один брусковый. Размеры кирпичей соответствуют кирпичу, использовавшемуся в дворцовых постройках Царицына.

Конструкция напоминала уложенную горизонтально печную трубу. Ширина всей конструкции равнялась 46 см. Дно было выложено из уложенных плашмя кирпичей (целых и половинок). Ширина дна примерно в один кирпич, т.е. около 30 см. Две вертикальные параллельные стенки имели толщину в полкирпича. Высота стенок — два-три ряда. На выположенном участке склона — пять рядов. Расстояние между стенками — 12–16 см. Кровля сделана из кирпичей, уложенных поперек (ложковым рядом). Стенки нависали над кирпичами дна на несколько сантиметров с обеих сторон. Плечики стенок выступали также из-под кирпичей перекрытия. Устойчивой такая конструкция могла быть лишь в том случае, если кирпичи стенок соприкасались с земляными бортами канавы, в которую было уложено все сооружение. Размер канала варьировал от 16×22 см до 14×32 см. На выположенном участке перекрытие канала было сделано не из кирпичей, а из профилированных известняковых блоков от дворцовых построек.

Кирпичная конструкция подвергалась деформациям. Особенно это хорошо было заметно в средней части изученного участка (рис. 125, II), где кирпичи перекрытия «повело» — они имели наклон в восточную сторону. Внутри канал был заполнен легкой супесью, почти песком. Заполнение плотное, пронизано корнями. Почти половина кирпичей перекрытия треснула, из-за нагрузки давившего сверху грунта. Средние размеры кирпичей приведены в табл. 42.

Кроме того, имелся один брусковый кирпич с размерами 26×10×10 см. В целом можно отметить, что кладка очень свободно была «вписана» в существующий рельеф. Ее линия делает плавные изгибы в плане. Вертикальный профиль тоже плавный. Кладка следует изгибам поверхности, при этом варьирует и высота стенок.

Чтобы проследить, куда ведет кладка, обнаруженная в траншее, был заложен шурф на расстоянии 10 м к юго-востоку от южного края траншеи 5, выше по тропе в тальвеге ложбины. В этом месте на поверхности были видны выступавшие из земли кирпичи.

Шурф размером 2×2 м, ориентированный по сторонам света, разбит на нижней части склона коренного берега Верхне-Царицынского пруда, на дне ложбины, разделяющей мысы, на которых стоят Малый дворец и Оперный дом (рис. 99). Непосредственно через шурф проходила тропинка, ведшая от берега Верхне-Царицынского пруда по дну ложбины на край коренного берега между Малым дворцом и Оперным домом. Ее ширина около 1 м, она пересекает шурф с запада–северо-запада на восток–юго-восток. Дневная поверхность за пределами дорожки заросла травой и нарушена кротовинами.

Над дневной поверхностью на высоту до 5 см выступали части нескольких кирпичей времени строительства дворцового комплекса, причем некоторые из них как будто лежали в определенном порядке. Для их изучения был разбит шурф, они оказались в его южной половине.

Уже в почве выявились остатки кирпичной конструкции, вытянутой через весь шурф с северо-запада на юго-восток. Это продолжение сооружения, выявленного в траншее 5. В шурфе

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

сохранились кирпичный пол (два ряда) и остатки разобранных стен. На всех кирпичах имелись следы раствора.

Слой делювия подстилал кирпичную конструкцию. В горизонте строительства конструкции (тонкая прослойка с кирпичной и белокаменной крошкой и известью, мелкими обломками кирпичей и белого камня) найден обломок красноглиняной «золотой» черепицы.

Кирпичная конструкция водостока, видимо, датируется концом XVIII в., в крайнем случае — началом XIX в. Сооружена она исключительно из строительного материала от разобранных баженовских построек. Выходил коллектор к пруду, что дает основание отвергнуть предположение о его предназначении для канализации. Место выхода в пруд прослеживалось на современной поверхности возле дорожки, огибающей пруд.

Начиналась конструкция от Оперного дома (?). Во всяком случае, судя по результатам раскопок шурфа, кирпичная кладка поворачивает именно в сторону Оперного дома.

Деревянный водосток был выявлен в шурфе 5 во внутреннем дворике «Хлебного дома» (рис. 126; 127). Он был изготовлен из четырех сосновых (определение А.А. Гольевой) плах-горбылей, образовывавших короб. Верхняя плаха являлась крышкой. Крышка сохранилась лишь частично. Везде внутреннее пространство конструкции водостока было заполнено серым суглинком. Конец водостока, примыкавший к стене «Хлебного дома», был перебит перекопом, проходящим вдоль фундамента. Плохо сохранившиеся куски древесины на соответствующем уровне были прослежены в заполнении этого перекопа.

Чтобы проследить внешний край водостока в южном направлении, от шурфа 5 была сделана прирезка. В прирезке на уровне зачистки по материку была выявлена траншея, заполненная серым суглинком. В южной части прирезки также была расчищена часть дренажного колодца, стенки которого были сложены из плах толщиной около 8 см (колодец фиксировался, начиная с отметки –270 см). Прослеженный угол колодца позволил в одном месте зафиксировать способ укладки этих досок (рис. 126). Он оказался близок так называемому способу укладки «в лапу». Судя по профилям прирезки, засыпка колодца произошла сравнительно недавно. Верхние горизонты засыпки представлены гравием и песком. Ниже следовала прослойка строительного мусора, аналогичного верхним горизонтам шурфа. Ее подстилал слой извести с белокаменной крошкой, доходящий внизу до уровня фиксации стенок колодца. Чем ниже, тем этот слой был темнее, что было вызвано большей влажностью нижележащих пластов грунта. Начиная с уровня фиксации стенок колодца, его заполнение было представлено серым суглинком с беспорядочно лежащими обломками досок и вкраплениями извести. Заполнение колодца было выбрано на глубину –200 см. Нижележащие слои заполнения колодца были законсервированы.

В месте стыка водостока и колодца в стенке колодца, в двух смыкающихся досках было сделано прямоугольное отверстие, соответствующее размерам водостока. Короб водостока был впущен в это отверстие. Торцевая часть водостока выполнена таким образом, чтобы соответствовать углу его поворота относительно колодца. В верхней доске в этой же стенке колодца (в верхней ее части) сделан еще один неровный проем. Вероятно, он предназначался для другой дренажной трубы, которая не сохранилась или вовсе никогда не была впущена.

На всем протяжении плана шурфа параллельно деревянному водостоку была прослежена металлическая труба из материала, близкого по виду к свинцу, с окислами белого цвета. Судя по конфигурации металлической трубы, имеющей изгибы и вмятины в разных местах, она сделана из сравнительно мягкого металла. Один конец трубы был подведен к фундаментам «Хлебного дома» в северной части шурфа, где он был загнут вверх и залит цементным раствором. Другой конец металлической трубы был впущен в то же отверстие в стенке колодца, которое было предназначено для впуска в него деревянной трубы водостока. Металлическая труба была опущена в ту же траншею, что и деревянная, с восточной стороны от последней. По всей видимости, она была прикопана позднее, чем деревянная, но отдельная траншея для нее в материке не читалась. Функционально назначение металлической трубы было, вероятно, таким же, как и у деревянного водостока. После завершения работ экспедиции ИА РАН все пространство внутреннего дворика «Хлебного дома» было раскопано археологами из «Столичного археологического бюро». В результате этих раскопок дренажный колодец был вскрыт полностью, за исключением части, оставшейся под бровкой, которая, видимо, так и осталась неразобранной (рис. 126). Заполнение колодца также не выбиралось.

Можно высказать разные предположения о назначении водоотвода. Либо это дренажная система, предназначенная для осушения грунта и отвода влаги от фундаментов. Очевидно, что подобное сооружение должно было возникнуть

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

уже при постройке «Хлебного дома». Оно конструктивно связано с ним, расположено в самой низкой (а следовательно, самой влажной) части двора «Хлебного дома». Ясно, что водоток восстанавливался, и, возможно, неоднократно. Более вероятным все-таки кажется предположение, что сооружение предназначалось для отвода отработанной технической воды из помещения кухонь. Деревянная труба постепенно забилась суглинком, и на смену ей на эту же глубину, вплотную к ней была опущена металлическая труба. Любопытно, что фундаменты носят следы вычинки, которая, возможно, одновременна металлической трубе дренажа. Многочисленные куски белого камня и блоков, вероятно, относятся к элементам лестницы, располагавшейся в этой части двора «Хлебного дома».

При исследовании дорожек в парке в 1985 г. В.В. Мильковым были обнаружены дренажные конструкции — своеобразные «проколы» под мощением дорожек, короба, сделанные из блоков белого камня и кирпичей.

В траншее 5 возле грота (рис. 18) выявлен водосток, сложенный в виде короба из блоков белого камня. Блоки белого камня, составлявшие покрытие водотока, сохранились и заросли сверху землей примерно на 5 см. По-видимому, покрытие водотока служило одновременно элементом мощения дорожки (рис. 128).

На дорожке, спускающейся от беседки «Храм Цереры» к пруду, в раскопе «Г» выявлен короб водостока из блоков белого камня. Перекрытие короба частично сохранилось. Поверхность блоков перекрытия находилась на одном уровне с поверхностью покрытия дорожки.

Клумба. На опушке парка, выходящей на южную окраину Большой поляны, примыкающей с юга к Большому дворцу, по обеим сторонам центральной парковой аллеи видны незначительные сглаженные всхолмления округлой и неправильной формы (рис. 131). В 1975 г. в паспорте, составленном для Министерства культуры, Р.Л. Розенфельдт определил их как сильно распаханные курганы и дал памятнику наименование «Курганная группа Царицыно-1». В 2005 г. было решено заложить траншею в поле одной из насыпей. Если бы это оказался распаханный курган, то следовало ожидать обнаружения ровика.

Для исследования была выбрана наиболее «курганоподобная» возвышенность округлой формы, высота которой около 0,3 м. Ее центр находился в 15 м к юго-западу от перекрестка дорожки, огибающей с юга Большую поляну, и центральной аллеи. Замеры высот велись от железного репера, стоящего на пересечении вышеуказанных дорожек, значение которого было определено в балтийской системе высот как 164,08 м.

Траншея разрезала восточную полу всхолмления (насыпи), была ориентирована в широтном направлении и имела размеры 4,5×1 м. Изучение стратиграфии южного борта траншеи показало, что изучаемое всхолмление действительно являлось насыпью, под которой прослеживалась погребенная почва с плохо различимым гумусовым горизонтом, но хорошо видимым подзолистым (рис. 132). Ровик отсутствовал. То есть насыпь была создана из привозной земли. Максимальная высота насыпи — 60 см. Она насыщена обломками цветочных горшков, некоторые из них удалось склеить до полного профиля (рис. 132). Это типичные цветочные горшки с отверстиями в днище, хорошо известные по раскопкам оранжереи XIX в. на Романовом дворе (*Кренке и др.*, 2009). При раскопках возле Большого дворца в Царицыне аналогичный горшок был найден в заполнении строительной ямы 1785–1795 гг. (рис. 108, *1*).

Учитывая сведения письменных документов, собранных историком музея «Царицыно» Б.В. Кудрявцевым, можно с большой долей уверенности утверждать, что изученная насыпь является клумбой, созданной в первое десятилетие XIX в. при обустройстве Английского парка.

Б.В. Кудрявцевым были найдены архивные документы, указывающие на то, что в 1804 г. для «засыпки» Большой поляны у московского купца Девича были куплены «семена, как-то: клевер белой красной и рейграс». В Английском саду были устроены «по приличным местам» дорожки, газоны, «разные приятные для удовольствия гуляющих виды и клумбы, наполненные самыми лучшими произрастениями». Весной 1808 г. перевозилась земля «для зделания в Аглинском саду на большом газоне кломб»[1].

Раскопки клумбы и интервью с В.С. Нефёдовым были показаны по программе ТВЦ на центральном телевидении 16 июля 2005 г. Журналистка-ведущая прокомментировала, что «археологов постигла неудача, вместо курганов XII в. нашли клумбу». На самом деле это удача. Клумба парка начала XIX в. раскапывалась чуть ли не впервые в московской археологии. Это новый для нас археологический объект, изучение которого важно для развития прикладной «парковой археологии».

---

[1] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5587. Л. 116.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

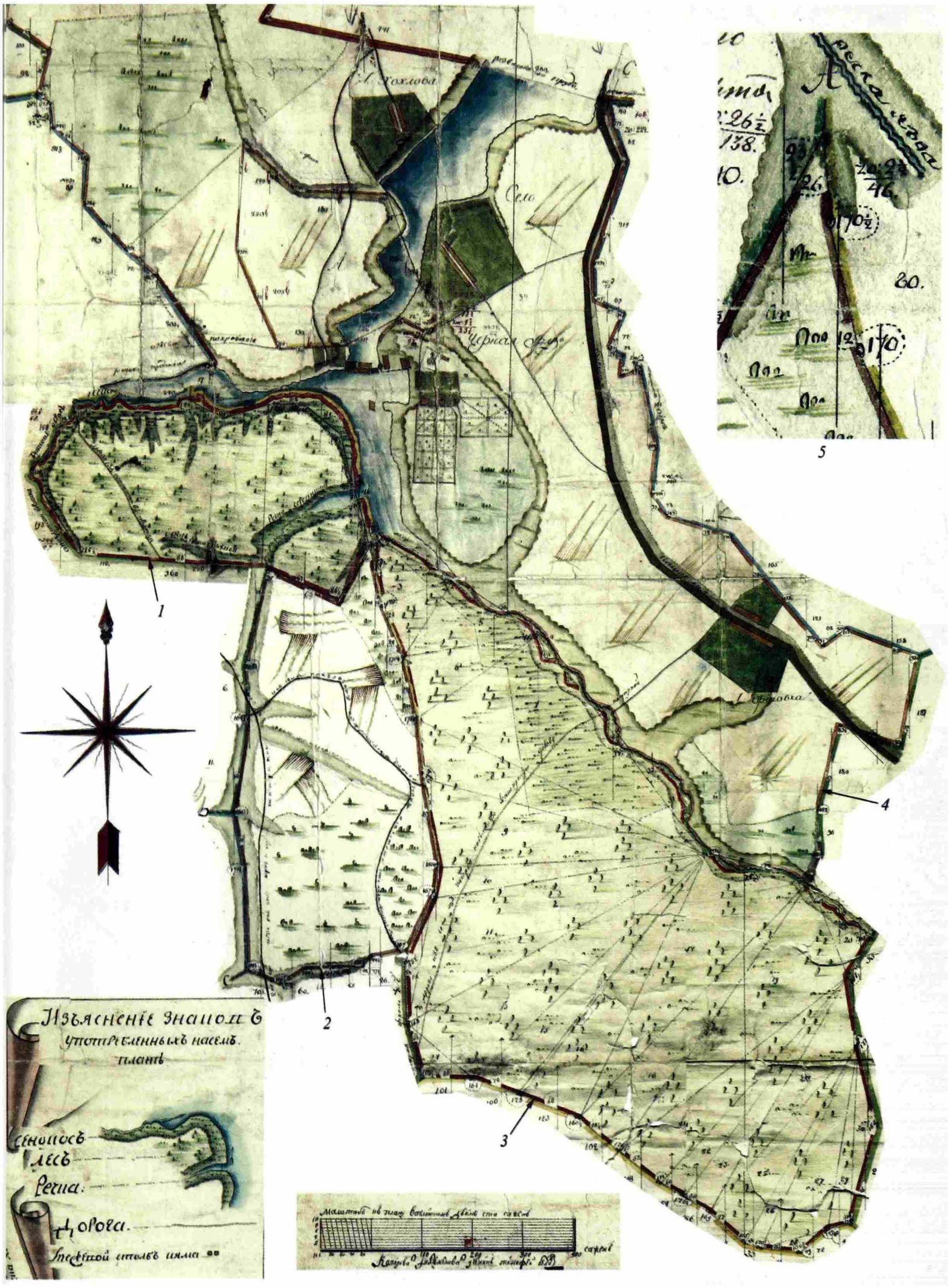

Рис. 1. Совмещенные планы дач Генерального межевания

1 — Земля села Покровского деревни Котляковой, отмежеванная к с. Царицыну в 1775 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Д. З-10с); *2, 5* — Пустошь Черепиха графини Е.И. Головкиной, 1766 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Д. Ч-6с); *3* — пустошь Пожарная князя Сергея Дмитриевича Кантемира, 1766 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Д. П-24с); *4* — Село Черная Грязь с деревнями детей князя Матвея Кантемира и покойной штатс дамы Екатерины Дмитриевны Голицыной, 1766 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Д. Ц-1к)
Масштаб: сто саженей в английском дюйме

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 2. Пла н окрестностей Москвы. Фрагмент
Военно-топографическое депо, 1856 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 3. Виды поселения Царицыно-1

Вверху — вид с северо-запада поздней осенью; внизу — вид с запада ранней весной

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

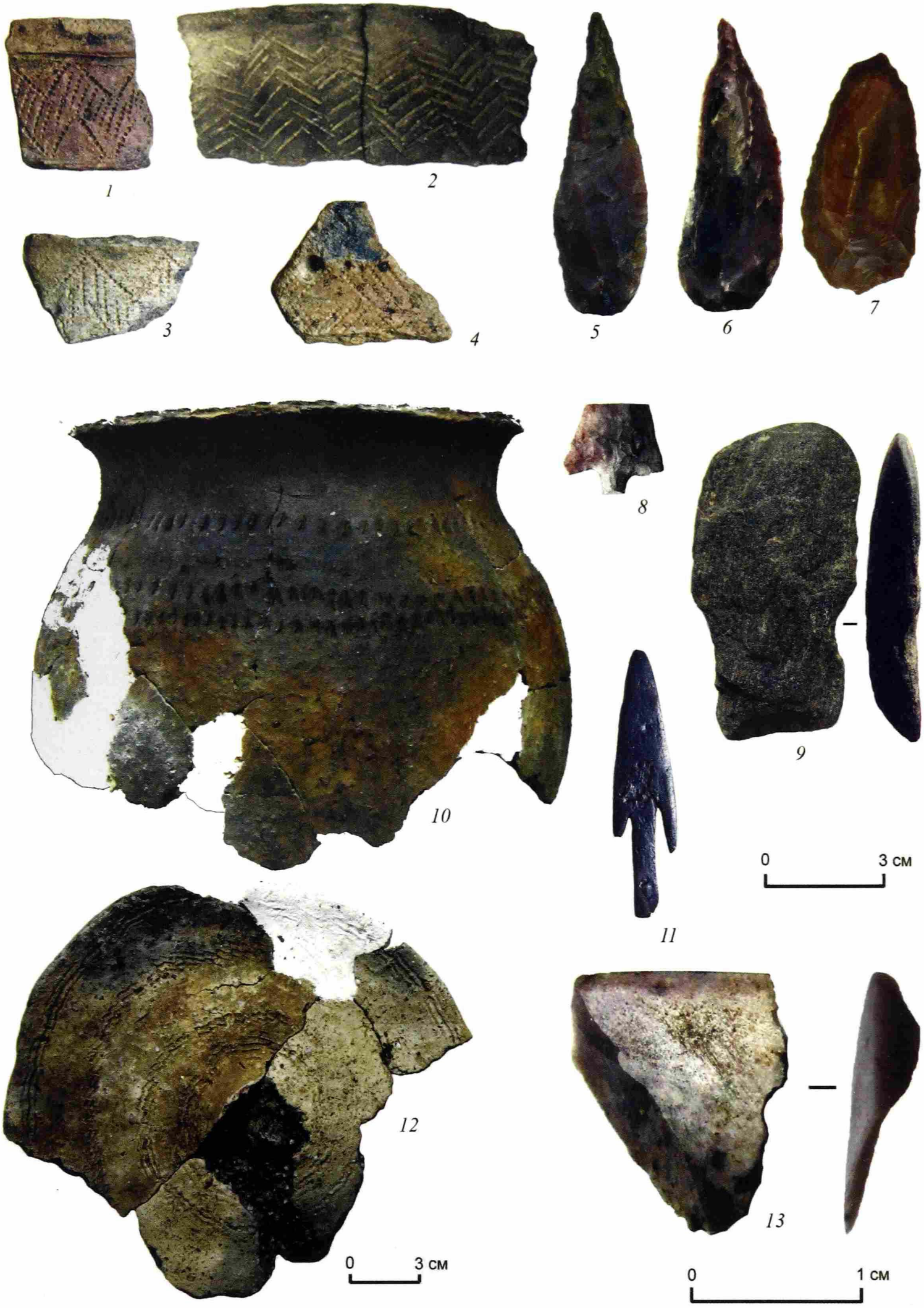

Рис. 4. Находки с поселения Царицыно-1 (Церера)

1–4 — керамика фатьяновской культуры; *5–7* — кремневые орудия с выделенным «жальцем» (перфораторы); *8* — кремневая стрела; *9* — орудие с перехватом и заполированной от работы торцевой частью (вверху); *10* — горшок гладкостенный с защипным орнаментом позднего этапа дьяковской культуры; *11* — железная стрела; *12* — лепной светильник (?) XII в., *13* — скол с лезвия каменного топора или тесла

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1

3

2

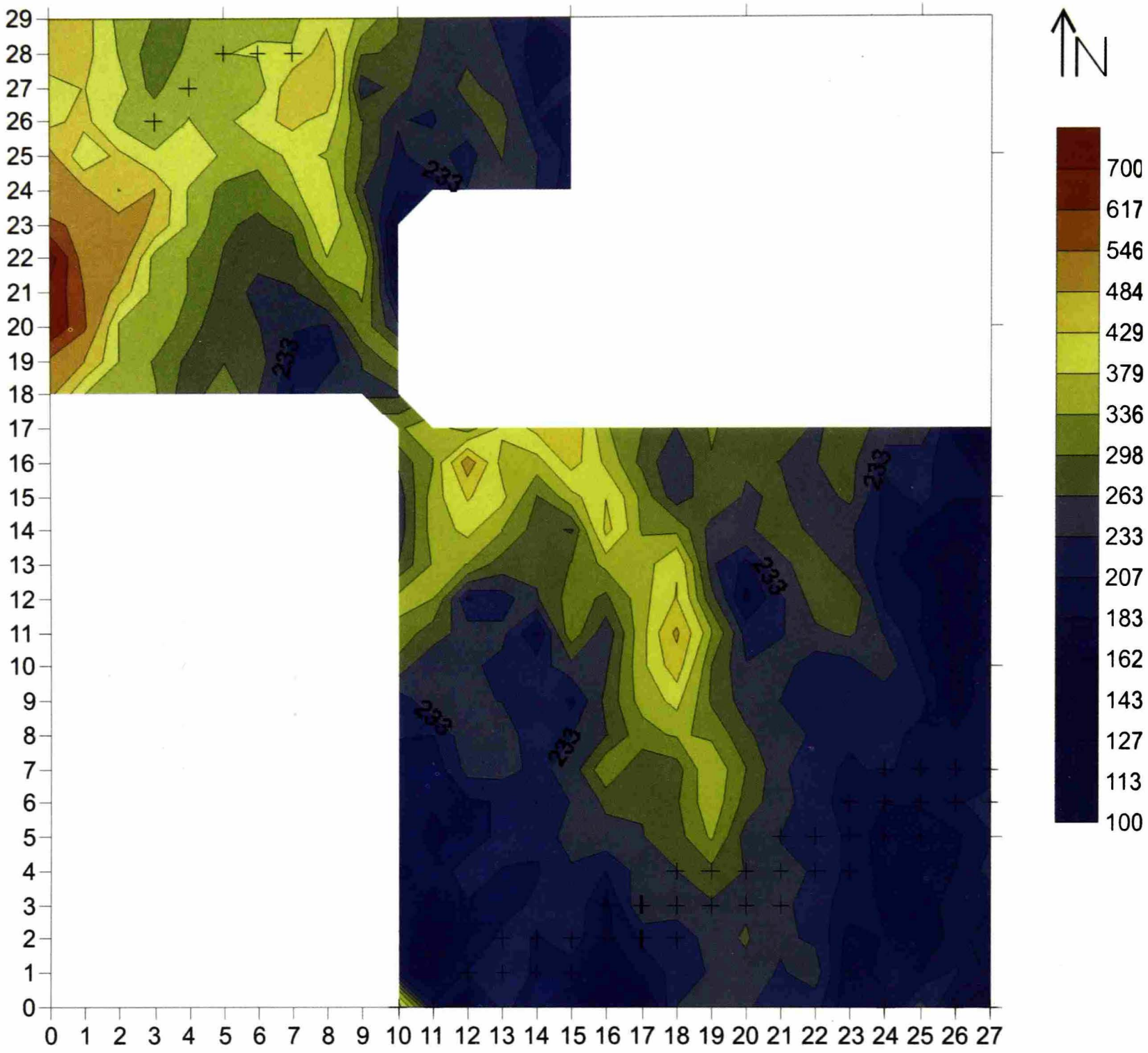
4

Рис. 5. Поселение Царицыно-1 (Церера), 2006 г.

1 — ров и профиль южной стенки траншеи; *2* — разрез заполнения рва в профиле южной стенки траншеи; *3* — ров, профиль западного борта прирезки к траншее; *4* — заполнение ямы 10 в разрезе западного борта прирезки к траншее

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Карта кажущегося сопротивления, полученная методом срединного градиента.
Участок "Беседка Цереры". 5-8 сентября 2006 г.

мастшаб 1:200

Условные обозначения:

\+ дорожка

Рис. 6. Полигон геофизической съемки 2006 г. на поселении Царицыно-1 (Церера). Карта кажущегося сопротивления, полученная методом срединного градиента

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 7. Селища Шипилово-1 и Борисово-1

1 — шурф № 2 на селище Шипилово 1, проходка техногенных отложений конца XX в.; *2* — шурф № 4 на селище Шипилово 1, вид на западную стенку; *3, 4* — шурф № 8 на селище Шипилово-1; *5* — селище Борисово-1, южный борт участка № 8; *6* — селище Борисово-1, участок № 3, один из гумусовых затеков (заполнение трещины) в буром суглинке (иллювиальный горизонт голоценовой подзолистой почвы) и его радиоуглеродный возраст

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

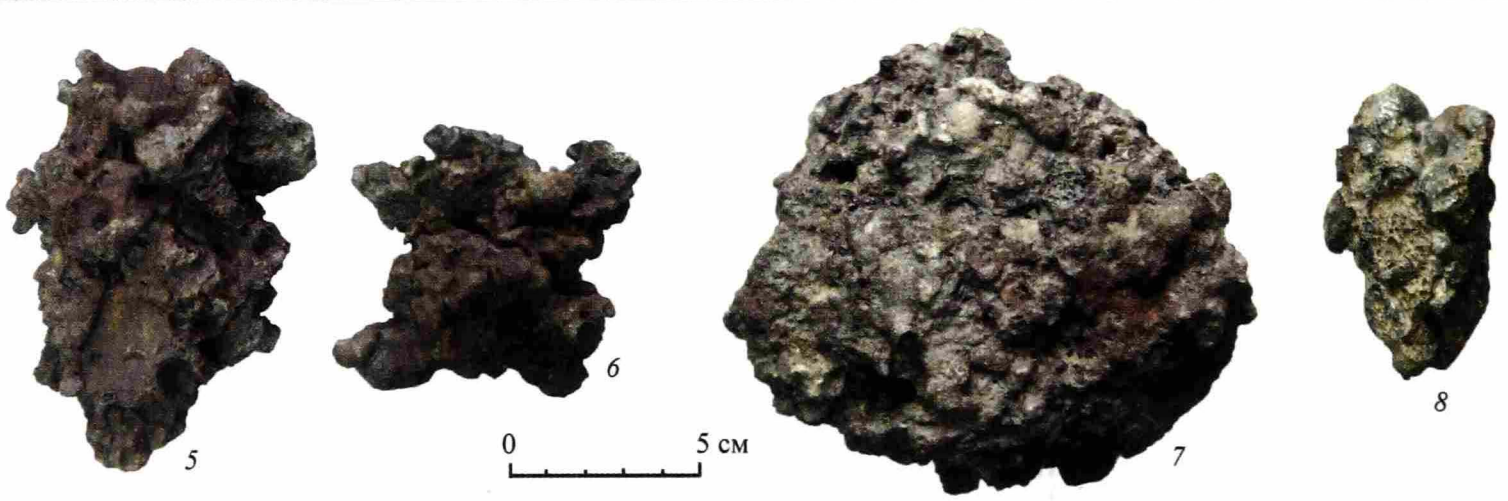

Рис. 8. Селище Царицыно-3

1 — раскопки на селище в 2006 г., вид с северо-запада; *2* — раскоп 2006 г., зачистка поверхности слоя 2, вид с севера; *3* — яма 4, обожженные камни; *4* — яма 4, железные шлаки на дне; *5, 6* — железные шлаки из ямы 4; *7* — железный шлак из ямы 9; *8* — силикатный (?) шлак из кв. 24

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

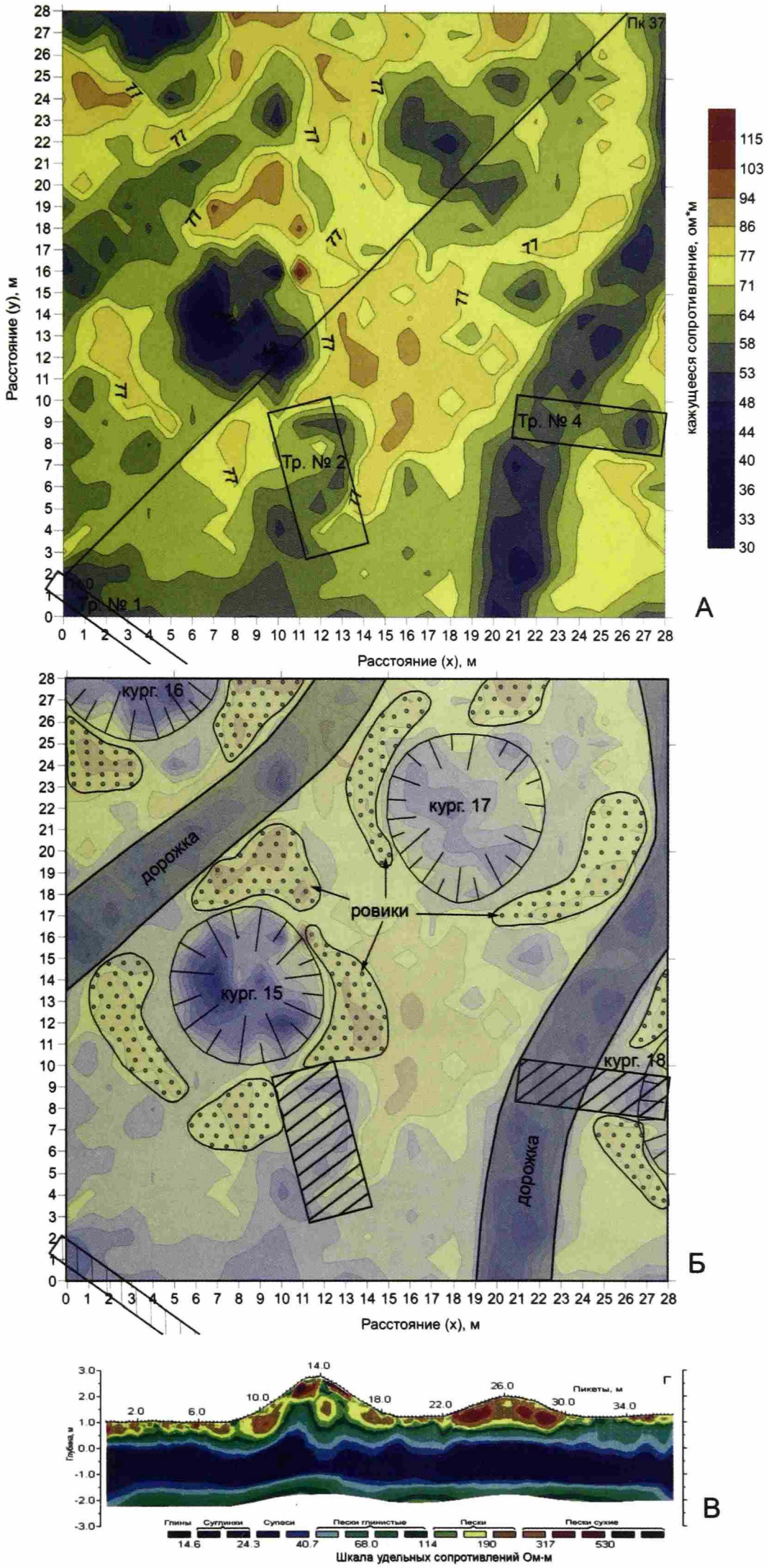

Рис. 9. Результаты геофизической съемки курганной группы Царицыно-2

А — Карта кажущегося сопротивления, общая по двум поляризациям

Б — Результаты интерпретации данных метода срединного градиента

В — Геоэлектрический разрез по линии ПК0 — ПК37 как результат двумерной инверсии

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 10. Эрмитажная коллекция из раскопок 1881 г. курганов в Царицыно

В скобках дается номер по музейной инвентарной описи

1–4 — семилопастные височные кольца; *5–11* — привески монетовидные гладкие; *12, 13, 15* — перстни ложновитые простые сомкнутые; *14* — перстень рубчатый с разомкнутыми сужающимися концами; *16* — кольцо поясное плоское; *17* — перстень пластинчатый широкосрединный разомкнутый литой с растительным орнаментом (2 обл.); *18, 19* — бубенчики шаровидные с щелевидной прорезью, орнаментированные; *20* — браслет проволочный витой простой (тройной); *21* — ожерелье из бус (четыре сердоликовых бипирамидальных, одна золотостеклянная боченковидная, одна стеклянная кольцевидная желтая); *22, 23* — браслеты дротовые литые четырехгранные ложнозавязанные; *24* — браслет проволочный витой сложный (4Ч3); *25* — ножа железного обломок

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

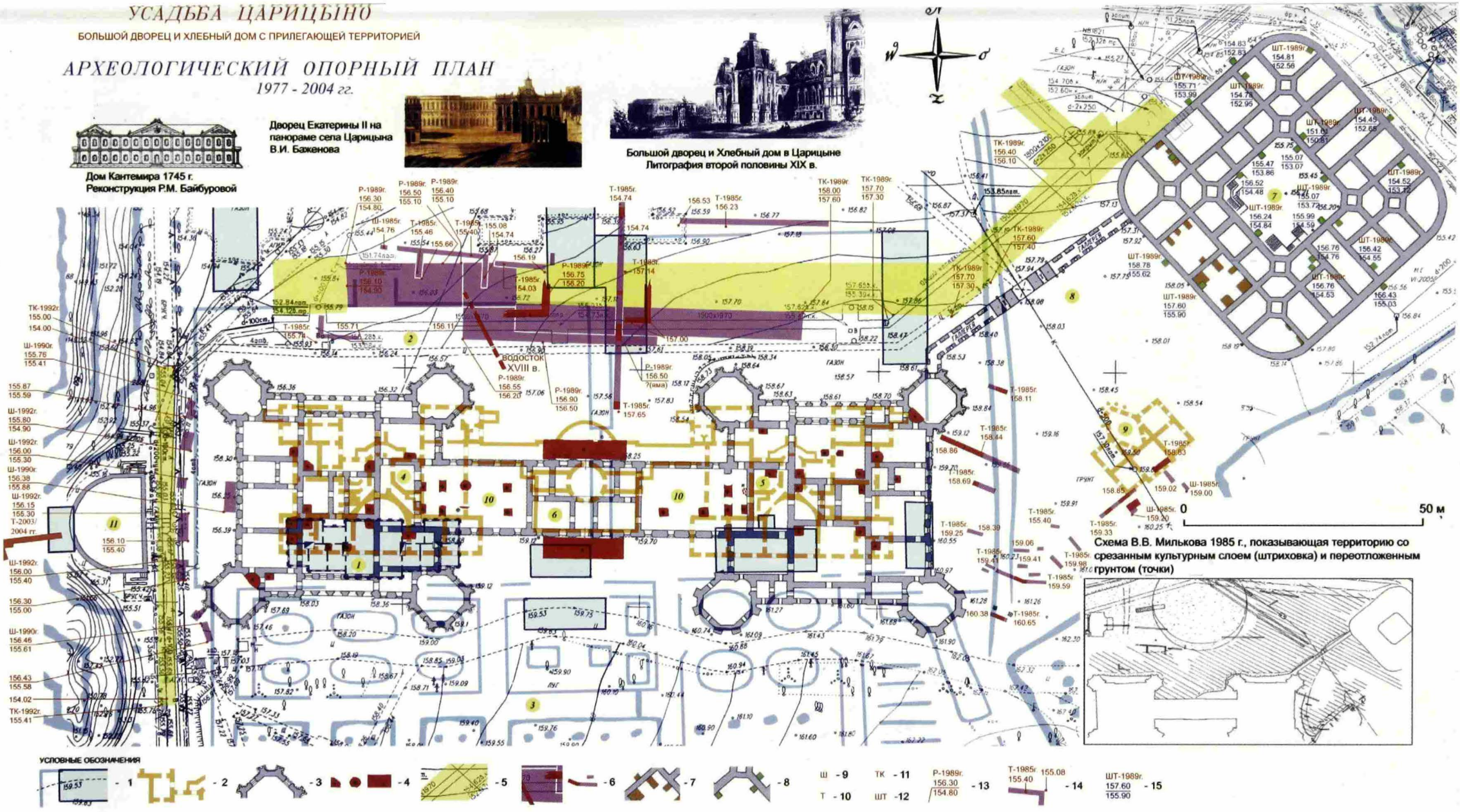

Схема В.В. Милькова 1985 г., показывающая территорию со срезанным культурным слоем (штриховка) и переотложенным грунтом (точки)

Рис. 11. Археологический опорный план (1977–2004 гг.) и совмещенный план разновременных построек в центральной части усадьбы «Царицыно»

Использована геоподоснова 2005 г. масштаба 1:500.

Цифрами на желтом фоне обозначены: *1* — главный дом усадьбы Кантемиров (постр. в 1745 г.); *2* — парадный двор усадьбы Кантемиров; *3* — регулярный сад усадьбы Кантемиров; *4* — дворец Екатерины II; *5* — дворец Павла; *6* — дворец детей Павла, выстроенный вместо предполагавшейся ранее оранжереи; *7* — хлебный дом, *8* — галерея хлебного дома; *9* — дом управителя, гауптвахта; *10* — Большой дворец М.Ф. Казакова 1786–1796 гг.; *11* — Малый дворец (*4–9*, *11* — постройки В.И. Баженова 1779–1785 гг.)

Условные обознаения: 1 — Элементы планировочной структуры усадьбы Кантемиров черная Грязь 1712–1775 г. (по чертежу 1775 г.); 2 — Разобранные постройки В.И. Баженова 1779–1785 гг.; 3 — Сохранившиеся постройки арх. В.И. Баженова и М.Ф. Казакова; 4 — Выявленные шурфами 1977 г. детали планировки Большого дворца: основания печей (п), фундаменты под стены, колонны (ф) и лестницы парадных входов (л); 5 — Археологические раскопы и шурфы разных лет с показом (красным) некоторых выявленных объектов; 6 — Траншеи под коллектор; 7 — Технические шурфы (обследование фундаментов); 8 — Места засыпанных фундаментов; 9 — Шурф археологический; 10 — траншея археологическая; 11 — Траншея коллектора; 12 — Шурф технический; 13 — Раскоп 1989 г, отметка поверхности в год разрытия (вверху), отметка материка (внизу); 14 — Отметка поверхности и дна траншеи 1985 г. ; 15 — Шурф технический 1989 г., отметка поверхности в год разрытия (вверху), отметка низа подошвы фундамента (внизу)

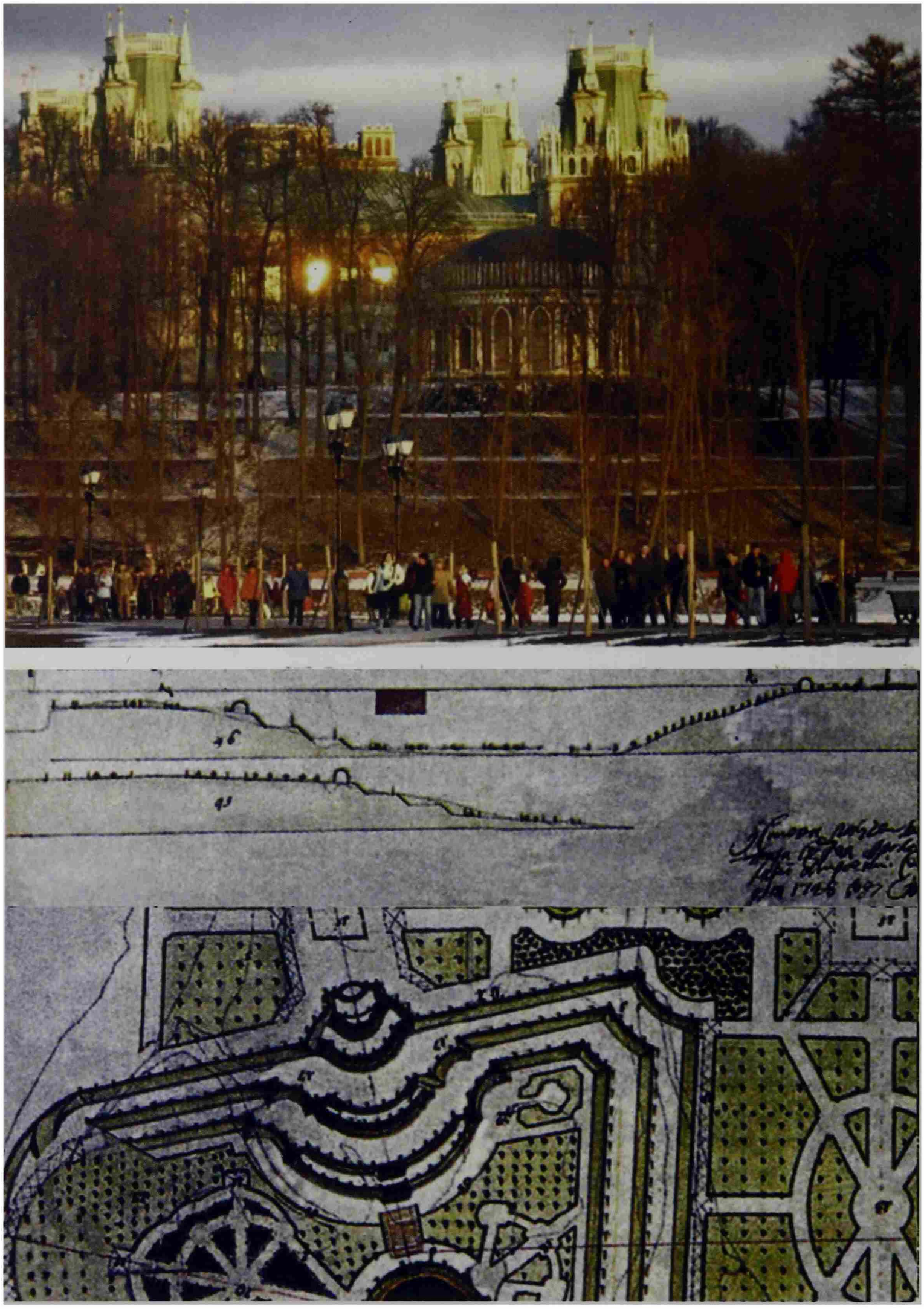

Рис. 12. Земляная пирамида в Царицыно, фото О.И. Александровой, 2008 г. (вверху) и ее аналог — Киевский Императорский (Царский) сад (внизу)

Вариант планировки, 1748 г. (проект И. Гофмейстера)

Из фондов РГИА (воспр. по изд.: *Родічкін І., Родічкіна О.* Старовинні маэтки Украіни. Київ, 2006. С. 62)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

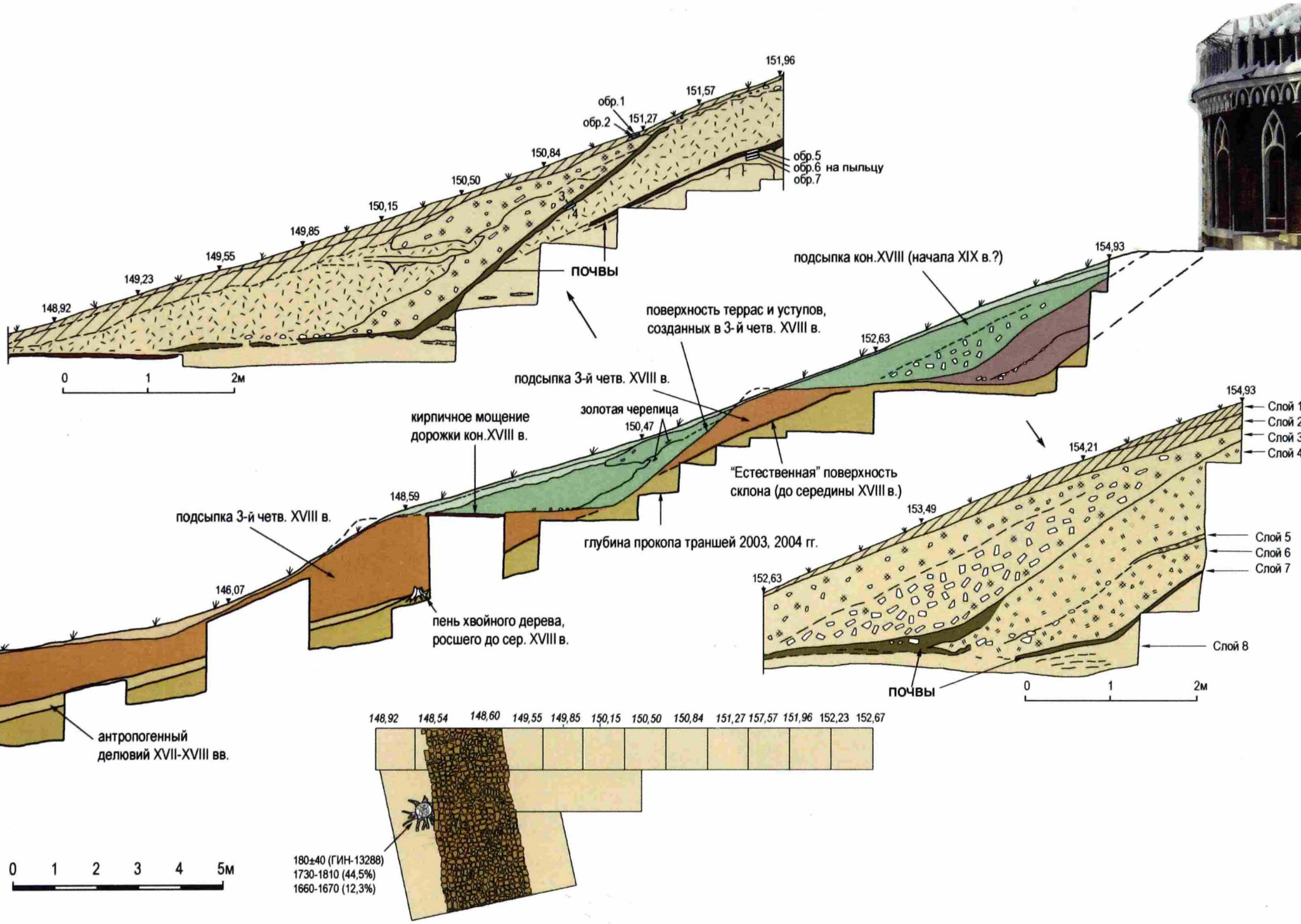

Рис. 13. Чертежи раскопок «Земляной пирамиды»

Профиль и фрагмент плана траншей под Малым дворцом

Рис. 14. Находки из верхнего слоя засыпки в траншее 1 (2003/2004 гг.) на склоне под Малым дворцом

1 — полихромный рельефный изразец второй половины XVII в.; *2–4* — гладкие расписные изразцы конца XVIII в.; *5–7, 10* — различные варианты «золотой» кровельной черепицы; *8* — фрагмент белокаменного декора (луч); *9* — керамическая половая плитка от построек В.И. Баженова

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

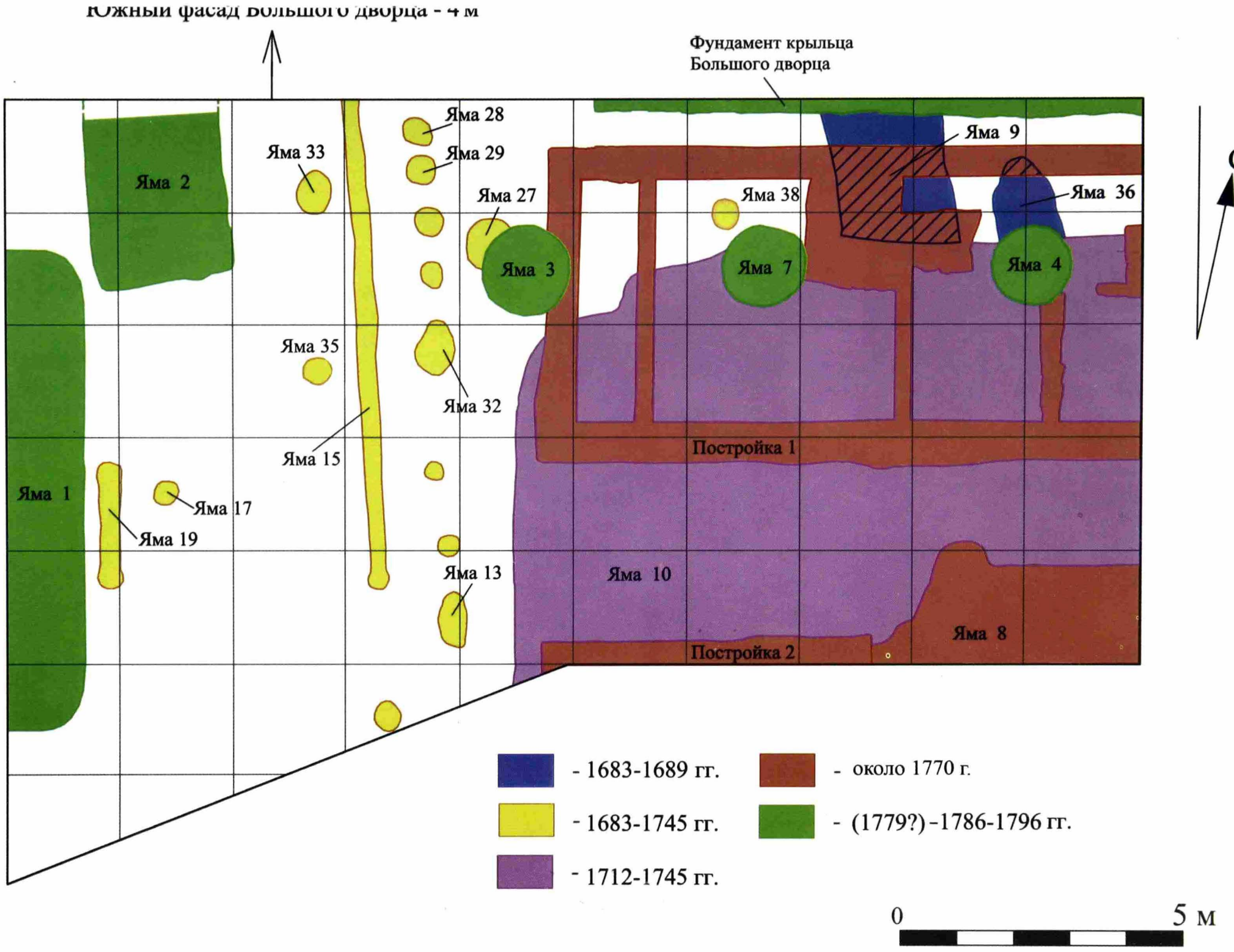

Рис. 15. Сводный план сооружений и ям в раскопе 2 перед южным фасадом Большого дворца

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 16. Изразцы второй половины XVII — первой половины XVIII в. из ямы 2 в раскопе 5 у северного фасада Большого дворца (кроме 1 и 2, относящихся к Большому дворцу 1785–1795 гг.)

I — верхняя часть заполнения ямы;
II — нижняя часть заполнения ямы, выше деревянного пола;
III — слой под деревянным полом

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

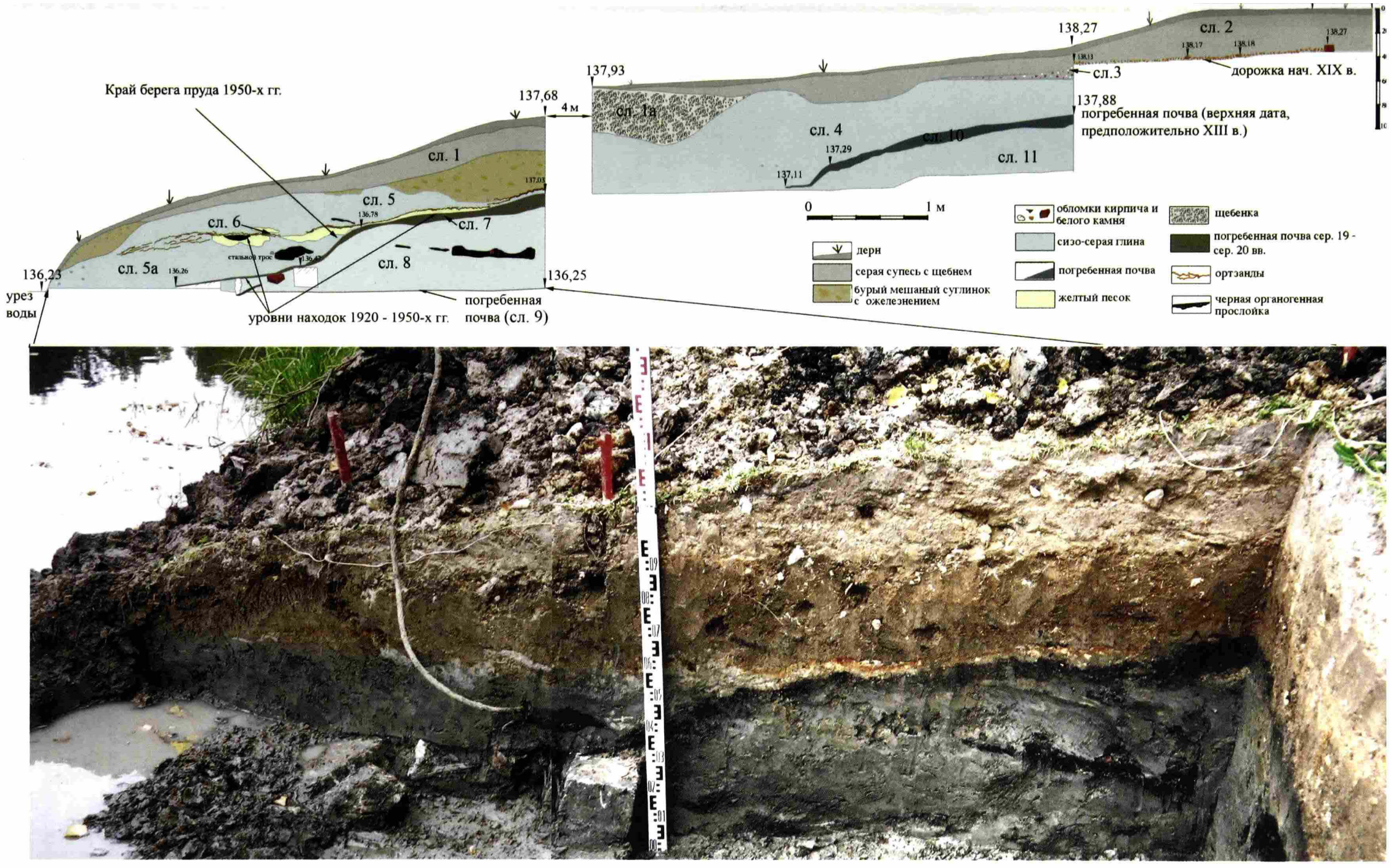

Рис. 17. Чертеж и фотография профиля северного борта раскопа 1 на Верхне-Царицынском пруде

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

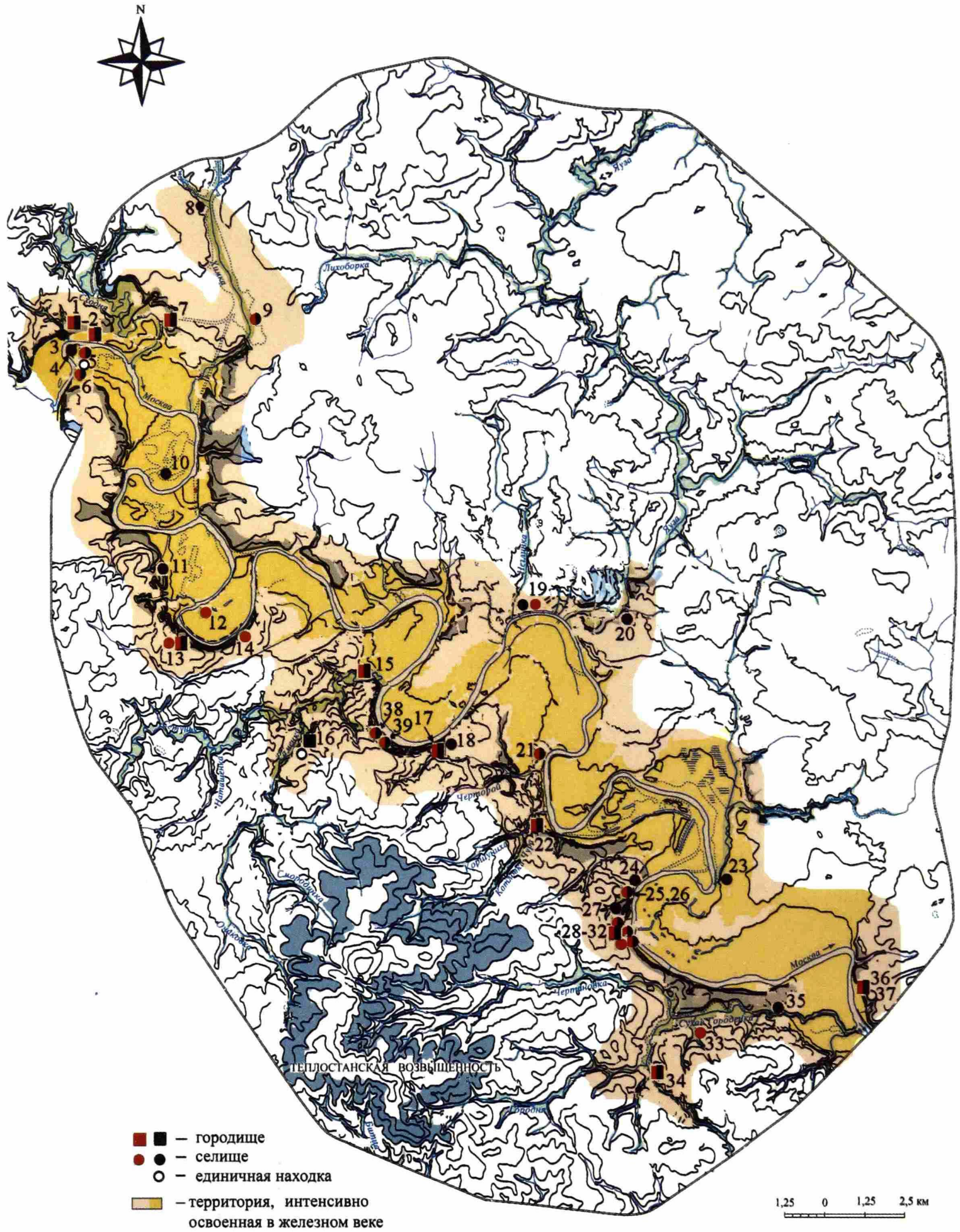

Рис. 18. Памятники железного века на территории Москвы

Черным цветом показаны памятники, имеющие исключительно слои, датирующиеся I тыс. до н.э.; красным цветом — памятники содержащие находки первой половины I тыс. н.э.

1 — Спас-Тушинское-2е; *2* — Спас-Тушинское; *3* — Барышиха; *4* — Мякинино-3; *5* — Мякинино-2; *6* — Мякинино-1; *7* — Тушинское; *8* — Алешкино; *9* — Никольское; *10* — Троице-Лыково; *11* — Татарово; *12* — Терехово; *13* — Кунцево; *14* — Филевское; *15* — Сетунское; *16* — Матвеевское; *17* — Мамоново; *18* — Андреевское; *19* — Кремль; *20* — Андроников; *21* — Данилов мон.; *22* — Нижние Котлы; *23* — Николо-Перервинский мон.; *24* — Коломенское-1; *25* — Коломенское 2; *26* — Коломенское-3; *27* — Голосов овраг *28* — Дьяково-1 (Выгон); *29* — Дьяково-2 (Дьяково-пойма); *30* — Дьяково; *31* — Дьяково-3 (Дьяково-южное); *32* — Чертов городок *33* — Шипилово; *34* — Царицыно-1; *35* — Братеево; *36, 37* — Капотня; *38* — Нижнее; 39 — Верхнее

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

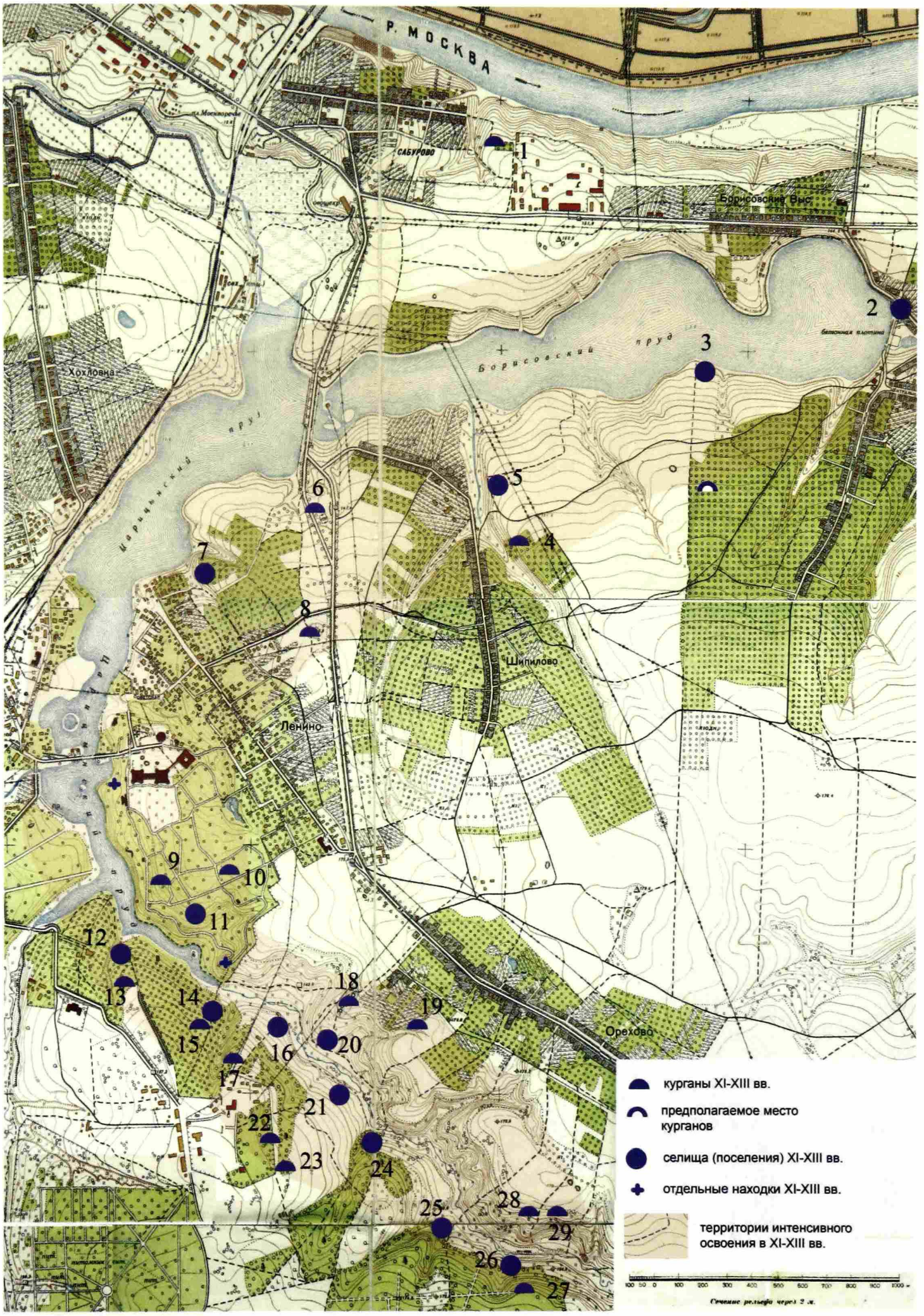

Рис. 19. Карта памятников XI–XIII вв. на территории заповедника «Царицыно»
Топографическая основа 1951 г.

— Сабуровские курганы; *2* — селище Борисово-2; *3* — селище Борисово-1; *4* — кург. Шипилово-1; *5* — селище Шипилово; *6* — ург. Шипилово-2; *7* — селище Царицыно-5; *8* — кург. Царицыно-5; *9* — кург. Царицыно-1; *10* — *кург.* Царицыно-2; *11* — селище аарицыно-3; *12* — селище Царицыно-4; *13* — *кург.* Царицыно-3; *14* — селище Царицыно-2; *15* — кург. Царицыно-4; *16* — селище рехово-3; *17* — кург. Орехово-6; *18* — кург. Орехово-1; *19* — кург. Орехово-3; *20* — селище Орехово-2; *21* — селище Орехово-4; *22* — ург. Орехово-5; *23* — кург. Орехово-4; 24 — селище Орехово-5; 25 — селище Орехово-6; 26 - селище Орехово-7; 27 — кург. Орехово-. *28* — кург. Орехово-7; *29* — кург. Орехово-9

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 20. Шурф № 7 (2003 г.) возле «Чертовой башни»
Вид с запада (вверху), профиль восточной стенки шурфа № 7 (внизу)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Царицынские пруды в свете археологических исследований

При производстве археологических работ на территории паркового ансамбля «Царицыно» была изучена береговая линия Царицынских прудов. В задачу исследования входил поиск элементов укрепления берегов и остатков архитектурных объектов (мостиков, плотин, пристаней) в зоне прибрежной полосы. Сходные археологические работы уже велись при реконструкции прудов в усадьбах Кусково и Лефортово (*Векслер, Пирогов*, 2002), однако каждый такой объект, в том числе и Царицынские пруды, уникален и требует корректировки методики производства полевых работ и научной интерпретации результатов.

Судя по письменным источникам, Царицынские пруды существуют на протяжении около 350 лет. Наиболее ранние письменные свидетельства относятся к 1666 и 1673 гг.

В документах упоминается мельница, однако нет полной ясности, относительно того, которая из царицынских плотин в них подразумевается. Скорее всего, та, что затем стала называться Шипиловской, подпруживающая Нижне-Царицынский (Шипиловский, Развиловатый) пруд. Это следует из контекста документа 1689 г.: «Да под тем же селом на речке на Язвенке мелница, мелют в одни жернова, а на мелнишном дворе живет мелник Алешка Васильев да на дворе ж две лодки, два карбуса, две комяги да мелница Шипиловская плотина каменная в двои жернова, а на мелнишном дворе мелник Васка Артемьев»[1]. Из этого текста ясно, что в 1689 г. существовали уже две плотины: верхняя на р. Язвенке с мельницей «в одни жернова» и нижняя каменная плотина на р. Городёнке с «двои жернова». Логично предположить, что упоминания 1666, 1673 и 1689 гг. мельницы на р. Городёнке с двумя жерновами относятся к одному и тому же сооружению, а мельница с одним жерновом на р. Язвенке — это нечто иное.

Таким образом, документальная история плотины с мельницей на Верхне-Царицынском пруду начинается в 1689 г. Есть, однако, и более ранний документ, позволяющий предполагать существование какого-то пруда без мельницы на месте будущего Верхне-Царицынского. Это сведения 1676–1678 гг. «...пониже березовой рощи что у речки у Язвы у косогору подле тои речки запруда Черногряского животинного выпуску...»[2]

Можно предполагать, что течение маленькой речки Язвенки запруживалось и в более ранние эпохи. По ее берегам расположено около десятка археологических памятников — остатков поселений XII–XVI вв. и более ранних. Для московского региона сооружение земляных дамб и запруд, начиная с XIV–XVI вв., являлось характерной чертой (*Александровский, Кренке, Чернов*, 1989).

Исходя из данных источников, можно выделить пять основных периодов в истории существования Верхне-Царицынского пруда. В середине XVII в. пруд был гораздо меньше современного и имел хозяйственное назначение. Во второй-третьей четверти XVIII в. его функция изменяется. На первый план вышла «пейзажная» роль, которую играл пруд в усадебном ансамбле. В это время на его правом берегу сооружаются четыре искусственные террасы-ступени, сохранившиеся по сей день. Картографические данные свидетельствуют, что контуры береговой линии пруда оставались неизменными с 1766 по 1775 г. Уровень пруда в этот период был почти на 2 м ниже современного и равнялся 134 м в балтийской системе высот (таков уровень дна современного водоема в той точке, где, судя по картам, находятся истоки пруда XVIII в.).

На следующем, третьем этапе, с 1775 по 1795 г., происходит обновление всего паркового ансамбля, связанное со строительством императорской резиденции Екатерины Великой. Площадь пруда увеличивается, и его размеры практически приближаются к современным. На так называемом плане Наумова[3] показаны небольшие плотины на реках Язвенке и Черепичке. Характер береговой линии в то время отличался от современного тем, что контуры берега XVIII в. были не сглаженными, а извилистыми. Единственный остров квадратной формы располагался напротив ступенчатого спуска.

В первое десятилетие XIX в., в так называемый валуевский период истории существо-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

вания Царицына, роль пруда резко возросла. Поскольку главный дворец не был достроен, акценты всего паркового ансамбля сместились в сторону пруда. Он стал своеобразной «осью симметрии» усадебного комплекса. По обоим его берегам были возведены беседки, обновилась «береговая дорожка», огибавшая периметр, выстроились многочисленные пристани. Площадь зеркала воды существенно увеличилась за счет возникновения дополнительных водоемов выше построенных в 1804–1807 гг. Ореховской и Лазаревской плотин. Данные карт свидетельствуют о некотором изменении очертания берега. Квадратный остров стал округлым. К нему также добавилось шесть новых островов, самый крупный из которых располагался напротив беседки «Нерастанкино». И на нем была построена арка-руина («Русалкина арка»).

С середины XIX в. в источниках отмечаются периоды обмеления пруда. Пруд многократно спускали, проводя очистку дна. В то же время его эстетическое значение сменяется «культурно-развлекательным», связанным с расцветом дачного строительства в Царицыне и оживлением парка. В конце XIX в. на пруду строят купальни и спасательную станцию, которые простояли до начала XX в. На некоторых участках в этот период возникают новые параллельные трассы дорожек, пролегавшие ближе к кромке берега, изменившего свою конфигурацию. Ситуация на начало XX в. отражена на детальном плане 1915 г. На нем имеются только два острова: круглый с «Русалкиной аркой» и подквадратный — напротив плотины. На этом же плане изображена спасательная станция, основанная в 1881 г. На северо-западной оконечности мыса, где стояла спасательная станция, находился причал. Другой причал располагался на противоположном, западном берегу пруда, на месте современной лодочной станции. Возле плотины на плане 1915 г. изображены купальни.

План 1932 г. (составлен по материалам съемок 1928–1931 гг.) выполнен с соблюдением современных требований к топографическим картам. На нем даны отметки высот в балтийской системе, а рельеф показан горизонталями. Уровень уреза воды Верхне-Царицынского пруда на этом плане равняется 135,6 м. Спасательная станция и причал возле нее перестали существовать. Планы 1960 и 1982 гг. показывают, что уровень воды в пруде колебался в пределах 136,12–136,6 м. Наблюдается некоторое увеличение пруда и смещение береговой линии по сравнению с планом 1932 г. На отдельных участках линия берега сместилась на 6 м. Это объясняется небольшим подъемом уреза воды, а также земляными работами, ведшимися вдоль береговой линии.

Планы последних 20 лет показывают, что уровень воды в пруде колебался в пределах 136,12–136,6 м. Эти колебания обусловлены главным образом климатическими факторами. Показательны наблюдения 2005 г. Из-за малого количества осенних осадков уровень воды в октябре был на 20 см ниже, чем в июле.

При проведении археологических исследований наибольшее внимание привлекли пять участков, расположенных по периметру Верхне-Царицынского пруда. Первый участок находится на восточном (правом относительно течения р. Язвенки) берегу пруда под башней-руиной (на плане обозначен «Пруд 1» (рис. 133)). Здесь был заложен раскоп 1. Второй участок — «Пруд 2» — находился на противоположном левом берегу. Здесь, в предполагаемом месте не существующей ныне Ореховской плотины, был заложен шурф. Третий участок — мыс, образованный левым берегом р. Язвенки и правым берегом ручья, впадающего в речку. Здесь, на месте нахождения руин мостика через ручей, был заложен шурф 2. Четвертый участок — Русалочий остров, где была разбита траншея, поставлена зачистка на юго-восточном склоне и расчищена часть белокаменного «панциря». Пятый участок расположен на левом берегу пруда («Пруд 3»), почти напротив раскопа 1.

Раскоп 1 общей площадью 38,5 м^2 размещался на правом берегу Верхне-Царицынского пруда под башней-руиной между современной береговой дорожкой[4] и кромкой берега, вплотную к воде. Позже к раскопу 1 с севера была сделана прирезка с целью обнаружения кромки берега пруда начала XIX в. и старинной береговой дорожки. Для уточнения границ пруда строго в 4 м к северу от северо-западного угла раскопа была заложена траншея 1,5×7 м, вписанная в единую квадратную сетку раскопа.

Стратиграфия берега, которая может рассматриваться как эталонная, была прослежена в западном борте раскопа 1 (цв. вклейка, рис. 17). Длина зафиксированного профиля составила 14 м. Дневная поверхность в пределах разреза плавно опускалась с севера на юг от отметки 138,55 до 136,23 (урез воды пруда), и лишь у кромки воды берег круто понижался, образуя уступ с перепадом высот более 40 см на протяжении последних 30 см. Вероятно, такая его форма образовалась за счет волно-прибойной деятельности (береговой абразии). Эту особенность важно отметить для диагностирования

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

погребенной береговой кромки в свите прослоек на других участках разреза. Описание стратиграфии разреза приводится сверху вниз.

Уровень дорожки из щебня («дорожка 2», сооружена в 1980-е годы) равнялся 137,9 м. Поверхность была плотно задернована по обеим сторонам от дорожки. Мощность дерна и гумусового слоя, пронизанного корнями, составляла 4–8 см.

Вниз по склону от дорожки под дерном залегала серая супесь со щебнем (шлейф строительства) мощностью до 20 см, постепенно выклинивающаяся вниз по склону (слой 1).

Непосредственно к северу от дорожки залегала линза щебня (строительный материал) мощностью до 50 см (слой 1а).

Выше по склону от дорожки под дерном залегала прослойка серого влажного суглинка толщиной до 35 см (слой 2). Этот суглинок, видимо, имел делювиальное происхождение (смыт со склона) и перекрывал «дорожку 1», мощенную битым кирпичом, в северной части разреза.

«Дорожка 1», судя по особенностям мощения (мелкий кирпичный бой, обрамленный по краям дорожки линиями из половинок кирпичей), может быть отнесена к началу XIX в. Отметки ее поверхности равнялись 138,13–138,27 м. Данная дорожка зафиксирована на планах XIX в., а также планах 1915 и 1932 гг. Слой 2, видимо, накопился после 1932 г.

В сторону берега пруда от «дорожки 1» тянулся шлейф ее строительства — суглинок серо-бурого цвета с включениями кирпичной крошки (слой 3). Прослойка залегала почти горизонтально на уровне 138 м.

Серо-бурый, обводненный опесчаненный суглинок толщиной до 80 см (слой 4) залегал под слоем 3 в северной части профиля. Относительно происхождения слоя 4 нет полной ясности. Возможно, это делювий, смытый со склонов. Аналогичная картина наблюдалась в шурфе 2004 г. у подошвы берега под Малым дворцом. С другой стороны, нельзя исключить, что материал слоя 4 мог состоять (хотя бы частично) из выбросов, сделанных при очистке пруда.

Слой 5 был прослежен в южной части профиля. Соотношение со слоем 4 осталось не выясненным из-за разрыва в профиле, возникшего вследствие того, что часть его, находящаяся под дорожкой 2, не вскрывалась. Он состоял из суглинка, сизовато-серого при свежей зачистке, бурого — при окислении на открытом воздухе, оглеенного из-за переувлажненности. В его толще попадались обломки кирпича и белого камня во взвешенном состоянии, стеклянные осколки, целые стеклянные бутылки XIX–XX вв., ракушки двустворчатых моллюсков. Мощность слоя достигала 50–70 см. Вероятно, слой 5 представлял собой выбросы, образовавшиеся при очистке дна пруда. Он был разделен на две части прослойкой песка с включениями темно-серого гумусированного суглинка. Нижняя часть слоя 5 обозначена как слой 5а. В нем был обнаружен стальной многожильный трос, однозначно указывающий на то, что слой 5а сформировался не ранее середины XX в.

Слой 6 являлся прослойкой светло-желтого, в прибрежной части сизовато-серого, в верхней — сильно ожелезненного песка, мощностью от 3 до 16 см. Возможно, это был прибрежный «пляжный песок», намеренно намытый при благоустройстве второй половины 1950-х годов.

Слой 7 в верхней части представлял собой более темный бурый суглинок с остатками травы и веток (погребенный дерн со следами почвообразования); максимальная мощность — 12 см. В восточной части раскопа слой плавно понижался в сторону пруда и выклинивался в 4 м от современной линии берега. На западном профиле слой 7 понижался параллельно современной дневной поверхности, лишь в северной части раскопа (кв. 1), на расстоянии 2,4 м от современного берега, образовывая уступ с перепадом высот от 136,78 до 136,47 м. В слое 7 было сосредоточено большое количество монет 1930–1950-х годов (самая молодая 1956 г.), гильзы, пульки от рогаток и т.п. Уступ слоя 7 по своим морфологическим особенностям точно соответствовал обрыву современной кромки берега пруда. Исходя из этого, можно предполагать, что в 1930–1950-е годы он является кромкой берега пруда. В пользу такой интерпретации свидетельствует и наличие белокаменных блоков, залегающих ниже уступа слоя 7. По всей видимости, эти блоки принесены рыбаками для того, чтобы облегчить доступ к воде. Подобные каменные «мостки» можно наблюдать вдоль современной кромки воды.

Слой 8 сложен сизо-серым огленным суглинком толщиной до 68 см, содержавшим линзы с черным органогенным материалом, включавшим кирпичную крошку, бутылочное стекло, в том числе осколки пивной бутылки 1920–1930-х годов. На основании данных находок можно предположить, что слой 8 сложен выбросами из пруда 1920–1930-х годов.

Слой 9 представлял собой тонкую прослойка бурого суглинка, содержавшего растительный детрит (палки, трава), мощностью 1–2 см. Зафиксирован на уровне 136,25 м в южной час-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ти разреза. По-видимому, эта отметка является уровнем прибрежной отмели начала XX в.

Слой 10 — прослойка темно-серого суглинка (гумусовый горизонт погребенной почвы) толщиной до 15 см. Так же как и слой 7, слой 10 образовывал характерный уступ, резко понижаясь с отметки 137,29 до 137,11 м и выклиниваясь. Можно предполагать, что это край берега пруда периода его наиболее высокого уровня на начало XIX в. Важно отметить, что слой 10 образовался на отложениях, формирование которых не связанно с деятельностью человека.

Слой 11, подстилавший слой 10, был описан почвоведом А.Л. Александровским (Институт географии РАН) следующим образом. Верхняя часть — горизонт Elg, глубина 60–75 см от поверхности. Сизоватый пятнистый суглинок, слабо оструктуренный. Имеются пятна оглеения белесоватого и буроватого цвета, железистые конкреции. Переход постепенный. Нижняя часть — горизонт ElB, глубина 75–82 см от поверхности. Слой прокопан до уровня грунтовых вод. Над водой отмечается верхняя часть иллювиальной толщи, представленная бурым с сизоватым оттенком опесчаненным уплотненным суглинком с включениями камней.

Погребенная почва, соответствующая слою 11, может быть классифицирована как дерново-подзолистая на древних делювиальных слоистых отложениях. После того как почва была погребена и подтоплена в результате устройства пруда, в почвенном профиле возникли диагенетические признаки оглеения и переувлажнения (сизые тона, пятна оглеения). Изначально, до сооружения прудов, это была нормальная дерново-подзолистая почва лесного генезиса. Возможно, она имела признаки оглеения, но не такие яркие, как в настоящее время. Об этом свидетельствует то, что выше по склону переувлажненность почвенного профиля исчезает, там залегают дерново-подзолистые почвы средней степени увлажнения.

Выявленная в западном борте раскопа 1 стратиграфическая картина в общем виде может быть интерпретирована следующим образом. Прибрежный участок на глубину около 1,5 м сложен прослоями, являющимися чередованием выбросов из пруда, делювиальных смывов и почвенных горизонтов, сформировавшихся на относительно стабильных поверхностях. Характерные уступы погребенных почвенных горизонтов, прослойки растительного детрита, линзы песка и скопления каменных блоков от руин, перемещенных людьми, маркируют кромку береговой линии, которая неоднократно сдвигалась. Можно выделить три (не считая современного) приблизительных уровня уреза воды: 135,5–136; 136,5; 137 м, из которых последний являлся самым ранним (рис. 133). Край берега пруда не имел каких-либо специальных укреплений. Отдельные сваи, обнаруженные в раскопе 1 и рядом с ним, являлись, видимо, опорами мостков.

Важно подчеркнуть, что стратиграфия раскопа свидетельствует о том, что значительные подсыпки были сделаны в начале XX в. Затем последовал период стабильности береговой линии. После 1956 г. подсыпки грунта, взятого из ложа пруда, производились не менее трех раз.

На глубине 30–40 см от поверхности (138,13–138,27 м над уровнем Балтийского моря) зафиксирована кирпичная кладка береговой дорожки начала XIX в. Дорожка на вскрытом участке имеет направление с юго-запада на северо-восток, повторяя линию основания склона. Ее ширина достигала 2,1 м, а внешние края были выложены более крупными фрагментами кирпичей (половинками).

Основываясь на полученных данных, можно предположить, что дорожка с кирпичным мощением, функционировавшая до 1930-х гг., была сооружена в начале XIX в. Дорожка с аналогичным типом мощения была исследована возле курганной группы Царицыно-2. Основания для датировки такие: дорожки конца XVIII в. выстилались половинками и более крупными фрагментами кирпичей (ср. мощение дорожки на земляной пирамиде); дорожки начала XIX в. мостились мелким кирпичным боем и уплотнялись специальной трамбовкой.

Более детальное рассмотрение стратиграфии дает следующие результаты. По всей видимости, слои 10 и 11 фиксируют уровень залегания исходной поверхности в пойменной части долины р. Язвенки до устройства прудов. Резкий уступ слоя 10 маркирует край пруда в эпоху его высокого стояния на уровне примерно 137 м. Вероятно, этот период можно отнести к началу XIX в. (на основании не очень точных карт этого времени). В то же время нужно отметить, что в начале XX в., судя по плану 1915 г., пруд также имел высокий уровень и почти вплотную подступал к береговой дорожке. Таким образом, можно предполагать, что уступ слоя 10 маркирует берег пруда XIX — начала XX в.

Аналогичная стратиграфия была зафиксирована в 2004 г. в шурфе у подножия склона берега между Малым дворцом и Оперным домом. Здесь, на поверхности погребенной почвы, перекрытой делювием, был найден фрагмент венчи-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ка сероглиняного горшка XIII в. Исходя из этой находки, можно предполагать, что и на участке под башней-руиной накопление делювия на поверхности погребенной почвы началось в «постдревнерусское» время. Вероятно, это связано с активной хозяйственной деятельностью, в первую очередь с распашкой прибровочных участков берега, активизировавших смыв грунта по склону.

На основании плана 1932 г. можно утверждать, что уровень пруда был существенно понижен — до отметки 135,6 м. Из археологических данных следует, что в 1920-е — начале 1930-х годов пруд чистили и выбросы откладывались на берегу (слой 8). Прибрежная поверхность пруда 1930-х — середины 1950-х годов четко прослеживается (слой 7). На ней отложился характерный набор «пляжных» находок этого времени: потерянные монеты (более трех на один квадратный метр), гильзы, рыболовная блесна, губная помада в медном футляре с клеймом ВТО (Всесоюзной театральное общество), пивные и винные бутылки. Уступ слоя 7 на уровне 136,5 м, маркирующий край берега, не соответствует данным плана 1932 г., где уровень на метр ниже. Это противоречие может объясняться колебаниями уреза воды в 1930–1950-е годы. Важно отметить, что слой 7 не обрывается после уступа, а понижается дальше, раздваиваясь. Это однозначно указывает на колебания уровня пруда. Вероятно, слой 7 понижался как раз до отметки 135,6 м, но эта глубина была недоступна для раскопок 2005 г. Уступ на уровне 136,5 м, скорее всего, сформировался в конце 1940-х — начале 1950-х годов.

Сравнение планов 1932 и 1960 гг. показывает, что на месте раскопа 1 уровень поверхности берега поднялся примерно на 1 м. Горизонталь 138 м на плане 1960 г. идет почти на месте горизонтали 137 м плана 1932 г. Это в точности соответствует данным археологического разреза. Дневная поверхность начала 1950-х годов. (слой 7) примерно на метр ниже поверхности края берега, образовавшейся в результате складирования тут выбросов со дна пруда. Произошли эти изменения в хронологическом интервале 1956–1960 гг.

Мостики и плотины. Как известно из письменных источников, в начале XVIII в. происходит обновление всего паркового ансамбля. На плане Наумова показаны небольшие плотины на реках Язвенке и Черепичке. А в 1804–1807 гг. на этих же местах возводятся более фундаментальные сооружения — Ореховская и Лазаревская плотины. В целях поиска Ореховской плотины на левом берегу пруда, напротив современного мостика через р. Язвенку, был разбит шурф 1 размером 2×2 м, ориентированный по сторонам света. Основываясь на стратиграфическом изучении профиль шурфа можно охарактеризовать следующим образом (рис. 136). Верхняя пачка (горизонт 1) включала слои 2–6 (2 — темно-серый делювиальный суглинок мощностью до 25 см; 3 — сизовато-серый, с небольшими железистыми включениями суглинок, видимо, погребенная почва; 4 — слой щебенки; 5 — тонкий прослой с кирпичной крошкой; 6 — бурый или сизо-серый суглинок), мощностью около 40 см. В слое второй погребенной почвы (слой 6) зафиксировано большинство находок этого горизонта, в том числе медная полушка 1735 г. Кроме этого в верхнем горизонте были найдены фрагменты оконного стекла, поливная керамика, гильза, грубая красноглиняная и сероглиняная керамика XIII–XIV вв., белоглиняная керамика XVI–XVII вв.

Горизонт 2 соответствует слою 7. В северной части шурфа в этом прослое зафиксированы отдельные угольки, а в юго-западном углу — развал кирпичей, среди которых найден фрагмент кирпича с клеймом «ГД», кровельная черепица с лимонно-желтой поливой («золотая черепица» В.И. Баженова). Обломки кирпичей из основания темно-серой супеси (целых нет) имели следующие размеры: 13×6; 13×5,5; 12,5×4,5; 11,5×5;13×6,5 см. Часть кирпичей была вымазана известковым раствором, некоторые имели следы сажи на поверхности.

Горизонт 3 соответствует слоям 8 и 10, насыщенным строительным мусором. К индивидуальным находкам относится профилированный кирпич. Среди массовых находок обломки кирпичей, часть которых со следами копоти, несколько фрагментов чернолощеной керамики, зафиксированной в южной части шурфа, кости животных, в том числе зуб свиньи, оконное стекло, фрагмент фаянсовой тарелки. Размеры кирпичей представлены следующими показателями: 13,5×5,5; 13×5; 12,5×6; 10×6; 14×6; 13×6,5 см.

Горизонту 4 соответствует слои 9 и 11 (погребенная почва 3). На контакте слоев 9 и 11 был обнаружен единственный фрагмент древнерусской керамики, а в нижней части почвы еще два мелких фрагмента керамики. На дне шурфа на глубине 139 см от поверхности зафиксированы полигональные трещины, связанные с усыханием и растрескиванием почвенного слоя. Находок на этом уровне и ниже не обнаружено.

Обобщая полученные данные, нужно от-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

метить, что, несмотря на отсутствие следов самой Ореховской плотины в изученном шурфе, он дал ценную информацию. Как выяснилось в ходе работ, шурф 1 попал не на дамбу плотины, а на ненарушенную часть берега. Обнаруженная погребенная почва 3 представляла собой дерново-подзолистую лесную с гумусовым горизонтом повышенной мощности (до 20 см). То есть можно предположить, что луговая почва наложилась на лесную. Наличие керамики XII–XIII вв. в этой почве позволяет рассматривать место заложения шурфа как зону активного хозяйственного освоения. Само поселение располагалось примерно в 200 м от этого места выше по рельефу (селище Царицыно-2). В шурфе на глубине 50 см от современной поверхности был вскрыт также горизонт со строительными остатками XVIII в., характер находок из которого позволяет думать, что где-то рядом располагалась каменная постройка, следов которой пока не обнаружено.

Довольно надежным ориентиром при соотнесении картографических данных с ныне существующим ландшафтом служит ручей (левый приток р. Язвенки). На левом берегу ручья, судя по картам, стояло каменное строение птичника. К началу XIX в. в приустьевой части этого ручья накопились делювиальные отложения, и уровень русла стал немного выше. Поэтому приустьевая часть оказалась подтопленной, образовав небольшой заливчик, через который, по данным источников, был перекинут каменный мостик. При визуальном обследовании места предполагаемого нахождения мостика были обнаружены его руины — край «гротескового камня» (термин, употреблявшийся в документах XVIII–XIX вв., связанных с постройками в Царицыне (рис. 135)). Камень, поросший мхом, лежал к северу от современной дорожки, ведущей к мостику. После расчистки стало ясно, что склон берега ручья маркируют блоки и гротесковый камень. На месте обнаружения руин был заложен шурф 2. В самой южной части шурфа зафиксирована вертикально вбитая деревянная свая, а на юго-востоке от нее — доска-горбыль. Примечательной особенностью стратиграфии шурфа является слой извести с белокаменной крошкой, примыкавший к каменному блоку. Свая, входившая в конструкцию моста, была вкопана (вбита?) в слой серо-сизой глины.

Таким образом, шурф 2 возле руин мостика через ручей, расположенный выше Ореховской плотины, подтвердил его существование, дал информацию о конструкции этого сооружения и о положении уреза воды в верхней части пруда. Были обнаружены фундаменты опоры мостика, сложенные из крупных каменных блоков, лежавших на известковой забутовке. Ближе к руслу ручья фундамент укреплялся деревянными сваями, впущенными в поверхность глины, уровень которой примерно фиксирует отметки уреза воды (около 137,5 м). Эти археологические данные хорошо соответствуют данным картографических источников. Следовательно, перепад воды на шлюзе Ореховской плотины в начале XIX в. составлял 0,5–1 м.

Была произведена попытка отыскать следы мостика через ручей, впадающий в пруд ниже Русалочьего острова и выше Лазаревской плотины. Осмотр современной поверхности результатов не дал, за исключением единственного кирпича в корнях липы рядом с современной тропинкой на левом борту оврага. Небольшая расчистка вокруг кирпича выявила желоб, сложенный из трех рядов кирпичей, идущий вдоль дорожки. Следуя направлению дорожки, которая спускалась к пруду вдоль склона и поворачивала к руслу ручья, был заложен небольшой зондаж 90×90 см. Находки залегали на глубине 50 см от поверхности и датировались второй половиной XX в. Среди них были осколки зеленого бутылочного стекла, фрагменты тонкого прозрачного стека, фаянса, неопределимый железный предмет и пр. В основании зачистки было обнаружено бревно; около северо-западной стенки в слое серо-коричневой супеси с кирпичной крошкой найдено чугунное ядро небольшого калибра — полфунта. Аналогичное ядро было найдено в прудовых выбросах при работах 2003 г. на склоне под Третьим Кавалерским корпусом (рис. 138). Вероятно, на берегу пруда в XVIII в. устраивались пушечные салюты. Как это могло выглядеть, можно судить по гравюре А. Шхонебека, изображающей усадьбу Ф.А. Головина в Лефортове (1705 г.), где показан салют 15 орудий, стоящих у бровки запруженной р. Яузы (*Вергунов*, *Горохов*, 2007. С. 120).

К сожалению, фундаментов каменного мостика, показанного на планах, найти не удалось. Зондаж, заложенный в устьевой зоне ручья, дал важную стратиграфическую информацию: верхние 50 см составляли делювиальные отложения конца XIX–XX вв. Под ними была относительно тонкая прослойка песка, а еще ниже — серо-сизая глина с включением черных органогенных прослоек, видимо, прудовые отложения. Максимальный уровень уреза воды, по данным этого шурфа, мог равняться 137,35 м, что хорошо соотносится с результатами изучения стратигра-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

фии раскопа 1, расположенного на противоположном берегу.

Исследование острова. Согласно историческим сведениям, в начале XIX в. к существовавшему ранее острову добавилось еще шесть новых. Исследование острова с руинами («Русалкина арка») представляло особый интерес, так как здесь стратиграфия береговых прудовых отложений должна была предстать в «чистом» виде, без делювиального смыва с берега (рис. 134).

В этих целях в юго-западной части острова была заложена траншея примерно 3,5×1 м (юго-западная граница траншеи соответствует обрезу берега), а также произведена небольшая зачистка, врезанная в крутой южный склон. При осмотре острова на северо-западном его склоне, обращенном к берегу пруда (дворцовая сторона), были обнаружены видимые на поверхности, покрытые мхом, частично заросшие травой и древесной порослью белокаменные блоки, образовывавшие некогда своеобразный белокаменный «панцирь». На противоположном склоне следов подобного панциря не было. У края берега острова по всему его периметру прослеживался земляной вал.

Было зафиксировано несколько групп и одиночно стоящих свай, часть которых находилась на береговой кромке, а часть — в воде. Наибольшее количество свай обнаружено в западной части острова, а на северной и южной оконечностях они отсутствовали совсем.

При работах на острове с руинами арки наиболее информативной оказалась траншея 1, заложенная поперек вала. Ее стратиграфия показала, что вал по периметру берега острова является поздней насыпью, сложенной из выбросов со дна пруда. Толщина выбросов достигала 1 м, под ними залегала слаборазвитая погребенная почва, на поверхности которой были найдены стеклянные бутылки выпуска 1956 г. Эта почва сформировалась на искусственной насыпи, содержащей строительный мусор XIX в. Вероятно, это первичная насыпь острова. Судя по профилям стенок шурфа, в 1956 г. размеры острова были немного увеличены — диаметр стал больше примерно на 2 м. Новый край берега был выдвинут в сторону воды на 1 м дальше, чем берег, существовавший до 1956 г. Край этого берега, существовавшего до насыпки отвала 1956 г., фиксировался очень четко.

Общий абрис острова с руинами арки, судя по картам, изменился мало. Главное изменение рельефа острова — формирование кольцевого вала по периметру берега в результате выбросов земли при очистке пруда. Помимо этого, в XX в. произошло обрушение арки и заплывание землей каменной облицовки склонов, выполненных из дикого камня (известняка). На основе полученных данных урез воды на XIX — первую половину XX в. может быть определен с высокой степенью точности — около 136,5 м. Этот вывод хорошо согласуется с материалами раскопа 1, расположенного на берегу под башней-руиной.

Пристани. На «Генеральном плане усадьбы «Царицыно» с парком, прудом и прилежащими землями», который приблизительно датируется первой третью XIX в., показаны каменные и деревянные пристани. Деревянных пристаней показано шесть, а каменных — три. Об облике пристаней можно судить по рисунку Стакельберга (*Пыляев*, 1990. С. 163). Изображение пристаней на рисунке соответствует описи 1859 г. Пристани имеют каменные тумбы и деревянные перила, некоторые перекладины перил, судя по рисунку, утрачены. Остатки одной из пристаней, отмеченных на плане, были осмотрены после понижения уровня воды поздней осенью 2005 г. Пристань располагалась напротив круглого острова с аркой, в 40 м к северо-западу от него. Сохранились сваи опор пристани и остатки горизонтальных бревен между ними. Место пристани было покрыто кирпичным боем, происходящим, вероятно, от разрушенных перил. На месте пристани были найдены старинные щипчики для сахара.

Нижне-Царицынский пруд. Имеется серия карт, в том числе карты Генерального межевания 1766 г., изображающие Нижне-Царицынский пруд (цв. вклейка, рис. 1). Из планов конца XVIII — первой половины XIX в. к наиболее качественным можно отнести планы 1775 г., план Наумова, съемку военно-топографического депо 1839 г. (цв. вклейка, рис. 2).

Сравнение этих планов показывает присутствие многочисленных различий в контурах береговой линии. Большинство из них объясняются неточностями съемки.

На картах 1932, 1951 и 1978 гг. урез воды в пруде показан на отметке 132 м в балтийской системе высот. На съемке 1989 г. урез показан на уровне 132,8 м. На съемке 1990-х годов — 132,9. Современный план фиксирует урез воды на уровне 132,35.

Сопоставление данных промеров отметок дна пруда с космическим снимком 2002 г. позволяет предполагать, что в 2002 г. пруд обмелел — отметка уреза воды находилась на уровне 131,6 м.

Сопоставление планов с данными опросов

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

показывает, что современный остров-подкова[5] является весьма приблизительной реконструкцией острова XIX в., созданной в 1980-х годах.

Стратиграфия берега Нижне-Царицынского пруда была исследована траншеей 4, располагавшейся под Третьим Кавалерским корпусом (рис. 137). Длина траншеи равнялась 24 м, ширина — 1 м. Склон в этом месте имеет два уступа, напоминающие искусственные террасы XVIII в. под Малым дворцом. Траншея была разбита перпендикулярно линии берега и включала оба уступа. Ее северо-восточный угол находится в 36,5 м к юго-западу от юго-западного угла Третьего Кавалерского корпуса. Дневная поверхность на месте траншеи понижалась на 7 м с северо-востока на юго-запад. Раскопки проводились на двух участках траншеи размерами 8×1 м каждый. Под слабо выраженным дерном находилась современная почва (слой 1), представляющая собой буровато-светло-серую слабо гумусированную супесь (ближе к суглинку) с включениями кирпичной, белокаменной и известковой крошки, а также современного бытового мусора. Ее толщина составляет около 10–15 см. Под ней залегал светло-бурый, местами серовато-светло-бурый однородный мелкокомковатый тяжелый суглинок с включениями кирпичной, белокаменной и известковой крошки (слой 2), толщина которого колебалась в пределах 12–70 см. В нем содержалось большое количество предметов второй половины XX в.: обломки кирпича, бетона, асфальта, шифера, куски каменного угля, осколки стекла, металлические предметы (обрезки труб, проволока, болты, гвозди), обрывки резины и кожаной обуви. Датирующей находкой являлся юбилейный рубль «XX лет Победы» 1965 г. Там же найдены предметы более раннего времени, находившиеся в переотложенном состоянии: обломки кирпича и белого камня периода сооружения дворцового комплекса, обломки «золотой» черепицы, венчик белоглиняного сосуда XVII в. Ниже залегал пестрый, в основном серовато-светло-бурый, неоднородный по составу крупнокомковатый ожелезненный тяжелый суглинок, пронизанный трещинами в разных направлениях (слой 3). Он содержал крупные и мелкие куски переотложенного серовато-палевого подзола (в основном в верхней части), речные двустворчатые раковины и их обломки, а также незначительное количество мелких кусочков каменного угля (в том числе ошлакованных), кирпичной и известковой крошки.

Непосредственно под слоем 3 залегал пестрый светло-бурый, местами серовато-светло-бурый, неоднородный по составу слабо ожелезненный тяжелый суглинок (слой 4) с теми же включениями, что и в слое 3. На его поверхности лежала прослойка белесого мелкозернистого песка толщиной до 2–3 см. В слоях 3 и 4 встречались предметы середины — второй половины XX в: обломки кирпича и железобетона (слой 4), железные предметы (в том числе обрезки труб, проволока, гвозди), бутылочное стекло, обломки досок. В слое 3 найдены пивные бутылки с клеймами 1931 и 1951 гг. Там же были обнаружены предметы более раннего времени, находившиеся в переотложенном состоянии: чугунное ядро, костяное кольцо, две железные лодочные уключины XVIII–XIX вв. (рис. 138), медная винтовочная гильза 1918 г., керамика и обломки изразцов второй половины XIX — начала XX в., горлышко бутылки XVIII — начала XIX в., осколки бутылки из-под «Трехгорного» пива конца XIX — начала XX в., пластмассовая вставная челюсть первой половины XX в. Кроме того, в слое 4 в небольшом количестве найден строительный мусор периода сооружения дворцового комплекса (обломки кирпича, белого камня, шестигранной керамической плитки пола).

Ниже залегала сизовато-темно-серая плотная сильно оглеенная и ожелезненная глина с включениями речных двустворчатых раковин и их обломков (слой 5). Как и в слое 4, в ней встречались крупные обломки слабо разложившейся древесины, в основном досок. Под этим слоем залегал мокрый серовато-темно-бурый сильно гумусированный и оторфованный суглинок, переходивший в западной части в коричневато-темно-бурый сильно разложившийся торф (слой 6). На поверхности слоя находилась тонкая прослойка слабо разложившегося зеленоватого мха. В этом слое были найдены проволока и осколки стеклянного флакона из-под одеколона с пластмассовой крышкой середины — третьей четверти XX в. Частично из слоя выступали крупные обломки кирпича XVIII–XIX вв. Дальнейшее углубление траншеи было невозможно из-за накопления грунтовых вод и начавшегося обрушения стенок.

Из полученного материала можно заключить, что слои 2–5 представляют собой мощную искусственную подсыпку, толщина которой составляла около 170–330 см, значительно увеличиваясь к краю коренного берега. По-видимому, большая часть грунта, использованного для подсыпки, была взята со дна Нижне-Царицынского пруда и в районе уреза воды. Это подтверждается ожелезненностью слоев, присутствием в их составе речных раковин и такими

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

находками, как лодочные уключины. Слой 5, несомненно, является переотложенным донным грунтом. Меньшая часть грунта (слои 2 и частично 3) перемещена с площадки коренного берега. Подсыпка совершалась либо в один этап в 1965 — начале 1970-х годов (датировка слоя 2), либо в два этапа (слои 3–5 могли быть насыпаны и в 1950-х — начале 1960-х годов). В результате был сформирован современный рельеф склона коренного берега к западу и юго-западу от Третьего Кавалерского корпуса. Предшествующая подсыпке дневная поверхность, совпадающая с поверхностью слоя 6, сохранялась практически неизменной в течение XIX — середины XX в., когда на месте нижней части склона находился внешний край почти плоской заболоченной поймы.

Таким образом, было установлено, что уступы в районе Третьего Кавалерского корпуса оказались сложенными из мусора XX в. и навалов грунта, взятого с берега пруда. Они не имеют ничего общего с искусственными террасами XVIII в. под Малым дворцом.

Южнее траншеи 4 была заложена траншея 3, в которой была выявлена береговая дорожка начала XIX в.

Она была обнаружена под делювиальными отложениями в юго-западной части траншеи. Дорожка была вымощена плотно уложенными в один слой обломками кирпича и белого камня (последние визуально немного преобладают) размером не более 12–13×8–10 см, обычно меньше (рис. 137). Среди них присутствовал фрагмент шестигранной керамической плитки пола. В мощении отмечены также кусочки извести и крупные угли. На обломках кирпичей видны следы раствора. Края дорожки прямые, никак специально не оформлены. Ширина дорожки около 2 м. Она ориентирована по линии северо-запад–юго-восток (отклонение восточное 315–320°). Поверхность дорожки понижается с востока-юго-востока (–220–221 см) на запад-северо-запад (–270–273 см), так что, во-первых, она поднимается на юго-восток вверх по склону (угол подъема 10°), во-вторых, ее поперечное сечение наклонное (точнее, слабо выпуклая дуга), понижается с северо-востока на юго-запад. На этом уровне (с глубины около –220 см и ниже) в траншее начали накапливаться грунтовые воды. В балтийской системе высот нижний уровень дорожки равен 137 м. На поверхности дорожки найдено несколько железных предметов, как кованых (гвоздь, инструмент?), так и заводского производства (куски проволоки, гвозди круглого сечения). Вероятно, дорожка прекратила функционировать не позже второй четверти XX в.

Важно отметить, что обнаружение береговой дорожки позволило сверить наложение плана 1816 г. на топосъемку 1986 г. Совмещение двух планов (проведено путем наложения контуров Третьего Кавалерского корпуса) показало совпадение места дорожки, указанной на плане 1816 г., с археологическими данными. Учитывая неизбежную некоторую погрешность совмещения планов начала XIX и конца XX в., можно заключить, что зеркало современного Нижне-Царицынского пруда по восточной береговой линии сократилось на 7–25 м по сравнению с линией пруда начала XIX в.

Эти выводы подтверждаются данными, полученными при раскопках траншеи 4, в которой на глубине 1,75–3,3 м зафиксирован слой торфа (отметки в балтийской системе высот 133,11–133,49), содержавший находки XIX в.

Вероятно, нижними квадратами траншеи 4 был вскрыт заболоченный край берега пруда. Место вскрытия слоя торфа в траншее 4 удалено от современной границы пруда по линии запад–восток более чем на 40 м, а от предположительной граница пруда на начало XIX в. — примерно на 20 м.

На сводном плане также отмечается почти полное совпадение горизонтали, проведенной рядом с отметкой на уровне 133,48 м от уровня Балтийского моря, с границей пруда на плане 1816 г. Эта отметка почти идеально совпадает с верхним уровнем слоя торфа, зафиксированного в траншее 4 (133,49), и позволяет примерно определить уровень воды Нижне-Царицынского пруда на начало XIX в. в районе 133,5 м от уровня Балтийского моря, т.е. примерно на 0,6 м выше по сравнению с уровнем воды на 1986 г.

Рельеф правого берега пруда несет явные следы изменений, вызванных многолетней хозяйственной деятельностью. Склон и прибрежную часть нужно рассматривать как ценный памятник исторического ландшафта. Эта территория очень перспективна для археологического поиска.

Выводы

Изучение берегового ландшафта Царицынских прудов представляло собой комплексное исследование, охватившее значительное число разнородных объектов: пристани, мостики, береговые дорожки, плотины и элементы берегоукрепления, отбор образцов для спорово-пыльцевого анализа. Сведение всей полученной информации воедино позволяет получить

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

достаточно полную картину «жизни» пруда, его развития и обустройства.

В результате археологических исследований удалось выявить археологические признаки кромки берега пруда (крутой уступ погребенной почвы, линзы песка и растительного детрита). Анализ стратиграфии разрезов позволил реконструировать изменения уровней уреза воды в обоих исследовавшихся водоемах. Полученные результаты увязываются в единую систему. В начале XIX в. уровень воды в обоих прудах был почти на метр выше современного. В последующие два столетия наблюдались колебания уровня воды в пределах около 1,5 м. В составе прибрежных отложений большое значение имеют выбросы грунта, взятого при очистке пруда. Накопление этих выбросов обусловило изменения формы береговой линии и микрорельефа.

Наиболее полные данные получены для Верхне-Царицынского пруда. Исследования прибрежной зоны на восточном берегу и возле истоков пруда дают детальное представление о динамике процесса формирования антропогенных отложений у кромки берега пруда. Край современного восточного берега сформировали выбросы земли (глины), взятой из ложа пруда. Важно подчеркнуть, что стратиграфия шурфа в истоках пруда свидетельствует о том, что значительные подсыпки были сделаны около середины (?) XIX в. Затем последовал период длительной (около 100 лет) стабильности береговой линии. Значительные земляные работы были произведены в интервале 1956–1960 гг. (помимо археологических данных о них ничего не было известно). Таким образом, в краевой прибрежной зоне были сформированы глиняные напластования. В результате этого антропогенного изменения рельефа край восточного берега пруда сместился на несколько метров. Поверхность прибрежной части пляжа в настоящее время гораздо выше поверхности пятидесятилетней давности. Под субсовременными отложениями сохранились более ранние уровни дневной поверхности кромки берега пруда.

На отдельных участках под прудовыми выбросами сохранилась поверхность почвы «естественного» берега долин запруженных речек. К этим уровням привязаны находки, свидетельствующие о хозяйственном освоении территории в XII–XIII вв.

Примечания

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9847. Л. 570–695.

[2] Писцовые книги. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. 9918. Л. 307, 308, 338–341.

[3] Геометрический план селу Царицыну с около лежащею ситуациею (конец XVIII в., после 1795 г., подписан землемером Г. Наумовым). РГИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 157.

[4] До работ 2006 г. береговая дорожка была выложена щебнем.

[5] В статье описывается ситуация на 2005 г. до проведения полной реконструкции парка.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Заключение

Подводя итог обзору работ Царицынской экспедиции ИА РАН, необходимо выделить основные достижения и наметить перспективу будущих работ.

Монография отражает второй этап археологического изучения царицынского комплекса — начальную стадию раскопок. Общая площадь раскопов составила около 2500 м². Это совсем немного, учитывая, что территория парка и его ближайших окрестностей, где велись исследования, насчитывает несколько сотен гектаров, на которых расположены десятки археологических памятников разных эпох и многочисленные архитектурно-археологические объекты. Если учесть, что три четверти раскопанных площадей сконцентрированы в одном месте — на территории возле Большого дворца, то масштабы раскопок кажутся еще более скромными. Однако информативность проведенных работ оказалась все же высокой, сравнивая с результатами первой разведочной стадии исследований (Культура средневековой Москвы, 2004).

По итогам археологических работ в Царицыне, выполненных к концу XX в., можно было сказать следующее. Долина р. Язвенки начала интенсивно хозяйственно осваиваться и заселяться в XII в. Свидетельства более раннего заселения территории отсутствовали. Система землепользования XII–XIII вв. была прояснена лишь для верхнего течения реки, а в нижней части долины, где расположен дворцовый ансамбль, оставалась невыясненной. Предполагалось, что ранние поселения здесь могли быть затоплены или разрушены при обустройстве системы прудов и парка. Древности эпохи «московского периода» Средневековья XIV–XVII вв. встречены были в основном лишь как отдельные находки, было выявлено только одно поселение в верховьях р. Язвенки, на ее левом берегу (Орехово-4). Это давало основание предполагать существенное снижение плотности заселенности и/или изменение топографической приуроченности поселений.

Были сделаны первые шаги в развитии парковой и дворцовой археологии в Царицыне. В парке были обнаружены многочисленные полностью или частично «археологизированные» объекты: мощеные дорожки, гроты, водостоки, основания мостов. Возле дворца выявлены остатки построек XVIII в., предшествовавших сооружению Большого дворца М.Ф. Казакова, однако малые размеры вскрытий не позволяли провести корректировку картографических данных по результатам археологических раскопок.

Археолого-палеогеографические исследования, проведенные на первом этапе, продемонстрировали свою «перспективность» для описания антропогенной трансформации ландшафта, но конкретные результаты оставались еще слишком фрагментарными для детальных выводов.

Главные итоги второго этапа работ 2002–2006 гг. можно суммировать следующим образом.

1. Палеопочвенные и палинологические исследования позволили прояснить, каковы были природный фон и особенности поверхности, на которую, начиная с конца III тыс. до н.э., «наложились» следы деятельности людей. Периоды, когда территория Царицына была уже заселена, изучены по серии разрезов. Как почвенные, так и спорово-пыльцевые данные диагносцируют интенсивную человеческую деятельность, развитие полуоткрытых и открытых ландшафтов, распространение культурных злаков наряду с сорной растительностью и видами — индикаторами нарушенных субстратов. Судя по спорово-пыльцевым данным (пропорция пыльцы травянистых и древесных растений в общем составе), степень открытости ландшафта к XV в. возросла очень значительно, не только сравнительно с первыми веками нашей эры, когда в спорово-пыльцевой диаграмме впервые фиксируются признаки земледелия, но и по сравнению с периодом XII–XIII вв. Это входит в некоторое «противоречие» с археологическими данными, так как памятники XII–XIII вв. представлены большим числом, чем поселения XIV–XVI вв. Объяснение, вероятно, заключается в том, что водораздельные участки, где располагались последние, оказались уже недоступными для археологического обследования из-за городской застройки.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Изменения в составе лесов позволили построить корреляционную таблицу спорово-пыльцевых разрезов и на основании сопоставления с климатической кривой датировать их. Получены результаты не тождественные, но близкие к датировкам, основанным на археологических находках. Спорово-пыльцевые данные четко зафиксировали момент образования царицынского парка по появлению пыльцы интродуцентов — кедра сибирского и лиственницы.

2. Было установлено, что изучавшаяся территория была заселена и хозяйственно освоена уже в бронзовом и железном веках. Археологические находки и результаты радиоуглеродного датирования пока позволяют говорить о хронологически дискретном характере освоения: рубеж III–II тыс. до н.э. (фатьяновская культура), первая половина (середина) I тыс. до н.э. (культура текстильной керамики), первые века нашей эры (позднедьяковская культура). Особенное научное значение имеет выявленное поселение фатьяновской культуры (Царицыно-1) — первое в московском регионе. Этот памятник имел очень длительную историю, заселялся неоднократно. Примерно в конце первой половины I тыс. до н.э. здесь был сооружен оборонительный ров. Применение геофизической съемки методом электроразведки показало ее эффективность в выявлении контуров этого объекта и перспективность его дальнейшего исследования.

Слои первых веков нашей эры на поселениях Шипилово-1 и Царицыно-1, надежно датированные по керамическим комплексам, вещевым находкам и серии радиоуглеродных датировок, позволяют говорить о «внутренней колонизации» территории. Эти поселения возникли на удалении пяти и более километров от ближайших городищ Дьяково и Капотня, но, вероятно, образовывали с ними единую поселенческую систему. Палеоботанические исследования позволяют предполагать, что вновь открытые поселения в «глубине» речной сети имели земледельческую направленность. При этом при их сравнении с городищами наблюдаются некоторые отличия. Концентрация зерен в культурном слое существенно ниже, набор вещевых находок обладает спецификой. На поселении Царицыно-1, где керамическая коллекция насчитывает более 2 тыс. фрагментов позднедьяковской керамики, почти нет украшений и глиняных поделок.

Изучение памятников бронзового и железного веков на территории Царицына только началось. Система освоения территории в бронзовом веке еще совершенно не ясна. Требуется систематический поиск новых памятников и отдельных находок, а также продолжение раскопок поселения Царицыно-1 для выявления сохранившихся непереотложенных объектов, пригодных в том числе для радиоуглеродного датирования.

3. Материалы древнерусского времени XII–XIII вв. изучены наиболее детально. Система поселений (15 памятников) теперь выявлена почти в полном виде в бассейне всей р. Язвенки и в нижнем течении р. Городёнки. Установленная ранее закономерность во взаиморасположении поселений и курганных могильников подтвердилась новыми материалами. Почти всем известным курганным могильникам удалось найти соответствовавшие им поселения, удаленные от курганов на расстояние не более нескольких сотен метров. Все поселения оказались небольшой площади, как правило, около 1–2 тыс. м^2, что указывает на их малодворность, а всю систему можно сопоставить с расселением «хуторского типа». Прослежено разнообразие в ландшафтной приуроченности поселений, выявлены памятники, расположенные в приречной части и на относительно высоких отметках склона долины, что, очевидно, обусловливалось стремлением к сокращению расстояния до полей.

В прирусловой части долины реки прослежены следы хозяйственной активности, зафиксированной отдельными находками керамики. Обнаружен центр железоделательного производства (селище Царицыно-3), и установлено наличие местной гончарной традиции, определенной по специфическим орнаментам на горшках. Высказано предположение (на основании анализа состава находок и ландшафтных особенностей) о месте расположения урочища, где проводились пережиточные языческие ритуалы уже, видимо, христианизированного в XII в. населения.

Исследование межкурганного пространства на курганном могильнике Царицыно-2 археологическими и геофизическими методами не выявило каких-либо следов погребений между курганами, позволило детально реконструировать план и исходный микрорельеф насыпей и ровиков, созданных на заброшенной пашне.

Изучение состава вещевых коллекций из новых раскопок и старых работ еще XIX в., показало, что освоение долины Городёнки — Язвенки началось в первой половине XII в. В коллекциях наряду с типичным москворецким «вятическим» инвентарем ранней и развитой стадий присутствуют и редкие относительно ранние вещи, более характерные для соседних регионов

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

(дротовые ложнозавязанные и звериноголовый браслеты, золотостеклянные бусы). Необходимо отметить полное отсутствие в материалах из Царицына стеклянных браслетов — хроноиндикатора древнерусских памятников XIII в.

4. В XIII в. структура землепользования резко трансформируется, количество поселений в долине сокращается, перестают функционировать курганные могильники. В то же время удалось проследить и некоторую преемственность. На селище Царицыно-2 изучена постройка, давшая радиоуглеродную датировку середины — второй половины XIII в. Однако в целом материалы раннемосковского времени XIV в. представлены очень слабо. Выявлены два поселения и отдельные находки XV–XVI вв. Они содержали типичные комплексы керамики московского производства, не выходящие за пределы середины XVI в., что совпадает с данными писцовой книги 1589 г., перечисляющей на изучаемой территории лишь ряд пустошей.

5. Раскопы в центральной части усадебной территории позволили детально описать стратиграфию культурных напластований конца XVII–XX вв., вычленить хронологически узкие периоды, связанные со строительными работами на усадьбе Кантемиров и последующим сооружением царских дворцов В.И. Баженовым и М.Ф. Казаковым.

Исследование искусственно террасированного склона дало материалы для датирования его временем не ранее середины XVIII в., скорее всего после составления плана Генерального межевания 1766 г.

6. Архитектурно-археологическое изучение фундаментов снесенных построек В.И. Баженова проводилось с применением георадарной съемки, доказавшей свою эффективность. Наиболее полно был изучен фундамент «Управительского дома», вскрытый на всей сохранившейся площади. Удалось точно локализовать фундамент дворца, сооруженного для внуков Екатерины II, и разгадать «загадку» каменного водостока, сооруженного, как выяснилось, для оранжереи, спроектированной первоначально на месте этого дворца.

7. Работы в парке, хоть и незначительные по объему, позволили выяснить различия в конструкциях дорожек конца XVIII в. (мощенные половинками кирпичей) и начала XIX в. (утрамбованный мелкий кирпичный и белокаменный бой). Исследование прибрежных участков пруда дало надежные стратиграфические реперы для определения положения береговой линии в XIX в. и особенно в XX в. Значительное количество парковых павильонов и других сооружений, отмеченных на планах начала XIX в. и перечисленных в описях сада, остаются еще археологически не изученными. Проведение раскопок на месте этих садово-парковых объектов, скорее всего, приведет также к обнаружению следов жизни более ранних эпох, учитывая плотность и длительность заселения территории долины р. Язвенки.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Иллюстрации

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

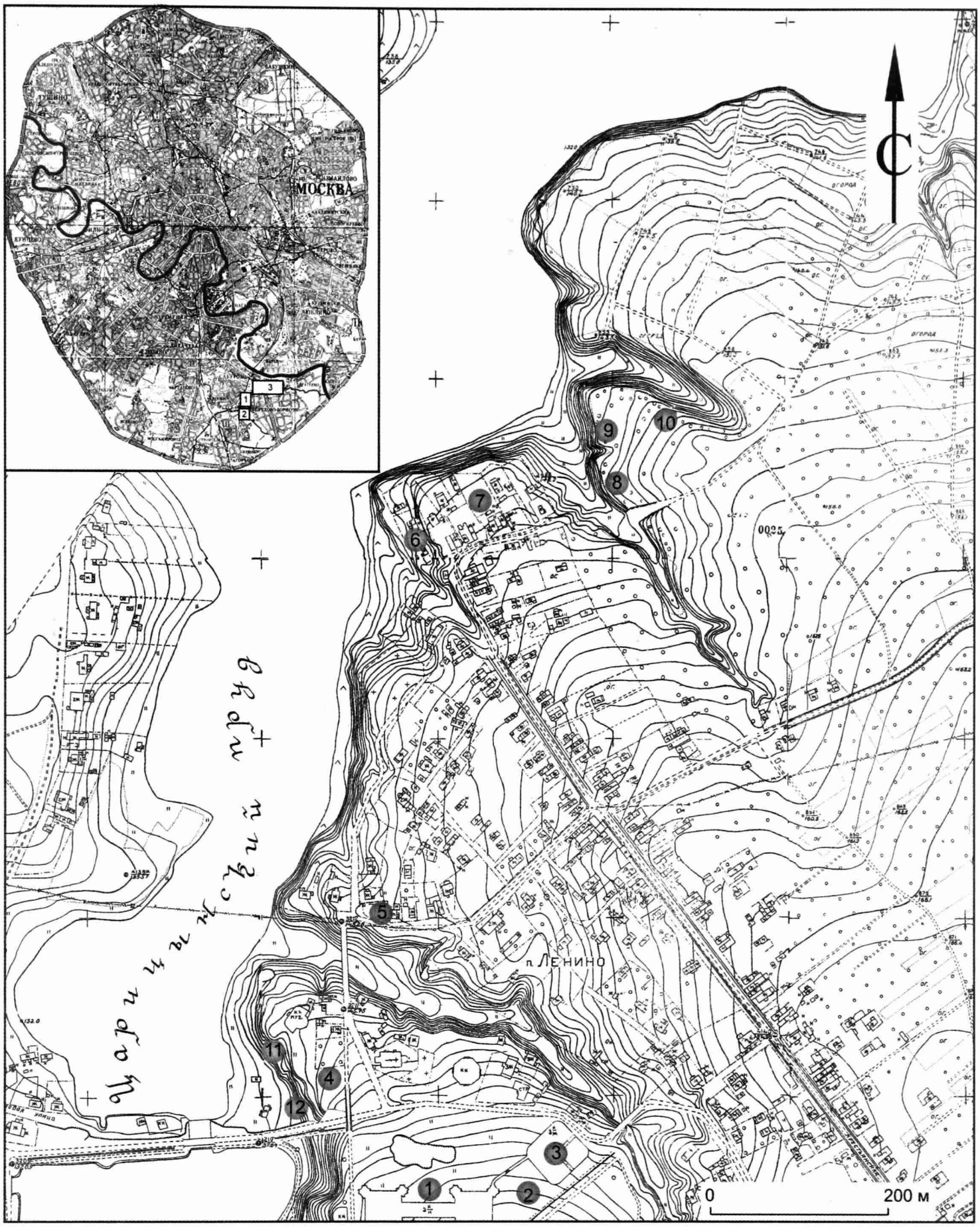

Рис. 1. Объекты работ Царицынской экспедиции ИА РАН

1 — раскоп № 5 с северной стороны Большого дворца (2005 г.); *2* — раскоп № 3 на месте дома управляющего (2005 г.); *3* — шурфы во дворе и возле Хлебного дома (2005 г.); *4* — раскоп на месте баженовского павильона (2006 г.); *5* — раскоп на мете «дома причта» (2005 г.); *6, 7* — шурфы в с. Черная Грязь (2006 г.); *8–10* — шурфы на селище Царицыно-5 (2006 г.); 11 — траншея № 4 на склоне под 3-м Кавалерским корпусом (2004 г.); *12* — траншея № 3 возле плотины (2004 г.)

В качестве топографической основы использован план 1932 г.

Оригинальный масштаб 1:2000, сечение горизонталей 1 м

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

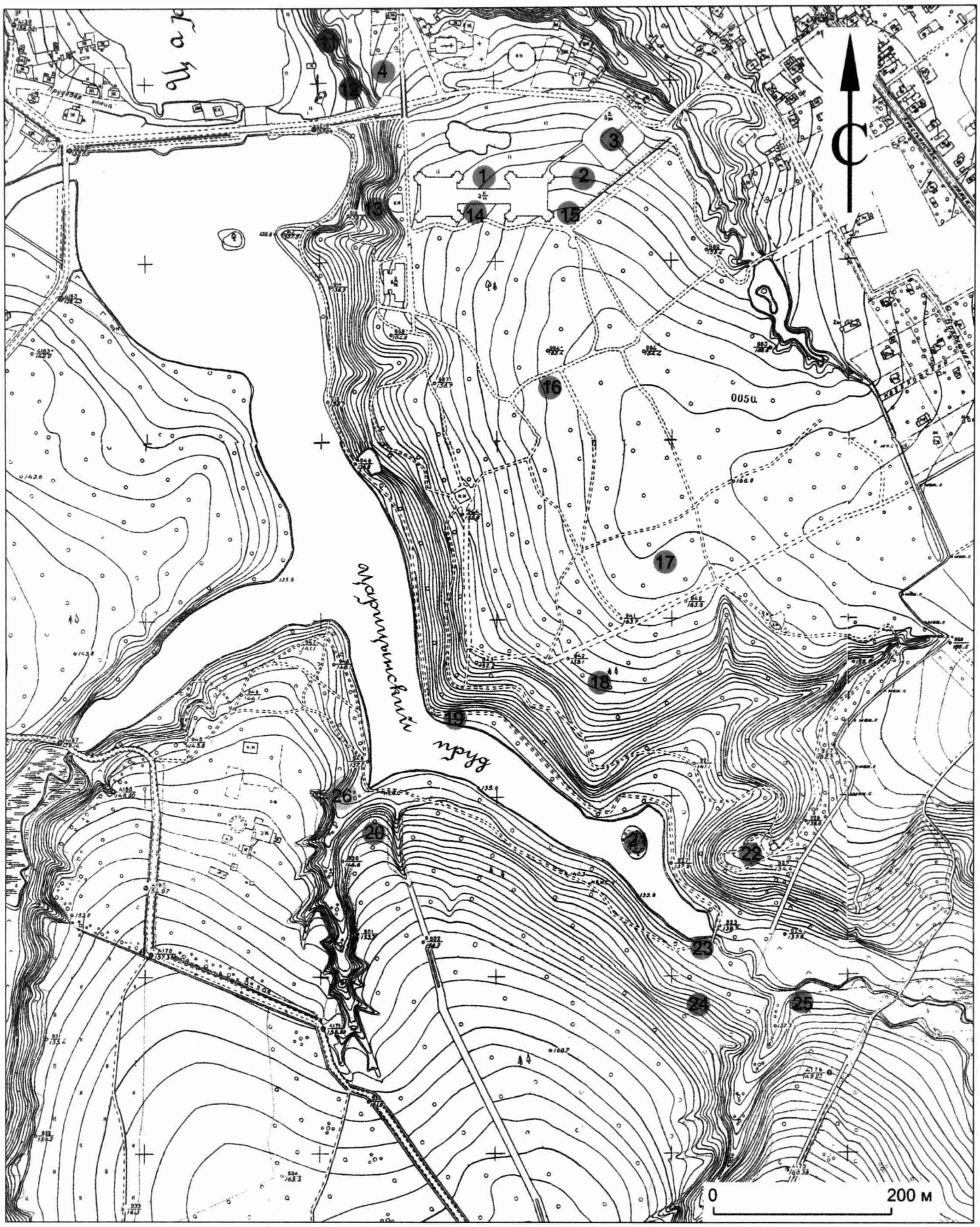

Рис. 2. Объекты работ Царицынской экспедиции ИА РАН

1 — раскоп № 5 с северной стороны Большого дворца (2005 г.); *2* — раскоп № 3 на месте дома управляющего (2005 г.); *3* — шурфы во дворе и возле Хлебного дома (2005 г.); *4* — раскоп на месте баженовского павильона (2006 г.); *11* — траншея № 4 на склоне под 3-м Кавалерским корпусом (2004 г.); *12* — траншея № 3 возле плотины (2004 г.); *13* — траншеи и шурфы на «земляной пирамиде» под Малым дворцом (2003, 2004 гг.); *14* — раскоп № 2 у южного фасада Большого дворца (2005 г.); *15* — раскоп № 1 (2005 г.); *16* — траншея на «кломбе» (2004 г.); *17* — траншеи на курганной группе Царицыно-2 (2006); *18* — раскоп на селище Царицыно-3 (2003, 2006 г.); *19* — раскоп под Башней-руиной (2005 г.); *20* — шурфы на селище Царицыно-4 (2004 г.); *21* — шурфы на «Русалочьем острове» (2005 г.); *22* — раскопы на поселении Царицыно-1 (2003–2006 гг.); *23* — шурф на Ореховской плотине (2005 г.); *24* — шурфы на селище Царицыно-2 (2004 г.); *25* — шурф у мостика (2005 г.); *26* — шурф «пруд 3» и зачистка

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

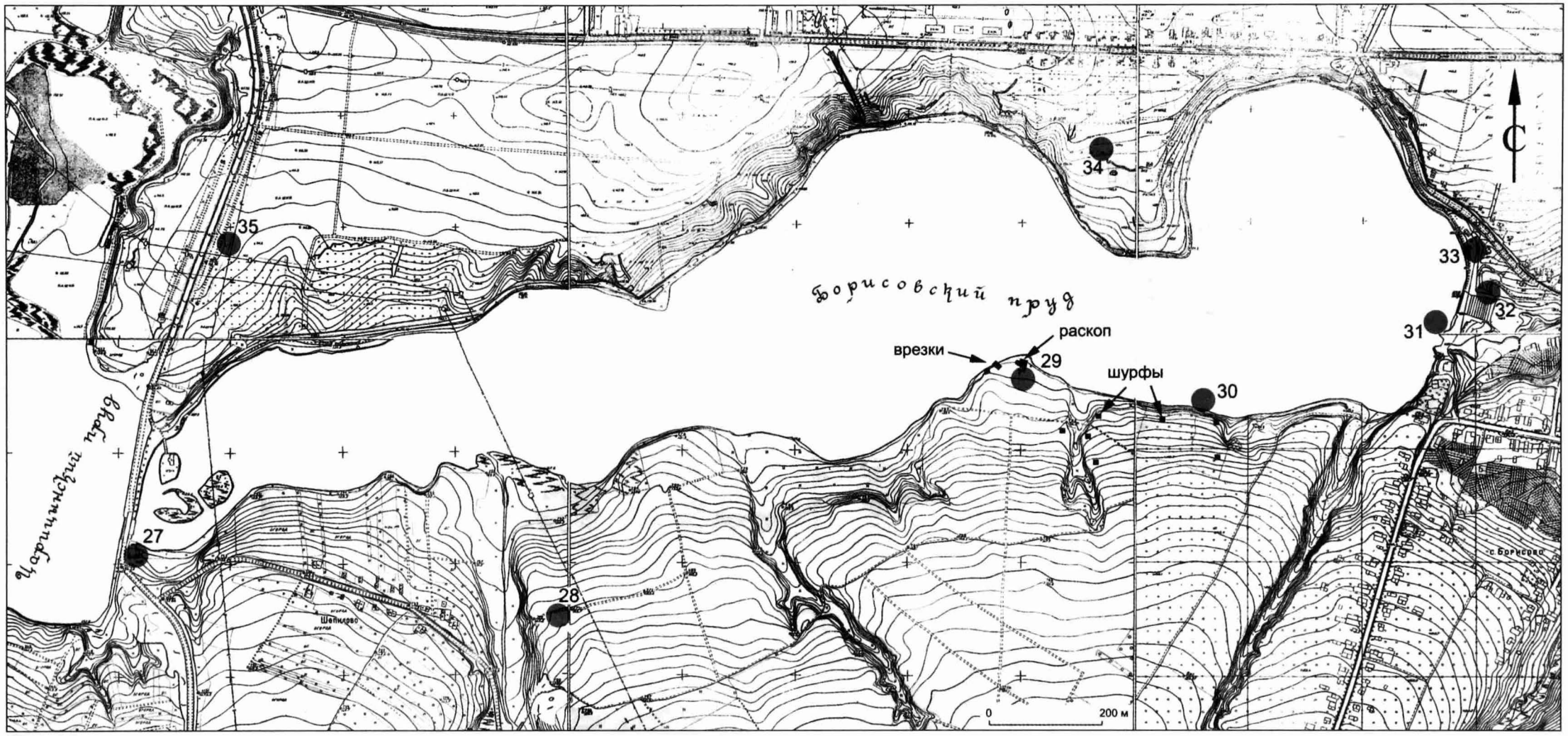

Рис. 3. Объекты работ Царицынской экспедиции ИА РАН (2006, 2007 гг.)

27 — раскоп на месте мельничного двора у Шипиловской плотины; *28* — шурфы на селище Шипилово-1; *29* — шурфы и раскоп на селище Борисово-1 *30* — места сбора подъемных материалов XV–XVI вв. на берегу Борисовского пруда; *31* — шурфы и траншеи возле свайных конструкций Борисовской плотины; *32* — раскоп возле «мельничного хода» Борисовской плотины; *33* — раскоп на Борисовской плотине; *34* — шурфы на северном берегу Борисовского пруда; *35* — шурфы на месте д. Шипиловская плотина

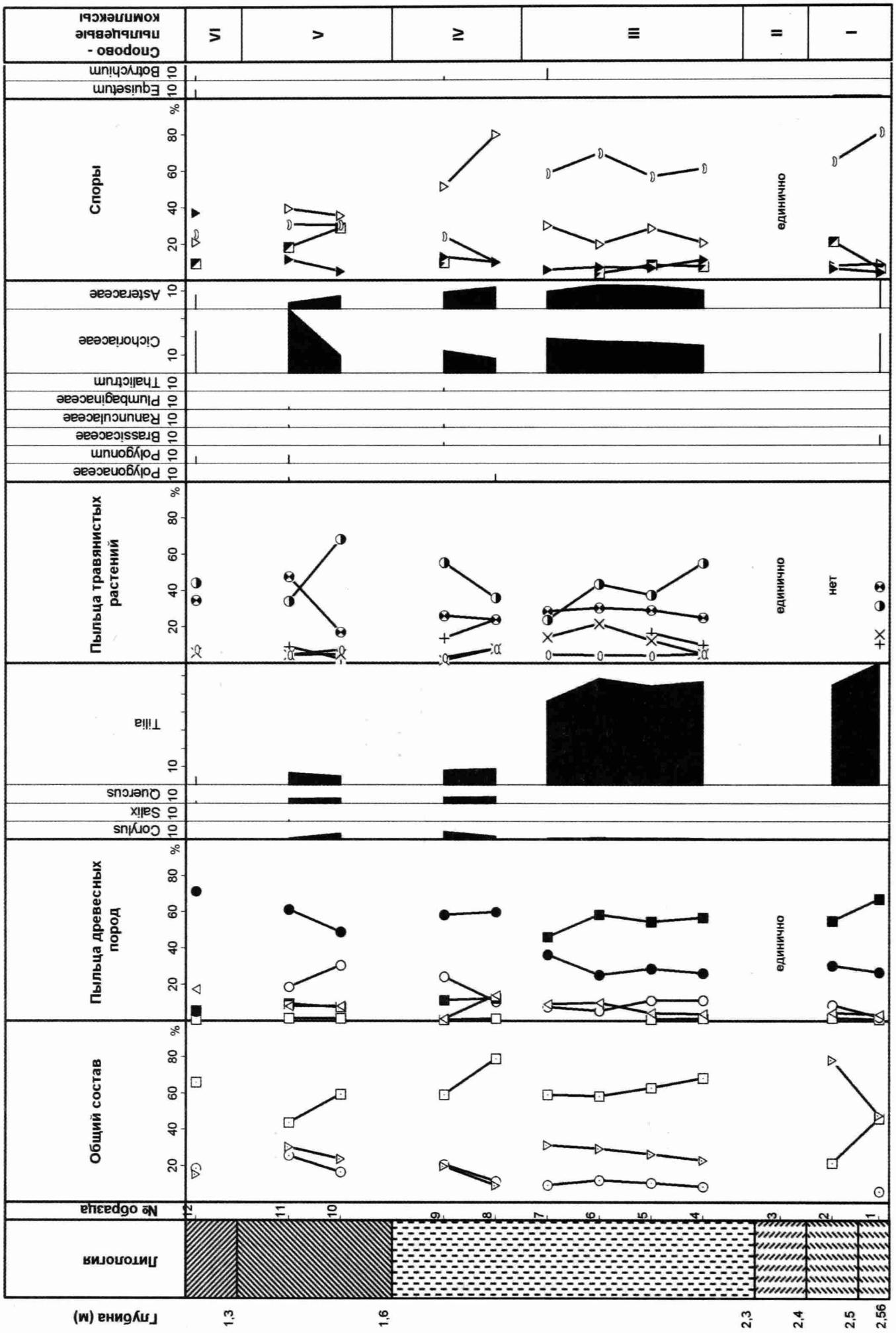

Рис. 4. Курганная группа Царицыно-2. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу ровика кургана № 15

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

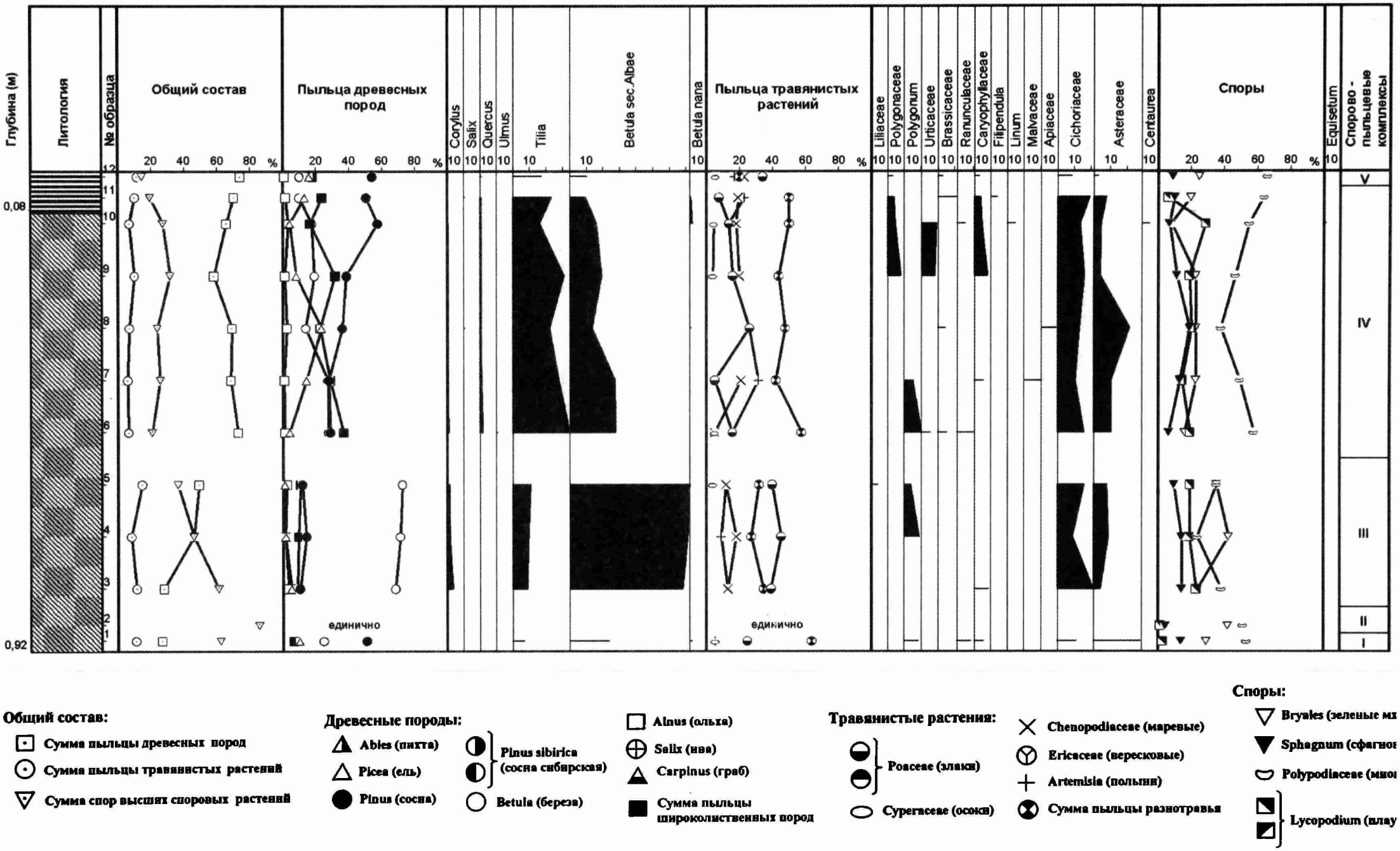

Рис. 5. Поселение Царицыно-1. Спорово-пыльцевая диаграмма по заполнению рва (2006 г.)

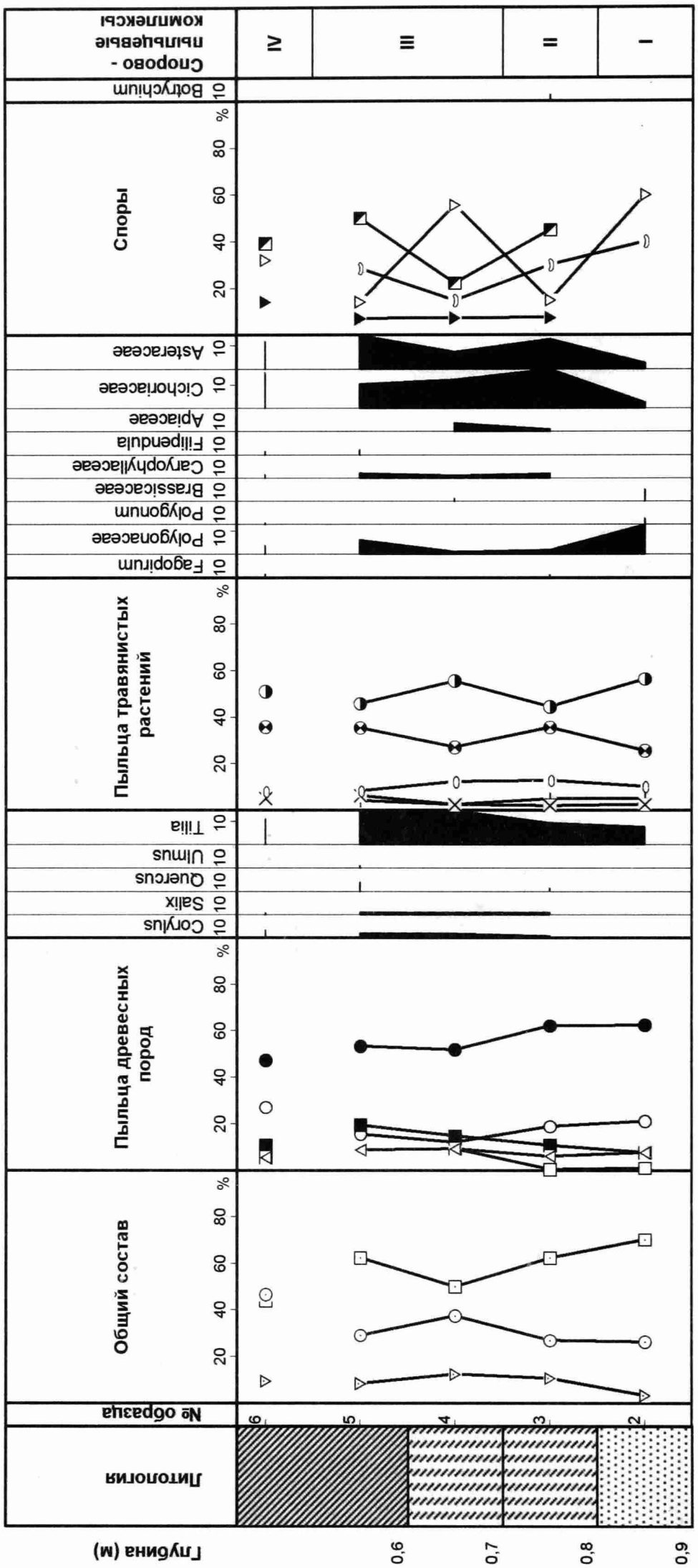

Рис. 6. Поселение Царицыно-1. Споро-пыльцевая диаграмма по разрезу заполнения ямы 1 (2005 г.)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

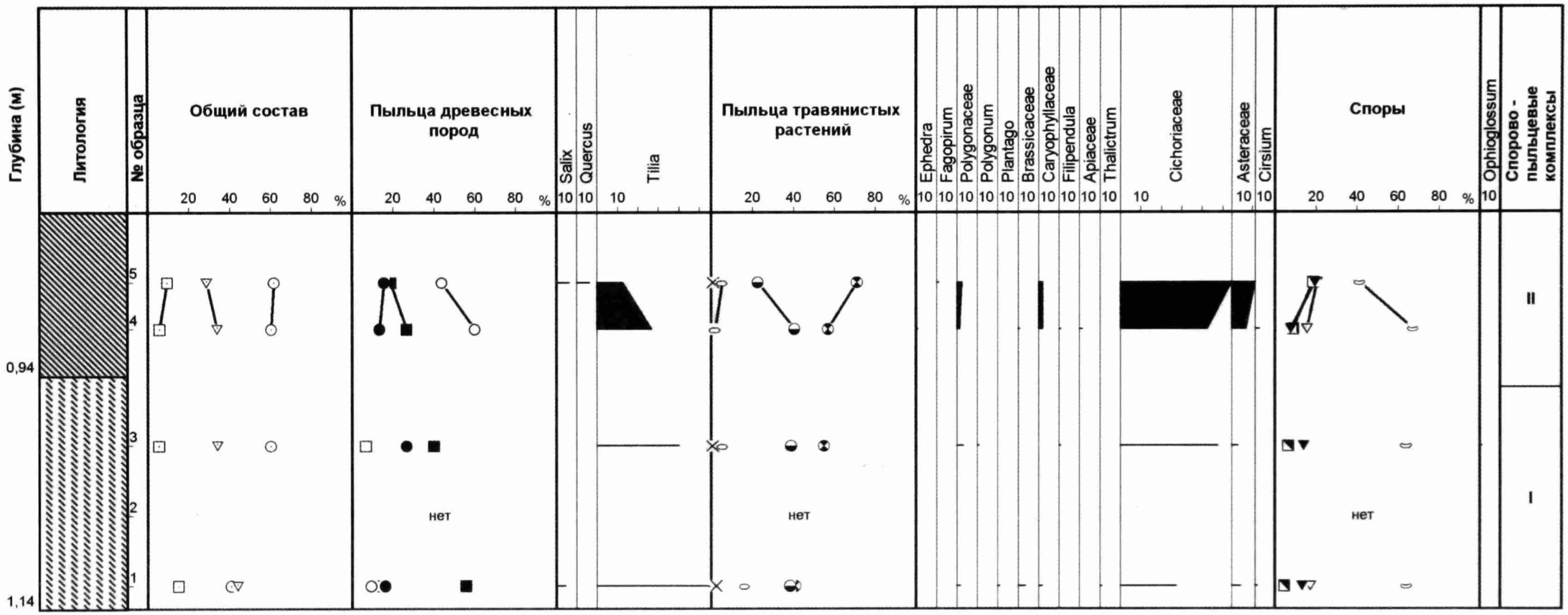

Рис. 7. Поселение Царицыно-1. Спорово-пыльцевая диаграмма по шурфу 1 (2005 г.)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

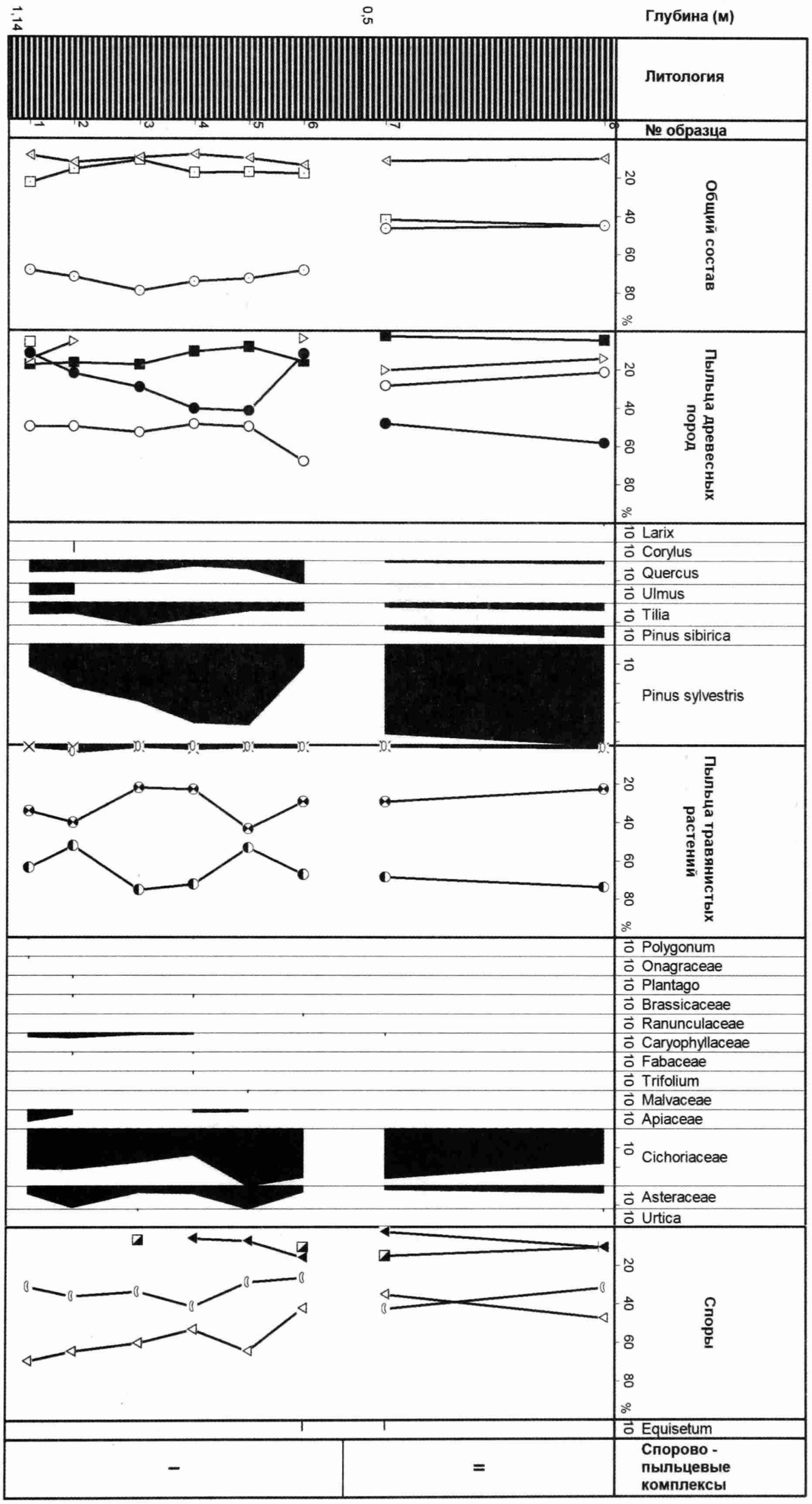

Рис. 8. Ореховская плотина. Спорово-пыльцевая диаграмма по шурфу 1

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

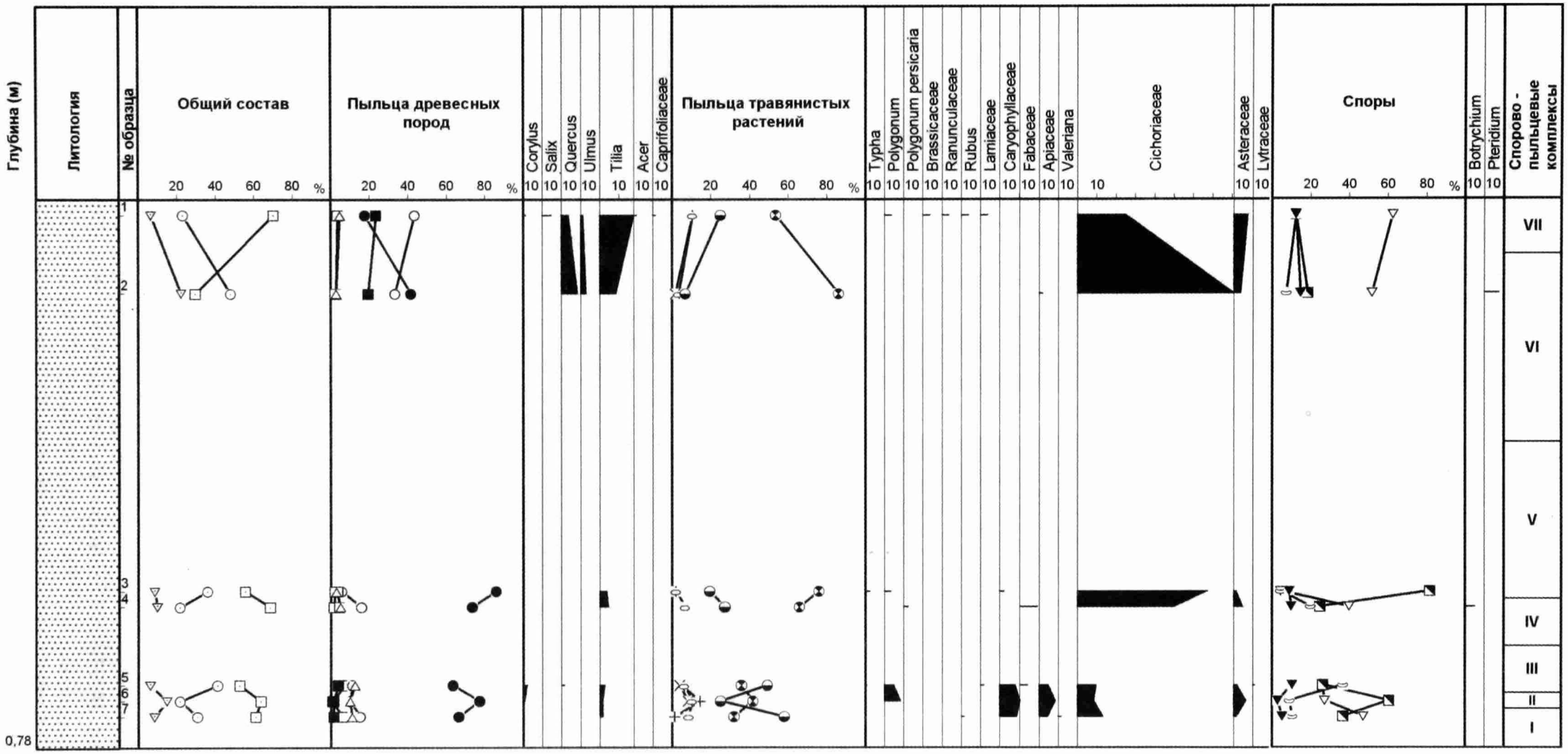

Рис. 9. Царицыно. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу погребенных почв на «земляной пирамиде» под Малым Дворцом (2003 г.)

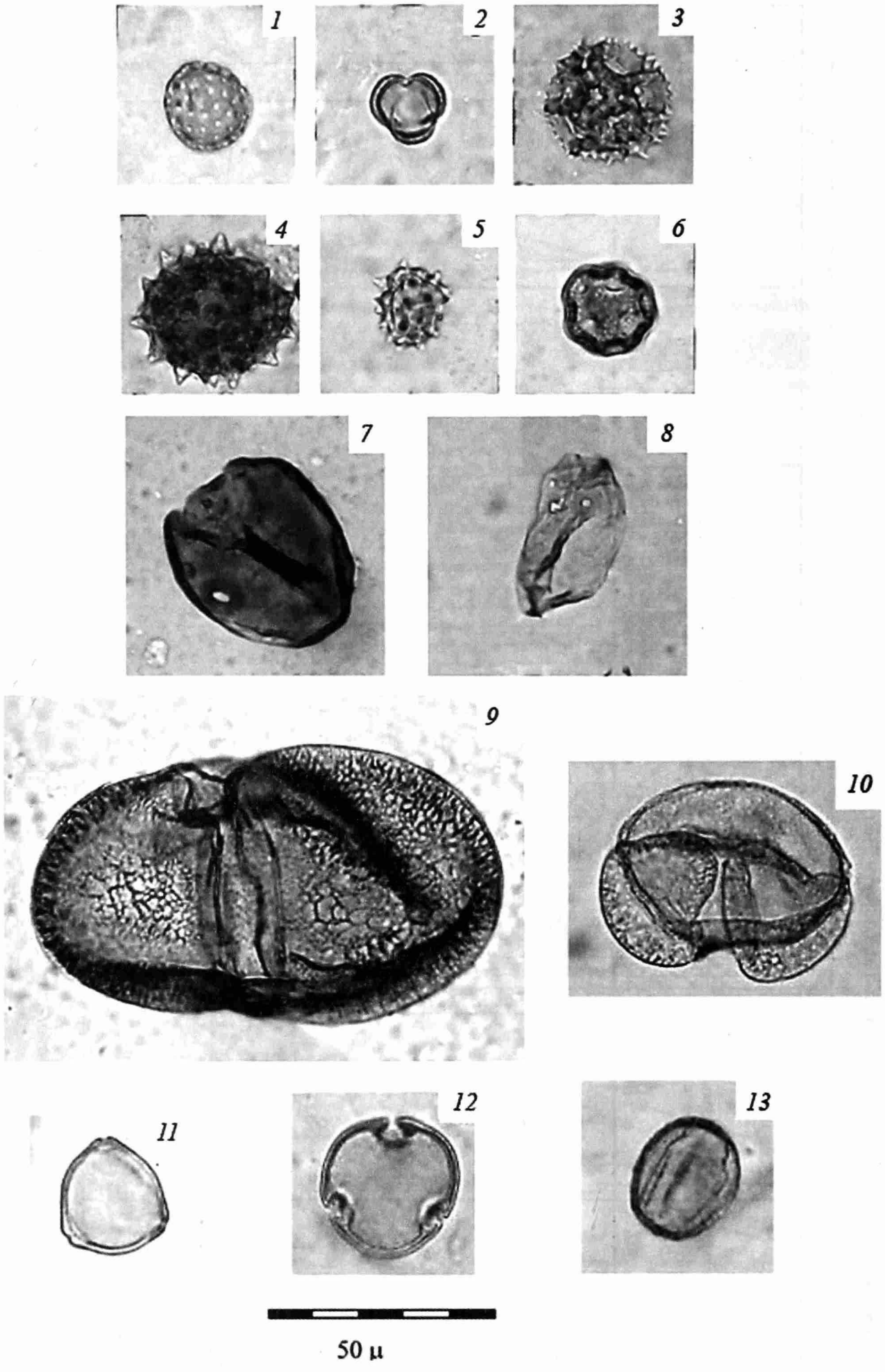

Рис. 10. Микрофотографии пыльцы наиболее часто встречающихся видов

1 — Chenopodiaceae (сем. маревые); *2* — Artemisia (полынь); *3* — Cichoriaceae (сем. цикориевых); *4, 5* — Asteraceae (сем. астровых); *6* — Caryophyllaceae (сем. гвоздичных); *7, 8* — культурные злаки; *9* — Picea (ель); *10* — Pinus (сосна); *11* — Betula (береза); *12* — Tilia (липа); *13* — Quercus (дуб)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

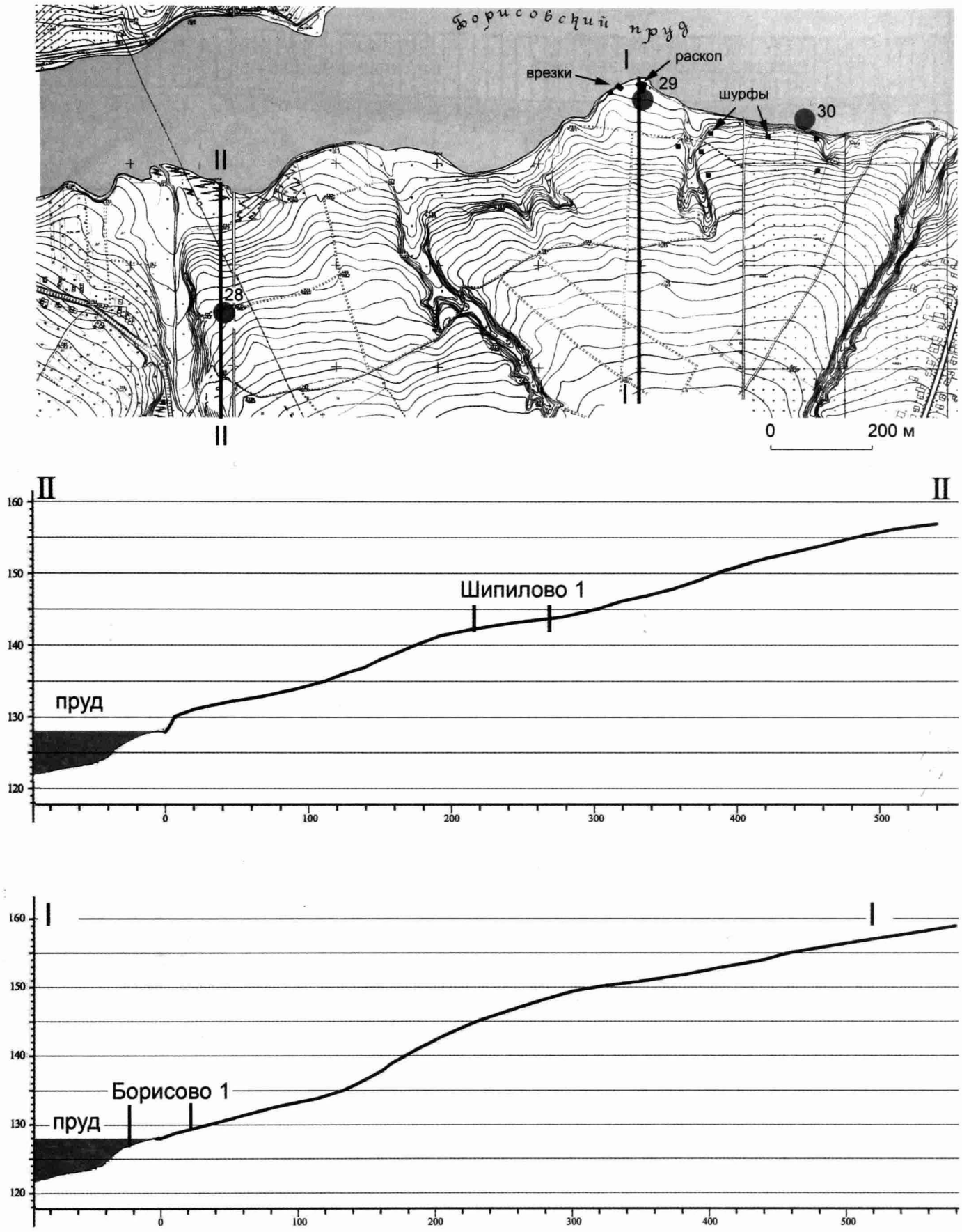
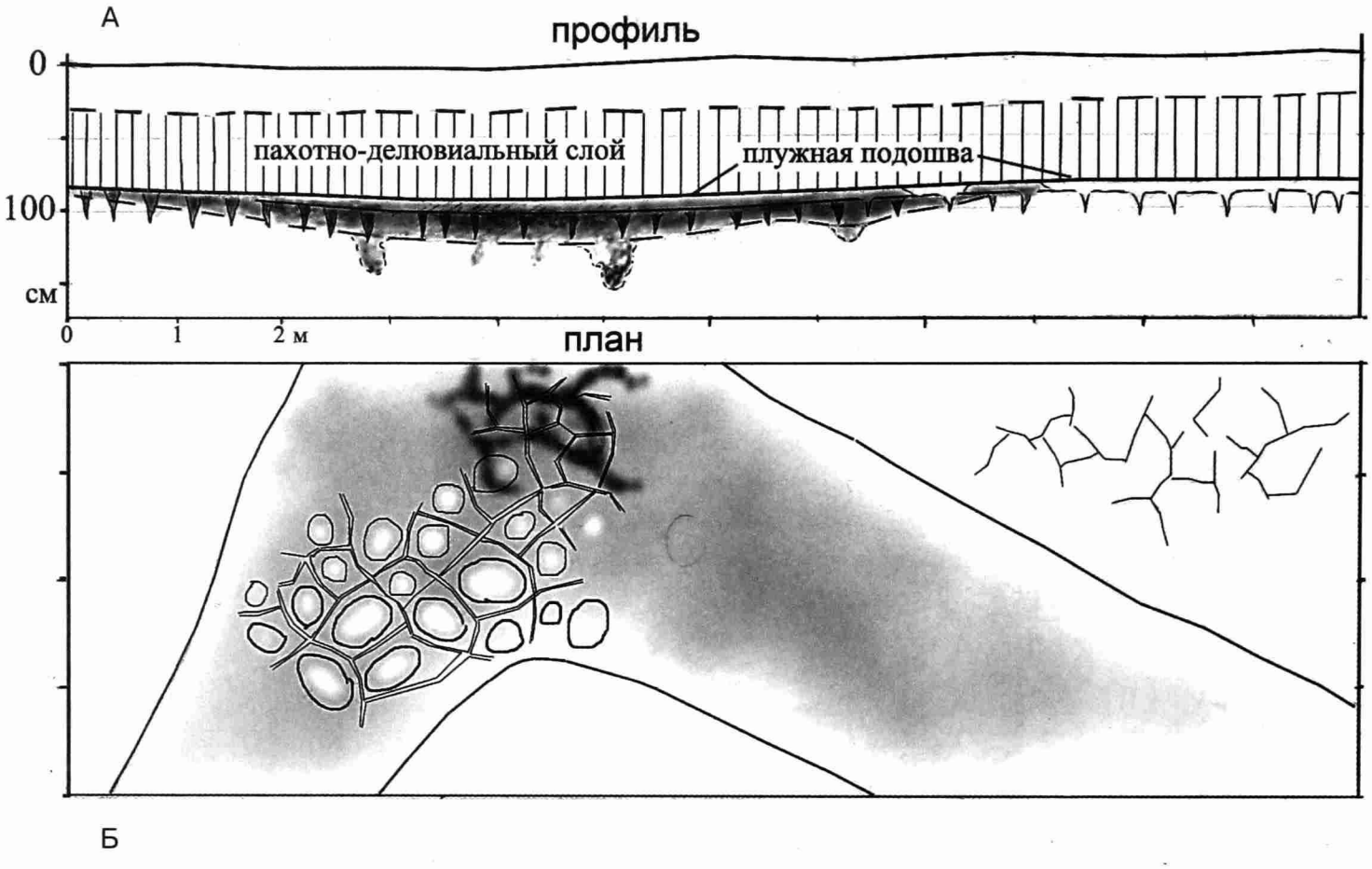

Рис. 11. План южного берега Борисовского пруда с указанием места раскопа на поселении Борисово-1, шурфы и врезки на берегу пруда рядом с поселениями Борисово-1 и Шипилово-1

Топографическая основа 1930 г. Римскими цифрами обозначены профили I, II, характеризующие рельеф правого борта долины р. Городни

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

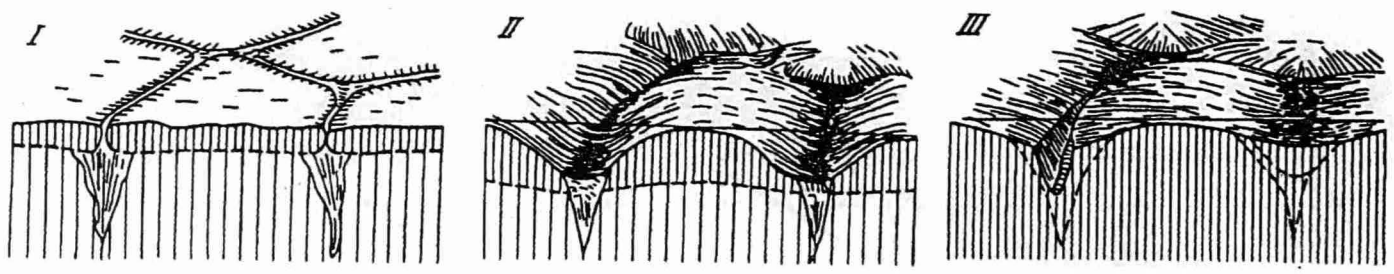

Рис. 12. Селище Борисово-1

А — Разновозрастные генерации полигональных структур на дне раскопа (участки 9 и 11);
Б — Стадии формирования реликтового криогенного микрорельефа (по *А.А. Величко*, 1973): *I* — стабильное состояние многолетней мерзлоты, *II* — деградация многолетней мерзлоты; *III* — полное исчезновение многолетней мерзлоты
Частая вертикальная штриховка — слой сезонных температурных изменений; редкая вертикальная штриховка — слой многолетней мерзлоты

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

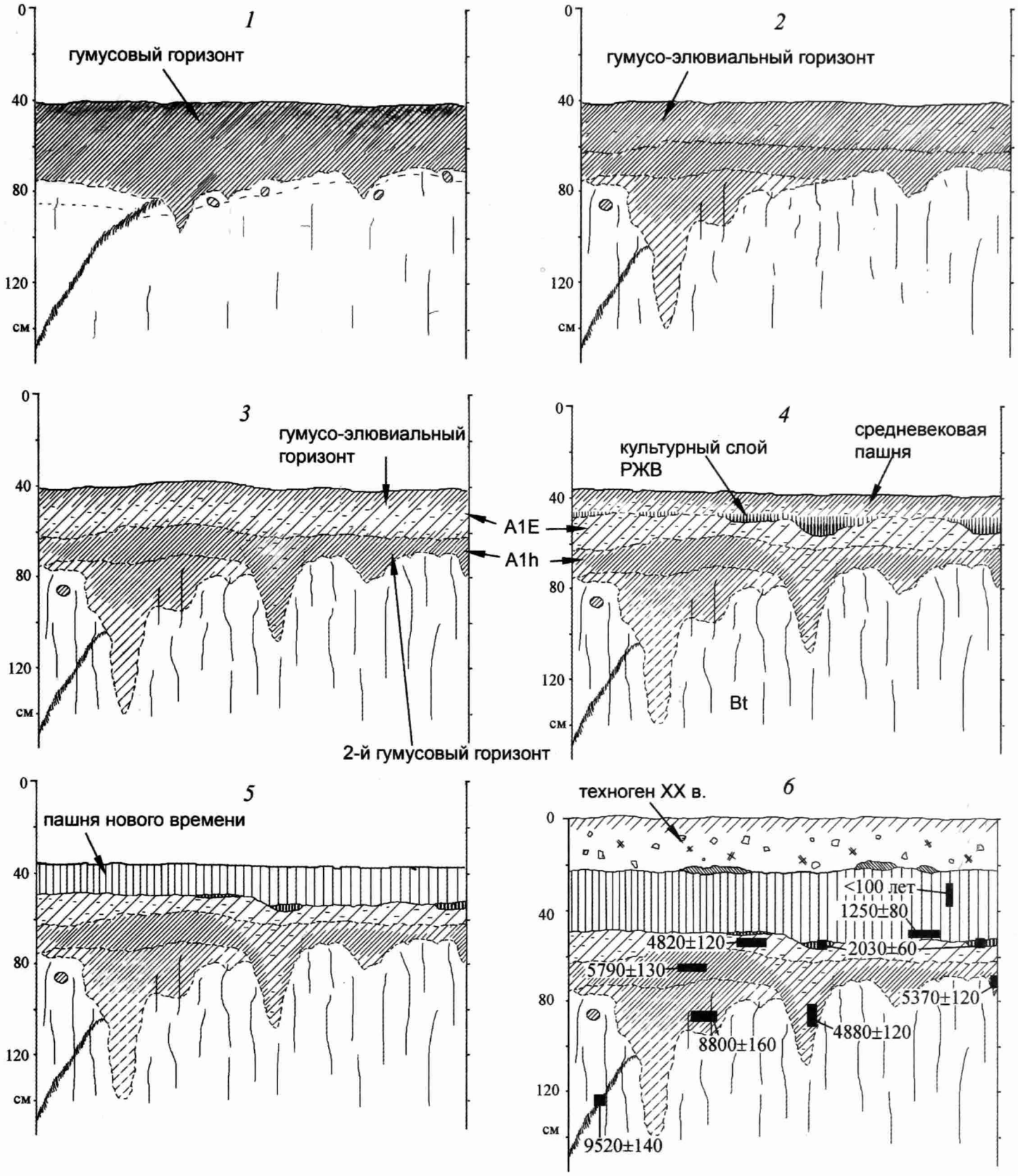

Рис. 13. Шипилово-1, шурф 8, южная стенка.
Стадии развития профиля почвы

1 — начало голоцена; *2* — поздний этап бореального периода; *3* — рубеж атлантического и суббореального периодов; *4* — эпоха средневековья; *5* — новое время; *6* — современное состояние, радиоуглеродный возраст гумуса реликтовых горизонтов, клиновидных образований и культурного слоя

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

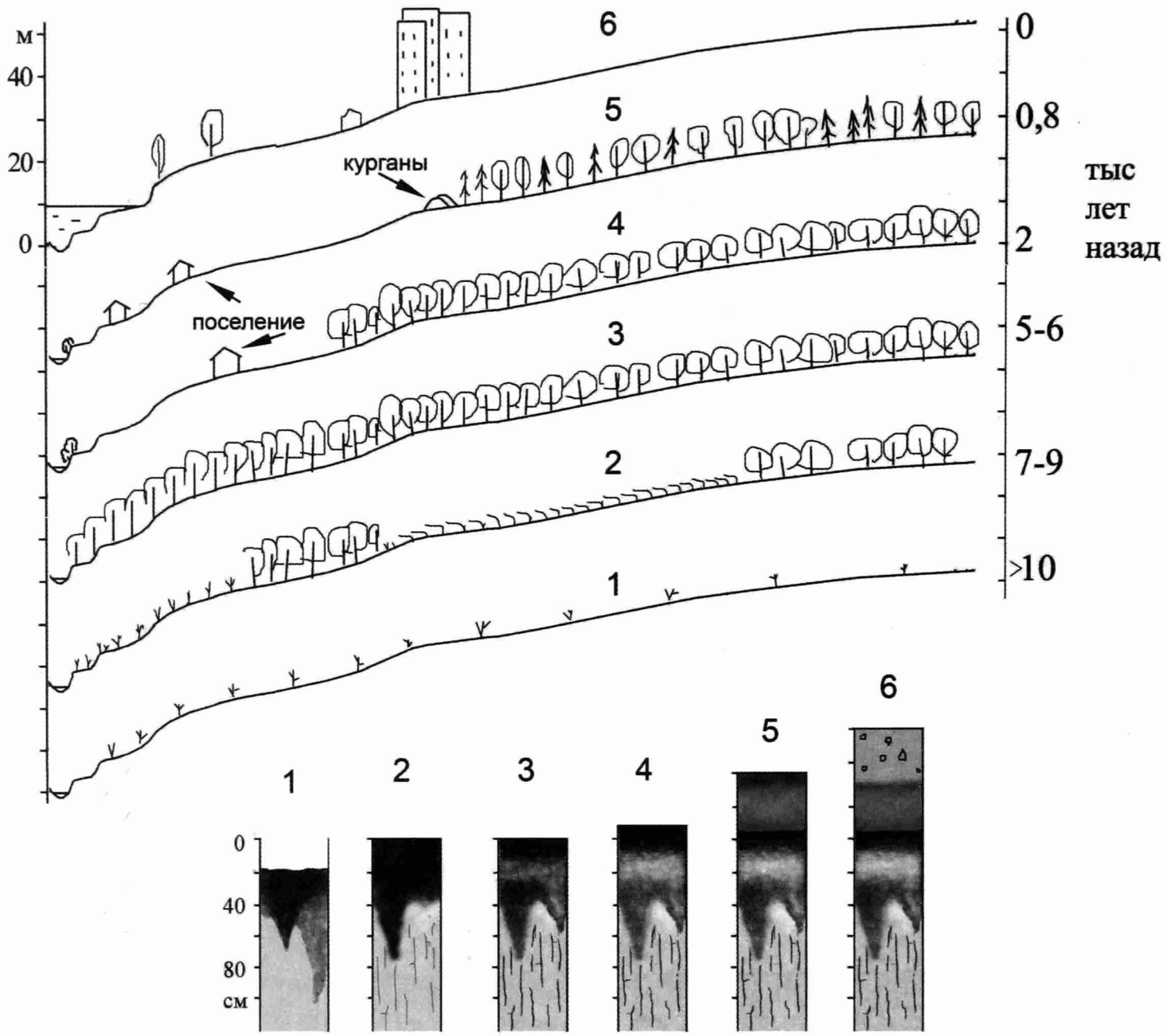

Рис. 14. Стадии развития ландшафта и почв в районе поселений Борисово-1 и Шипилово-1

10–11 тыс. л.н. — тундро-степь, дерновые мерзлотные почвы; 7–9 тыс. л.н. — лесостепь Бореального — начала Атлантического периодов, темноцветные почвы и клинья с неэлювиированным заполнением; 5–6 тыс. л.н. — широколиственные леса конца Атлантического периода, серые лесные почвы с темноцветным гумусовым горизонтом; 2 тыс. л.н. — широколиственные леса, местами с елью, почвы эволюционируют в сторону дерново-подзолистых, образование культурного слоя на поселении железного века: 0,8 тыс. л.н. — смешанные леса, почвы дерново-подзолистые; современность — накопление агроделювия и техногенных отложений

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

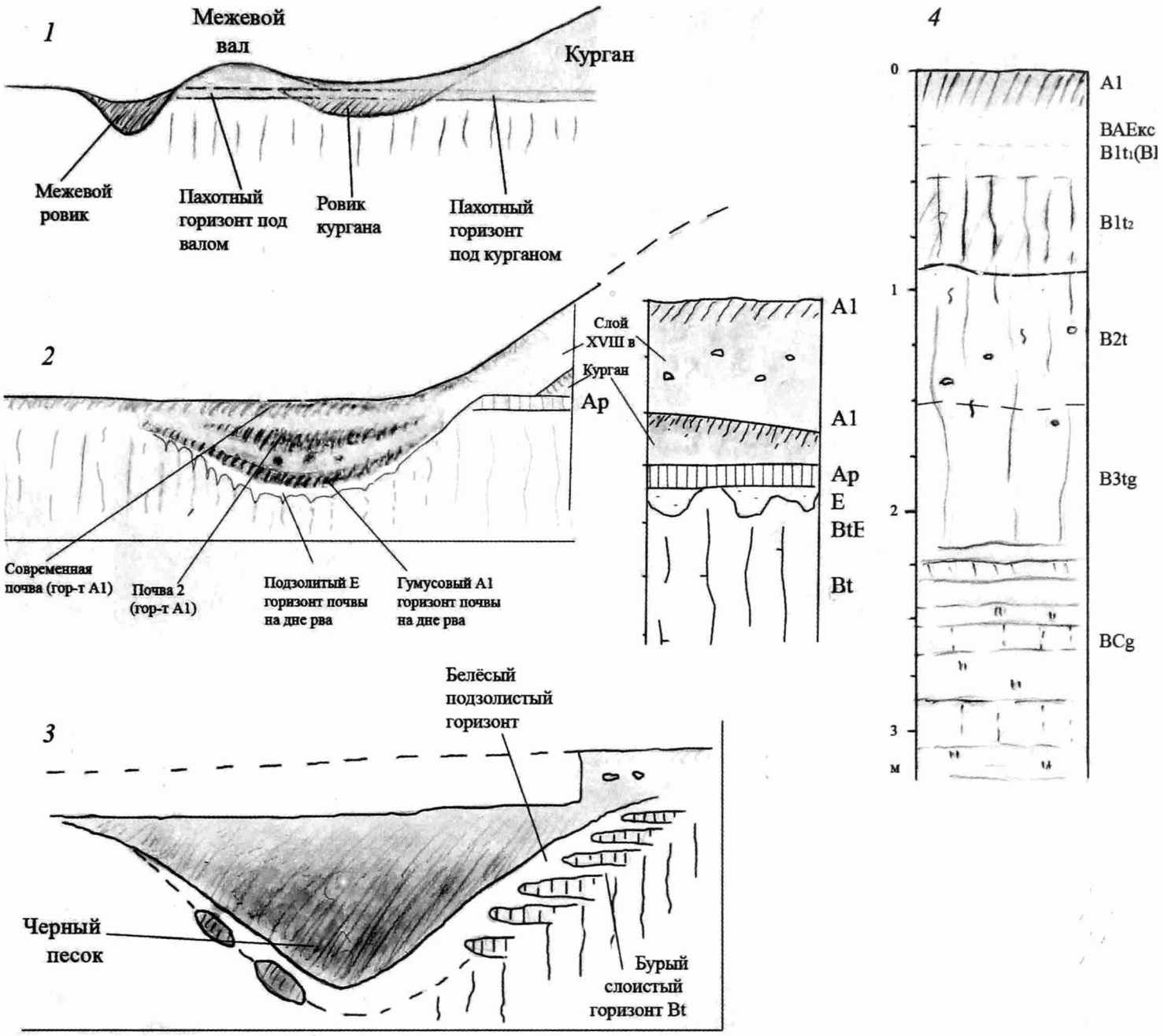

Рис. 15. Объекты палеопочвенных исследований в Царицыно

1 — курганная группа Царицыно-2 профиль траншеи № 5; *2* — профиль траншеи № 2; *3* — поселение Царицыно-1, разрез рва; *4* — селище Царицыно-3, разрез отложений, подстилающих культурный слой

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 16. Беседка «Храм Цереры», вид с северо-востока (вверху).
Поверхность мыса поселения Царицыно-1, вид от беседки-ротонды на запад;
на переднем плане — участок раскопа 2 (внизу)
Фото 2002 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

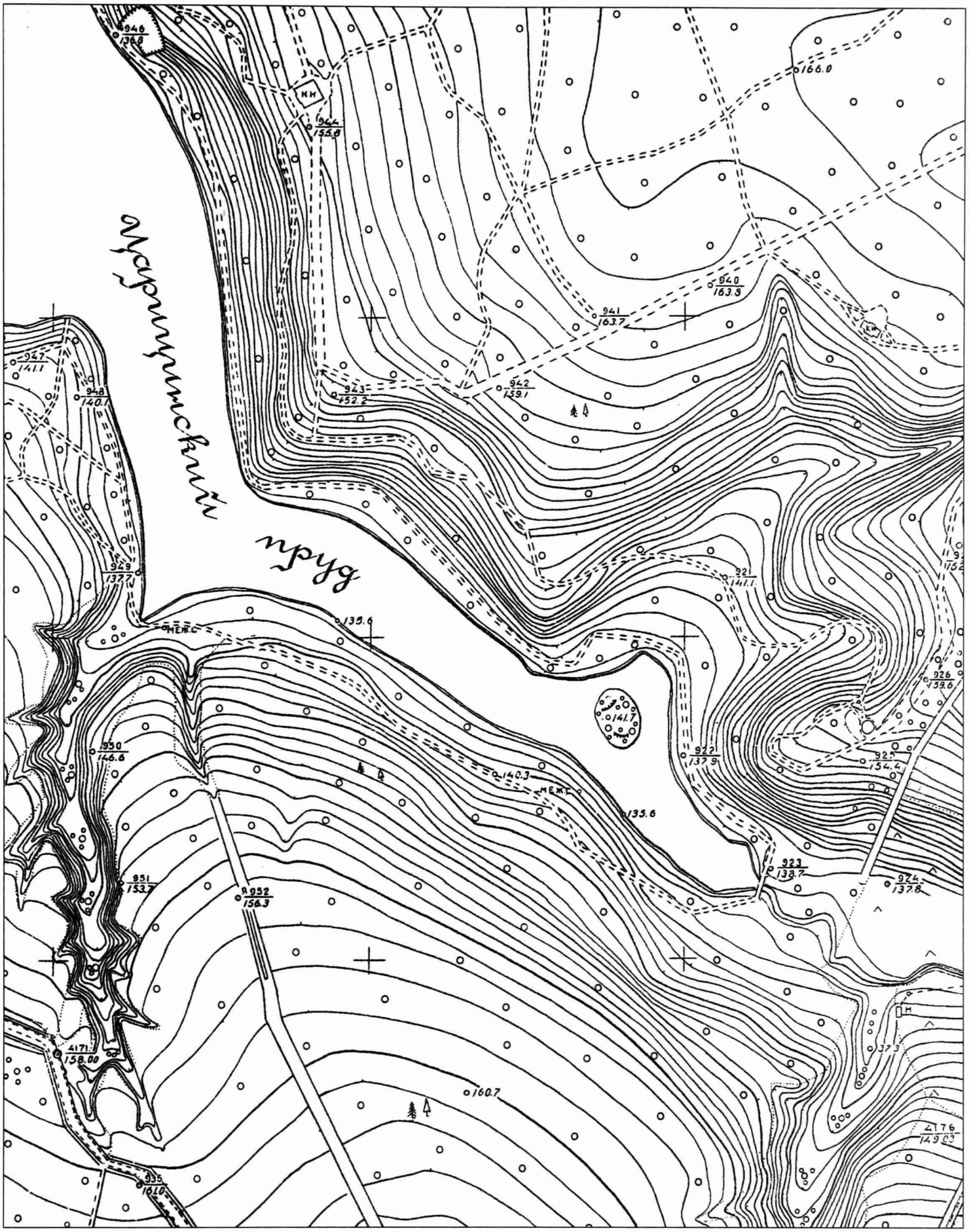

Рис. 17. План южной части парка Царицыно
Топографическая основа 1932 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

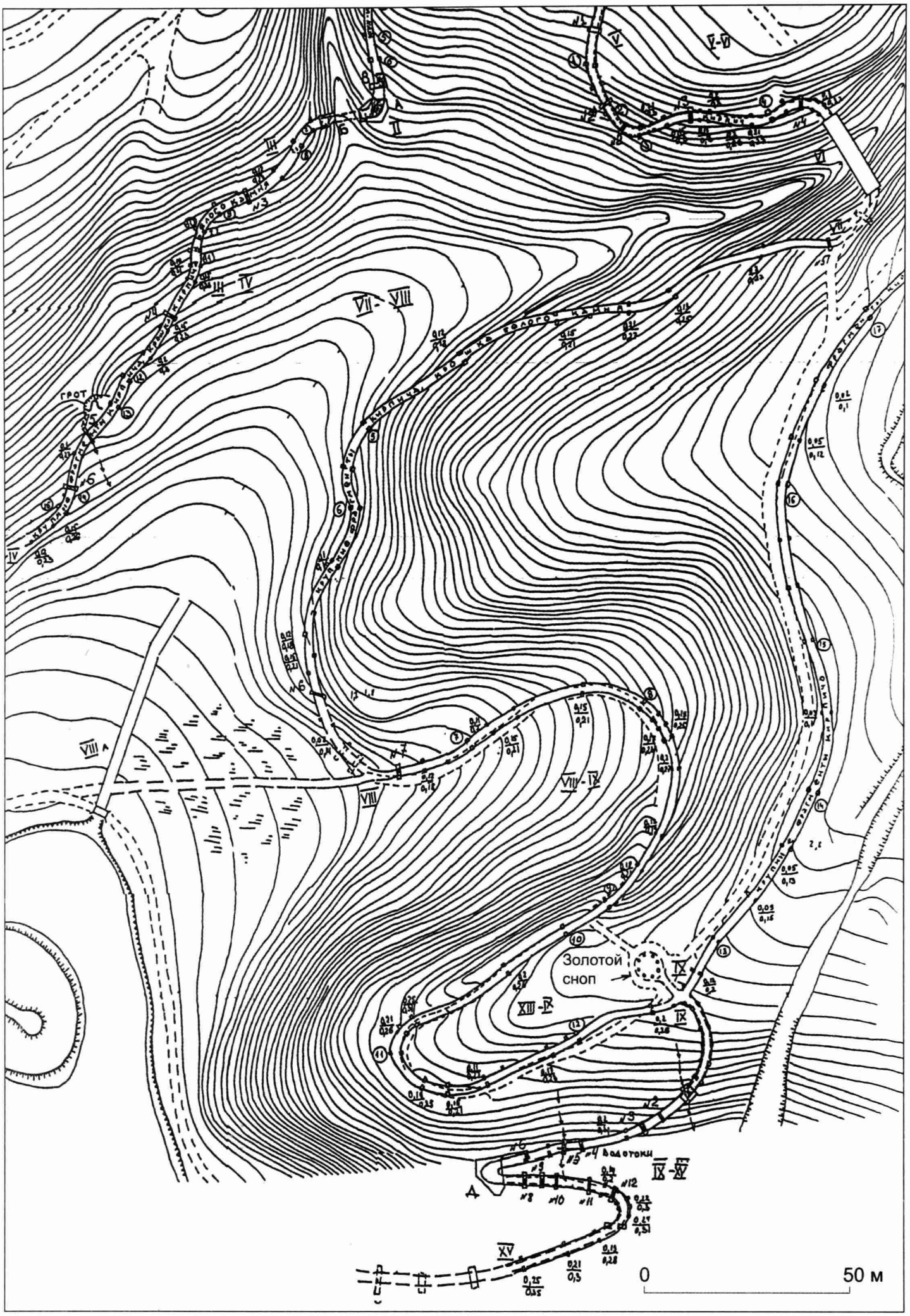

Рис. 18. План расположения зондажей на дорожках в районе беседки «Храм Цереры»
Из отчета В.В. Милькова за 1985 г. Архив Музея «Царицыно»

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

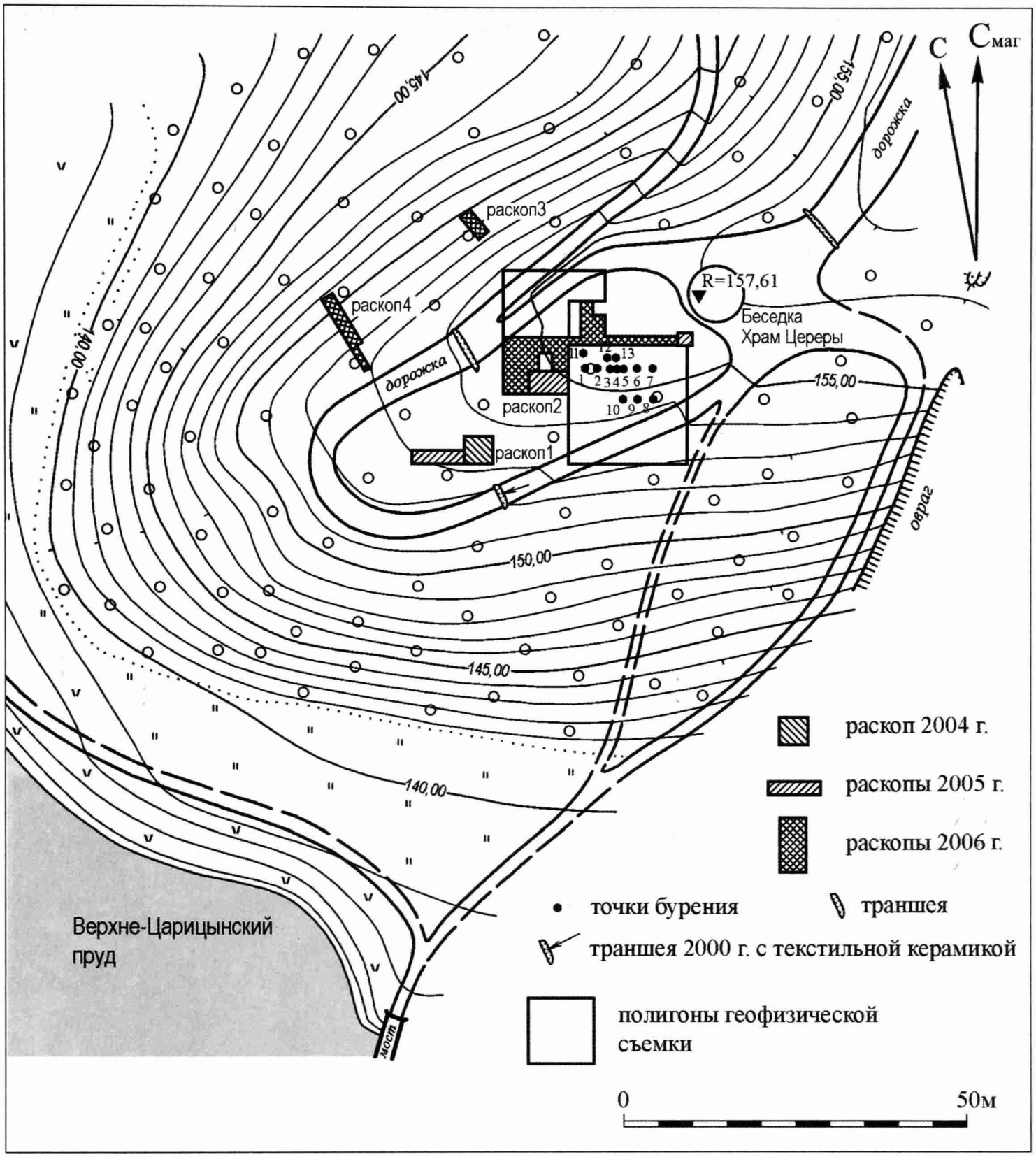

Рис. 19. План раскопов на поселении Царицыно-1 (Церера)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 20. Поселение Царицыно-1 (Церера). Раскоп 2
Вверху — вид с запада; внизу — вид с востока с крыши беседки

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

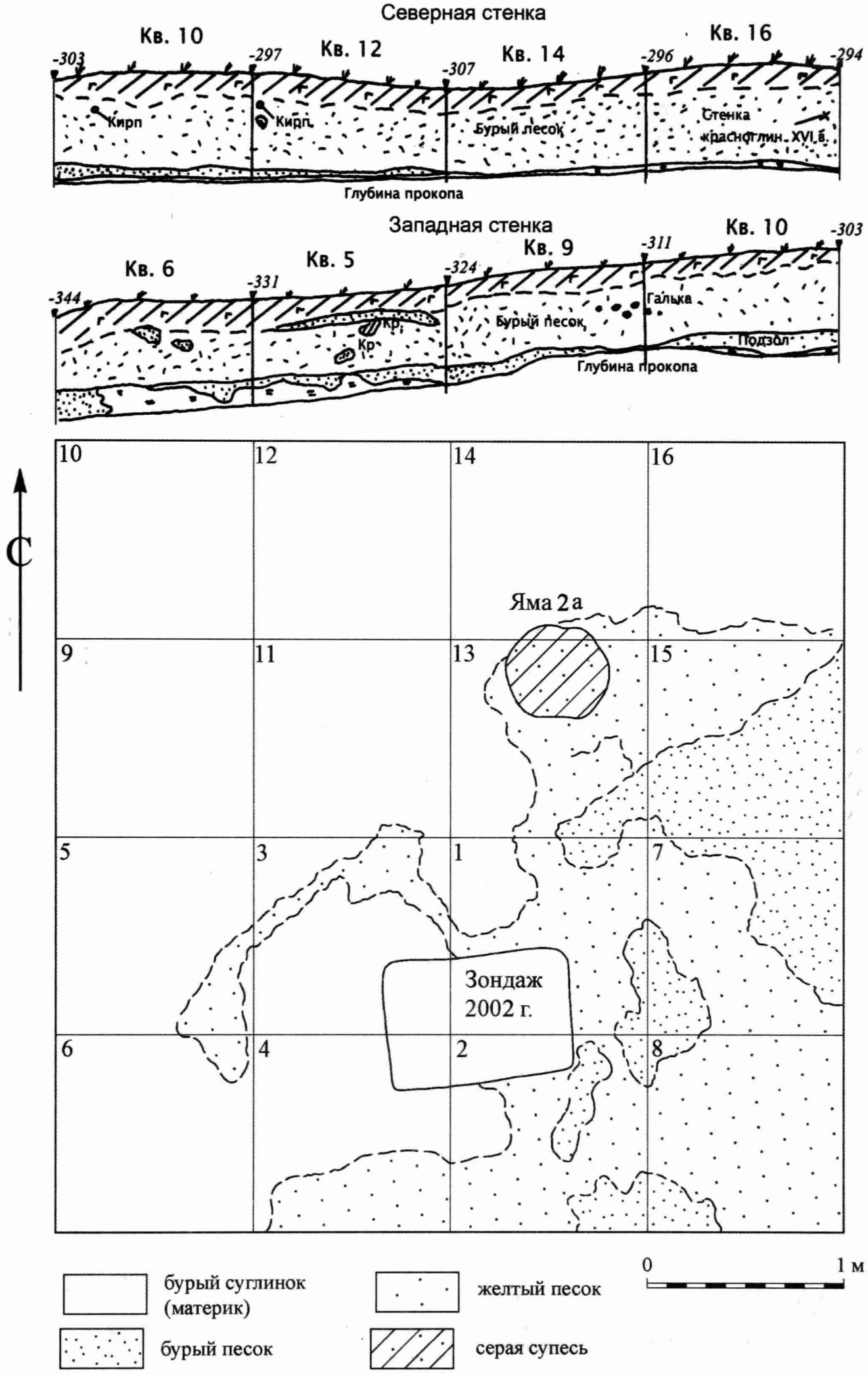
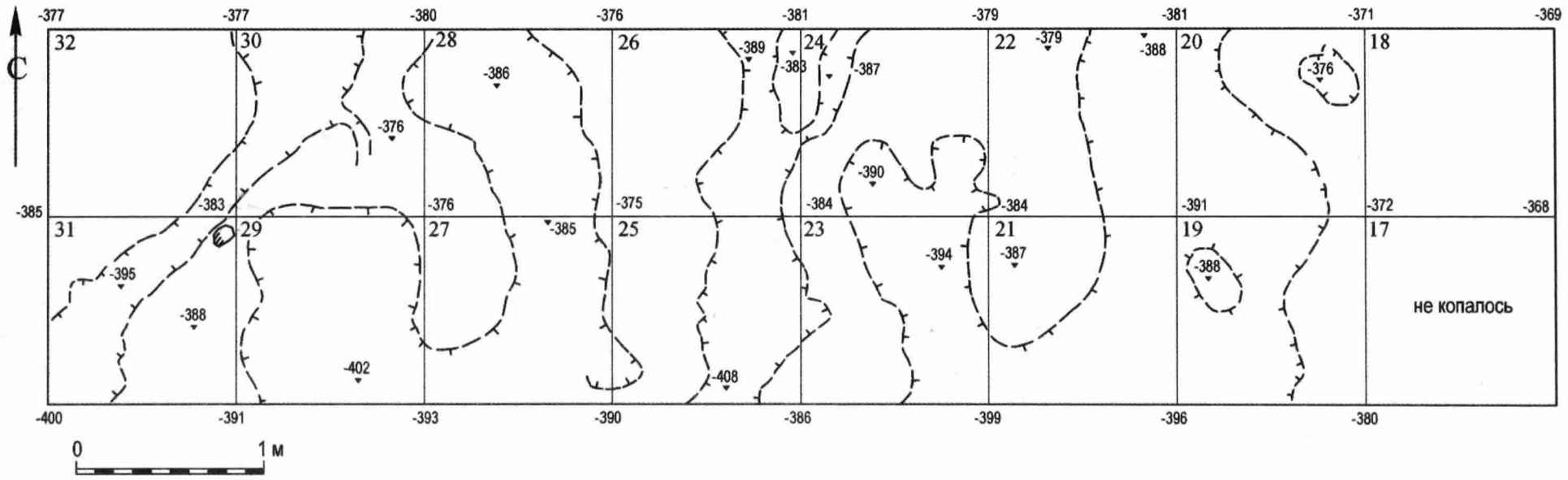

Рис. 21. Поселение Царицыно-1. Раскоп 1, восточная часть (2004 г.), план зачистки по уровню основания культурного слоя, профили бортов

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН | https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

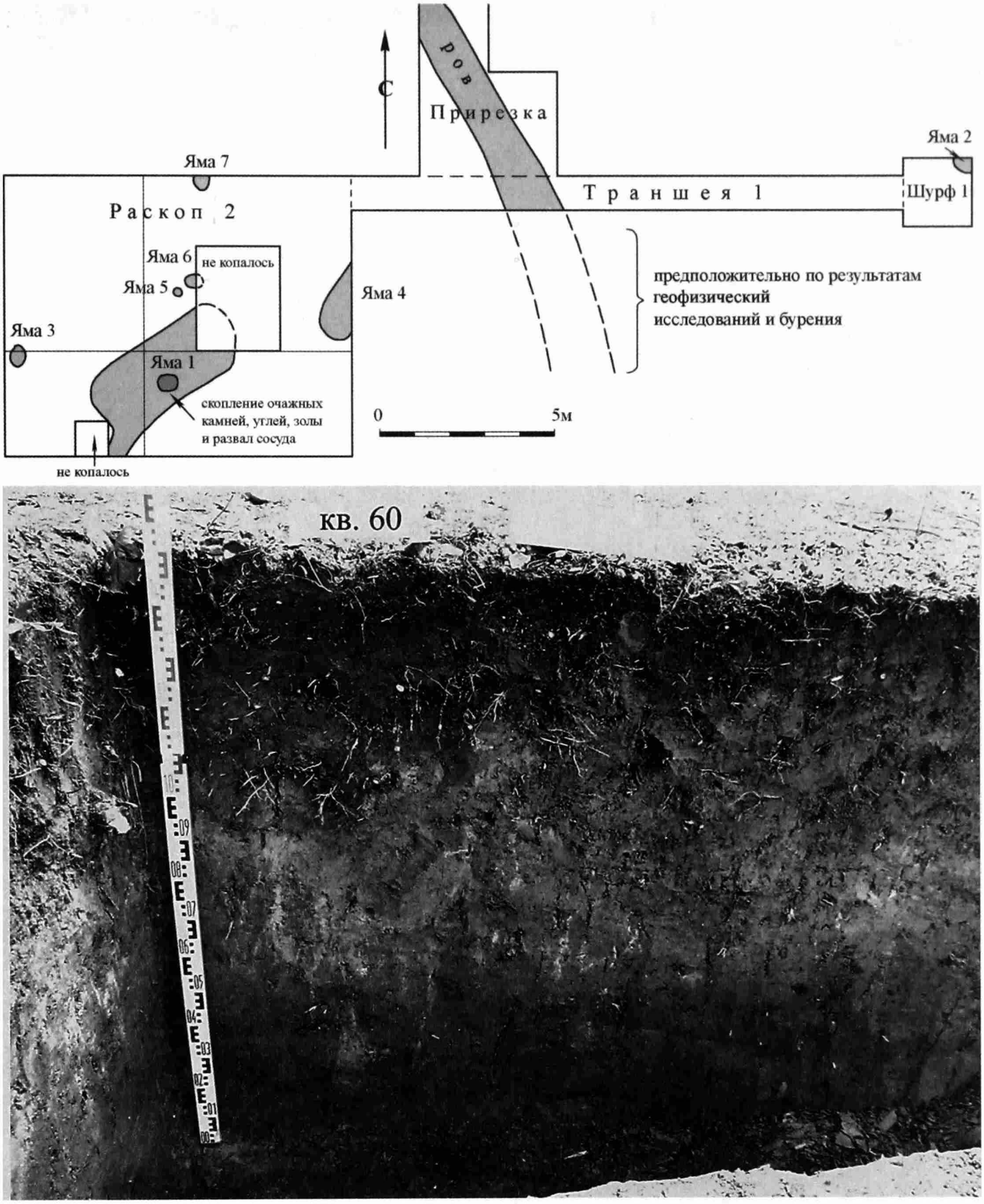

Рис. 23. Поселение Царицыно-1. Схема раскопа 2, траншеи 1 и прирезки к ней, шурф 1 (вверху); профиль северного борта стратиграфического шурфа в кв. 60, раскоп 2 (внизу)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

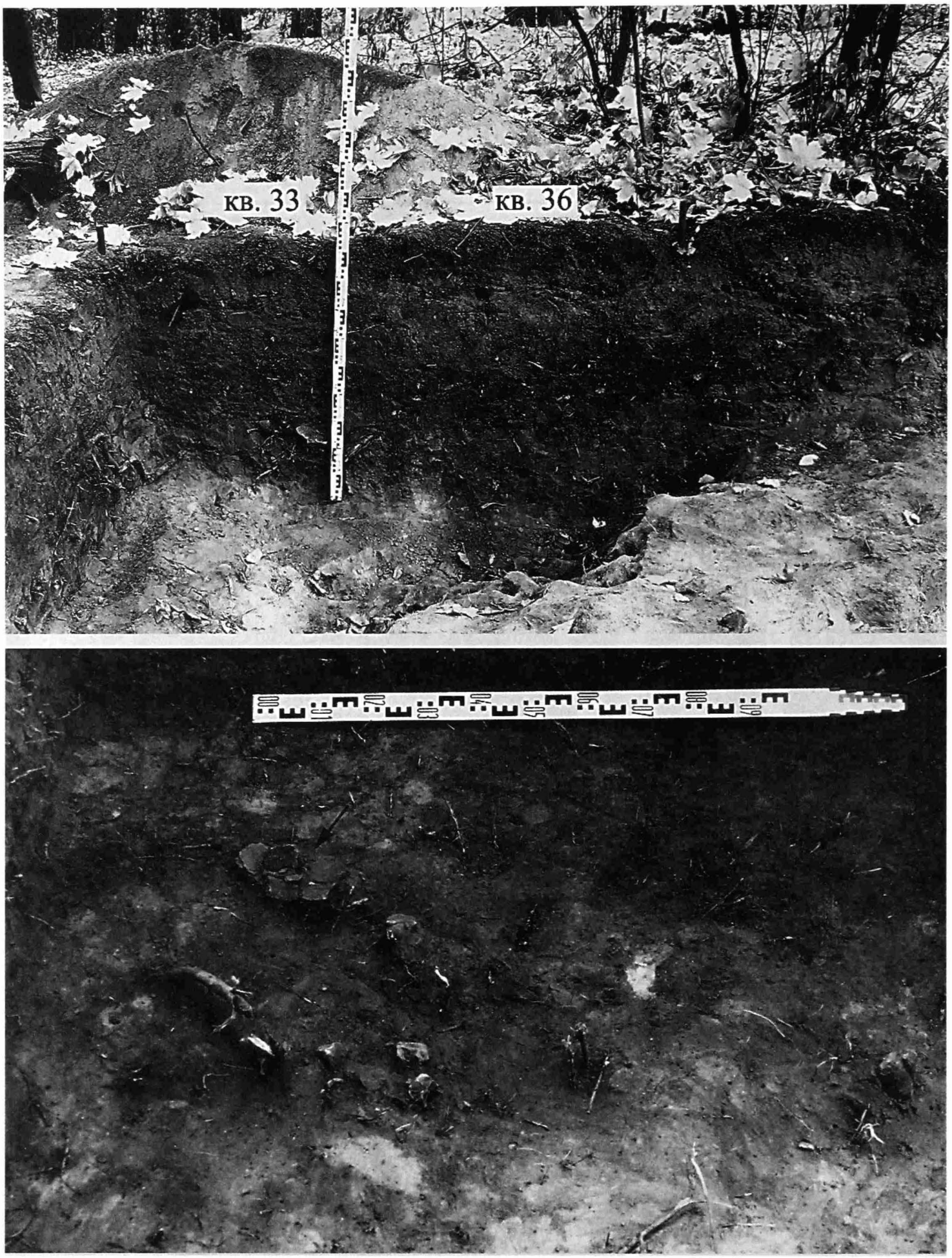

Рис. 24. Поселение Царицыно-1. Яма 1 в раскопе 2

Вверху — профиль северного борта; внизу — зачистка пласта 6, виден развал гладкостенного лепного сосуда в кв. 33 (отмечен стрелкой), 2005 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

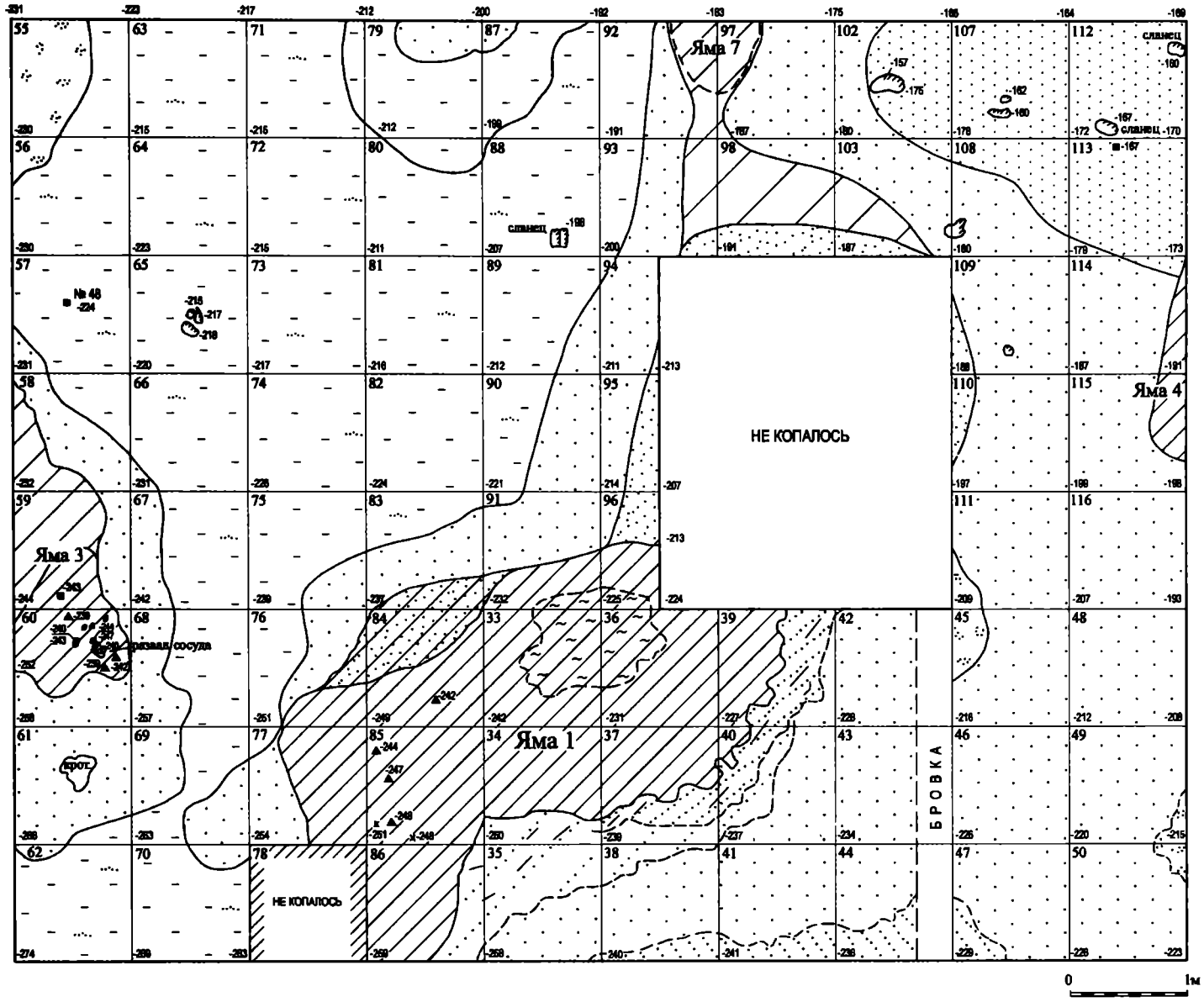

Рис. 25. Поселение Царицыно-1. План раскопа 2 на уровне пласта 4

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

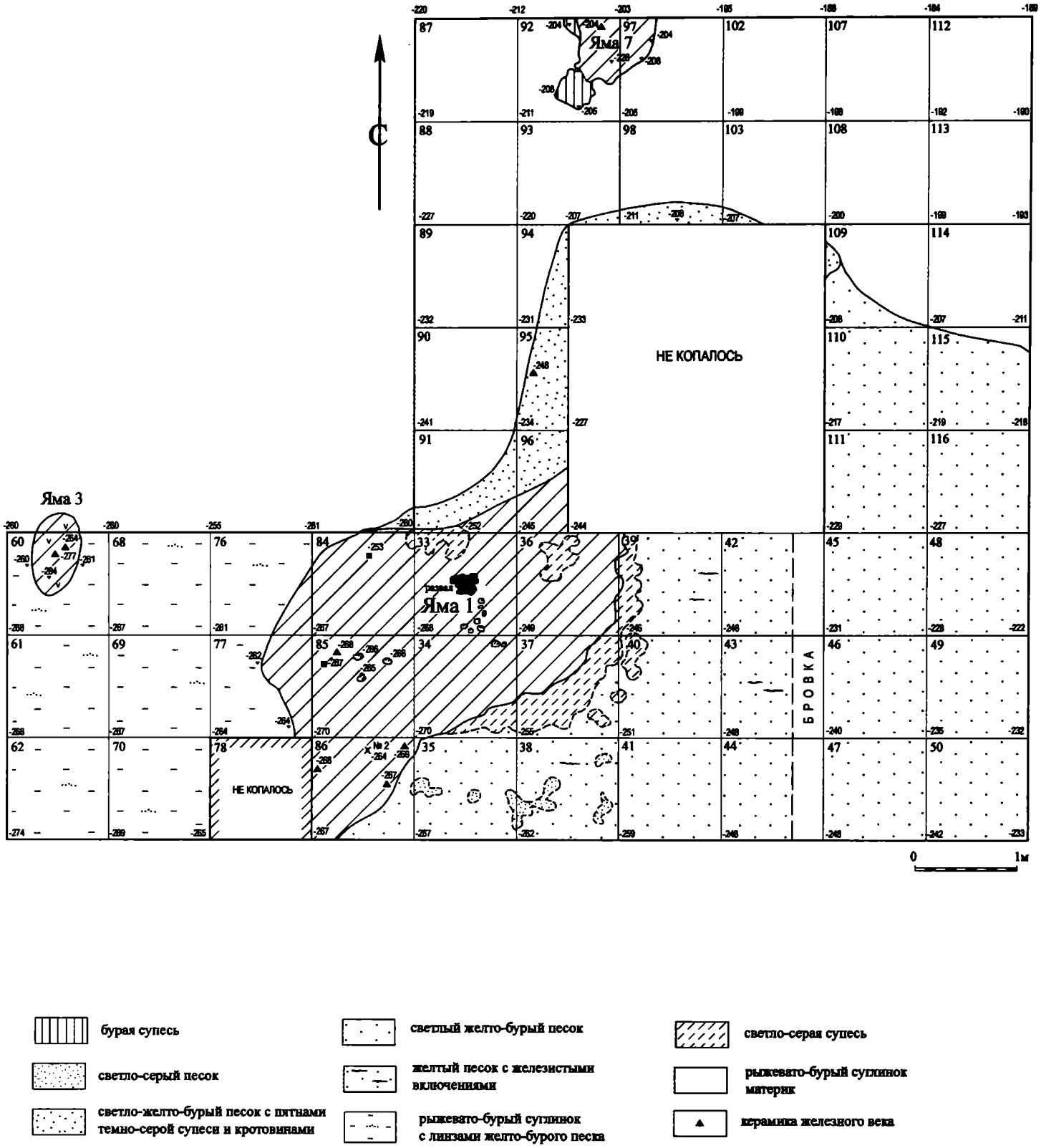

Рис. 26. Поселение Царицыно-1. План раскопа 2 на уровне пласта 6

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

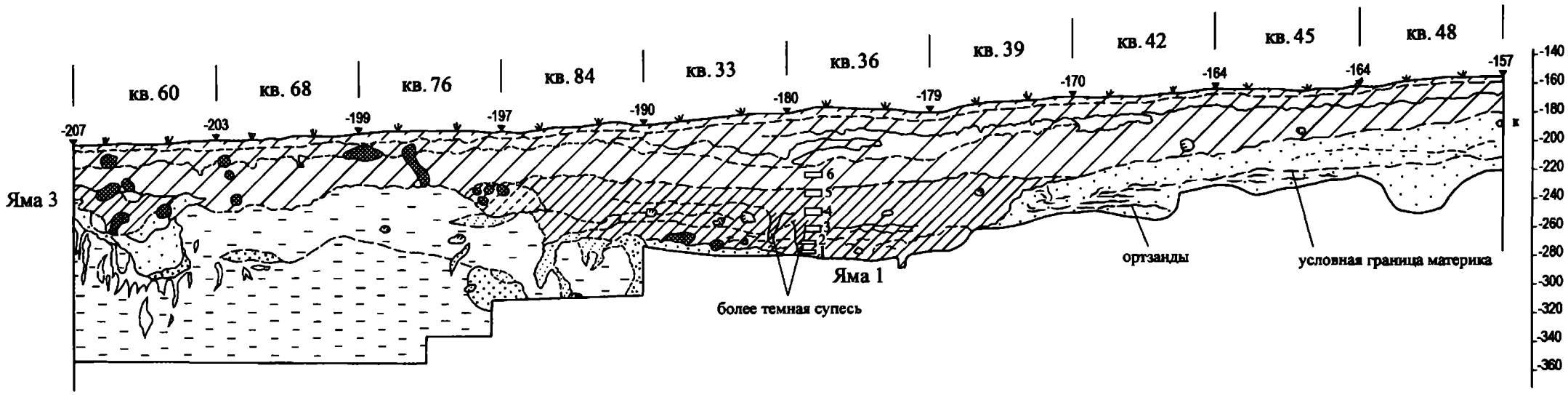
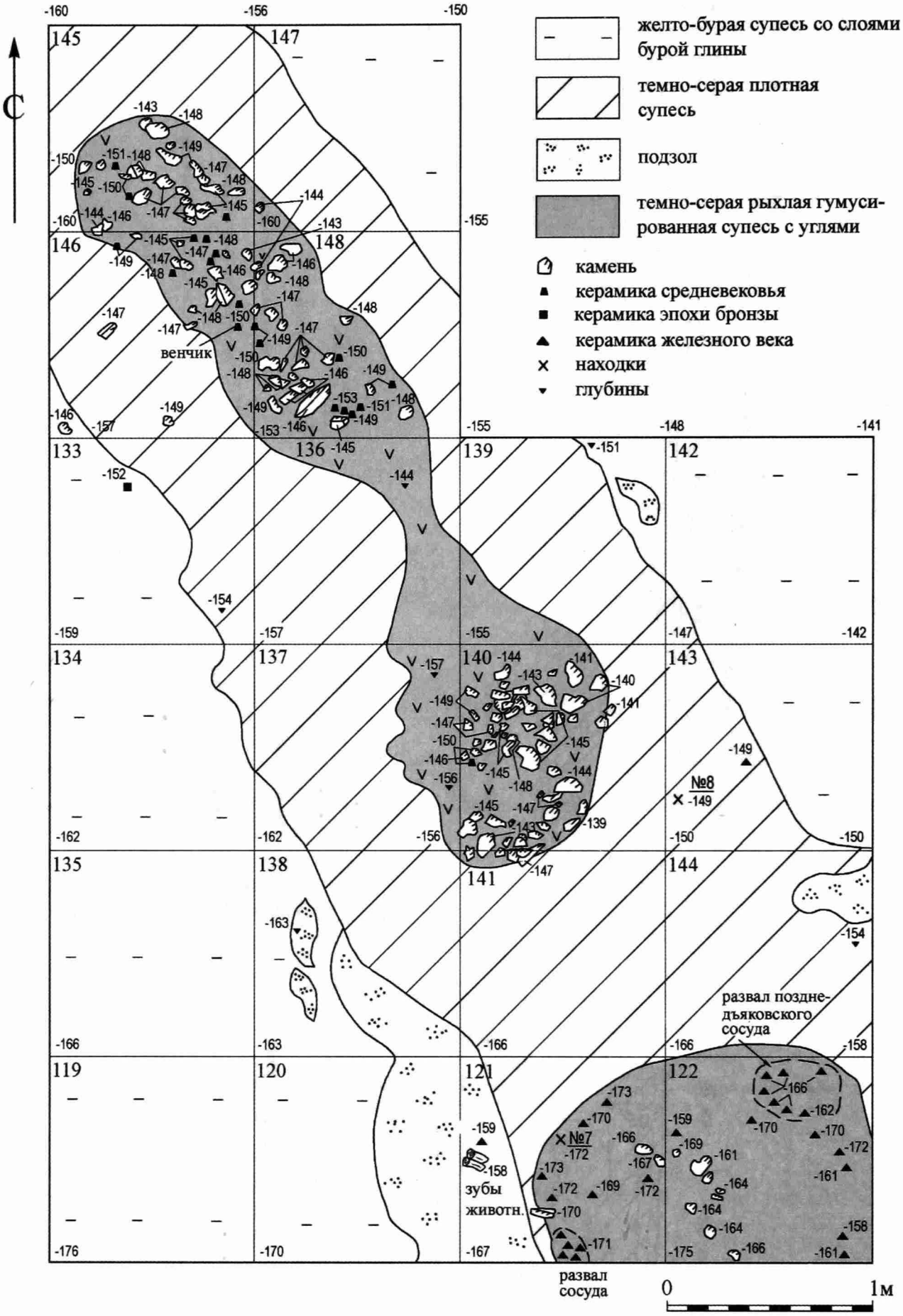

Рис. 27. Поселение Царицыно-1. Разрез культурного слоя в раскопе 2 по линии северной стенки кв. 60–48

Индивидуальные находки

№ 7 - предмет железный (шило?) на тонком, округлом с одного конца и прямоугольном с другого, стержне сечением в 4 мм
№ 8 - крестопрорезной бубенчик бронзовый древнерусский

Рис. 28. Поселение Царицыно-1. План рва на уровне пласта 5, скопления очажных камней и керамики эпохи средневековья и железного века

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

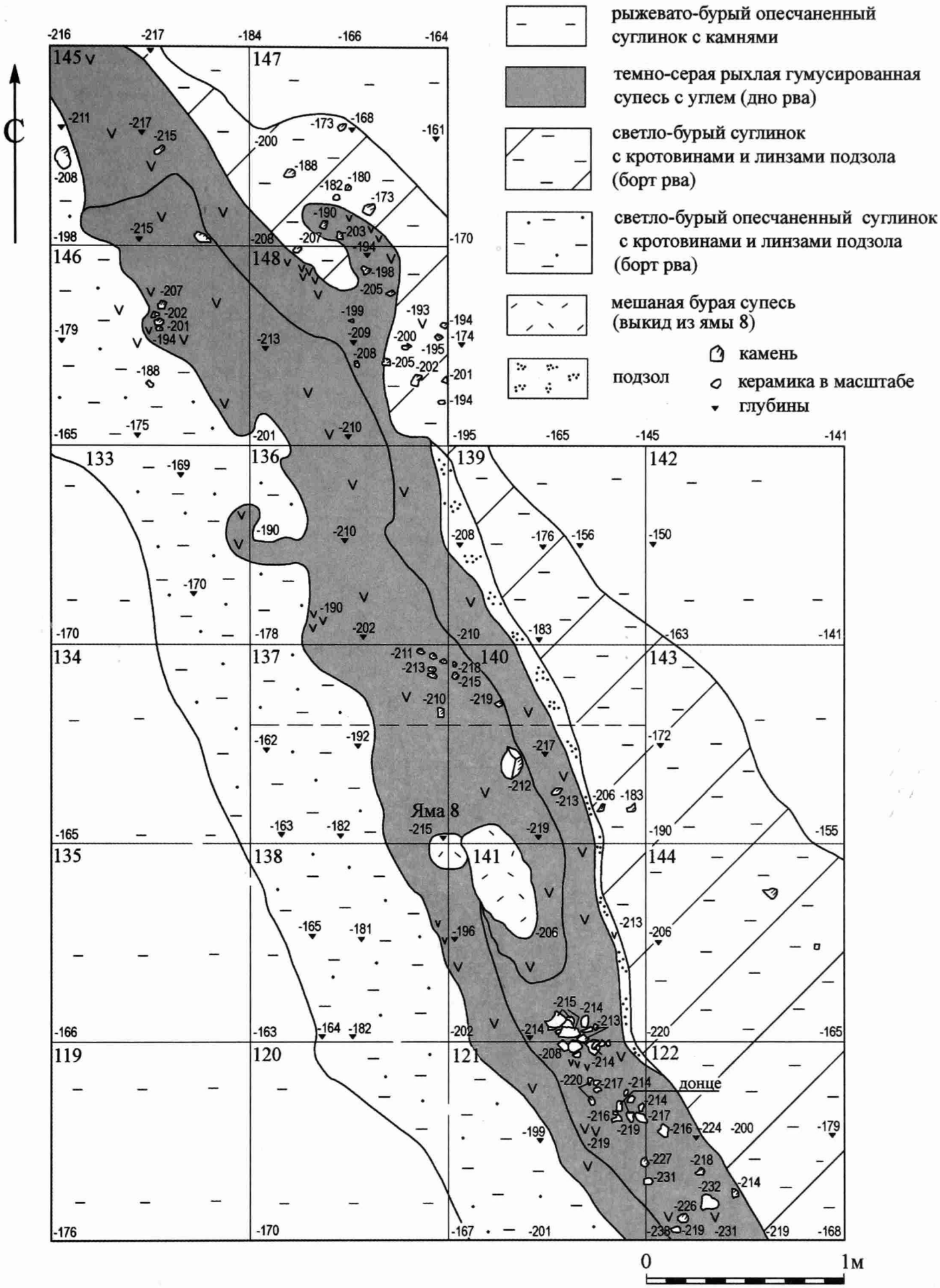

Рис. 29. Поселение Царицыно-1. План рва на уровне пласта 12

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

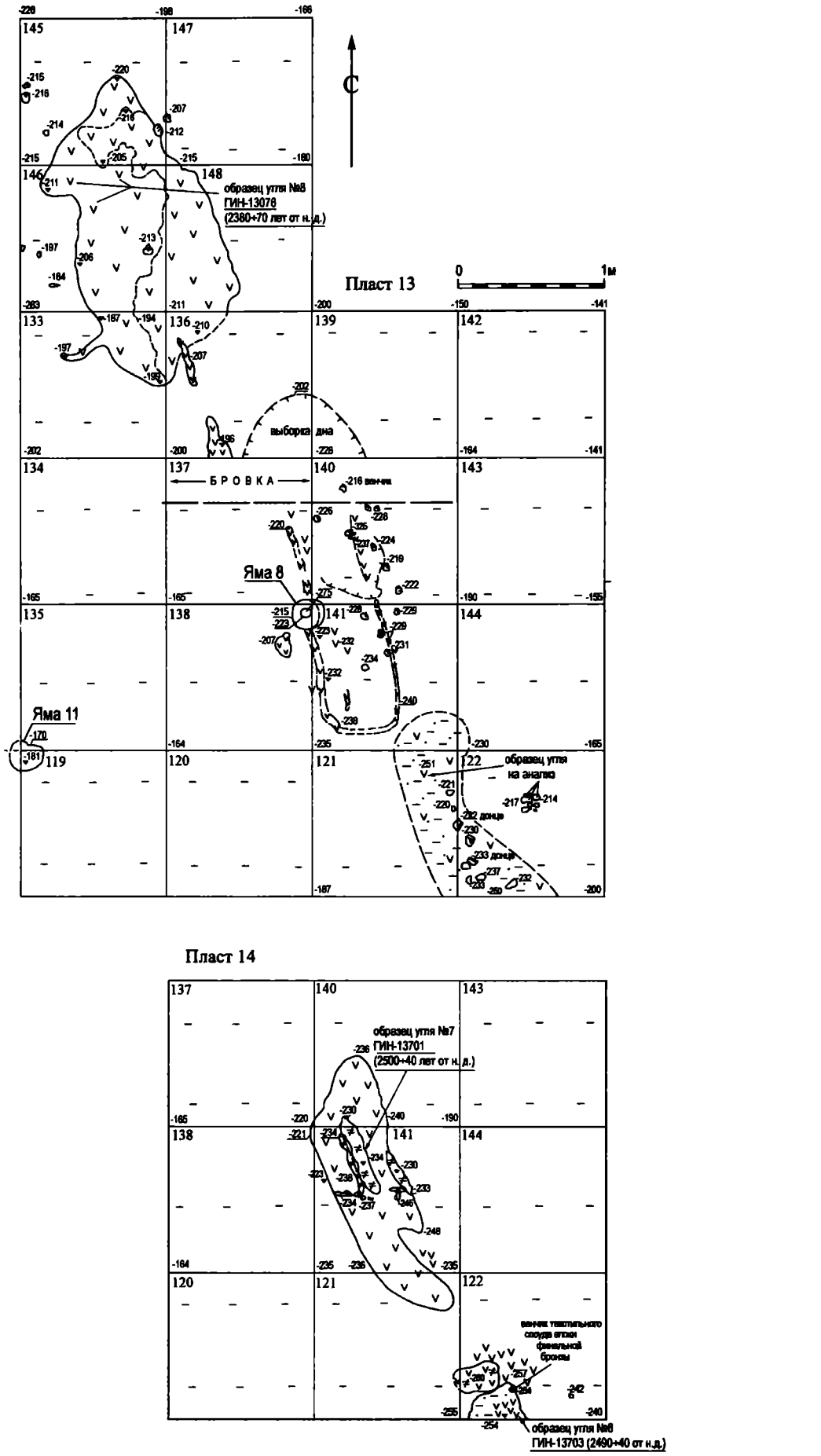

Рис. 30. Поселение Царицыно-1. План зачистки основания рва (пласты 13, 14)
Показаны места отбора образцов на радиоуглеродное датирование

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

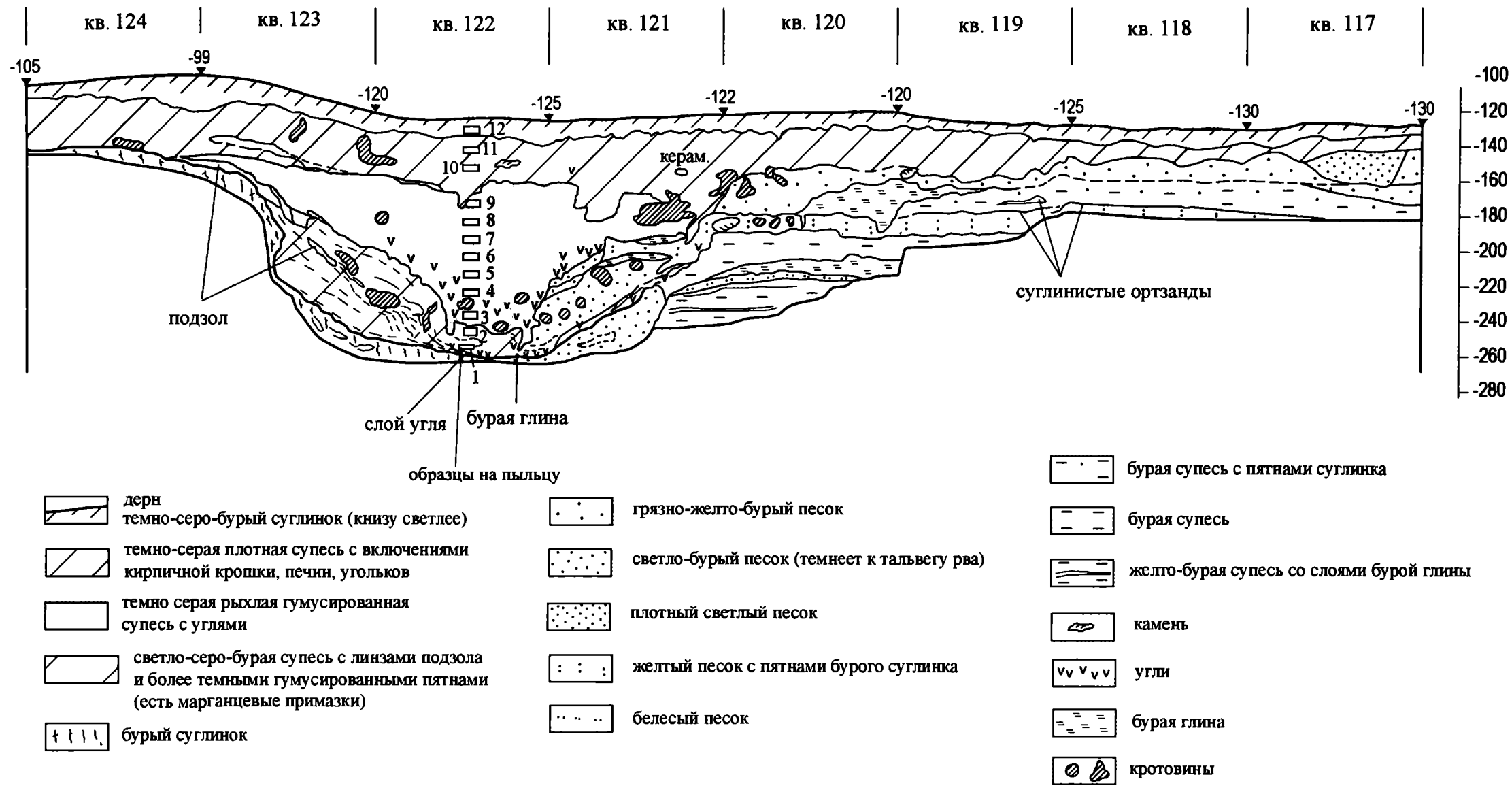

Рис. 31. Поселение Царицыно-1. Профиль южного борта траншеи 1, разрез рва на участке кв. 121–123

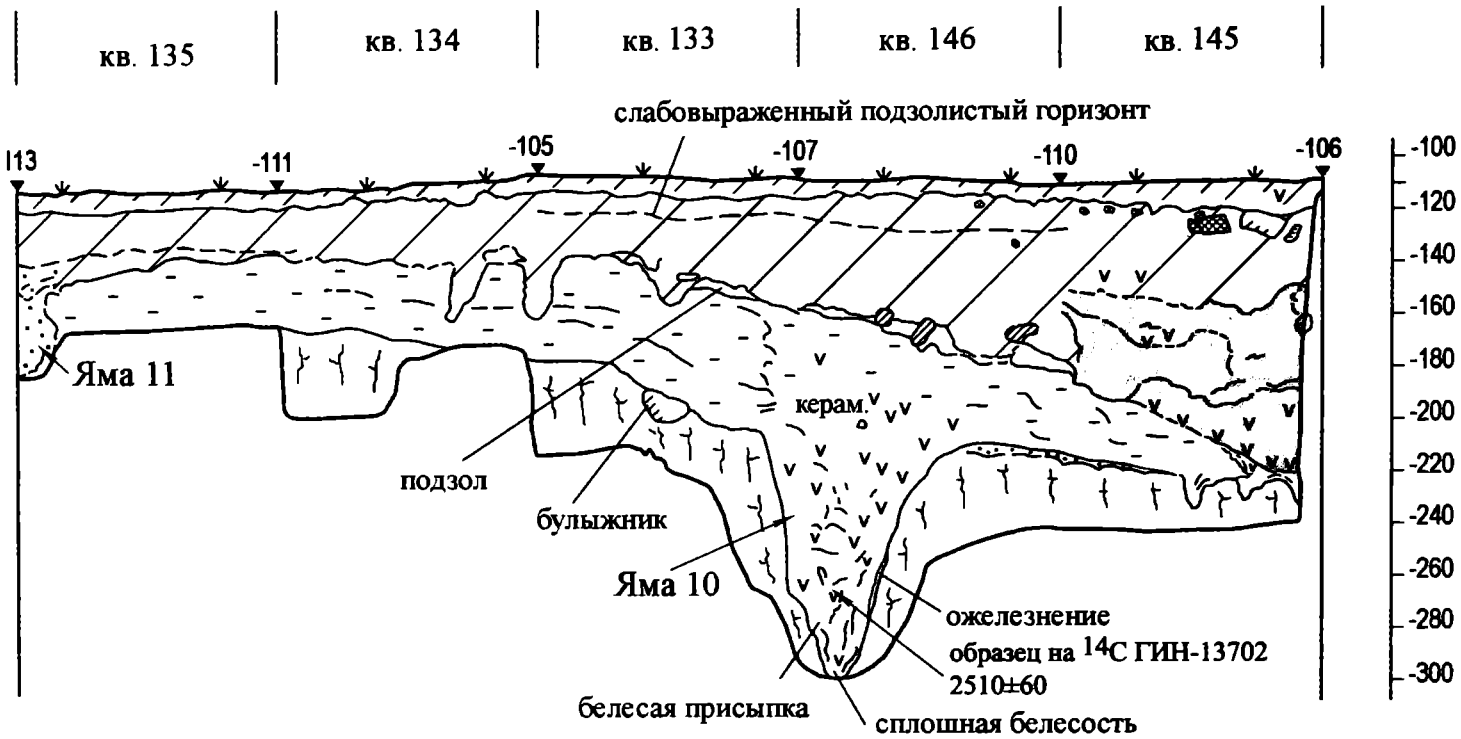

Рис. 32. Поселение Царицыно-1. Профиль западного борта прирезки по линии кв. 135–145

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 33. Поселение Царицыно-1. Ров на различных этапах расчистки его заполнения

1 — скопление керамики и камней на уровне пласта 11–12; *2* — зачистка основания рва; *3* — кирпичи на уровне пласта 2; *4* — камни и керамика в тальвеге рва на уровне пласта 5; керамика железного века и зубы лошади (отмечены стрелкой) в заполнении рва в кв. 122

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

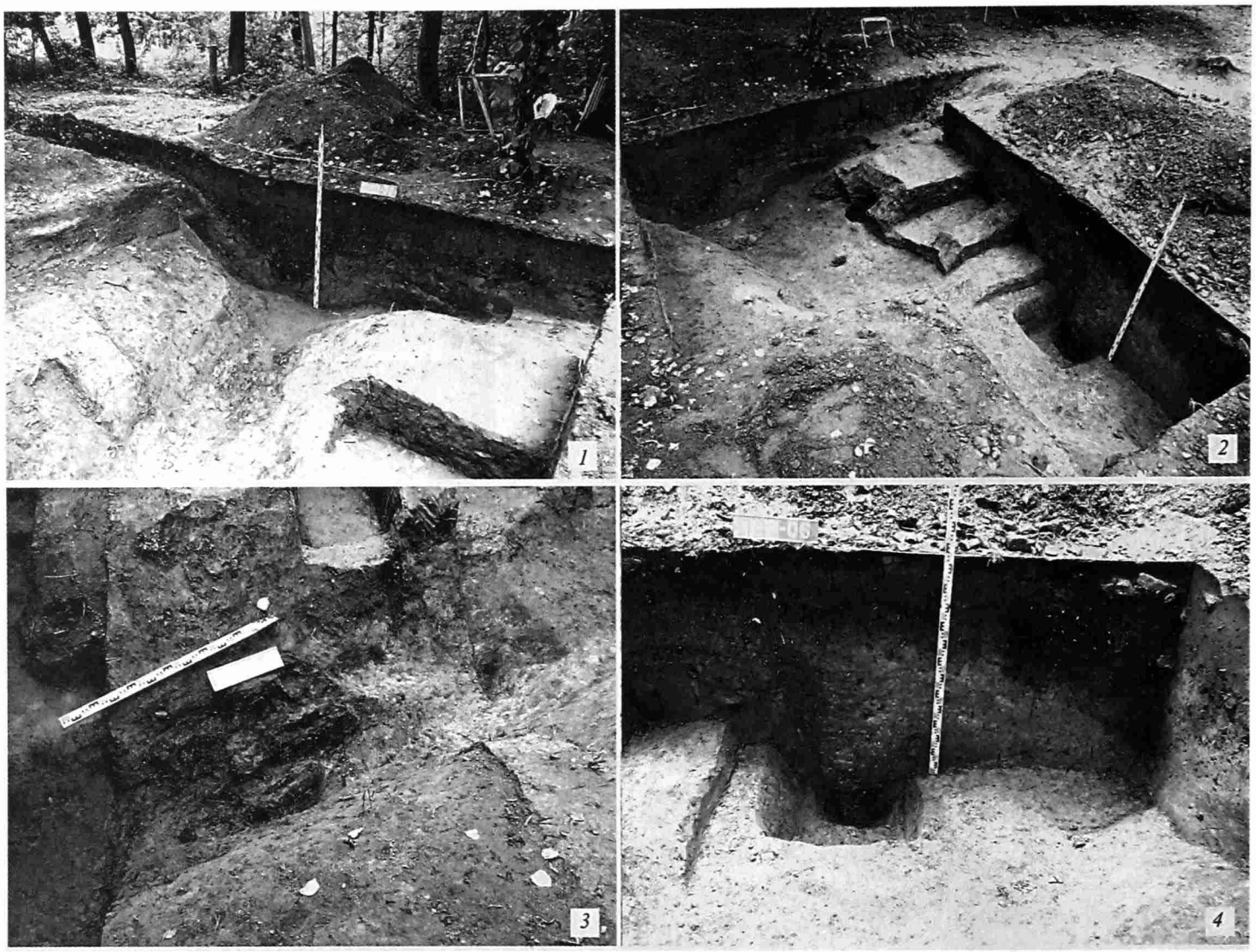

Рис. 34. Поселение Царицыно-1. Ров на завершающей стадии расчистки

1 — основание рва, вид с севера; *2* — зачистка материка, вид с северо-востока; *3* — обугленный ствол дерева в основании рва, взятый на радиоуглеродное датирование, пласт 13, 14; *4* — профиль западного борта в кв. 133, 146, 145

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

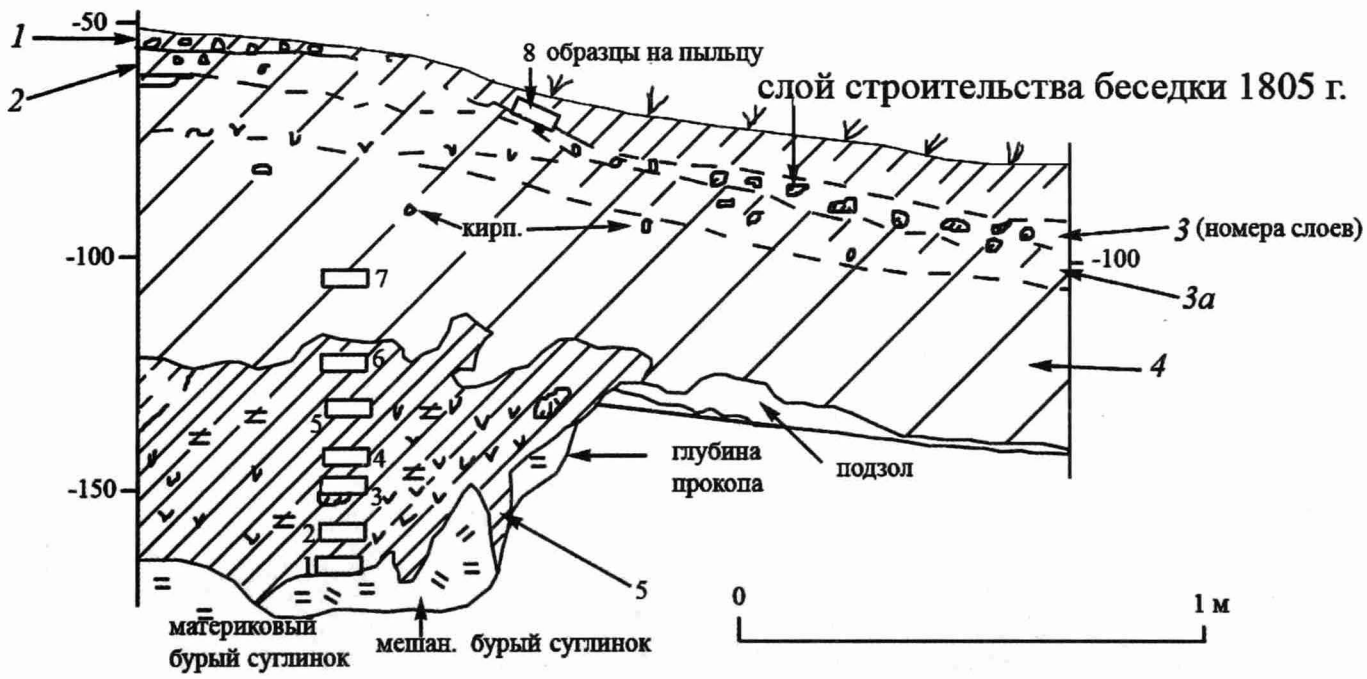

Рис. 35. Поселение Царицыно-1. Шурф 1 с выбранной ямой 2, вид с юго-запада; профиль восточной стенки шурфа 1 (внизу)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

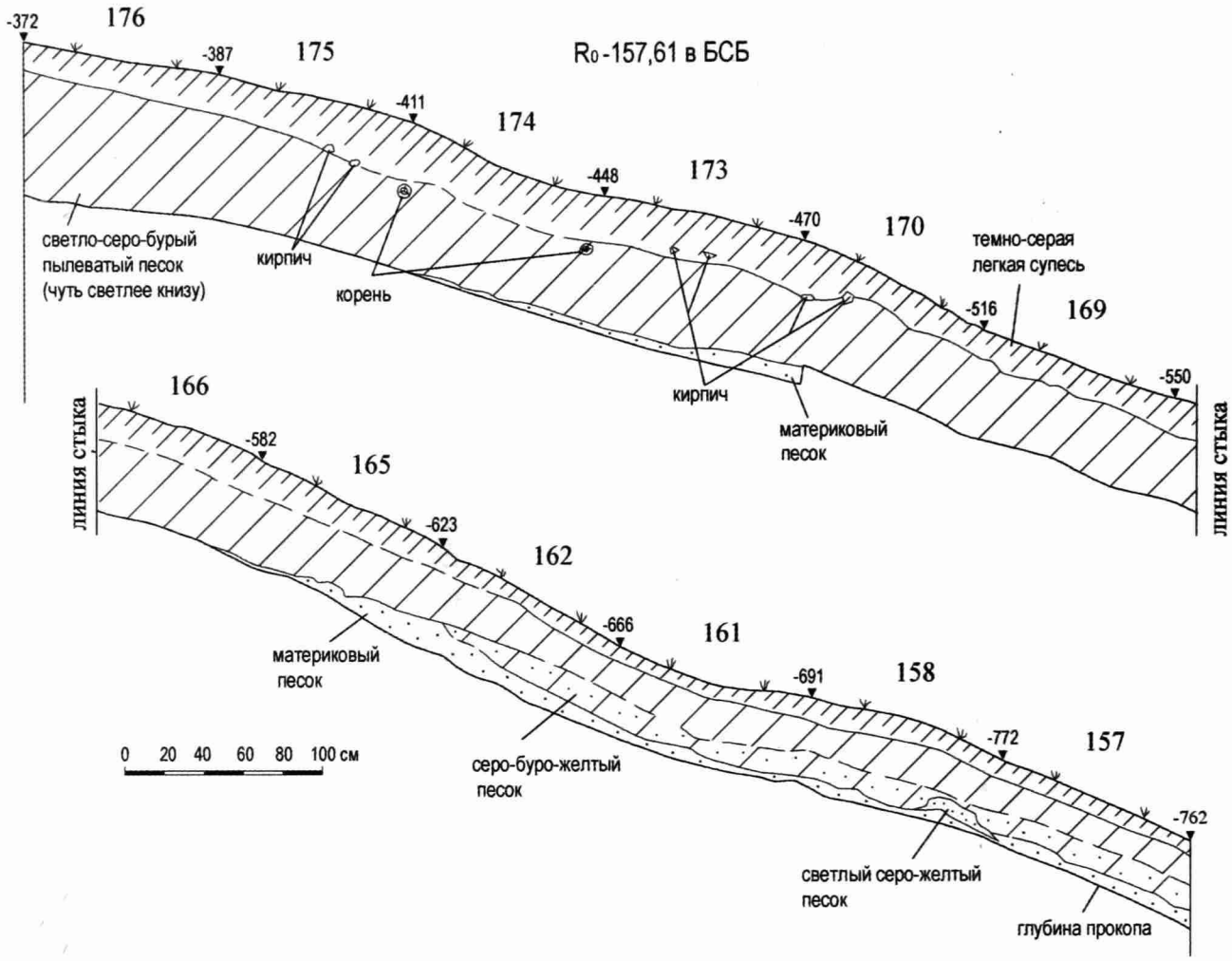

Рис. 36. Поселение Царицыно-1. Профиль южного борта раскопа 4 (вверху); вид с запада на раскоп 4 (внизу)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

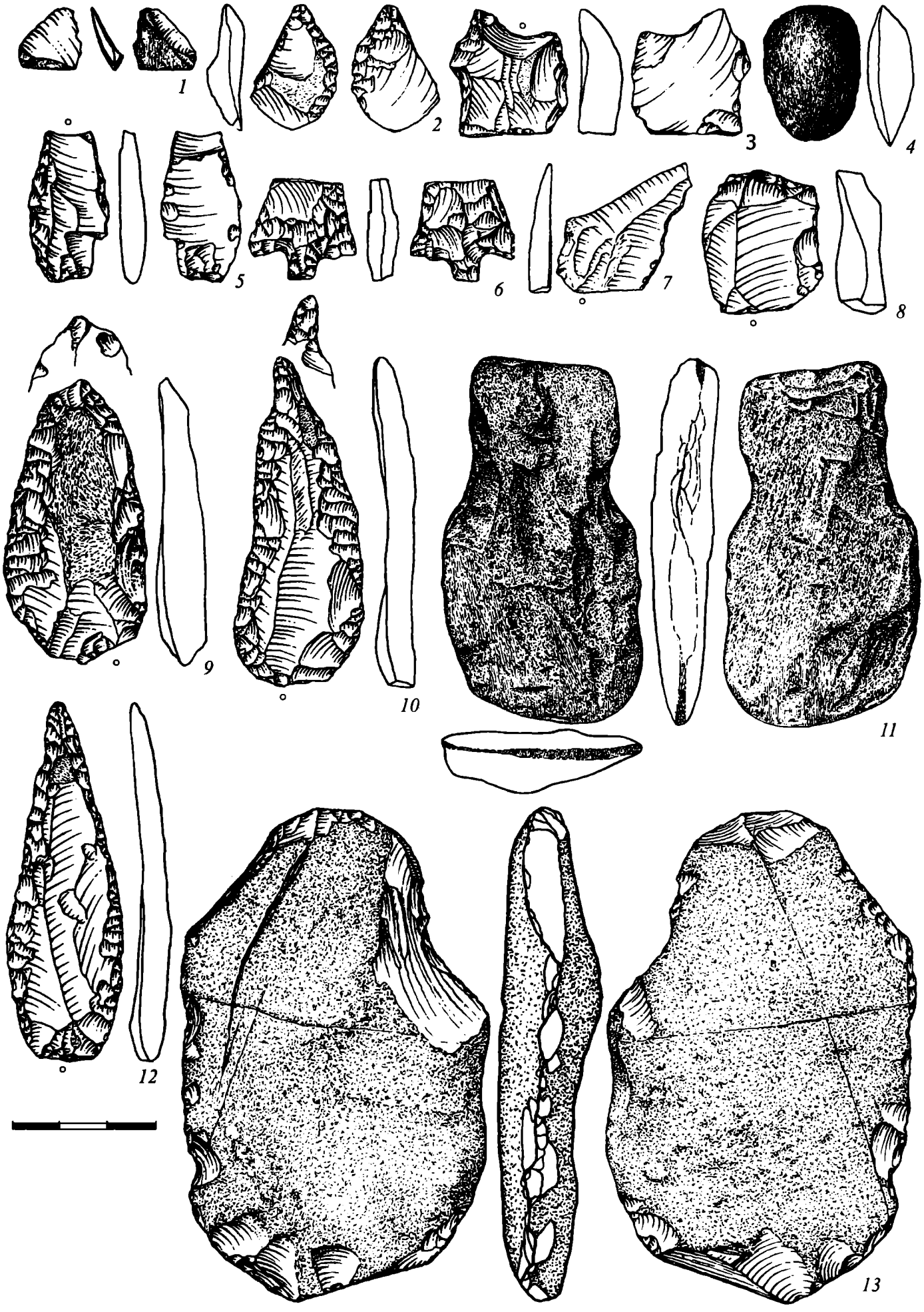

Рис. 37. Поселение Царицыно-1 (Церера). Орудия из камня

1 — фрагмент лезвия шлифованного рубящего орудия; *2* — обломок орудия; *3* –комбинированное орудие; *4* — фрагмент обушка шлифованного орудия; *5* — стамесочка (?); *6* — обломок наконечника стрелы; *7* — осколок с ретушью; *8* — концевой дублированный скребок; *9, 10, 12* — перфораторы; *11* — орудие с перехватом со шлифовкой из сланца; *13* — кремневая конкреция с оббивкой

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

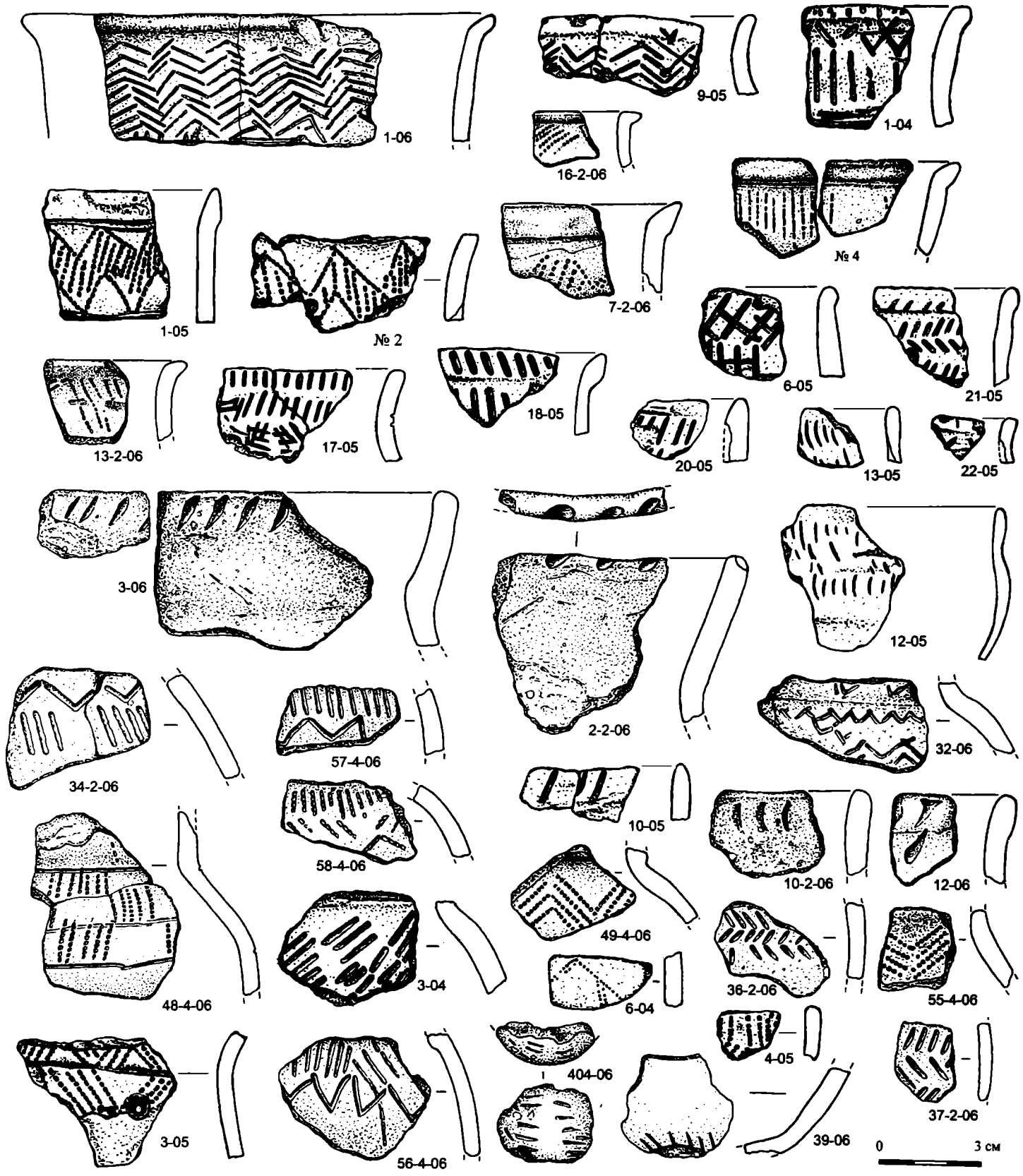

Рис. 38. Поселение Царицыно-1 (Церера). Орнаментированная керамика бронзового века (фатьяновская культура)

Номера соответствуют коллекционной описи, последние цифры — год раскопок

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

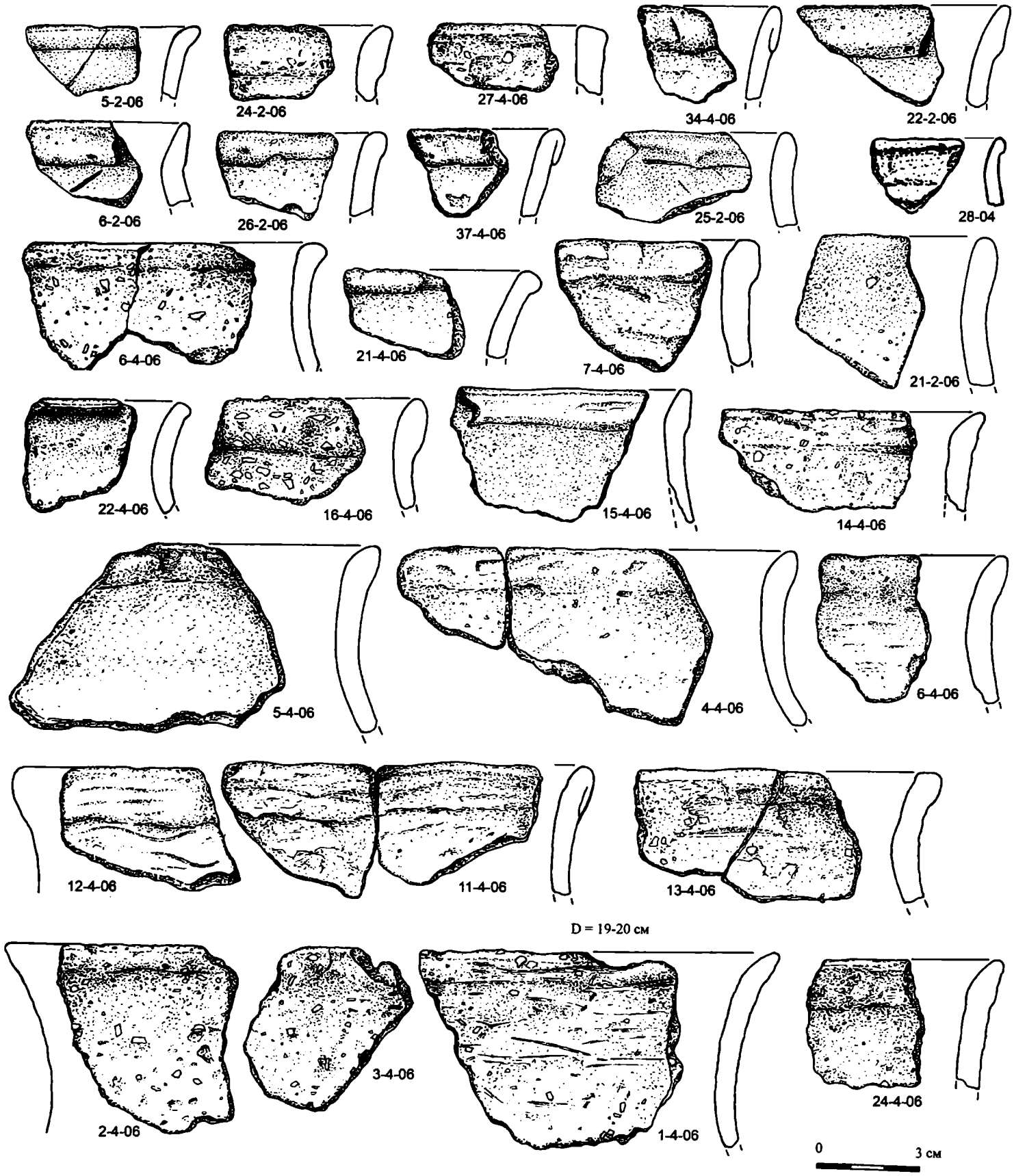

Рис. 39. Поселение Царицыно-1 (Церера). Неорнаментированная грубая керамика бронзового века (фатьяновская культура)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

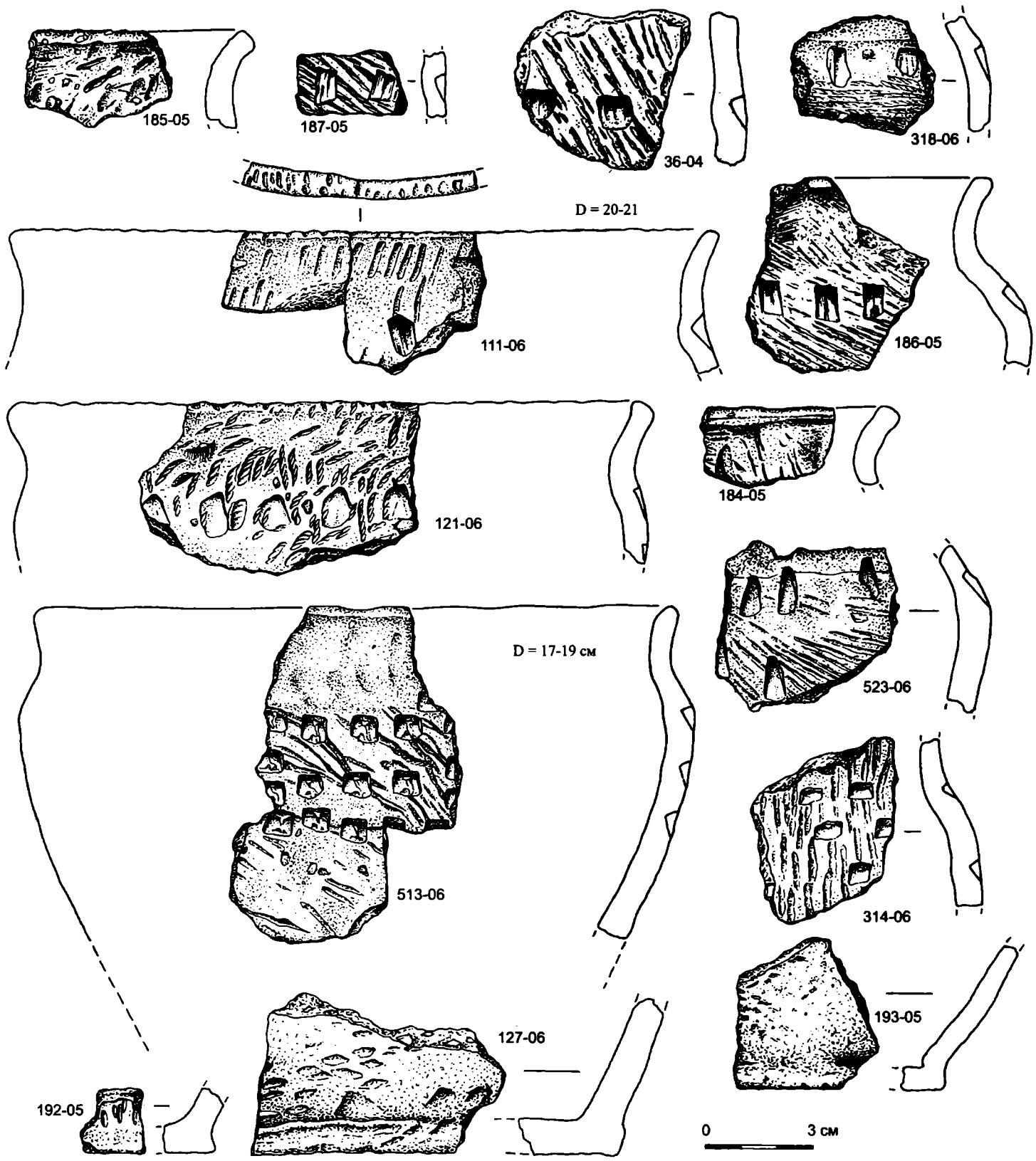

Рис. 40. Поселение Царицыно-1 (Церера). Текстильная керамика рубежа бронзового–железного веков, орнаментированная вдавлениями «наклонной палочки»
Номера соответствуют коллекционной описи

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

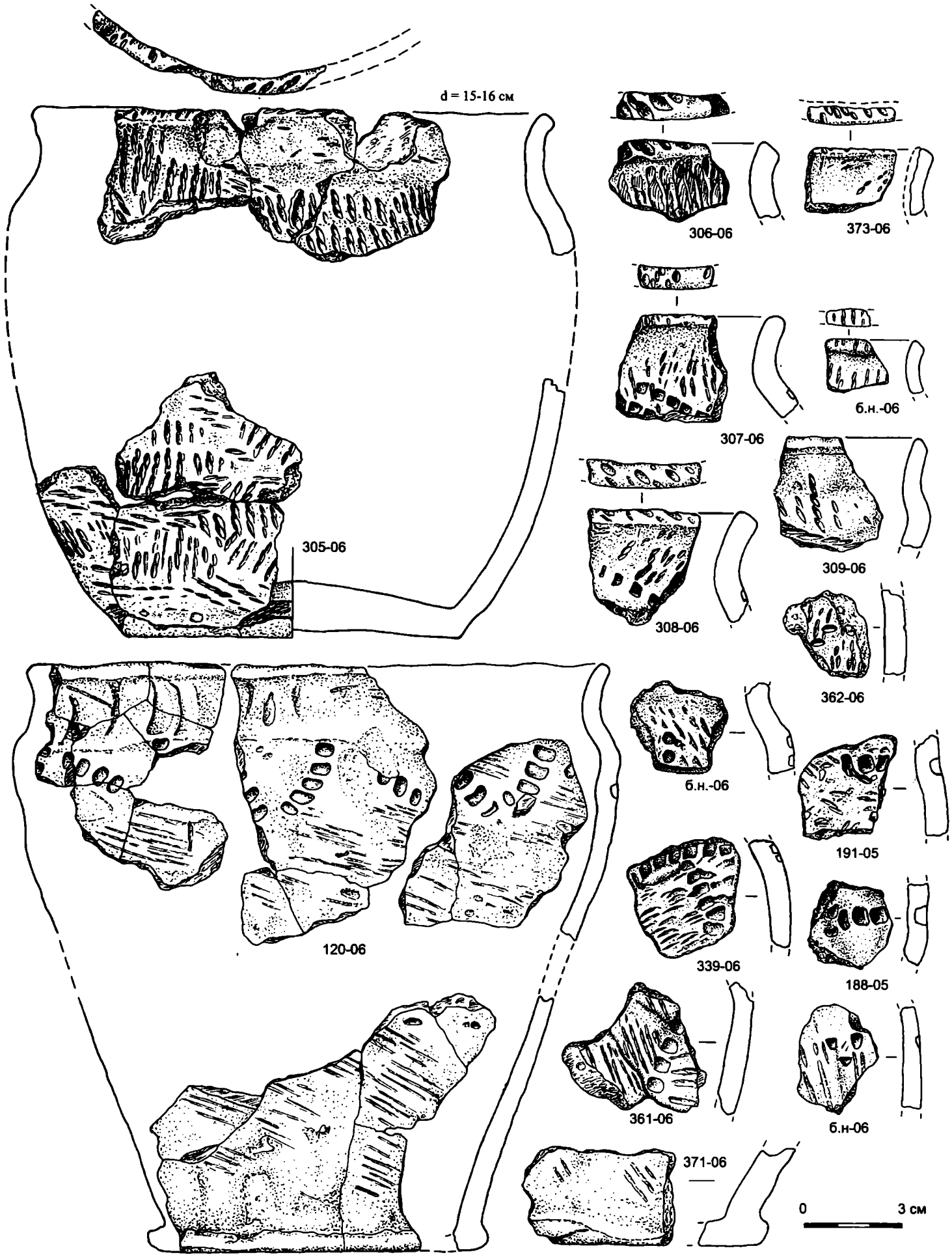

Рис. 41. Поселение Царицыно-1 (Церера). Текстильная керамика рубежа бронзового–железного веков, орнаментированная гребенчатым штампом

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

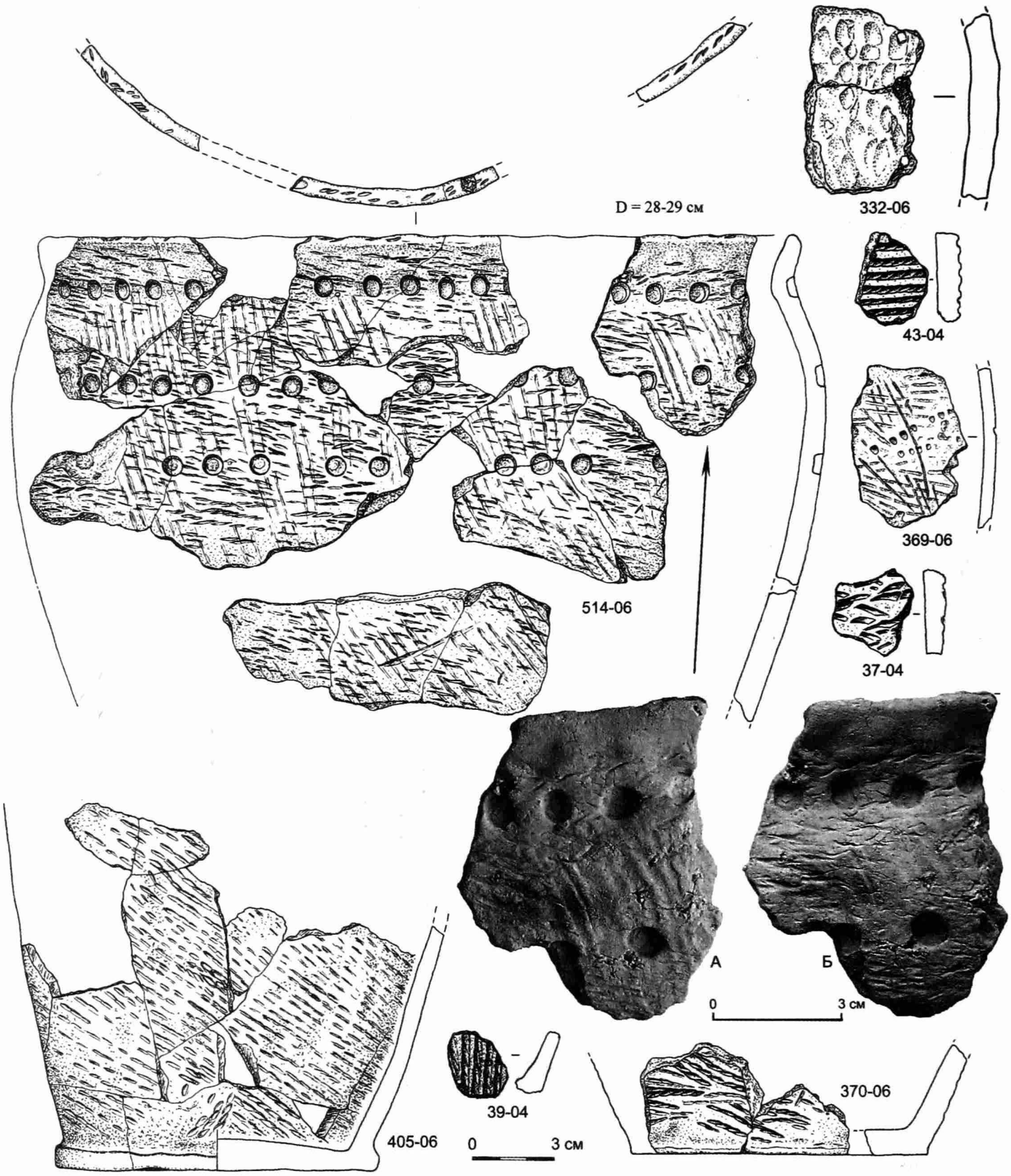

Рис. 42. Поселение Царицыно-1 (Церера).
Текстильная керамика рубежа бронзового–железного веков

Номера соответствуют описи.

А, Б — фрагмент от горшка № 514-06, снятый под разными углами освещения

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

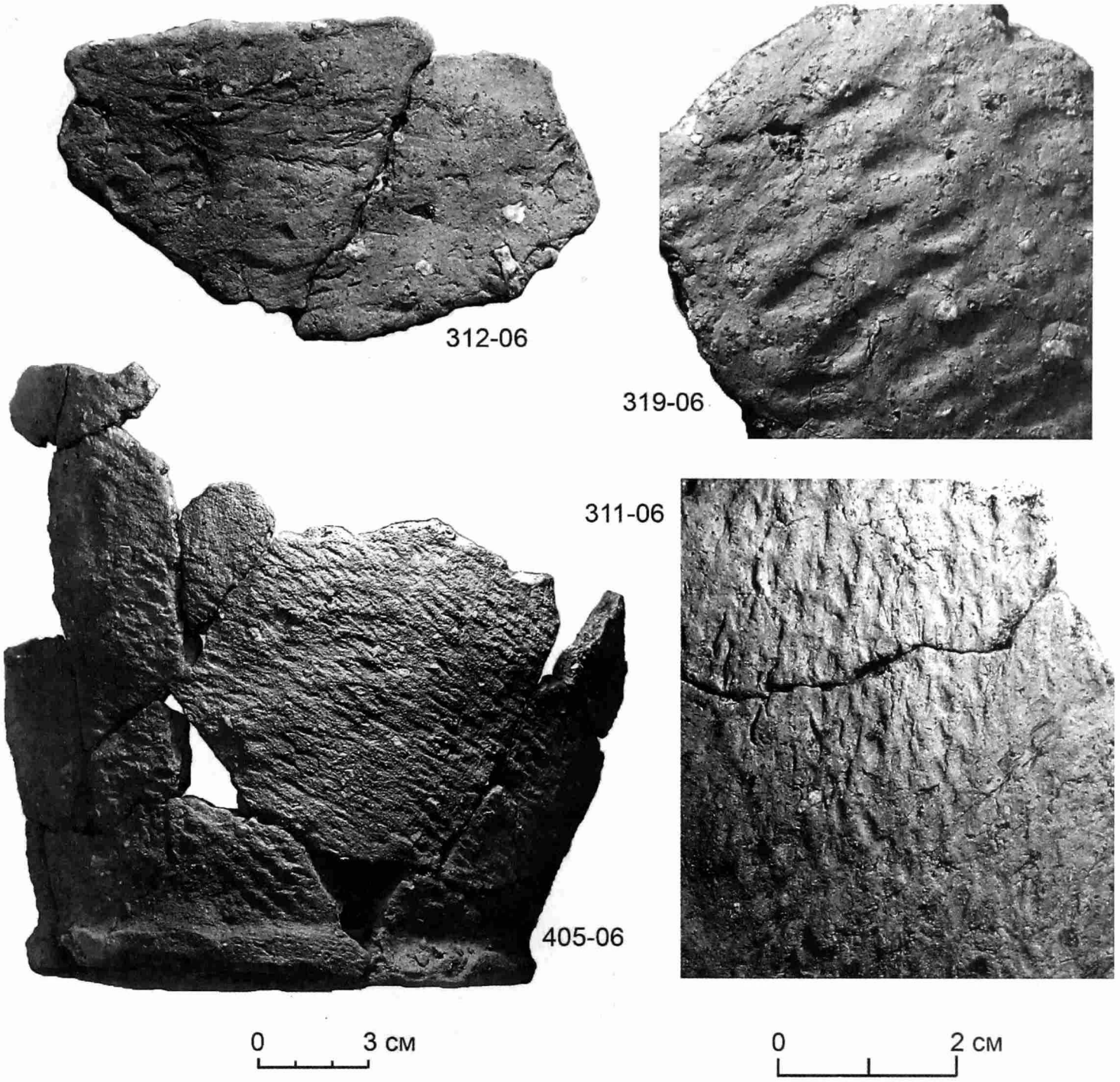

Рис. 43. Поселение Царицыно-1 (Церера). Фактура текстильных отпечатков на керамике

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

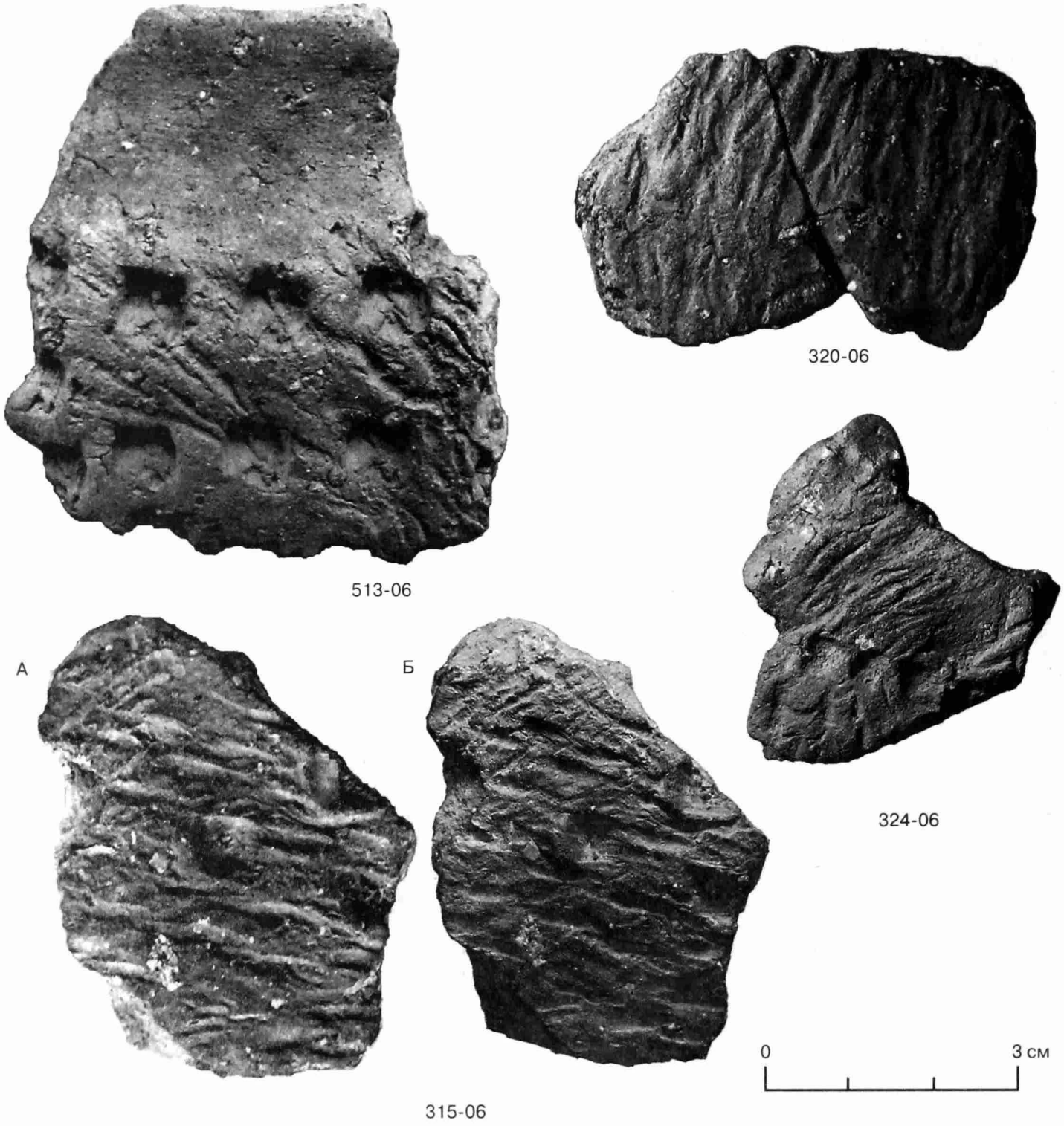

Рис. 44. Поселение Царицыно-1 (Церера). Орнамент и фактура текстильных отпечатков на керамике
А, Б — фрагмент № 315-06, снятый под разными углами освещения

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

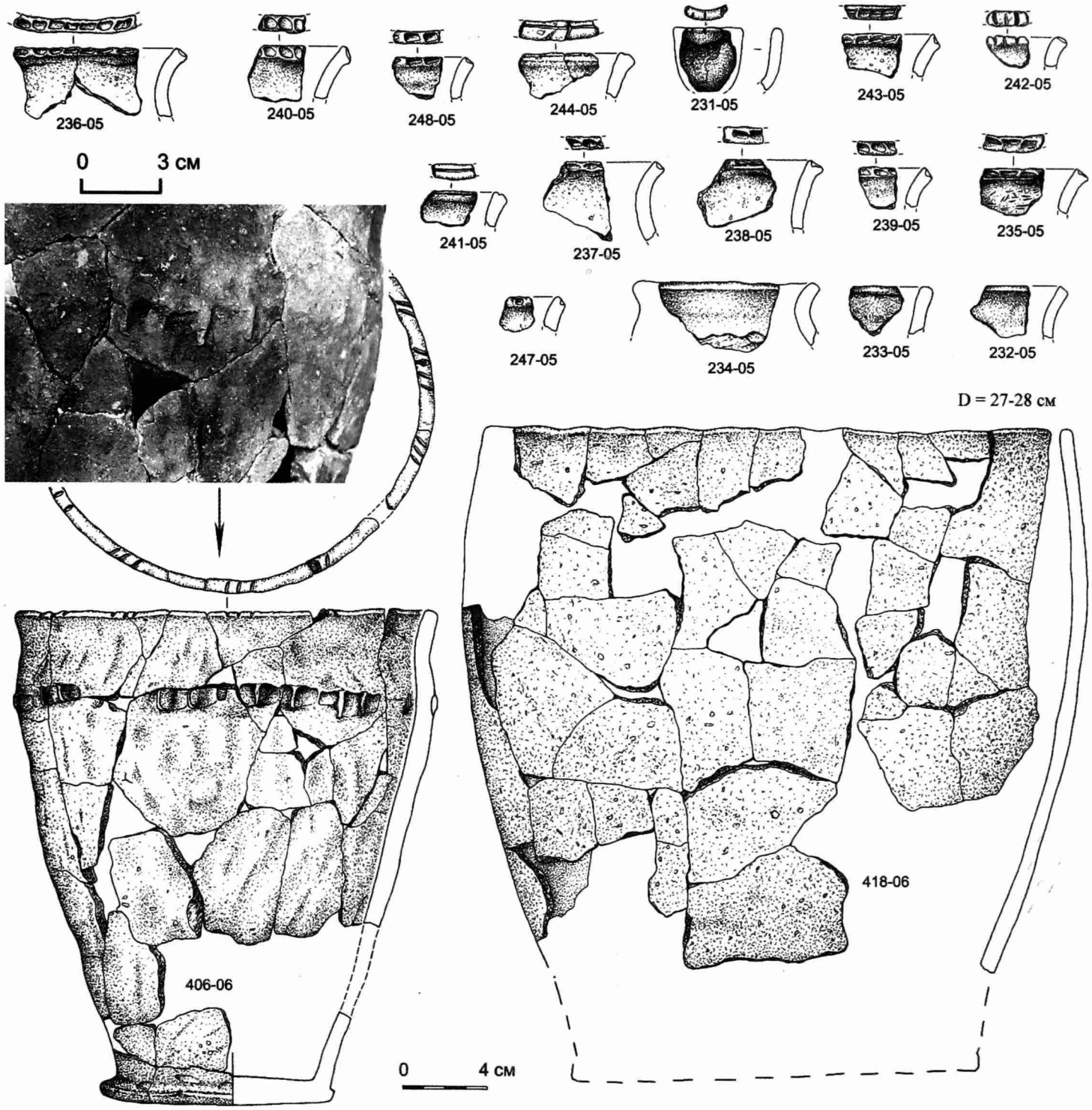

Рис. 45. Поселение Царицыно-1 (Церера). Гладкостенная керамика железного века
Горшок № 406-06 — со дна рва

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

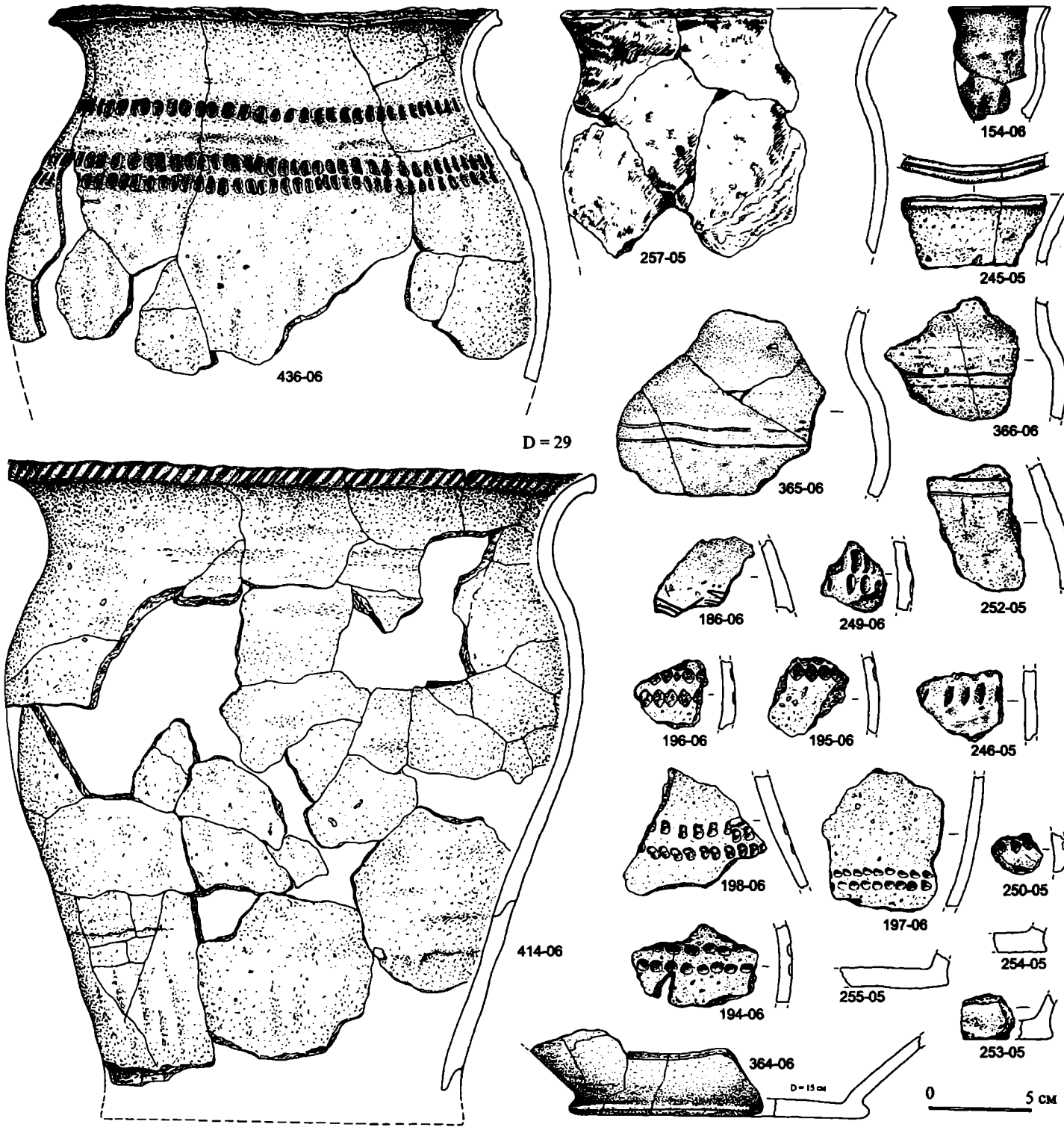

Рис. 46. Поселение Царицыно-1 (Церера).
Гладкостенная позднедьяковская керамика первых веков н.э.
Горшки № 436-06 и № 414-06 — из заполнения рва; горшок № 257-05 — из заполнения ямы 1;
№ 364-06 — развал придонной части подлощеной миски

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

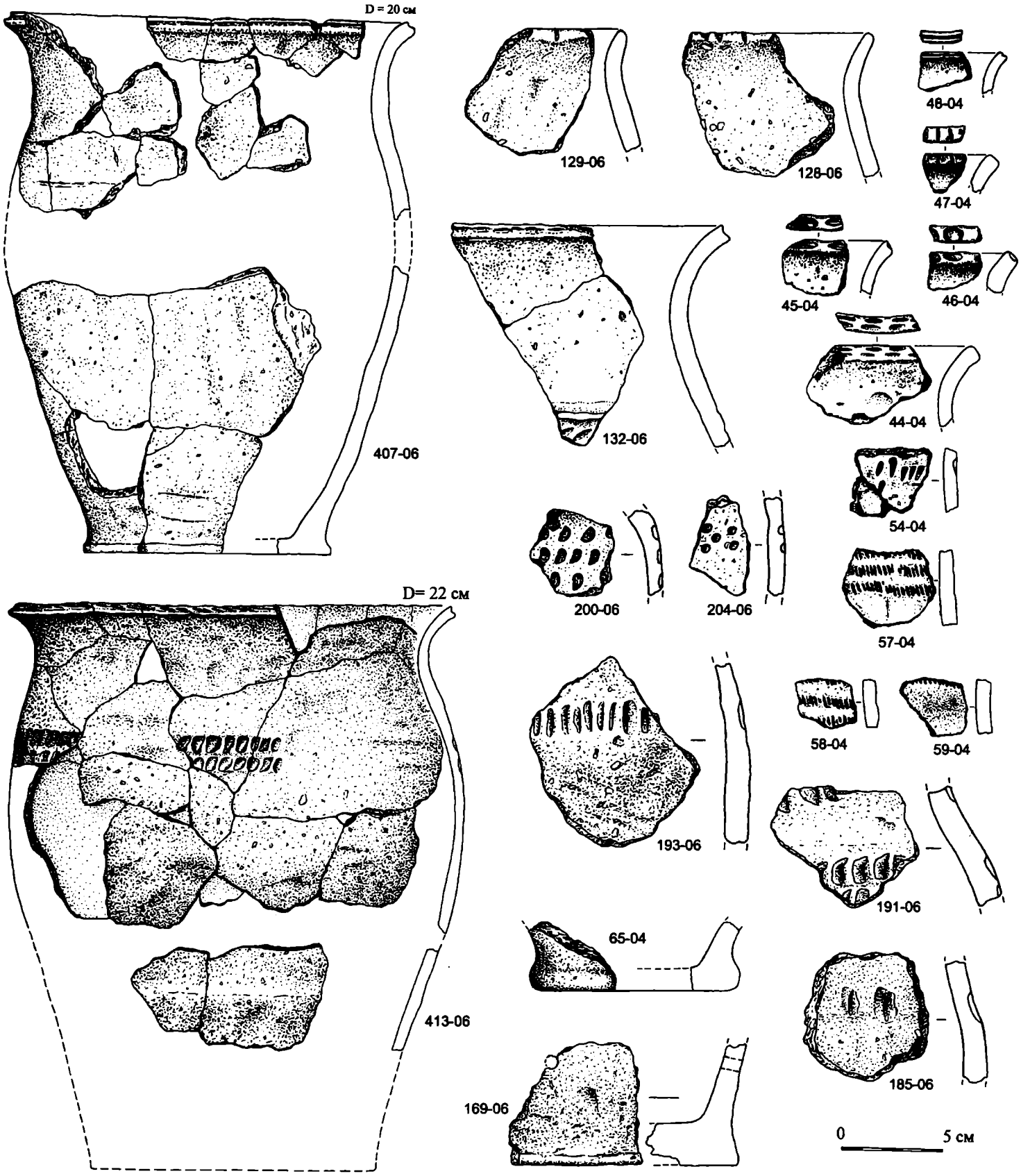

Рис. 47. Поселение Царицыно-1 (Церера).
Гладкостенная керамика железного века
Горшки № 407-06 — ров, из заполнения ямы 8; № 413-06 — из заполнения рва

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

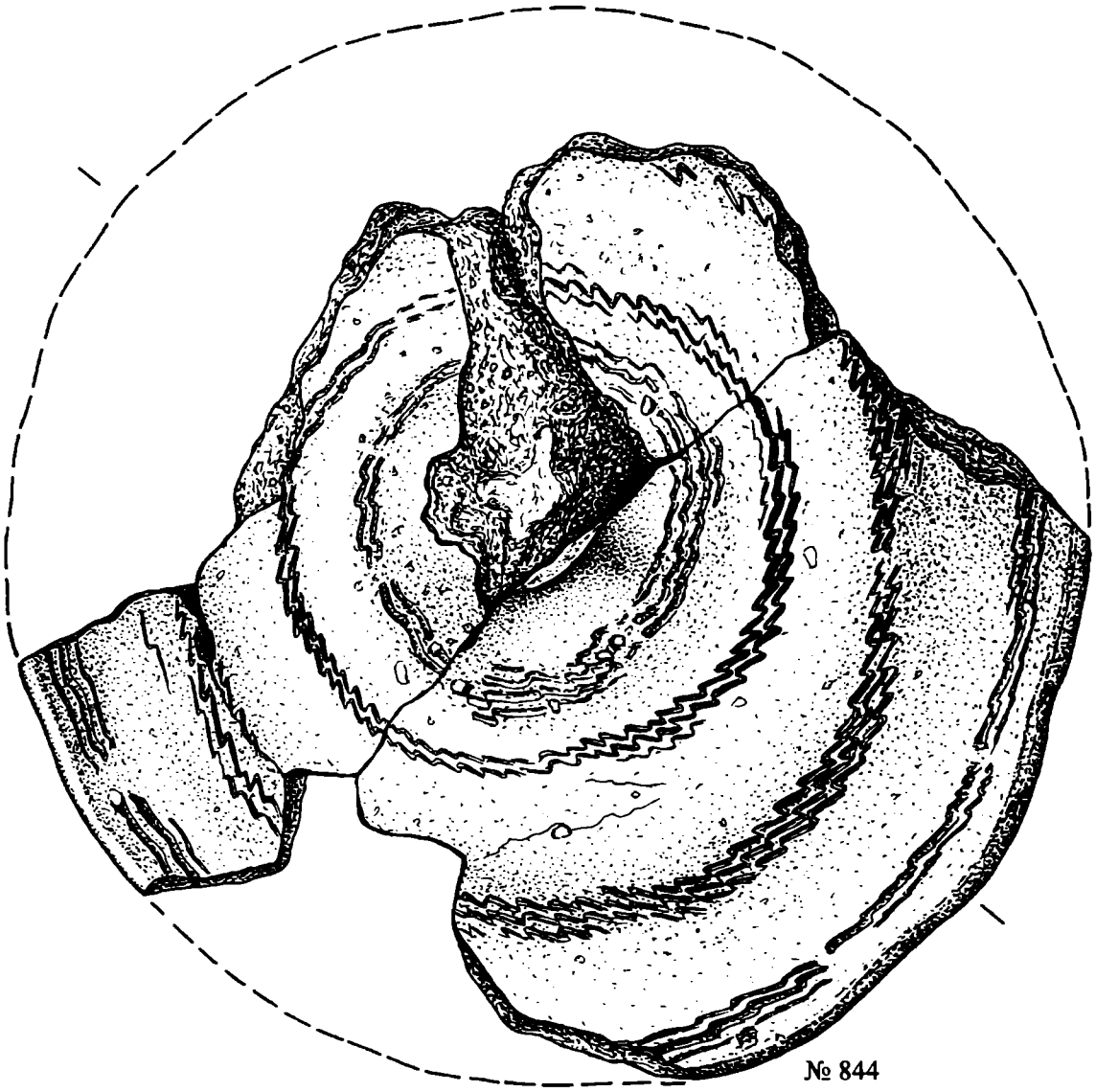

Рис. 48. Поселение Царицыно-1. Древнерусский лепной «сковородообразный» светильник (?)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

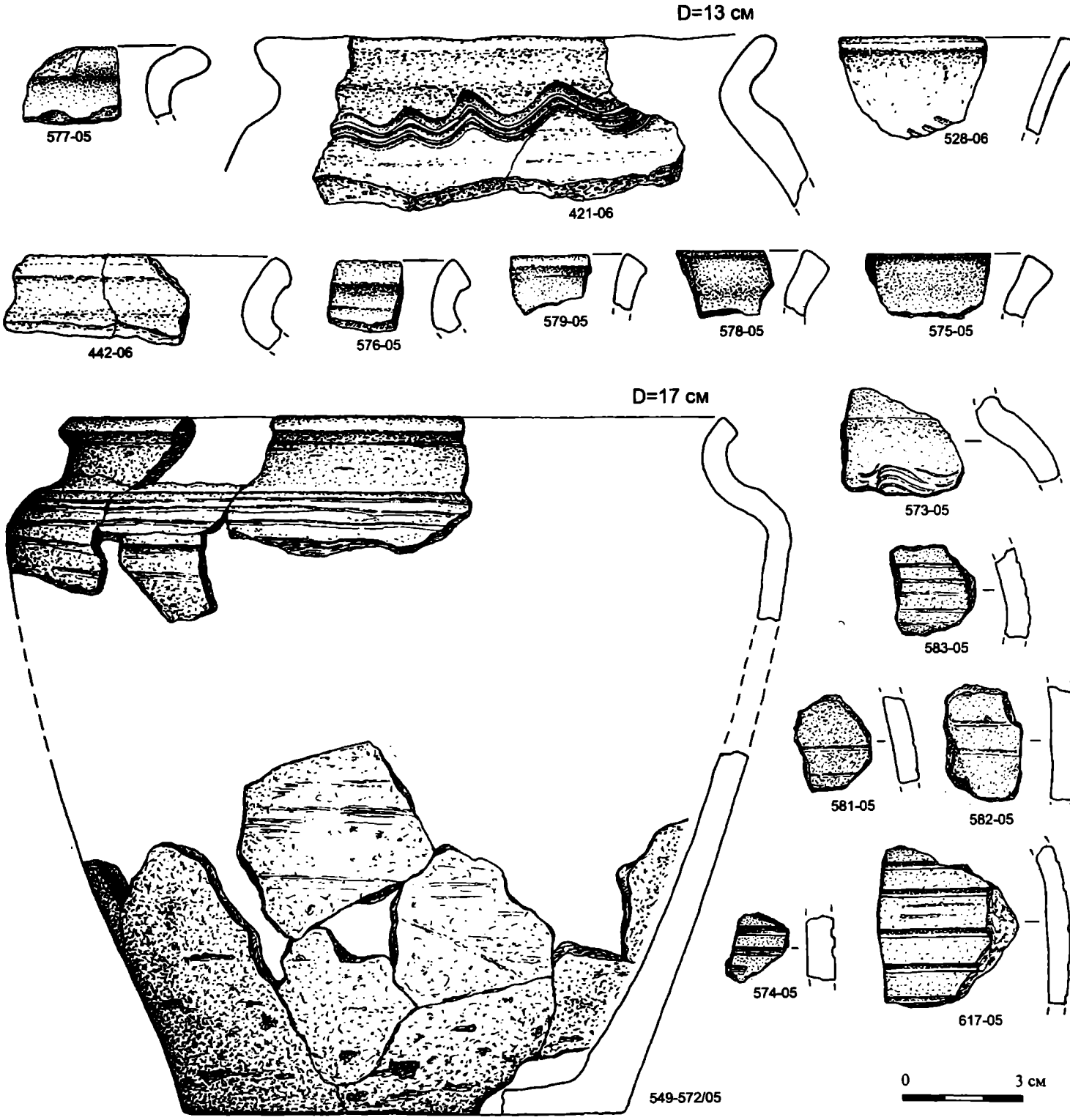

Рис. 49. Поселение Царицыно-1 (Церера). Керамика
Курганная XII–XIII вв. (№ 573-05 и 574-05),
сероглиняная XIII в. (№ 577-05) и красноглиняная грубая. XIV–XV вв.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

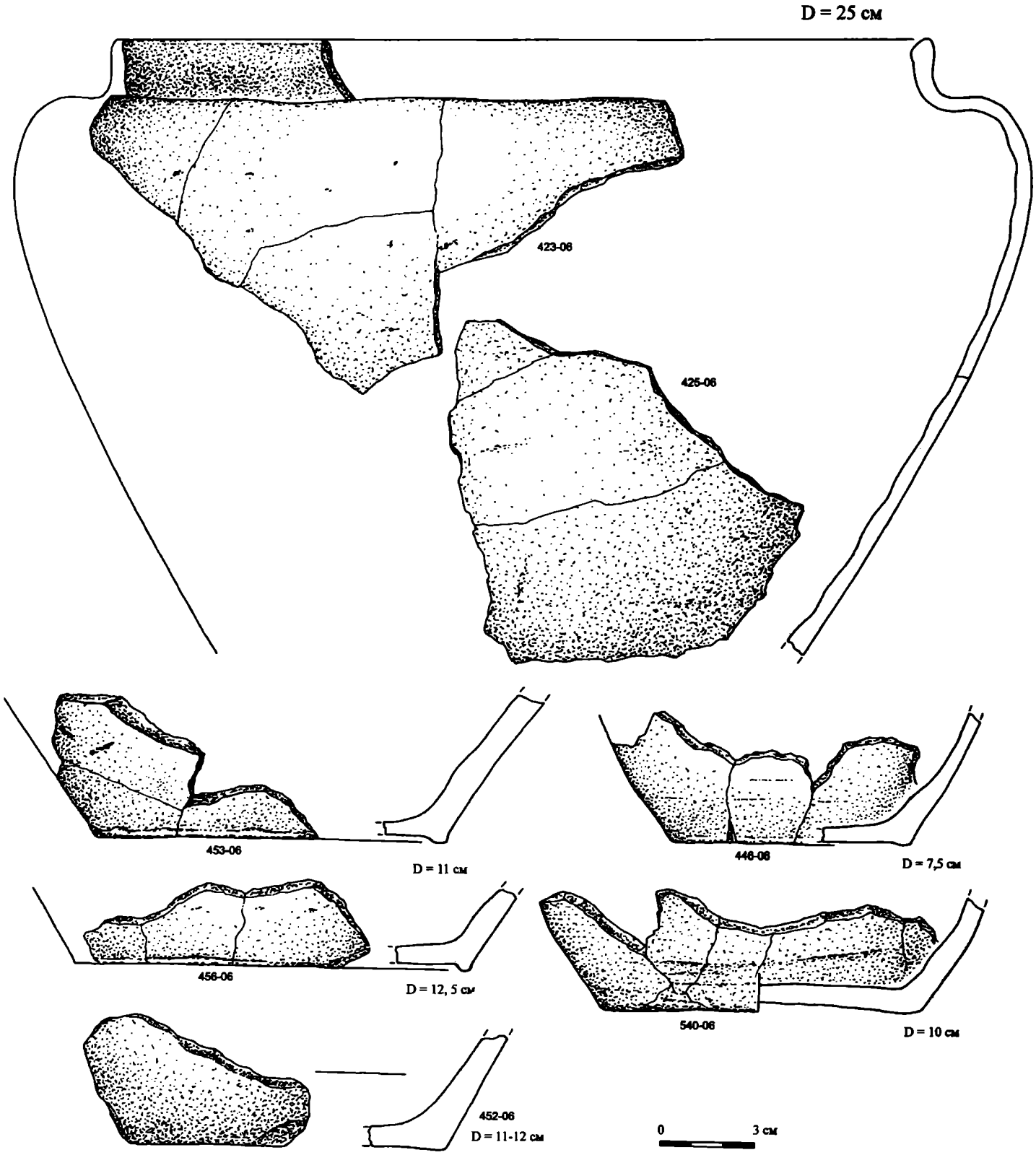

Рис. 50. Поселение Царицыно-1 (Церера).
Красноглиняная гладкая керамика конца XV — начала XVI в.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

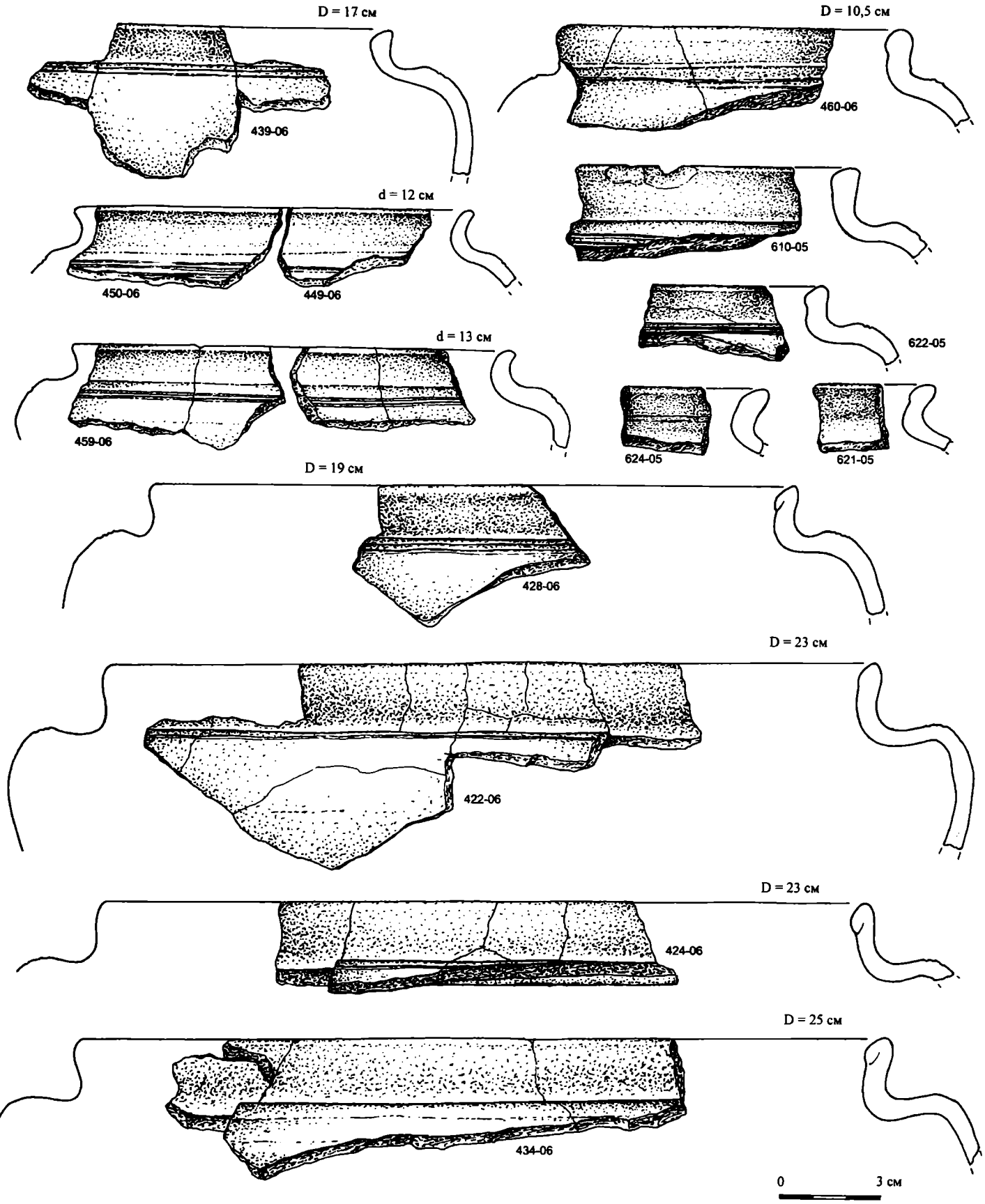

Рис. 51. Поселение Царицыно-1 (Церера).
Красноглиняная гладкая керамика конца XV — начала XVI в.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 52. Поселение Царицыно-1 (Церера). Керамика

Фрагменты красноглиняных лощеных полосами кувшинов XV в. и фрагмент ангобированный пятнами (№ 435-06)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

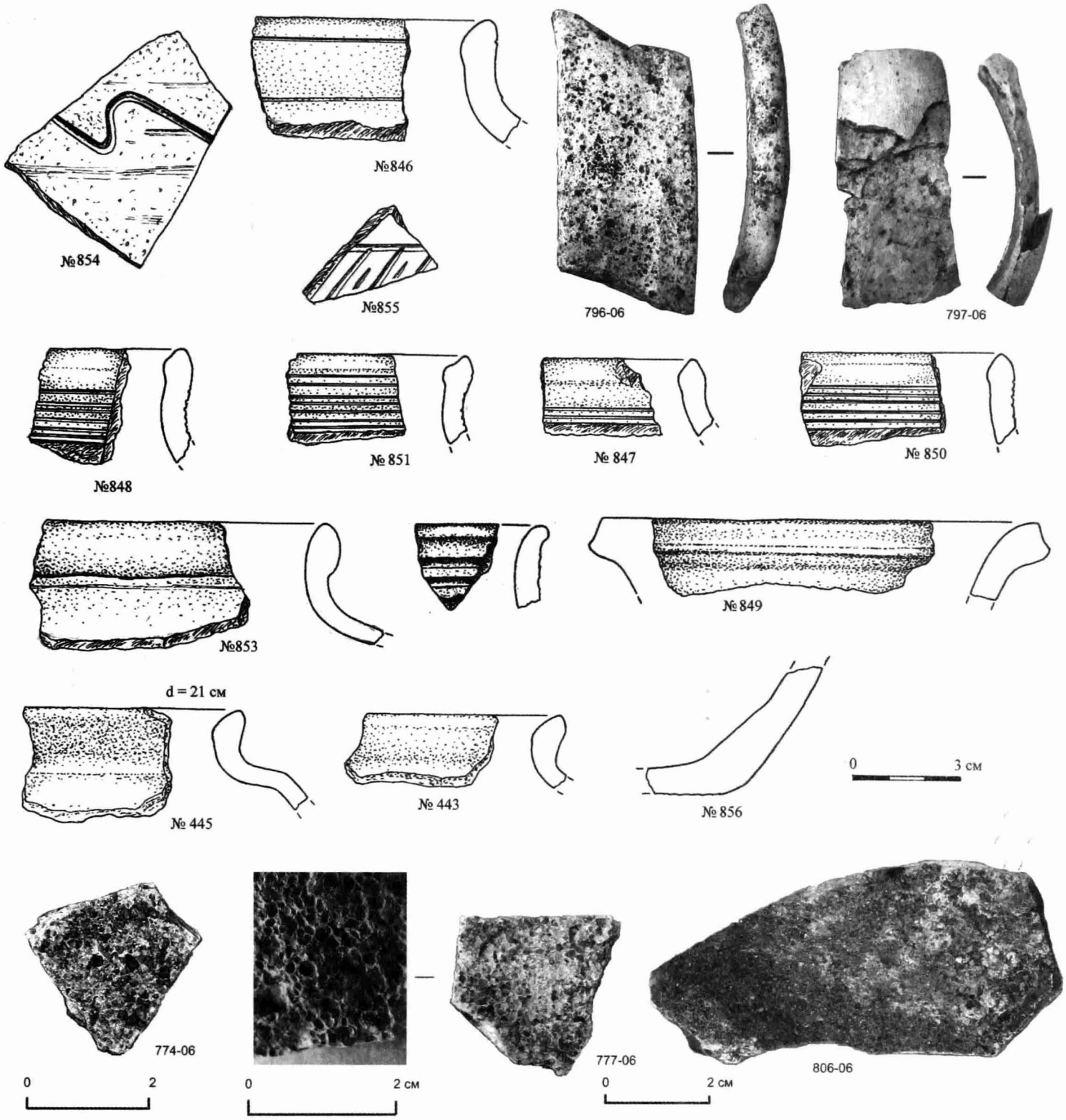

Рис. 53. Поселение Царицыно-1 (Церера). Керамика

Белоглиняная керамика XV–XVI вв и конца XVII в. (№ 846). Нижний ряд — фотографии поверхности днищ белоглиняных горшков с подсыпкой дресвы и крупнозернистого песка

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

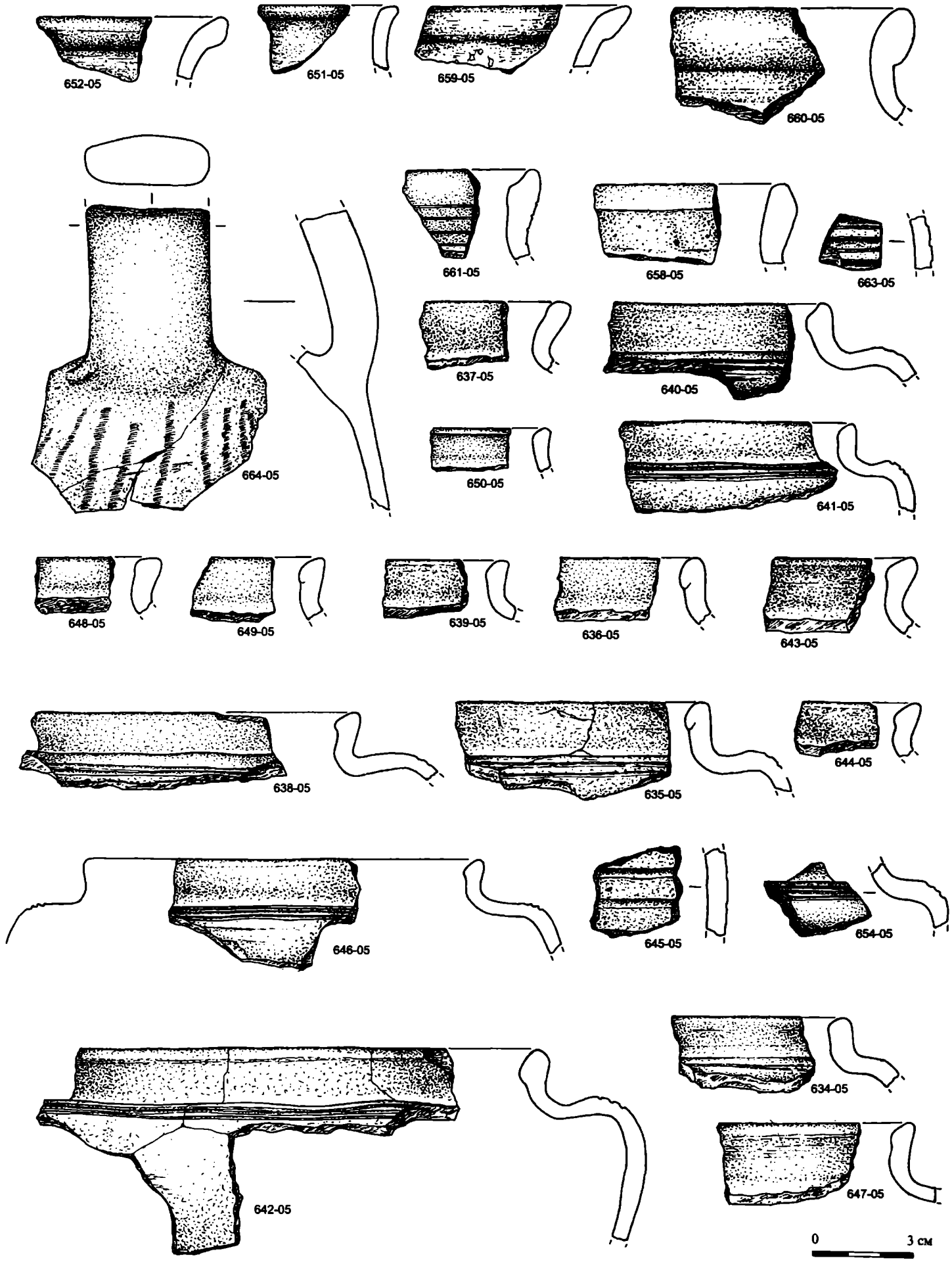

Рис. 54. Поселение Царицыно-1. Комплекс керамики XIII–XVI вв. из заполнения ямы 2 в шурфе 1

Сероглиняная (№ 645-05); красноглиняная гладкая, красноглиняная лощеная полосами (№ 664-05); белоглиняная грубая (№ 659-05, 660-05, 663-05), шероховатая (№ 658-05), гладкая ранняя (№ 661-05)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

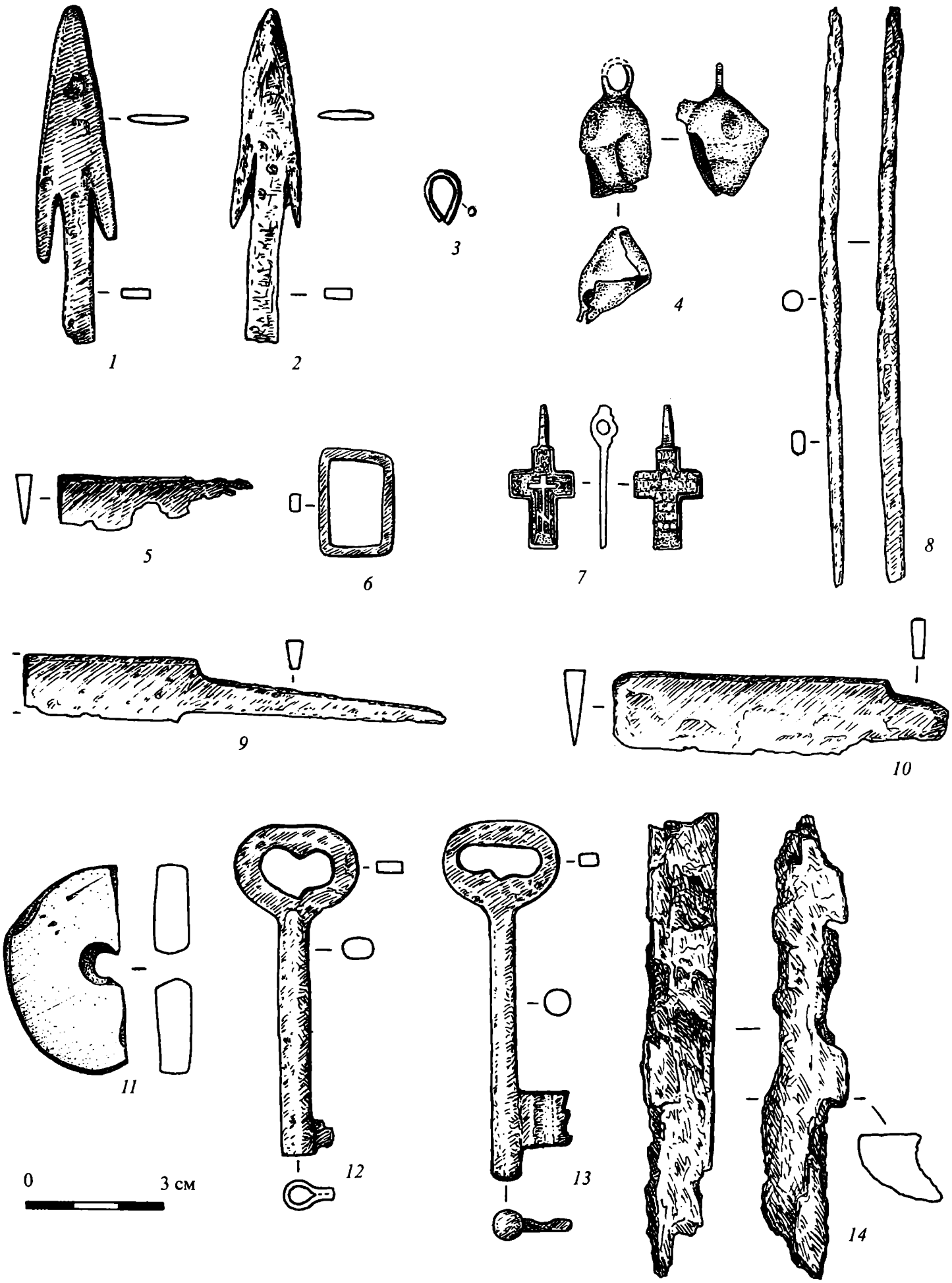

Рис. 55. Поселение Царицыно-1 (Церера). Вещевые находки

1, 2 — двушипные стрелы первых веков н.э. (заполнение рва, яма № 1); *3* — петелька из проволоки; *4* — крестопрорезной бубенчик XII в.; *5, 9, 10* — ножи средневековые; *6* — пряжка; *7* — нательный крестик XVIII–XIX вв.; *8* — шило (?); *11* — пряслице из стенки белоглиняного горшка из заполнения ямы 2; *12, 13* — ключи от навесных замков, XX в. *14* — осколок зенитного снаряда 1941 г.

1, 2, 5, 6, 8–10, 12–14 — железо; *3, 4, 7* — бронза; *11* — глина

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

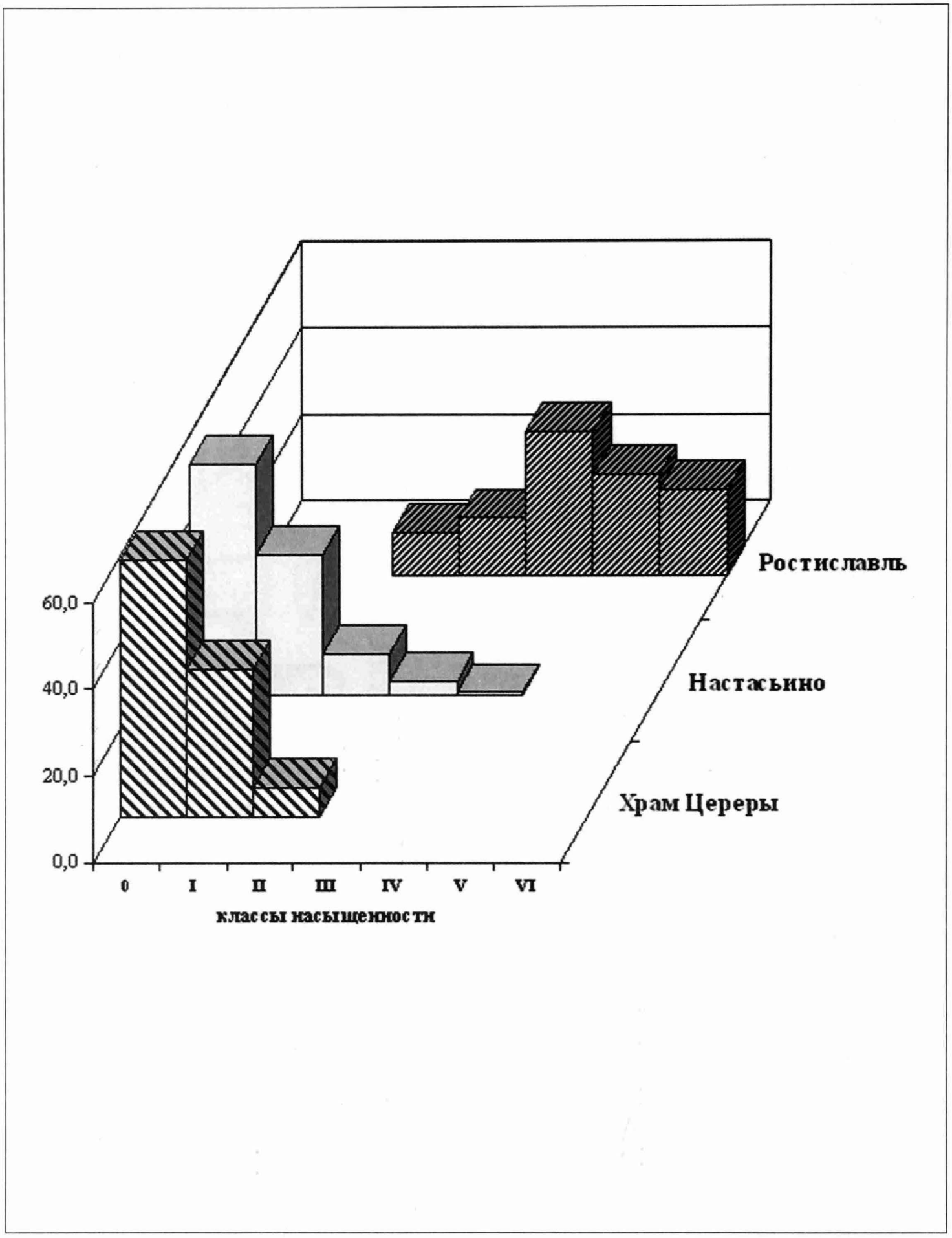

Рис. 56. Распределение по шкале насыщенности макроостатками культурных растений образцов с поселений дьяковской культуры: городища Ростиславль, Настасьино, Царицыно-1 (Церера)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

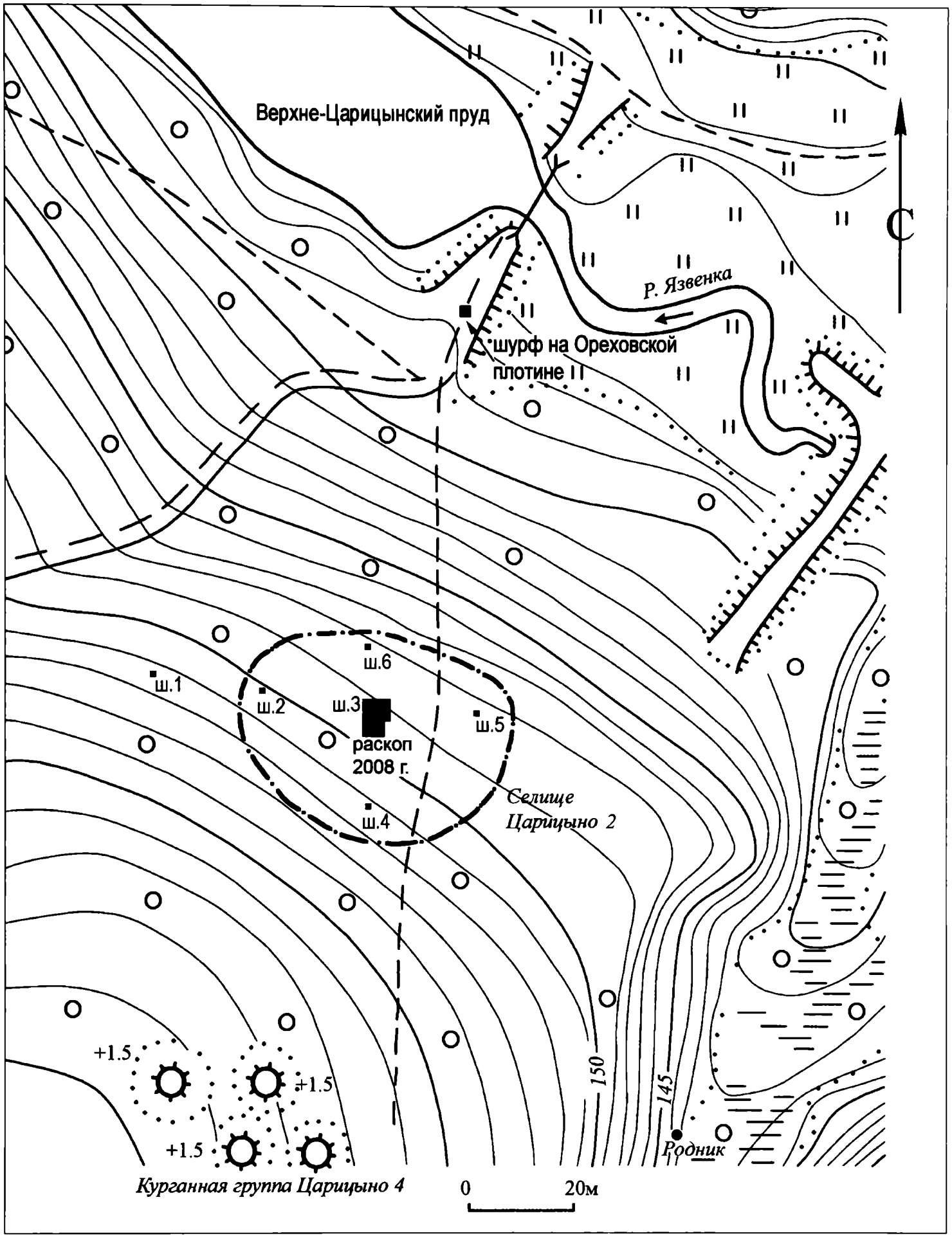

Рис. 57. План селища Царицыно-2 (шурфы 2004 г.), Ореховская плотина (шурф 2005 г.)
Топографическая основа 1982 г., горизонтали через 1 м

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

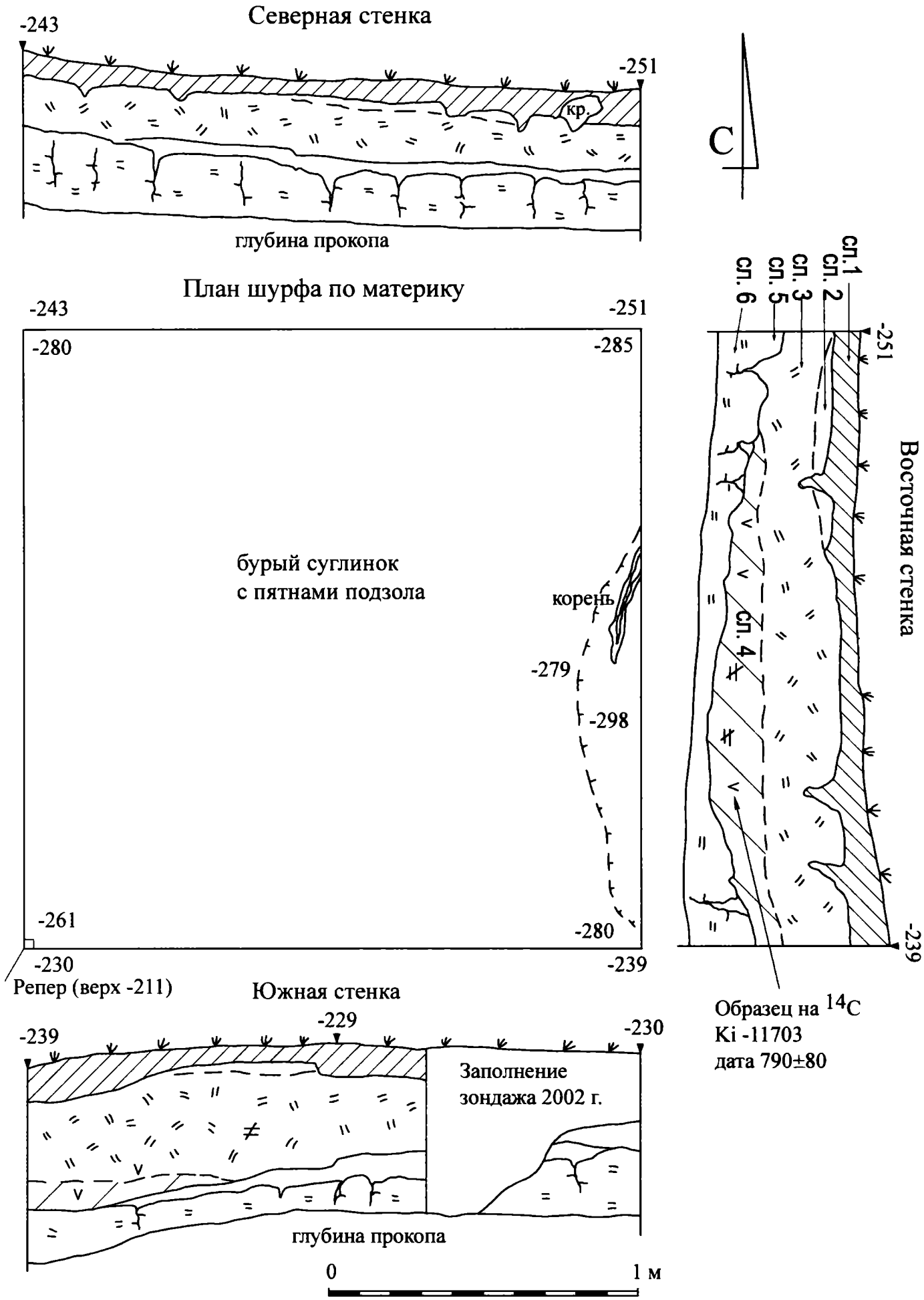

Рис. 58. Селище Царицыно-2. Шурф № 3 (2004 г.)
Описание слоев см. в тексте

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

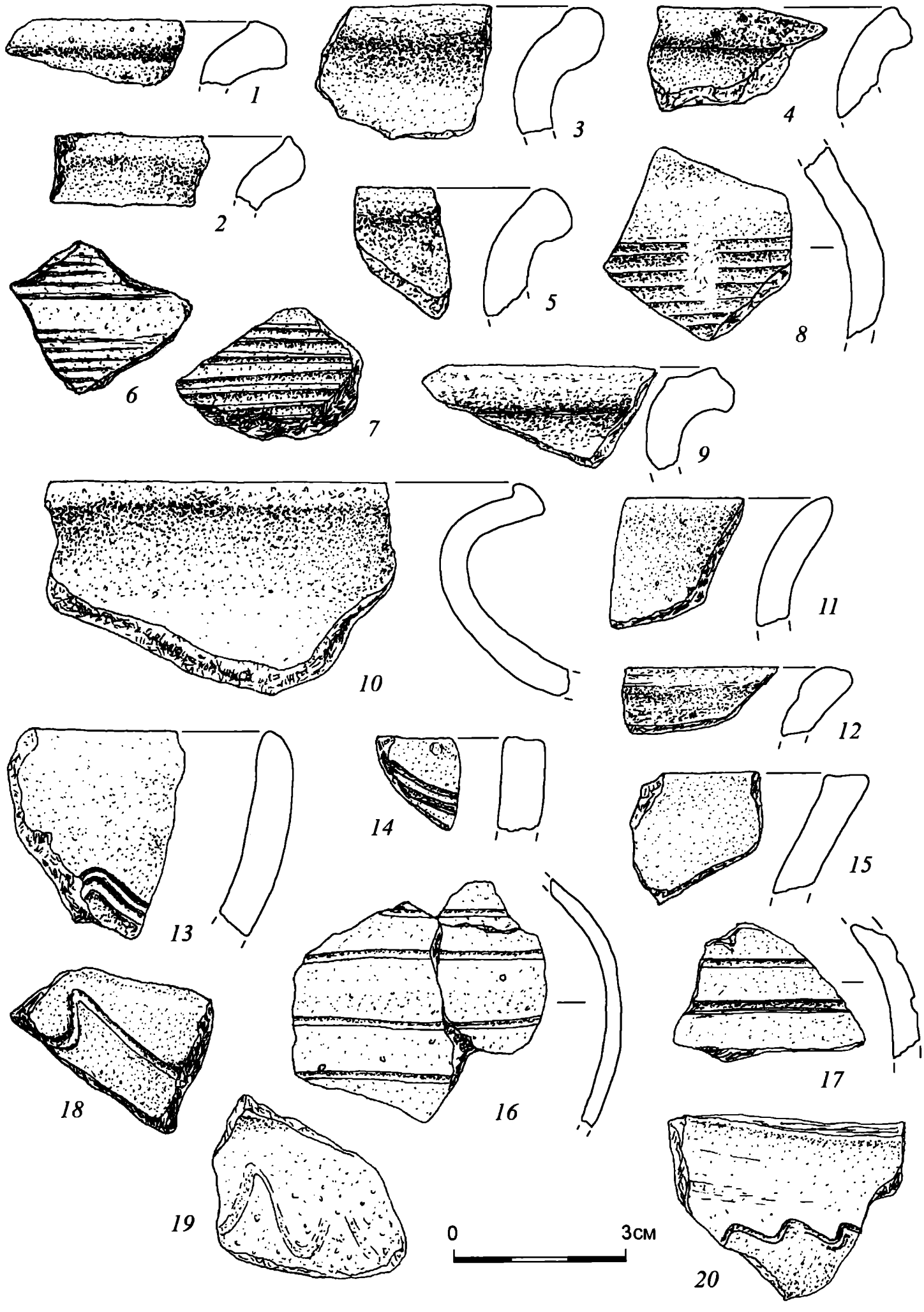

Рис. 59. Селище Царицыно-2. Керамика XII–XIV вв.
1–9 — курганная; *10–20* — сероглиняная и красноглиняная грубая

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

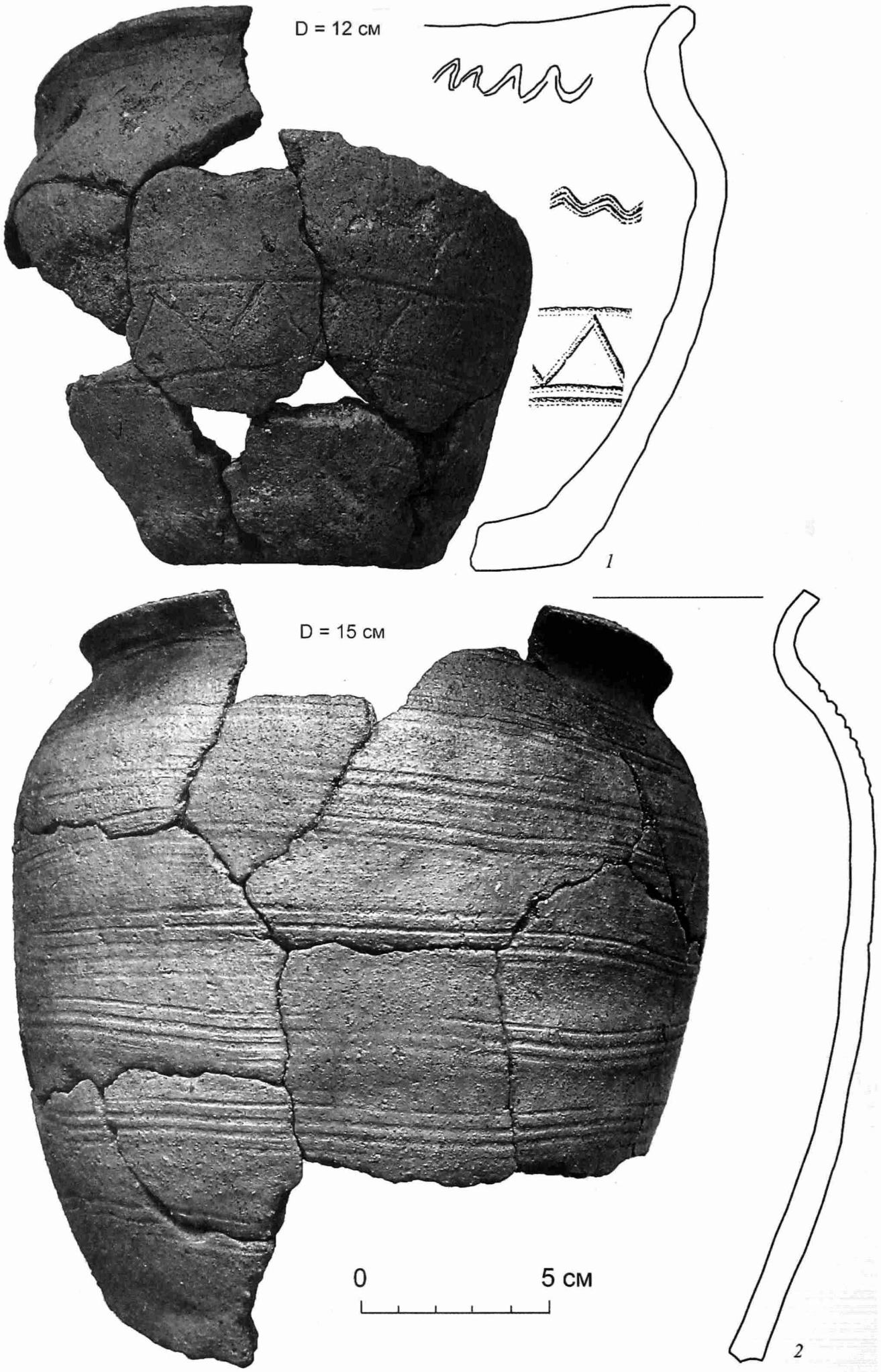

Рис. 59а. Керамика XII–XIII в. с селища Царицыно-2. Раскоп 2008 г., яма № 2

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

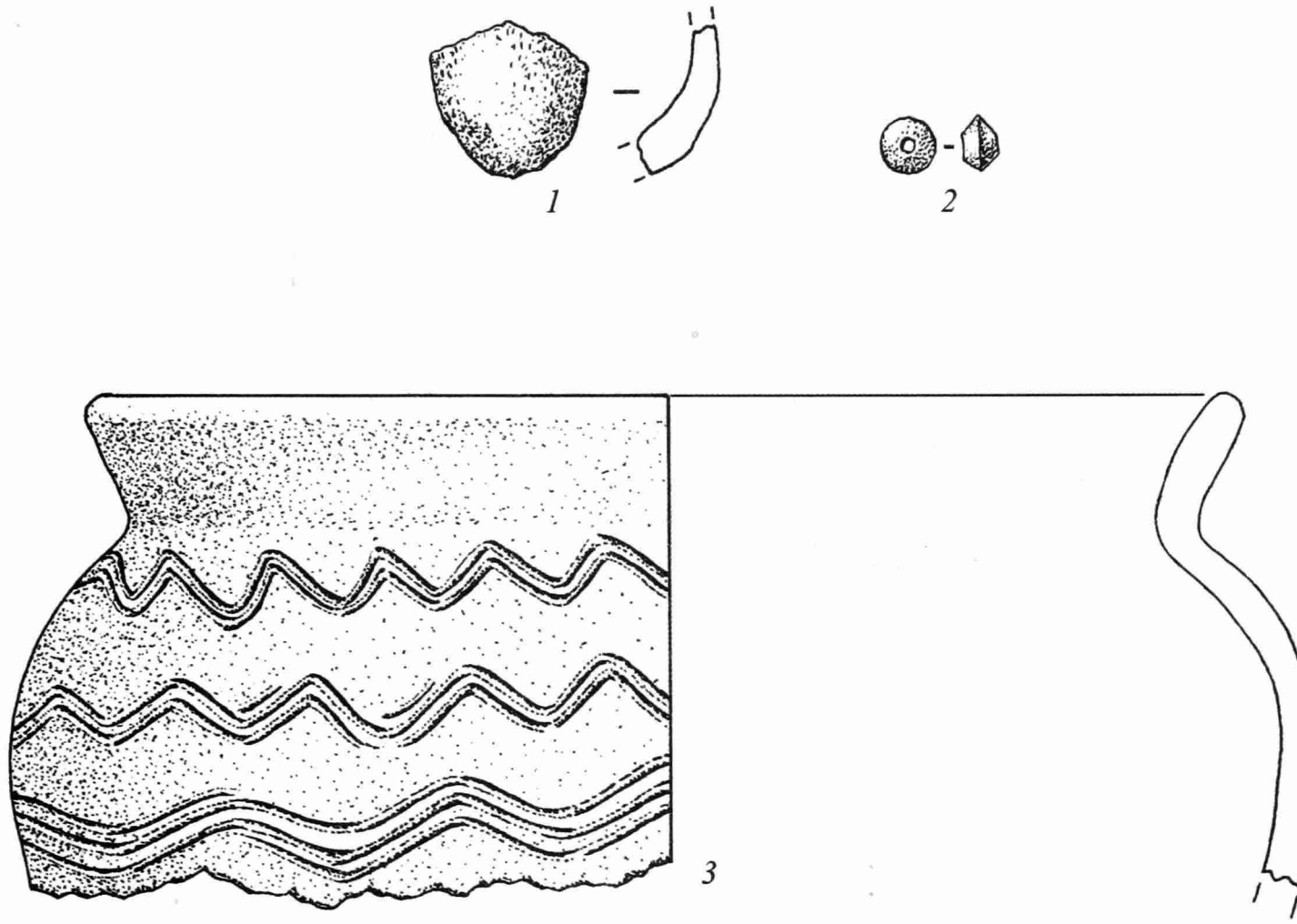

Рис. 59 б. Керамика XII–XIII вв. с селища Царицыно-2. Раскоп 2008 г.
1 – фрагмент тигля, 2 – стеклянная бусина бирюзового цвета, 3 – горшок, 4 – миска

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

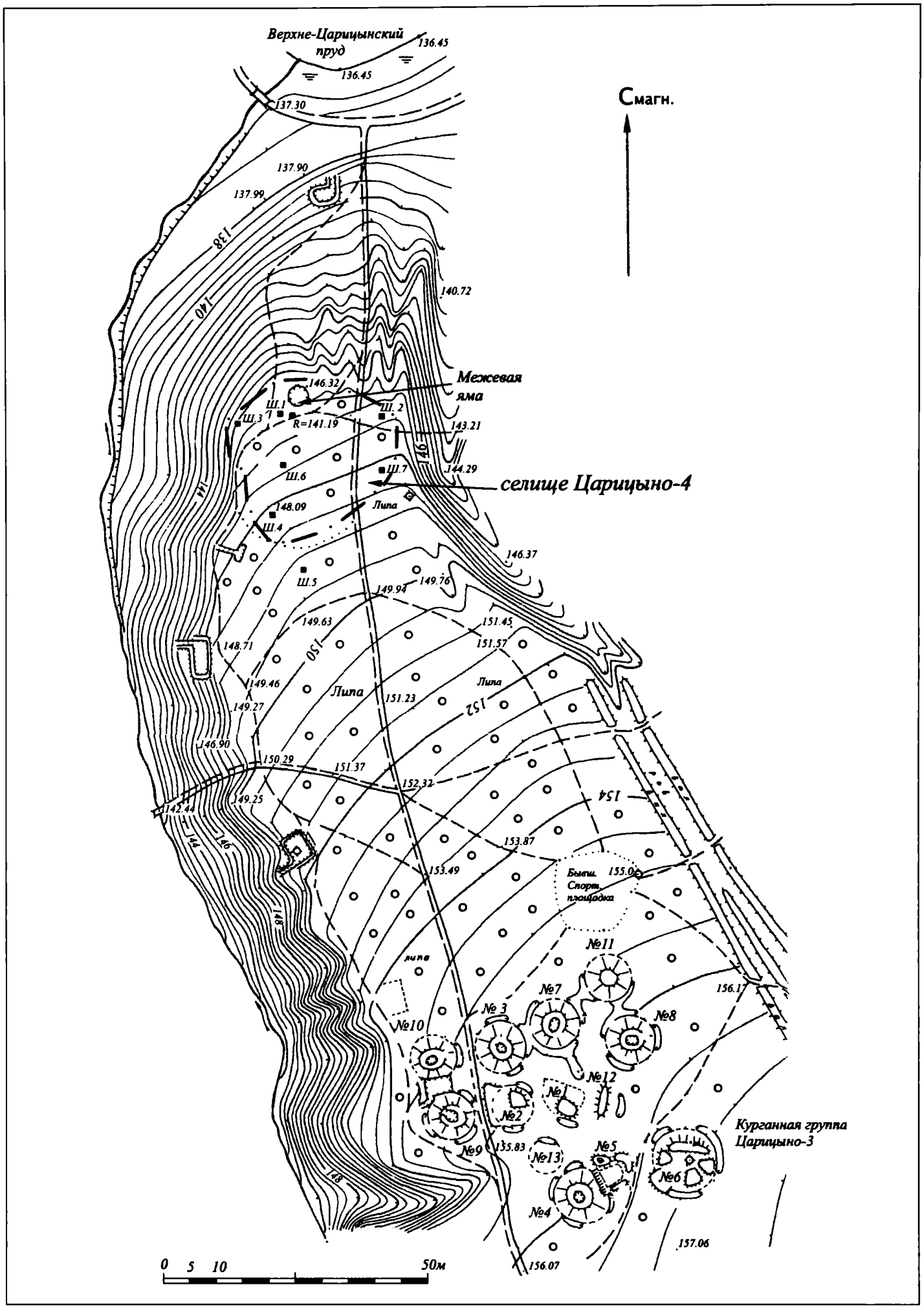
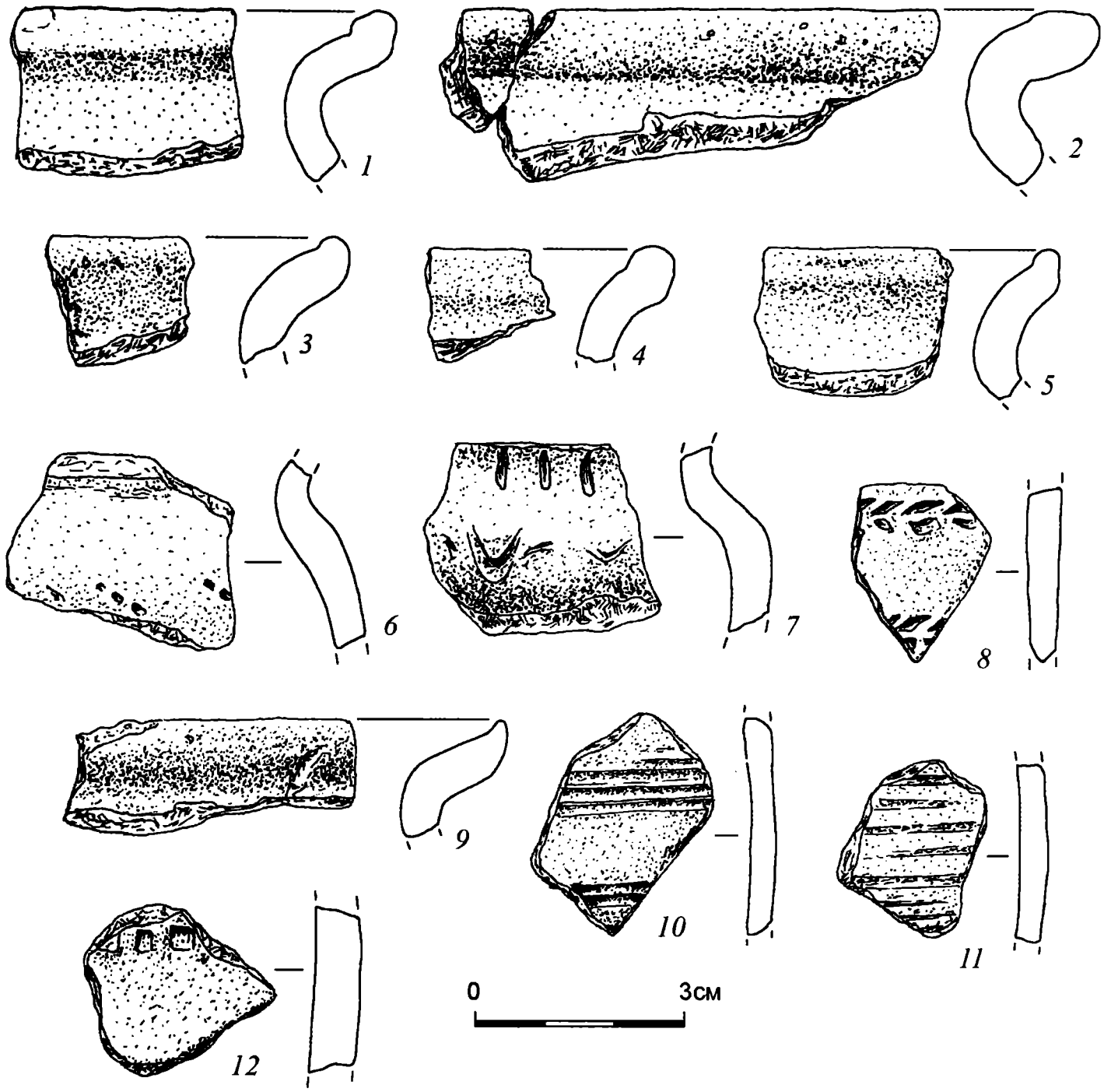
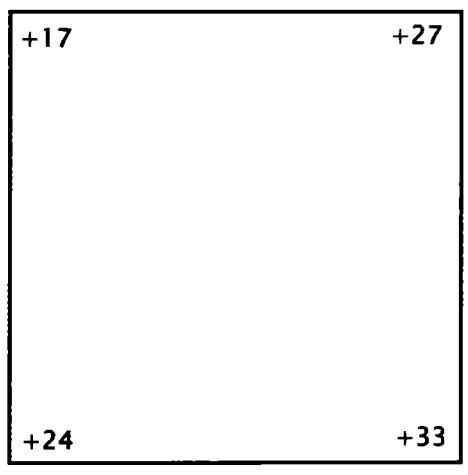

Рис. 60. План курганной группы Царицыно-3 и селища Царицыно-4. Шурфы 2004 г.
Топосъемка В.В. Петрова, горизонтали через 0,5 м

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Шурф 6, план нивелировки поверхности

Шурф 6, профили бортов

Рис. 61. Селище Царицыно-4. Керамика XII–XIII вв. из шурфов и подъемных материалов, план и профиль шурфа № 6.
Описание слоев дано в тексте

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

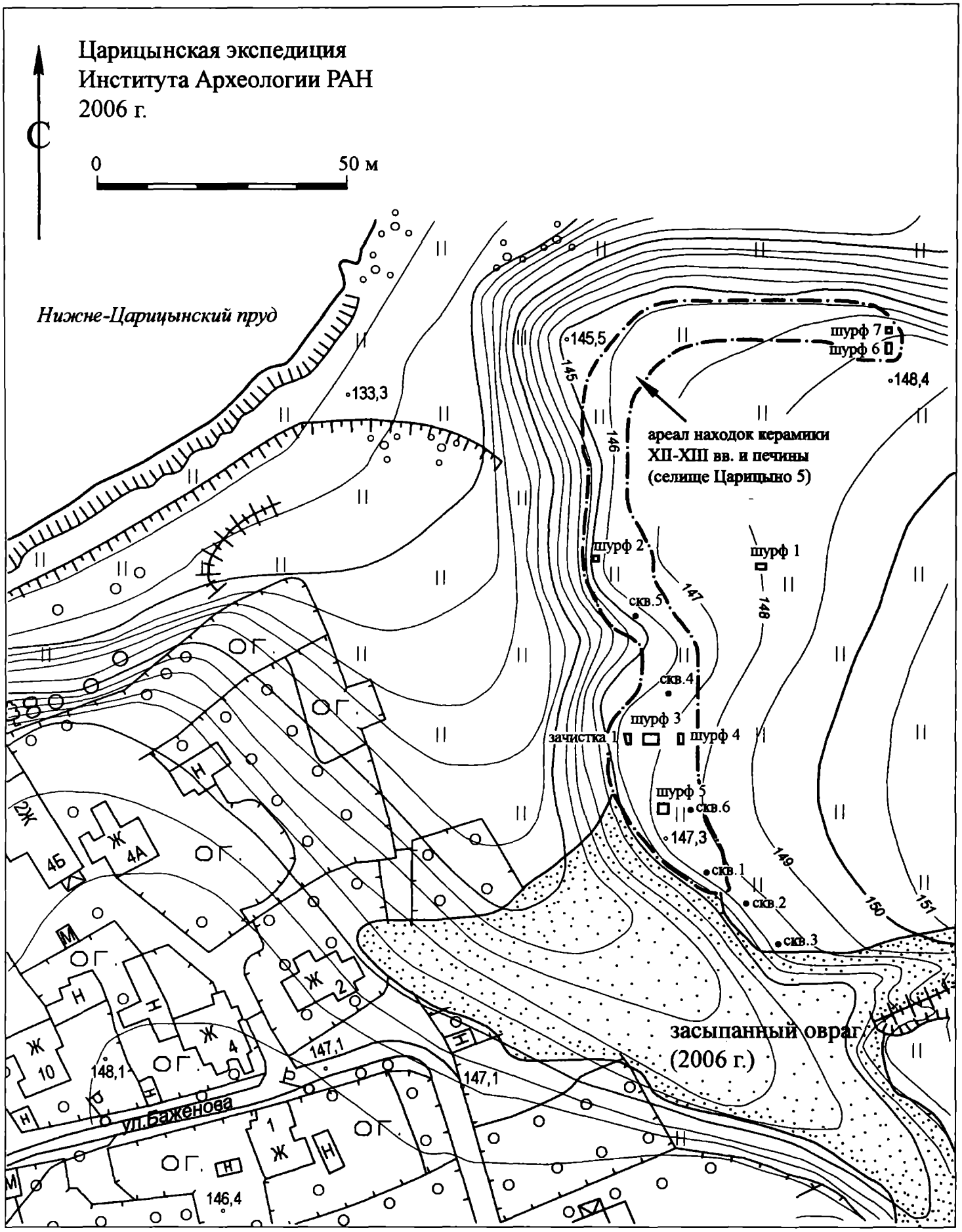

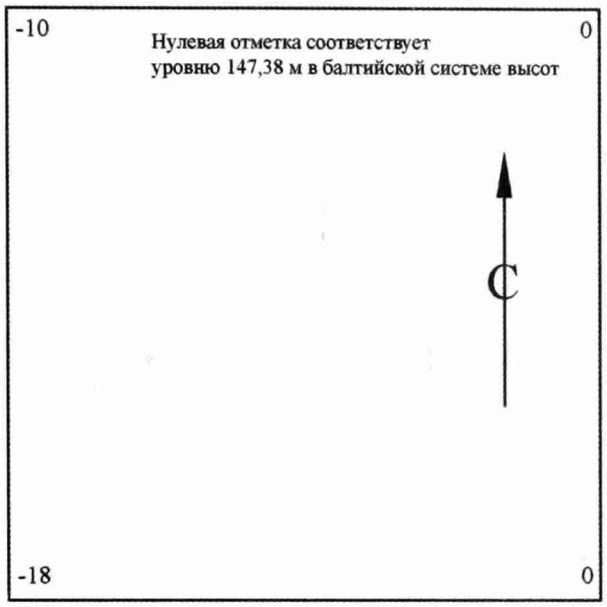
Рис. 62. План селища Царицыно 5

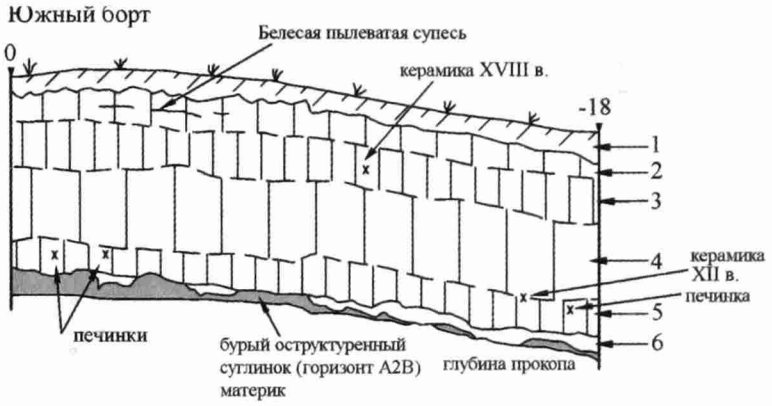
Топографическая основа 2004 г., горизонтали через 1 м

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Шурф №5

план

Слои: 1 - дерн; 2 - бурый суглинок; 3 - темно-бурый суглинок; 4 - бурый мешаный суглинок; 5 - темно-бурый суглинок с включениями печины и древнерусской керамики; 6 - подзол.

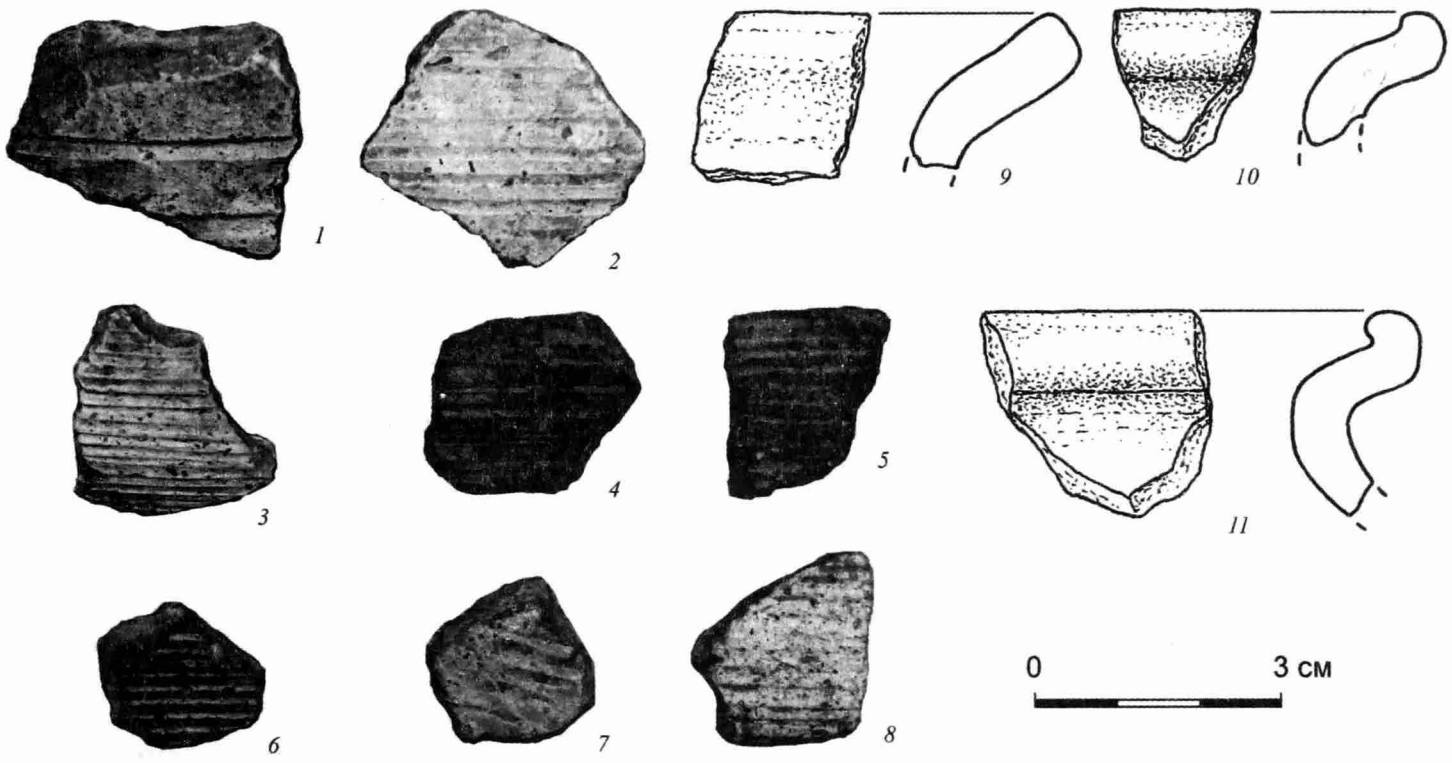

Рис. 63. Селище Царицыно-5. Шурф № 5 (вверху). Древнерусская керамика XII–XIII вв. (внизу)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

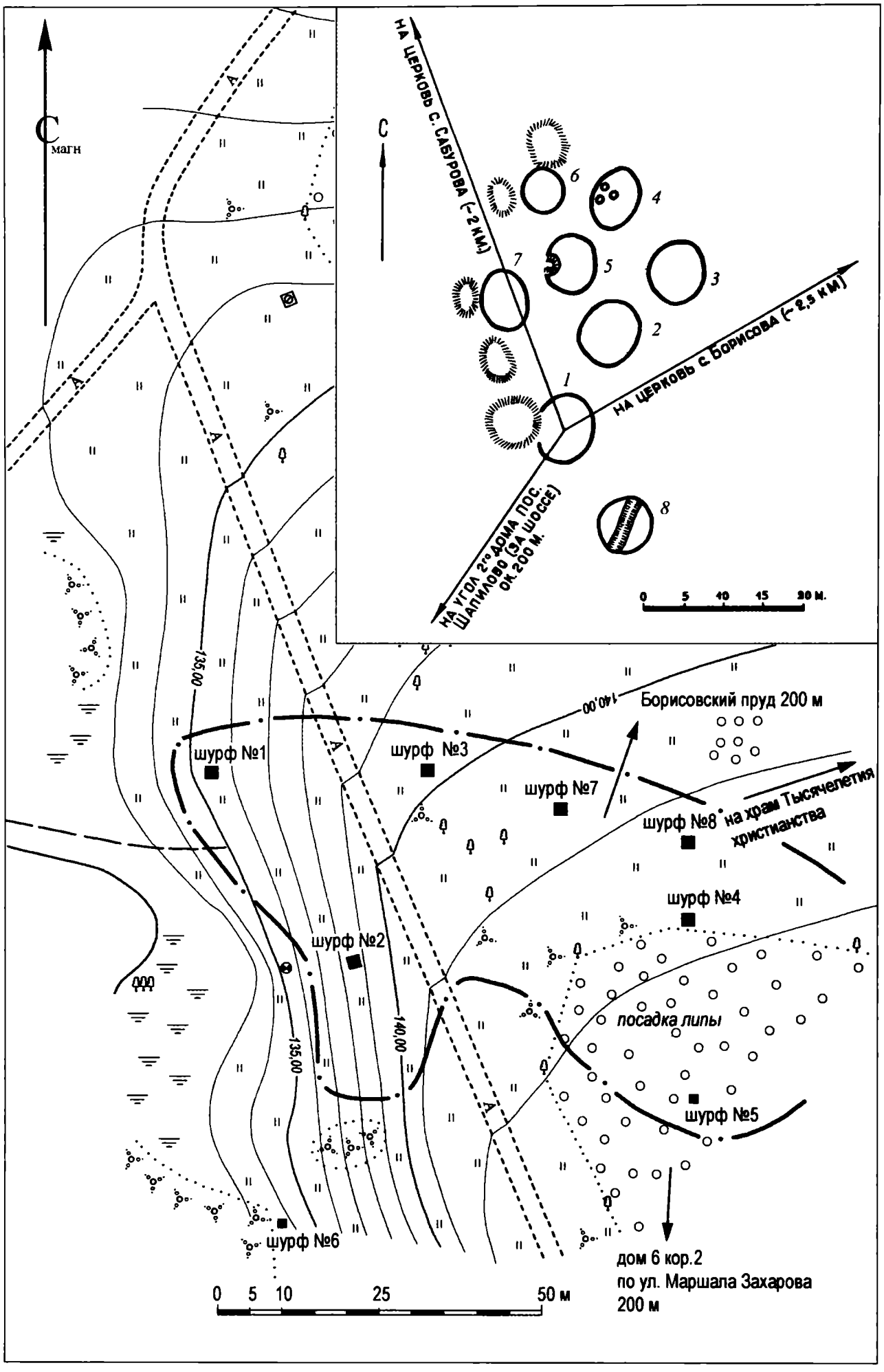

Рис. 64. План селища Шипилово-1

Съемка В.В. Петрова, 2006 г. Горизонтали проведены через 1 м, система высот — условная. На врезке — план курганной группы Шипилово по «карточке О.Н. Бадера», съемка 1937 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

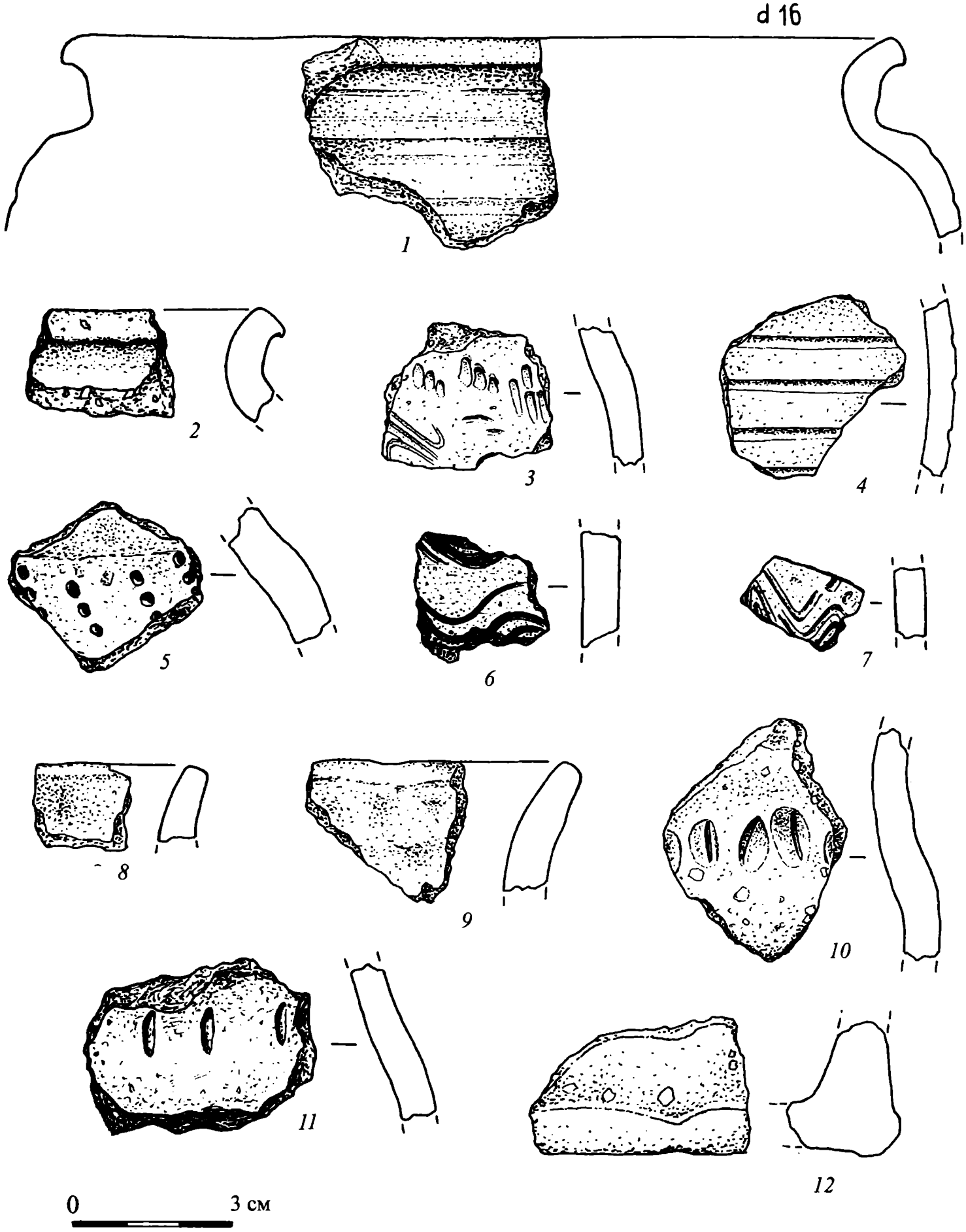

Рис. 65. Селище Шипилово-1. Керамика из шурфов 2006 г. и подъемных материалов

1–7 — древнерусская курганная; *8–12* — лепная гладкостенная позднедьяковская

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

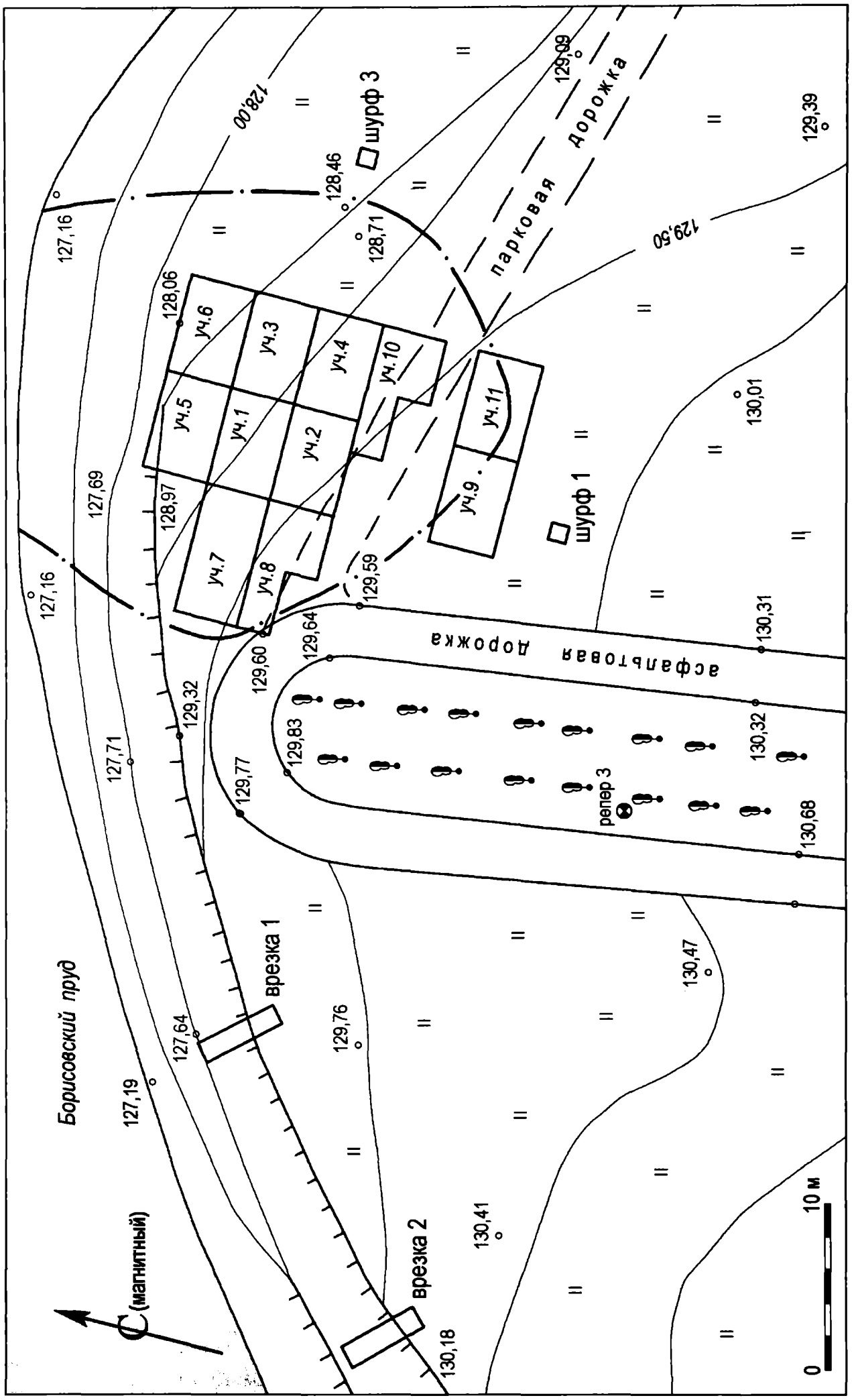

Рис. 66. План селища Борисово-1 и раскопа 2006 г.

Съемка В.В. Петрова 2006 г., корректировка П.Е. Русакова. Горизонтали проведены через 0,5 м, система высот балтийская

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

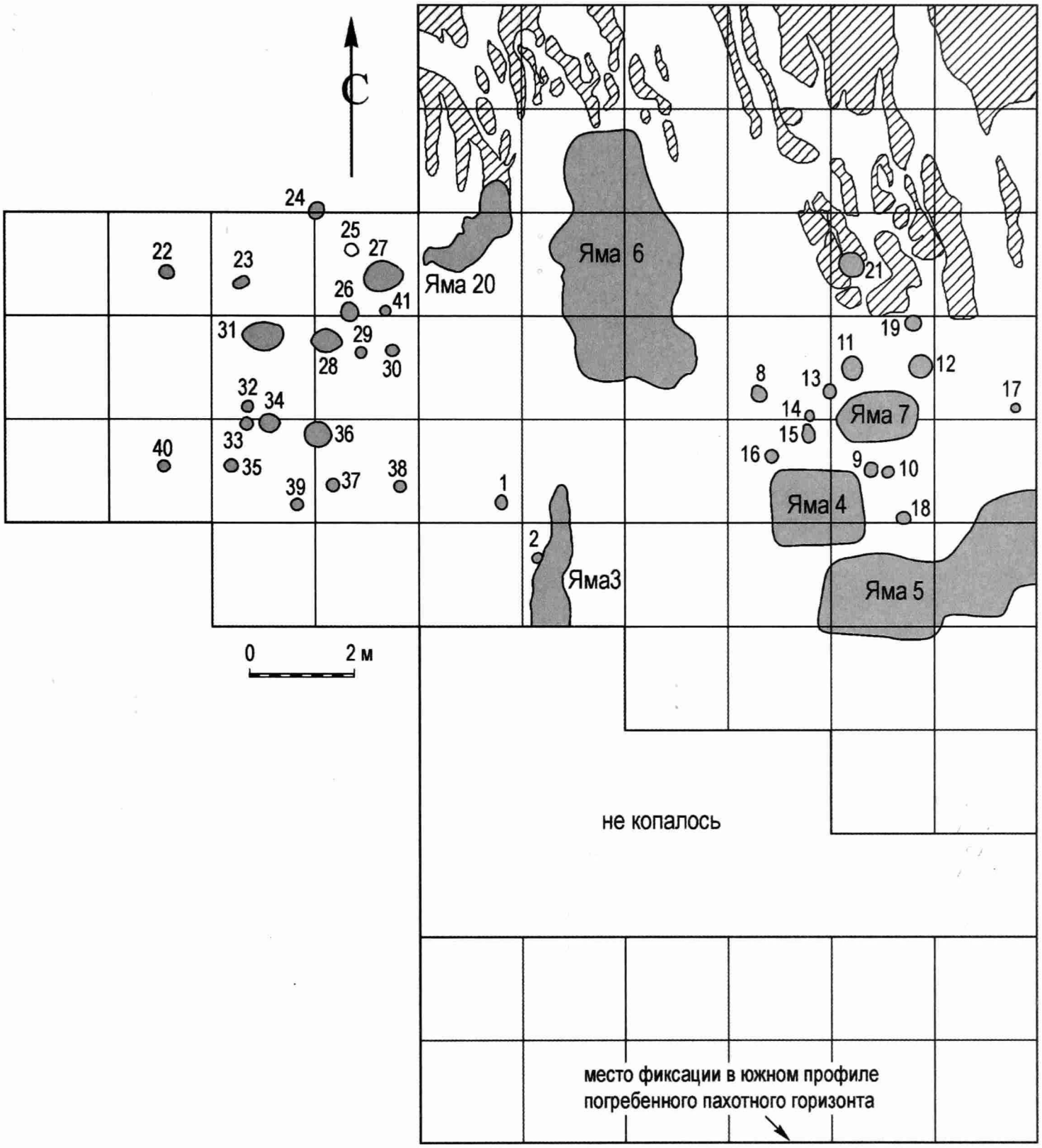

Рис. 67. Селище Борисово-1. План зачистки материка с невыбранными ямами (2006 г.)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

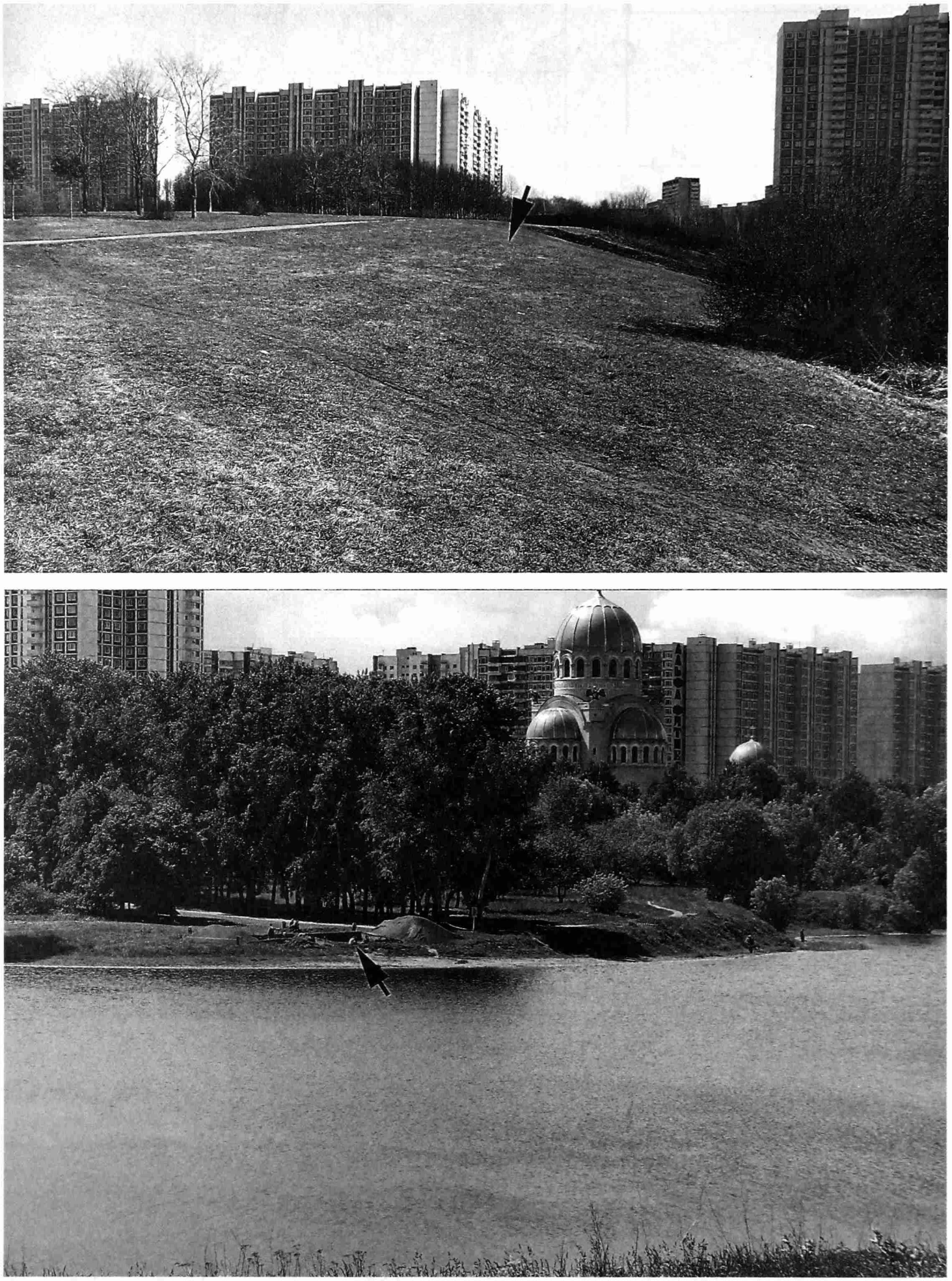
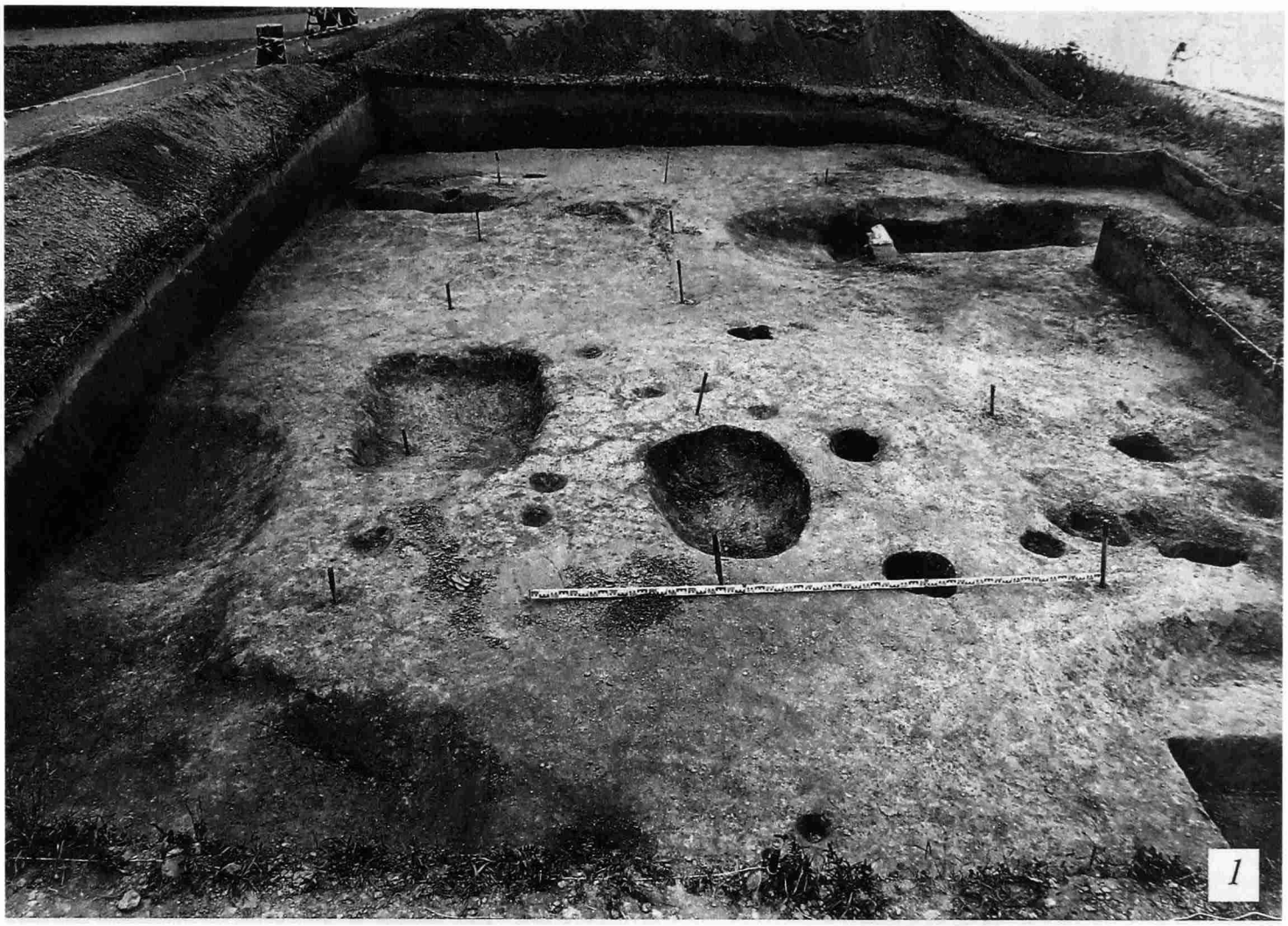
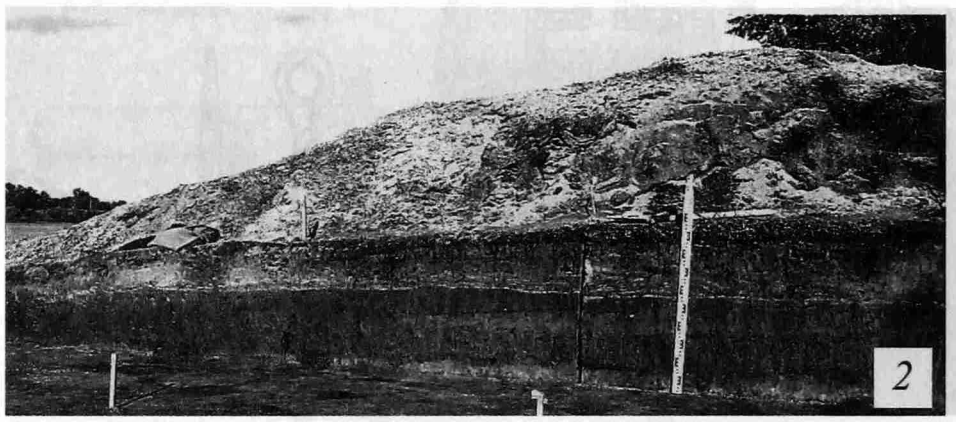

Рис. 68. Селище Шипилово, вид с севера, стрелкой показано место находки грузика дьякова типа (вверху). Вид с северного берега Борисовского пруда на раскопки селища Борисово-1, стрелкой показан раскоп (внизу)

Фото 2006 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

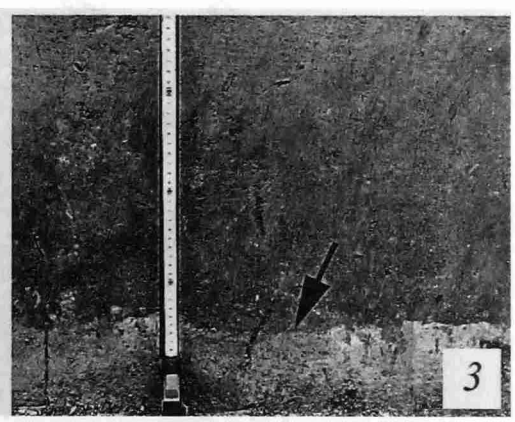

Рис. 69. Селище Борисово-1. Раскоп

1 — зачистка материка на участках 1–4, вид с востока; *2* — профиль восточного борта участков 7, 8; *3* — профиль южного борта участка 9, в котором видна ровная граница основания пахотного горизонта XII–XIII вв. (отмечена стрелкой)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

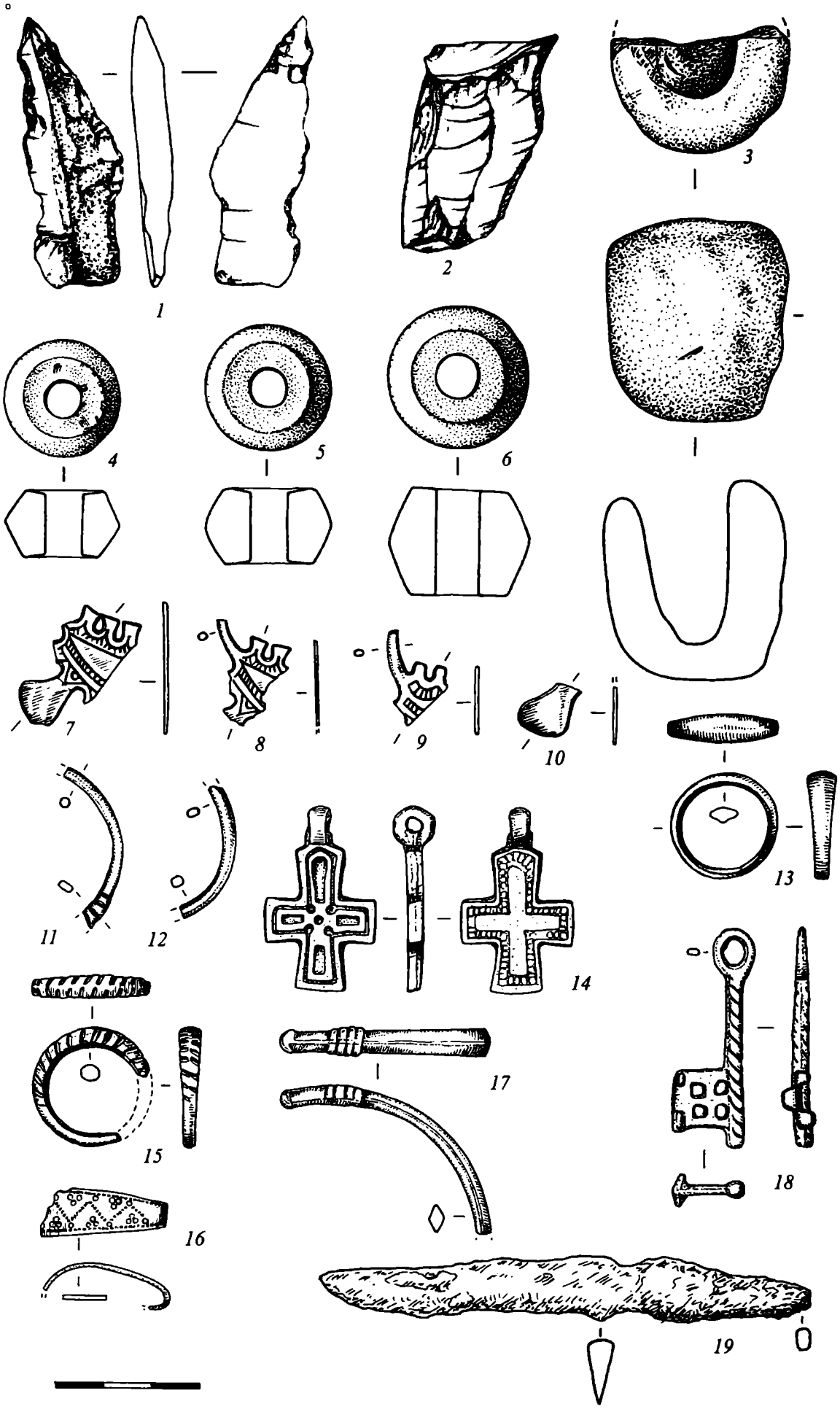

Рис. 70. Селище Борисово-1. Находки (2006 г.)

1, 2 — кремневые изделия; *3* — тигель (?); *4–6* — пряслица; *7–12* — височные кольца; *13, 15* — перстни; *14* — крест нательный; *16* — пластинчатый браслет; *17* — звериноголовый браслет; *18* — амулет-ключ; *19* — нож

1, 2 — кремень; *3* — глина; *4–6* — шифер розовый; *7–18* — бронза; *19* — железо

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

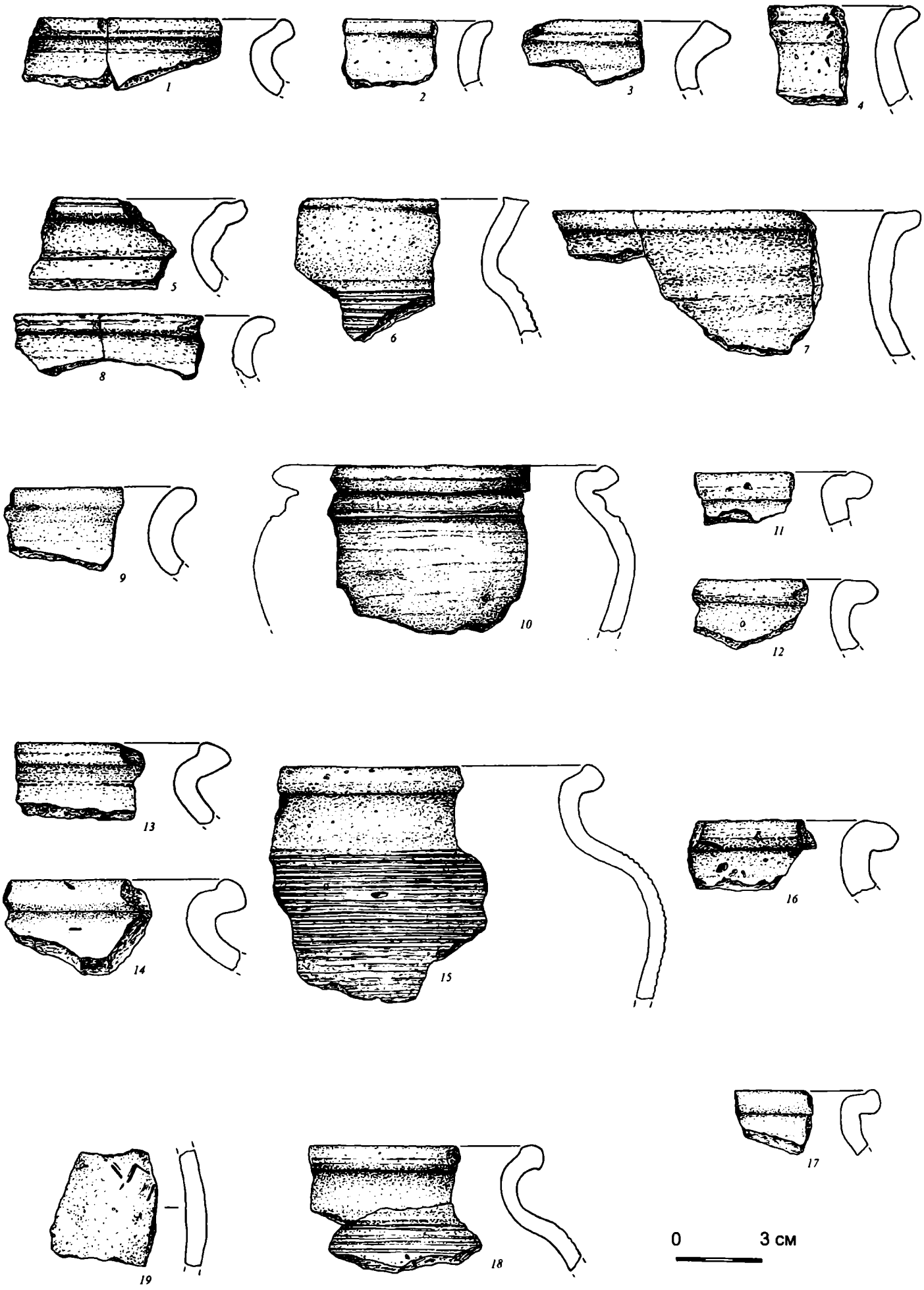

Рис. 71. Селище Борисово-1. Керамика из заполнения ямы № 4 (2006 г.)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

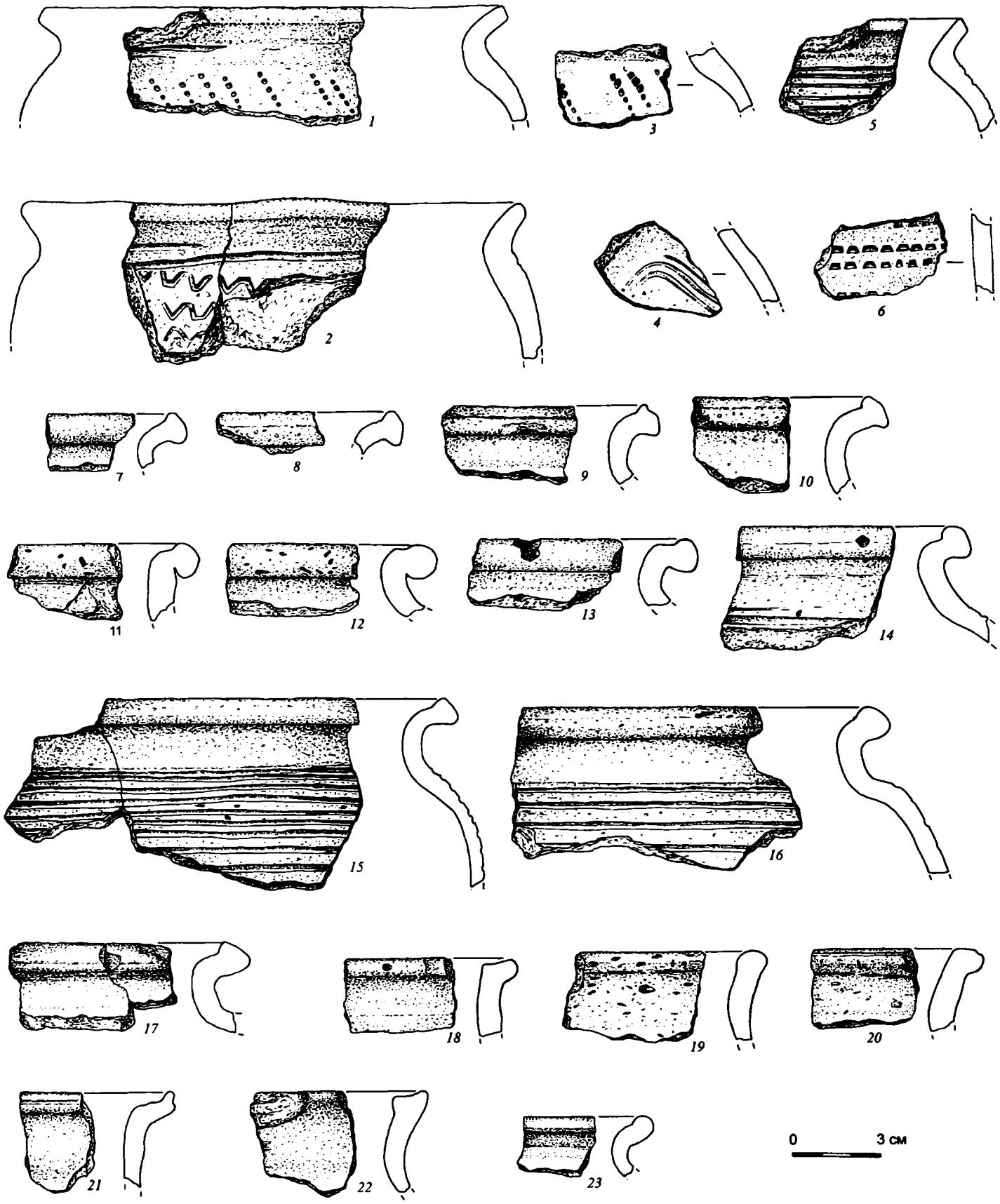

Рис. 72. Селище Борисово-1. Керамика из заполнения ямы № 6 (2006 г.)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

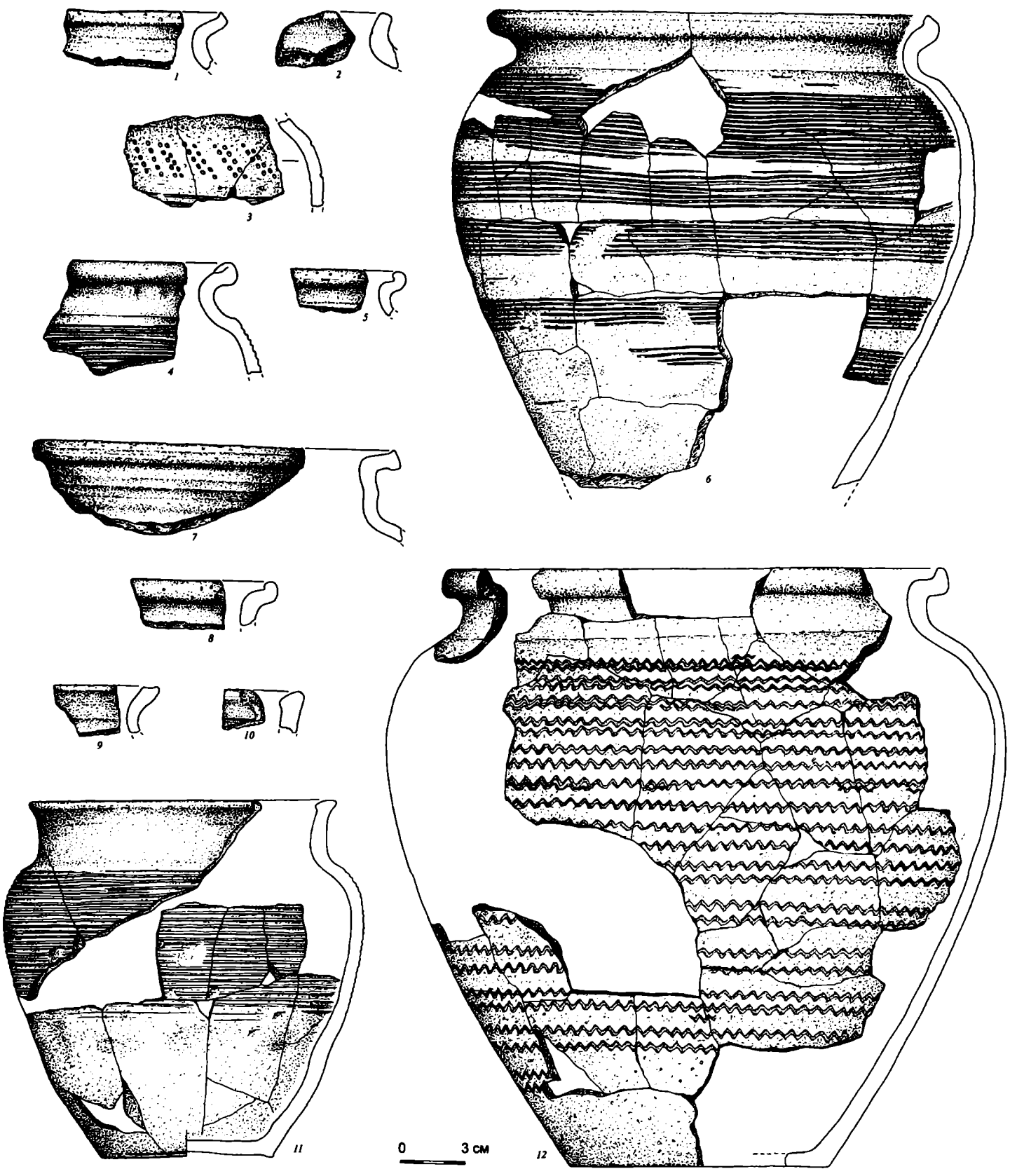

Рис. 73. Селище Борисово-1. Керамика из заполнения ямы № 7 (2006 г.)
4, 6, 11 — из белой глины; остальные — из красножгущейся

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

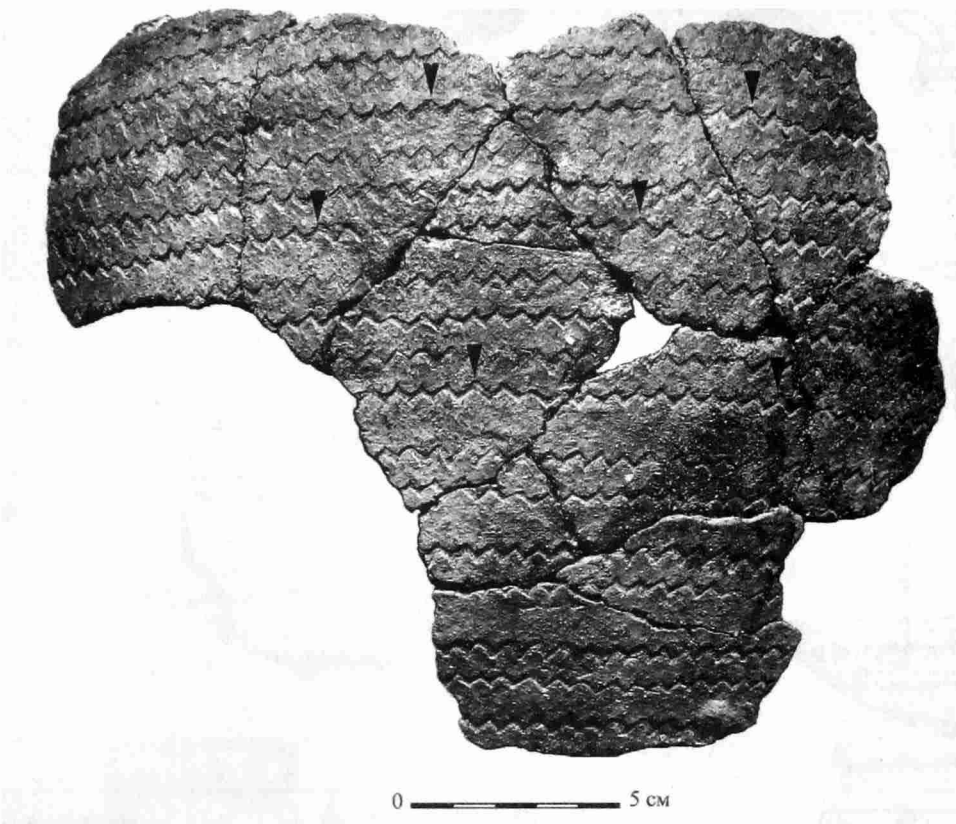

Рис. 74. Селище Борисово-1. Горшок из ямы 7, орнаментированный зигзагообразным оттиском штампа-колесика

Стрелки показывают расположение идентичных элементов орнамента, которые позволили рассчитать диаметр штампа-колесика

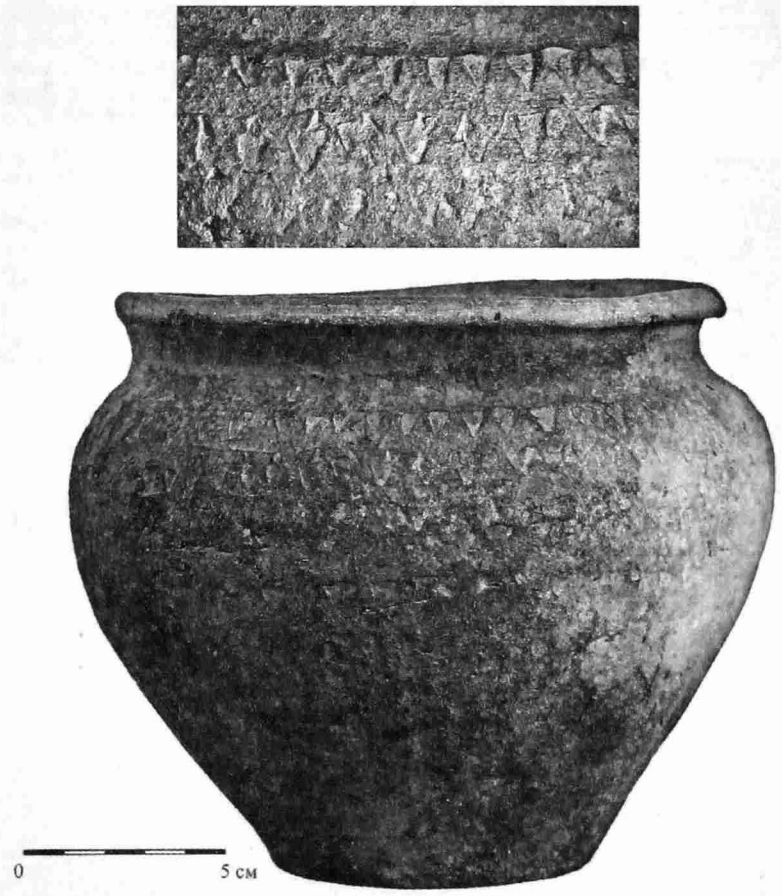

Рис. 75. Горшок из погребения кургана 22 группы Беседы, орнаментированный зубчатым штампом-колесиком (раскопки 1945–1847 гг.)

Музей кафедры археологии МГУ. Фото О.И. Александровой

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

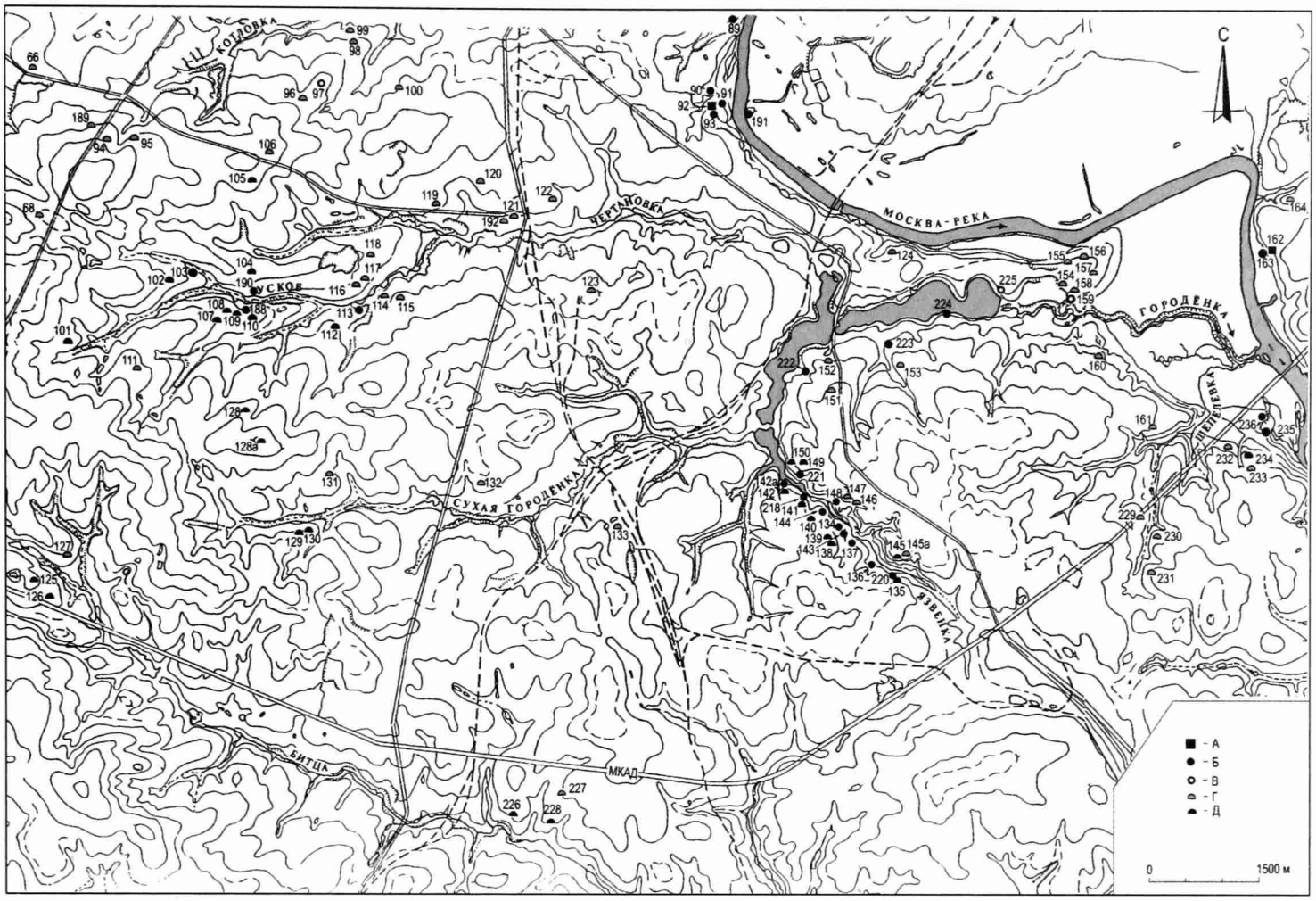

Рис. 76. Карта памятников древнерусского времени (XII–XIII вв.) в бассейне р. Городенки и прилегающей территории

Нумерация (до № 221 включительно) дана в соответствии с каталогом (*Кренке*, 2004)

А — городище; **Б** — селище существующее; **В** — селище утраченное; **Г** — курганная группа утраченная; **Д** — курганная группа существующая

Названия памятников (слова «селище», «курганная группа» опущены): *66* — Воронцово-1; *68* — Коньково-1; *89* — Коломенское-2; *90* — Дьяково 1; *91* — Дьяково-2; *92* — поселение на Дьяковом городище; *93* — Дьяково-3; *94* — Деревлево-1; *95* — Деревлево-2; *96* — Зюзино 4; *97* — Зюзино-1; *98* — Зюзино-1; *99* — Зюзино-2; *100* — Волхонка-1; *101* — Узкое-1; *102* — Коньково-5; *103* — Коньково-1; *104* — Зюзино-6; *105* — Зюзино-5; *106* — Зюзино-3; *107* — Узкое-2; *108* — Узкое-3; *109* — Узкое-4; *110* — Узкое-5; *111* — Узкое-6; *112* — Чертаново-9; *113* — Чертаново-1; *114* — Чертаново-7; *115* — Чертаново-8; *116* — Чертаново-6; *117* — Чертаново-5; *118* — Чертаново-4; *119* — Чертаново-3; *120* — Чертаново-2; *121* — Чертаново-1; *122* — Котляково-1; *123* — Котляково-2; *124* — Сабурово-1; *125* — Малое Голубино-1; *126* — Малое Голубино-2; *127* — Большое Голубино-1; *128* — Ясенево-1; *128а* — Ясенево-2; *129* — Бирюлево-1; *130* — Бирюлево-2; *131* — Красное-1; *132* — Покровское-2; *133* — Покровское-1; *134* — Орехово-4 (западный участок); *135* — Орехово-2; *136* — Орехово-6; *137* — Орехово-5; *138* — Орехово-4; *139* — Орехово-5; *140* — Орехово-6; *141* — Царицыно-4; *142* — Царицыно-3; *142а* — Царицыно-4; *143* — Орехово-4 (восточный участок); *144* — Орехово-3; *145* — Орехово-7; *145а* — Орехово-8; *146* — Орехово-3; *147* — Орехово-1; *148* — Орехово-2; *149* — Царицыно-2; *150* — Царицыно-1; *151* — Царицыно-5; 152 — Шипилово-2; 153 — Шипилово-1; 154 — Братеево-5; 155 — Братеево-2; 156 — Братеево-1; 157 — Братеево-4; *158* — Братеево-3; *159* — Братеево-1; *160* — Борисово-1; *161* — Зябликово-2; *162* — поселение на городище Капотня; *163* — Капотня-1; *164* — Чагино-1; *188* — Дубинкин лес-3; *189* — Беляево-1; *190* — Зюзино-3; *191* — Курьяново-1; *192* — Чертаново-10; *218* — Царицыно-2; *221* — Царицыно-3; *222* — Царицыно-5; *223* — Шипилово-1; *224* — Борисово-1; *225* — Борисово-2; *226* — Вырубово-1; *227* — Дубровский-2; *228* — Дубровский-1; *229* — Зябликово-1; *230* — Зябликово-3; *231* — Ащерино-1; *232* — Беседы-2; *233* — Беседы-3; *234* — Беседы-1; *235* — Беседы-2, *236* — Беседы-1

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

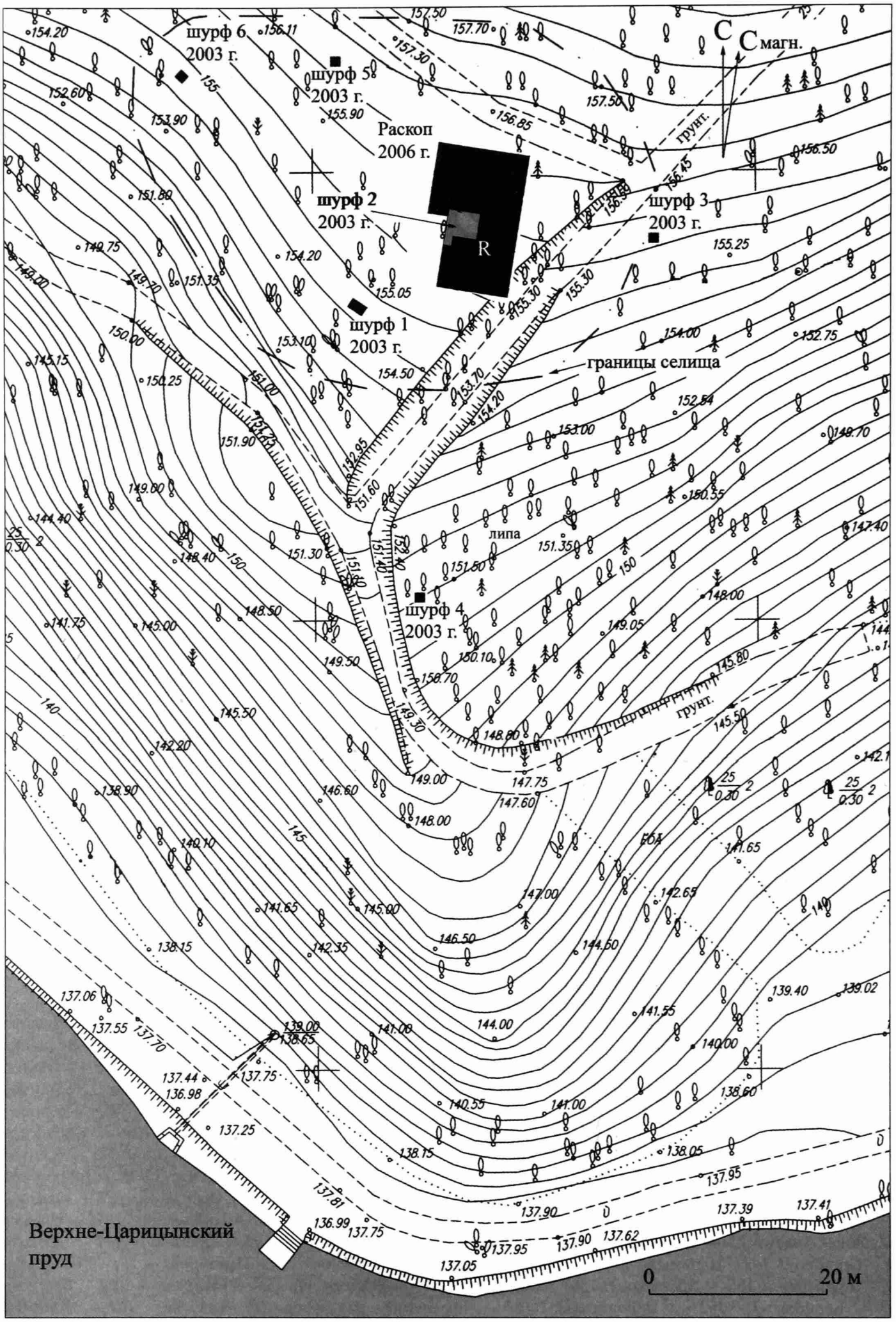

Рис. 77. Селище Царицыно-3. План с раскопом и шурфами (2003, 2006 гг.)

Значение археологического репера — 156,04 в балтийской системе высот.
Топографическая основа масштаба 1:500, съемка 2005 г. Сечение горизонталей — 0,5 м

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

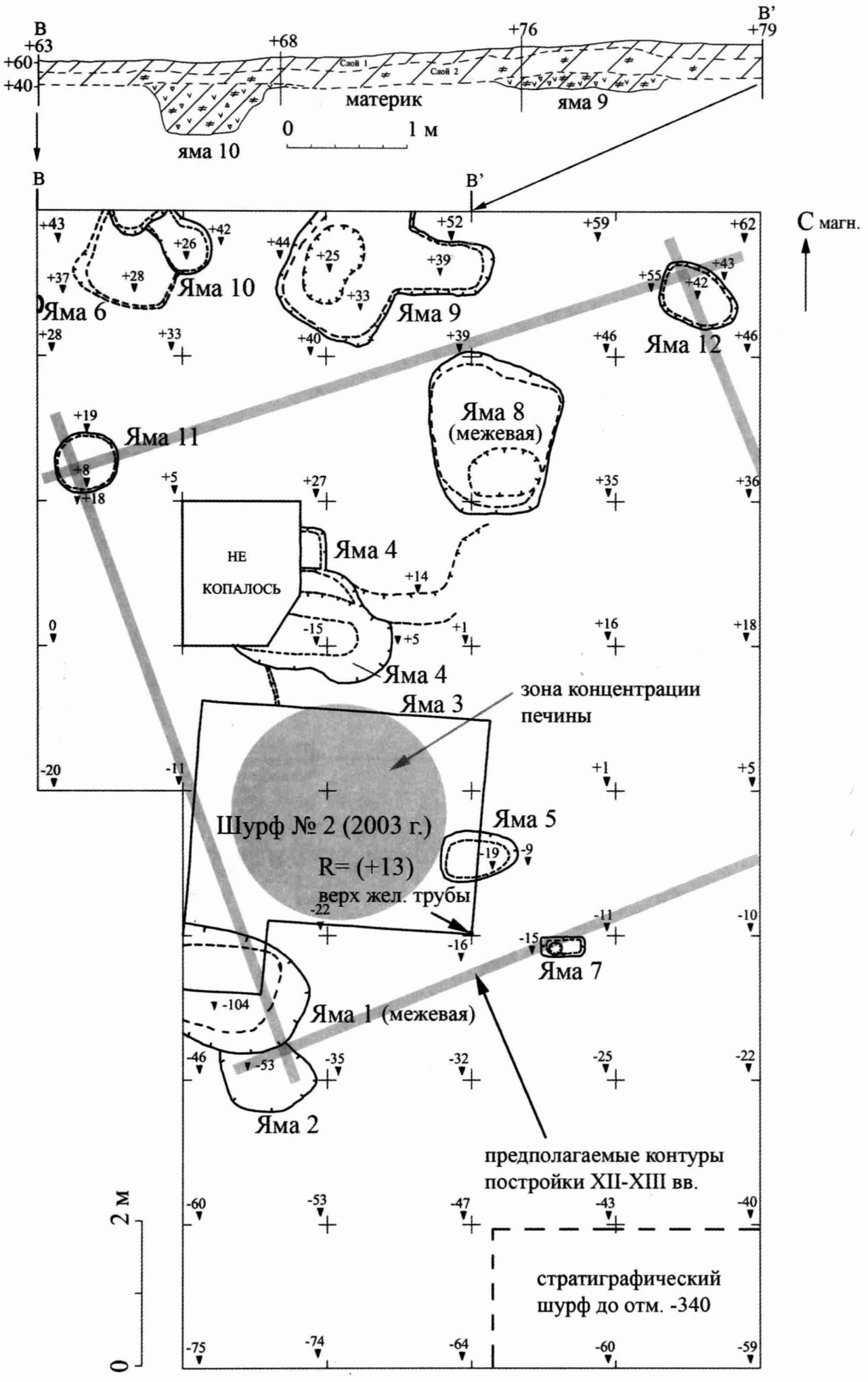

Рис. 78. Селище Царицыно-3.
План материка и участок профиля северной стенки раскопа (2006 г.)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

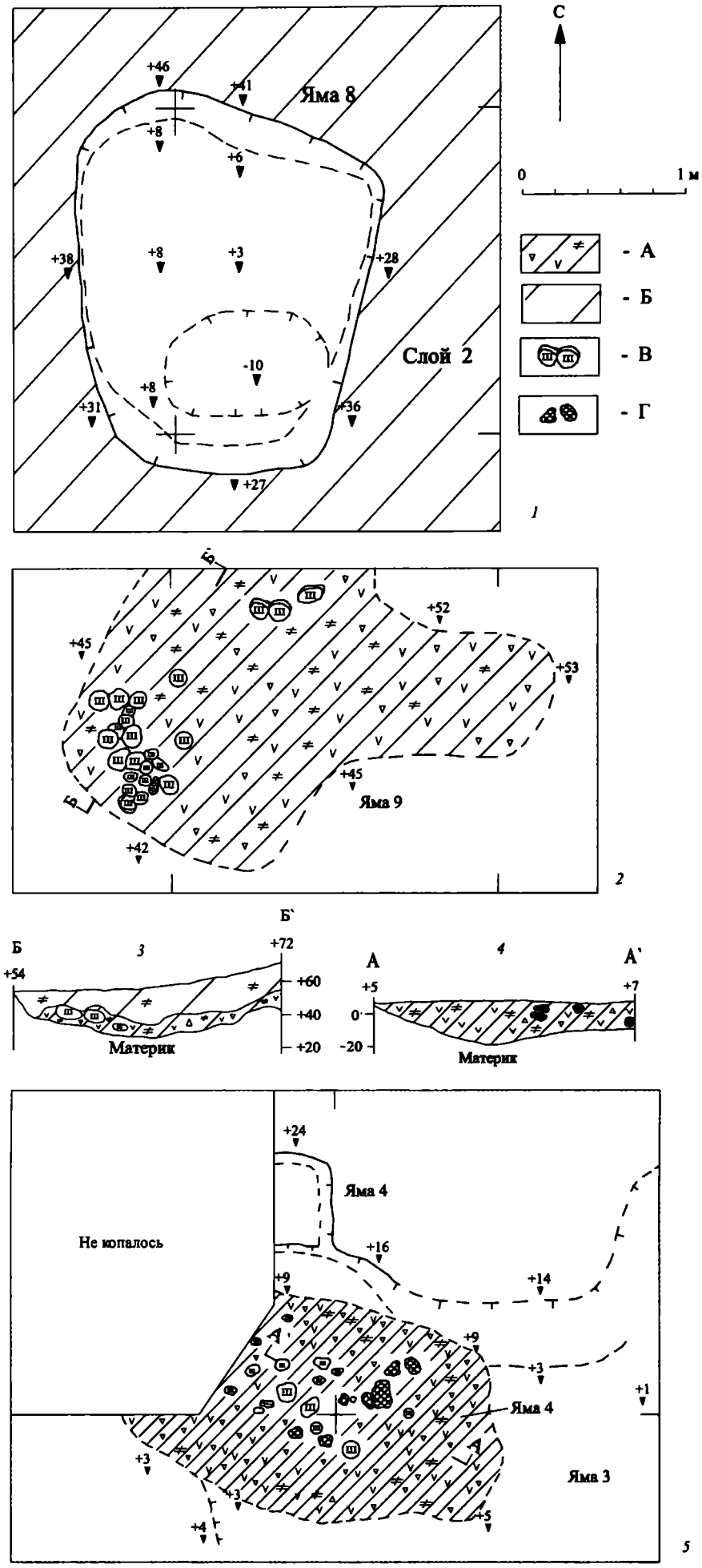

Рис. 79. Селище Царицыно-3. Планы ям

1 — межевая (?) яма № 8; *2* — яма № 9 (горн?); *3* — разрез ямы № 9; *4* — разрез ямы № 4; *5* — план ямы № 4 (горн?)
А — темно-серый суглинок с включениями углей, обожженной глины, каменной крошки; Б — серо-бурый суглинок; В — шлаки; Г — обожженные камни

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

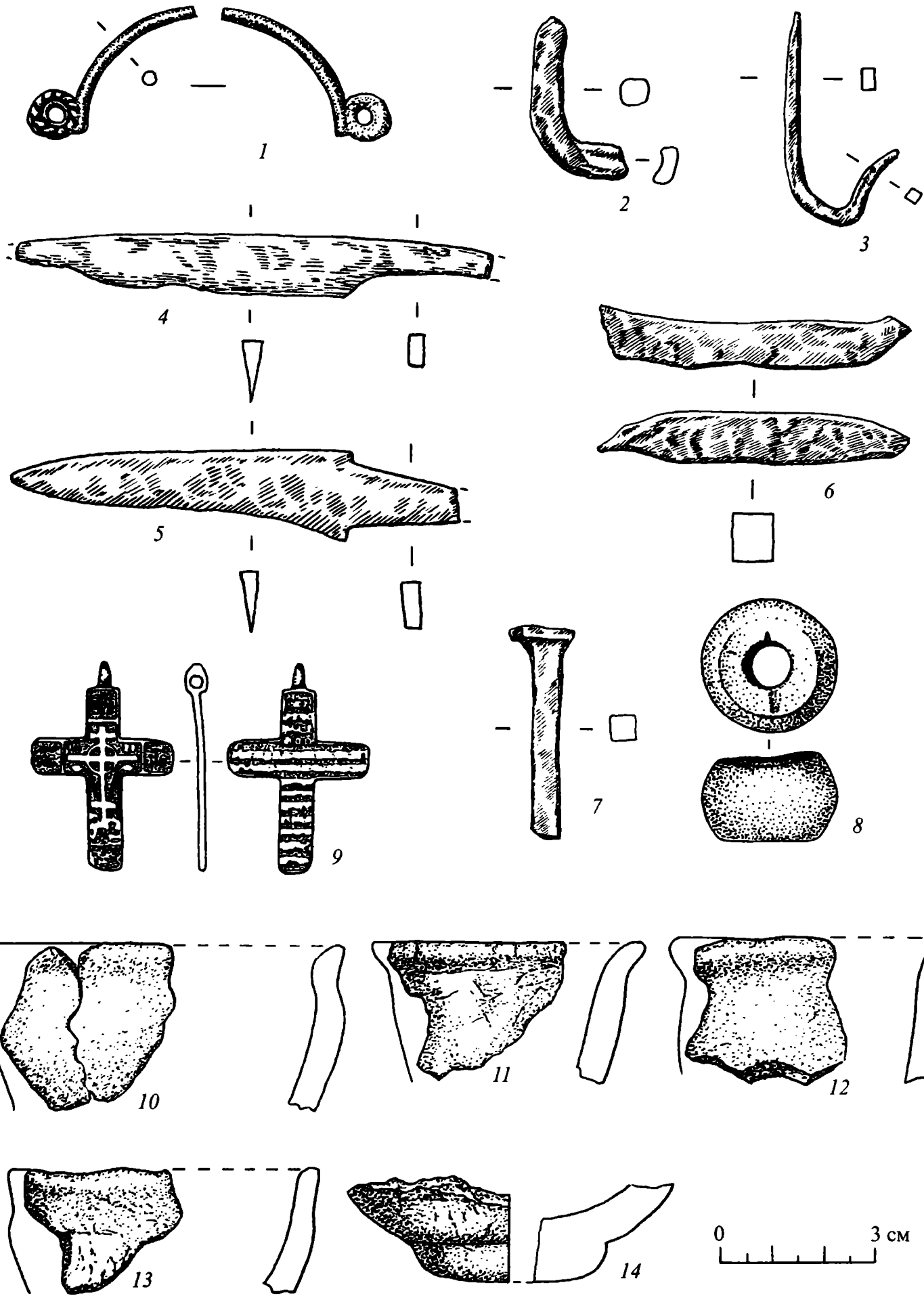

Рис. 80. Селище Царицыно-3. Находки

1 — дужка семилопастного височного кольца; *2* — фрагмент пряжки (?); *3* — крючок рыболовный (?); *7* — гвоздь; *4, 5* — ножи; *6* — железный предмет; *8* — пряслице; *9* — крест нательный; *10–14* — фрагменты миниатюрных лепных сосудов

1, 2, 4, 6, 7, 9, 10, 11 — культурный слой; *3, 5, 8, 14* — яма 3; *12* — яма 9; *13* — яма 10

1 — серебро; *2–7* — железо; *8* — шифер; *9* — медь; *10–14* — глина

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

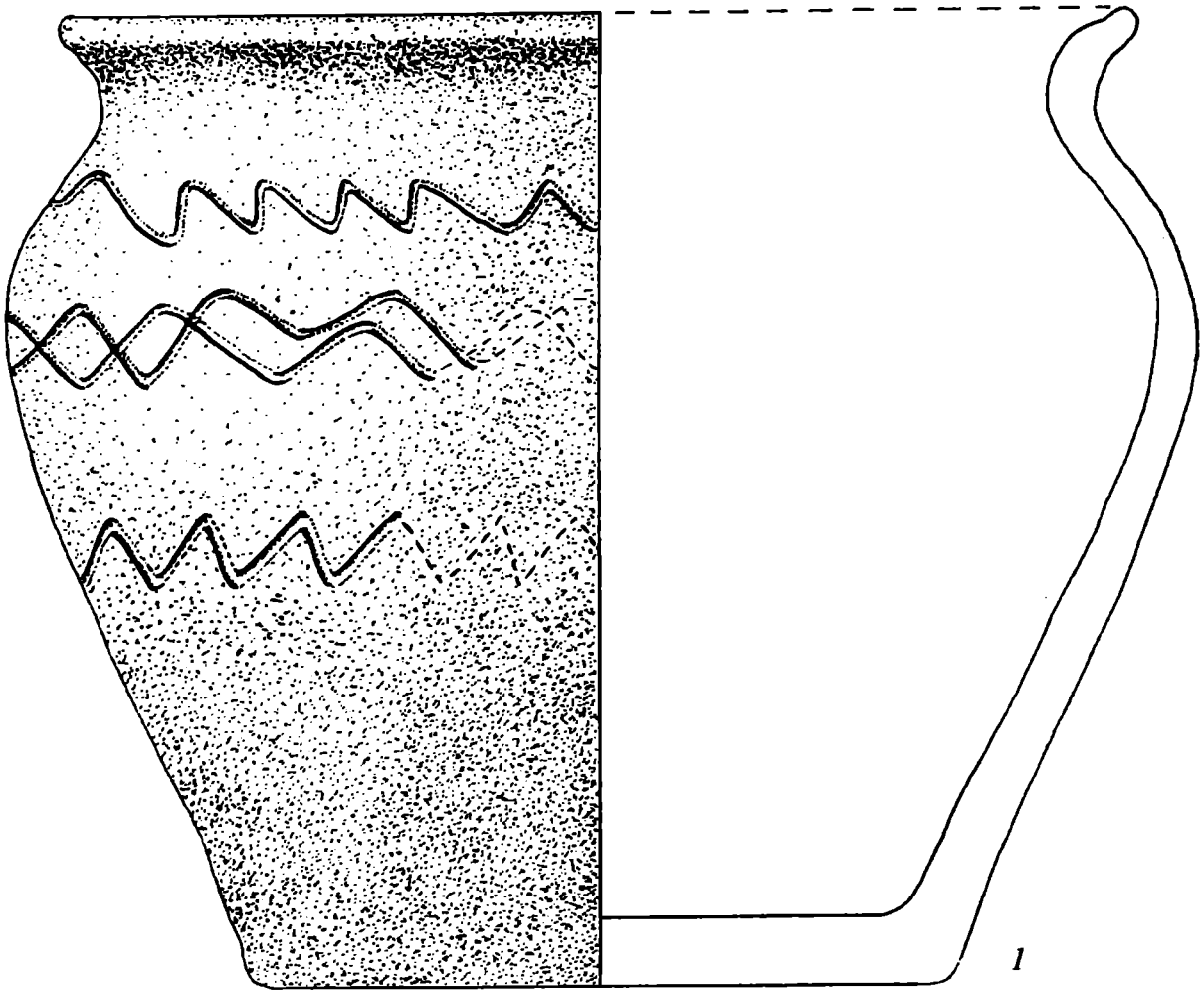

Рис. 81. Селище Царицыно-3. Древнерусская керамика XII–XIII вв.
1 — «сосуд 2» из ям 9 и 10 (реконструкция); *2, 3* — «сосуд 1» из ям 4, 9 и 10

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

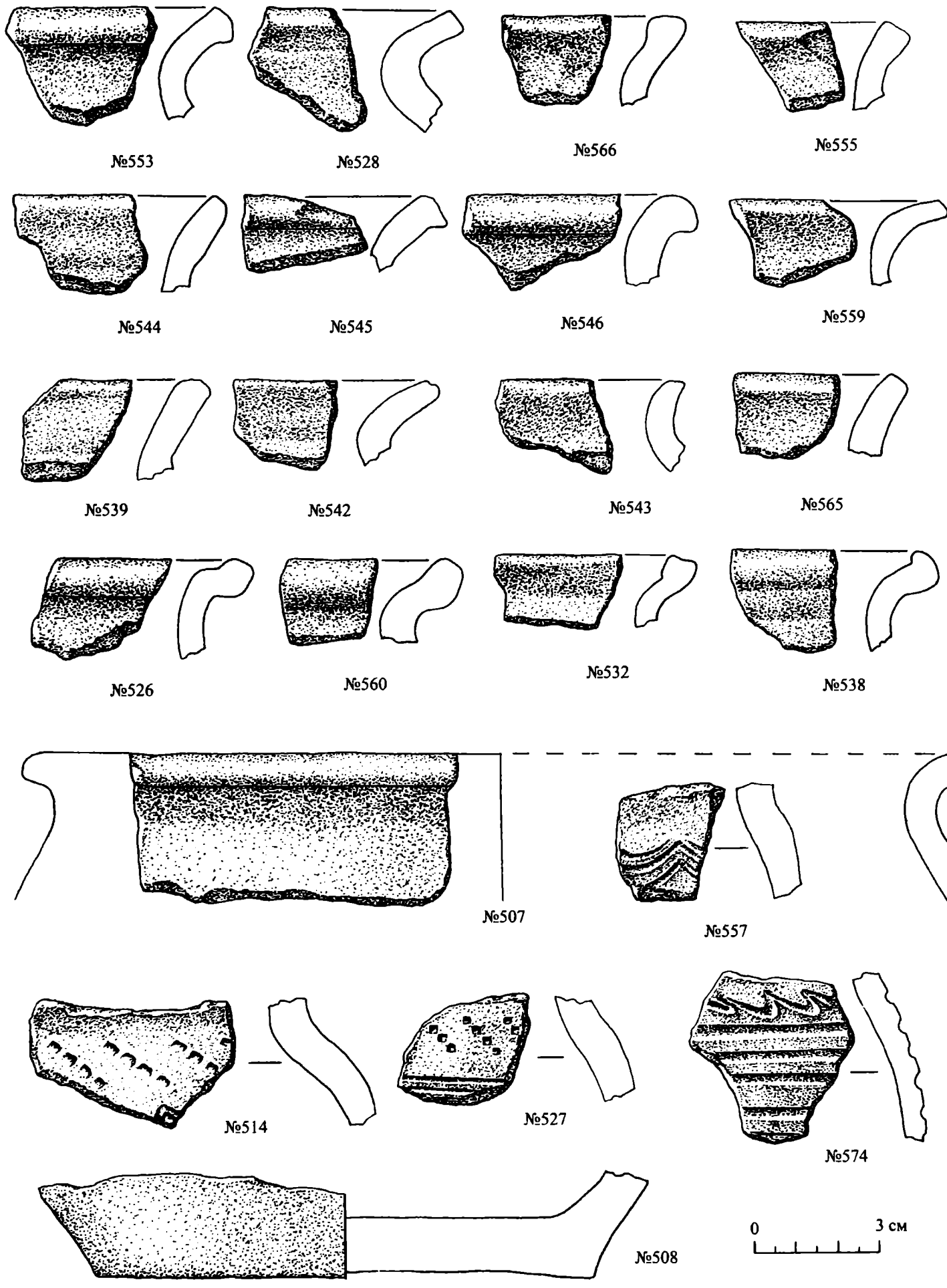

Рис. 82. Селище Царицыно-3. Древнерусская керамика XII–XIII вв. из ямы № 3

Здесь и на других рисунках номера соответствуют описи

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

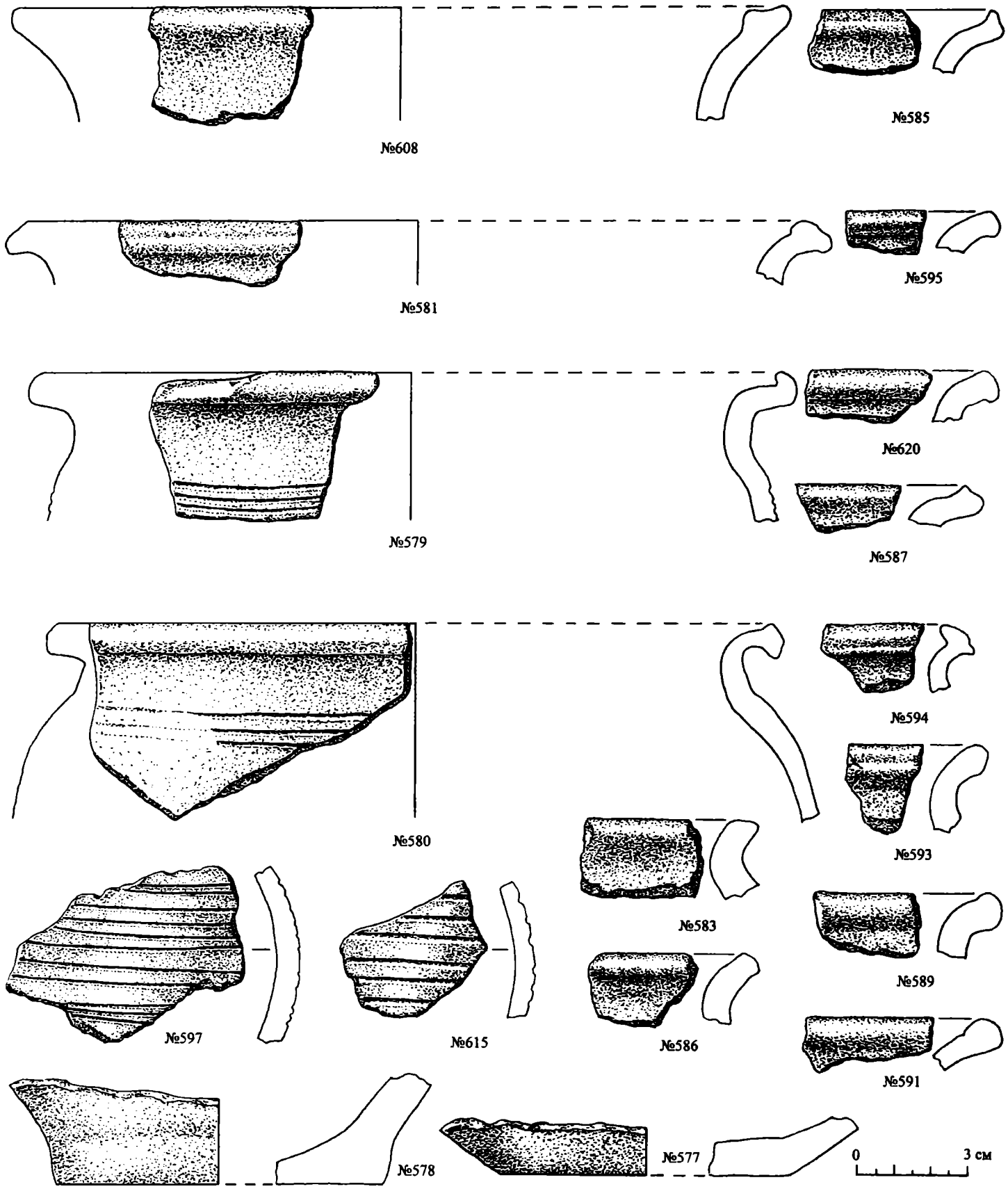

Рис. 83. Селище Царицыно-3. Древнерусская керамика XII–XIII вв. из ямы № 4

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

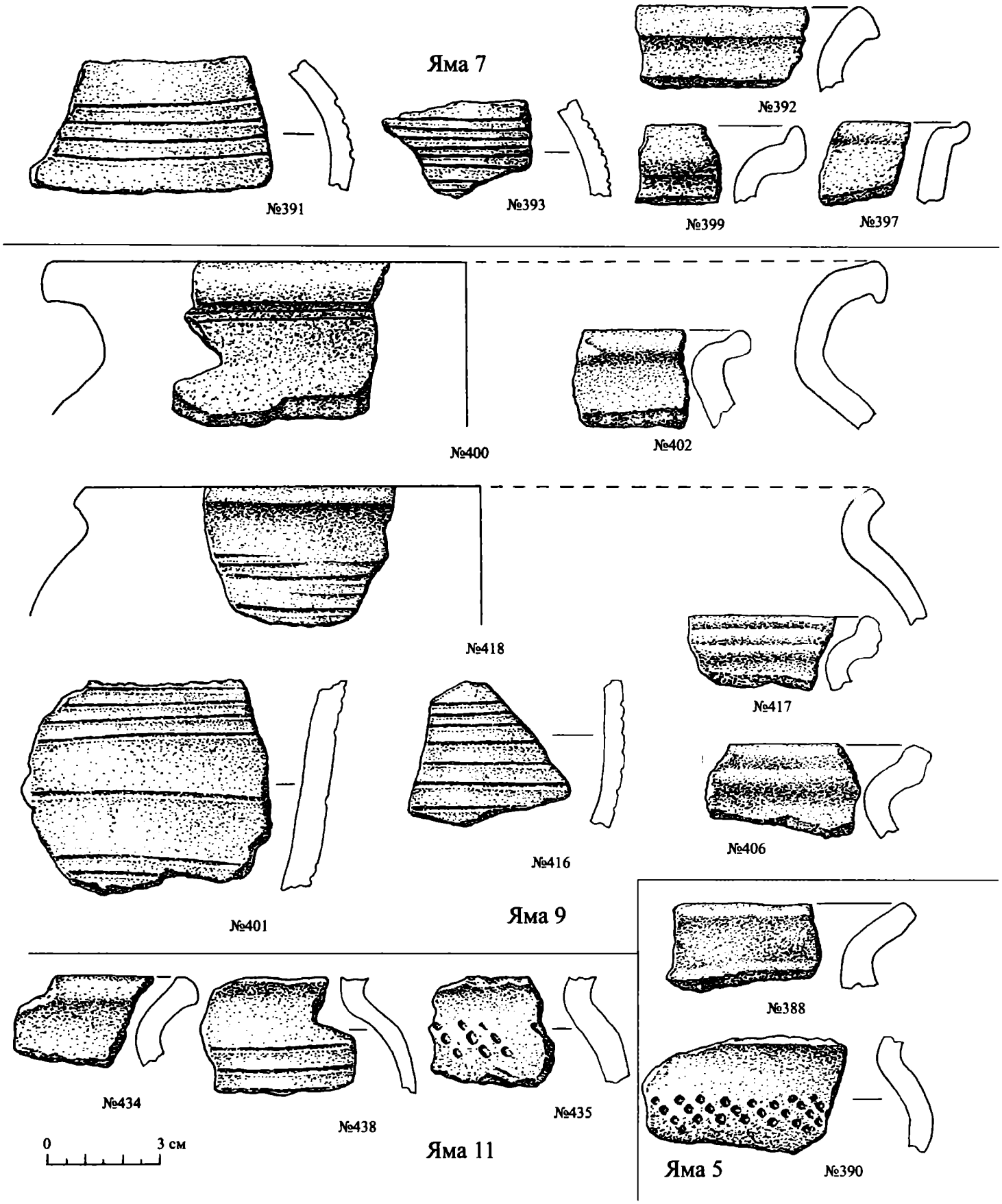

Рис. 84. Селище Царицыно-3. Древнерусская керамика XII-XIII вв. из ям № 5, 7, 9, 11

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

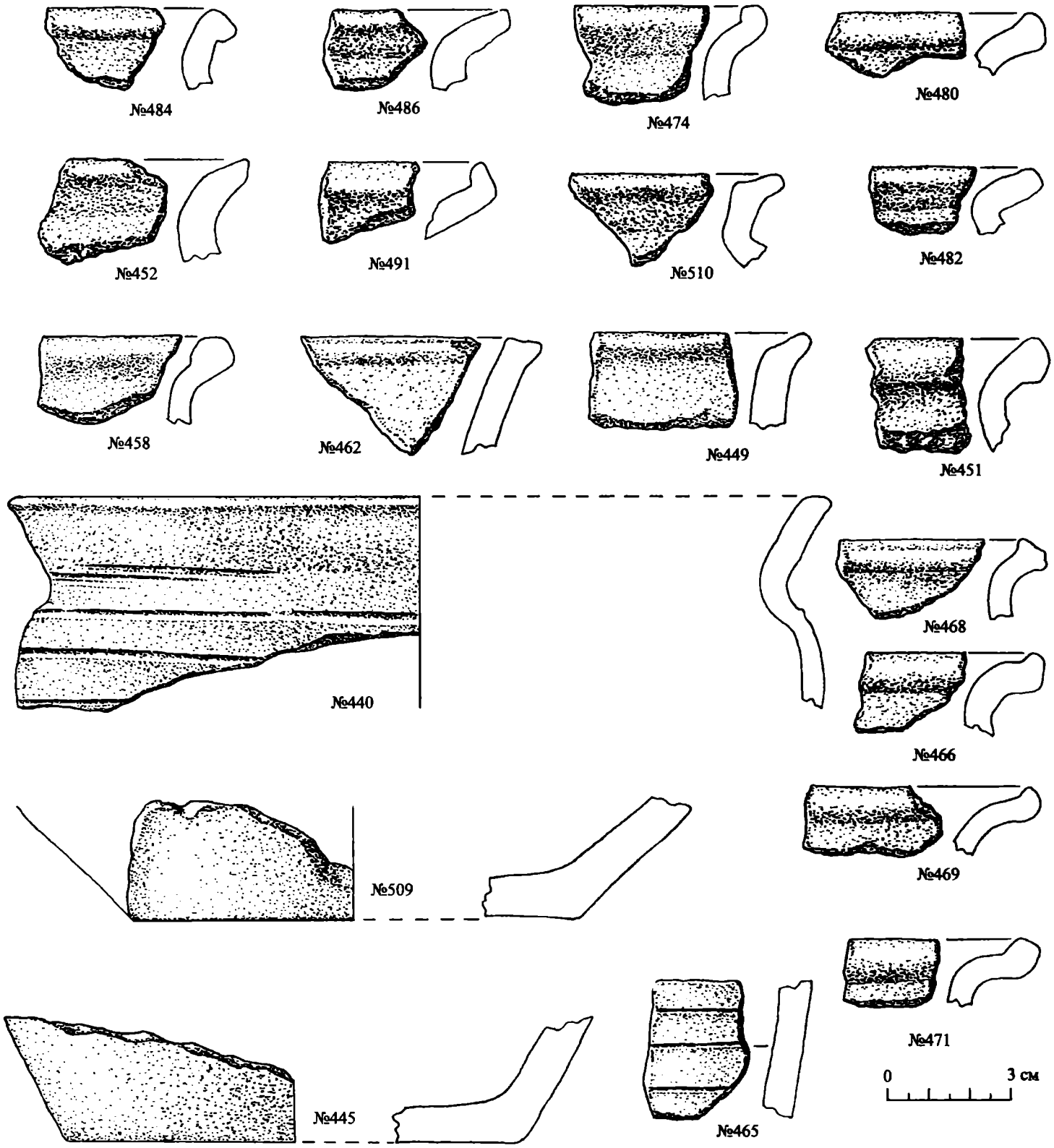

Рис. 85. Селище Царицыно-3. Древнерусская керамика из ямы № 10

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

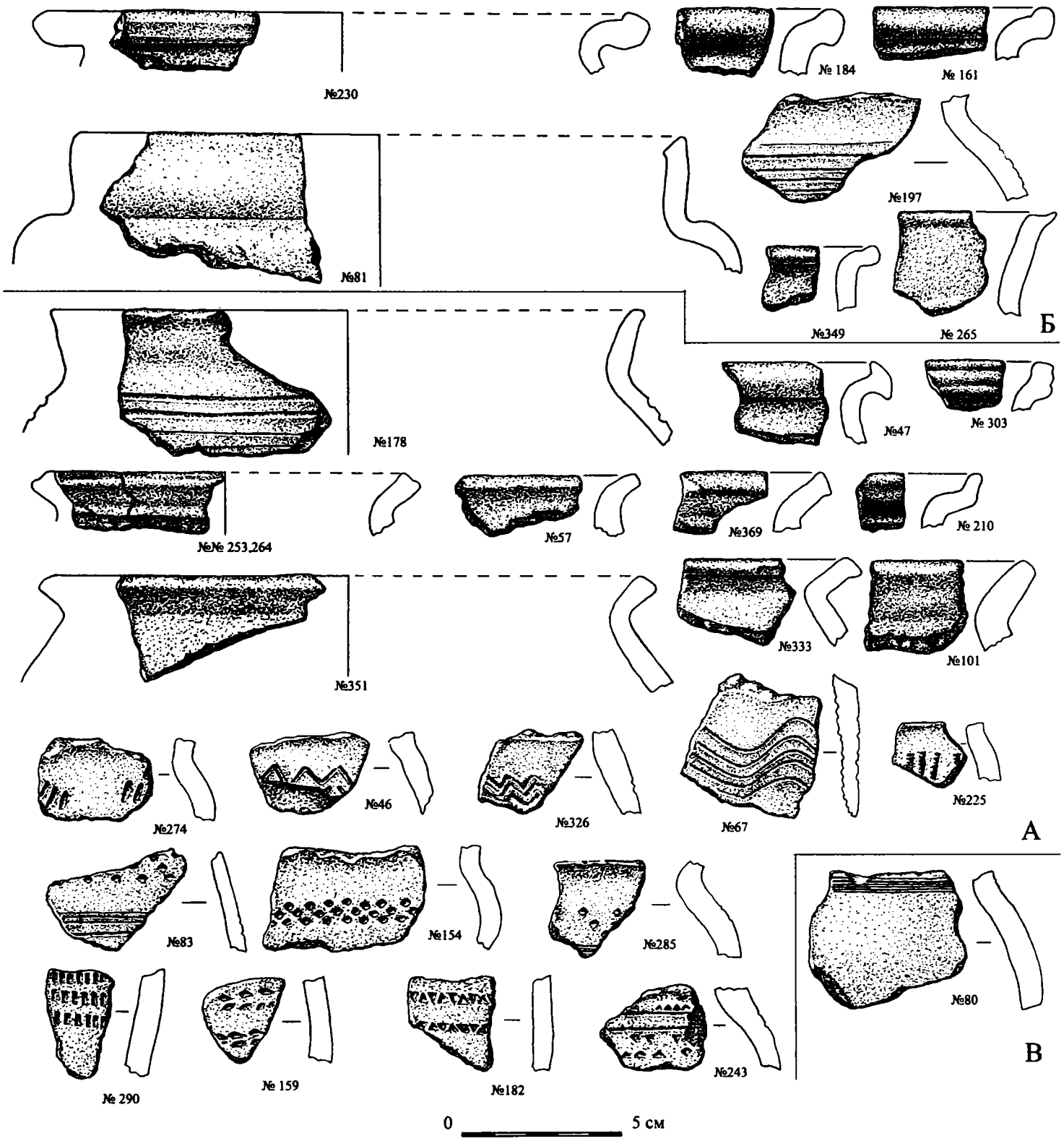

Рис. 86. Селище Царицыно-3. Керамика из культурного слоя

А — ранняя группа первой половины — середины XII в.;
Б — поздняя группа второй половины XII — первой половины XIII в.;
В — белоглиняная керамика XVII в.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 87. Вид курганной группы Царицыно-2

Вверху — на переднем плане курган № 15, за ним — курган № 17, вид с северо-востока;
внизу — вид на курган № 3 (в центре) и курган № 2 (справа) с юго-запада
Фото 2006 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

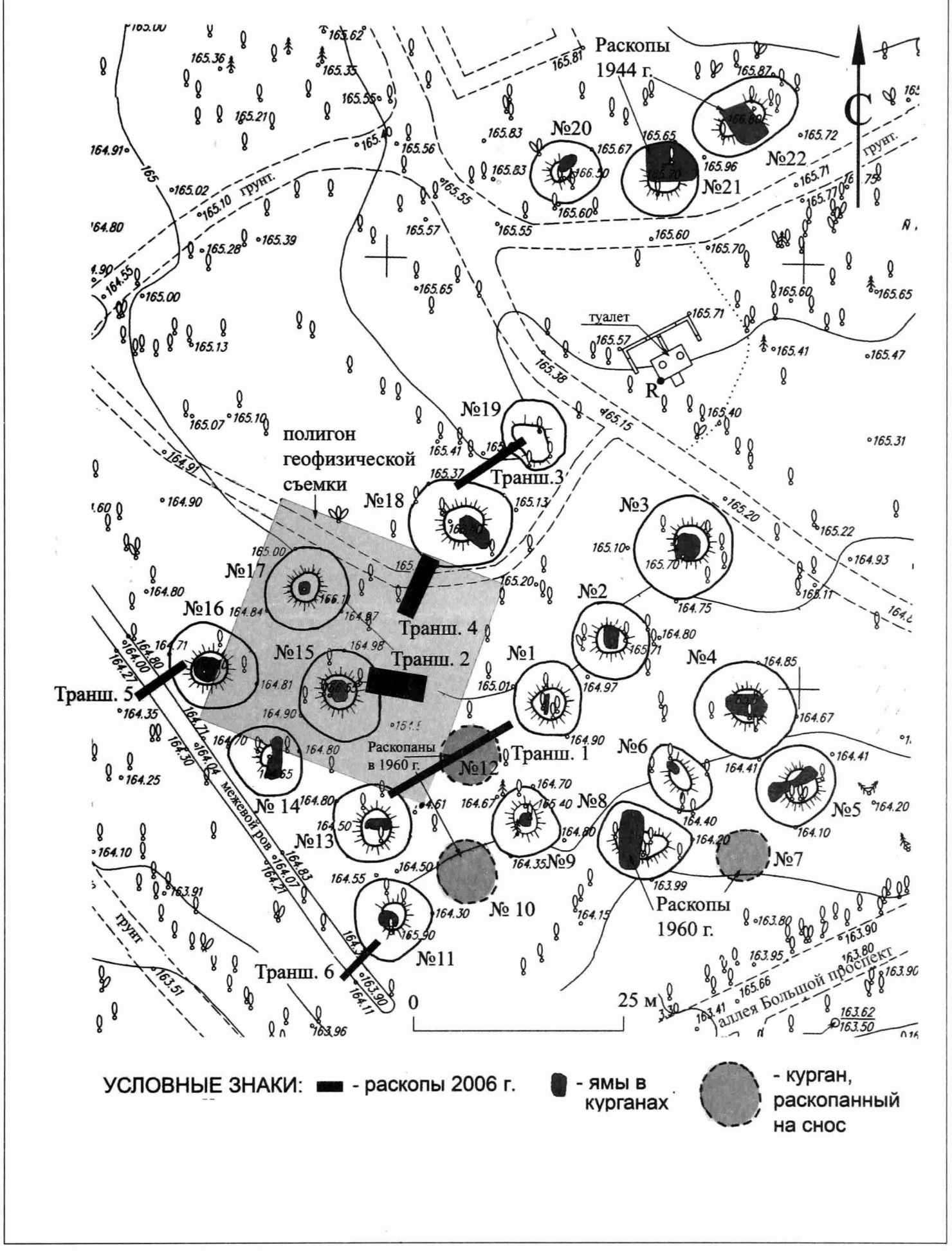

Рис. 88. Курганная группа Царицыно-2. План

Топосъемка Мосгоргеотреста масштаба 1:500. Сечение горизонталей — 0,5 м. Корректировка: Н.А. Кренке, В.В. Петров, 2006 г. Показаны раскопы 1944, 1960 и 2006 гг. Номера курганов соответствуют глазомерному плану 1960 г., снятому Б.Г. Петерсом

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

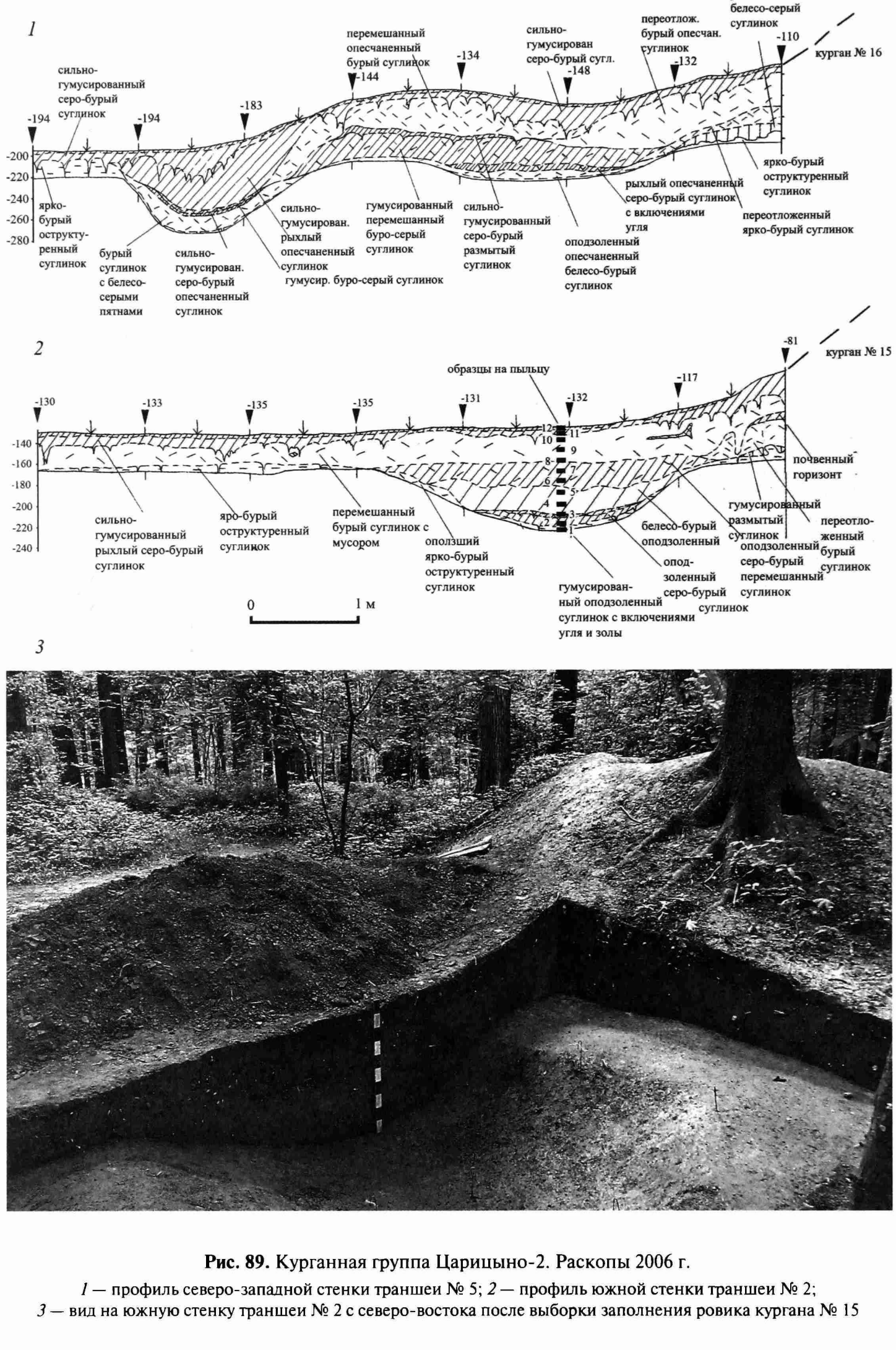
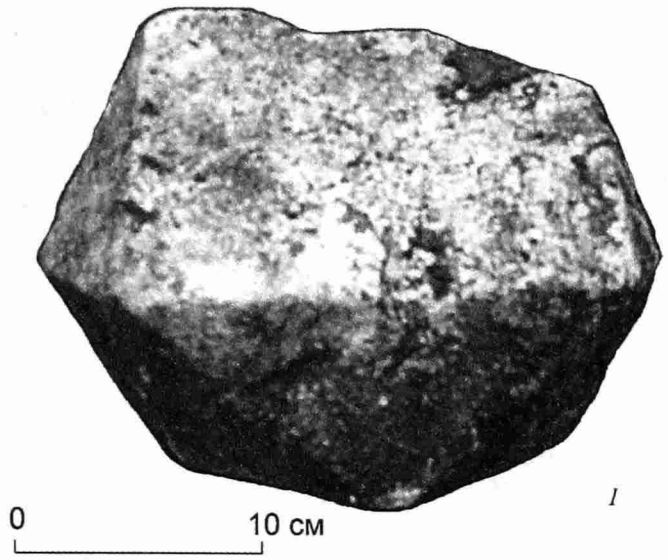

Рис. 89. Курганная группа Царицыно-2. Раскопы 2006 г.

1 — профиль северо-западной стенки траншеи № 5; *2* — профиль южной стенки траншеи № 2; *3* — вид на южную стенку траншеи № 2 с северо-востока после выборки заполнения ровика кургана № 15

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1

2

3

4

Рис. 90. Курганная группа Царицыно-2. Траншея № 4

1 — известняковая архитектурная деталь XVIII в. из заполнения ровика кургана № 18; *2* — скопление бутового камня и обломков архитектурных деталей; *3* — фрагмент профиля восточной стенки траншеи, строение покрытия парковой дорожки; 4 — поверхность парковой дорожки

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

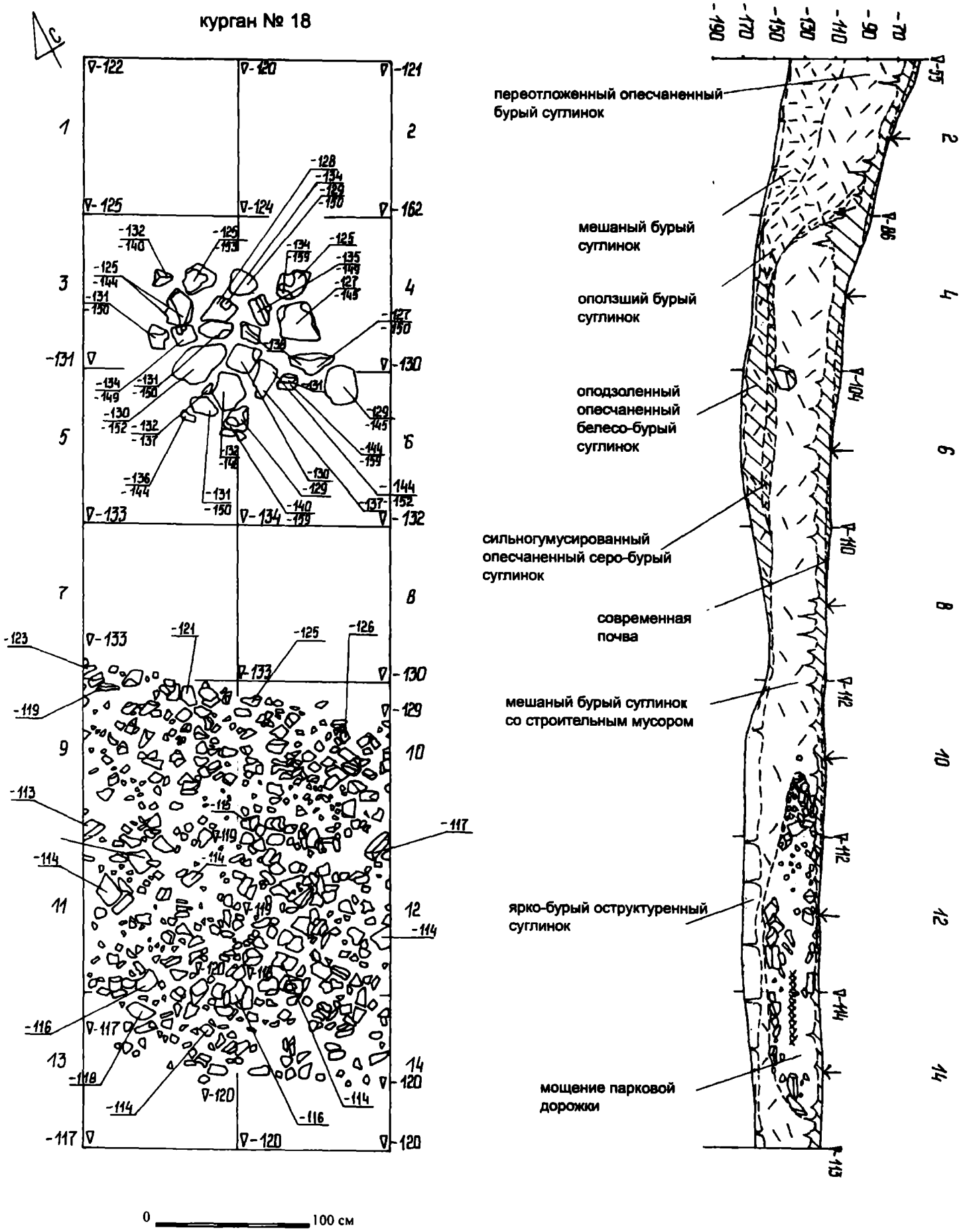
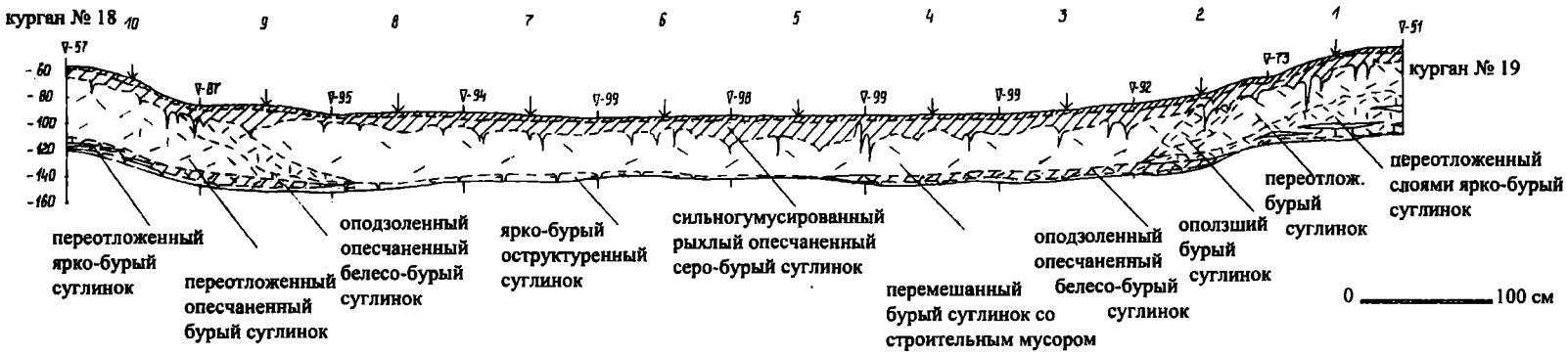

Рис. 91. Курганная группа Царицыно-2. План и профиль восточной стенки траншеи № 4

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

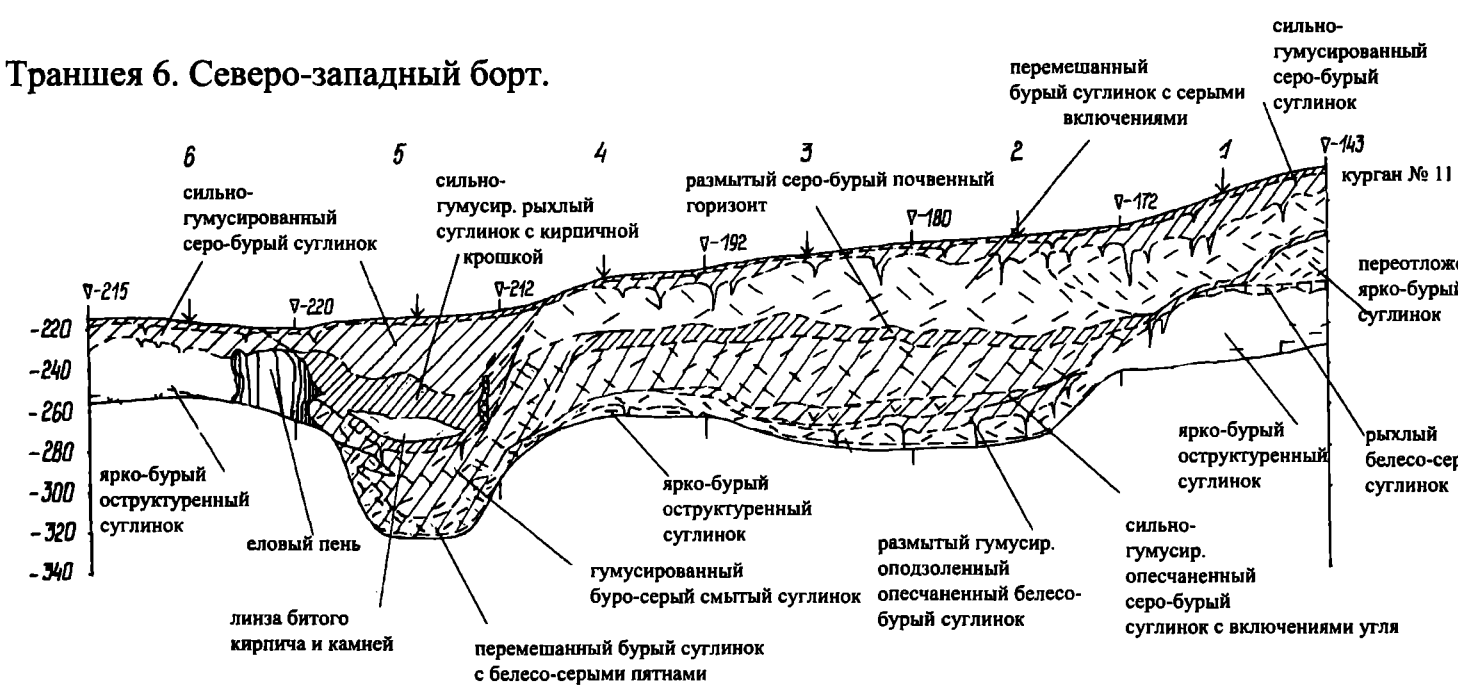
Траншея 3. Северо-западный борт.

Траншея 3. Северо-восточный борт.

Траншея 6. Северо-западный борт.

Траншея 6. Северо-восточный борт.

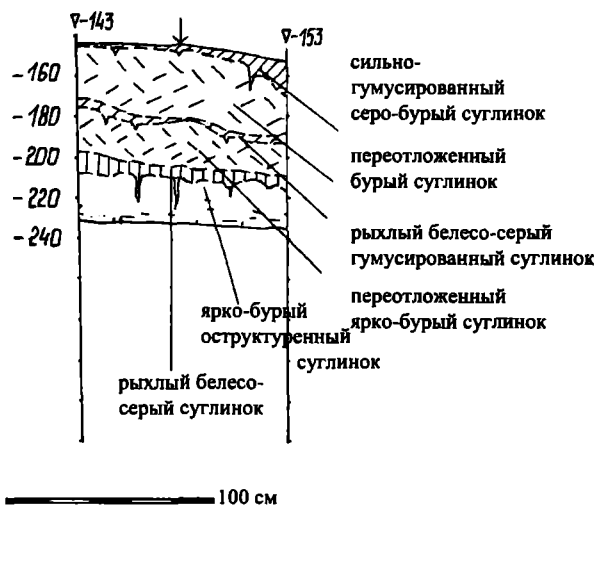

Рис. 92. Курганная группа Царицыно-2. Профили бортов траншей № 3 и № 6

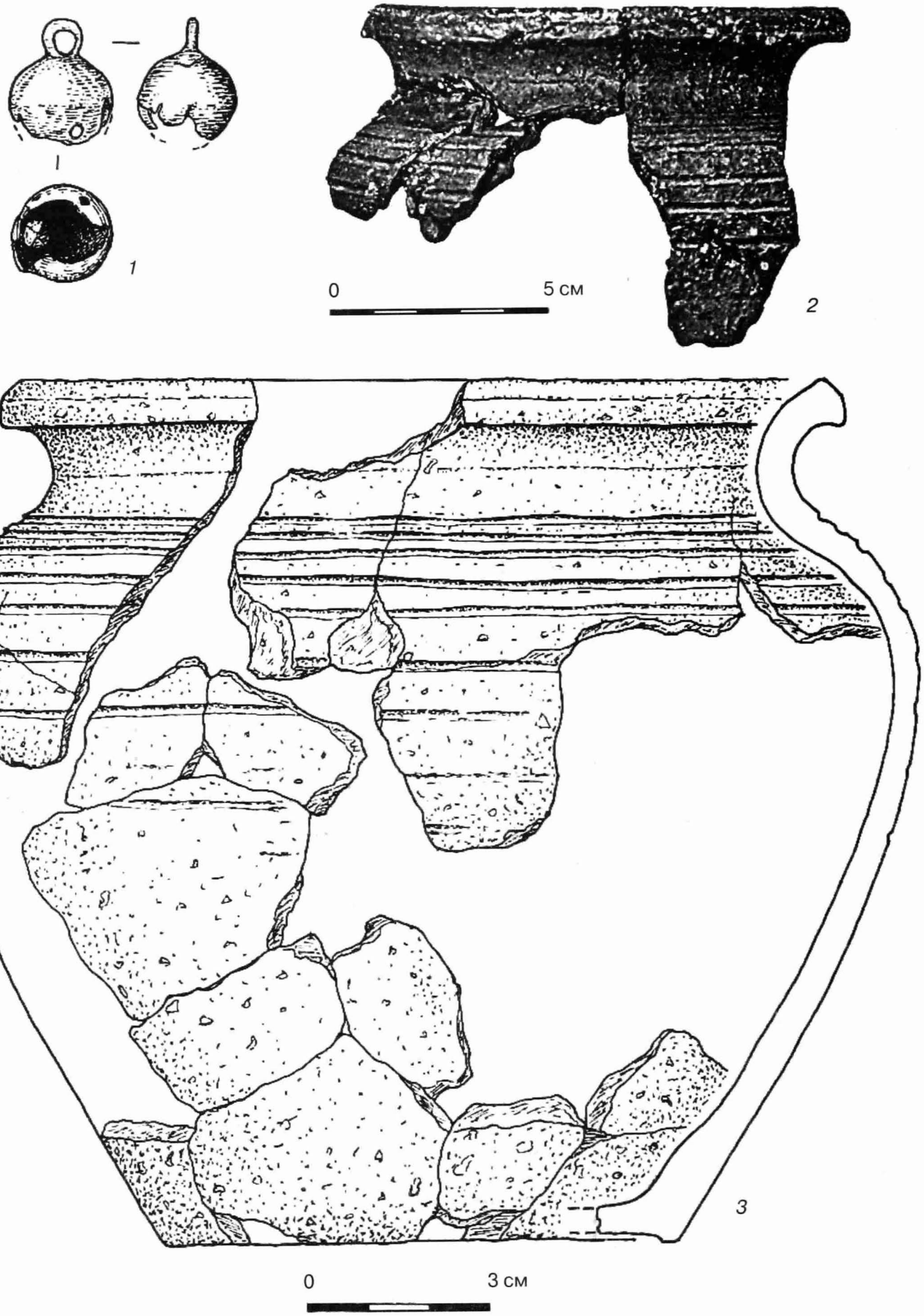

Рис. 93. Курганная группа Царицыно-2.
Находки из траншей 2006 г.

1 — бронзовый бубенчик, траншея № 3, кв. 9; *2, 3* — горшок из заполнения ровика кургана № 18, траншея 4

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

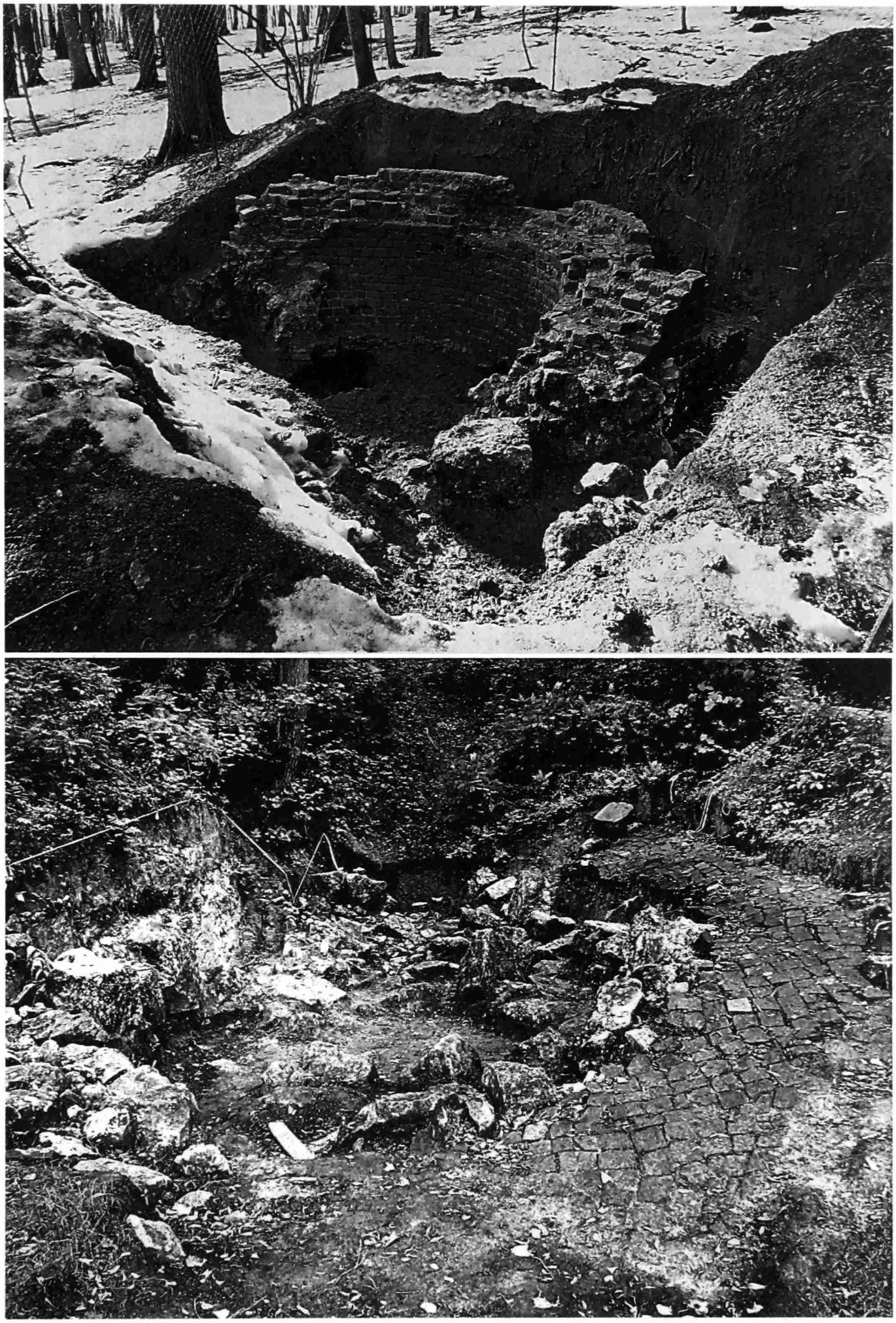
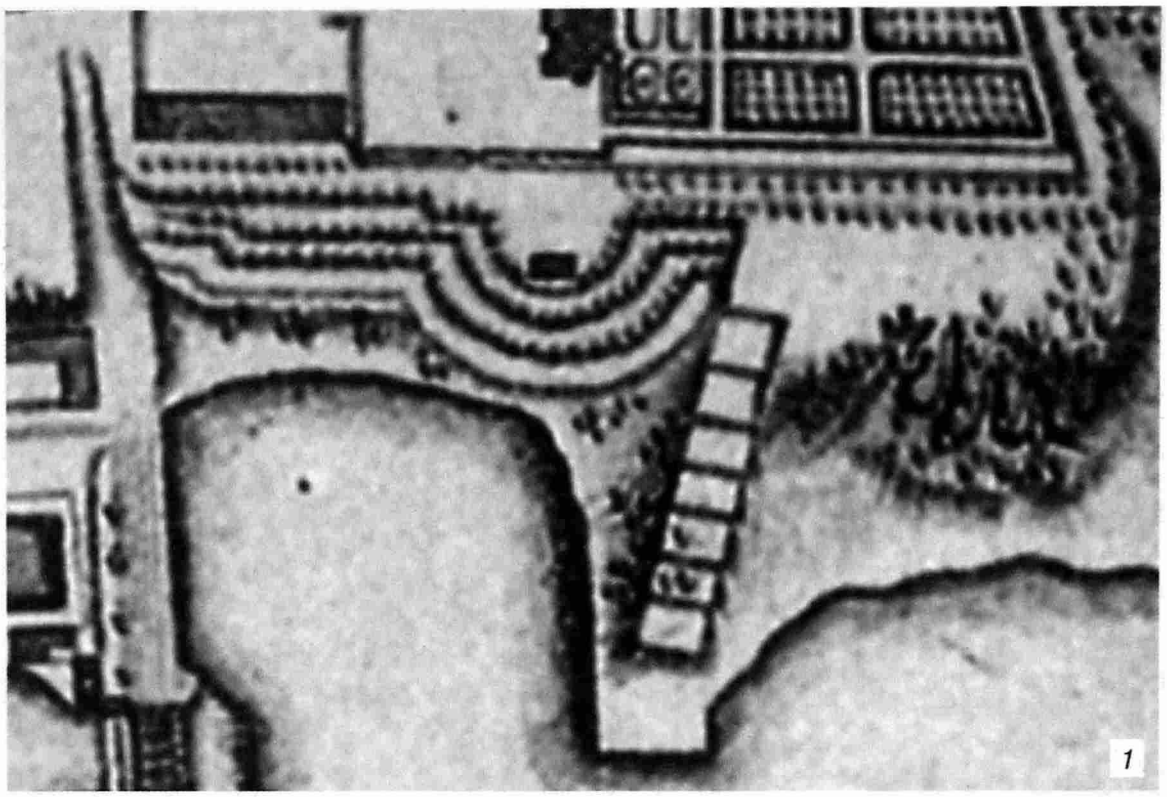
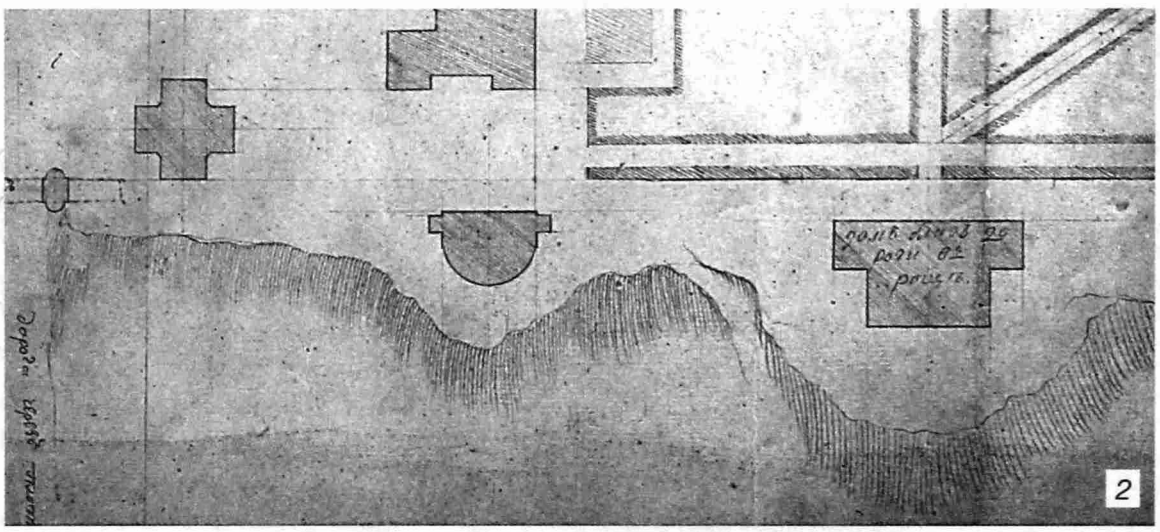

Рис. 94. Кирпичные конструкции гротов

Вверху — грот возле беседки Нерастанкино (см. *рис. 18*);
внизу — грот на берегу Верхне-Царицынского пруда
Фото Н. Кренке, 2006 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

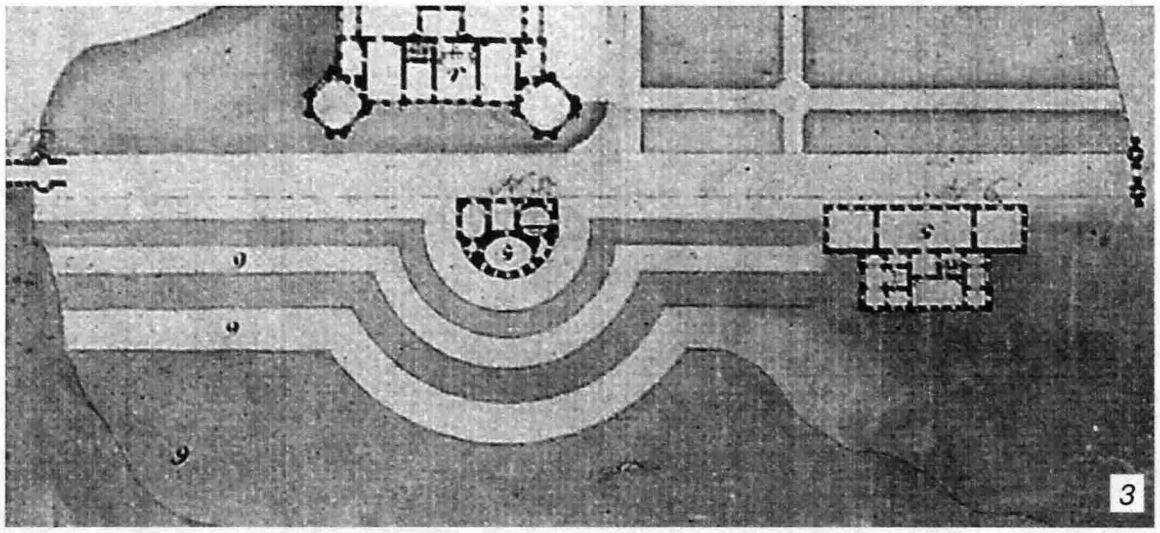

Рис. 95. Земляные террасы под малым дворцом

1 — Фрагмент плана села Черная Грязь с окрестностями. 1775 г.; *2* — фрагмент плана усадьбы Царицыно. Архитектор В.И. Баженов, 1780 — 1786 гг.; *3* — Фрагмент «Генерального плана строению в селе Царицыне близ Москвы» Архитектор М.Ф. Казаков

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

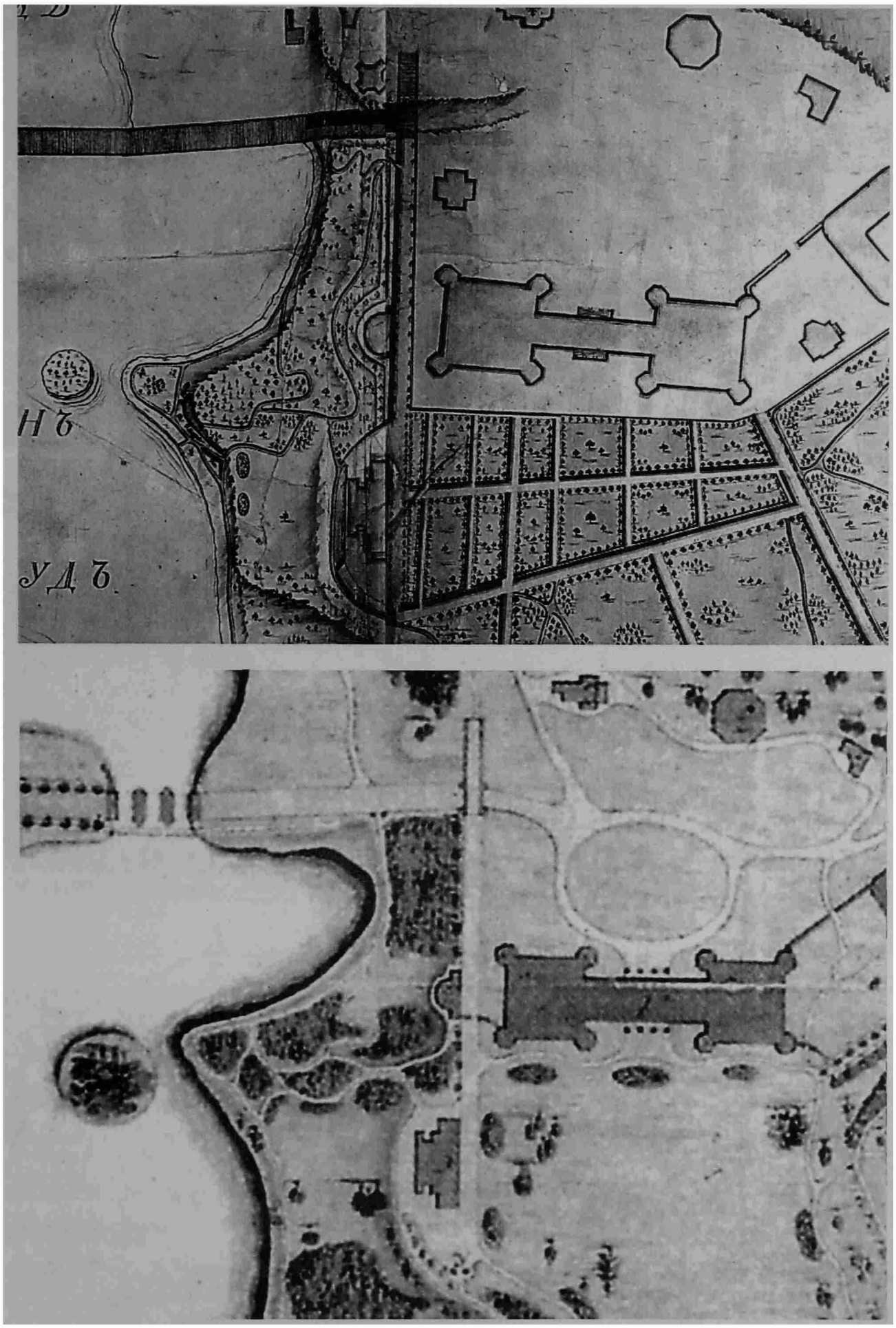
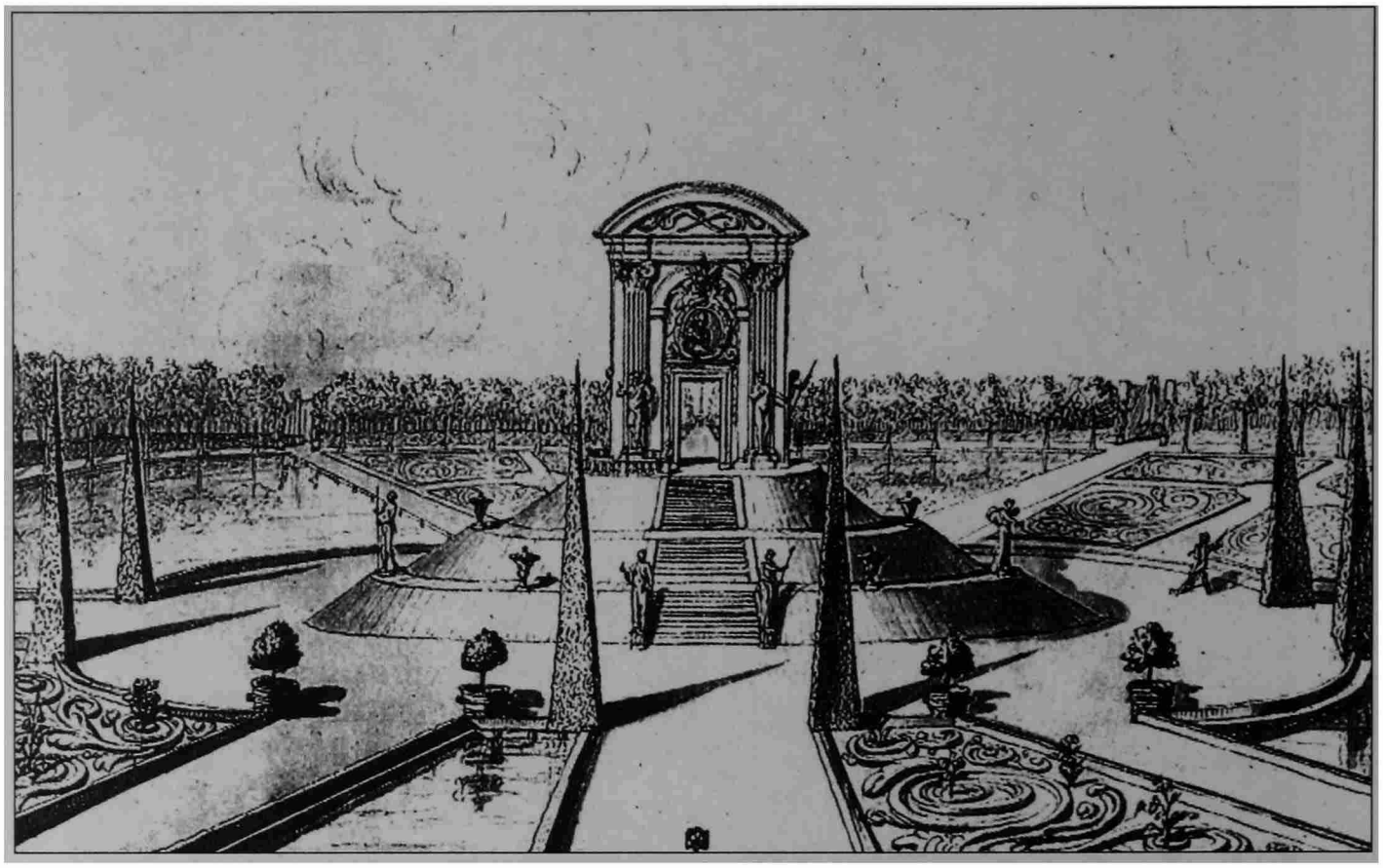

Рис. 96. Планировка участка парка в районе Малого дворца по планам 1795 г. и 1810-х годов
Верху — фрагмент плана Английского сада в селе Царицыне. 1795 г.
Внизу — фрагмент «Плана Царицынского сада со строением при нем» 1810-е гг.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

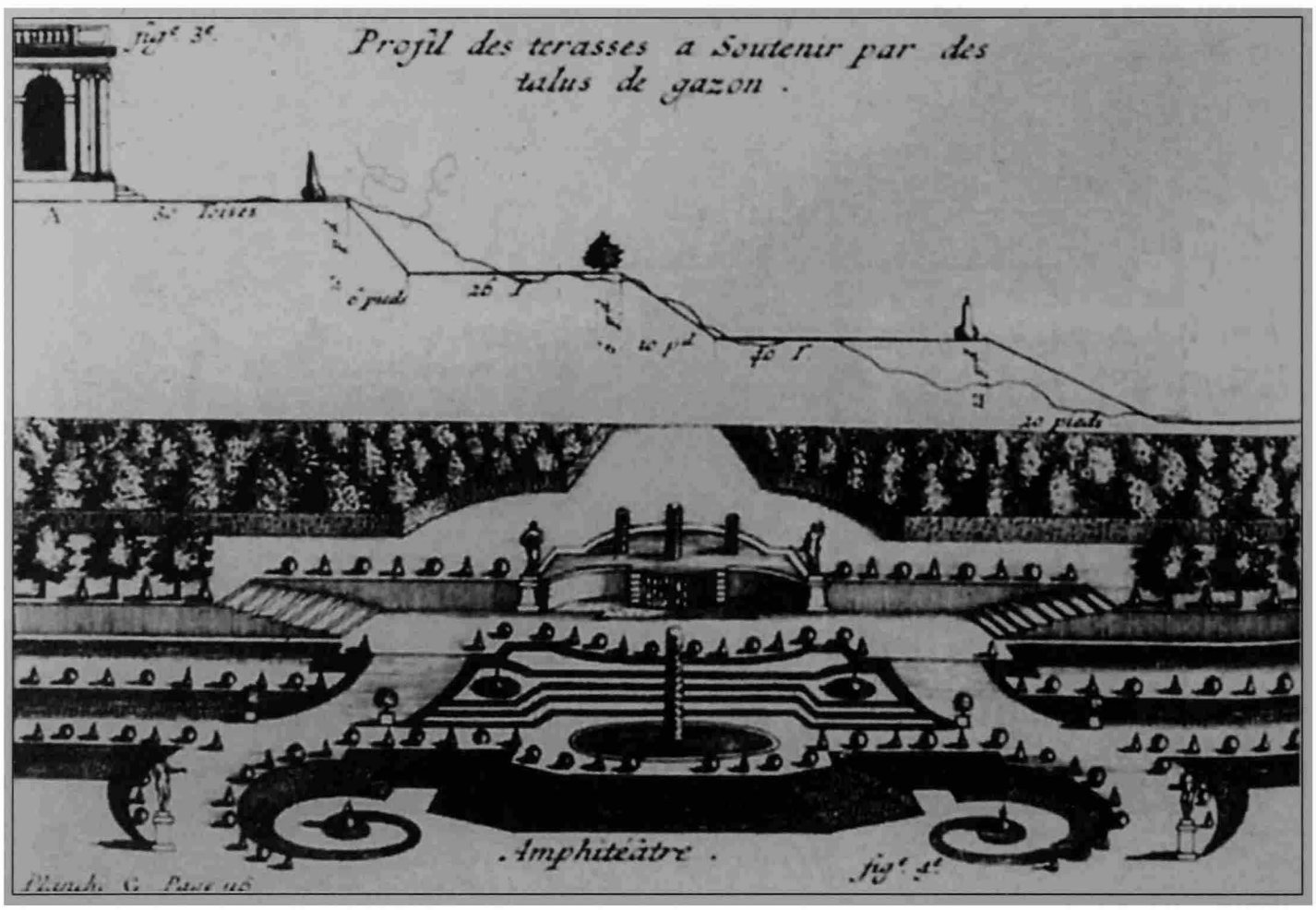

Рис. 97. Аналогии конструкции «земляной пирамиде» в Царицыно в архитектурных проектах первой половины XVIII в.

Вверху — участок Нижнего сада Петергофа (?) с беседкой. Неосуществленный проект Н. Микетти. ГЭ. 1721 г. (Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века. Собрание Эрмитажа. Научный каталог. Л., 1981. С. 75). Внизу — проект террасного сада («амфитеатра»). Проект Ж.-Б.А. Леблона (по Горбатенко, 2006)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

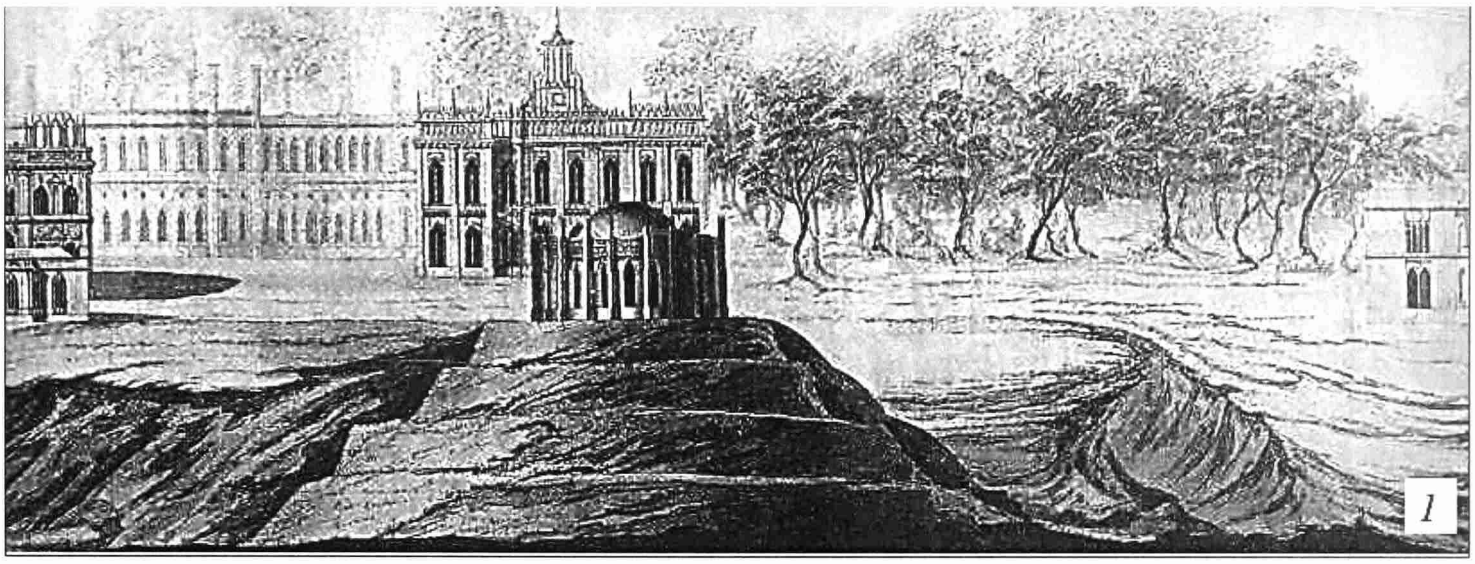

Рис. 98. «Земляная пирамида» в Царицыно

1 — фрагмент панорамы В.И. Баженова; *2* — фото 2005 г.; *3* — вид на траншею № 1 под Малым дворцом с юга

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

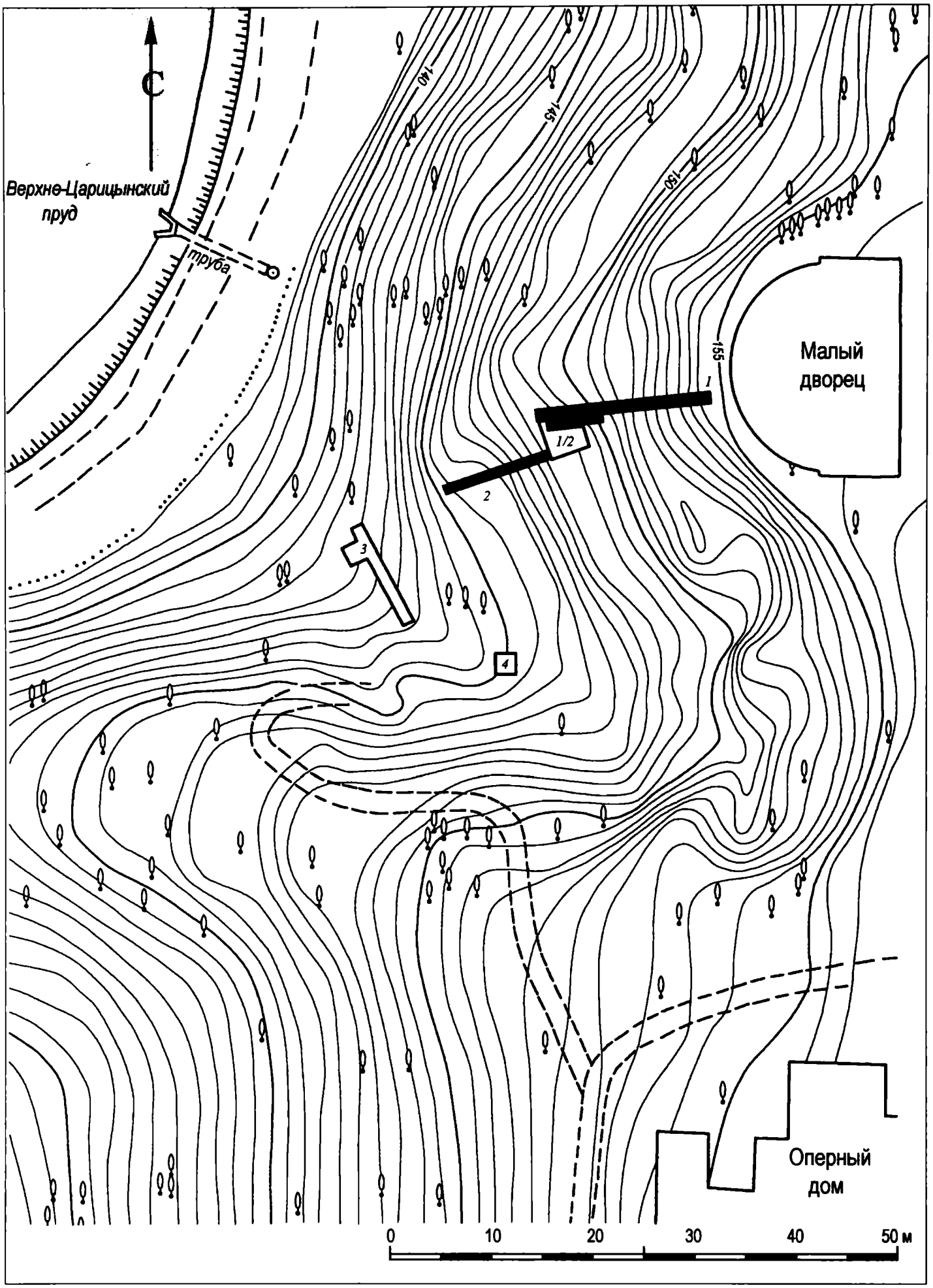

Рис. 99. План искусственных земляных террас под Малым дворцом

Сечение горизонталей 1 м, год съемки — 1991

1 — траншея 1; *2* — траншея 2; *1/2* — траншея 1/2; *3* — траншея 5; *4* — шурф 1

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

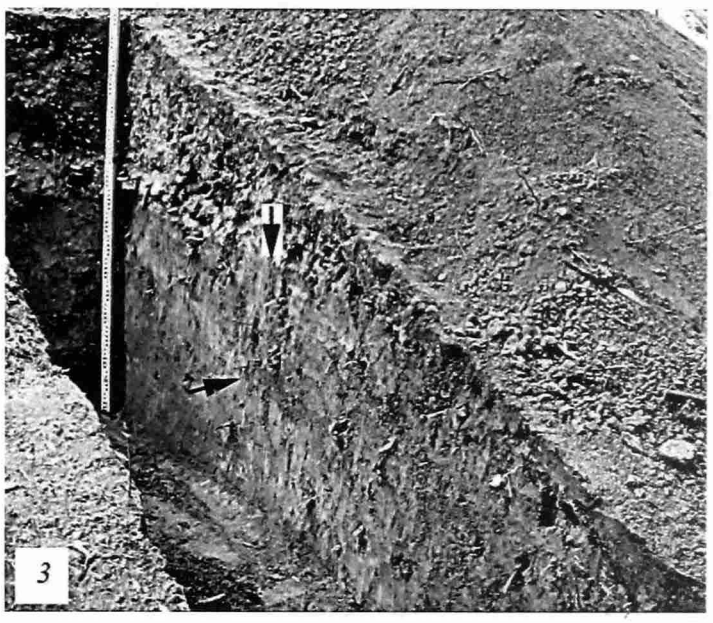

Рис. 100. Раскопки «земляной пирамиды» под Малым дворцом, 2004 г.

1, 4 — кирпичная вымостка дорожки конца XVIII в. в траншее 1/2; *2* — пень дерева, срубленного при отсыпке земляной террасы; *3* — профиль южного борта траншеи № 1

Нижняя стрелка указывает на прослойку почвы, маркирующую естественную поверхность склона, верхняя стрелка указывает на горизонтальную поверхность искусственной террасы

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

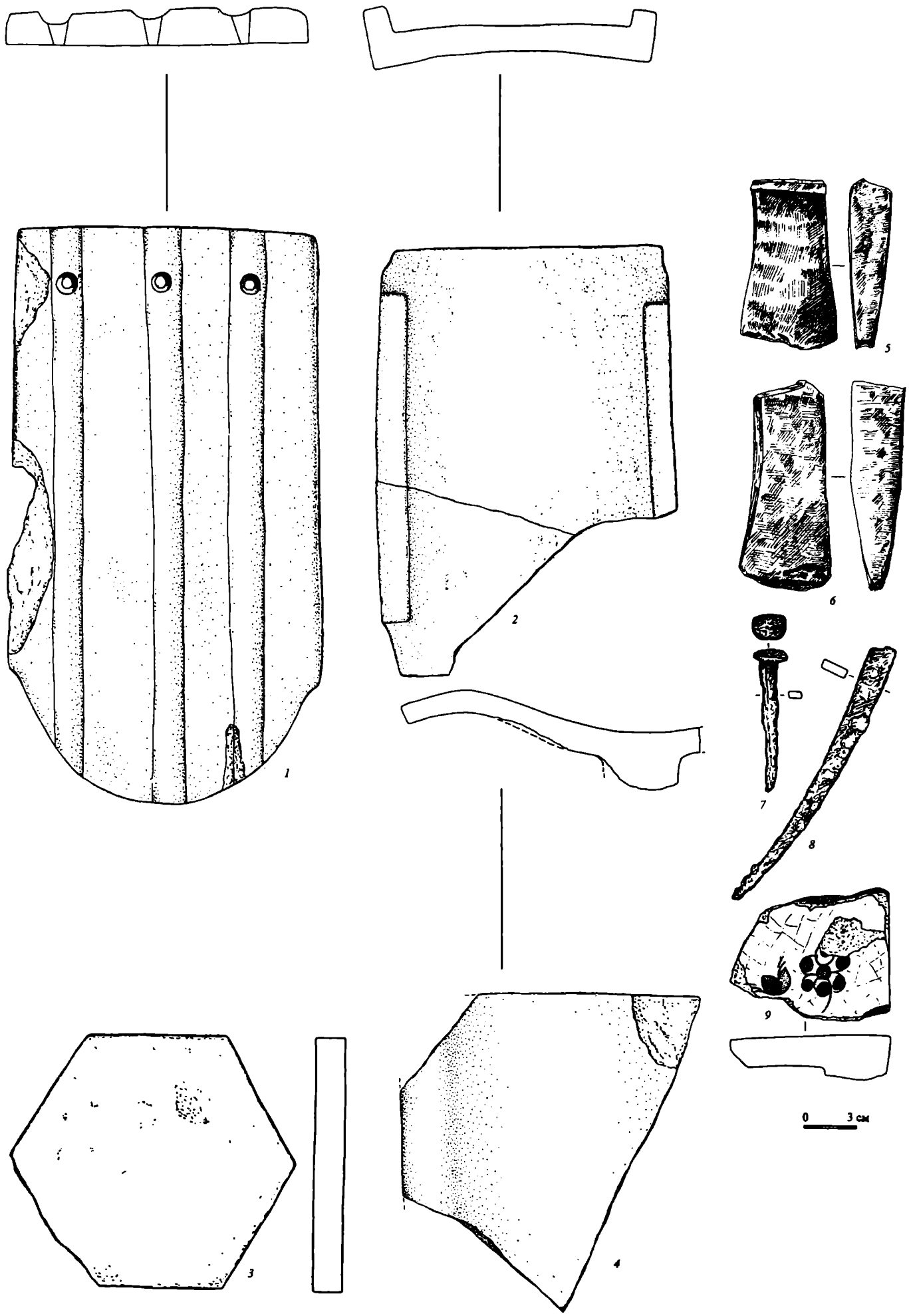

Рис. 101. Находки из засыпки начала XIX в. верхней ступени «земляной пирамиды»

1, 2, 4 — кровельные «золотые» черепицы; *3* — керамическая плитка пола; *5, 6* — железные каменотесные инструменты; *7, 8* — железные гвозди; *9* — гладкий изразец с синей росписью по белому фону

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

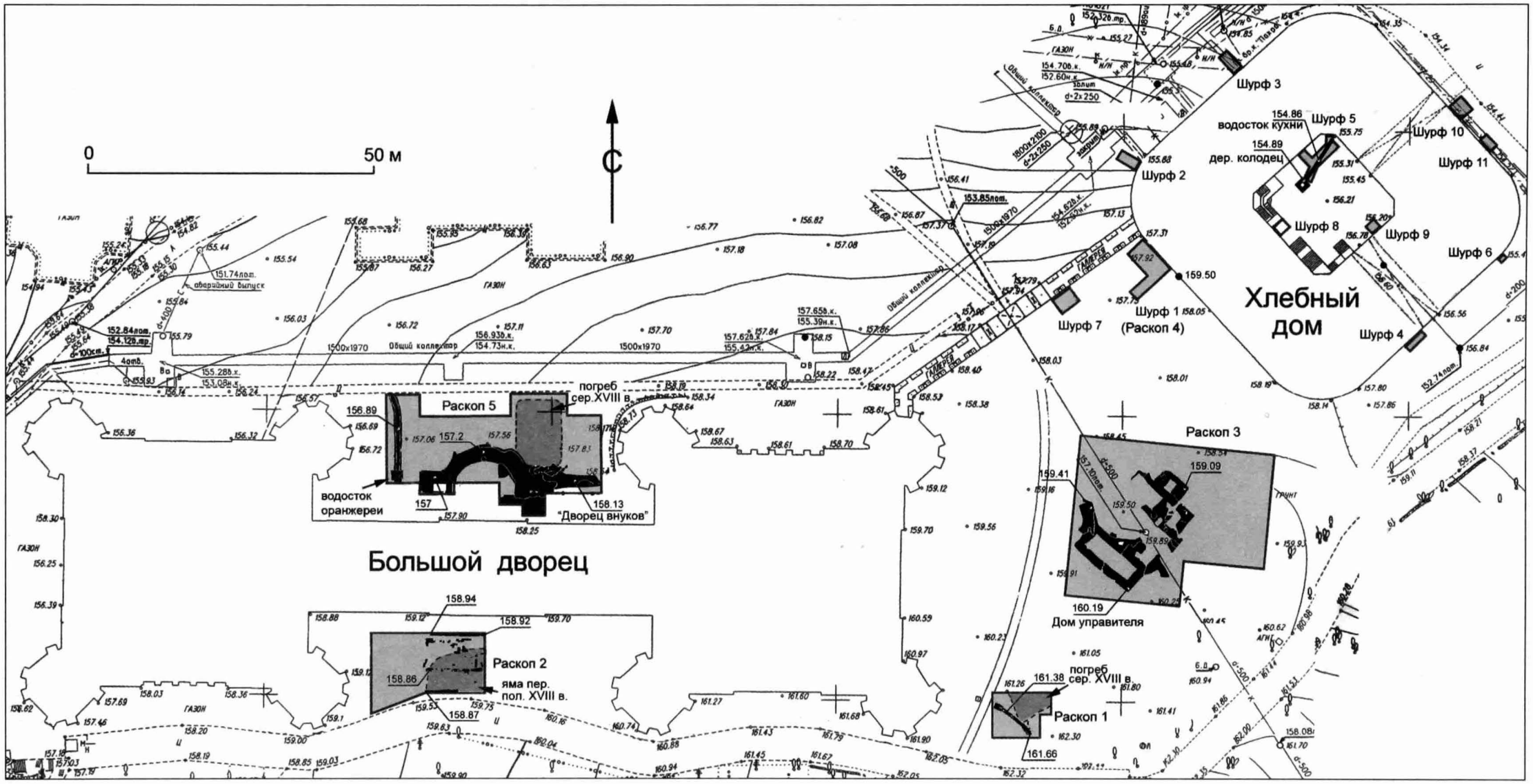

Рис. 102. Расположение раскопов Царицынской экспедиции ИА РАН возле Большого дворца, 2005 г.

Топографическая основа масштаба 1: 500, сечение горизонталей — 0,5 м

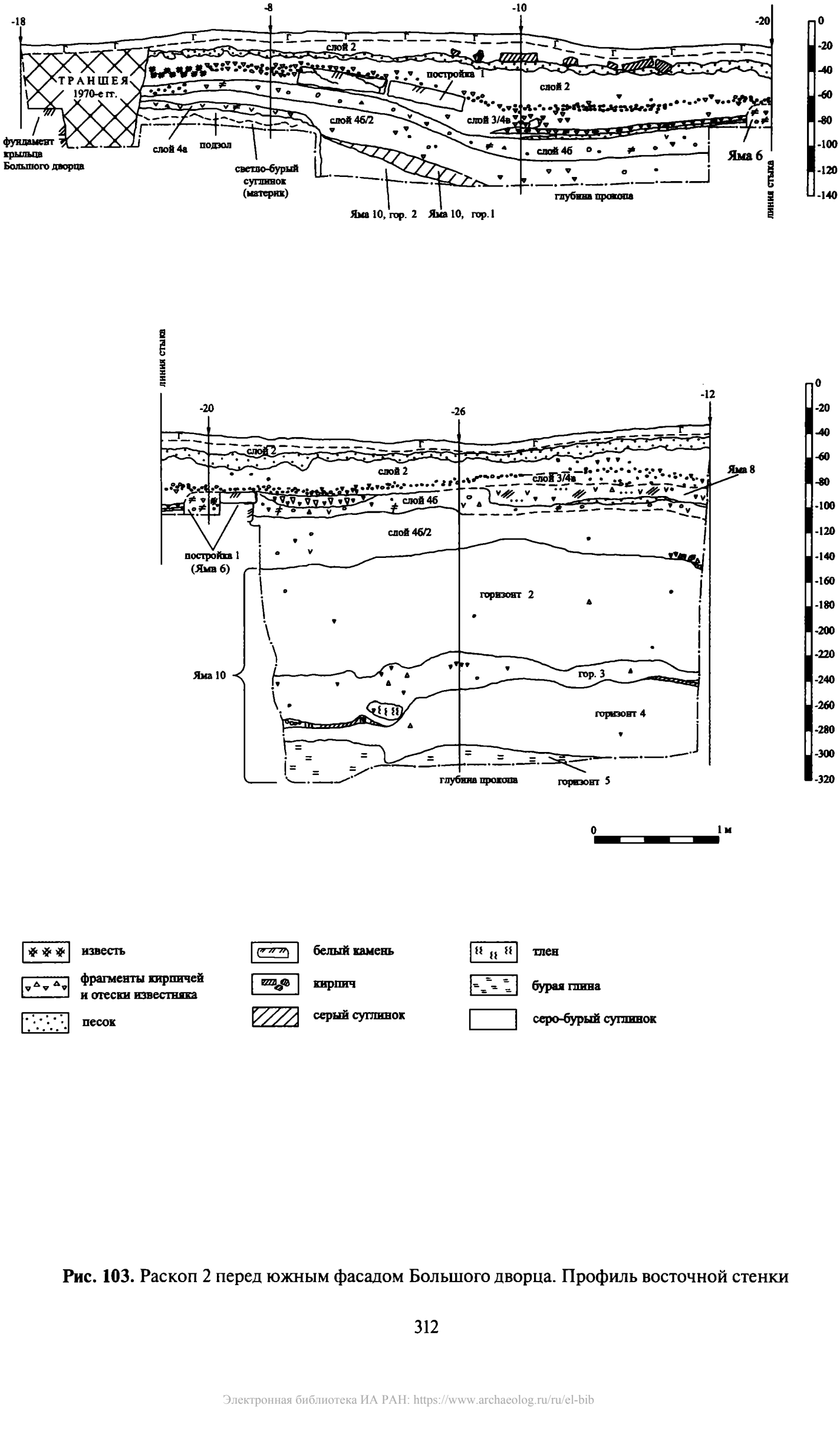

Рис. 103. Раскоп 2 перед южным фасадом Большого дворца. Профиль восточной стенки

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

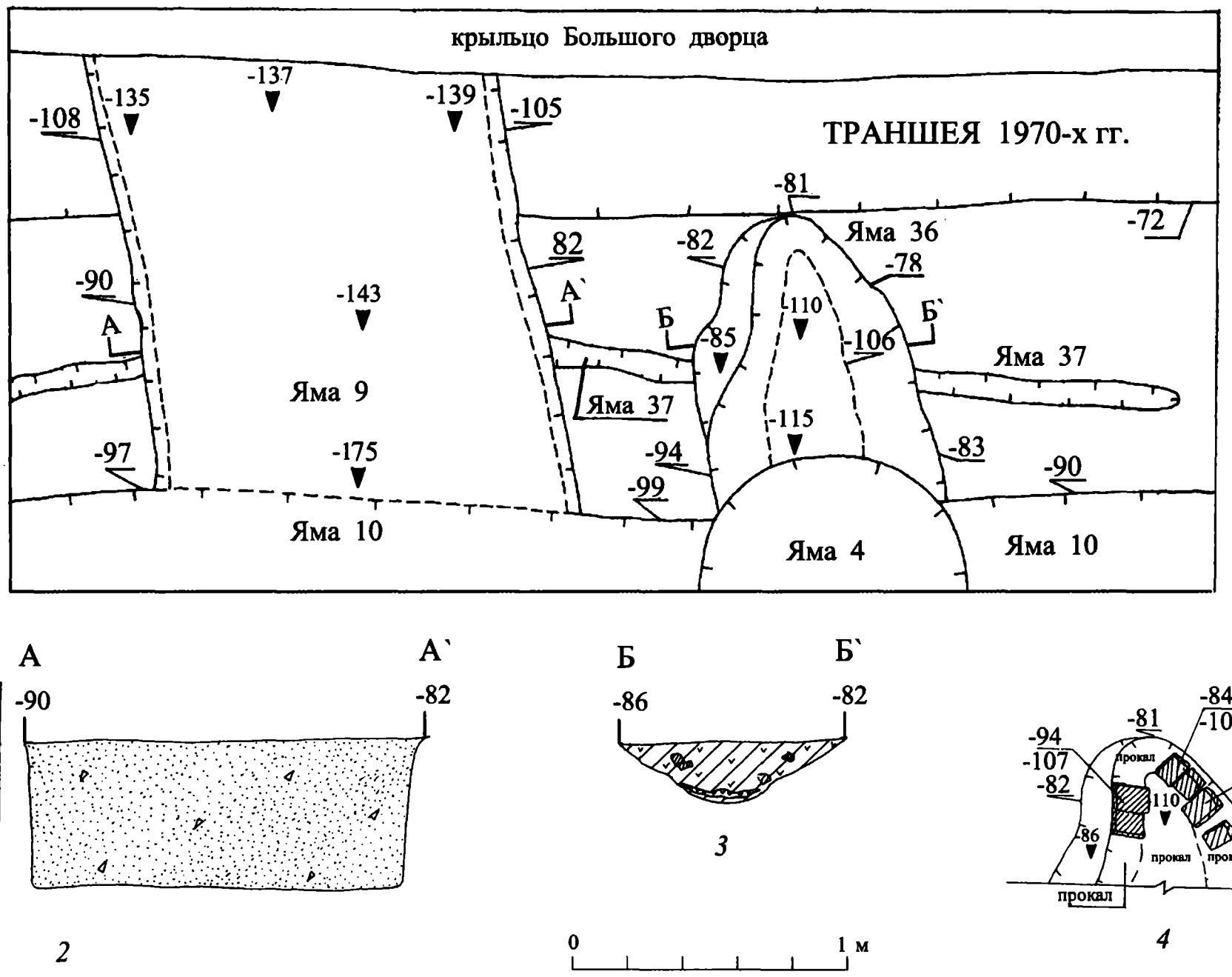

Рис. 104. Раскоп 2 перед южным фасадом Большого дворца. Остатки сооружений 1680-х годов (ямы 9 и 36)

1 — план выбранных ям 9 и 36; *2* — разрез ямы 9; *3* — разрез ямы 36; *4* — северная часть ямы 36 после выборки заполнения

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

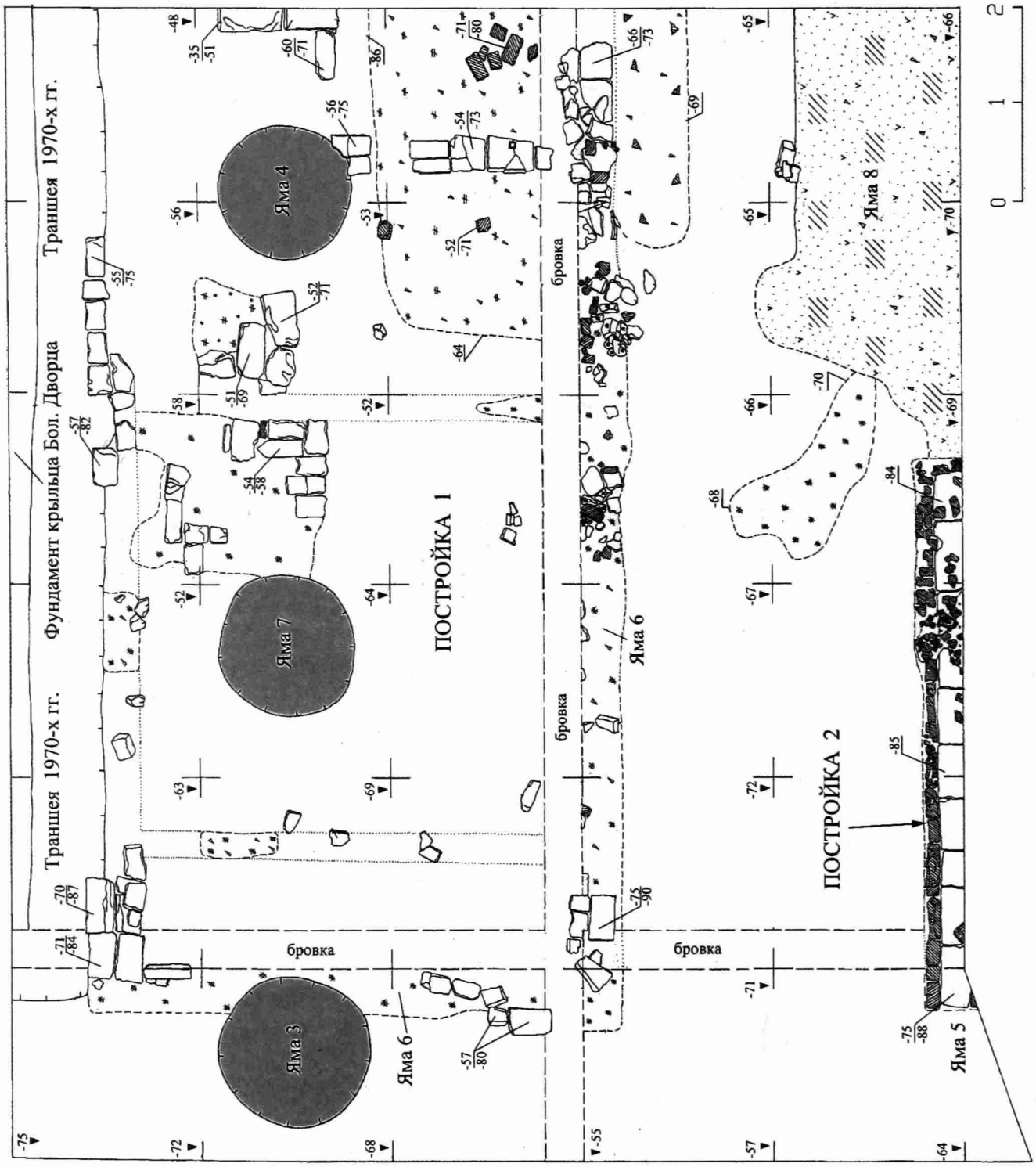
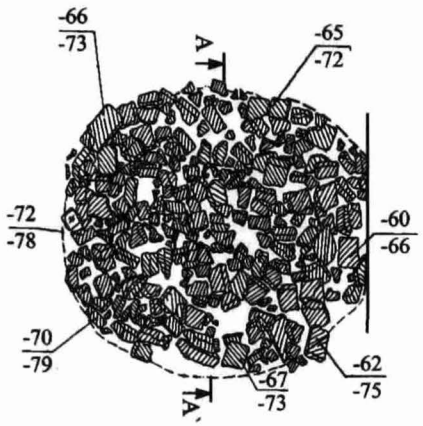

Рис. 105. Раскоп 2 перед южным фасадом Большого дворца

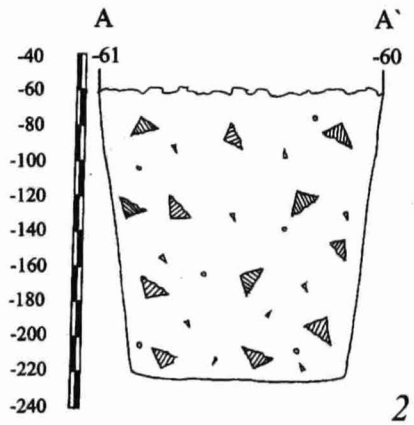
Остатки сооружений 1760-х — начала 1770-х годов (постройки 1, 2, яма 8), прорезанные ямами 1786–1796 гг. (ямы 3, 4, 7)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

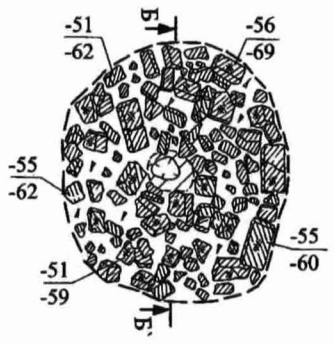
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

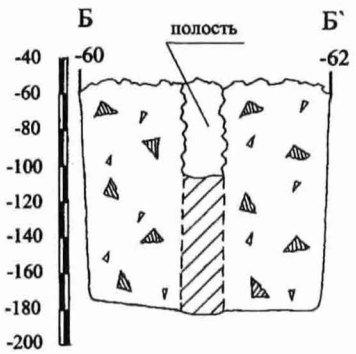
1

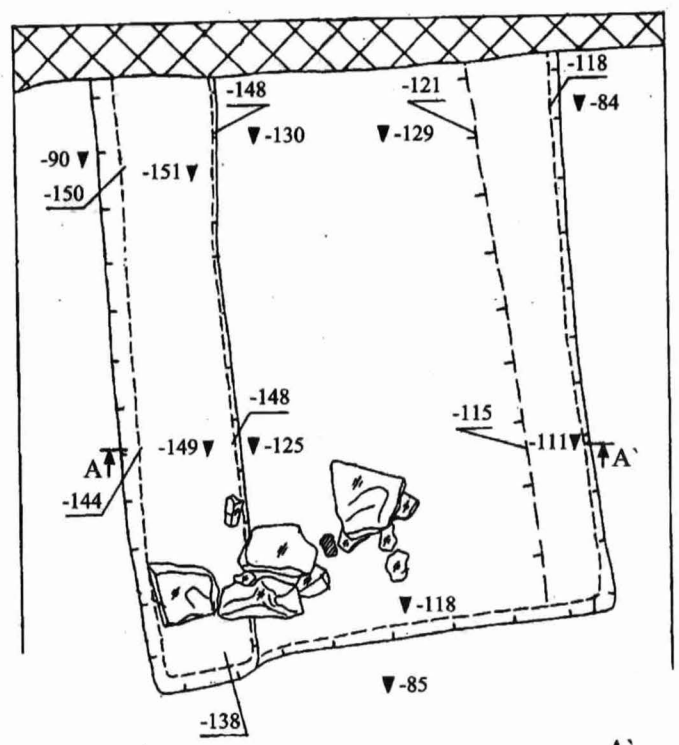
2

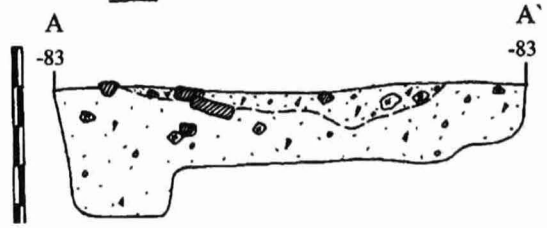
3

4

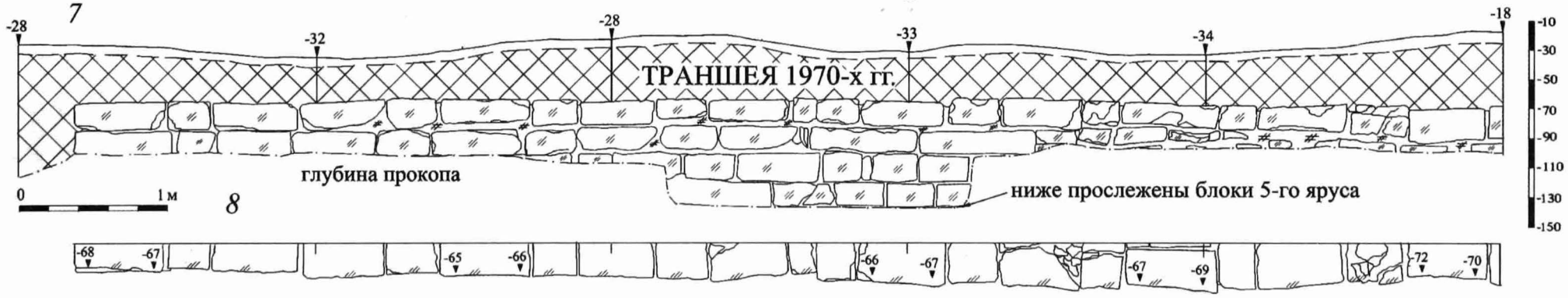
5

6

7

8

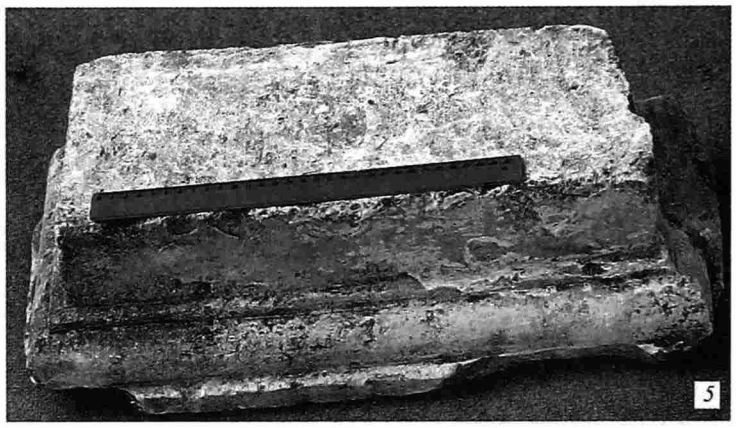
Рис. 106. Раскоп 2 перед южным фасадом Большого дворца

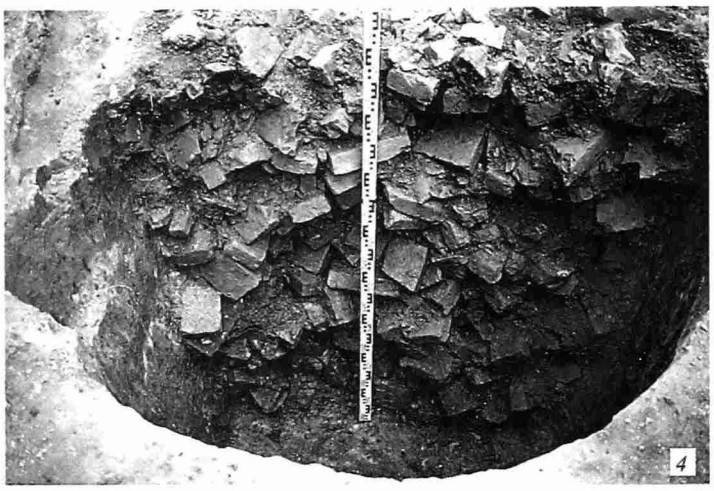
1, 2 — яма 3; 3, 4 — яма 4; *5, 6* — яма 2, *7* — фасад фундамента южного крыльца Большого дворца; *8* — план фундамента крыльца

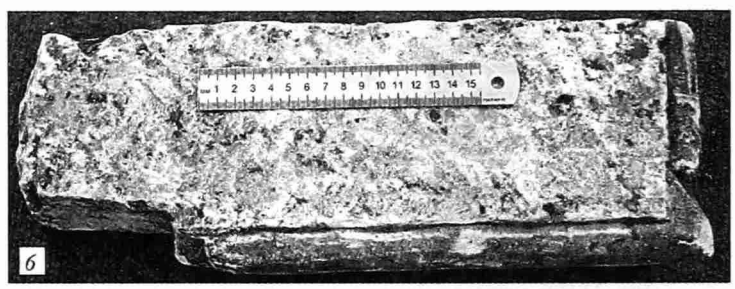

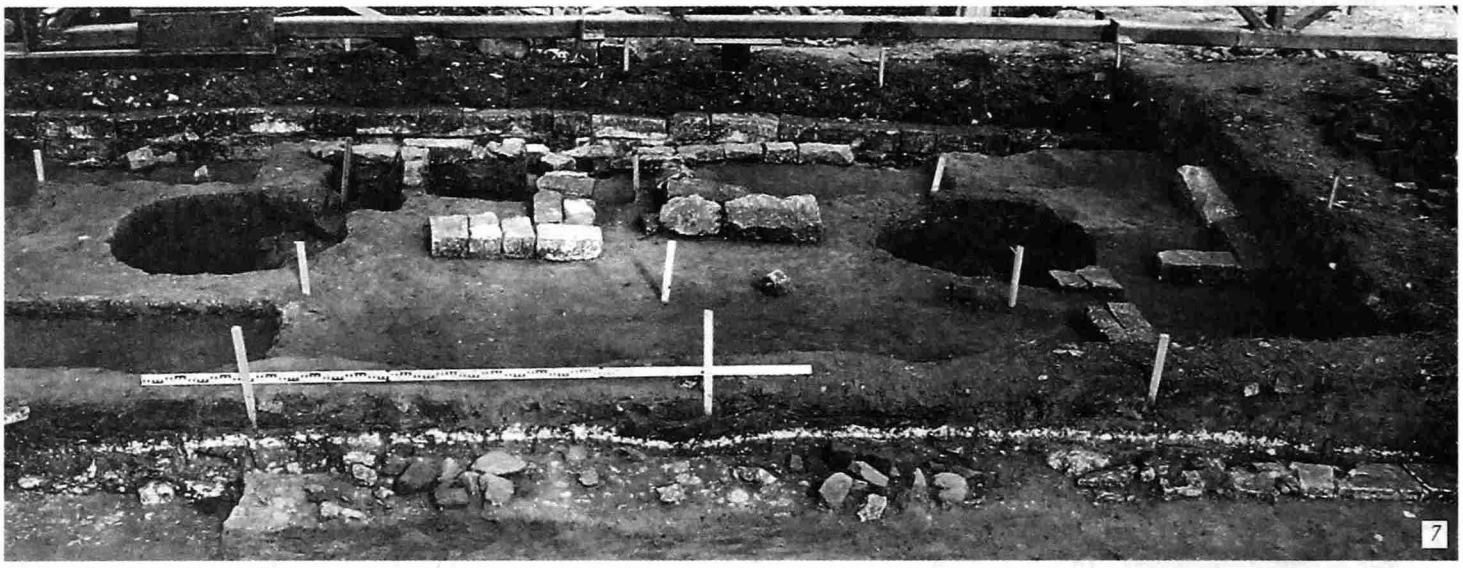

Рис. 107. Раскоп 2 перед южным фасадом Большого дворца

1 — вид с запада; *2* — вид с юга на фундамент основания печи в постройке 1; *3, 4* — забутованные кирпичами ямы крепления лесов 1786–796 гг.; *5, 6* — вторично использованные профилированные блоки из фундамента постройки 1; *7* — вид с юга на раскоп. На переднем плане — постройка 2

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

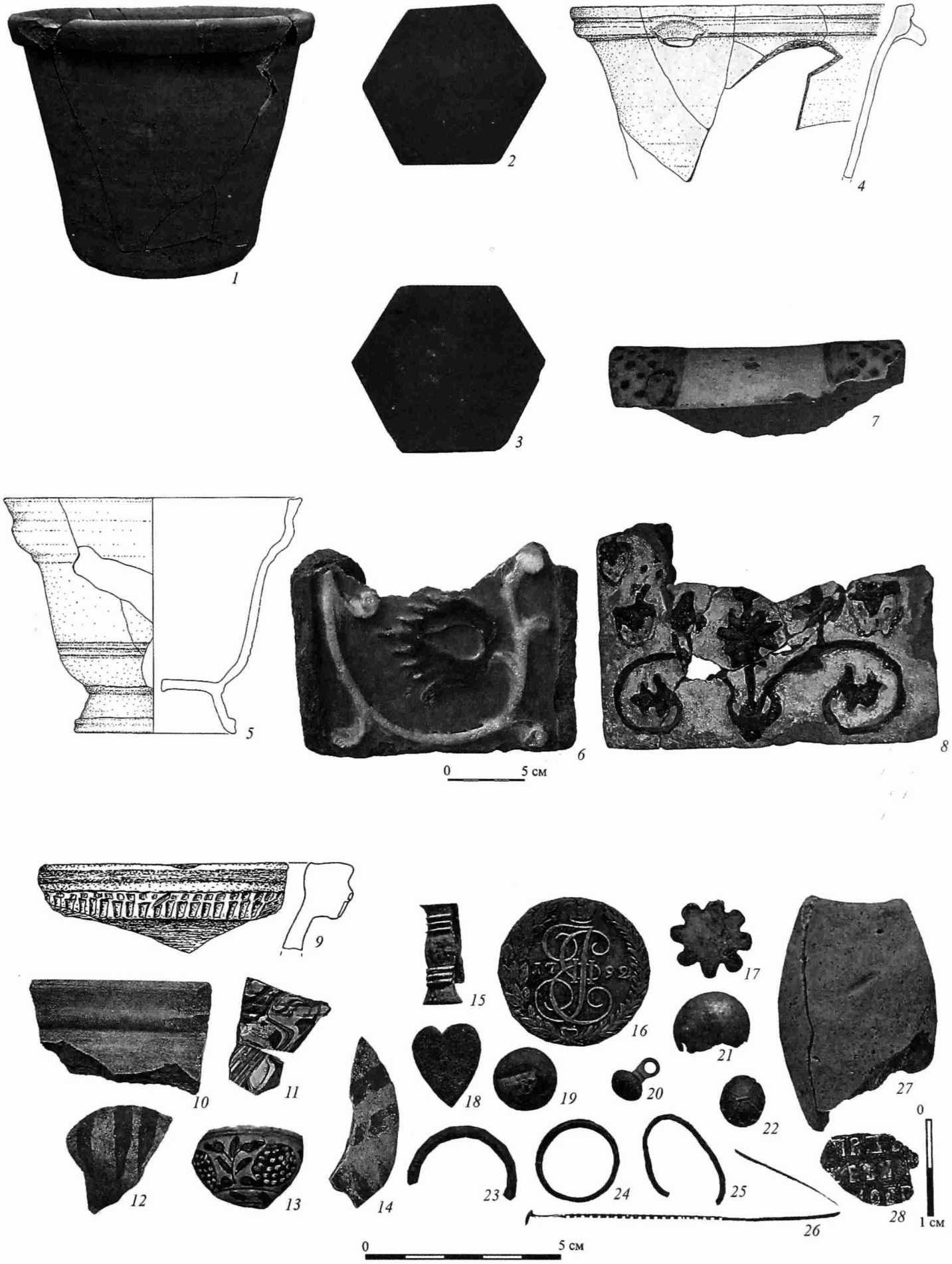

Рис. 108. Находки из раскопа 2 возле Большого дворца

1, 4, 5, 9 — цветочные горшки; *2, 3* — керамические плитки пола; *7* — гладкий изразец с зеленой росписью; *6, 8* — рельефные изразцы; *10* — белоглиняная корчага; *11* — керамика с мраморовидной росписью; *12, 14* — белоглиняная керамика с росписью охрой; *13* — фаянсовая чашка; *15, 17, 18* — накладки бронзовые; *16* — пять копеек 1792 г. *19–22* — пуговицы бронзовые; *23, 24* — кольца бронзовые, *26* — булавка бронзовая, *27* — грузило глиняное, *28* — серебряная проволочная копейка Петра I

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

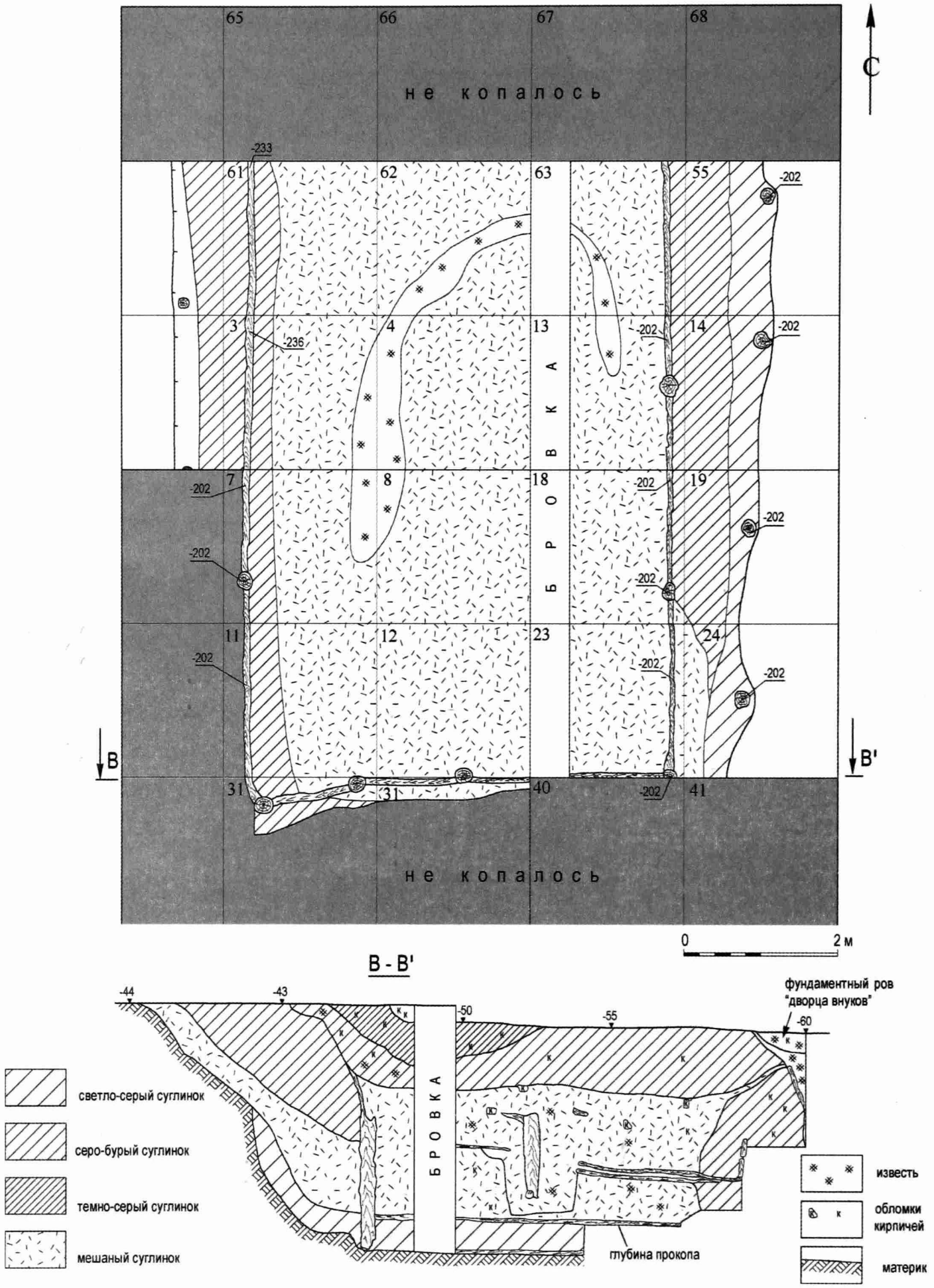

Рис. 109. План и профиль ямы 2 в раскопе 5 возле Большого дворца

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

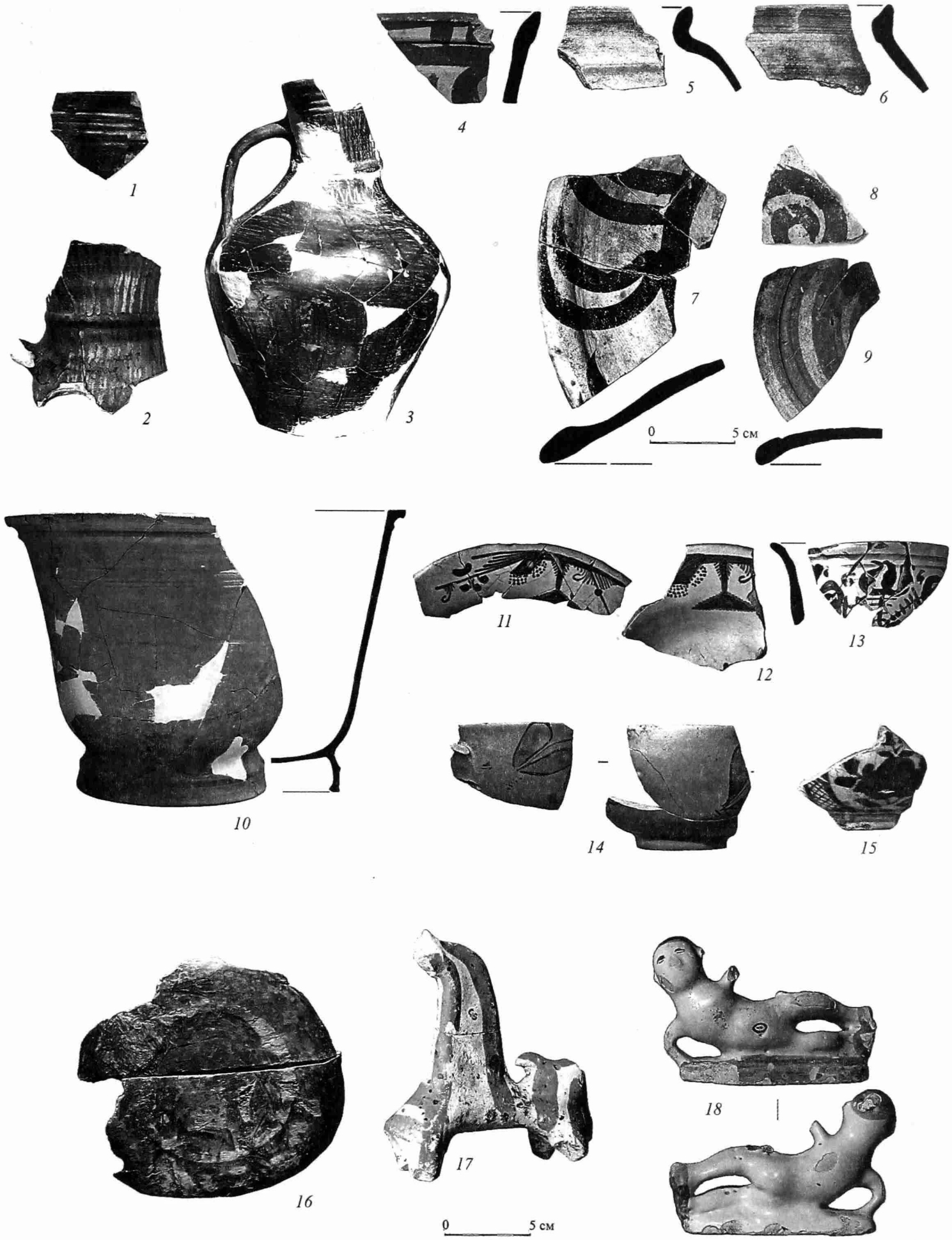

Рис. 110. Находки из ямы 2 в раскопе 5 перед северным фасадом Большого дворца

1–3 — чернолощеный кувшин и фрагменты; *4–9* — горшки и крышки из белой глины с росписью охристой краской; *10* — цветочный горшок; *11–15* — фрагменты фаянсовых чашек; *16* — деревянная чаша; *17* — свистулька-коник из белой глины с росписью охристой краской; *18* — фаянсовая фигурка

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

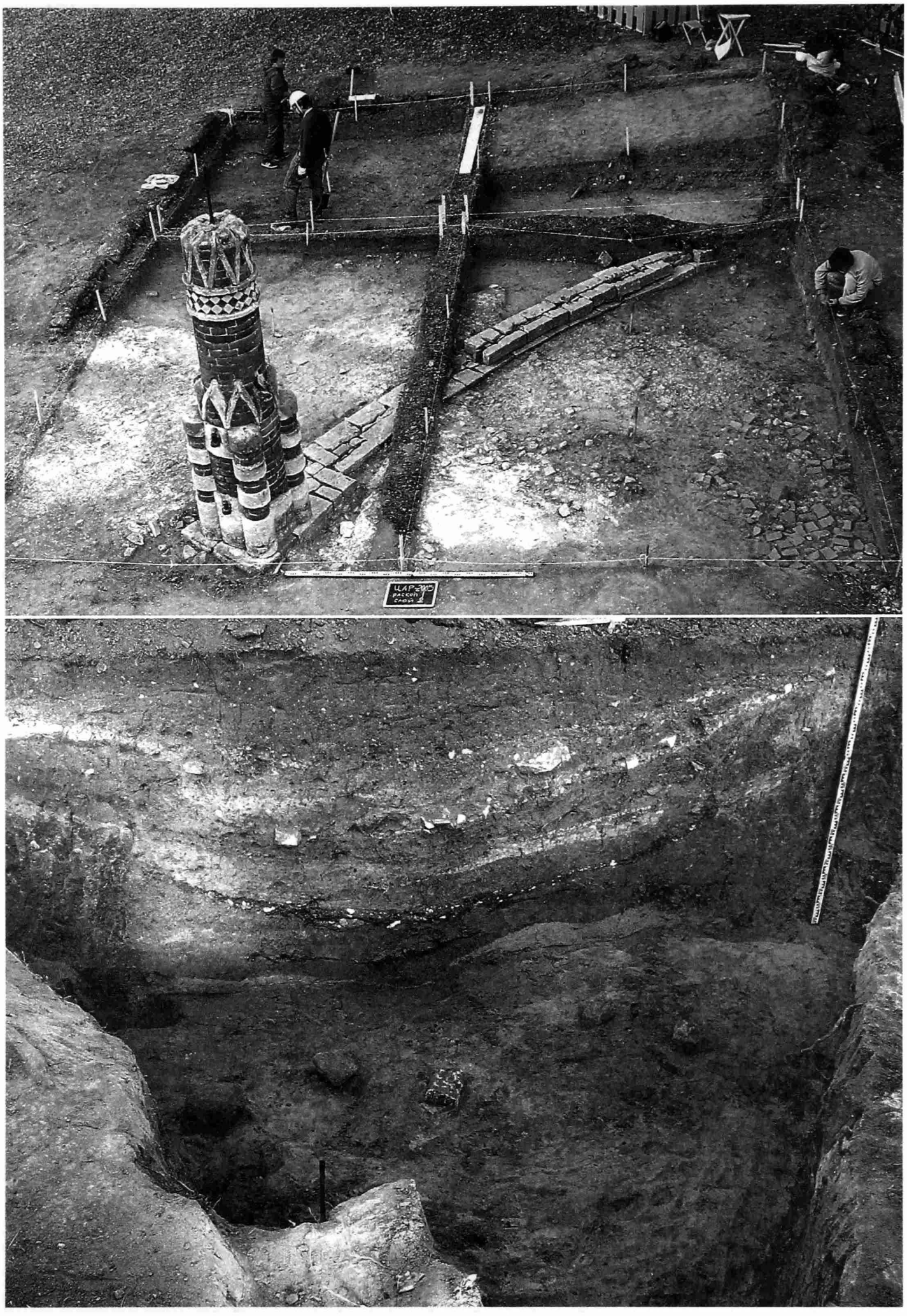

Рис. 111. Раскоп 1 и столб ограды 1805 г. с востока от Большого дворца, вид с запада (вверху); яма 4 от погреба XVIII в. и профиль северного борта раскопа 1 (внизу)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

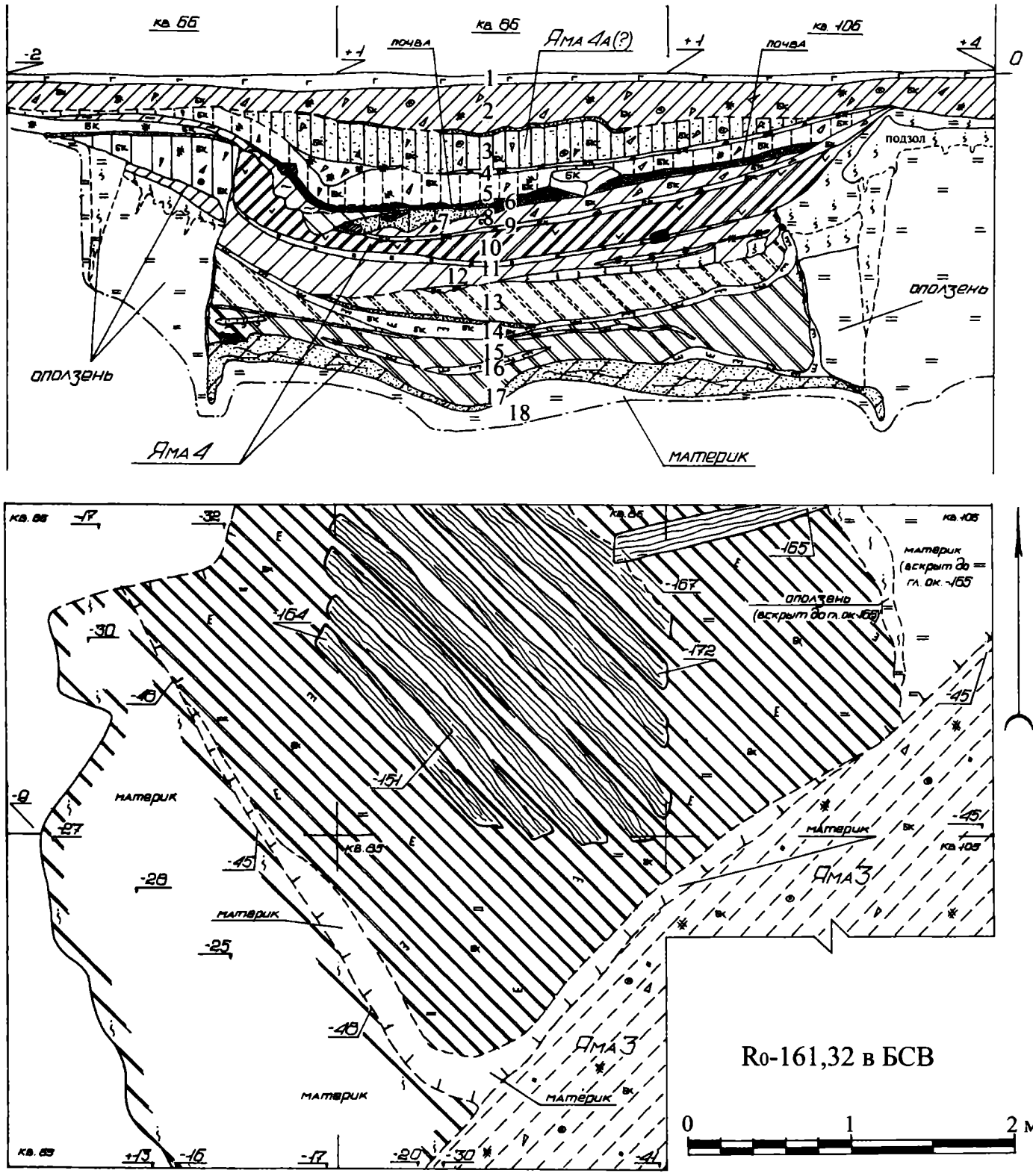

Рис. 112. Раскоп 1 возле Большого дворца. Погреб XVIII в. в раскопе 1 (2005 г.). Вверху — профиль северной стенки

Описание слоев профиля

Пачка «А»: 1 — дерн; 2 — серая супесь с включениями извести и кирпичной крошки; 3 — серо-бурая супесь; 4 — белокаменная и кирпичная крошка; 5 — светлая серо-бурая супесь; 6 — серая супесь с признаками почвообразования; 7 — линза желтого песка; 8 — светло-серая супесь с обломками кирпичей и белого камня; 9 — обломки известняка и кирпичей; 10 — темно-бурый суглинок с угольками

Пачка «Б»: 11 — кирпичная крошка; 12 — светло-серая супесь

Пачка «В»: 13 — светло-бурый рыхлый суглинок

Пачка «Г»: 14 — древесный тлен с включениями белого камня; 15 — темно-бурый суглинок; 16 — древесный тлен (доски пола); 17 — желтый песок выстилки пола; 18 — бурый материковый суглинок. Внизу — план погреба, зачищенного по уровню досок пола

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

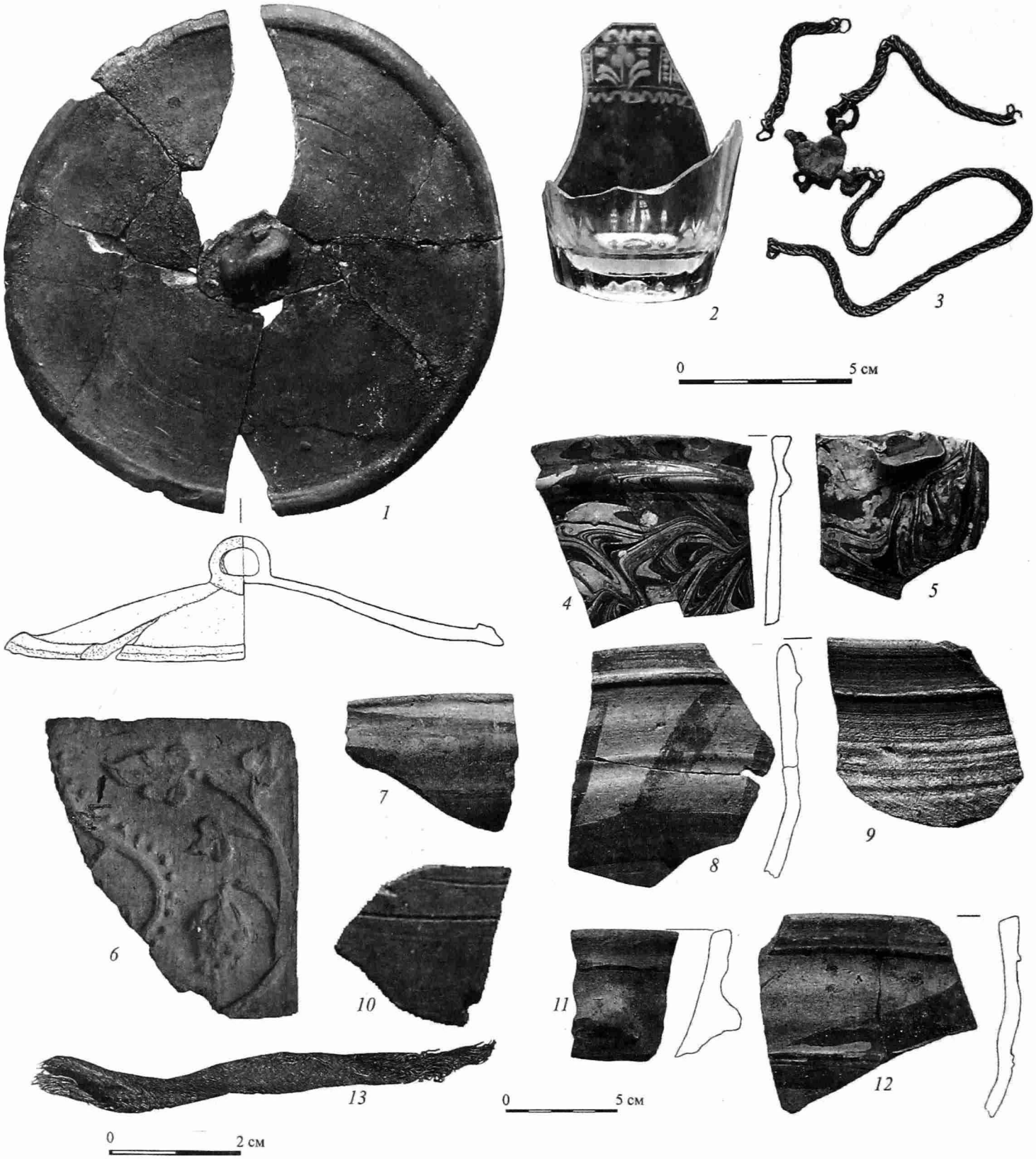

Рис. 113. Находки из раскопа 1 возле Большого дворца

1 — крышка горшка; *2* — стакан стеклянный со дна ямы 4; *3* — украшение бронзовое; *4, 5* — керамика с мраморовидной росписью; 6 — рельефный изразец без поливы; *7, 9, 11, 12* — фрагменты горшков из белой глины с росписью охристой краской; *10* — фрагмент красноглиняной керамики; *13* — фрагмент тесьмы с серебряной нитью

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

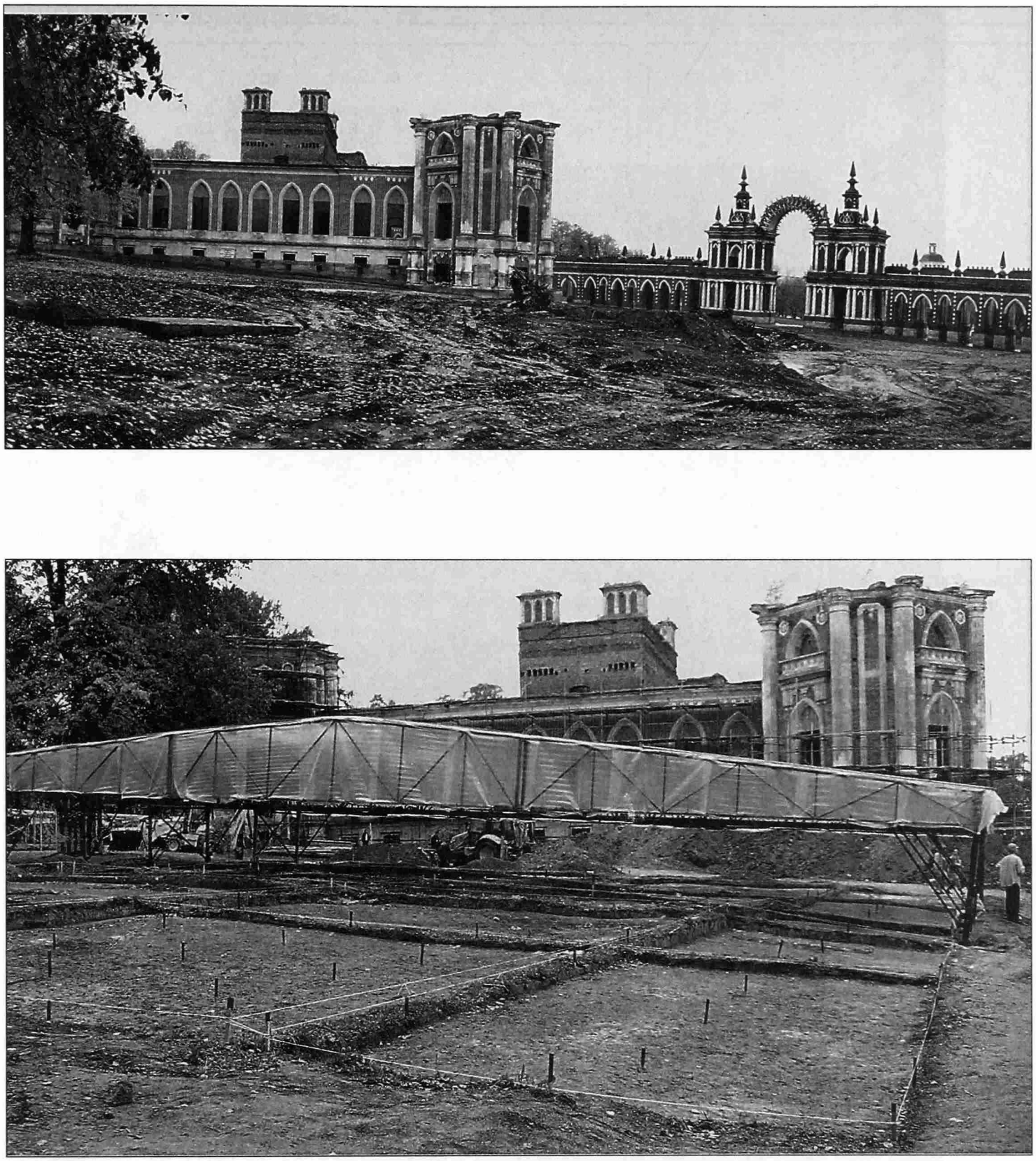
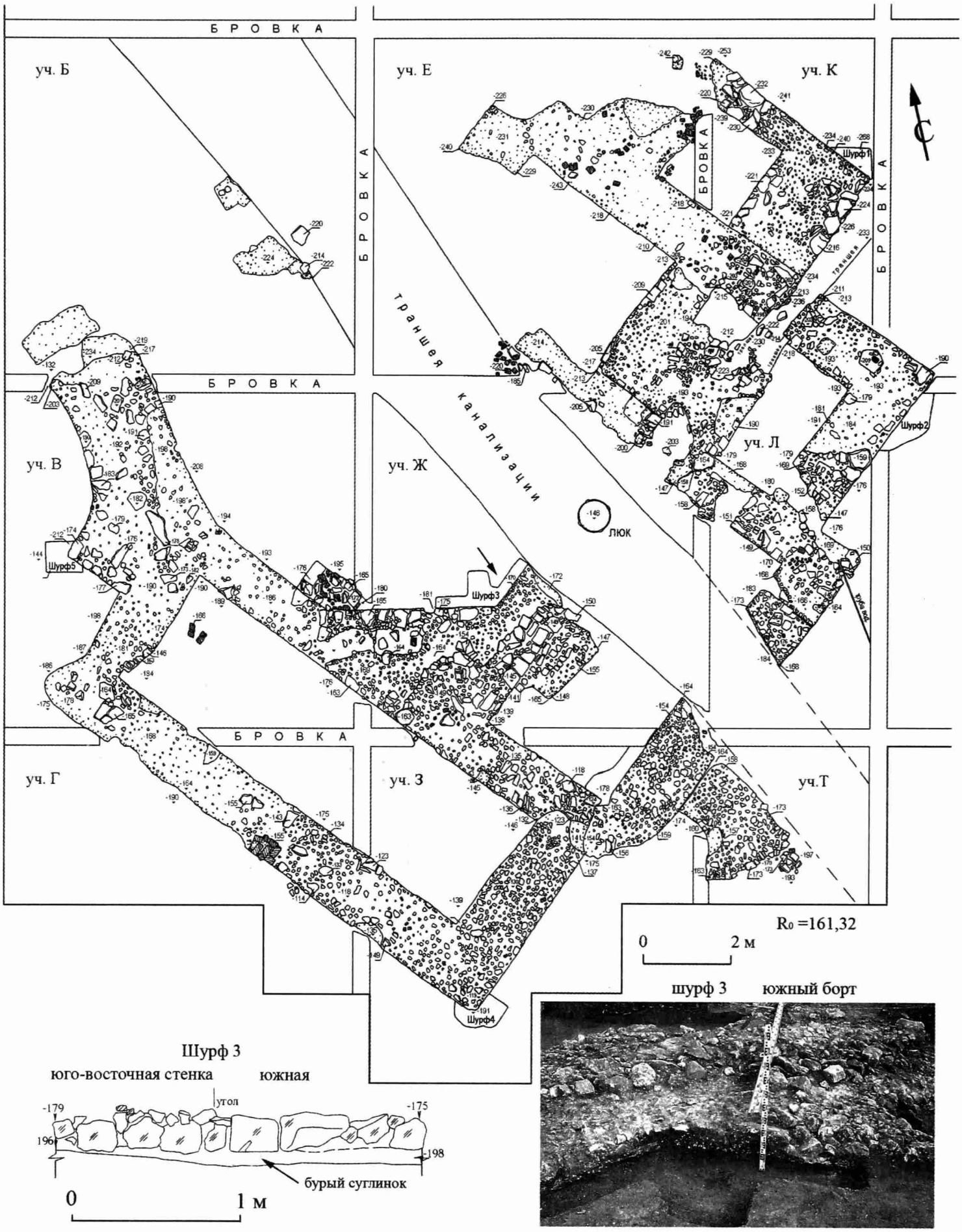

Рис. 114. Участок двора между Большим дворцом и Хлебным домом, фото 2002 г. (вверху). Раскоп 3 в процессе работ 2005 г., вид с востока (внизу)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Шурф 3
юго-восточная стенка — южная

шурф 3 южный борт

Рис. 115. План фундамента «дома управителя» 1784 г. постройки В.И. Баженова; фасады фундамента в шурфе 3

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

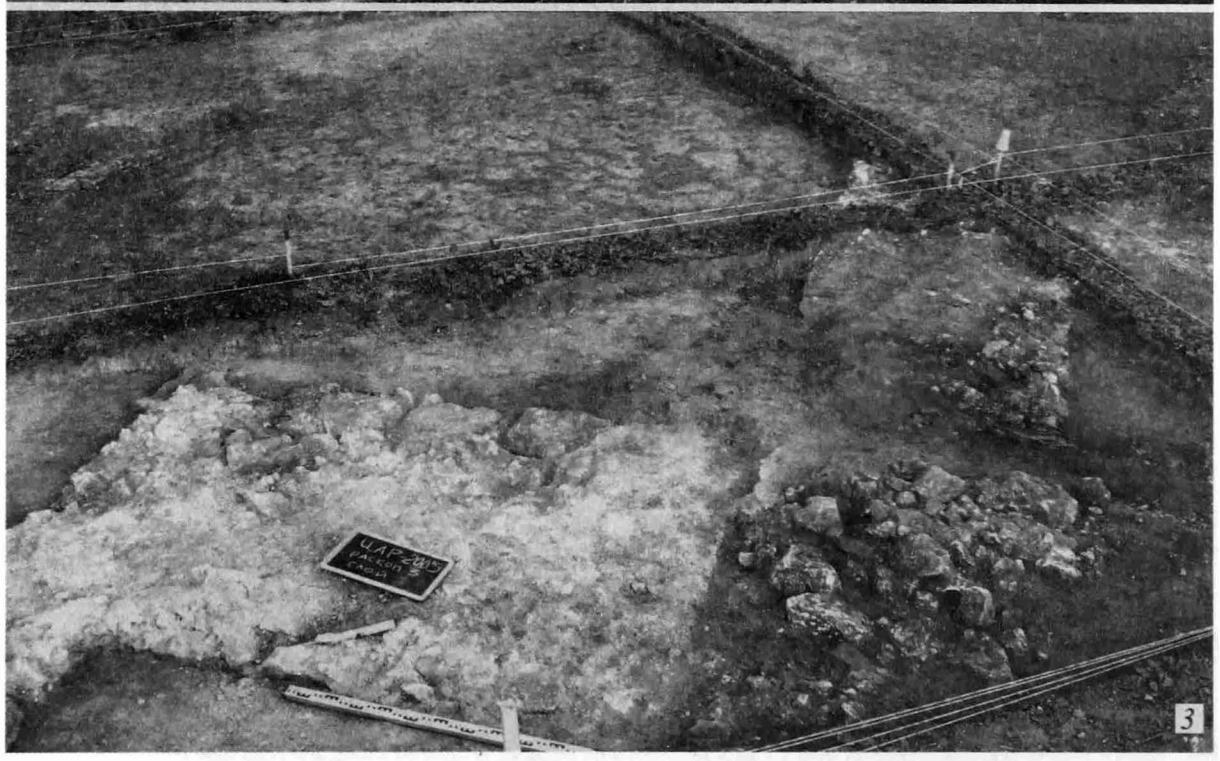

Рис. 116. Раскоп 3 в процессе работ 2005 г.

1 — фотосъемка с вышки; *2* — расчистка фундаментов «дома управителя»; *3* — восточная стенка фундамента «дома управителя», на заднем плане видна поверхность почвы с полигональным растрескиванием

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 117. Фундамент «дома управителя» в раскопе 3. Вид с вышки

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

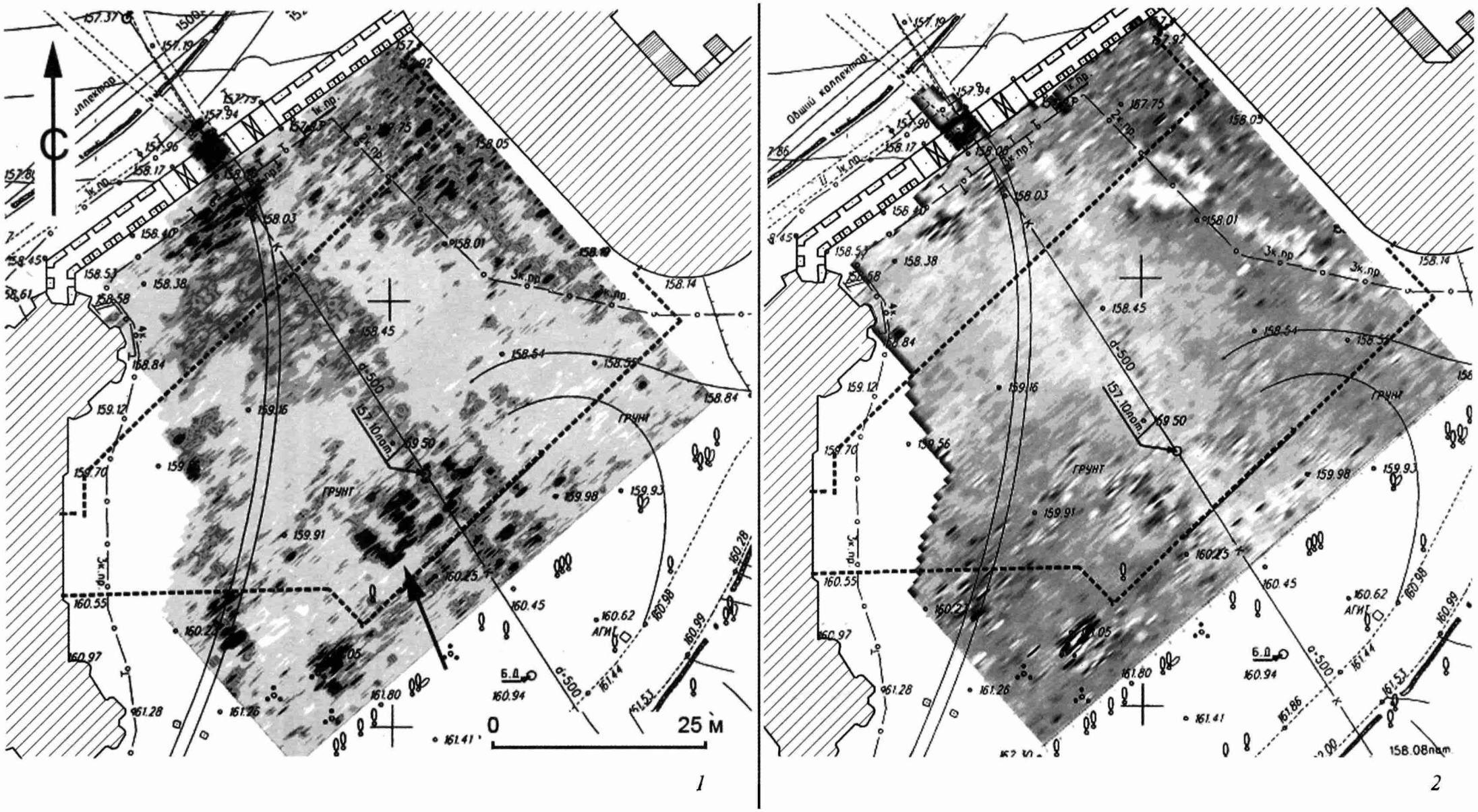

Рис. 118. Результаты компьютерной обработки данных зондирования георадаром двора между Хлебным домом и Большим дворцом

1 — глубина 0,5 м; *2* — глубина 1 м

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

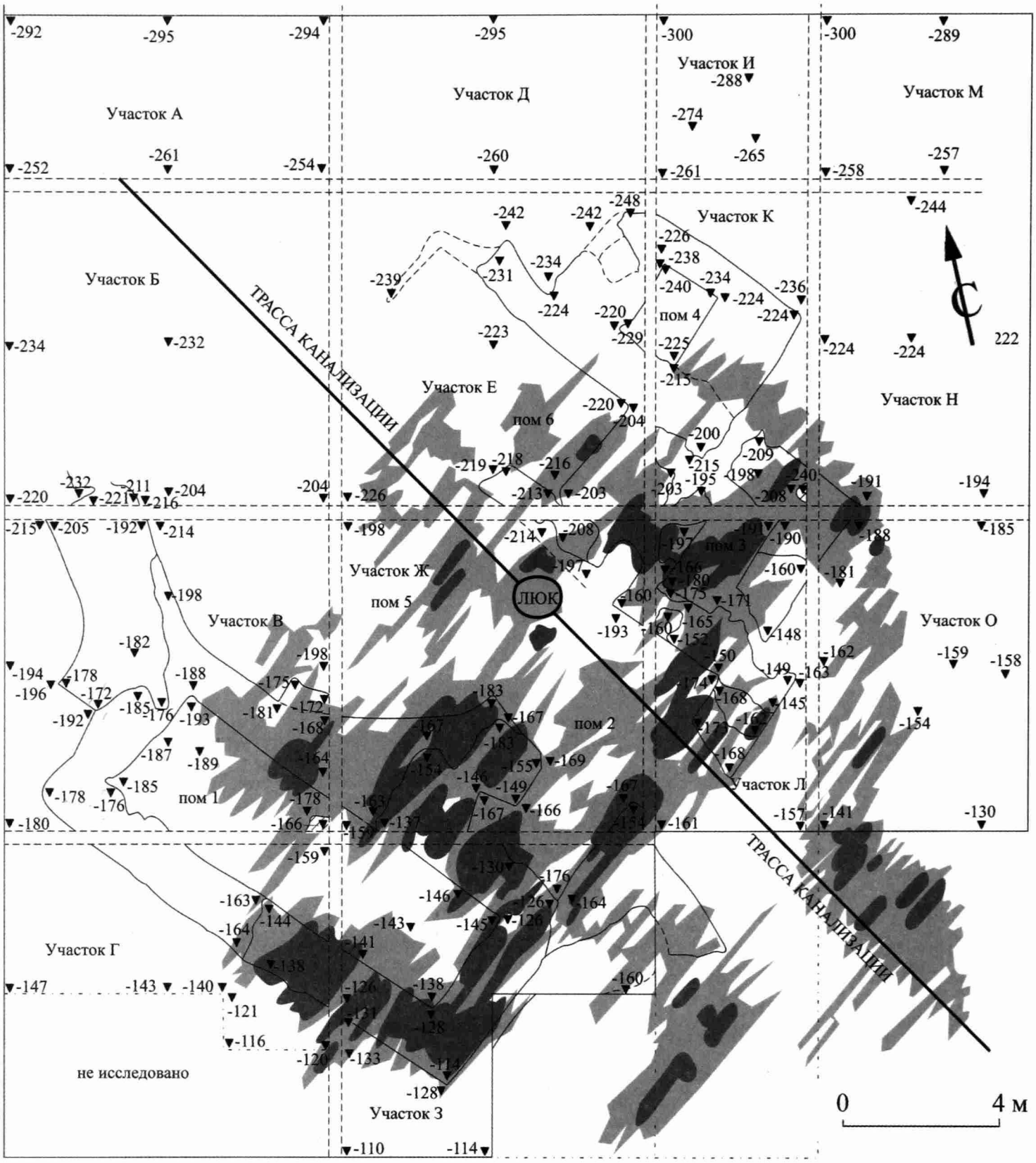

Рис. 119. Совмещения аномалий, зафиксированных георадаром и плана фундамента «дома управителя», открытого при последующих археологических раскопках

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

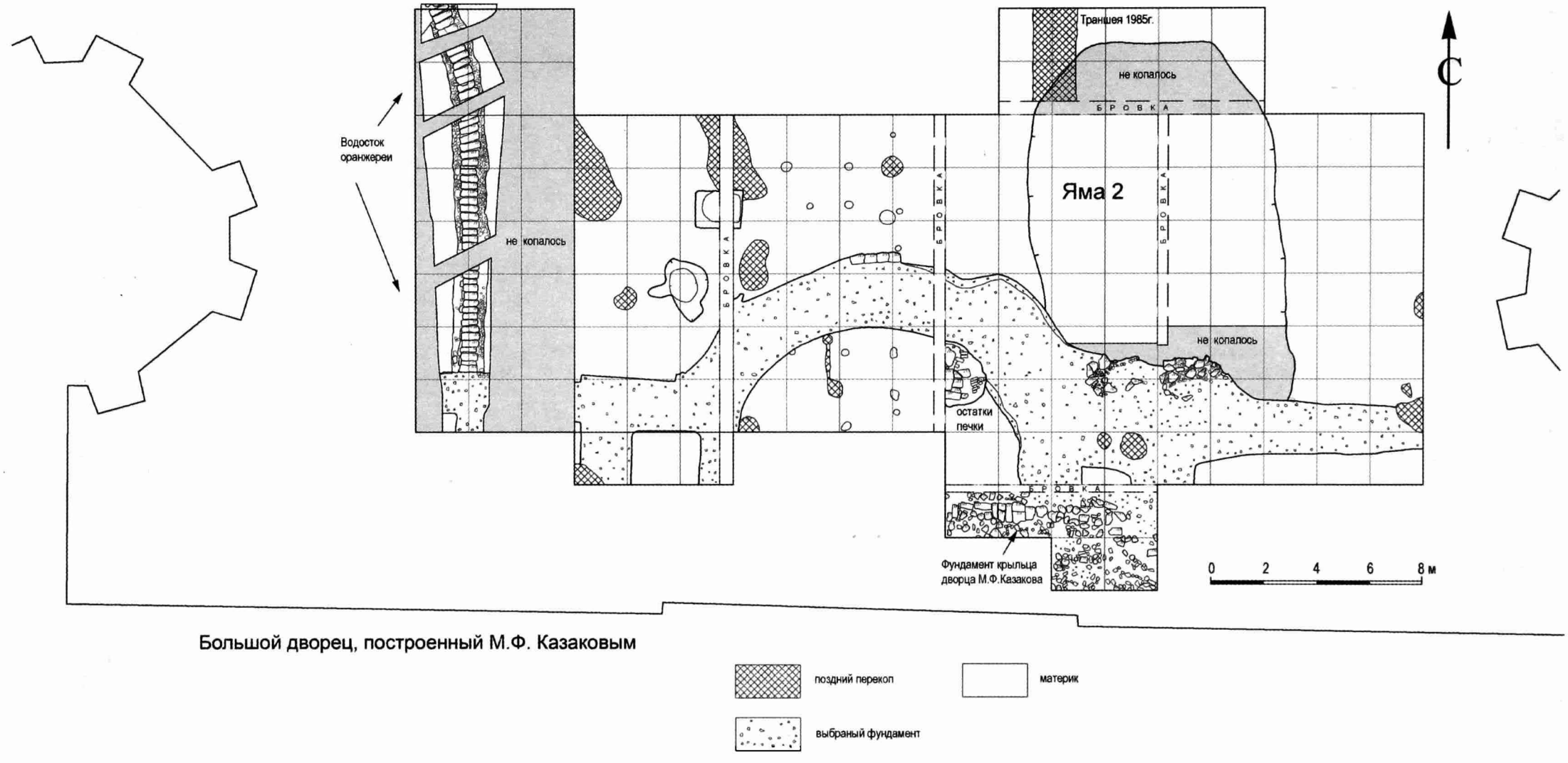

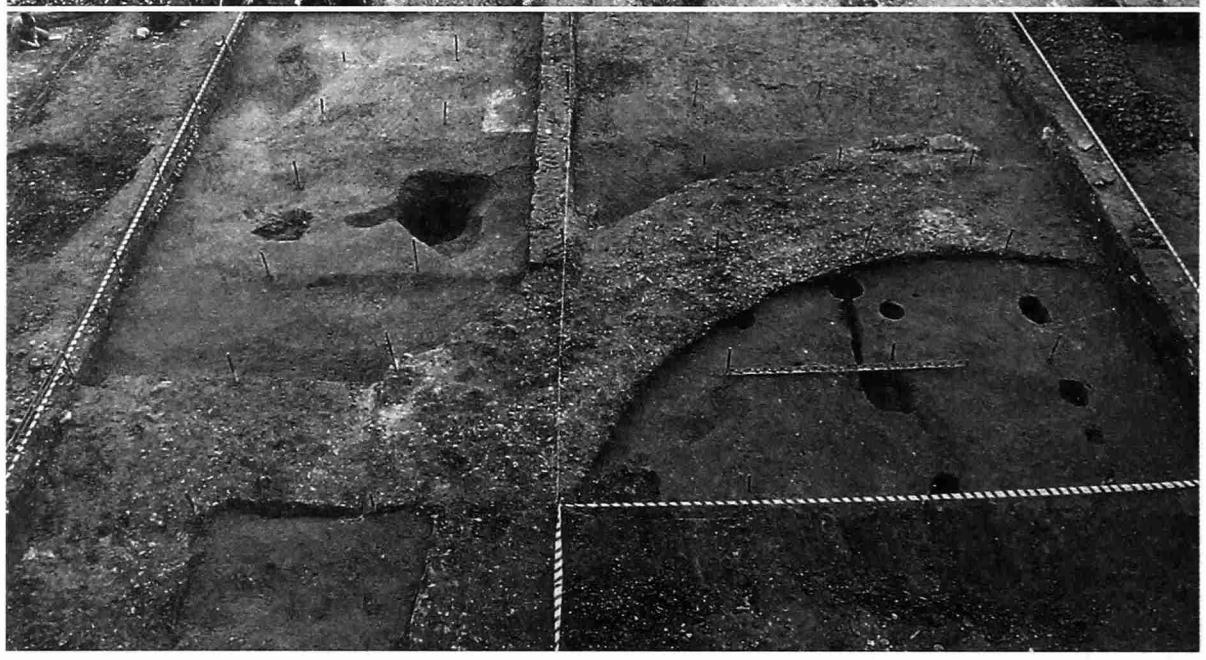
Рис. 120. План раскопа 5 перед северным фасадом Большого дворца

1

2

3

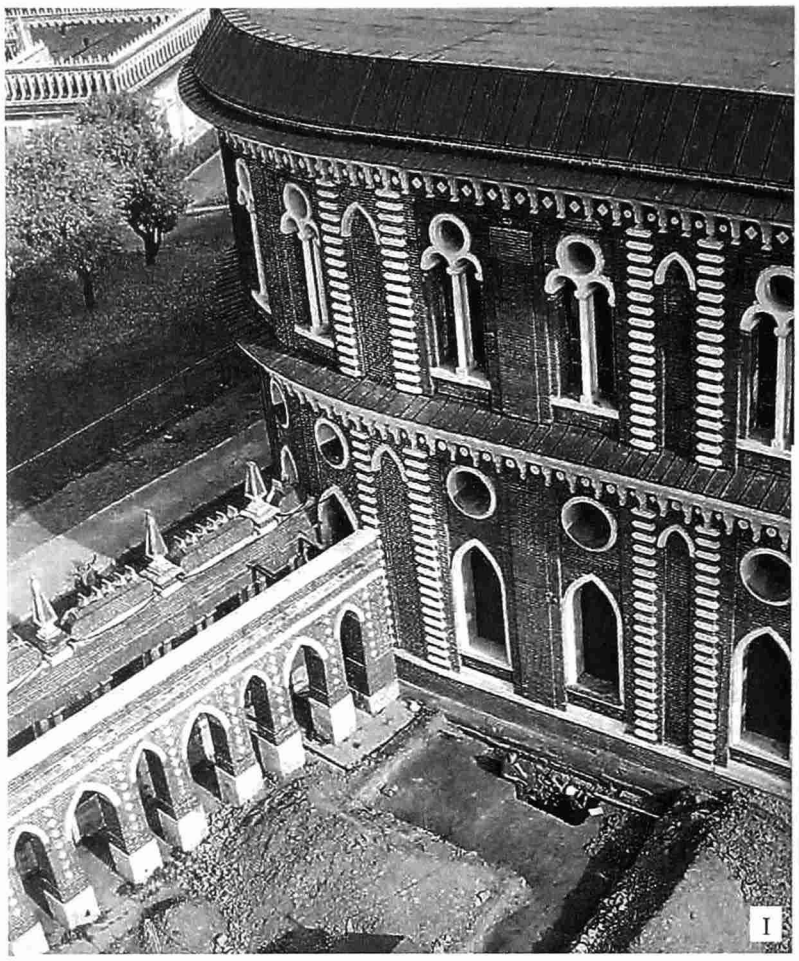
Рис. 121. Виды раскопа 5 перед северным фасадом Большого дворца.
В центре — полукруглый выступ фундамента «дворца внуков» постройки В.И. Баженова

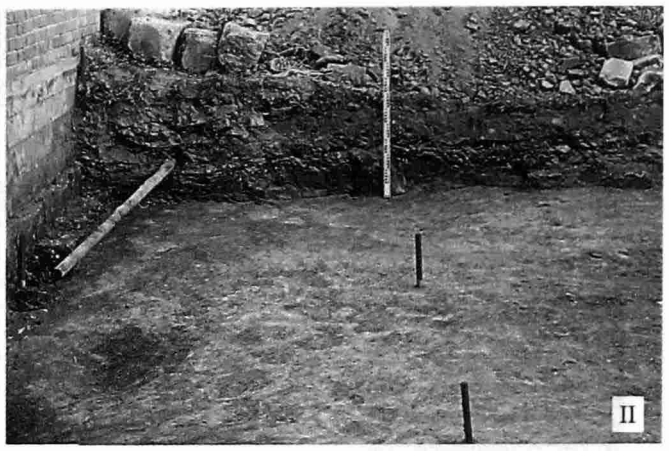
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 122. Раскоп 5 перед северным фасадом Большого дворца

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

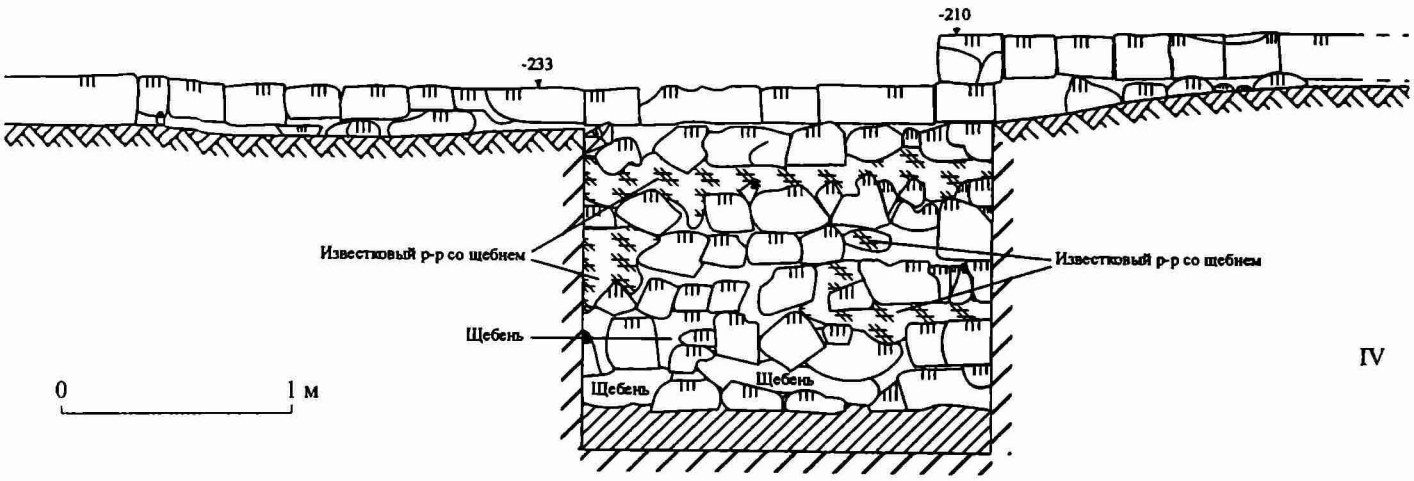

Рис. 123. Раскоп 4 возле Хлебного дома

I — вид с вышки; II — поверхность материка с полигональным растрескиванием; III, IV — кладка фундамента

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

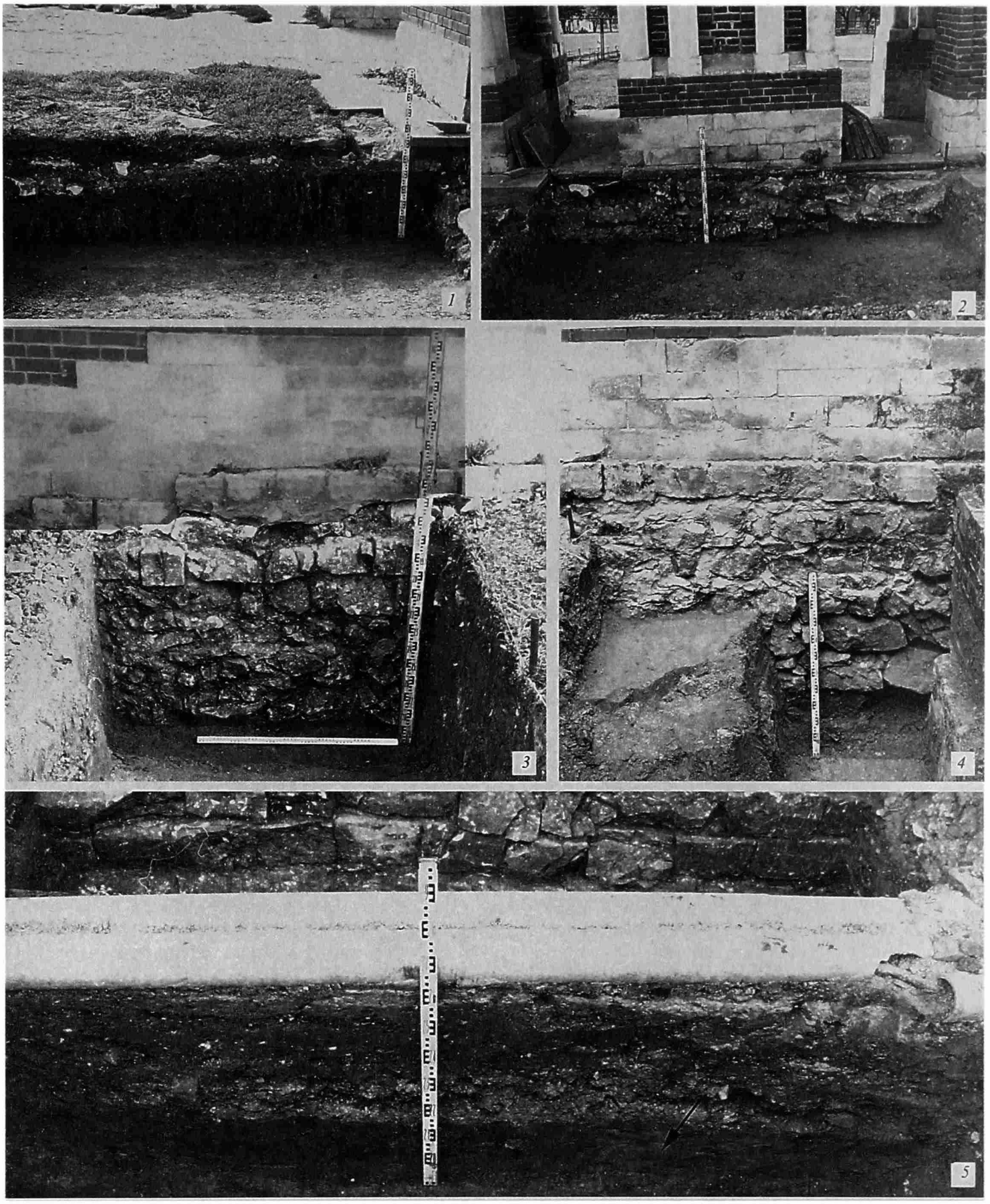

Рис. 124. Борта шурфа возле галереи (1, 2); фундамент Хлебного дома в шурфах 2(3), 8(4) и 11(5) стрелкой отмечен горизонт погребенной почвы

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

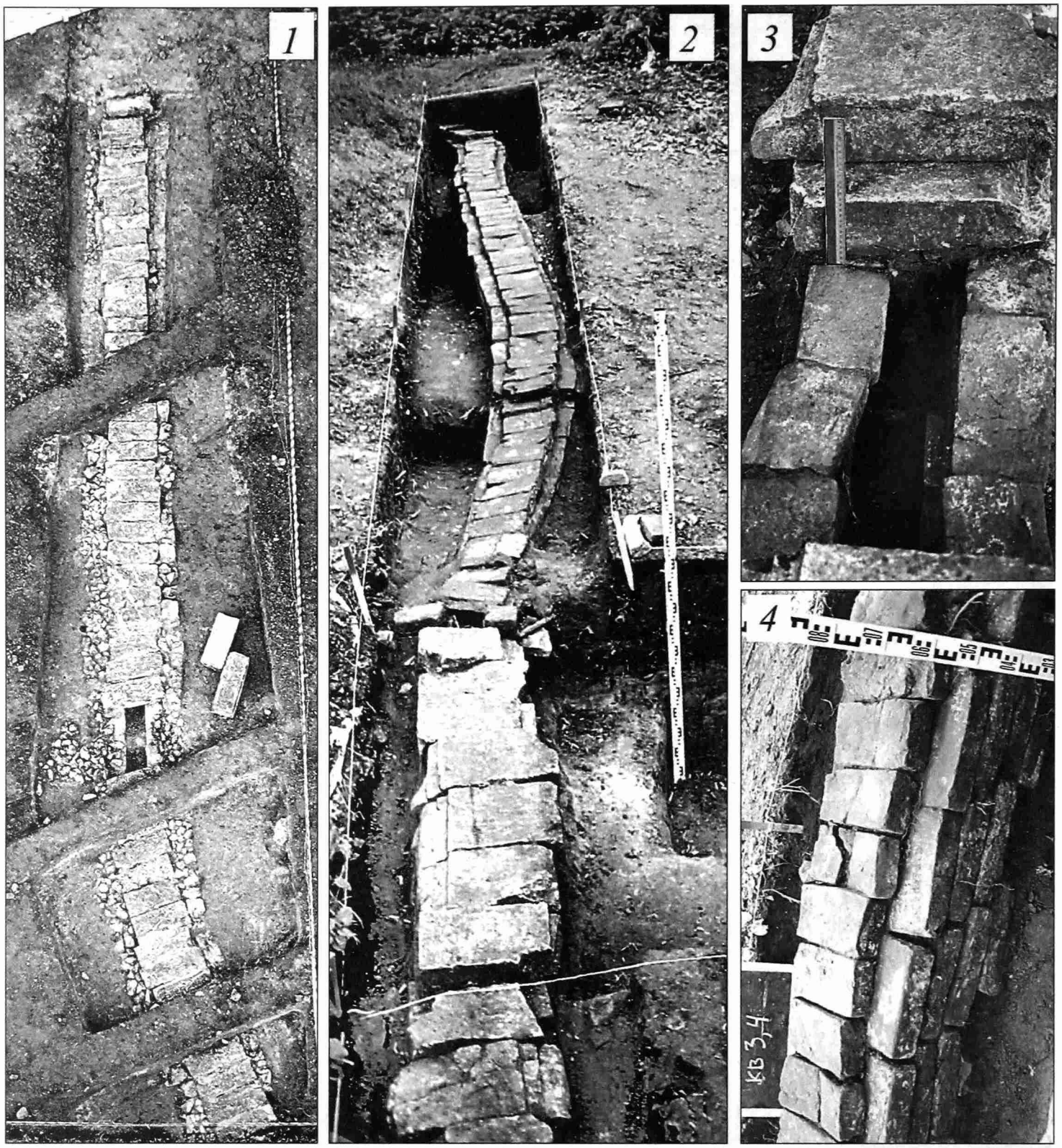

Рис. 125. Водостоки

1 — в раскопе 5 возле Большого дворца; *2–4* — в траншее 5 на склоне между Малым дворцом и Оперным домом

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

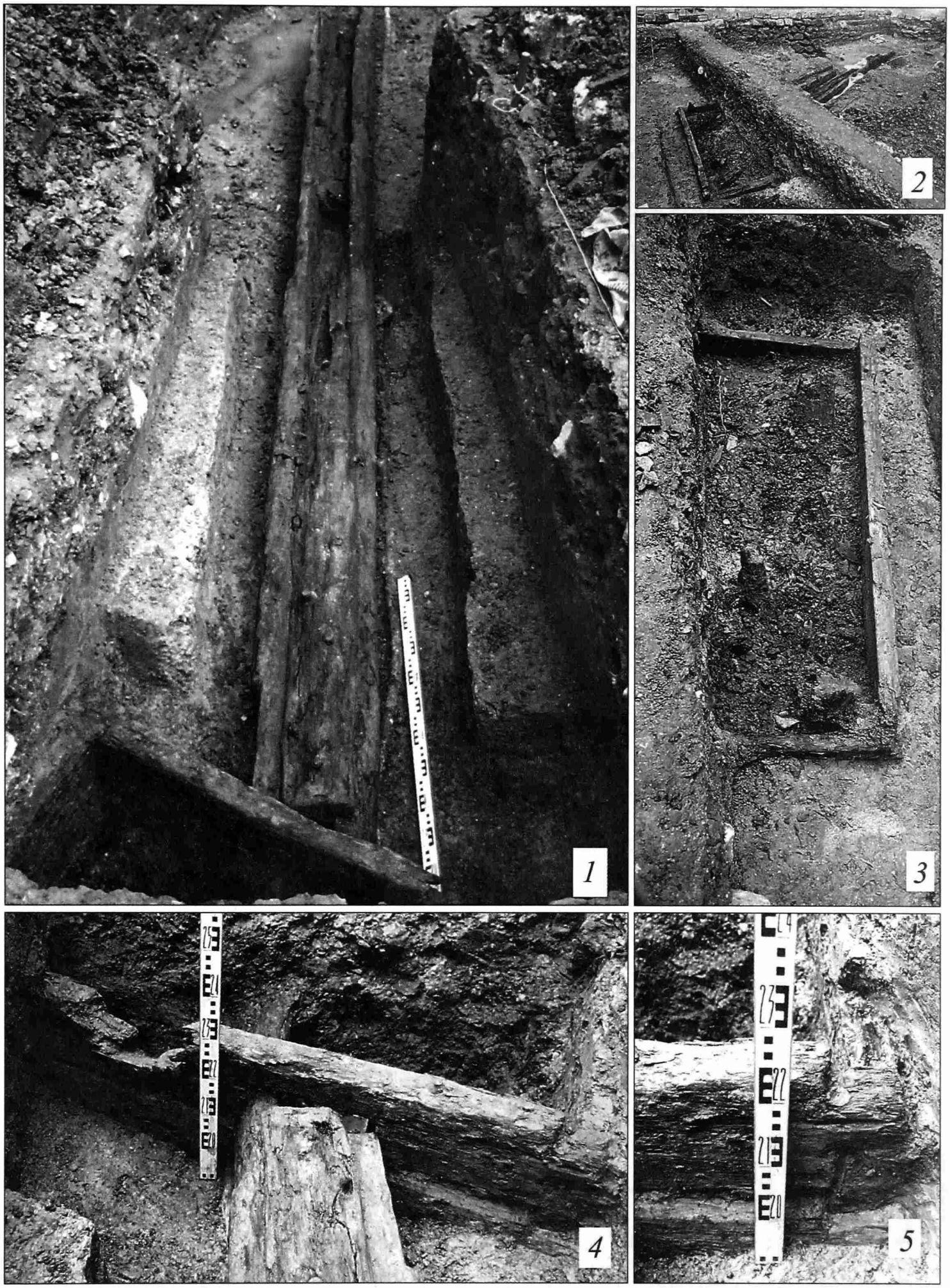

Рис. 126. Деревянный водосток и водосборный колодец во дворе Хлебного дома (шурф 5)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

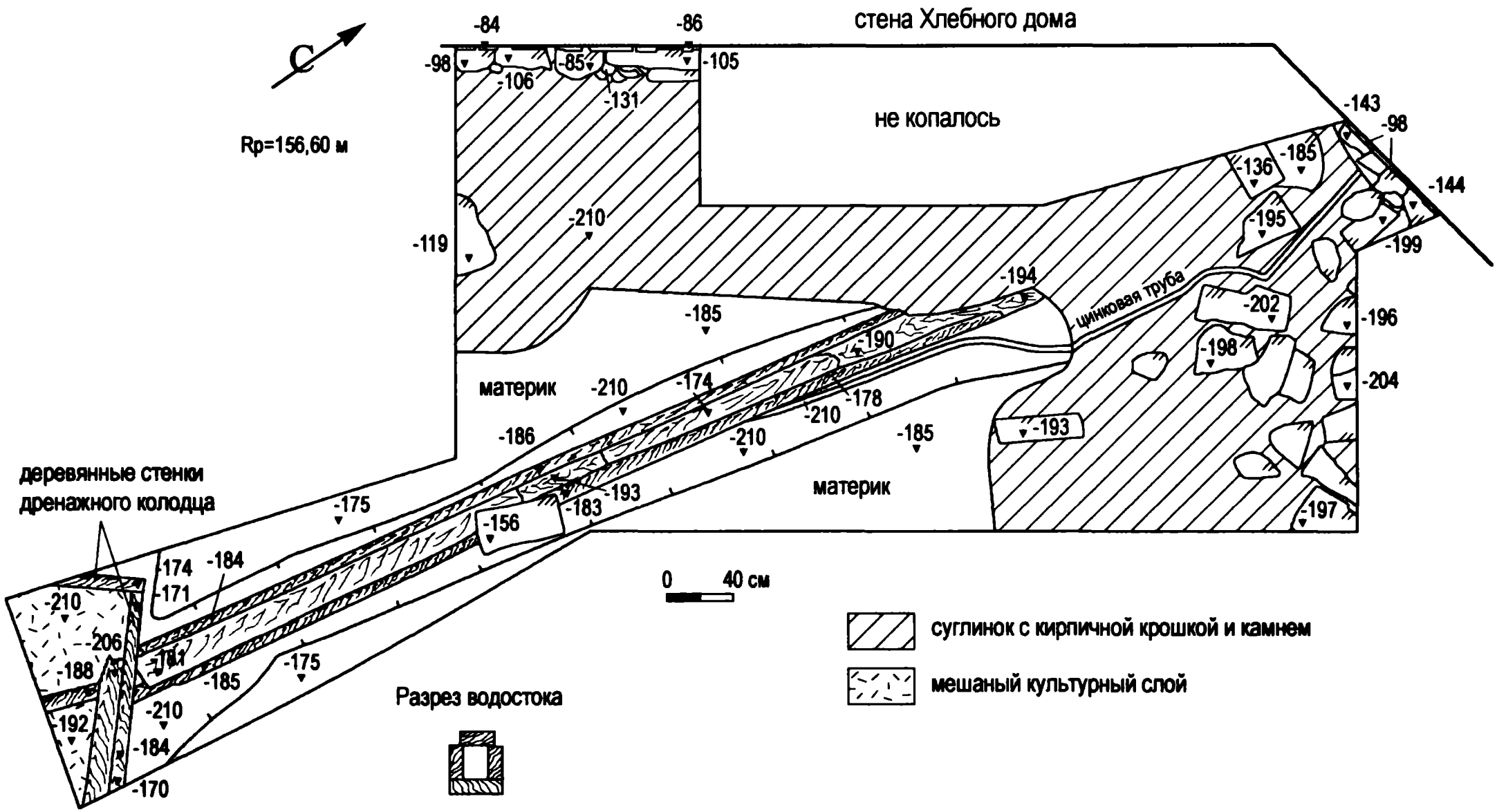

Рис. 127. План шурфа 5 во дворе Хлебного дома

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: http://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

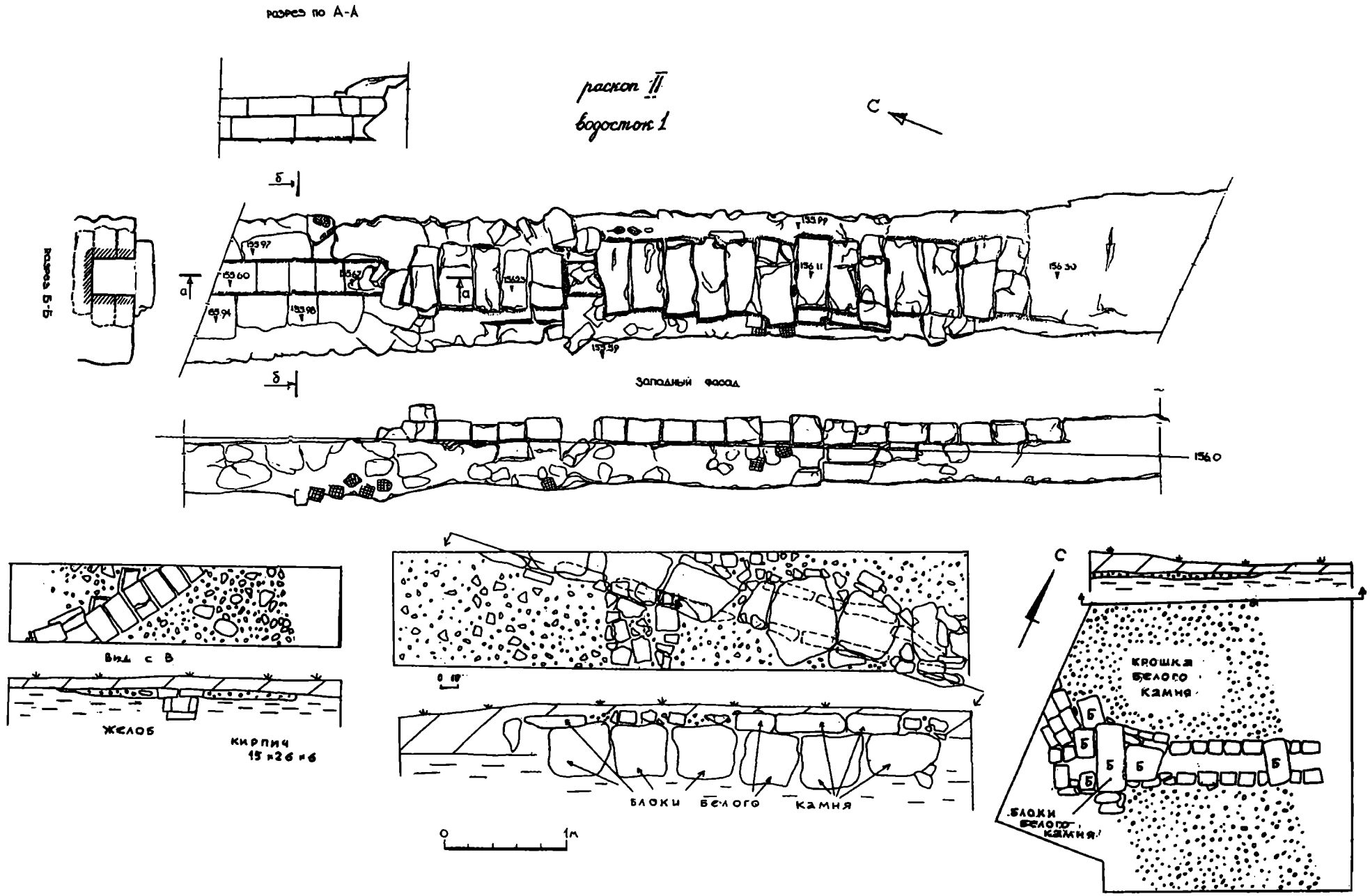

Рис. 128. Конструкции водостоков из блоков известняка, обнаруженные при раскопках 1985 г. в парке и в 1989 г. возле Большого дворца из отчетов Ю.Ф. Иващенко и В.В. Милькова

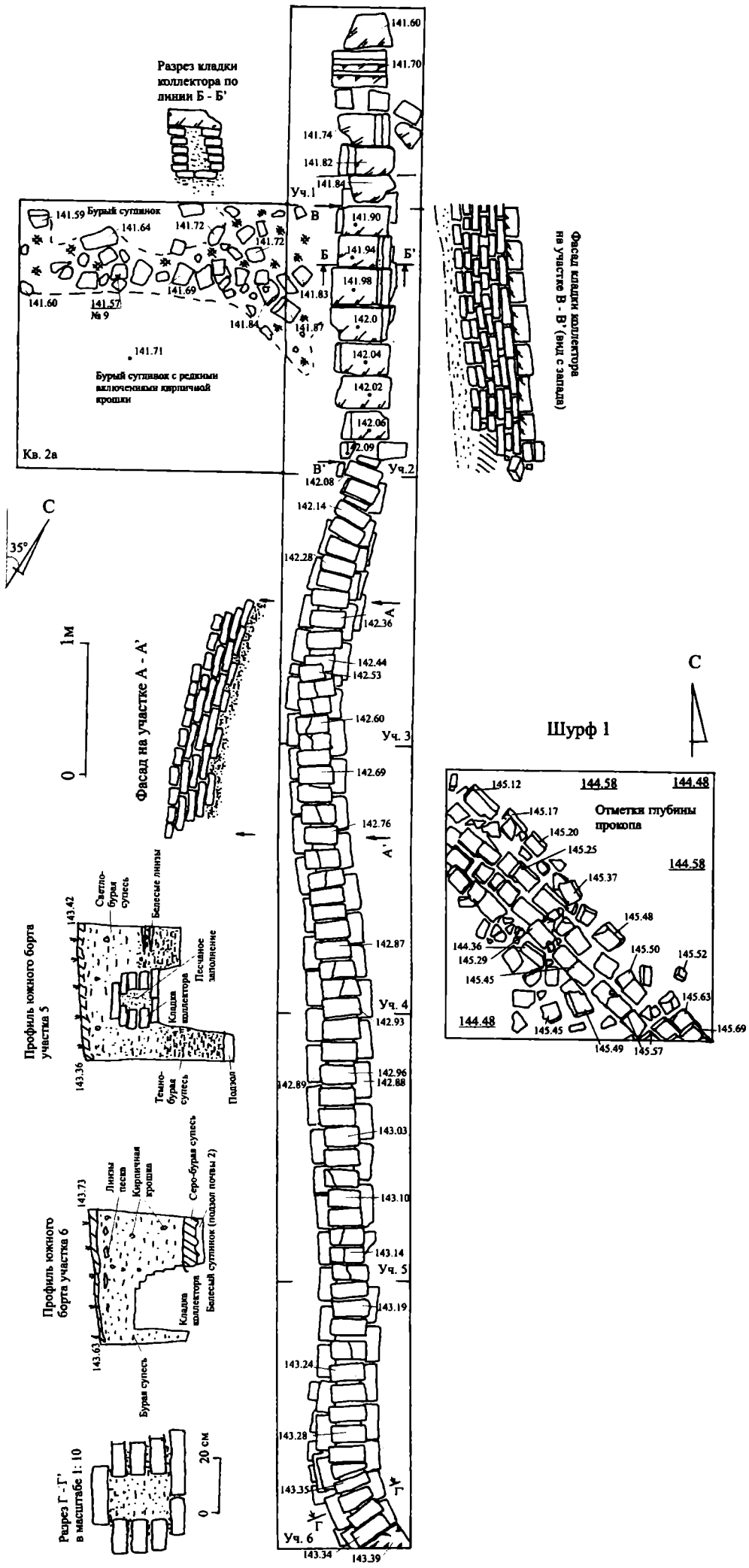

Рис. 129. Водосток из кирпичей и блоков белого камня в траншее 5 и шурфе 1 между Малым дворцом и Оперным домом, 2004 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

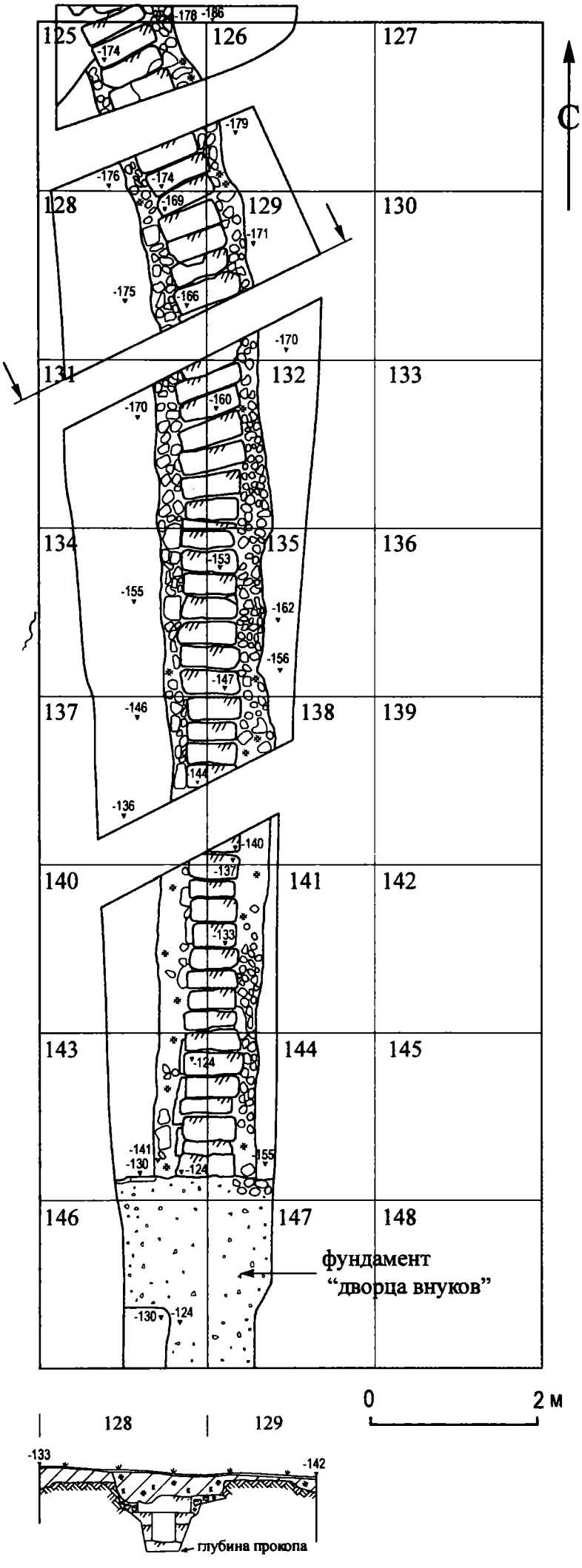

Рис. 130. Водосток из блоков белого камня в раскопе 5 возле Большого дворца

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

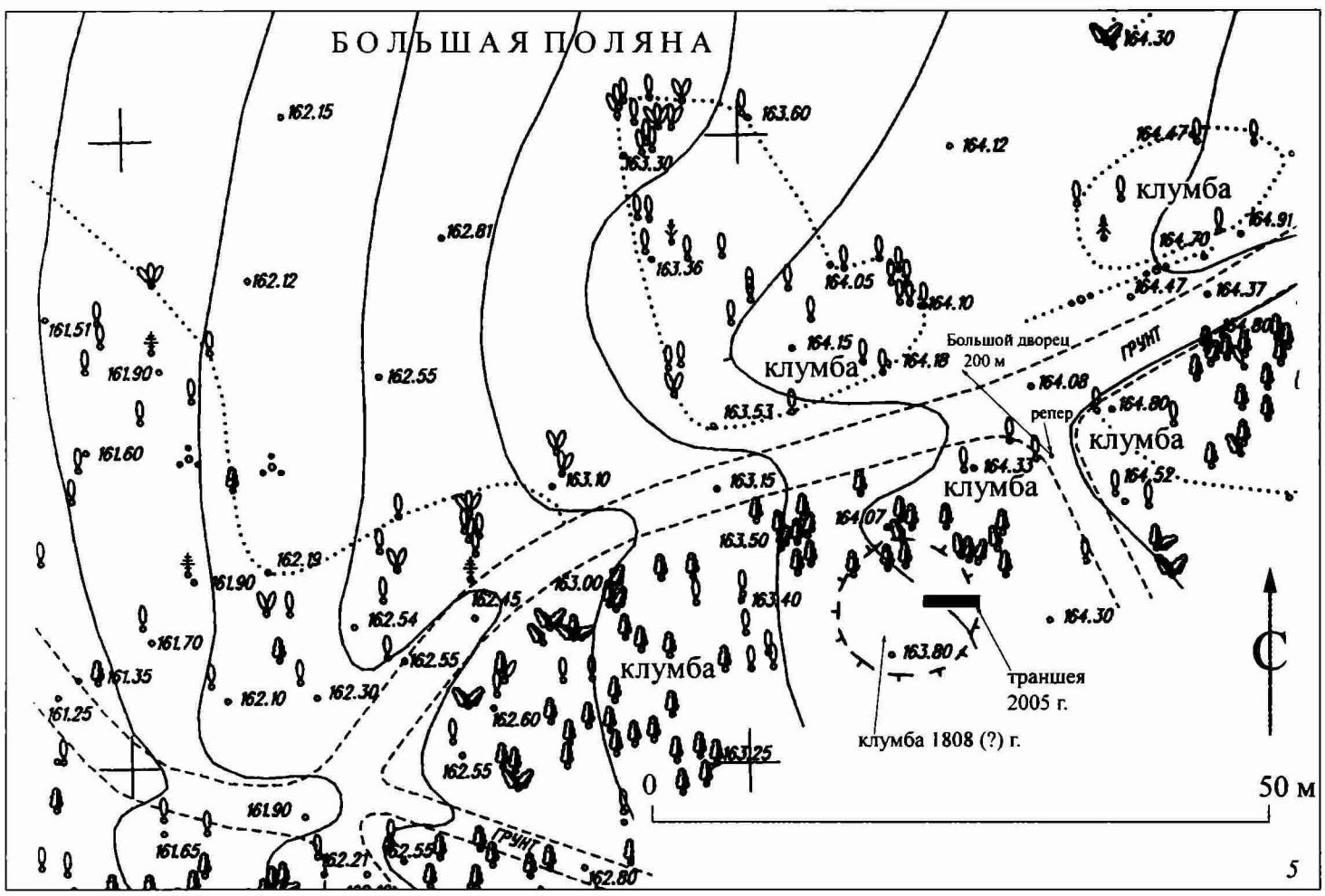

Рис. 131. Раскопки цветочной клумбы начала XIX в. на южном краю Большой поляны

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

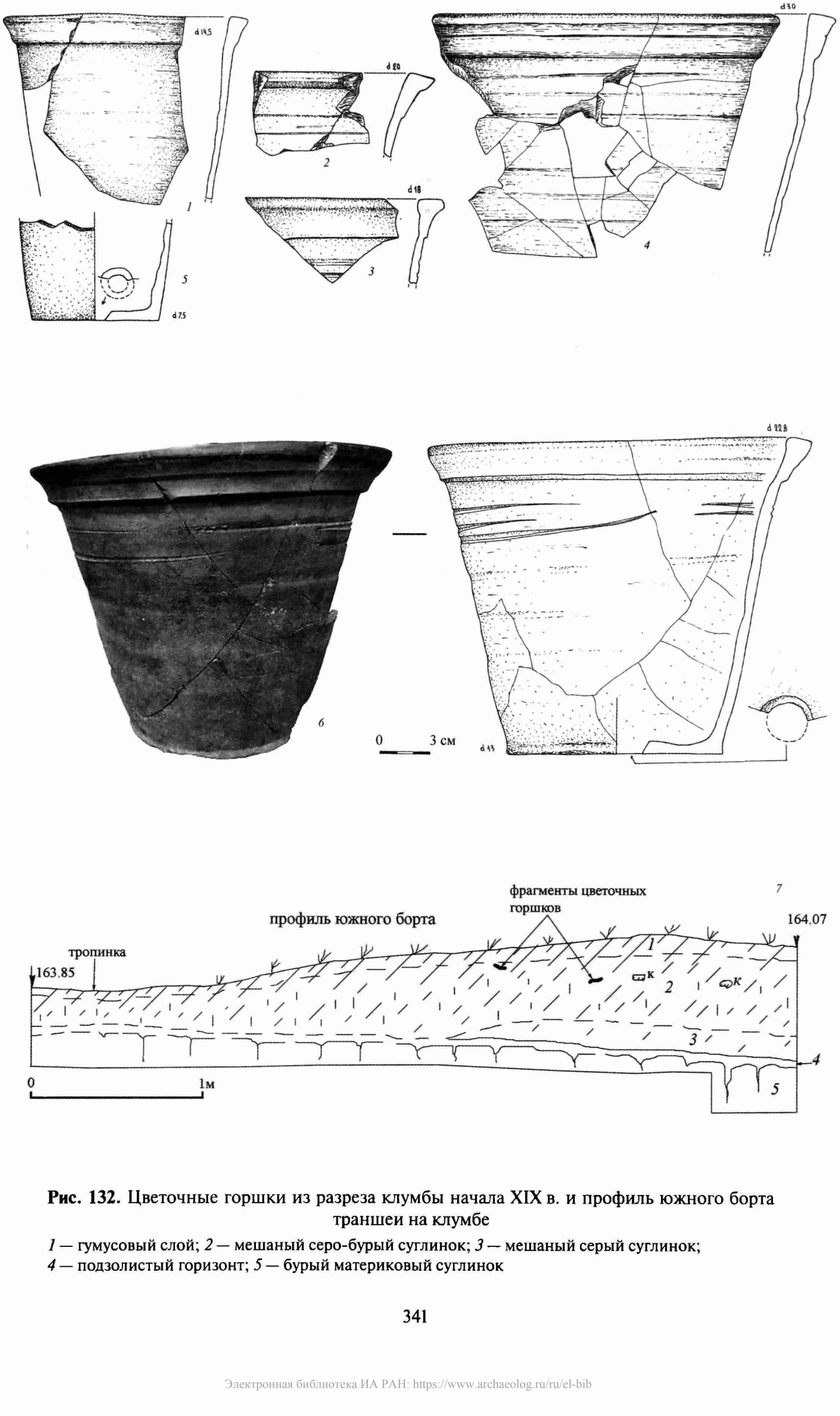
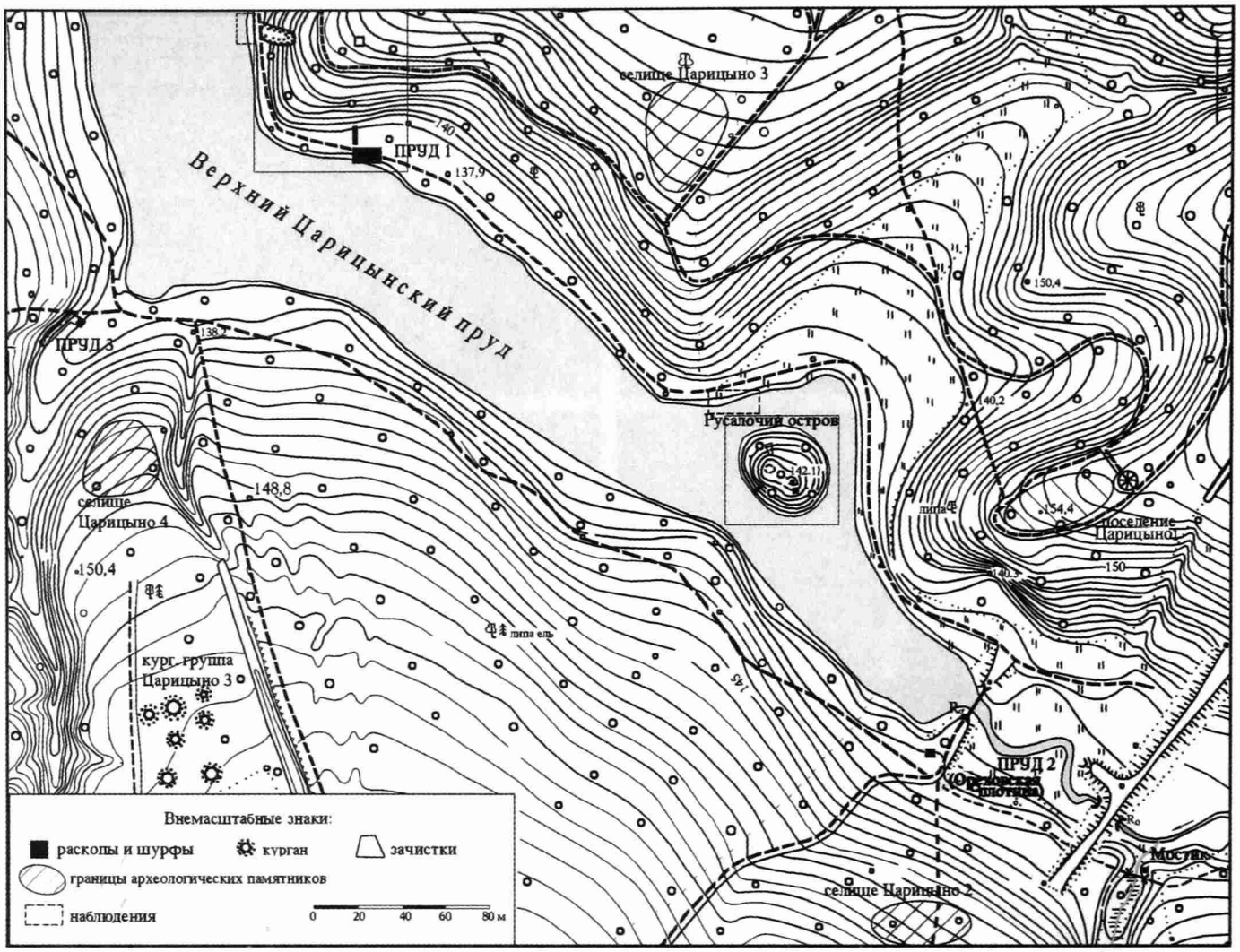

Рис. 132. Цветочные горшки из разреза клумбы начала XIX в. и профиль южного борта траншеи на клумбе

1 — гумусовый слой; *2* — мешаный серо-бурый суглинок; *3* — мешаный серый суглинок; *4* — подзолистый горизонт; *5* — бурый материковый суглинок

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

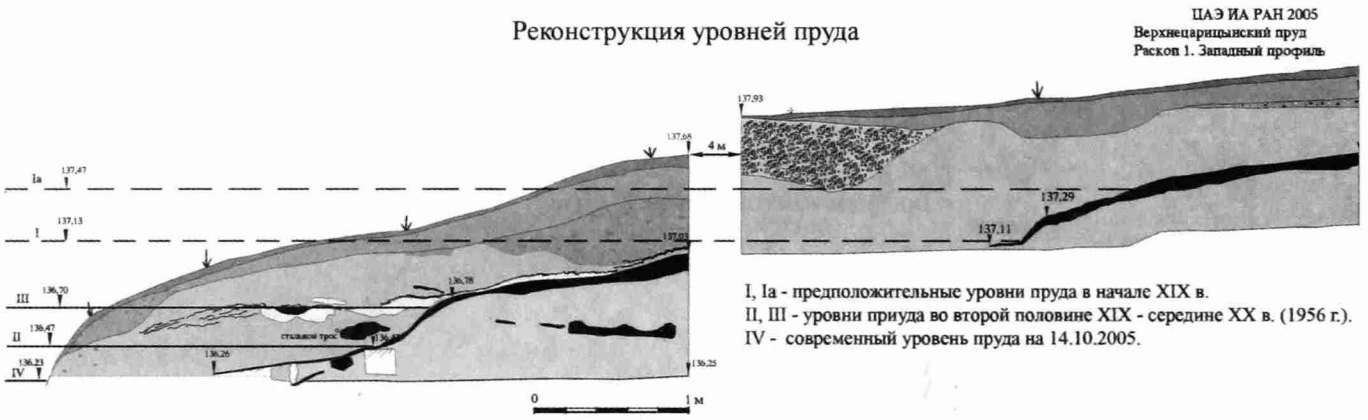

Рис. 133. План раскопов и шурфов 2005 г. по берегам Верхне-Царицынского пруда (вверху); реконструкция изменений уровней пруда (внизу)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

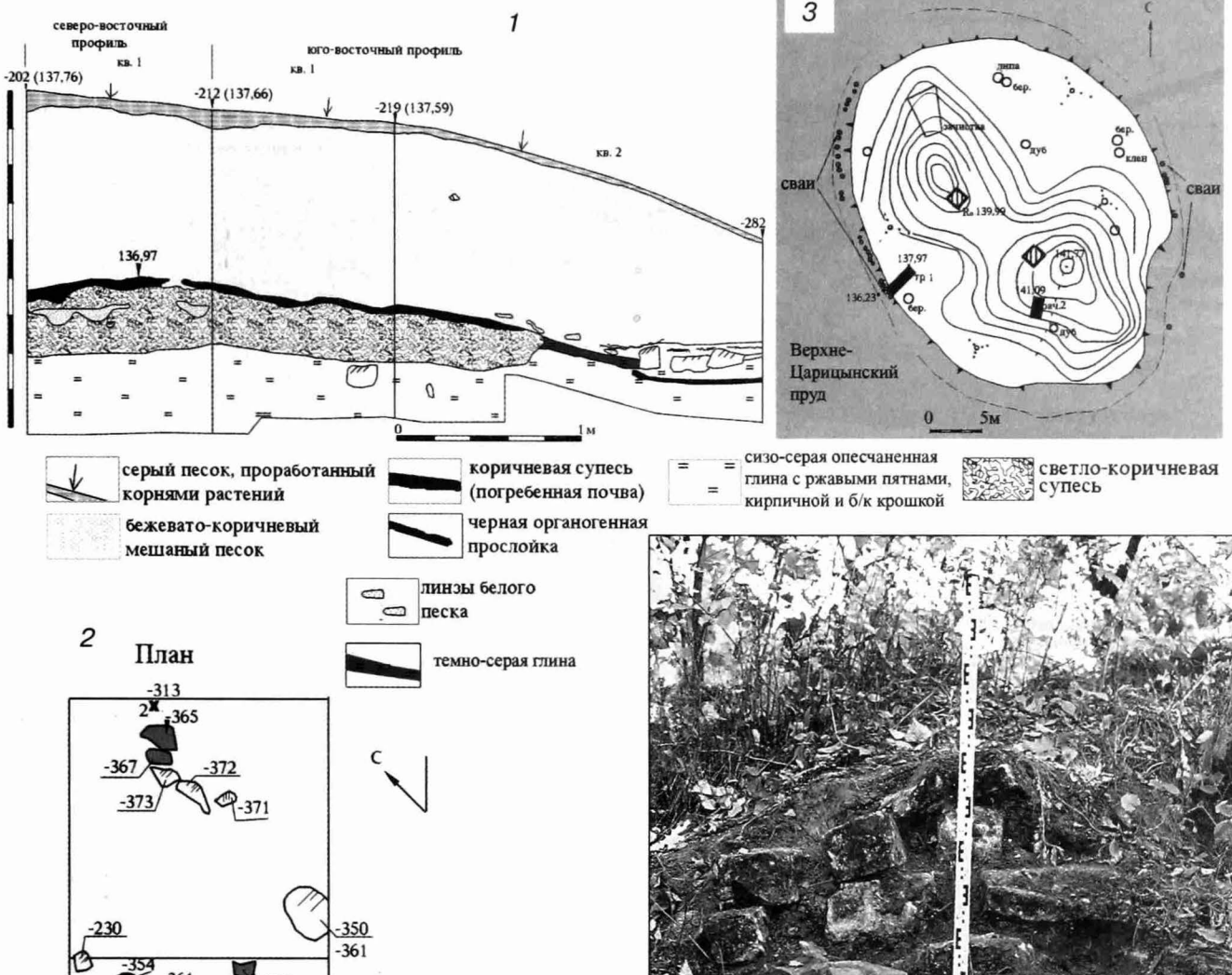
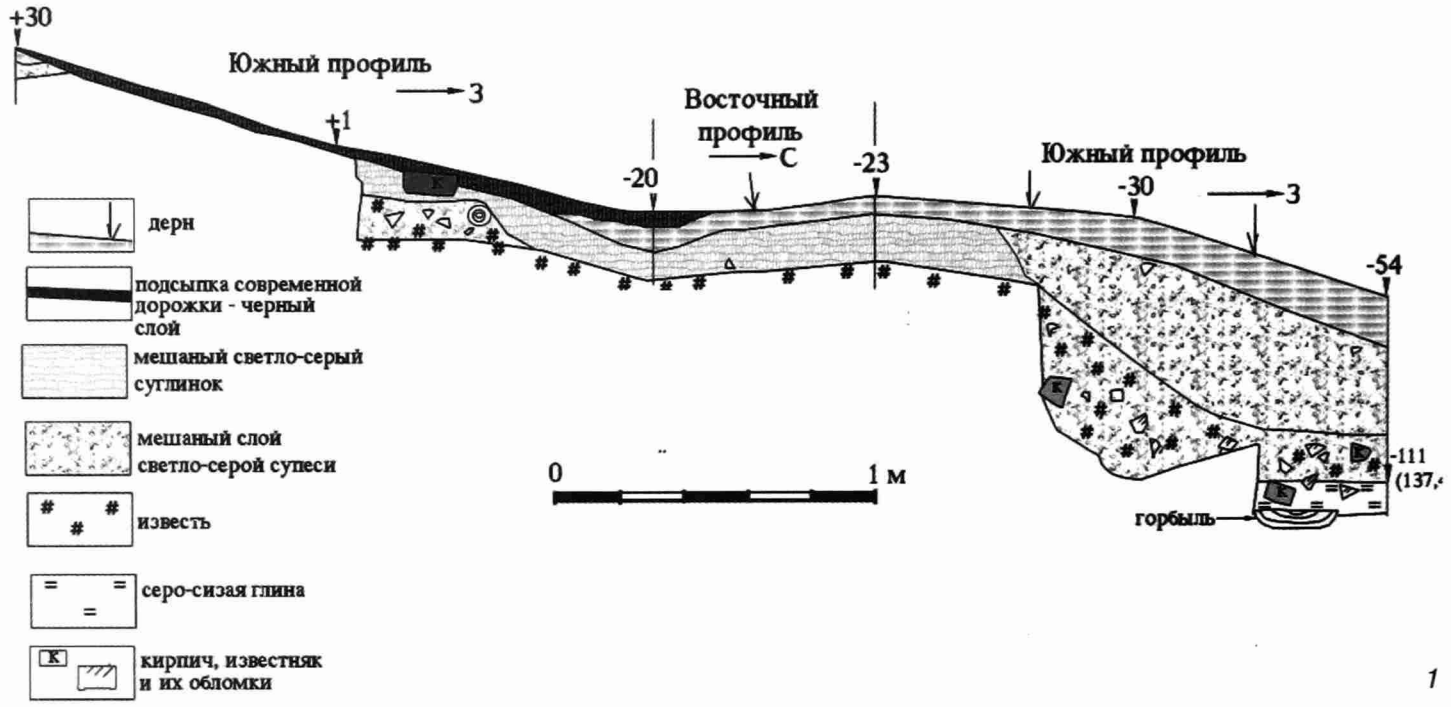

Рис. 134. Русалочий остров

Профиль (II) и план траншеи (II); III — план острова; IV — зачистка каменной облицовки на северо-западном склоне острова; *5* — вид на остров с запада

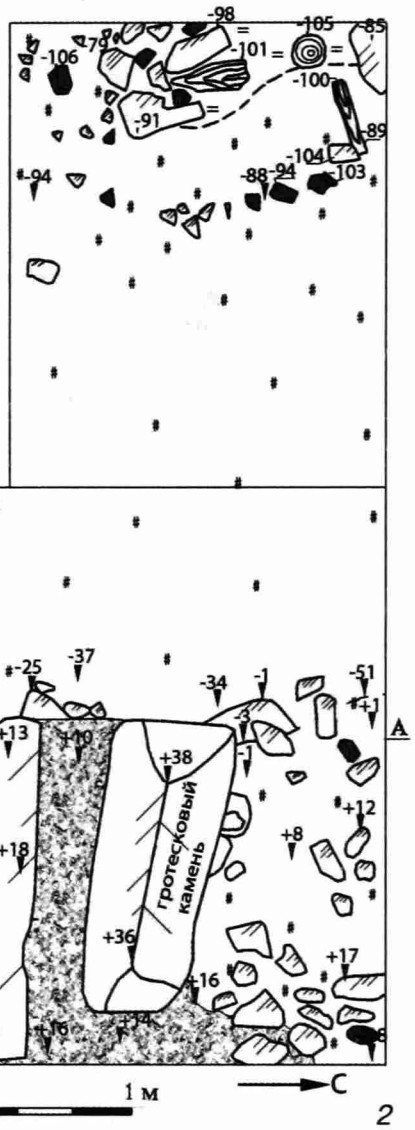
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1

3

2

Рис. 135. Шурф с остатками фундамента мостика через ручей, впадающий в р. Язвенку выше Ореховской плотины

1 – профили стенок шурфа; 2 – план шурфа с остатками конструкций мостика; 3 – фото камня, лежавшего в основании конструкции

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

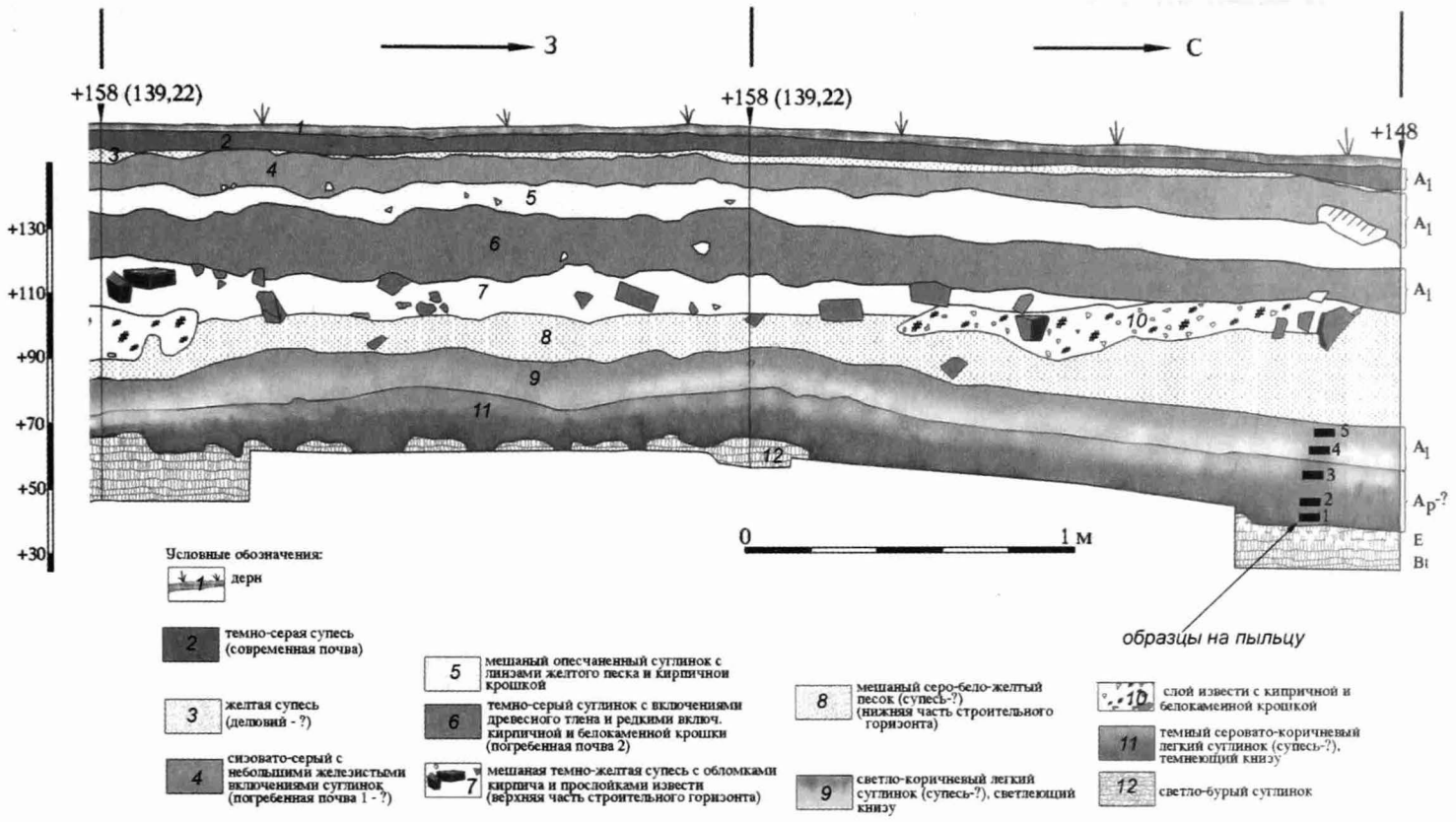

Рис. 136. Профиль бортов (вверху) и вид зачистки материка (внизу) шурфа на Ореховской плотине

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

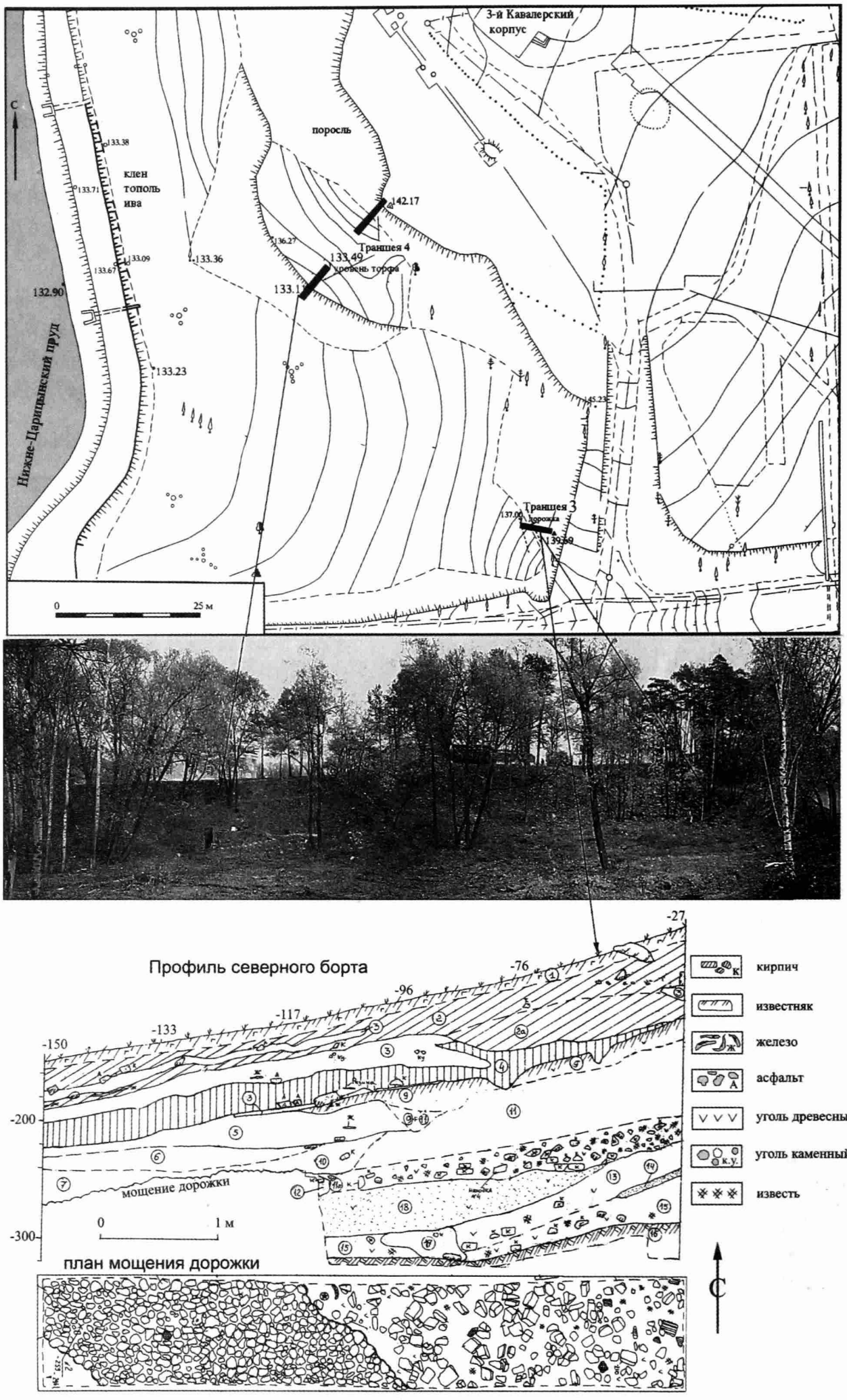

Рис. 137. План участка восточного берега Нижне-Царицынского пруда и траншеи 3 и 4 (вверху); фото берега, вид с запада (в центре); профиль северного борта траншеи 3

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

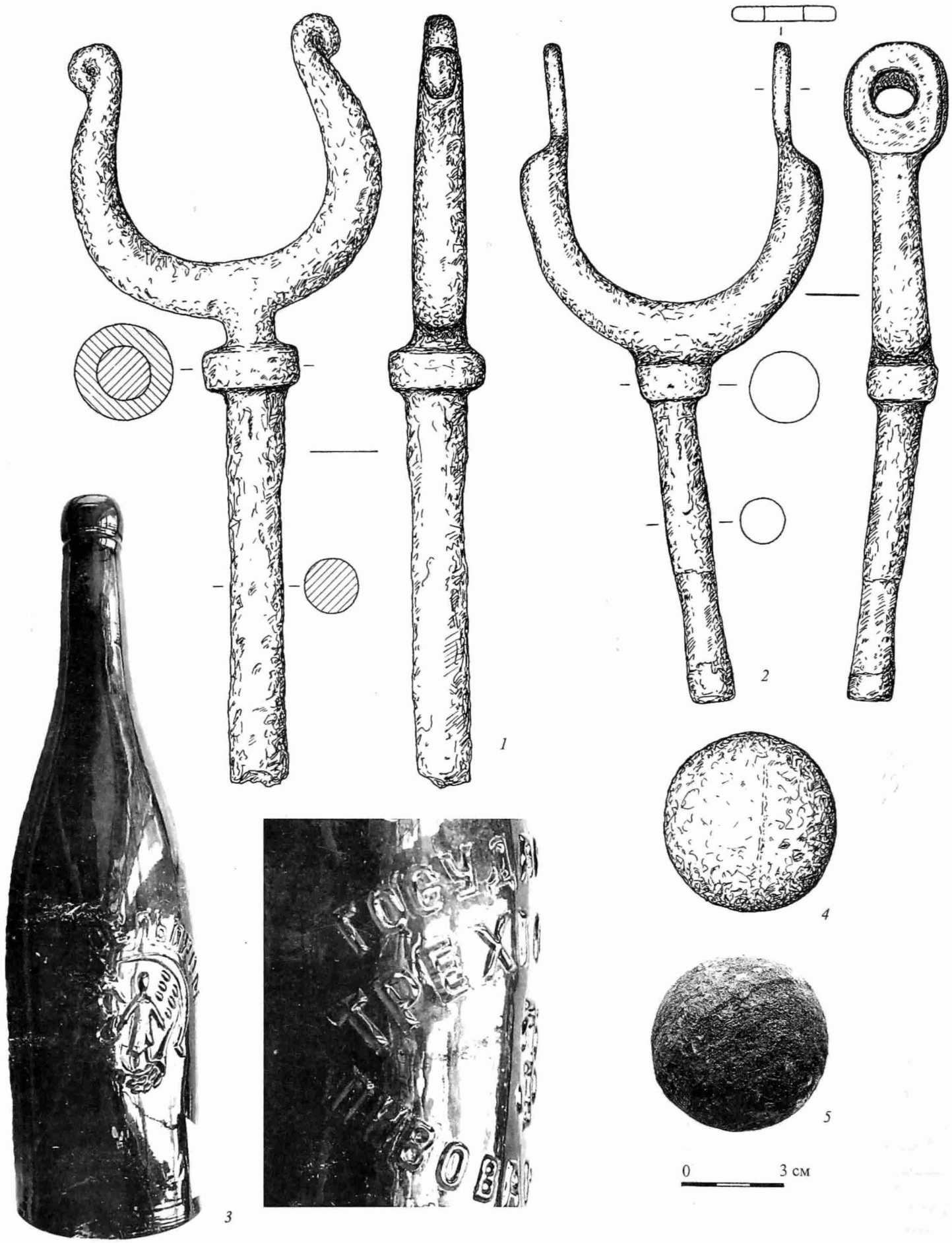

Рис. 138. Находки из шурфов на берегах Царицынских прудов

1, 2 — железные уключины; *3* — стеклянная бутылка московского трехгорного пива 1920-х годов; *4, 5* — железные пушечные ядра

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Литература

Александровский А.Л., 2004. Результаты комплексных исследований методами почвоведения и палеогеографии на территории музея-заповедника «Царицыно»: Приложение к отчету Н.А. Кренке по археологическим исследованиям в Царицыно // Архив ИА РАН.

Александровский А.Л., 2005. Результаты комплексных исследований методами почвоведения и палеогеографии на территории музея-заповедника «Царицыно»: Приложение к отчету Н.А. Кренке по археологическим исследованиям в Царицыно // Архив ИА РАН.

Александровский А.Л., Гласко М.П., 1987. Отчет по договору № 1 с Дирекцией охранной зоны заповедника «Коломенское» о проведении почвенно-геоморфологического изучения территории заповедника Коломенское. 28 с.; 12 илл. // Фонды Музея-заповедника Коломенское.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З., 1989. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем // Памятниковедение: Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. М. Вып. 1.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., 1993. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. Вып. 208. С. 20–31.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., 2005. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. № 4.

Антропологическая выставка. М., 1878. Т. 2.

Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века: Собрание Эрмитажа: Научный каталог. Л., 1981.

Архитектурный архив. М., 1946. Вып. 1. С. 103–108.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.

Арциховский А.В., 1947. Царицынские курганы: Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л. № 7.

Бадер О.Н., 1947. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // МИА. № 7.

Бадер О.Н., 1963. Балановский могильник. М.

Бадер О.Н., 1970. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.

Байбурова Р.М., 1993а. История Царицыно, бывшей Черной Грязи, в XVII–XVIII вв. (до приобретения ее Екатериной Второй в 1775 году) // Царицынский научный вестник. Вып. 1. С. 8–55.

Байбурова Р.М., 1993б. Новопостроенный деревянный дом 1745 г. в Царицыне, бывшей Черной Грязи // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. М. С. 426–434.

Байбурова Р.М., 2000. Черная Грязь — Богородское — Царицыно // Памятники отечества. № 1/2 (45/46). С. 16–26.

Баранова А.А., 1993а. «Валуевский дом» в Царицыне // Царицынский научный вестник. Вып. 1. С. 165–197.

Баранова А.А., 1993б. Документальные источники по истории Царицына // Царицынский научный вестник. Вып. 1. С. 8–55.

Баранова А.А., 1997. Царицыно в начале XIX века // Царские и Императорские дворцы: Старая Москва. М. С. 161–166.

Баранова А.А., 1999. Замечания по списку памятников Архитектурно-паркового ансамбля «Царицыно», предложенных в базу данных ГИВЦ РФ «Памятник» // Царицынский научный вестник. С. 97–138.

Баранова А.А., 2000. Царицыно начала XIX в.: новый образ // Памятники Отечества. № 1/2 (45/46). С. 88–95.

Баранова А.А., Галашевич А.А., 1993. Церковь Живоносного Источника в усадьбе «Царицыно» // Царицынский научный вестник. Вып. 1. С. 137–164.

Беленькая Д.А., 1976.. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. № 4.

Беляев Л.А., 1991. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.

Беляев Л.А., 1995. Древности Данилова монастыря //Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.

Беляев Л.А., 2004. Средневековые древности Москвы и Коломенского: Опыт сравнительного анализа // Коломенское: Материалы и исследования. М.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Беляев Л.А., 2005. От Ивана III к Петру Великому: «московская культурная модель» в эпоху ранней глобализации: (архитектурно-археологическая версия) //ВИЛИ. Т. 1.

Беляев Л.А., 2008. Новое в археологии Москвы: раскопки и культурно-исторические проблемы // ВИЛИ. Т. V.

Беляев Л.А., Кренке Н.А., 2005. Деревянный дворец конца XVII века в Коломенском: опыт археологической локализации // РА. № 4.

Бобачев А.А, Горбунов А.А., Зайцев Д.В., Модин И.Н., Кац А.Я., Пелевин А.Т., Соколов С.Б., 2006. Комплексные геофизические исследования на Знаменском городище: Тез. докл. Второй международной научно-практической конференции «Инженерная геофизика-2006». Геленджик, 2006. 17–22 апреля.

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV — начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.

Бойцов И.А., Гунова В.С., Кренке Н.А., 1993. Ландшафты средневековой Москвы: археолого-палинологические исследования // Изв. АН. Сер. геогр. № 4.

Василий Иванович Баженов: Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы / Сост. Герчук. М., 2001.

Векслер А.Г., Пирогов В.Ю., 2002. Археологические исследования в Лефортовском парке // Русская усадьба. М. Вып. 8. С. 290–299.

Величко А.А., 1973. Основные особенности реликтовой криогенной морфоскульптуры и общие принципы ее картирования // Палеокриология в четвертичной стратиграфии и палеогеографии. М. С. 121–134.

Величко А.А., Морозова Т.Д., Нечаев В.П. Порожнякова О.М., 1996. Палеокриогенез, почвенный покров и земледелие. М.

Величко А.А., Зеликсон Э.М., Морозова Т.Д., Нечаев В.П., Порожнякова О.М., Чичагова О.А., 1997. Палеогеографические условия атлантического периода голоцена центра Русской равнины (по данным изучения ископаемых почв) // Докл. АН. Т. 355, № 4. С. 540–543.

Вергунов А.П., Горохов В.А., 2007. Садово-парковое искусство России. М.

Веселовский С.Б., 1962. Подмосковье // Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков. М.

Вознесенська Г.О., Недопако Д.П., Паньков С.В., 1996. Чорна металургія та металлообробка населення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі. Київ.

Волков И.В., Новикова Г.Л., 1996. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.

Воскресенский А., 1976. Археологическое исследование усадьбы Царицыно. (Моспроект-3, Мастерская № 7) // Архив ИА РАН. Р-1. № 5828.

Гадзяцкая О.С., 1976. Памятники фатьяновской культуры: Ивановско-Горьковская группа. М.

Глазунов В.В., 1978. Опыт выявления детального плана постройки методом электроразведки // КСИА. Вып. 152.

Горбатенко С., 2006. Архитектура Стрельны. СПб.

Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А., 1996. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. № 4.

Гурина Н.И., 1963. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье //МИА. № 110.

Дневник Камер-юнкера Берхгольца. М., 1857.

Докучаева О.В., 1993. Эмоционально-смысловой аспект восприятия пейзажного парка «Царицыно» // Царицынский научный вестник. Вып. 1. С. 198–221.

Докучаева О.В., Баранова А.А., 2005. Пейзажный парк: Создание и расцвет // Музей-заповедник «Царицыно»: Дворцовый ансамбль. Парк. Коллекции. М.

Древняя Русь: Город. Замок. Село. М., 1985. (Археология СССР.)

Дутлова Е.Ю., Никонов П.Н., 2007. Земля города Москвы в контексте отечественной и мировой истории. М.

Енуков В.В., 1987. Курганы в селе Беседы // СА, 1987. № 3.

Забелин И.Е., 1873. Кунцево и древний Сетунский стан. М.

Забелин И.Е., 1873а. Сведения о Московских и подмосковных садах XVIII–XIX столетий. Сад в селе Царицыне // Опыты изучения русских древностей и истории. М. Ч. 2. С. 345–350.

Забелин И.Е., 1995. История города Москвы. М.

Згура В.В., 1925. Царицыно // Подмосковные музеи. М.; Л. Вып. 6. С. 7–36.

Иванчин-Писарев Н.Д., 1843. Прогулки по древнему Коломенскому уезду. М.

Иващенко Ю.Ф., 1989. Отчет о работе археологической экспедиции ГМДПИ народов СССР в 1988 г.: (территория усадьбы Царицыно в Москве) // Архив ИА РАН. Р-1. № 12855.

Иващенко Ю.Ф., 1990. Отчет о работе археологической экспедиции ГМДПИ народов СССР в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1989 г. на территория ансамбля Царицыно. Т. I, II. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13646, 13647.

Иващенко Ю.Ф., 1993а. К истории археологического изучения Царицына // Царицынский научный вестник. Вып. 1.

Иващенко Ю.Ф., 1993б. Отчет об археологическом исследовании в Царицыно в 1990–1992 гг. Т. I // Архив ИА РАН. Р-1. № 17419.

Инструкция по электроразведке. Л., 1984.

Кац М.Я., Пелевин А.Т., Модин И.Н., 2005. Геофизические исследования на Куликовом поле // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М. (Тр. ГИМ; Вып. 150).

Киреевский И.В., 1984. Царицынская ночь // Марьина роща: Сб. М.

Киселев И., 1986. Методические рекомендации: Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальной характеристике. М.

Климанов В.А., 1994. Изменение климата на территории Восточной Европы в голоцене // Палеогеографическая основа современных ландшафтов / Ред. А.А. Величко, Л. Старкель. М. С. 150–152.

Климанов В.А., 1996. Климат Северной Евразии в позднеледниковье и голоцене: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М.

Коваль В.В., 1999. Позднесредневековая глазурованная керамика с мраморовидной росписью // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.

Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.

Козенкова В.И., 1977. Кобанская культура: Восточный вариант М. (САИ; Вып. В2-5).

Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен: Западный вариант. М. (САИ; Вып. В2-5).

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65.

Крайнов Д.А., 1963. Памятники фатьяновской культуры: Московская группа. М.

Крайнов Д.А., 1987. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Кренке Н.А., 1986. Вал Дьякова городища // КСИА. Вып. 186.

Кренке Н.А., 1992. Селище Дьяково-пойма — древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // Коломенское: материалы и исследования. М. Вып. 3.

Кренке Н.А., 1995. «Чертов городок» — селище железного века в окрестностях с. Коломенское // РА. № 3.

Кренке Н.А., 2003. Отчет об археологических исследованиях на терриории заповедника «Царицыно» в 2003 г. // Архив ИА РАН.

Кренке Н.А., 2004а. Археологическая карта Коломенского в древнерусский период // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М. Т. 1.

Кренке Н.А., 2004б. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М. Т. 1.

Кренке Н.А., 2004в. Древнерусские памятники в долине р. Неглинной: «ландшафтная» гипотеза землепользования и данные раскопок // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М. Т. 1.

Кренке Н.А., 2004г. Каталог памятников археологии X–XIII вв. на территории г. Москвы // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М. Т. 1.

Кренке Н.А., 2004д. Система поселений и землепользования в долине р. Язвенки в XII–XIII вв. (по данным исследования парка «Царицыно») // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М. Т. 1.

Кренке Н.А., 2005а. «Взлет на холмы»: Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М. Т. 3.

Кренке Н.А., 2005б. Отчет об охранных археологических работах по исследованию культурного слоя на территории музея-заповедника «Царицыно» в 2005 г. Т. 2 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1.

Кренке Н.А., 2007. Формирование культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки от бронзового века к средневековью // РА. № 1.

Кренке Н.А., Александровский А.Л., Нефедов В.С., 2005. Разведки и раскопки на территории заповедника «Царицыно» в Москве // АО 2004 г. М.

Кренке Н.А. и др., 2007. Работы возле Большого дворца и в парке «Царицыно» // АО 2005 г. М.

Кренке Н.А., Лазукин А.В., 2006. Отчет об археологических исследованиях на поселении РАНИС-пойма в Одинцовском районе Московской области в 2006 г. // Архив ИА РАН.

Кренке Н.А., Лазукин А.В., Алексеев А.В., Ершов И.Н., Кравцов А.Е., Леонова Е.В., 2008. Поселение фатьяновской культуры РАНИС-пойма // Археология Подмосковья. М. Вып. 4.

Кренке Н.А., Молошникова М.А., Рыбина Л.А.,. Спиридонова Е.А., 2009. Оранжерея и сад графов Орловых на бывшем Романовом дворе // Памятники культуры: Новые открытия. 2005 г. М.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д., 2006. Хронология городищ «дьякова типа» в бассейне Москыреки в свете результатов радиоуглеродного датирования // РА. № 2.

Кренке Н.А., Тавлинцева Е.Ю., 2002. Литейные формы с Дьякова городища // РА. № 4.

Латышева Г.П., 1954. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.

Лебедева Е.Ю., 2005. Культурные растения Ростиславля: археоботанические материалы из дьяковского городища и древнерусского города // Археология и естественнонаучные методы. М. С. 159–180.

Левшин В.А., 1795. Всеобщее и полное домоводство. М. Ч. 8.

Левшин В.А., 1805–1808. Садоводство полное. М. Ч. I.

Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.

Лихачева Э.А., 1997. Ландшафтно-геоморфологические районы // Москва: Геология и город / Ред. В.И. Осипов, О.П. Медведев. М. С. 12–20.

Макаров Н.А., 1990. Население русского Севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. М.

Мальм В.А., Фехнер М.В., 1967. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 43.)

Маслих С.А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.

Мильков В.В., 1985. Отчет о проведении археологических изысканий в архитектурно-парковом ансамбле Царицыно в 1985 году // Архив ГМЗ «Царицыно».

Минеева К.И., 1985. Обоснование историко-архитектурного опорного плана дворцово-паркового ансамбля Царицыно // ГМЗ «Царицыно». КП-2143/3, АР-4.

Минасян Р.С., 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // Археологический сборник. Л. Вып. 21.

Минеева К.И., 1988. Царицыно: Дворцово-парковый ансамбль. М.

Михайлов А.И., 1951. Баженов. М.

Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.

Музей-заповедник Царицыно: Дворцовый ансамбль. Парк: Коллекции / Отв. редактор О.В. Докучаева. М., 2005.

Недошивина Н.Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 43.)

Недошивина Н.Г., 1974. Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Недошивина Н.Г., 1997. Древнерусские амулеты в виде миниатюрных предметов быта и их роль в погребальном обряде // Археологический сборник: Погребальный обряд. М. (Тр. ГИМ; Вып. 93.)

Нефёдова Е.С., 1993. Микротопонимы села Дьякова и его окрестностей // Коломенское: Материалы и исследования. М. Вып. 4.

Описание Московского уезда, с указанием в оном станов, волостей, урядов и селений / Сост. исправником Московского уезда В.П. Афанасьевым. М., 1884.

Памятник архитектуры конца XVIII в. Усадьба Царицыно: Большой дворец / Институт «Моспроект-3». Мастерская № 7. Технический проект (Дополнительные работы). М., 1977. Т. V: Археологические шурфы I-й очереди. (Архив ГИАХ и ЛМЗ Царицыно.)

Памятники архитектуры Москвы: Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII века. М., 1998.

Патрушев В.С., 1984. Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола.

Передольская А.А., 1933. Оскар Фердинандович Вальдгауэр // Вальдгауэр О.Ф. Этюды по истории античного портрета. Л.

Проект реставрации, приспособления и благоустройства зоны парка в границах отведенного участка 79 га памятника садово-паркового искусства архитектурного ансамбля «Царицыно». М. 1990. Т. III, кн. II: Комплексные научные исследования: Пояснительная записка.

Путеводитель по Царицыну / Издание Общества благоустройства дачной местности Царицыно. Б./м., 1913.

Пыляев М.И., 1990. Старая Москва. М.

Равдина Т.В., 1963. Царицынские курганы // СА. № 4.

Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.

Равдина Т.В., 1975. Хронология «вятических» древностей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Родічкін І., Родічкіна О., 2006. Старовинні маэтки Украіни. Київ.

Розенфельдт И.Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.

Рождественский С.В., 1913. Роспись земельных владений московского боярства 1647/8 года. М.

Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1893. Т. 4. Стб. 341–350, 413–445

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Романюк С.К., 1999. По землям московских сел и слобод. М. Ч. 2.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные украшения Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Седова М.В., 1997а. Суздаль в X–XV вв. М.

Седова М.В., 1997б. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь: Быт и культура. М. (Археология.)

Седых В.Н., 1998. Москва: город, река, границы // Проблемы археологии. СПб. Вып. 4.

Сергеев И.Н., 1995. Царицыно. М.

Сергеев И. Н., 1997. Загадки кирпичных клейм царицынских строений // Царские и императорские дворцы. М.

Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.

Смирнова Г.И., 2006. Западно-Подольская группа памятников в свете исследований к концу XX столетия // Древности скифской эпохи. М.

Соловей В.Д., 2005. Русская история: новое прочтение. М.

Степанов П.Д., 1958. О фатьяновских поселениях // СА. № 2.

Стоянов Г.С., 1936. Путеводитель по художественно-историческим усадебным памятникам: Ленино-дачное (бывшее Царицыно). М.

Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 43.)

Фоломеев Б.А., 1994. Шишкинское городище // Древности Оки. М. (Тр. ГИМ; Вып. 85.)

Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П., Гуман М.А., 1988. Климентовская стоянка // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М. (Тр. ГИМ; Вып. 68.)

Фоломеев Б.А., Сулержицкий Л.Д., 1993. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Йошкар-Ола. Вып. 1: Памятники с ниточно-рябчатой керамикой.

Frantов Г.С., Пинкевич А.А., 1966. Геофизика в археологии. Л.

Фролов М.В., 1984. Археологические исследования специалистов института «Спецпроектреставрация» в 1976–1980 гг. // Архитектурное наследие и реставрация. М.

Халиков А.Х., Халикова Е.А., 1963. Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. № 110.

Хворостова Е.Л., 2002. Керамические покрытия кровель XV–XVII вв. (Москва и Московская область) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. Вып. 4.

Холмогоровы В. и Г., 1892. Исторические материалы о церквах и селах ... XVI–XVIII веков. М. Вып. 8: Пехрянская десятина.

Царицыно: Архитектурный ансамбль. Парк. СПб., 2000.

Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон: Премудрая двоица. М., 2005.

Чернов С.З., 2008. Исторические ландшафты Измайлова: первые опыты натурных исследований // Коломенское: Материалы и исследования. М. Вып. 11.

Чичагова О.А., Александровский А.Л., Горячкин С.В., Ковда И.В., 2001. Радиоуглеродные исследования как основа оценки потоков углерода в системе «почва–атмосфера» // Изв. РАН. Сер. геогр. № 4. С. 1–7.

Шемшурина Е.Н., 1957. Царицыно. М.

Шишков А.В., 1992. Архитектурная интерпретация следов сооружений на селище Дьяково-пойма // Коломенское: материалы и исследования. М. Вып. 3.

Щербаков В.В., 2008. Расписные изразцы Троице-Сергиевской лавры XVIII в. (по материалам раскопок 2000–2002 годов) // Археология Подмосковья. М. Вып. 4.

Электроразведка / Под ред. проф. В.К. Хмелевского, доц. И.Н. Модина, доц. А.Г. Яковлева. М., 2005.

Эпельбаум Л.В., Хесин Б.Э., Иткис С.Е., 2006. Особенности геофизических исследований на археологических объектах Израиля // РА. № 1.

Юшко А.А., 2002. Феодальное землевладение Московской земли XIV в. М.

Якименко Б.Г., 2008. Суханово. М.

Aaby B., 1994. NAP percentages as an expression of cleared areas // Evaluation of land surfaces cleared from forest in the Roman Iron Age and the time of migration German tribes based on regional pollen diagrams / Ed. B. Frenzel. Stuttgart; Jena; New York.

Atkinson R.J.C., 1957. Worms and Weathering // Antiquity. 31.

Barker P., 1977. Techniques of Archaeological excavation. New York.

Beliaev L.A., 2007. Italian artists in the Moscow Rus' from the Late 15th to the Middle of the 16th century: Architectural Concepts of Early Orientalism in the Renaissance Period // L'artista a Bizancio e nel mondo cristiano-orientale: A cura di Michele Bacci. Pisa.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Benes A., 1989. Hosty: die sudbohemische frűh-bronzezeitliche Siedlung unter Teilnahme der karpatenlandischen Kulturen // Das Aneolitikum und die frűheste Bronzezeit in Mitteleuropa. Praha. (PRAEHISTORICA. XV.)

Calaresu M., 1999. Looking for Virgil's Tomb: the End of the Grand Tour and the Cosmopolitan Ideal in Europe // [Elsner J., Rubies J.-P., eds.], Voyages and Visions: Towards a Cultural History of Travel. London.

Kats M., Modin I., Gidaspov A., Sokolov S., Pelevin A., Belova G., Krol A., 2005. Integrated Geophysical Survey At The Kom Tuman Site. Ancient Memphis (Egypt): Proceedings of 6th International Conference on Archaeological Prospection. Rome. September 14–17.

Strong R., 2000. The Artist and the Garden. London.

Графические источники

«Геометрический специальный план Московского уезду Ратуева стану с принадлежащими к оному деревнями Хохловкою, Шандровою и деревни Ореховки... межевания учиненного в 1766 году августа 27 числа...» // РГАДА. Ф. 1239 (Дворцовое ведомство). Оп. 3. Д. 69342.

«План села Чёрной Грязи с принадлежащими к оному деревнями» (1775 г.) // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19682.

«Генеральный план центральной части усадьбы» (1781 г., сост. В.И. Баженовым) // РГИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 156. Л. 1.

«Генеральный план строению в селе Царицыне близ Москвы» (1786 г., сост. М.Ф. Казаковым) // ГНИМА. Р. 1-12293/4.

«Геометрический план селу Царицыну с около лежащею ситуациею» (конец XVIII в., сост. землемером поручиком Г. Наумовым) // РГИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 157.

«План Царицынскому саду со строениями при нем» (сост. между 1813 и 1816 гг.) // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19684. Л. 1(?).

«План Царицынскому саду» (сост. между 1813 и 1817 гг.) // ГНИМА. Фототека. № 5-22071.

«План Царицынского дворца с садомъ. Составлен по Высочайшему повелению офицерами свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части в 1816 году» // РГВИА. (Ф. ВУА. Д. 18684. Л. 2) Ф. 846. Оп. 16. Д. 19684. Л. 19 м.б.

«Генеральный план усадьбы «Царицыно» с парком, прудом и прилегающими землями» (первая треть XIX в.) // ГНИМА. Фототека. № 5-3257.

«План № II. Часть воздушного сада, парк, Царицынские пруды и оброчная статья № 216» (1915 г.) // ЦИАМ. Ф. 364 (фонд Управления Московского удельного округа). Оп. 21. Ед. хр. 450. Л. 2.

Архивные источники

РГАДА. Ф. 14 (Придворное ведомство, 1690–1804 гг.). Д. 51, ч. 5–7. Д. 243.

РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (р.-2 Боярские книги). Д. 12.

РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ, Московский стол). Ед. хр. № 1063.

РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 2, ч. 5. Д. 3574, 3604.

РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1 (Писцовые, Переписные, Межевые книги и т.д.), ч. 1. Д. 689; Ч. 2. Д. 9807, 9809; Оп. 2 (Отказные книги). Д. 9835, 9838, 9843, 9847, 9851; Оп. 832 (Опись Вотчинной Коллегии. Дела старых лет по городу Москве). Кн. 9918.

РГАДА. Ф. 1239 (Дворцовое ведомство). Оп. 1. Д. 302; Оп. 3. Д. 5552, 5557, 5562, 5563, 5566, 5570, 5571, 5574, 5575, 5586, 5587, 5594, 5607, 5615, 5616, 5622, 5633, 5685, 5712, 18228, 18657, 18673, 18680, 18684, 18685, 18702, 18711, 18724, 18729, 18742, 20524, 20536, 29488, 29566, 29594, 29603, 29668, 29702, 29926, 29939, 31392, 42217, 44929, 46872, 57669, 57951, 58005, 62114, 64991.

РГАДА. Ф. 1374 (фонд князей Кантемиров). Оп. 1. Д. 108, 110, 121, 142, 770.

ЦИАМ. Ф. 364 (фонд Управления Московского удельного округа). Оп. 1. Ед. хр. 450, 987, 7915, 9268, 9270, 9284, 9290, 9493, 12147, 12198, 13462.

ЦИАМ. Ф. 203 (фонд Московской духовной консистории). Оп. 753. Д. 1202.

ЦИАМ. Ф. 454 (фонд Московского археологического общества). Оп. 3. Д. 79.

РГБ. Отдел рукописей. Ф. 29 (фонд Беляева). Ед. хр. № 84 («Книга Сеунчей» 1654–1656 гг.).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Принятые сокращения

АО — Археологические открытия
ВИЛИ — Вестник истории, литературы, искусствоведения
ВУА — Военно-ученый архив
ГИАХ ЛМЗ — Государственный историко-художественный ландшафтный музей-заповедник
ГИВЦ РФ — Главный информационно-вычислительный центр Российской Федерации
ГМДПИ народов СССР — Государственный музей декоративно-прикладного искусства народов СССР
ГМЗ — Государственный музей-заповедник
ГИН — Геологический институт РАН
ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПИН — Палеонтологический институт РАН
РА — Российская археология
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека
РГВИА — Российский военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Сведения об авторах

Агеева Кира Евгеньевна — ИА РАН
Александрова Олеся Игоревна — ИА РАН
Александровский Александр Леонтьевич — ИГАН
Алешинская Анна Сергеевна — ИА РАН
Бакунова Татьяна Николаевна — ИА РАН
Беляев Леонид Андреевич — ИА РАН
Григорян Светлана Багратовна — ИА РАН
Ершов Иван Николаевич — ИА РАН
Капустин Владимир Викторович — МГУ
Ким Ольга Георгиевна — «Моспроект-2»
Козлова Анна Владимировна — НИИ природного и культурного наследия
Кочанова Мария Дмитриевна — ИА РАН
Кравцов Андрей Евгеньевич — ИА РАН
Кренке Николай Александрович — ИА РАН
Кудрявцев Борис Владиславович — Музей «Царицыно»
Лебедева Елена Юрьевна — ИА РАН
Леонова Елена Викторовна — ИА РАН
Медведев Павел Викторович † 2008 г.
Модин Игорь Николаевич — МГУ
Нефёдов Василий Сергеевич — ИА РАН
Полюлях Анатолий Александрович — Музей истории Москвы
Потапов Николай Николаевич
Русаков Павел Евгеньевич — ИА РАН
Сердюк Наталья Викторовна — ПИН
Смирнов Сергей Алексеевич — ИА РАН
Спиридонова Елена Александровна — ИА РАН
Шуляев Серафим Геннадьевич — ИА РАН

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Summary

The purpose of present publication is to regard the second stage of archaeological investigation of Tsaritsyno complex – the beginning of the excavations.

The general square of the excavated area was about 2500 m². With regard to the fact that the whole territory of the park and its nearest neighbourhood also touched in the course of investigations counts several hundreds hectares (there are dozens of archaeological monuments of different periods and numerous architectural objects there) the said dimension of the excavations doesn't strike imagination. However, the information value of the conducted works, especially in comparison with the results of the first trial stage of investigations, is of a very important nature.

Based on the results of archaeological excavations in Tsaritsyno accomplished by the end of the XXth century one may come to the following conclusions. The intense development and colonization of the river Yazvenka valley started in the XIIth century. Land-using system of the XIIth—XIIIth centuries was clarified for the upper stream of the river only. It has been supposed that the first settlements there could have been flooded or destroyed in the course of the pound's and park's system forming. Antiquities of so-called "Moscow period" of the XIVth—XVIIth centuries were found as a separate finds. Merely one middle-aged settlement (Orechovo 4) was discovered on the left bank of the river Yazvenka.

First steps in the development of the park's and palace archaeology in Tsaritsyno were made. Numerous completely or partly "archaeological" objects such as paved roads, grots, drainpipes and bridge foundations were located in the park. The remnants of the XVIIIth century buildings preceded the erection of the Bolshoy palace by M.F. Kazakov were located on the territory adjoining the palace. However, the general amount of excavations wasn't large enough to correlate the map data with the results of the archaeological excavations.

The second stage of the works conducted in Tsaritsyno in 2002—2008 years gave the following results.

1. Natural background and peculiarities of the surface, on which started from the end of the III^{d} millennium BC the human activity exerted a strong influence was clarified in the course of paleosoil and palynological investigations. The periods when Tsaritsyno area has already been populated were studied by the series of sections. Soil evidences together with the palynological results mark the intense human activity, the evolution of the half-opened and opened landscapes, the expansion of cultural herbs, weeds and indicator-species of the broken substrates. According to the palynological data (proportion of the grass and tree plants pollen in total composition), the degree of the landscape openness visibly raised to the end of the XV century not only in comparison with the first centuries AD but also in comparison with the XIIth—XIIIth centuries period. This statement comes into antagonism with archaeological data because the monuments of the XIIth—XIIIth centuries are represented by the larger number of settlements than the monuments of the XIVth—XVIth centuries. The explanation of this "antagonism" comes probably from the fact that all dividing lots with medieval settlements situated there have already been occupied by the city building that made the territory absolutely unapproachable for the archaeological investigations.

2. In the course of 2002—2008 years works was established that the studied area was populated and reclaimed in the Bronze and Iron Ages. Archaeological finds alongside with the results of radiocarbon dating give reason to tell about chronologically discrete nature of the reclamation of the territories in question that is: the turn of the III^{d} and the IInd millennium BS (Fat`yanovskaya culture), first half (middle) of the I$^{st}$ millennium BS (culture of textile pottery), first centuries AD (late D`yakovo culture). The discovery of the Fat`yanovo settlement (Tsaritsyno-1) – first in the Moscow region — could be referred to the most important scientific discoveries of late years. This monument being occupied for several times has a very long history. Approximately in the end of the first half of Ist millennium BS the defensive ditch was built there.

The layers of the first centuries AD on the settlements Shipilovo-1 and Tsaritsyno-1 safely dated by the pottery complexes, stuff finds and series of radiocarbon dating give reason to suggest the existence of the "inner colonization" of the territory. This settlements appeared on the distance of 5 and more kilometers from the nearest hill-forts D`yakovo and Kapotnya with whom they probably constituted the joint settled system. Palynological investigations

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

give reason to suggest that new-opened settlements situated in the recess of the river system were of the agricultural nature. At the same time in comparison with the hill-forts they have certain differences. For example the concentration of seeds in the cultural layer of the settlements is below the same marks of the hill-forts collection of the finds has a very specific nature. On the settlement Tsaritsyno-1 the ceramics collection of which is equal to more than 2 000 shreds of the late D'yakovo pottery there are no decorations and clay works there.

The study of the Bronze and Iron Ages monuments in Tsaritsyno is in the very beginning. The system of reclamation of the territory in the Bronze Age is completely unclear. The systematical search of the new monuments and separate finds together with the continuation of the excavations of the settlement Tsaritsyno-1 for the purpose of discovery of the undestroyed unredeposited objects capable of radiocarbon dating is needed.

3. Old-Russian time materials of the XIIth—XIIIth centuries have been studied with the most possible carefulness. The whole settled system (15 monuments) has been found out in its complete shape in the basin of the river Yazvenka and in the lower stream of the river Gorodenka. Regularity in relationship of the settlements and burial mounds that had been established found its confirmation owing to the newly discovered materials. It was possible to connect almost all known burial mounds with the suitable settlements situated on the distance not more than several hundreds meters from the barrows. All settlements turned to be of a small square: as a rule, it didn't exceed 2 000 m^2.

The traces of economic activity proved by the separate pottery finds were observed in the river bed of the valley. The center of the iron-making production (settlement Tsaritsyno-3) has been found and also the existence of the local potters tradition marked by the particular decoration covered the pot's walls has been established.

The investigation of the space located between the barrows on the burial mound Tsaritsyno-2 by the archaeological and geophysical methods didn't discover any traces of inhumations there.

The examination of the stuff collection from the late excavations and from the excavations conducted in the XIXth century showed that the development of the valleys Gorodenka—Yazvenka started in the first halve of the XIIth century. These collections alongside with the typical moscow "vyatichevsky" outfit belonging to the early and advanced stages consist also of the quite rare finds from the genealogical point of view more typical for the neighbouring regions (gold-glass beads, beast-headed bracelets). It is important to mention the complete absences of the glass bracelets – temporal marker of the old-russian monuments of the XIIIth century—in the materials from Tsaritsyno.

4. In the XIIIth century the structure of land-using is exposed to the strong transformation; the number of the settlements in the valley is on the decrease; the burial mounds existence is stopped. The materials of the early-moscow time of the XIVth century are presented by a very small quantity of finds. Two settlements and separate finds of the XVth—XVIth centuries have been discovered. They consisted of the typical pottery complexes of the moscow fabrication dated by the middle of the XVIth century. This date very well corresponds with the facts from the written sources for the 1589 year maintained that there were only wastelands on the studied territory at that time.

5. Excavations in the central part of the mansion gave an option of detailed description of the stratigraphy of the cultural layers of the XVIIth—XXth centuries. Temporary narrow periods connected with the building works on the territory of the Kantemir's mansion and the following construction of the palaces by V.I. Bajenov and M.F. Kazakov has been marked.

6. Archaeological investigation of the foundations of the demolished buildings (master-builder – V.I. Bajenov) has been conducted using ground-penetrating radar survey that proved its efficiency. The foundation of the "House of majordomo" opened throughout the preserved square has been investigated to the fullest extant. In the course of this works it managed to localize the basement of the palace built for the Catherine the Great grandchildren and read a riddle of the stone drainpipe that as it turned up had been erected for the greenhouse the place of which in the following plan was occupied by the "Grandchildren Palace".

7. Excavations in the park despite their modest size displayed the differences in the construction of the roads of the XVIIIth century (paved by the halves of the bricks) and the beginning of the XIXth century (consisted of the small brick and white stone scrap). Investigations of the riverside parts of the pound gave the solid stratigraphical ranging mark for the future determination of the situation of the riverside line of the XIXth and especially XXth centuries. A good deal of the park's pavilions and other buildings marked on the plans of the XIXth century and enumerated in the garden's catalogues are still archaeologically unexplored. The future excavations of the park and garden objects, according to our reckoning, and taking into consideration the consistency and length of the colonization process of the river Yazvenka valley should result in the discovery of the human activity traces of the earlier periods.

Translated by *Svetlana Grigoryan*

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Contents

Introduction (N.A. Krenke) 7
Archaeology of the parks and palaces: contribution into the civilizational self-determination (L.A. Belyaev) 12

Part I

Historical landscape of the park Tsaritsyno

Formation of the cultural landscape in the territory of the park Tsaritsyno according to the palinological data (E.A. Spiridonova, A.S. Alyoshinskaya, M.D. Kochanova) 19
History of soils and landscapes in the Tsaritsyno park (A.L. Alexandrovskiy) 27

Part II

Tsaritsyno antiquities: from the Bronze Age to the Middle Ages

Settlement Tsaritsyno-1 ("Ceres temple") (N.A. Krenke, K.E. Ageeva, S.B. Grigoryan, I.N. Ershov, A.E. Kravtsov, E.V. Leonova) 49
Appendix 1. Results of the archeobotanical analysis of the samples from the settlement "Ceres temple" (E.Y.Lebedeva) 72
Appendix 2. Conclusion about osteological finds from the bronze and iron age settlement next to the rotunda "Ceres temple" (N.V. Serdyuk) 76
Appendix 3. Geophysical investigations on the settlement Tsaritsyno-1 (I.N. Modin) 77
Old Russian settlements on the Verchne-Tsaritsyno, Shipilovo and Borisovo pounds (N.A. Krenke, T.N. Bakunova, V.S. Nefyodov, P.E. Rusakov) 81
Old Russian settlement Tsaritsyno-3 (V.S. Nefyodov, N.A. Krenke) 93
Investigation of the barrow group Tsaritsyno-2 (A.V. Kozlova, N.A. Krenke, I.N. Modin, S.G. Shulyaev) 101
Collection of the finds from the excavations of the Tsaritsyno barrows, treasured up in Hermitage (O.I. Alexandrova) 107

Part III

Archaeology of the park and mansion-house

Tsaritsyno and its neighbourhood in the XVI–XX cc. (B.V. Kudryavtsev) 119
Stages of the planning development of the central part of the mansion-house and history of its archaeological investigations (S.A. Smirnov) 136
Regular park by the "earth pyramid" in Tsaritsyno (O.G. Kim) 156
Excavations of the "earth pyramid" (N.A. Krenke, V.S. Nefyodov) 161
Buildings and cultural layer of the end of the XVII–XVIII c. by the south front of the "Bolshoy palace" (V.S. Nefyodov) 168

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Investigations of the cellars of the Kantemir's mansion-house
(P.V. Medvedev, I.N. Ershov, N. A. Krenke, A.A. Polyulyakh, N.N. Potapov, P.E. Rusakov) 175
Appendix. Ribbon made of the silver threads (I.I. yolkina) 180
Basements of the Bajenov's buildings ("Grandchildren's palace", "Kitchen house", "House of majordomo")
(I.N. Ershov, N.A. Krenke, P.E. Rusakov) 182
Appendix. The use of ground-penetrating radar survey on the area of "House of majordomo"
in Tsaritsyno (V.V. Kapustin) 187
Drainage constructions of the XVIII—XIX cc. that were used in buildings and in the Tsaritsyno park
(N.A. Krenke, V.S. Nefyodov, P. E. Rusakov) 189
Tsaritsyno pounds in the light of archaeological investigations (N.A. Krenke, E.V. Leonova,
V.S. Nefyodov, O.I. Aleksandrova) 193
Conclusion 203
Illustrations 207
Bibliography 348
List of abbreviations 354
About the authors 355
Summary 356

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Археология парка Царицыно
По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг.

Научное издание
Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакторы *М.М. Леренман*
И.В. Клюшкина

Подписано в печать 22.12.2008 г. Формат 60×84/8.
Усл.печ.л 45 + вкл. 2,5. Тираж 500 экз. Зак. №

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-073

9 785943 750731

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
121069, Москва, ул. Поварская, 30-36
т. (495) 691-03-54 e-mail: probel-2000@mail.ru

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib